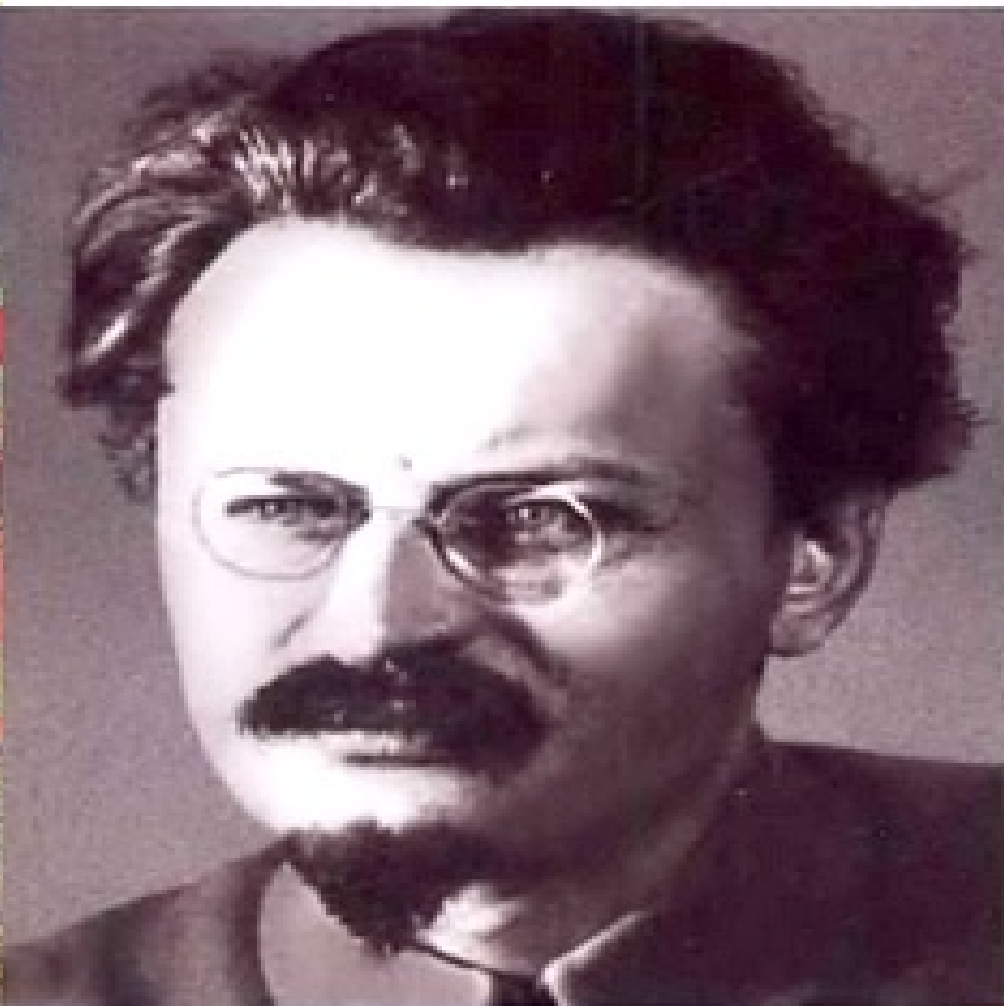

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

Георгий
Чернябский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

О Льве Троцком, вечном бунтаре, одержимом идеей мировой революции, неистовом враге Сталина, фанатичном строителе новой Вавилонской башни — Коммунистического интернационала, существует огромная литература, но всего двух цветов — черного или белого. Георгий Чернявский, профессор, доктор исторических наук, впервые предпринял попытку объективного жизнеописания этой мятежной фигуры: от юношеских марксистских колебаний, митингующей молодости, ссылок и побегов, зарубежной революционной выучки среди анархистов, меньшевиков и большевиков — до второго после Ленина вождя молодого пролетарского государства, жесткого наркомвоенмора, яростного дискутера, высланного из страны оппозиционера, скитальца по странам и континентам, погибшего в Мексике от руки агента своего главного врага. В книге Троцкий представлен в многокрасочной палитре. Борец-практик и кабинетный теоретик, нежный муж и герой всевозможных любовных афер, деспот и человек безоглядных страстей, щеголь и гневный обличитель буржуазных уютов, но всегда, по его словам, — большевик-ленинец. Лев Троцкий, полагает автор, остался в истории последним великим коммунистом-утопистом. Книга содержит много новых, неизвестных материалов из архивных фондов России, Украины, США, Мексики и других стран.

- [Георгий Чернявский](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЛЕВ ТРОЦКИЙ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Детские годы](#)
 - [Политический сад Швиговского](#)
 - [Рабочая организация в Николаеве](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Скитания по тюрьмам](#)
 - [Усть-Кут и Верхолениск. «Восточное обозрение»](#)
 - [Побег и эмиграция](#)
 - [Глава 3](#)

- [Ленинский адепт](#)
 - [На Втором съезде российских социал-демократов](#)
 - [Меньшевизм и отход от него](#)
- [Глава 4](#)
 - [Начало революции и возвращение в Россию](#)
 - [Член Петербургского совета](#)
 - [Во главе Совета. Арест](#)
- [Глава 5](#)
 - [Первичное формирование концепции](#)
- [Глава 6](#)
 - [«Кресты» и Петропавловка](#)
 - [Лидер Совета на суде](#)
 - [Ссылка и новый побег](#)
- [Глава 7](#)
 - [На Пятом съезде РСДРП](#)
 - [Германия и Австрия](#)
 - [Международные миссии. Софийский съезд](#)
- [Глава 8](#)
 - [Газета Троцкого](#)
 - [Попытка создания межфракционного объединения](#)
 - [Ленин и Троцкий: взлет враждебности](#)
- [Глава 9](#)
 - [Сотрудничество в либеральной прессе](#)
 - [Командировка на Балканы: основные историко-политические оценки](#)
 - [Военный и международно-политический корреспондент](#)
- [Глава 10](#)
 - [Циммервальдское движение](#)
 - [«Голос» и «Наше слово»](#)
 - [Месяцы за океаном](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Новое возвращение в Россию. Межрайонная группа](#)
 - [Сближение с большевиками](#)
 - [Снова «Кресты»](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Превращение в образцового большевика](#)
 - [Организатор Октябрьского переворота](#)

- [Второй съезд Советов и захват государственной власти](#)
- [Глава 3](#)
 - [Формирование новой власти](#)
 - [Становление наркомата](#)
 - [Первые международные контакты](#)
- [Глава 4](#)
 - [Начало переговоров](#)
 - [Троцкий в Бресте](#)
 - [Партийно-политический кризис и его итоги](#)
- [Глава 5](#)
 - [Новое поприще](#)
 - [Становление армии и военные специалисты](#)
 - [Поезд наркома](#)
- [Глава 6](#)
 - [Свияжск и Царицын](#)
 - [Восьмой партсъезд](#)
 - [Против белых генералов и Польши](#)
- [Глава 7](#)
 - [Правительственные и партийные дела](#)
 - [Коммунистический интернационал](#)
 - [В кругу семьи и вне ее](#)
- [Глава 8](#)
 - [Еретическое предложение и его неудача](#)
 - [Курс на трудовое принуждение](#)
 - [Профсоюзная дискуссия](#)
- [Глава 9](#)
 - [Подавление восстания в «крепости революции» и крестьянских бунтов](#)
 - [Начало отказа от «военного коммунизма»](#)
 - [Армейские и политические дела](#)
- [Глава 10](#)
 - [Болезнь Ленина и его «завещание»](#)
 - [Перед партсъездом](#)
 - [На Двенадцатом съезде](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Фиктивная оппозиция](#)
 - [«Новый курс» и культурно-политические схватки](#)

- Зарождение международной оппозиции и неудавшаяся германская революция
- Глава 2
 - Относительно мирное интермеццо
 - «Уроки Октября» и «литературная дискуссия»
 - Смещение с правительственного поста и «социализм в одной стране»
- Глава 3
 - Развитие СССР и концепция перманентной революции
 - Вопросы духовной культуры
 - Куда идут Англия и другие страны?
- Глава 4
 - Интрига с книгой Макса Истмена
 - Нащупывание контактов
 - Первые совместные выступления
- Глава 5
 - Июльский пленум и «дело Лашевича»
 - На пути к оппозиционной платформе
 - Попытки смягчить разногласия и их неудача
- Глава 6
 - Позиция по китайскому вопросу
 - «Заявление 83-х»
 - Июльско-августовский пленум ЦК и оппозиционная общеполитическая платформа
- Глава 7
 - Подполье и изгнание из ЦК
 - Выход на улицы и исключение из ВКП(б)
 - Пятнадцатый съезд и начало раскола оппозиции
- Глава 8
 - Изгнание из Москвы
 - Устройство в Алма-Ате. Налаживание связей
 - Троцкий — Раковский: письма из ссылки в ссылку
- Глава 9
 - Попытка выработки согласованных позиций
 - «Левый поворот» Сталина и Троцкий
 - VI конгресс Коминтерна. Критика его программы

- [Глава 10](#)
 - [Усиление репрессий и расхождений](#)
 - [Кампания покаяний и изоляция](#)
 - [Поезд в Одессу. Пароход в Турцию](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Обустройство в окрестностях Стамбула](#)
 - [Литературная деятельность](#)
 - [Политические контакты с соотечественниками](#)
 - [Глава 2](#)
 - [На Европейском континенте](#)
 - [За океаном](#)
 - [На Востоке](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Исторические труды и Сталин как персонаж](#)
 - [Лишение гражданства и новая семейная трагедия](#)
 - [Анализ современных проблем](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Первые организационные усилия](#)
 - [Первая международная встреча и Интернациональный секретариат](#)
 - [Копенгаген и вторая предварительная конференция](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Новый стратегический курс](#)
 - [Скитания по Франции и новая семейная трагедия](#)
 - [Норвежское затворничество](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Новые черты в анализе советской действительности](#)
 - [Международные контакты, «французский поворот» и его неудача](#)
 - [Начало разоблачения «большого террора»](#)
 - [Глава 7](#)
 - [К заокеанскому берегу](#)
 - [В кругу друзей и соперников](#)
 - [Создание IV Интернационала](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Контрпроцесс в Койоакане](#)
 - [Троцкий и отступники из НКВД](#)
 - [Гибель Льва Седова](#)

- [Глава 9](#)
 - [На пути к книге о Сталине](#)
 - [Неоконченный двухтомник](#)
 - [Сталин в последних статьях Троцкого](#)
- [Глава 10](#)
 - [«Утка» и «Конь»](#)
 - [Нападение и его последствия](#)
 - [Расправа](#)
- [НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛОВ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. Д. ТРОЦКОГО](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)

- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)

- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)

- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)

- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)

- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)

- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)

- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)

- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)

- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)

- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)

- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)

- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)

- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)

- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)

- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)

- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)

- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)

- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)

- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)

- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)

- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)

- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)

- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)

- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)

- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)
- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)

- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)
- [1107](#)
- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)
- [1116](#)
- [1117](#)

- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)
- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)
- [1130](#)
- [1131](#)
- [1132](#)
- [1133](#)
- [1134](#)
- [1135](#)
- [1136](#)
- [1137](#)
- [1138](#)
- [1139](#)
- [1140](#)
- [1141](#)
- [1142](#)
- [1143](#)
- [1144](#)
- [1145](#)
- [1146](#)
- [1147](#)
- [1148](#)
- [1149](#)
- [1150](#)
- [1151](#)
- [1152](#)
- [1153](#)
- [1154](#)
- [1155](#)
- [1156](#)

- [1157](#)
- [1158](#)
- [1159](#)
- [1160](#)
- [1161](#)
- [1162](#)
- [1163](#)
- [1164](#)
- [1165](#)
- [1166](#)
- [1167](#)
- [1168](#)
- [1169](#)
- [1170](#)
- [1171](#)
- [1172](#)
- [1173](#)
- [1174](#)
- [1175](#)
- [1176](#)
- [1177](#)
- [1178](#)
- [1179](#)
- [1180](#)
- [1181](#)
- [1182](#)
- [1183](#)
- [1184](#)
- [1185](#)
- [1186](#)
- [1187](#)
- [1188](#)
- [1189](#)
- [1190](#)
- [1191](#)
- [1192](#)
- [1193](#)
- [1194](#)
- [1195](#)

- [1196](#)
- [1197](#)
- [1198](#)
- [1199](#)
- [1200](#)
- [1201](#)
- [1202](#)
- [1203](#)
- [1204](#)
- [1205](#)
- [1206](#)
- [1207](#)
- [1208](#)
- [1209](#)
- [1210](#)
- [1211](#)
- [1212](#)
- [1213](#)
- [1214](#)
- [1215](#)
- [1216](#)
- [1217](#)
- [1218](#)
- [1219](#)
- [1220](#)
- [1221](#)
- [1222](#)
- [1223](#)
- [1224](#)
- [1225](#)
- [1226](#)
- [1227](#)
- [1228](#)
- [1229](#)
- [1230](#)
- [1231](#)
- [1232](#)
- [1233](#)
- [1234](#)

- [1235](#)
- [1236](#)
- [1237](#)
- [1238](#)
- [1239](#)
- [1240](#)
- [1241](#)
- [1242](#)
- [1243](#)
- [1244](#)
- [1245](#)
- [1246](#)
- [1247](#)
- [1248](#)
- [1249](#)
- [1250](#)
- [1251](#)
- [1252](#)
- [1253](#)
- [1254](#)
- [1255](#)
- [1256](#)
- [1257](#)
- [1258](#)
- [1259](#)
- [1260](#)
- [1261](#)
- [1262](#)
- [1263](#)
- [1264](#)
- [1265](#)
- [1266](#)
- [1267](#)
- [1268](#)
- [1269](#)
- [1270](#)
- [1271](#)
- [1272](#)
- [1273](#)

- [1274](#)
- [1275](#)
- [1276](#)
- [1277](#)
- [1278](#)
- [1279](#)
- [1280](#)
- [1281](#)
- [1282](#)
- [1283](#)
- [1284](#)
- [1285](#)
- [1286](#)
- [1287](#)
- [1288](#)
- [1289](#)
- [1290](#)
- [1291](#)
- [1292](#)
- [1293](#)
- [1294](#)
- [1295](#)
- [1296](#)
- [1297](#)
- [1298](#)
- [1299](#)
- [1300](#)
- [1301](#)
- [1302](#)
- [1303](#)
- [1304](#)
- [1305](#)
- [1306](#)
- [1307](#)
- [1308](#)
- [1309](#)
- [1310](#)
- [1311](#)
- [1312](#)

- [1313](#)
- [1314](#)
- [1315](#)
- [1316](#)
- [1317](#)
- [1318](#)
- [1319](#)
- [1320](#)
- [1321](#)
- [1322](#)
- [1323](#)
- [1324](#)
- [1325](#)
- [1326](#)
- [1327](#)
- [1328](#)
- [1329](#)
- [1330](#)
- [1331](#)
- [1332](#)
- [1333](#)
- [1334](#)
- [1335](#)
- [1336](#)
- [1337](#)
- [1338](#)
- [1339](#)
- [1340](#)
- [1341](#)
- [1342](#)
- [1343](#)
- [1344](#)
- [1345](#)
- [1346](#)
- [1347](#)
- [1348](#)
- [1349](#)
- [1350](#)
- [1351](#)

- [1352](#)
- [1353](#)
- [1354](#)
- [1355](#)
- [1356](#)
- [1357](#)
- [1358](#)
- [1359](#)
- [1360](#)
- [1361](#)
- [1362](#)
- [1363](#)
- [1364](#)
- [1365](#)
- [1366](#)
- [1367](#)
- [1368](#)
- [1369](#)
- [1370](#)
- [1371](#)
- [1372](#)
- [1373](#)
- [1374](#)
- [1375](#)
- [1376](#)
- [1377](#)
- [1378](#)
- [1379](#)
- [1380](#)
- [1381](#)
- [1382](#)
- [1383](#)
- [1384](#)
- [1385](#)
- [1386](#)
- [1387](#)
- [1388](#)
- [1389](#)
- [1390](#)

- [1391](#)
- [1392](#)
- [1393](#)
- [1394](#)
- [1395](#)
- [1396](#)
- [1397](#)
- [1398](#)
- [1399](#)
- [1400](#)
- [1401](#)
- [1402](#)
- [1403](#)
- [1404](#)
- [1405](#)
- [1406](#)
- [1407](#)
- [1408](#)
- [1409](#)
- [1410](#)
- [1411](#)
- [1412](#)
- [1413](#)
- [1414](#)
- [1415](#)
- [1416](#)
- [1417](#)
- [1418](#)
- [1419](#)
- [1420](#)
- [1421](#)
- [1422](#)
- [1423](#)
- [1424](#)
- [1425](#)
- [1426](#)
- [1427](#)
- [1428](#)
- [1429](#)

- [1430](#)
- [1431](#)
- [1432](#)
- [1433](#)
- [1434](#)
- [1435](#)
- [1436](#)
- [1437](#)
- [1438](#)
- [1439](#)
- [1440](#)
- [1441](#)
- [1442](#)
- [1443](#)
- [1444](#)
- [1445](#)
- [1446](#)
- [1447](#)
- [1448](#)
- [1449](#)
- [1450](#)
- [1451](#)
- [1452](#)
- [1453](#)
- [1454](#)
- [1455](#)
- [1456](#)
- [1457](#)
- [1458](#)
- [1459](#)
- [1460](#)
- [1461](#)
- [1462](#)
- [1463](#)
- [1464](#)
- [1465](#)
- [1466](#)
- [1467](#)
- [1468](#)

- [1469](#)
- [1470](#)
- [1471](#)
- [1472](#)
- [1473](#)
- [1474](#)
- [1475](#)
- [1476](#)
- [1477](#)
- [1478](#)
- [1479](#)
- [1480](#)
- [1481](#)
- [1482](#)
- [1483](#)
- [1484](#)
- [1485](#)
- [1486](#)
- [1487](#)
- [1488](#)
- [1489](#)
- [1490](#)
- [1491](#)
- [1492](#)
- [1493](#)
- [1494](#)
- [1495](#)
- [1496](#)
- [1497](#)
- [1498](#)
- [1499](#)
- [1500](#)
- [1501](#)
- [1502](#)
- [1503](#)
- [1504](#)
- [1505](#)
- [1506](#)
- [1507](#)

- [1508](#)
 - [1509](#)
 - [1510](#)
 - [1511](#)
 - [1512](#)
 - [1513](#)
 - [1514](#)
 - [1515](#)
 - [1516](#)
 - [1517](#)
 - [1518](#)
 - [1519](#)
 - [1520](#)
 - [1521](#)
 - [1522](#)
 - [1523](#)
 - [1524](#)
 - [1525](#)
 - [1526](#)
 - [1527](#)
 - [1528](#)
 - [1529](#)
 - [1530](#)
 - [1531](#)
 - [1532](#)
 - [1533](#)
 - [1534](#)
 - [1535](#)
 - [1536](#)
 - [1537](#)
 - [1538](#)
 - [1539](#)
 - [1540](#)
 - [1541](#)
 - [1542](#)
 - [1543](#)
 - [1544](#)
-

Георгий Чернявский
ЛЕВ ТРОЦКИЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1461

(1261)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для историка не требует доказательств тезис о том, что Лев Троцкий принадлежит к числу самых заметных политических фигур XX века. Он не является отцом-основателем или главой какого-либо нового государства, которых немало появилось на карте мира в XX столетии. Но в этом веке, богатом на самые радикальные идеологии, движения, войны и революции, Л. Д. Троцкий оставил весьма яркий след благодаря своей необычной судьбе, которая завершилась не только его изгнанием из Советского Союза и из Европы, но и убийством в Мексике 70 лет назад.

Книга Георгия Чернявского, которую читатель держит в руках, содержит обширное, интересное, хорошо изложенное и максимально объективное на сегодняшний день жизнеописание Льва Троцкого. Более объективное исследование значения и деятельности такой крупной, но крайне противоречивой исторической личности, как Троцкий, пока невозможно, на мой взгляд, просто потому, что у нас нет еще и вполне объективного, достоверного описания, оценки и анализа ни трех российских революций начала прошлого века, ни Гражданской войны 1918–1920 годов, ни всего советского периода российской истории. Мы продолжаем яростно спорить вокруг оценок таких более крупных исторических фигур, как Ленин и Сталин, без понимания истинного значения которых невозможно дать объективную оценку и Троцкому. Однако все это придет к нам не само собой, а только как результат кропотливой работы — в том числе и с архивами, примером чего может служить и книга Г. Чернявского.

Сам Л. Троцкий очень часто задумывался над тем, какой предстанет его фигура и деятельность на суде истории. Об этом думал, конечно, и Ленин, но с большей трезвостью.

Даже близкие к Троцкому люди нередко замечали не без упрека, что он все время смотрит на себя в «зеркало истории». Он также хотел помочь и

истории и историкам, тщательно документируя едва ли не каждый свой шаг, каждое решение, каждую встречу. Как правило, Троцкий не сжигал ни своих, ни чужих писем, которые не были предназначены для чужих глаз, хотя некоторые из них могут вызвать сегодня лишь чувство отторжения или даже отвращения.

Троцкий был единственным из советско-большевистских лидеров, кто издавал в 1918–1920 годах собственную газету «В пути», где большая часть материалов была написана им самим. Также и «Бюллетень оппозиции», который издавался в период эмиграции с лета 1929-го и до лета 1941 года, был на 80 процентов составлен из статей и комментариев самого Троцкого.

Еще в середине 1920-х годов в СССР было издано Собрание сочинений Л. Д. Троцкого более чем в двадцати томах. В изгнании Троцкий опубликовал или подготовил к публикации более десяти больших книг — о самом себе, о Ленине и о Сталине, о положении дел в СССР, об истории Февральской и Октябрьской революций, о положении дел в мире и в коммунистическом движении. Для историка эти свидетельства и описания интересны, несмотря на их крайнюю субъективность. Все это в большей мере мемуарная, нежели историческая литература.

Троцкий очень хорошо владел не только ораторским, но и писательским искусством, и некоторые из литературных критиков относили его к числу выдающихся прозаиков XX века. Но он плохо владел методами и навыками исторического и научного исследования. Неудивительно, что разного рода теоретические и исторические концепции Л. Троцкого, включая и его знаменитую концепцию «перманентной революции», оставляют впечатление весьма поверхностной и далекой от реальностей XX века самодеятельности. В книгах Троцкого по истории революции нет того, что принято называть научным аппаратом. Цитируя множество авторов, он не приводит источников, и потому эти книги воспринимаются не как исследования, а как мемуары.

Литература о Троцком и его судьбе очень велика, и в ней есть уже около десяти больших политических биографий. Наиболее крупной из них является трехтомник Исаака Дойчера, который сотрудничал с вдовой Льва Троцкого Натальей Седовой. Однако сами названия этих книг — «Вооруженный пророк», «Безоружный пророк» и «Изгнанный пророк» — свидетельствуют об их апологетическом характере. Троцкий не был или не смог стать пророком, он не создал никакого учения, которому могли бы следовать его ученики. По материалам частично открывшихся в России и еще в СССР архивов двухтомную биографию Л. Троцкого написал советский историк и генерал Дмитрий Волкогонов. Однако для него

Троцкий — это не пророк, а демон революции. Несколько больших работ о Троцком издали в 1990–1995 годах те же самые историки, которые в предшествующие годы были специалистами по разоблачению «троцкизма», когда любая критика или даже клевета в адрес Троцкого были допустимы и желательны. Георгий Чернявский попытался выйти из этого порочного круга, и, как мне кажется, ему это удалось.

В первой половине книги Г. Чернявского неизменно присутствует попытка автора провести сравнение судьбы и деятельности Троцкого и Ленина: оба эти революционера действовали на одном политическом пространстве, выступая здесь то как союзники или даже соратники, то, нередко, и как противники. Ленин явно уступал Троцкому как литератор и как оратор на больших и подчас враждебно настроенных собраниях и в аудиториях; у Троцкого в этом отношении вообще не было равных в революционной среде. Однако во всех других отношениях Ленин намного превосходил Троцкого: и по масштабу личности, и по знанию марксизма, и по общей образованности, и по организационным способностям и политической гибкости, и по вовлеченности в конкретные дела. Ленин был начисто лишен того эгоцентризма, самовлюбленности и желания всегда быть в центре внимания, которые отталкивали очень многих хороших людей от Троцкого.

Давая краткое изложение событий Октябрьской революции и Гражданской войны, Г. Чернявский называет Троцкого «вторым» после Ленина вождем революции и молодой Советской России. Действительно, по известности в России и за границей Троцкий долгое время был вторым. Его имя чаще всего упоминалось после имени Ленина и в советской, и в белогвардейской, и в зарубежной печати. Портреты Троцкого висели в разного рода учреждениях рядом с портретами Ленина, их несли на митингах и демонстрациях. Однако на самом деле никаких «вторых вождей» у партии большевиков в 1917 году не имелось. Троцкий сам признавал это в одном из своих дневников, где есть и такая фраза: «Если бы меня не было в 1917 г. в Петрограде, Октябрьская революция все равно совершилась бы — при условии присутствия и руководства Ленина». Троцкий сам не раз называл себя «вторым» и внутренне был в этом убежден. На этом строились его претензии на власть и на наследие Ленина после смерти вождя.

Однако «вторых», как заметил еще великий Никколо Паганини, «много». Точнее поэтому говорить не о «втором вожде», а о «втором ряду» лидеров, среди которых мы видим в 1917–1920 годах не только Л. Троцкого, но и Я. Свердлов, И. Сталина, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Ф.

Дзержинского, а также Н. Бухарина и Н. Крестинского. Троцкий не входил в тот очень узкий круг «старых большевиков», который образовался вокруг Ленина в 1904–1905 годах и для кого Троцкий был политическим противником. В партийной иерархии вторым был, безусловно, Я. Свердлов, а после его смерти этот «второй ряд» составили члены Политбюро. В отсутствие Ленина Троцкий никогда не вел ни заседания Совнаркома, ни заседания ЦК или съезда партии, ни заседания Политбюро, ЦИКа или съезда Советов.

Еще 1 ноября 1917 года на заседании Петроградского комитета партии Ленин назвал Троцкого «лучшим большевиком». Но это было намеренное преувеличение, так как Троцкий только летом 1917 года примкнул к большевикам и на VI съезде был избран членом ЦК РСДРП(б). Конечно, Троцкий был крайне уязвлен, когда в «Завещании» Ленина прочел слова не только о «чрезмерной самоуверенности», но и о «небольшевизме» Троцкого. Однако это был приговор, который и стал одной из главных причин поражения Троцкого в борьбе за лидерство в партии после смерти Ленина. Уже позже стали известны и другие слова Ленина о Троцком: «с нами, но не наш», сказанные еще в 1918 году М. Горькому.

Лев Троцкий по-настоящему не боролся за власть ни в 1922–1923 годах, когда Ленин уже был серьезно болен, ни в начале 1924 года, то есть после смерти Ленина. Да и как он мог это делать, не имея сторонников ни в аппарате партии, ни в аппарате власти? Троцкий даже не приехал на похороны вождя: он был нездоров и только что прибыл в Грузию на отдых. Троцкий переоценил свою популярность и свое влияние в СССР. Он связывал личное будущее все еще с прогрессом всемирной революции и видел линию вождей и пророков мировой пролетарской революции только так: Маркс — Энгельс — Ленин — Троцкий. Он и подумать тогда не мог, что четвертое место в этом ряду может занять Сталин. «Серый аппаратчик», «посредственность», «пустое место», «анонимный бюрократ», «мастер интриг» — каким образом такой человек мог бы оказаться во главе Советского Союза и мировой революции? Троцкий не просто недооценивал в то время Сталина, он его не знал.

Многие факты из жизни Сталина Троцкий узнал только в середине 1930-х годов, когда начал писать его политическую биографию. Именно тогда он придумал новый и явно нелепый термин — «гениальная посредственность». Троцкий пытался доказать, что Сталин выдвинулся на первую роль в партии случайно или только благодаря Каменеву и Зиновьеву, а отнюдь не Ленину. Троцкий не мог понять или не хотел признавать и даже думать о том, что Ленин намеренно ставил Сталина на

ключевые посты в партийной и советской иерархии именно как противовес Троцкому, которому он не вполне доверял и выдвижения которого на первые роли очень опасался.

Не только Троцкий, но и Сталин был радикалом. Однако по силе характера, по политической воле, по беспощадности, да и по многим другим качествам, которые необходимы в борьбе за власть, Сталин намного превосходил Троцкого. Не имея ораторских и литературных талантов, Сталин использовал методы закулисной борьбы, и уже в начале 1920-х годов он сумел сплести весьма прочную сеть тайной власти по образцу, как он сам признавал, ордена меченосцев. К тому же Сталин гораздо лучше, чем Троцкий, изучил все работы Ленина, многие из которых Троцкий даже не читал. Поэтому именно Сталин смог довольно быстро и вполне успешно переработать теоретическое наследие Ленина в довольно цельную концепцию «основ ленинизма», которая стала фундаментом как ВКП(б), так и Коминтерна. Ни Троцкий, ни Бухарин, ни Каменев, ни Зиновьев этого сделать не смогли, хотя и пытались. Все попытки Троцкого опереться на теоретическое и политическое наследие Ленина оказались неудачными и были легко опрокинуты Сталиным. А без опоры на ленинское наследие у Троцкого не имелось никаких шансов на признание и победу.

Знакомясь в книге Г. Чернявского с реальными фактами жизни и деятельности Л. Д. Троцкого, мы лишний раз убеждаемся в том, насколько сильно преувеличивалось его действительное значение в российской и мировой истории. И апологеты Троцкого, и его противники приписывали ему множество таких свершений, о которых он и не помышлял. Вокруг имени Троцкого образовалось и сохраняется поныне очень много легенд и мифов.

Да, Троцкий возглавлял в октябре 1917 года и Петроградский совет, и Военно-революционный комитет этого Совета. Вооруженное восстание готовилось, но оно не понадобилось: власть от Временного правительства перешла в руки Советов быстро и мирно; с боями красногвардейцам пришлось брать только Московский Кремль.

Троцкий мало отличился как народный комиссар по иностранным делам. Напротив, работа на посту наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета Республики стала самым главным делом из всего того, что он совершил для только что возникшего Советского государства. Это была его главная роль в истории XX века и главная заслуга, несмотря на все допущенные здесь ошибки и даже преступления.

Глубоко штатский человек, Троцкий не был и не пытался стать полководцем в прямом смысле этого слова. Он был одним из организаторов

Красной армии и ее главным комиссаром. По настоянию Троцкого к работе по созданию Красной армии было привлечено более 50 тысяч военных специалистов и офицеров из прежней русской армии, которая распалась в 1917 году. Но Троцкий был и главным организатором института политических комиссаров почти во всех частях и подразделениях Красной армии.

Выпячивать именно Троцкого как «главнокомандующего» Красной армией было выгодно в первую очередь белогвардейским генералам. Пост главнокомандующего Вооруженными силами Республики с сентября 1918-го и до июля 1919 года занимал бывший полковник царской армии И. И. Вацетис, а после него С. С. Каменев, также бывший полковник царской армии.

В 1920-е годы Троцкий не создавал в СССР никакого «троцкистского подполья», а в 1930-е годы он не возглавлял никакого международного заговора против СССР или против ВКП(б). В данном случае Сталину было необходимо до предела раздуть «образ врага», ибо это давало видимость какого-то оправдания жестоким репрессиям и террору 1936–1938 годов. Самым страшным было тогда обвинение в «троцкизме», которого не существовало ни как строгой системы взглядов, ни в смысле подпольной организации.

Раздували и преувеличивали роль и влияние Троцкого в 1930-е годы и европейские правительства, которым приходилось принимать у себя и как-то решать судьбу Троцкого-изгнанника. Никогда не был сколько-нибудь влиятельной организацией и созданный по инициативе Троцкого IV Интернационал. Он был провозглашен только в 1938 году небольшой — не более 15 человек — и очень недружной группой сторонников Троцкого из нескольких стран Европы. В кулуарах этого Учредительного съезда были и агенты НКВД.

Никто ни в прошлом, ни сегодня не мог бы внятно изложить хотя бы в небольшой брошюре некие «основы троцкизма». Под разного рода коллективными заявлениями сторонников Троцкого стоят обычно слова «левая оппозиция» или просто «оппозиция» с пояснением: «большевики-ленинцы». Однако Троцкий не был ни большевиком, ни ленинцем. В российском революционном движении первых двадцати лет XX века различия между разными политическими течениями и партиями состояли не только в теориях и идеологических постулатах, но и в типах личности, в характере поведения самого революционера. Меньшевики, эсеры и анархисты отличались от большевиков не только взглядами, но и личностными качествами. Меньшевики были более способны к

компромиссам, они стояли за мирную эволюцию и не призывали к террору и диктатуре. Но они не отличались организованностью и дисциплиной. По взглядам и по готовности применять насилие Троцкий был ближе к большевикам, нежели к меньшевикам. Однако в среде большевиков культивировались скромность, полное подчинение интересам организации и дисциплина. Троцкий в эти рамки не вписывался. Он был слишком эгоцентричен и отличался крайним индивидуализмом, всячески выпячивал свою фигуру и свою роль, требовал личной преданности, что тяготило даже его сына и главного помощника Льва Седова. Все, кто работал рядом с Троцким, отмечали также его высокомерие и надменность.

У книги Г. Чернявского наряду с достоинствами есть и недостатки. Автор уделяет мало внимания деятельности Л. Троцкого в 1919 году. Но именно в этом «незабываемом 1919-м» были отбиты «три похода Антанты». Не пишет автор о трагедии русского казачества, к которому Троцкий относился с нескрываемой неприязнью. Следовало бы шире осветить конфликт между Троцким и капитаном первого ранга Алексеем Щасным, заслуги которого в спасении Балтийского флота были очень велики и который был осужден и расстрелян «за саботаж». Единственным свидетелем по этому делу проходил Троцкий. Во многих других случаях Л. Троцкий являлся активным проводником «красного террора» и был скор на расправу. Как раз в 1919 году Троцкий написал небольшую книгу «Терроризм и коммунизм» — с определением и обоснованием «красного террора». Эта книга вызвала множество критических откликов в среде западной социал-демократии, но ее бережно хранил в своей библиотеке И. Сталин — с множеством одобрительных пометок на полях.

Политическая деятельность Л. Троцкого в последние годы его жизни оказалась почти бесплодной, хотя сам он считал ее крайне важной для трудящихся всего мира. Ему казалось, что своей работой он приближает мировую пролетарскую революцию, но это была иллюзия: никакого мирового пролетарского движения в эти годы не существовало. Историки и авторы политических биографий знают о жизни своих героев больше, чем сами эти герои, ибо те не знали последствий своей работы и будущего хода событий.

В жизни политика-революционера наиболее интересны и важны не те годы, когда он живет надеждами на будущее, и, конечно, не те годы, когда он живет воспоминаниями о прошлом, а то время, когда его жизнь сливается с жизнью партии, революции, всей страны. В 1905 году жизнь и деятельность Троцкого на короткий срок переплелась с ходом первой русской революции: именно Троцкий стал первым председателем первого

Совета в России. В период с 1907 по 1917 год Троцкий не входил ни во фракцию большевиков, ни во фракцию меньшевиков, а его попытки объединить эти фракции вокруг своей фигуры оказались тщетными; у него просто не было для этого ни нужных формул, ни должного авторитета. Поэтому для Троцкого как политика и революционера это десятилетие оказалось потерянным, ибо серьезным анализом теоретических проблем капитализма и социализма он в эмиграции не занимался. Второй эмигрантский период с 1928 по 1940 год также не стал плодотворным для Троцкого как революционера: он полагал, что работает для мировой революции и мирового пролетариата, но мировая революция в наш мир так и не пришла. Никто из реальных политиков или революционеров второй половины XX века не называл и не считал Л. Троцкого своим предшественником, а его деятельность остается интересной главным образом для историков, и то как фигуры второго плана.

Свои самые важные роли Троцкий исполнил в России в 1917–1921 годах. Другого шанса история ему не дала. В современной России почти нет людей, кто считал бы себя и сегодня сторонником или почитателем Троцкого. В западных странах таких людей больше. И тем не менее объективное исследование жизни и деятельности Л. Д. Троцкого важно не только для историков, но и для всех тех, кто считает себя приверженцем идей социальной справедливости и социализма.

16 февраля 2010 года

Рой Медведев

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

*Памяти моего отца Иосифа Чернявского,
который боролся за власть Советов, но
быстро разочаровался в результатах ее
осуществления*

*...и в архивах
Пытливость поднесет свечу к тому,
Что нынче нас слепит, живит и греет,
И то, что нынче ясность мудреца,
Потомству станет бредом сумасшедших.*

Борис Пастернак

*За то, что ты утопил, тебя утопили,
но и тебя утопившие под конец утоплены будут.*

Пиркей авот, глава 2, стих 7

ВВЕДЕНИЕ

Немалые сомнения пришлось преодолеть автору, прежде чем взяться за биографию Льва Давидовича Троцкого. Этому человеку, его политическому пути, взглядам, организациям и движениям, которые именовали себя «троцкистскими», другим сюжетам, связанным с этой личностью, посвящены сотни книг и тысячи статей. Однако, изучая эти книги и часть статей (прочитать все физически невозможно), я постепенно убедился, что достоверное жизнеописание Троцкого еще не создано.

Основная часть объемистых книг о Троцком не просто политизирована — они написаны либо с позиций сугубой ненависти к главному персонажу, либо оценивают его восторженно, в лучшем случае апологетически. Даже автор наиболее серьезной, на мой взгляд, книги о Троцком, недавно скончавшийся видный французский историк Пьер Бруэ, не смог в полной мере освободиться от социалистических пристрастий и преувеличил близость Троцкого к Ленину, черты сходства между «троцкизмом» и «ленинизмом», отстаивая обоснованность употребления самих этих терминов.^[1] В несравнимо большей степени коммунистическая предвзятость характерна для трехтомной биографии, написанной Исааком Дойчером, который к тому же небрежно относился к источникам и часто подменял собственно биографию публицистическими рассуждениями общего плана.^[2] Что же касается единственной крупной по объему работы, созданной российским автором, — двухтомника Д. А. Волкогонова,^[3] — то она полезна заинтересованному читателю новым архивным материалом, впервые извлеченным из ряда строго засекреченных до этого фондов, однако представляет собой попытку создания именно портрета, а не биографии. Автор мечется между далеко отстоящими друг от друга эпохами, вплетая в ткань повествования темы, не относящиеся к жизни Троцкого, и допускает огромное количество ошибок и неточностей.^[4]

В распоряжении читателей как в России, так и за рубежом есть масса кратких очерков разного качества, книг, посвященных частным проблемам, но нет ни одной разносторонней, основанной на первоисточниках подробной биографии Троцкого. Из такого рода очерков на русском языке необходимо выделить первую и пока единственную достоверную статью А. В. Панцова.^[5]

Жизнь и деятельность Льва Троцкого были настолько насыщены, разнообразны, переменчивы, связаны с постоянными перемещениями и всевозможными контактами, что любая попытка воссоздать их в одном томе неизбежно обречена на известную долю упрощения. Просто невозможно коснуться более или менее детально той массы дел, огромного документального, печатного и рукописного, наследия, которые были связаны с активностью Троцкого.

Любой исторический труд обречен на известную долю субъективизма. Книга же, лежащая сейчас перед читателем, в определенном смысле может быть оценена как субъективная в большей степени, нежели другие. Имеется в виду необходимость отбирать среди тысяч документов Троцкого, как и связанных с его деятельностью, среди его необъятной переписки то,

что автору представлялось наиболее существенным. Именно наиболее существенным, а не просто важным. Возник, таким образом, парадокс: стремление к объективному освещению деятельности персонажа неизбежно вело к какой-то доле субъективности.

Передо мной стояла задача рассмотреть деятельность Троцкого одновременно с двух точек зрения, в двух перспективах. С одной стороны, я стремился представить его в контексте эпохи, той среды, в которой он обитал, под чьим влиянием находился и на которую сам оказывал воздействие, в рамках той политической культуры, которая была свойственна первой половине XX века, отдельным этапам этого насыщенного периода. С другой стороны, я пытался рассказать о Троцком с высоты 70-летия, прошедшего после его гибели, что позволяет по-новому, на основании накопленного исторического опыта, на базе огромного количества имеющихся ныне в распоряжении историка документов оценить его личность и деятельность.

Золотое правило подлинного портретиста — представить свой персонаж так, чтобы его можно было увидеть с различных точек зрения, под разными углами. Только в этом случае персонаж предстанет панорамно, разносторонне, то есть более или менее объективно. Насколько удалось выполнение этой весьма нелегкой задачи, оценит читатель.

В огромном круге источников, находившихся в распоряжении автора этой книги, были и собрания сочинений Троцкого на русском, английском и французском языках, и издававшиеся под его руководством журналы, а также иная пресса, и документы партий и организаций, которые действовали под его руководством или же с которыми он был связан, и всевозможные материалы личного происхождения (воспоминания, переписка и т. п.).

Многие источники были извлечены из фондов архивов. Из них два архива особенно важны. Это прежде всего Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), в котором изучены не только документы фонда Л. Д. Троцкого, но также материалы различных организаций российской социал-демократии и большевистской партии начиная с 1917 года, а также личные фонды И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского и других. Это, во-вторых, Хотонская библиотека Гарвардского университета, где хранится личный фонд Л. Д. Троцкого, включающий не только его документацию периода последней эмиграции (с 1929 года), но также вывезенные им за рубеж материалы предыдущих десятилетий. Автор имел возможность использовать фонды некоторых других архивов, где обнаруживались более или менее

значительные первичные материалы, позволявшие панорамно представить личность главного персонажа книги и его окружение. Интересны и материалы мемориальных музеев Л. Д. Троцкого и Ф. Кало в городе Мехико. Для работы были ценны публикации архивных документов, особенно те, которые хранятся в архивах, все еще закрытых для исследователей, в частности в Архиве Президента Российской Федерации. Из опубликованных материалов, сосредоточенных в зарубежных архивах, особо важен четырехтомник, составленный и отредактированный Ю. Г. Фельштинским.^[6] Его продолжением является девятитомник документов «Архив Л. Д. Троцкого», подготовленный Ю. Г. Фельштинским и автором этой книги и представленный пока в Интернете.

Сам Троцкий и его супруга Наталья Ивановна Седова оставили ценные мемуары, которые, как и любой источник такого рода, создают неповторимый колорит эпохи, мыслей и действий авторов, но в то же время весьма коварны, ибо легко могут увлечь в омут тех страстей, которые владели авторами при создании своих воспоминаний.

Разумеется, я не пренебрегал исследовательской и научно-популярной литературой, но стремился проверить ее свидетельства на основе первичной документации. Особенно осторожно я относился к так называемой «психоистории», получающей ныне все большее распространение и во многих случаях подменяющей анализ фактов и документов произвольными рассуждениями. Видимо, достаточно привести в качестве примера книгу американца Ф. Помпера «Ленин, Троцкий и Сталин: Интеллигенция и власть»,^[7] содержащую попытку психологических и психоаналитических характеристик Ленина, Троцкого и Сталина. Далее нескольких мало доказуемых психологических гипотез и прослеживания обычного морально-политического влияния предыдущих поколений революционеров на личностное формирование этих деятелей автор продвинуться не смог. В книге немало произвольных характеристик и сравнений: например, меньшевикам приписывается «женский характер», а большевикам — «мужской»!

Троцкий является главным или побочным персонажем многих художественных произведений, начиная с восторженных его описаний в стихах и прозе Ларисы Рейснер и завершая полусатирическими и полусочувственными образами лидера оппозиции в произведениях Дж. Оруэлла «1984» (Голдстейн) и «Скотный двор» (Сноуболл, то есть Снежок).

В советской художественной литературе с конца 1920-х годов упоминание Троцкого как положительного персонажа, естественно, было

под строжайшим запретом. И только некоторым авторам во времена «оттепели» и непосредственно после нее удавалось воссоздать образ, в той или иной степени напомилавший этого большевистского лидера в период Гражданской войны. Одним из таких сравнительно подробных рассказов о «комиссаре» был яркий эпизод в небольшой повести Василия Аксенова «Дикой». Есть и художественные фильмы о нашем персонаже — американская лента «Убийство Троцкого» (1972) с Ричардом Бартоном в главной роли и российская кинокартина «Троцкий» (1993), где его образ воплотил Виктор Сергачев. В мою задачу не входит оценка художественных качеств этих произведений. Могу только сказать, что они стимулировали некоторые направления документального поиска.

Автор считает своим приятным долгом выразить сердечную благодарность руководителям и коллективам архивов, библиотек, музеев, научных учреждений, оказавших ему неоценимую помощь в подготовке этой книги. Я признателен тем людям, которые своими советами, замечаниями, дружеским вниманием и участием оказали мне помощь. Этих людей много, и всех их невозможно назвать. Я особенно благодарен Юлии Сергеевне Аксельрод, Юрию Николаевичу Амиантову, Марианне Владимировне Биленко, Джеймсу Биллингтону, Майе Яковлевне Басс, Юрию Борисовичу Борину, Джеффри Бруксу, Эстебану Волкову, Галине Владимировне Горской, Ларисе Леонидовне Дубовой, Николаю Николаевичу Канистратенко, Рафаилу Натановичу Кашлинскому, Альберту Израилевичу Лapidусу, Марии Валериевне Лобановой-Тортике, Ларисе Николаевне Малашенко, Давиду Борисовичу Мельцеру, Мигелю Морильо, Александру Вадимовичу Панцову, Авдею Сергеевичу Пиналову, Сергею Авдеевичу Пиналову, Ларисе Леонидовне Рубо, Карлосу Сандовелю, Михаилу Георгиевичу Станчеву, Сергею Юрьевичу Страшнкжу, Юрию Георгиевичу Фельшитинскому, Елене Иосифовне Чертковой, Василию Николаевичу Шейко, Валерию Николаевичу Шепелеву, Леониду Абрамовичу Шустеру.

Часть первая

В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

*Суровые годы уходят борьбы за свободу страны.
За ними другие приходят. Они будут тоже
трудны.*

Юлий Ким. Хоровая песня ветеранов из кинофильма «Собачье сердце»

Глава 1 ВЫБОР ПУТИ

Детские годы

Воссоздавая биографии деятелей, которые вошли в историю, трудно выделить среди обычных черт ребенка, подростка, юноши те из них, которые могли иметь значение для его судьбы, ибо невозможно предугадать славу или бесславие. Но наследственные или благоприобретенные признаки, имеющие долговременные тенденции, существуют, и я попытаюсь проследить их в детских перипетиях человека, о котором пойдет речь.

В свидетельстве о рождении, которое было выдано местной синагогой родителям ребенка — Давиду Леонтьевичу и Анне Львовне Бронштейн, значилось традиционное еврейское имя — Лейба (Лейб).^[8] Но ни сами родители, которые в значительной мере ассимилировались в русско-украинской среде, ни друзья детства этого имени никогда не употребляли. Ребенка называли Лев, Лева.

Лева Бронштейн родился 26 октября (7 ноября по новому стилю) 1879 года. Через много лет, когда мой персонаж станет одним из крупнейших советских деятелей, он будет вспоминать с оттенком мистицизма совпадение даты его рождения с датой государственного переворота в Петрограде, приведшего к власти большевиков. Что ж, случайность иногда оказывается символической.

Давид и Анна Бронштейны были уроженцами еврейского местечка на Полтавщине, откуда переселились в Херсонскую губернию, которая постепенно заселялась пришлым крестьянством. Низкая плотность

населения предопределила усилия правительственных чиновников по созданию здесь колоний из числа немцев, греков, болгар и представителей других народов. В их числе оказались и евреи.

Уже в начале XIX века в высших сферах предпринимались попытки разработать политику в отношении евреев, для чего император Александр I в ноябре 1802 года образовал Комитет по благоустройству евреев, а последний выработал «Положение об устройстве евреев», утвержденное императором.^[9] Оно предоставляло евреям право заводить заводы и фабрики, покупать незаселенные земли для занятия сельскохозяйственным трудом. Законодательно была закреплена сословная группа евреев-земледельцев. Евреям предоставлялось право получать земли в бессрочное пользование (пока, однако, не в собственность), им выдавались денежные ссуды на переезд и устройство хозяйства, на несколько лет они освобождались от уплаты податей. Переселение евреев в Новороссийский край (так тогда называлась южная часть украинских земель) началось вскоре после обнародования этих законоположений. Утвержденное императором Николаем I в 1835 году новое «Положение о евреях» позволяло не только получать землю в бессрочное пользование, теперь евреи могли покупать и арендовать земельные участки. Особенно поощрялась покупка земли для поселения единоверцев, которые образовывали бы колонии, сходные с кооперативными хозяйствами.^[10]

Этими льготами и воспользовались Бронштейны, когда в середине 1870-х годов (точная дата неизвестна) переселились в Херсонскую губернию, на Елисаветградщину. Здесь у местного помещика Яновского был выкуплен участок земли, на котором основана колония Громоклея (по названию протекавшей здесь речки, впадавшей в Южный Буг).^[11] Колонисты постепенно обживались, колония разрасталась, в 1898 году в ней жили 254 человека на территории в 483,5 десятины.^[12]

Вначале Бронштейны были активными участниками жизни колонии, исправно трудились и занимались благотворительной деятельностью. Потомки жителей Громоклеи передают переходившие из поколения в поколение рассказы о том, что Анна Бронштейн возглавляла местную общину, что на пожертвованную ею тысячу рублей были построены синагога и хедер (еврейская начальная школа, сходная с церковно-приходскими школами в деревнях с православным населением, но дававшая наряду с элементарной грамотой начальные знания в области иудейской религии и древнееврейской традиции).^[13]

Однако Давид Бронштейн, обладавший хозяйственной сметкой,

трудолюбием, самостоятельностью, решительностью, жаждой выбиться в люди, в колонии не ужился. Незадолго до рождения Левы он купил землю в районе небольшой деревни Яновка (она была названа по имени упомянутого помещика), за четыре версты от Громоклеи. Чтобы стать собственником и арендатором 300 десятин земли, он влез в долги, но вел хозяйство расчетливо и постепенно расквитался с задолженностью.

По сути дела, Давид Бронштейн стал со временем хозяином Яновки, [\[14\]](#) поскольку все ее жители так или иначе были работниками на полях или в мастерских, которые обустроивал энергичный землевладелец. Только на постоянных работах в имении было занято около двух десятков человек. Поля же обрабатывали сезонные рабочие. Давид построил мельницу, куда везли зерно окрестные крестьяне. В завершение своих инициатив он соорудил небольшой кирпичный завод, и кирпич с клеймом «Б» оказался основным строительным материалом для всей округи. [\[15\]](#)

Судя по рассказам Л. Д. Троцкого своей второй жене Н. И. Седовой и по сохранившимся семейным фотографиям, Давид Бронштейн был высоким, худощавым человеком. Достаточно взглянуть ему в глаза, чтобы убедиться в его самоуверенности, решимости добиться своего. Он чувствовал себя «в своей тарелке» в любом обществе, хотя был малограмотным, и внимательно слушал жену, которая, запинаясь, читала ему газетные новости. [\[16\]](#)

Лева был пятым ребенком в семье, за ним последовали еще трое. Однако четверо детей Анны и Давида умерли в младенчестве. Вырастить удалось, кроме самого Левы, старшего брата Александра (он родился в 1870 году), старшую сестру Елизавету (появившуюся на свет в 1875 году) и младшую сестру Ольгу (она родилась в 1883 году). Александр приобретет профессию агронома. Он не будет принимать участия в политике, но во время «большого террора» подвергнется аресту и в апреле 1938 года будет расстрелян. Елизавета выйдет замуж за одесского медика (она станет носить фамилию мужа Мейльман) и сама приобретет профессию зубного врача. Елизавета скончается в начале 1924 года. [\[17\]](#) Старшие брат и сестра на протяжении всей жизни сохраняют теплые чувства к младшему брату, но решительно откажутся следовать его революционному примеру. Младшая же сестра Ольга, окончив Высшие женские курсы, вслед за братом активно включится в революционное движение. К ее судьбе мы еще вернемся.

Мать Льва часто болела, и это наложило отпечаток на ее характер. Она была раздражительна и часто несправедливо относилась к детям. Родители нередко ссорились. Но Анна была трудолюбивой и энергичной хозяйкой.

Во время частых отъездов мужа по коммерческим делам она управлялась и с домом, и с делами имения. Скончалась она в 1910 году. Отец прожил дольше. Во время Гражданской войны он, как «сельский помещик и эксплуататор», лишился нажитого имения. Он подвергался преследованиям и красными в качестве «буржуя», и белыми как еврей, да еще и отец самого Троцкого. В конце концов Давид то пешком, то подсобным транспортом добрался до Москвы, но в семье сына не остался, а устроился на государственную мельницу под городом, где проработал пару лет и в 1922 году скончался от сыпного тифа.^[18] Как раз в этот момент Троцкий участвовал в IV Конгрессе Коммунистического интернационала и буквально на несколько минут заглянул в дом, где отца готовили к похоронам. Сын не разрешил похоронить Давида на еврейском кладбище. Могилу вырыли во дворе дома, где он жил до дня смерти.^[19]

Раннее детство Лёвы походило на первые годы жизни подавляющего большинства детей из сравнительно зажиточных крестьянских семей. В автобиографической книге, к которой я буду неоднократно обращаться, Лев Троцкий так описывал общую картину своих ранних лет: «Мое детство не было детством голода и холода. Ко времени моего рождения родительская семья уже знала достаток. Но это был суровый достаток людей, поднимавшихся из нужды вверх и не желающих останавливаться на полдороге. Все мускулы были напряжены, все помыслы направлены на труд и накопление. В этом обиходе детям доставалось скромное место. Мы не знали нужды, но мы не знали и щедростей жизни, ее ласк».^[20]

Воспоминания писались в первый год после выдворения Троцкого из СССР. Это — почти уникальный источник, позволяющий воспроизвести его раннее детство. Однако еще одним косвенно мемуарным источником является книга американского журналиста Макса Истмена, который побывал в Советской России в начале 1920-х годов, сблизился с Троцким, записывал его воспоминания, а также воспоминания членов его семьи и других лиц. Затем Истмен выпустил книгу о юности Троцкого.^[21] Как рассказывал ему Троцкий, он родился в глиняном доме из пяти тесных и темных комнат, с низкими потолками, под соломенной крышей. Во время дождей крыша протекала. Особенно запомнились огромная печь и вечно лежавший на ней кот.^[22] Позже, однако, был построен более презентабельный двухэтажный каменный дом.^[23]

Магазинные игрушки считались в семье экономных Бронштейнов непозволительной роскошью. Не случайно в памяти Лёвы сохранились только две покупные игрушки, которые однажды привезла мать из

Харькова, куда подчас ездила на врачебные осмотры: бумажная лошадка и мяч. Вместе с сестрами Лева играл с самодельными куклами. Однажды «наш машинист» Иван Васильевич Гребень (речь шла об операторе мельницы) вырезал и склеил картонный вагон, который доставил ребенку немалую радость. Отправлявшиеся в Елисаветград или Николаев родственники подчас спрашивали ребенка, что ему привезти, и он просил лошадку или цветные карандаши, а позже книжки и коньки. Об обещаниях родные забывали, и мальчик поначалу томился разочарованием, но со временем привык, что к обещаниям и вообще к словам людей, в том числе близких, надо относиться критически.

Впрочем, Троцкий преувеличил в воспоминаниях скудость «материального обеспечения» своего детства. То ли он сам, то ли его родные рассказывали Истмену, что старшие брат и сестра научили его читать и давали ему книжки с картинками. Летом приезжал из Одессы дядя Моисей Филиппович Шпенцер, человек образованный, позже занимавшийся издательским бизнесом^[24] (о нем мы еще вспомним), который обратил внимание на мальчика с яркими голубыми глазами и прекрасной памятью. Он стал помогать ему учиться грамоте.

Печатное слово производило на ребенка магическое впечатление. В восемь лет он «основал собственный журнал», нарисовав для него цветную обложку и заполнив несколько страничек собственными сочинениями. С неменьшим усердием Лева с семи лет помогал отцу вести конторские книги и заниматься бухгалтерией, в чем скоро оказался сильнее самого Давида.

Мальчик был сильным и ловким, но обычные детские уличные игры его привлекали мало. Зато отчасти физические, отчасти умственные «розыгрыши» позволяли и взрослым и детям смореть на него как на «проказника». Потомки односельчан вспоминают рассказы, как Лева охотился на пауков-тарантулов, а затем на грызунов, за уничтожение которых земство платило по копейке за штуку. Чтобы получить деньги, необходимо было предъявить лапки животного. Вначале принимались и хвосты, но хитрецы научились вырезать некие подобия хвостов из шкурки, получая по десятку «хвостов» из одного зверька. Хитрость вскоре разоблачили, и детям пришлось от своей выдумки отказаться.^[25]

К «официальному» начальному образованию Лев Бронштейн приступил в 1886 году в громоклеевском учебном заведении, то ли школе, то ли хедере, где, кроме элементарных религиозных знаний, его обучали русскому языку и арифметике. Первый учитель ребе Шуфер помог ему

лучше овладеть навыками осмысленного чтения и письма. «Я сохраняю... о моем первом учителе благодарное воспоминание», — писал Троцкий.^[26] В девять лет Лев был отправлен родителями в Одессу для получения систематического образования. Выбор учебного заведения был предопределен двумя причинами.

Во-первых, в классическую гимназию еврею было попасть крайне трудно. С 1887 года, как раз перед тем как Льву предстояло поступление в учебное заведение, в гимназиях и реальных училищах была введена процентная норма для евреев, составлявшая 5–10 процентов. В Одессе — городе со значительным еврейским населением — она была максимальной. Тем не менее попасть в классическую гимназию ребенку с деревенским воспитанием было почти невозможно. Во-вторых, важное место в классических гимназиях занимало преподавание языков, в частности древних, а также гуманитарных предметов. Родители считали это ненужным излишеством. С их точки зрения, практичнее были реальные училища, дававшие более обширные знания по математике и естествознанию. В реальное училище и поступить еврею было легче.

Так Лева впервые попал в большой город, в один из самых ярких и оригинальных бытовых и культурных центров России — прекрасную приморскую Одессу, город неповторимого колорита и великолепного юмора.

Он сдавал экзамены в первый класс реального училища Святого Павла, но не проявил достаточного уровня знаний, чтобы преодолеть процентную норму: получил тройку по русскому языку, четверку по арифметике. Ребенка приняли в подготовительный класс, откуда он мог без серьезных проблем, разумеется, при высоком трудолюбии, перейти через год в первый класс.

Троцкий вспоминал: «Первые дни занятий в училище были сперва днями скорби, затем днями радости».^[27] Он пошел в школу в новеньком форменном костюме, за спиной был чудесный ранец, наполненный великолепным грузом образования: учебниками, пеналом с отточенными карандашами, ластиком и прочими атрибутами принадлежности к культурному сословию. Но вдруг случайный встречный, плохо одетый мальчик, на несколько лет старше его, остановился перед Левой, смачно отхаркнулся и плюнул прямо на главный предмет гордости — рукав чудесной формы «реалиста». Едва придя в себя от потрясения, Лев стал вытирать рукав сорванным листом каштана и только размазал грязь.^[28] Позже Троцкий найдет удобное «классовое» объяснение этому поступку —

мальчик, мол, выместил на нем свое «чувство социального протеста».^[29] О том, что он подумал и почувствовал тогда, будущий марксист не считал нужным припоминать. Но он, безусловно, мыслил в то время иными, обычными человеческими категориями. Ребенок учился понимать, что существует, с одной стороны, просто людская злоба, зависть к более благополучному существованию, независимо от его причин, а с другой — горькая обида, связанная с ощущением крайней несправедливости.

В реальном училище вскоре все встало на свое место. На первом же уроке арифметики учитель поставил Леве пятерку и похвалил его перед классом. Вслед за этим последовала пятерка по немецкому языку, впрочем, не за знания, а за то, что у мальчика были чистые руки и он прилежно переписывал все, что было начертано на доске.

В Одессе Лев жил в семье уже известного нам Моисея Шпенцера. У Шпенцеров была хорошая библиотека, и Лев в полной мере мог пользоваться прекрасными книгами — русской и мировой классикой, популярными изданиями по естествознанию и т. д.^[30] Кроме того, как раз в это время Шпенцер занялся издательским делом, и в доме появились рукописи и типографские корректуры. Все это Лева читал с нескрываемым любопытством.

Постепенно Лев втягивался в школьную жизнь, не опаздывал на уроки, слушал учителей, прилежно выполнял домашние задания, вежливо раскланивался с учителями и благополучно переходил из класса в класс. Во втором классе Лев с группой одноклассников затеял издание рукописного журнала, чем поделился со Шпенцером, который даже придумал для него название «Капля». В том смысле, что журнал внесет свою каплю в литературное море. Первый номер открывался стихотворением «Капелька чистая», написанным Львом. Инициаторы показали продукт своего творчества учителю русского языка Крыжановскому, к которому относились с доверием. Последний, прочитав стихотворение, мигом вычислил автора и сказал Льву, что мысль-то у него хорошая, но правил стихосложения он не знает, и вместо намеченного параграфа грамматики стал рассказывать о дактиле и других тайнах стихосложения.^[31]

Возникали увлечения девочками, но детские влюбленности столь же быстро исчезали, как и зарождались. Немалым событием стало обнаружение у Льва близорукости. Когда доктор распорядился, чтобы он носил очки, радости не было предела. Очки, по его мнению, придавали значительность. Он представлял, как появится в очках в Яновке. «Но для отца очки оказались невыносимым ударом. Он считал, что все это

притворство и важничанье, и категорически потребовал, чтобы я снял очки». В результате в родном углу очки пришлось носить тайком.^[32]

Особую мужественность чувствовал Лев на летних каникулах. Сбрасывая с плеч дисциплину, которая его все более тяготила, он ездил на лошади, а потом и на двухколесном велосипеде. Это новое средство передвижения не было подарком родителей. Велосипед изготовил тот же местный умелец, механик отца Гребень, который когда-то подарил мальчику склеенный вагон.

Но на каникулах Льву приходилось сталкиваться и с тем, что позже будет вспоминать как проявления социальных неурядиц, в которых был замешан собственный отец. Однажды лошадь одного из местных крестьян «нарушила границу» отцовского поля, Давид с помощником поймали ее и заперли в сарае, заявив прибежавшему крестьянину, что возвратят лошадь только после возмещения ущерба. Крестьянин плелся за отцом Левы со снятой шапкой, умолял вернуть лошадь, уверял, что у него нет денег на выкуп, что лошадь не причинила никакого вреда. Отец был неумолим. Лев прибежал к матери в слезах. Когда же его позвали ужинать, он не отозвался. «Странный ребенок», — заявила мать, не понимая, что произошло. Но Давид сразу все понял и на этот раз сжалился — разумеется, над ребенком, а не над соседом-крестьянином, — сказав жене: «Я думаю, он слышал, как Иван умолял по поводу лошади. Скажи ему, что Иван получит свою лошадь и ничего не будет платить».^[33]

Уже во втором классе конфликтная история произошла и в школе. Учитель французского языка, швейцарец Бюрнар несправедливо отнесся к одному из учеников, поставил ему единицу, причем не скрывал, что немалую роль в этом сыграло то, что ученик был этническим немцем. Дети решили устроить «кошачий концерт», то есть вой, который научились производить с закрытыми ртами и невинным выражением лиц. На следующий день началось расследование. Кто-то донес, что инициатором обструкции был Бронштейн. Козел отпущения был обнаружен и... исключен из школы. Немало пришлось повозиться Шпенцером, чтобы добиться наиболее мягкой формулировки: с правом поступления в следующем году. Впрочем, Лев от всей этой истории скорее даже выиграл: он провел остаток учебного года дома, в Яновке, а в следующем августе успешно сдал экзамены и перешел в третий класс, не потеряв года.

Полученный урок на некоторое время утихомирил буяна. Но время от времени непокорный нрав вновь давал себя знать. В пятом классе у него возник конфликт с новым учителем языка и словесности, который в

отличие от предыдущего оказался равнодушным к предмету и ученикам лентяем, даже не проверявшим сочинений. Это вызвало протест. Лев Бронштейн на уроке выразил общее недовольство тем, как учитель относится к своим обязанностям. На этот раз катастрофических последствий дело не имело: Лев был наказан заключением в карцер на 24 часа.

Вместе с приготовительным классом Лев провел в одесском реальном училище семь лет. Седьмого класса, необходимого для дальнейшего образования, в училище не было. Отец, желавший дать Льву высшее образование, решил отправить его в Николаев, где реальное училище имело седьмой класс и куда попасть было несложно. Так в 1896 году Лев Бронштейн оказался в более провинциальном, нежели Одесса, Николаеве, но этот год стал переломным для всей его дальнейшей жизни.

Политический сад Швиговского

Покидая Яновку, как оказалось, почти навсегда (только осенью 1896 года он приехал к родителям с кратким последним визитом), Лев Бронштейн поначалу представлял свою будущую карьеру почти так, как о ней думал отец. Хотя Лев увлекался литературой, но естественные науки, инженерное дело, а возможно, математика с практической точки зрения были несравненно предпочтительнее. В Одессе Лев несколько раз посетил лекции по математике, которые читались для вольнослушателей в Новороссийском университете, заинтересовался ими, прежде всего с точки зрения логики формальных доказательств, но к окончательному решению не пришел. Через много лет он расскажет Истмену, что в то время упрекал себя в нерешительности.

Реальное училище в Николаеве, в которое поступил Лев, отнюдь не способствовало выбору профессии. Хотя оно имело седьмой класс, но по сравнению с одесским было куда более провинциальным, учителя не очень сведущими, духовная атмосфера затхлой. Вначале Лев, которому было уже 17 лет, строил из себя закоренелого скептика. Пытаясь отстоять идейную самостоятельность, он, по собственной оценке, откликался на политические вопросы «тоном иронического превосходства», причем даже демонстрировал консервативные взгляды.^[34]

Лев поселился в семье неких Дикштейнов, дочь которых слыла девушкой радикальных убеждений. Ей вначале не понравились и мысли постояльца, и его манеры. По ее воспоминаниям, хранящимся в архиве

Индианского университета (они были написаны по просьбе М. Истмена и вошли в его архивный фонд), Лев выглядел как одесский денди — его волосы были гладко и аккуратно причесаны, носил он модную кепочку.^[35]

Однако в течение нескольких месяцев в его взглядах произошли глубокие изменения. Познакомившись с книготорговцем Галацким, Лев стал брать у него сначала пропущенные цензурой книги, а затем и нелегальные издания, среди которых были «Исторические письма» Петра Лавровича Лаврова, проповедовавшие роль «критически мыслящей личности» в просвещении простого народа, особенно крестьянства. Эта книга, имевшая большую популярность у революционной молодежи 1870–1880-х годов, в 1890-е годы постепенно утратила былую привлекательность, но стала открытием для Бронштейна. Более современно звучала книга «Что такое прогресс?» Николая Константиновича Михайловского, выступавшего в 1890-е годы с позиций «крестьянского социализма». Из этих работ, а также нескольких нелегальных памфлетов Лев узнал о народнических идеях, о «Народной воле» и «Черном переделе», хождении в народ, достоинствах крестьянской жизни и т. п.

Формированию новых идей способствовали молодые люди, с которыми Лев познакомился случайно, когда вместе с соучениками забрел к садовнику Францу Швиговскому, чеху по происхождению. Он зарабатывал себе на скромную жизнь, арендуя один из городских садов (скорее даже сквер), где построил избушку и то ли от скуки, то ли из неких идейных соображений собирал приезжих студентов, бывших ссыльных и местную молодежь. Швиговский произвел на Льва огромное впечатление. Вспоминая его через 30 с лишним лет, Троцкий явно преувеличивал личность своего первого «учителя по социализму». Для юноши важно было общение с людьми, которые либо встречались с героями-народовольцами — Андреем Желябовым, Софьей Перовской, Верой Фигнер, либо слышали о них.

Недавний консерватизм воззрений быстро испарился. Лев все острее чувствовал свою принадлежность «к сообществу разумных и верных повстанцев, воюющих за социальный прогресс».^[36] Как многим его сверстникам, да и людям старшего возраста, ему было чуждо понимание необходимости постепенного совершенствования общественных отношений, социальной эволюции, осознание смертоносности попыток революционной инженерии. Неоформленные революционные взгляды, в которых причудливо перемешивались стремление к быстрому и коренному изменению социальных отношений в лучшую для «простого народа»

сторону, восхищение героями антиправительственного террора, особенно теми, кто отдал свои жизни во имя «светлого будущего», поиск теорий, которые могли бы оправдать кровопролитие, — эти мысли и чувства, довольно быстро захватившие Льва Бронштейна, отнюдь не были оригинальными. Подобный настрой был характерен для значительной части активной молодежи, считавшей себя «интеллигентной» и видевшей свой долг в служении народу как просвещением, так и разжиганием революционных страстей.

Лев зачастил в сад Швиговского. В летнее время он и его товарищи собирались под яблоней вокруг самовара и, с аппетитом поглощая скудную пищу, купленную вскладчину, толковали о возможностях усовершенствования человеческого общества. Школьные занятия он запустил, уроки часто пропускал.

Так же жадно Лев поглощал революционную литературу, исторические труды, произведения по социологии, логике и эстетике — Джона Стюарта Милля, Юлиуса Липперта, Огюста Минье, Николая Чернышевского. В то же время Лев с интересом изучал книгу мыслителя, далеко отстоявшего от его политических взглядов, — «Эристику» Артура Шопенгауэра. Эта небольшая книга, название которой можно перевести как «Искусство спорить», рассматривала способы победить противника в споре вне зависимости от правоты. Искусство победить в споре любой ценой... Действительно, такие рецепты могут заменить тома глубоких трактатов!

Начиная с этого времени в мемуарах о Льве Бронштейне, как и в его личных воспоминаниях (рассказы Истмену, жене, собственная книга), появляется еще один интересный персонаж, ставший позже политическим оппонентом Троцкого, — Григорий Зив, уроженец Николаева, студент медицинского факультета Киевского университета, приехавший в родной город на рождественские каникулы 1896 года.

Ввиду зимы компания, собиравшаяся в саду Швиговского, переместилась в его хижину, которая, по словам Зива, стала «салон» радикально-социалистической молодежи, где шли жаркие споры о том, возможен ли в России капитализм, суждено ли ей пойти по стопам Западной Европы или же стране уготован особый путь. Постепенно выделились «марксисты» и «народники», хотя принадлежность к тому или другому направлению носила эмоциональный, а не идеологически-теоретический характер.^[37]

Зив вспоминает, что Лева Бронштейн был самым смелым и решительным спорщиком, принимал участие во всех дискуссиях, самоуверенно обдавал противника безжалостным сарказмом, заранее

уверенный в своей победе.^[38] В действительности его знания были гораздо слабее, чем могло показаться на первый взгляд. В убедительности его выступлений скорее сказывалась природная одаренность оратора. Зив полагает, что Бронштейна мало привлекали усидчивые кропотливые занятия, он не прочитал ни одной книги как народников, к которым поначалу себя причислял, так и марксистов, с которыми отчаянно спорил. Здесь мы, видимо, имеем дело с преувеличением. Просто Лев Бронштейн не сосредоточивался на одном предмете, расширяя свой запас знаний по многим областям. Иными словами, формировался не кабинетный ученый, а политик, способный моментально извлечь из своей памяти аргументацию по самым разным предметам.

Между тем у него возник конфликт с родителями. Приезжая в Николаев по коммерческим делам, Давид Броштейн узнал (мир не без добрых людей!) об опасных знакомствах сына. Произошло бурное выяснение отношений. Отец пытался образумить Льва, переходил от уговоров к ругани. Сын отвечал менее резко, но столь же упрямо и непримиримо. «Диспут» окончился тем, что отец заявил: «Или ты оставишь все это и займешься делом, или перестанешь тратить мои деньги».^[39] В результате Лев поссорился с отцом, отказался от его помощи, покинул снимаемую комнату и поселился вместе со Швиговским и несколькими юношами из круга «политических знакомств» в новом саду, который Швиговский арендовал вместе с более вместительной хижинкой.

Скоро, однако, группа почувствовала, что более вариться в собственном соку недостойно. Обсуждались пути того, как приступить к общественной деятельности. Решено было создать общество для распространения в народе полезных книг. Это была дерзкая инициатива, если иметь в виду почти полное отсутствие денежных средств. И все же каким-то образом члены кружка Швиговского стали собирать небольшие суммы, вносили членские взносы, на которые покупали дешевые книги. Затея провалилась, так как работавший в саду ученик-подросток, которого пытались «сагитировать», отнес несколько подозрительных книг в жандармское управление. Книги оказались легальными, особых неприятностей для «коммунаров» не возникло, но и новорожденное общество распалось, а за садом Швиговского был установлен полицейский надзор.

Однако стремление к активной общественной деятельности не угасало. Бронштейн попытался попробовать свои силы в политической журналистике. Узнав, что народнический журнал «Наше слово»,

выходивший в Петербурге, перешел в руки марксистов, он написал страстное письмо в редакцию журнала «Вестник Европы» с протестом против «козней» оторванных от простых людей интеллигентов.^[40] Вскоре после этого для легально выходившего в Одессе журнала либеральных народников «Южное обозрение» он написал резкую статью, направленную против марксистских взглядов тогдашнего авторитета П. Б. Струве.^[41] Отправив материал по почте, через неделю он поехал за ответом сам. «Редактор через большие очки с симпатией глядел на автора, у которого вздымалась огромная копна волос на голове при отсутствии хотя бы намека растительности на лице. Статья не увидела света. Никто от этого не потерял, меньше всего я сам».^[42]

Рабочая организация в Николаеве

Конец XIX века знаменовался интенсивным индустриальным развитием России, строительным бумом, возникновением рабочих организаций, которые, отдавая дань народническим идеям, в то же время постепенно увлекались марксизмом в различных его интерпретациях. году в Петербурге произошла крупная забастовка ткачей. Слухи о ней достигли Николаева, и в саду Швиговского о ней спорили тамошние «народники» и «марксисты».

Однажды в сад заглянула родная сестра братьев Соколовских Александра. Возможно, этот визит был вызван любопытством: братья немало рассказали ей о Льве Бронштейне, который может объяснить все на свете. Саша, ожидая увидеть бородатого профессора, была очень удивлена, обнаружив юношу с коротко подстриженными, но непослушными черными волосами и голубыми глазами.

При виде старшей по возрасту, уверенной в себе и в то же время нежной, стройной и очаровательной девушки молодой человек не стусевался. Они обменялись колкими репликами. «Вы полагаете, что вы марксистка? — спросил Бронштейн. — Я не могу представить себе, как юная девушка, полная жизни, может придерживаться этого сухого, узкого, непрактичного взгляда». Саша в долгу не осталась: «А я не могу представить себе, как человек, который полагает, что он логичен, может соглашаться с этой массой неопределенных идеалистических эмоций».^[43]

Александра произвела на Льва двойственное впечатление. С одной стороны, он увидел в этой девушке, шестью годами старше его,

очаровательную особу, на которую хотелось произвести самое благоприятное впечатление. С другой стороны, Александра имела значительно больший, чем ее братья и Лев, жизненный опыт. Несколько лет она училась в Одессе, где приобрела профессию акушерки. В этом портовом городе она встретила с молодыми людьми, которые учились в Женеве и познакомились там с членами основанной в 1883 году первой русской марксистской организации Г. В. Плехановым и В. И. Засулич. Новые знакомцы убедили Сашу в том, что марксистское учение — единственно правильная теория, дающая ответы на все вопросы общественного развития, что народничество препятствует социальному прогрессу. Саша была девушкой начитанной, целеустремленной, серьезной. Это нравилось Льву, но ее марксистские взгляды он считал далекими от жизни. Видимо, у Бронштейна возникло и чувство ревности, скорее всего небезосновательное, к тем одесским знакомым, с которыми несколько лет встречалась юная акушерка.

Между юношей и девушкой, смотревшей на него сверху вниз, начались непрерывные столкновения, едва ли не с садистскими элементами с обеих сторон, ибо во время каждой встречи они стремились как можно больнее уязвить друг друга. В конце концов Лев решил устроить розыгрыш, в который посвятил братьев Соколовских, не разделявших марксистских взглядов сестры. Когда в избушке Швиговского устроили встречу нового, 1897 года, туда была приглашена и Саша. Перед этим кто-то из братьев сообщил ей новость: «Ты знаешь, Бронштейн стал марксистом!» Она рассмеялась: «Если ты хочешь обмануть меня, расскажи что-нибудь другое, чему я могла бы поверить!» Зерно надежды, однако, зародилось. Когда Саша пришла в сад вечером 31 декабря, она спросила Льва, правда ли то, что о нем говорят. Тот ответил положительно. Когда же наступил Новый год, Лев поднялся и произнес тост:

«Проклянем всех марксистов, всех тех, кто хочет внести сухость и тяжесть во все жизненные отношения!» Потрясенная Александра выбежала из комнаты. За ней выскочил один из братьев, чтобы успокоить плакавшую сестру. Она бросила ему: «Я знаю, что ты продашь своего друга и своего отца во имя шутки. Но это слишком важные вещи, чтобы о них шутить. Скажи Бронштейну, чтобы он не смел разговаривать со мной. Я не желаю иметь с ним ничего общего!»^[44]

Этот эпизод воспроизведен Истменом, скорее всего, по рассказу Александры Львовны Соколовской, которая к этому времени (началу 1920-х годов) уже много лет была бывшей женой Троцкого, хотя и сохраняла с ним дружеские отношения. Сам же Троцкий ни словом не упоминает этот

случай.

Как известно, от любви до ненависти один шаг и наоборот. В данном случае переход от почти ненависти к любви произошел одновременно с переходом Льва Бронштейна на марксистские позиции. Из воспоминаний Троцкого невозможно установить, когда именно и как произошло такое принципиальное изменение в его мировоззрении. В мемуарах фиксируется внимание не на идеологической переориентации, а на создании рабочей организации. Видимо, одно происходило параллельно с другим, причем какое-то время Бронштейн все еще полагал, что можно создать рабочую организацию, не будучи социал-демократом, затем, что можно быть социал-демократом, не будучи марксистом,^[45] но вскоре пришел к выводу, что марксистские схемы отражают реалии общественного развития, что именно они — ключ к коренной перестройке общества.

Вместе с Ильей Соколовским, Зивом и Александрой (с которой постепенно произошло сближение и на почве совместной деятельности, и в силу взаимных нежных чувств) Лев начал поиски «сознательных рабочих», готовых войти в намечаемую организацию. Вскоре они познакомились с Иваном Андреевичем Мухиным, электротехником, бывшим религиозным сектантом, который, отказавшись от религиозных воззрений, теперь использовал их для антиправительственной агитации.

При помощи Мухина и небольшой группы его товарищей Бронштейн, Соколовские, Зив и еще несколько юных интеллигентов начали организовывать рабочие кружки, почти не связанные между собой, но получившие претенциозное наименование: Южно-русский рабочий союз. Формирование рабочих кружков было начато весной 1897 года. В 1924 году в анкете Троцкого на вопрос: «С какого года работаете в рабочем движении?» дан ответ: «С 1897». Встречи происходили, как правило, в трактирах. Из Одессы привезли рукописный заношенный экземпляр «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса с многочисленными пропусками и искажениями.^[46] В руководстве новоявленного союза Лев Бронштейн получил свою первую подпольную кличку Львов; подлинная фамилия была известна только его товарищам по саду Швиговского. Кружки собирались и в трактирах, и на квартирах, где их участники обменивались брошюрами и прокламациями, говорили о необходимости сбросить царя и создать республику, обеспечить свободу слова, обсуждали важную роль забастовок. Было написано подобие программы, которую много позже кто-то показал Плеханову. Патриарх российского марксизма рассмеялся: «Это, должно быть, дети».^[47]

Накопленная в ходе бесконечных догматических споров у Швиговского энергия вырвалась наружу. Одна за другой были сочинены почти десяток прокламаций, в том числе листовка «Дума рабочего» в стихотворной форме на украинском языке.^[48] Прокламации вначале писались от руки (о пишущей машинке, стоившей очень дорого, да и приобретение которой могло вызвать подозрения полиции, и подумать тогда не могли), причем Бронштейн оказался самым аккуратным переписчиком собственных текстов. «Я выводил печатные буквы с величайшей тщательностью, считая делом чести добиться того, чтобы даже плохо грамотному рабочему можно было без труда разобрать прокламацию, сошедшую с нашего гектографа».^[49] Этот гектограф был привезен Львом из Одессы, с тайными марксистскими организациями которой была установлена связь. Вскоре Бронштейн и его товарищи затеяли выпуск то ли гектографического журнала, то ли газеты. Было придумано название «Наше дело» и выпущены три номера, которые распространялись по городу и вызвали интерес у читающей публики, тайком знакомившейся с крамольными суждениями. Удавалось печатать 200–300 экземпляров. Все статьи, заметки и даже карикатуры принадлежали Льву. Он же переписывал текст печатными буквами. Четвертый номер выпустить не удалось из-за провала, члены организации были арестованы.^[50]

В ходе всей этой работы формировался характер самого Бронштейна. Он становился все более жестким, твердым и решительным, превращаясь в фанатика революции, хотя не отказывал себе в небольших жизненных радостях (которые, впрочем, подчас осуждал у других). Александра Соколовская через много лет вспоминала: «Он мог быть очень нежным и сочувствовавшим, он мог быть очень наступательным и высокомерным, но в одном он никогда не менялся — в своей верности революции. На протяжении всей моей революционной деятельности я никогда не встречала другого человека, столь полностью сконцентрированного».^[51]

Между тем приближались последние дни первой революционной организации Льва Бронштейна. Он признавал через много лет, сколь наивно с точки зрения конспиративной техники было задумано все дело. «Но николаевские жандармы были тогда немногим опытнее нас».^[52] Долго в таком «подвешенном состоянии» дело продолжаться не могло. Над Бронштейном и его товарищами сгущались тучи. «Но полиция медлила, не веря, что «мальчишки из сада» способны вести такую кампанию, и предполагая, что за нашей спиной стоят более опытные руководители... Это дало нам два-три лишних месяца».^[53] 28 января 1898 года были

произведены аресты. За решеткой оказалось свыше 200 человек. Среди них, правда, было немало случайных людей, вскоре освобожденных за недостаточностью улик.

Сам Лев был схвачен не в Николаеве, а в имении помещика Соковника, к которому Швиговский перешел на службу садовником. Именно туда Бронштейн заехал «с большим пакетом рукописей, рисунков, писем и вообще всякого нелегального материала». Когда нагрянули жандармы, Швиговскому удалось спрятать пакет за кадкой с водой, а затем шепнуть старухе-экономке, чтобы она его перепрятала.^[54]

Так Лев Бронштейн впервые оказался в руках царских карательных служб. Теперь ему предстояло показать, чего он стоит, в совершенно новых условиях, представлявшихся молодому человеку, которому шел только двадцать первый год, чрезвычайным испытанием сил и воли. Как оказалось, это испытание он прошел с точки зрения революционера достойно, в значительной степени благодаря своему целеустремленному и эгоцентричному характеру, стремлению быть во всем незаменимым и первым, а также находчивости и сообразительности.

Глава 2

ПЕРВАЯ ССЫЛКА И ПЕРВАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Скитания по тюрьмам

Пребывание в тюрьме никогда не бывает комфортным. Любое заключение — тягчайшая ноша для человека, тем более для юноши, полного сил и энергии. Но всё же условия тюремного заключения необходимо сопоставлять. Политические заключенные царской России, включая социал-демократов, не могли и предположить в конце XIX — начале XX века, что условия их пребывания за решеткой и тем более в ссылке покажутся раем по сравнению с тем адом, в какой будут превращены пенитенциарные учреждения после воцарения в России одной из их собственных фракций.

Но это — дело будущего. Пока же Лев Бронштейн оказался в большой камере старой николаевской тюрьмы. Было ужасно холодно, лишь на ночь выдавали соломенный матрас, который отбирали поутру. Днем узники надевали пальто и калоши, садились, оперевшись спинами о едва теплую печь, и дремали. Но долго так посидеть не удавалось. Необходимость

согреться заставляла бегать из угла в угол.^[55] Через раздатчиков пищи Лев узнал об аресте всех ведущих членов организации, включая Александру. В николаевской тюрьме Лев и его товарищи провели несколько месяцев. Предание суду власти затягивали, так как надежных доказательств вины не было. Тем временем наступила весна, и в саду, где работал Швиговский, обнаружился сверток с бумагами Южно-русского союза. Появились, таким образом, документальные доказательства вины арестованных.^[56] Однако и после этого городские полицейские чиновники и прокуроры медлили. Очень уж им не хотелось заводить в городе крупный политический процесс. В конце концов местным деятелям удалось убедить начальство, что дело им не подсудно, и арестованные были переведены в Херсон, а затем в Одессу. Бронштейна как главного заговорщика везли одного в почтовом вагоне под присмотром двух жандармов.

В Херсоне Лев оказался в одиночке, что перенес тяжелее, чем пребывание в многонаселенной камере. Грызла «жесточая тоска одиночества». Смены белья не было. Не было мыла. Заедали паразиты. Пища была скудной, тем более для молодого организма. Но Бронштейн не унывал. Он занимался зарядкой, сочинил несколько революционных песен, в том числе «Революционную камаринскую», которая начиналась словами: «Эх, и прост же ты, рабочий человек». «Весьма посредственного качества, стихи эти позже приобрели большую популярность». Они вошли в несколько сборников революционных песен.^[57] Вскоре, однако, ситуация изменилась. Появились свежее белье, одеяло, подушка, хорошая пища. По тону надзирателя, сообщившего, что все это передано его матерью, Лев понял, что тюремные начальники получили немалую взятку.^[58] Истмему Троцкий рассказывал через много лет, что матери удалось передать ему 10 рублей, значительную по тем временам сумму, чтобы он мог пользоваться тюремной лавкой.^[59]

Но и пребывание в Херсоне оказалось недолгим — около трех месяцев. Следующим этапом была одесская тюрьма. Здесь имелась библиотека, которой Лев пользовался с «неутомимой жадностью».^[60] Через некоторое время он стал получать книги из «внешнего мира».^[61] Заключение придумал оригинальный способ изучения иностранных языков: сестра принесла ему книги Евангелия на четырех языках. Опираясь на школьное знакомство с немецким и французским, Лев стал путем сопоставления текстов овладевать английским и итальянским.^[62]

Тем временем в тюрьму поступали вести с воли, жадно воспринимаемые социал-демократами. Дошли сведения о состоявшемся в

Минске в марте 1898 года нелегальном I съезде Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), на котором присутствовало всего девять человек, к тому же почти сразу арестованных. Реально социал-демократическую партию это собрание образовать не смогло, но съезд воспринимался как символ предстоявшего реального конструирования марксистской партии в России.

Однажды в разгар диспута у Льва случился странный приступ. Он потерял сознание, начались судороги. Правда, его легко привели в себя, и самочувствие почти сразу стало нормальным. Подобные случаи происходили и позже с разной степенью тяжести (обычно гораздо легче), чаще всего на публике во время сильного нервного напряжения. Известный социал-демократ Лев Григорьевич Дейч, которому позже Зив рассказал об этом случае, высказал мнение, что у Троцкого произошел приступ эпилепсии.^[63] Дейч, не имевший никакого отношения к медицине (у него было незаконченное высшее философское образование), вряд ли может в этом вопросе считаться авторитетом. Сам Троцкий и лечившие его после 1917 года лучшие российские медики, судя по имеющимся материалам, не определили характер заболевания. Один из кремлевских докторов, Ф. А. Готье, с которым у семьи Троцкого установились доверительные отношения, полагал, что имела место особая форма малярии, которую Троцкий подхватил в тюрьме, но он не был уверен в своем диагнозе. Постепенно загадочная болезнь приобрела новые формы: резко повышалась температура, возникали желудочные расстройства, особенно в моменты наиболее интенсивного нервного напряжения.^[64] Нередко Троцкий после такого приступа несколько дней находился в постели. Современные медики, с которыми консультировался автор этой книги, в частности Л. Л. Рубо, полагают, что Троцкий, скорее всего, страдал приступами вегетативно-сосудистого криза, связанными с крайними перегрузками нервной системы. Одно несомненно: приступы, которые происходили редко, но неожиданно, в немалой степени затрудняли сложную, полную интриг и неприязни, нередко перераставшей в ненависть, политическую деятельность Троцкого.

В конце 1899 года в одесском суде был вынесен сравнительно мягкий приговор по делу об участии в Южнорусском рабочем союзе. Четверо главных обвиняемых, включая Бронштейна, подлежали ссылке в Восточную Сибирь на четыре года.

После этого приговоренные были отправлены в Москву, где еще полгода ожидали этапа в пересыльной тюрьме. Здесь Лев впервые услышал

имя Н. Ленина (так подписывались публикации будущего большевистского вождя в то время^[65]) и прочитал вышедшую незадолго до этого его книгу «Развитие капитализма в России». Судя по краткости и сухости отзыва Троцкого об этом в своих воспоминаниях, книга особого впечатления не произвела.^[66] Действительно, это был скучный, полный заимствованных таблиц и статистических исчислений трактат, по существу дела, повторявший многочисленные исследования о развитии товарно-денежных отношений. Существенным отличием ленинского труда были едкие ремарки, порой сменявшиеся грубыми ругательствами.

Более существенным событием в московской пересыльной тюрьме стала женитьба Льва Бронштейна на Александре Соколовской. Молодые люди хотели вступить в брак еще во время пребывания в одесской тюрьме. Но тогда в связи с возрастом необходимо было согласие отца, в котором Давид категорически отказал. «Лева рвал и метал и боролся со всей энергией и упорством, на какие он был способен. Но старик был не менее упорен и, имея преимущество — пребывание по ту сторону ограды, остался непобежденным».^[67] Пришлось ожидать необходимого «брачного» возраста, чтобы официально сочетаться семейным союзом.

Сохранились нежные письма, которыми обменивались молодые люди, находя возможности пересылать их из камеры в камеру. В одном из них (от 17 ноября 1898 года) Лев сообщал, что порвал со своими родителями и отказался от их материальной помощи, что у него было свидание с отцом Саши, который даже был доволен этим разрывом (он считал, что родители Льва «гордятся в гораздо большей мере своим богатством, чем своими личными достоинствами» и что теперь «устраняется вопрос имущественного неравенства»). Лев писал невесте: «Я теперь так близко сижу от тебя, что, кажется, ощущаю твое присутствие. Если бы ты, спускаясь по лестнице на прогулку, сказала бы что-нибудь, я бы обязательно услышал. Попробуй, Сашенька!» И дальше вновь и вновь соединение юношеского любовного пыла с оптимизмом и перспективами общественной деятельности: «Жизнь все-таки так хороша, когда Саша так хороша и когда хочется так целовать и ласкать ее. Как мы будем счастливы. Как Олимпийские боги. Всегда, всегда неразлучно вместе». «Но приходит ли тебе в голову, что ко времени нашего возвращения из ссылки в России будет уже возможна легальная деятельность... О как мы с тобой будем тогда работать».^[68]

В конце концов супружескую связь благословил ребе по иудейскому обычаю. Молодые же рассматривали это как скучную формальность,

необходимую для того, чтобы они были поселены в ссылке вместе. Впрочем, Троцкий в мемуарах явно преуменьшает силу своих тогдашних чувств к Александре, пытаясь перевести личные отношения в русло политической борьбы: «Александра Львовна занимала одно из первых мест в южнорусском рабочем союзе. Глубокая преданность социализму и полное отсутствие всего личного создали ей непререкаемый нравственный авторитет. Совместная работа тесно связала нас. Чтобы не быть поселенными врозь, мы обвенчались в московской пересыльной тюрьме».^[69] Свидетель взаимоотношений этой пары Г. А. Зив отвергает версию трезвого расчета и пишет, что на свиданиях Лев обнаруживал трогательную нежность по отношению к невесте, а потом жене.^[70] Впрочем, несколько снижая пафос, Зив вспоминает, что тот был весьма внимателен и к другим дамам — сестрам и супругам, приходившим на свидания к арестантам. Лев Бронштейн, по словам Зива, буквально «очаровывал всех их своим рыцарством».^[71]

Усть-Кут и Верхолениск. «Восточное обозрение»

Поезд с арестантским вагоном отправился из Москвы на восток, в направлении Иркутска, 3 мая 1900 года. В ряде городов заключенных перегружали, причем нередко подолгу держали в пересыльных тюрьмах. К окончательному месту ссылки прибыли через полгода, глубокой осенью. Им оказалось село Усть-Кут на реке Лене. В селе было около сотни изб, окруженных прекрасной дикой природой. «Кругом лес, внизу река. Дальше к северу по Лене лежали золотые прииски. Отблеск золота играл по всей Лене»,^[72] — вспоминал Зив.

Но сам сельский быт и нравы, с которыми Лев столкнулся впервые (в семье отца он жил в господском, хотя и сравнительно скромном доме), вызывали чувство тоски. Бронштейн и Соколовская воочию узнали, что такое идиотизм сельской жизни. «Хозяин и хозяйка нашей избы пили непробудно. Жизнь темная, глухая, в далекой дали от мира. Тараканы наполняли ночью тревожным шорохом избу, ползали по столу, по кровати, по лицу».^[73] Видно, уже в то время у Троцкого зародилась стойкая неприязнь к деревенскому быту. Он не раз будет говорить и писать о значении крестьянского движения в русской революции, но с теми или иными оговорками, в какой-то мере навеянными личным опытом. Сочувствуя крестьянству, желая, чтобы его материальный уровень

повысился, а нравы и культура хотя бы в какой-то степени развивались в направлении приближения к городским эталонам, Лев все отчетливее понимал, что это может быть достигнуто только усилиями просвещенных людей.

В Усть-Куте Саша 14 (27) марта 1901 года родила девочку, зачатую на одной из пересылок. Новорожденную назвали Зиной. Чтобы облегчить себе быт, супруги переселились по легко полученному разрешению иркутского генерал-губернатора восточнее, на реку Илим, где у них были знакомые. Там Лев недолго прослужил конторщиком у купца. Однажды Бронштейн, задумавшись, видимо, о высоких материях, записал фунт краски как пуд и тут же был с позором изгнан. Лютой зимой пришлось возвращаться в Усть-Кут. «На коленях у меня была десятимесячная девочка. Она дышала через меховую трубу, сооруженную над ее головой. На каждой остановке мы с тревогой извлекали девочку из ее оболочки. Путешествие прошло все же благополучно».^[74]

Через непродолжительное время Бронштейну удалось получить разрешение на перемещение в Верхоленск — уездный городок, где имелась колония ссыльных, где были люди, с которыми можно было общаться, обсуждать политические проблемы, вырабатывать общую точку зрения или же ожесточенно спорить. Это была та питательная среда, без которой Лев не мог существовать. Именно здесь он познакомился с 27-летним Моисеем Соломоновичем Урицким, который разделял марксистские взгляды, а позже будет занимать центристские позиции в социал-демократическом движении, вместе с Троцким примет участие в революционных событиях в Петербурге в 1905 году, вместе с ним станет членом «межрайонной» социал-демократической группы, а затем большевиком в 1917 году. После Октябрьского переворота Урицкий возглавит Петроградскую чрезвычайную комиссию, станет инициатором кровавого террора в тогдашней столице России и будет убит в 1918 году молодым эсером. Другим верхоленским знакомым оказался еще более молодой 23-летний Феликс Эдмундович Дзержинский — польский социал-демократ, будущий председатель всесильной и кровавой Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), а затем ее преемника — Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), главный руководитель большевистской карательной службы, один из основных виновников «красного террора». По поводу Дзержинского Троцкий писал в мемуарах: «Темной весенней ночью, у костра, на берегу широко разлившейся Лены Дзержинский читал свою поэму на польском языке. Лицо и голос были прекрасны, но поэма

была слаба. Сама жизнь этого человека стала суровойшей из поэм». ^[75] Тот факт, что по воле Дзержинского лились океаны крови невинных людей, Троцкому, как деятелю той же коммунистической «мафиозной» структуры, хотя и оказавшемуся изгнанным и из структуры, и из своей страны, в конце 1920-х годов поляк представлялся одной из глав этой поэмы!

Но пока еще это были не сухари-догматики, хотя именно в этом направлении развивалась ментальность новых марксистов, а молодые люди, стремившиеся разнообразить свой быт. Большой популярностью пользовались спортивные игры, особенно крокет, дававший возможность проявить ловкость, находчивость, собранность. «И тут, как всюду и во всем остальном, где ему так или иначе предоставлялся случай проявить свою индивидуальность, Бронштейн органически не переносил соперников рядом с собой, и одержать победу над ним в крокете было самым верным средством приобрести злейшего врага в нем». ^[76]

Именно в Верховенске Лев Бронштейн стал овладевать навыками профессионального журналиста. С тревогой и неуверенностью он послал первые свои корреспонденции в выходящую в Иркутске еще с 1882 года газету «Восточное обозрение».

Это было провинциальное, но довольно солидное издание, основанное писателем, историком, путешественником и краеведом Н. М. Ядринцевым, в котором сотрудничали легальные народники и легальные марксисты. Хотя ссыльным было категорически запрещено публиковаться в прессе, издатель шел на риск, требуя лишь того, чтобы они печатались под псевдонимами. Власти нередко делали «предупреждения» газете и даже закрывали ее на определенный срок. Газета выходила до 1906 года. В конце концов издание ее было запрещено правительством. ^[77] Троцкий вспоминал, что он был «поддержан редакцией». ^[78] Действительно, в «Восточном обозрении» одна за другой стали появляться его корреспонденции, а затем и более солидные статьи. Гонорары были небольшими — четыре копейки за строку печатного текста, но ввиду плодовитости Льва копейки выливались в рубли, которые позволяли семье жить более или менее безбедно.

Бронштейн начал с деревенских корреспонденций. Псевдоним нашел быстро. Наудачу раскрыв итальянский словарь, Лев обнаружил там подходящий, с его точки зрения, термин — *antidoto* (противоядие) и, слегка переиначив, превратил его в Антида Ото. Псевдоним Антид Ото станет одним из основных в его публицистической практике на протяжении многих лет.

Первая корреспонденция в «Восточном обозрении» появилась в октябре 1900 года. Называлась она длинно: «Малозаметный, но весьма важный винтик в государственной машине».^[79] Речь шла об элементарной «социальной клеточке» российского государственного строя — сельском обществе, или сельской общине. Бронштейн продолжал ту же тему земства и в следующей корреспонденции.^[80] Он высказал мнение, что введение в Сибири земских учреждений — лишь вопрос времени, что самоуправление является важным требованием и «займет подобающее ему место в обороте всероссийской жизни», причем двери земских собраний следовало открыть представителям народных масс.

Цикл из четырех статей под общим названием «Обыкновенное деревенское»^[81] был посвящен большим вопросам сельского быта, непосредственным свидетелем которого являлся автор. Здесь рассматривались и «медицинская беспомощность» сибирской деревни, и сельская «тюремка», в которую запирали и буянов, и психических больных, и бесприютных инвалидов. Шла речь и об издевательствах безграмотных, озлобленных, пьяных крестьян над беспомощными женами, которые подвергались свирепым избиениям, о примитивизме церковно-приходской школы, вновь и вновь — о проблемах всесословной волости.

Все эти работы отличались знанием предмета, соответствующей публицистической и социологической литературы, в том числе на иностранных языках. Порой даже казалось, что Антид Ото чрезмерно щеголяет знанием немецкого и французского языков, перечислением имен зарубежных общественных деятелей, их произведений и позиций. Но за исключением отдельных неудачных мест все отсылки «к авторитетам» звучали обоснованно и существенно подкрепляли аргументацию.

Изложение было ярким, подчас красивым. Иногда, правда, Лев увлекался образностью стиля, использовал длинные и запутанные обороты, а красивость оказывалась на грани безвкусного китча. Это, однако, были естественные издержки манеры начинающего журналиста.

Более выраженным общедемократическим содержанием выделялись публикации, посвященные социальным аспектам художественной культуры, которые появлялись в «Восточном обозрении» с января 1901 года. Более или менее четко выделялись группы статей, посвященных творчеству писателей-классиков и представителей новейших тенденций художественной литературы, вопросам социологии литературно-художественного творчества. Всего в «Восточном обозрении» было помещено примерно 30 статей Бронштейна по культурной проблематике.

Среди них были краткие заметки и обширные публикации с продолжением.

Из опубликованных статей заслуживает быть отмеченным очерк о Н. В. Гоголе с исключительно высокой оценкой его творчества, особенно появления «Мертвых душ» в «мрачное и глухое время».^[82] Это произведение, которое Троцкий не без основания считал главным в творчестве великого сатирика, было исходным моментом для рассуждений по поводу того, насколько отодвинулся ныне «нелепый мир» «Мертвых душ». Сопоставляя Гоголя с М. Е. Салтыковым-Щедриным, автор ставил вопрос, имеют ли эти фигуры лишь художественный интерес «в наши дни». «О, если бы!..» — звучал ответ.^[83]

Особо следует остановиться на полурецензии-полуэссе, посвященном Н. К. Михайловскому, которого Троцкий совсем еще недавно боготворил, а теперь резко критиковал как легального народника.^[84] В основном в работе говорилось не столько о самом Михайловском, сколько о книге Бердяева и предисловии к ней, написанном П. Б. Струве и опубликованном в журнале «Мир Божий». Имея в виду, что названные авторы незадолго перед этим перешли с марксистских позиций на иные платформы (Струве скоро станет одним из лидеров российского либерализма, Бердяев — видным философом-идеалистом), можно легко понять негодование Бронштейна.

Он упрекал обоих, что они составляют «этический прейскуронт к наследию веков», хотя и заявляют о «нерациональности» такого рода деятельности. Последняя «всецело освобождает от личной ответственности».^[85]

Время от времени Лев с разрешения местного полицейского начальства ездил в Иркутск, изобретая какие-то фиктивные предлоги и не признаваясь, что едет в редакцию газеты, с которой установилось тесное сотрудничество. Каждый раз он полуг чал «проходное свидетельство», в одном из которых говорилось: «Дано сие состоящему под гласным надзором полиции административно ссыльному Лейбе Давидову Бронштейну в том, что согласно разреш[ению] Иркутского Губернского управления от 20 февраля сего года (1902-го. — Г. Ч.) ему разрешается проезд в г. Иркутск на один день, куда он должен следовать неуклонно и нигде во время пути не останавливаться без особо уважительных причин и обязательств, в последнем случае заявлять об этом местной полицейской власти для наложения на свидетельстве надписи».^[86]

«Я просиживал ночи, черкая свои рукописи вкривь и вкось, в поисках нужной мысли или недостающего слова. Я становился писателем», — констатировал Троцкий в автобиографии.^[87]

Социальная температура в России тем временем все более повышалась. Возникали подпольные социал-демократические организации, в том числе в Сибири. С одной из них — Сибирским социал-демократическим союзом — Бронштейн установил связь и писал для нее тексты воззваний и листовок.^[88] Через непродолжительное время Троцкий будет представлять этот союз на II съезде РСДРП. Традиционная система марксистских взглядов подвергалась критике не только со стороны либералов, но и внутри марксистского течения. В 1898 году германский социал-демократ Эдуард Бернштейн опубликовал брошюру «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», в которой критиковал некоторые устаревшие установки Маркса и Энгельса. «Ортодоксы», прежде всего Г. В. Плеханов, а за ним В. И. Ленин, бичевали Бернштейна, назвав как его, так и его последователей «ревизионистами». Этим ругательным термином обозначались те, кто стремился пересмотреть, усовершенствовать, приспособить к новой эпохе марксистские взгляды. Таковые взгляды, по мнению «ортодоксов», следовало сохранять в девственной чистоте.

Учитывая все больший накал общественной атмосферы, ссыльные рвались в бой. Начались все более частые побегии. Бежать было не очень трудно. Полиция была малоопытна и ленива. Большие трудности создавали огромные сибирские пространства, где велика была вероятность утонуть или замерзнуть. И все же Лев решил бежать из ссылки.

Семейные дела, однако, ставили возможность нелегального отъезда под сомнение. Через год после Зины на свет появилась вторая дочка, которую назвали Ниной. Но у Александры, женщины твердого революционного нрава, не было никаких колебаний. Троцкий через много лет писал, что именно она подала мысль о побеге, когда из-за границы поступили новые известия. Как и Лев, она была убеждена, что ему предстоят большие дела в руководстве социал-демократическим движением. Всю тяжесть воспитания крохотных детей А. Л. Соколовская добровольно и с полным убеждением в правильности этого взвалила на свои плечи. Впрочем, через некоторое время и она постепенно отошла от заботы о детях. Дочери росли болезненными. Обе они заболели туберкулезом. По окончании четырехлетней ссылки Александра передала старшую дочь на воспитание родителям Льва. Нина также жила с ними до девяти лет, а затем воспитывалась в семье сестры Саши. Сама же Александра выехала за границу, где выполняла поручения руководства

социал-демократов.^[89] И Зина, и Нина очень рано покинули сей мир. Об их судьбах будет сказано ниже.

Верность революционным идеалам оборачивалась душевной слепотой и почти полным безразличием к судьбе детей, хотя на первый взгляд казалось, что и Лев, и тем более Александра относились к дочерям с нежностью. Нравственная относительность проявилась отчетливо. Главным был абстрактный революционный долг, который приводил к душевному равнодушию в элементарных человеческих проявлениях. С аналогичными фактами отношения Троцкого и к обеим дочерям, и к своим младшим детям — двум сыновьям от второго брака — мы еще столкнемся.

Бегство Льва Бронштейна из ссылки привело к распаду семьи, хотя поначалу ни он, ни Александра этого не предполагали.

Сами обстоятельства первого побега известны в основном из воспоминаний Троцкого.^[90] По словам Льва, дело было осенью 1902 года, но он немного ошибся, ибо телеграмма о его отлучке из Верхоленска в Иркутск была датирована 22 августа. Из Верхоленска Лев был вывезен знакомым крестьянином. Для того, чтобы выиграть пару дней у полиции, в постели Льва соорудили некое чучело, а Александра говорила знакомым, в том числе полицейским, что ее муж заболел и находится в кровати. Бегство, однако, раскрылось уже на следующий день. В телеграмме верхоленского исправника иркутскому полицмейстеру сообщалось: «Вчера самовольно отлучился Лейба Бронштейн 23 лет, 2 аршина с половиной, волосы каштановые, подбородок двойной, разделенный, носит очки. [По] заявлению жены, Бронштейн выехал [в] Иркутск».^[91]

Лев благополучно добрался до города, установил связь с марксистами, которые передали ему бланк паспорта, куда оставалось вписать фамилию и имя. Подержав паспорт в руке, Лев вспомнил надзирателя одесской тюрьмы Троцкого — человека с величественной статью, при длинной сабле, который «орлиным взором осматривал свои владения».^[92] Скорее всего, просто из озорства Лев вписал в паспорт эту фамилию, не предполагая, что она станет его главным псевдонимом на всю жизнь, что именно под этой фамилией он войдет в историю.

Иркутские друзья помогли новоиспеченному Троцкому погрузиться в вагон поезда дальнего следования, снабдили его бельем, галстуком и прочими атрибутами цивилизации. По дороге Троцкий наслаждался не только чаем с пышками, но и «Илиадой» Гомера в переводе Н. И. Гнедича. «Я читал гекзаметры и мечтал о загранице. В побеге не оказалось ничего романтического: он целиком растворился в потоке чаепития».^[93]

В Верхоленске и Усть-Куте Бронштейн оставил по себе неплохую память среди местной немногочисленной «интеллигенции» (батюшки, молодого доктора, отработывавшего стипендию, станового пристава и крестьянского начальника!), о чем писал побывавший здесь позже в ссылке социал-демократ П. А. Гарви.^[94]

Троцкий сделал остановку в Самаре, где находился своего рода «внутренний штаб» «Искры» во главе с Глебом Максимилиановичем Кржижановским. Последнему были знакомы публикации Бронштейна, и он присвоил ему новую подпольную кличку Перо. По поручению самарской организации Бронштейн, он же Троцкий, он же Перо, посетил Харьков, Полтаву и Киев, где пытался установить связь с социал-демократами или создать их организации. Но Лев тяготился провинциальной организационной деятельностью и стремился вырваться за рубеж. Получив скудную сумму денег на дорогу, не очень хорошо изготовленные фальшивые документы, он выехал в Каменец-Подольский, а оттуда при помощи местных контрабандистов благополучно перешел венгерскую границу и поездом отправился в Вену. Завершился первый этап революционной деятельности Льва Бронштейна. На историческую арену выходил Лев Троцкий, которому доведется стать одной из наиболее ярких и противоречивых фигур в российской социал-демократии, а затем в большевистской тоталитарной системе и мировом коммунистическом движении.

Глава 3

ЛЕНИНЕЦ, МЕНЬШЕВИК, ЦЕНТРИСТ

Ленинский адепт

Первое впечатление, которое произвела на пришельца из сибирской ссылки Вена, можно определить как шоковое. У этого были две причины. Первая, знакомая всем людям, которые, впервые попав в чужую страну, наивно полагали, что знают язык этой страны, но, как оказывалось, не могли понять почти ни слова. Вторая, более существенная причина была связана с австрийской и вообще центральноевропейской ментальностью, которая отличалась упорядоченностью, четким распределением времени на работу и отдых. Троцкий с его бурным темпераментом никак не мог ожидать, что это качество может относиться не только к мещанским слоям,

но и к социал-демократам, их лидерам, даже к человеку, который не только в его представлении, но во всем II Интернационале рассматривался как «вождь» австро-венгерского рабочего движения. Им был 50-летний Виктор Адлер, с которым Троцкий решил встретиться немедленно по прибытии в Вену в уверенности, что Адлер забросит все дела, чтобы обеспечить ему дальнейшее продвижение в Цюрих, где проживал видный русский марксист Павел Борисович Аксельрод. Собственно говоря, Лев мог просто купить билет на поезд до Цюриха, но у него не было денег. Аксельрод же должен был помочь Троцкому добраться до Лондона, где находился Ленин.

С трудом Троцкий разыскал помещение центральной социалистической газеты «Arbeiter Zeitung» («Рабочая газета»), однако случайно оказавшийся там редактор Фриц Аустерлиц заявил, что господин Адлер отдыхает, ибо это был воскресный день, и беспокоить его не следует. Употребив все свое красноречие и настойчивость, можно сказать, наглость, Лев все же добился адреса. Адлер принял его приветливее, и главное было сделано — деньги на следующий отрезок пути Троцкий получил.^[95]

Из Цюриха, где с Аксельродом установились теплые взаимоотношения, путь лежал через Париж в Лондон. На рассвете одного из дней поздней осени 1902 года в квартире, где жили В. И. Ленин и Н. К. Крупская, раздался условный громкий стук дверным кольцом. Едва проснувшись Крупская поинтересовалась, кого занесло в такую рань. Услышав, однако, слово «Перо», она сразу впустила Троцкого в дом и разбудила мужа словами: «Приехало Перо».

Крупская рассказывала: «Оставив их вдвоем, я пошла объясняться с извозчиком (у Троцкого не было денег, чтобы ему заплатить. — Г. Ч.), устраивать кофе и т. д. Когда я вернулась, я застала Владимира Ильича уже сидящим на постели и оживленно толкующим с Троцким на какую-то довольно отвлекенную тему».^[96] Скорее всего, это было прощупывание Пера, его проверка на лояльность, и эту проверку на данном этапе он выдержал.

Так состоялось знакомство Ленина и Троцкого, между которыми сразу же, но ненадолго, установилось взаимопонимание, основанное на сходной оценке ситуации в России и задач российской социал-демократии.

После «пробных» рефератов в Лондоне Троцкого решили «испытать» на эмигрантской аудитории в Бельгии и Франции. Его реферат был посвящен защите исторического материализма от «субъективной» школы, то есть тех социологов, которые отстаивали значительную ббльпую роль личности, мыслительной деятельности в социальной эволюции. Ленин

просмотрел тезисы доклада Троцкого, одобрил их и посоветовал подготовить на эту тему статью для «Зари». Троцкий утверждал, что он не отважился выступить с чисто теоретической статьей «рядом с Плехановым».^[97] Представляется все же, имея в виду самоуверенность Троцкого и поддержку его Лениным, что против выступления юного автора с теоретической статьей выступил сам патриарх российского социализма.

С самого начала между Троцким и Плехановым отношения не сложились. Имеется версия, что невольным виновником этого была восторженная, несмотря на немолодой возраст (ей в 1902 году исполнилось 53 года), В. И. Засулич. Согласно этой версии, пущенной в ход любителем красного словца Анатолием Васильевичем Луначарским, Засулич якобы заявила Плеханову: «Этот юноша, несомненно, гений», на что Георгий Валентинович ответил: «Я никогда не прощу этого Троцкому».^[98] Версия не вызывает доверия: вряд ли Засулич могла дать столь напыщенную оценку Троцкому, с которым только познакомилась и который не имел серьезных теоретических работ; вряд ли Плеханов мог всерьез отнестись к суждению Засулич, если даже таковое имело место — скорее всего, он бы в свойственной ему манере едко отшутился. Сам Троцкий отмечал «высокомерно-насмешливый тон Плеханова».^[99]

В действительных причинах разобраться трудно, но тот факт, что 23-летнего пришельца в эмигрантскую среду Плеханов невзлюбил, бесспорен, и это враждебное отношение сохранится до конца жизни Плеханова в 1918 году. Скорее всего, в отношении Плеханова к Троцкому сказывались два момента: и раздражение по отношению ко всем «молодым недоучкам», и особая неприязнь к «наглому», по мнению Плеханова, «Перу».^[100]

Совершенно иным поначалу было отношение со стороны Ленина. Убедившись, что Лев разделяет его взгляды, в частности о необходимости создать четко структурированную подпольную социал-демократическую партию с твердой дисциплиной и единым руководством, находящимся в руках профессиональных революционеров, Ленин стал добиваться включения Троцкого в редколлегия «Искры», полагая, что это укрепит его собственную позицию.

В этом Ленина убеждали первые публикации Троцкого, появившиеся в «Искре». Его дебют в социал-демократической газете произошел 1 ноября 1902 года, когда появились сразу два его материала. Одним из них являлась небольшая и, казалось бы, посвященная второстепенному вопросу заметка.^[101] Несколько напыщенная, она была пронизана духом непримиримости и отщепенства. «Не раскрыл ли вам очей страх перед зловещим для вас

завтрашним днем? Если так, то вы должны видеть, что по крепостным стенам Шлиссельбурга до сего дня бродят неотмщенные тени замученных вами рыцарей свободы. Они взывают о мести, эти страдальческие тени. Не о личной, но о революционной мести. Не о казни министров, а о казни самодержавия». По всей видимости, этот довольно пустой материал импонировал Ленину своим тоном.

Вторым материалом явилась несколько ббльшая по объему статья «Бобчинские в оппозиции». Ни глубиной, ни шириной охвата проблемы она также не блистала. Но статью отличал задиристый, почти непримиримый настрой по отношению к русским либералам, которые начинали как раз в это время формировать свои организационно-политические структуры.^[102] Либеральных оппозиционеров Троцкий призывал к решительной поддержке автономии земств, но тут же высказывал убеждение, что это нереально, что «земское холопство и оппозиционное лакейство» сходятся в единый курс.^[103]

Вслед за этим в «Искре» был опубликован еще ряд статей Троцкого. Они посвящались все той же земской оппозиции и безрезультатности ее деятельности, взяточничеству чиновников, верноподданническим заявлениям местных деятелей, «идеалистической гамме» русских философов и литераторов — Бердяева, Булгакова, Розанова, Мережковского, «славянофильскому шарлатанству» правящих кругов и пр.^[104]

Публиковались статьи, посвященные рабочему движению и политике властей в рабочем вопросе.

Среди них выделялись две статьи, посвященные так называемой «зубатовщине», получившей название по фамилии начальника московского охранного отделения полковника Сергея Васильевича Зубатова и заключавшейся в создании легальных рабочих организаций, контролируемых полицией («полицейский социализм»), Троцкий был в числе первых, обративших внимание на то, что он назвал хождением правительства «в народ», опубликовав в «Искре» статью «Зубатовщина в Петербурге».

Ленин был доволен печатными выступлениями «Пера». Он отверг требования о возвращении Троцкого в Россию, которые, по словам Крупской, тот получал.^[105] Примерно об этом же говорит сам Троцкий, хотя он вспоминал, что за него перед Лениным «вступился» Лев Григорьевич Дейч, который «очень хорошо ко мне относился».^[106]

2 марта 1903 года Ленин обратился к Плеханову, как неофициальному

руководителю «Искры», с предложением включить Троцкого в состав редколлегии в качестве седьмого редактора (в редакцию входили Плеханов, Засулич, Аксельрод, Потресов, Мартов и Ленин). Он писал: «Я предлагаю всем членам редакции кооптировать «Перо» на всех равных правах в члены редакции (думаю, что для кооптации нужно не большинство, а единогласное решение). Нам очень нужен седьмой член и для удобства голосования (6 — четное число), и для пополнения сил. «Перо» пишет уже не один месяц в каждом номере. Вообще работает для «Искры» самым энергичным образом, читает рефераты (пользуясь при этом громадным успехом). По отделу статей и заметок на злобу дня он нам будет не только весьма полезен, но прямо необходим».^[107] Этот документ свидетельствует, что рекомендация преследовала цель «протолкнуть» в редакцию «Искры» своего сторонника. Более того, Ленин явно опасался разрыва с Троцким, обиды последнего, его недовольства отношением к нему как к своего рода ученику.

Как оказалось впоследствии, и мы это скоро увидим, Троцкий не обладал теми качествами послушного последователя, которые приписывал ему Ленин, и хвалебные слова скоро сменились у Ленина злобными инвективами.

Однако тогда к мнению Ленина присоединился Ю. О. Мартов, который написал П. Б. Аксельроду о предложении Ленина включить Троцкого в редколлегию «Искры» «на полных правах». Литературные и ораторские способности «Пера» Мартов оценил еще более высоко, нежели Ленин. В письме Мартова говорилось: «Его литературные работы обнаруживают несомненное дарование, он вполне «свой» по направлению, целиком вошел в интересы «Искры» и пользуется уже здесь (за границей) большим влиянием благодаря недюжинному ораторскому дарованию. Говорит он великолепно — лучше не надо».^[108]

Вопрос о включении Троцкого в редколлегию не был решен положительно. Против этого возражал Плеханов.^[109] Он считал Троцкого выскочкой, недоучкой, фразером. В этом он был лишь отчасти прав. В основном чувство раздражения было связано с тем, что этот еще молодой человек демонстративно держался с ним на равных. Плеханов нередко буквально саботировал публикацию статей Троцкого, задерживал их у себя долгое время, пока они не устаревали. Потресов писал Мартову 4 апреля 1903 года: «Рукопись «Пера» я давным-давно передал Г[еоргию] В[алентиновичу]. Она у него находится и теперь, но прочел ли он, не знаю».^[110] Плеханов как-то заявил Ленину: «Перо вашего «Пера» мне не

нравится».

В ходе подготовки ко второму съезду РСДРП, который рассматривался социал-демократами как фактически учредительный съезд, Троцкий совершил новое агитационно-пропагандистское турне, на этот раз выступая в основном в колонии русских эмигрантов в Париже. Это была вторая поездка Троцкого в прекрасную французскую столицу, в которую он стремился теперь не только по соображениям, связанным с политическими поручениями.

Когда Троцкий приехал в Париж осенью 1902 года, его прежде всего надо было устроить на квартиру. Примкнувшая к «Искре» бывшая народница Екатерина Михайловна Александрова поручила это дело юной студентке Наташе Седовой, посещавшей в Сорбонне лекции по истории искусства. Как оказалось, крохотная свободная комната была в доме на улице Лаланд, где жила сама Наталья. В ней и был поселен Лев. На следующий день Александрова поинтересовалась, чем занимается приезжий лектор, готовится ли он к докладу. «Не знаю, верно, готовится, — ответила Наташа, — вчера ночью, поднимаясь по лестнице, я слышала, как он насвистывал в своей комнате». «Скажите ему, чтобы он не свистел, а хорошенько готовился», — строго сказала Екатерина Михайловна, фактически подталкивая Седову к более близкому знакомству с Троцким. [\[111\]](#)

Молодой марксист произвел на Наташу Седову очень сильное впечатление. К этому времени она еще в полной мере не определилась в своих политических позициях и предпочтениях, но настроена была весьма революционно.

Наталья родилась 5 (17) апреля 1882 года в Харькове в семье чиновника среднего достатка Ивана Седова и Ольги Колчевской. Она окончила гимназию в родном городе, в старших классах посещала тайные сходки, на которых распространялись листовки о страданиях простых людей и провозглашалось грядущее торжество свободы. По окончании гимназии Наталья отправилась в Женеву изучать естественные науки в тамошнем университете, но все более вовлекалась в студенческие диспуты. Во время одного из них ее представили Плеханову. Найдя естествознание неинтересным, Седова, тяготеющая к гуманитаристике, переехала в Париж, где установила контакты с социалистическими кругами.

Именно в это время и состоялось знакомство Натальи и Льва, которое почти сразу переросло в пылкую любовь, а вслед за этим, во время второго посещения Троцким Парижа, в фактический брак. Официальный церковный брак они не заключали и не могли его заключить, так как Лев не

развелся с Александрой. Формально Троцкий до самого Октябрьского переворота 1917 года, после которого брачное законодательство, как и все остальные сферы жизни, было в корне изменено, оставался мужем А. Л. Соколовской.

Наталья Ивановна вспоминала через много лет: «Ему было двадцать три и он совсем недавно провел три года ссылки в Восточной Сибири. Его острый ум, его жизнестойкость и его способность к серьезному труду отличали его как сильную и зрелую натуру».

Наталья с удивлением отмечала, что Париж не произвел на возлюбленного сильного впечатления. В ответ на ее вопрос Лев отмахнулся, заявив, что Одесса гораздо лучше. Все же он соизволил как-то пойти с Натальей на могилу поэта-символиста Шарля Бодлера на кладбище Монпарнас. О том, что именно произошло после этого, Наталья Ивановна прямо не рассказывает, но это ясно из контекста повествования: «С этого времени наши жизни были неразделимы. Я получала помощь в сумме двадцати рублей в месяц, и Лев Давидович зарабатывал примерно столько же своим писательством. Мы могли лишь сводить концы с концами, но зато у нас был Париж, дружеское отношение беженцев, постоянные мысли о России и великих идеях, которым мы посвятили наши жизни».^[112]

Отчасти под влиянием Наташи, отчасти в силу собственной любознательности, в какой-то мере преодолевая впечатление, произведенное Лениным, который в Лондоне, а затем в Париже демонстрировал холодное презрение к «буржуазному искусству», Лев постепенно приобщался к художественным ценностям. Сам Троцкий признает, что дальше дилетантизма он не пошел.^[113] Но все же регулярные посещения вместе с Натальей Лувра, других музеев и выставок, знакомство с живописью, скульптурой, архитектурой в какой-то мере обогатили его образование, что позже он будет нарочито демонстрировать, в частности в статьях, направляемых в русскую либеральную прессу после революции 1905–1907 годов.

На Втором съезде российских социал-демократов

Приближался тем временем второй, а по существу первый подлинный съезд российских социал-демократов, расколотых на множество крохотных групп и течений. В апреле 1903 года лидировавшая группа социал-демократических эмигрантов собралась в Женеве. Здесь без особых споров

был согласован проект программы партии, обсуждались, пока еще сравнительно спокойно, основные положения устава. Крупская комментировала: «Приехал Троцкий. Пустили и его в оборот. Поселили у него «для обработки» вновь приехавшего питерского делегата Шотмана».

[114] 23-летний Александр Васильевич Шотман участвовал в социал-демократических кружках с 1899 года, но Ленин, видимо, не вполне был уверен в его позиции на предстоявшем съезде и в качестве эффективного орудия убеждения использовал Троцкого.

Было решено проводить съезд в Брюсселе, где местный рабочий кооператив предоставил для заседаний помещение своего Народного дома, собственно, даже не самого дома, а его скрытого от посторонних глаз склада, где хранились тюки шерсти и было полно блох, атакам которых подверглись делегаты, [115] прежде чем они стали атаковать друг друга.

Но это будет через несколько дней. Пока же участники съезда ехали в Брюссель разными путями, предпринимая некоторые, обычно наивные, предохранительные меры, чтобы не попадаться на глаза блюстителям государственного строя и общественного порядка. Троцкий, получивший мандат от Сибирского союза (скорее мандат был только предоставлен от имени Сибирского союза, ибо связи с последним не было), выехал в Брюссель с маленькой станции Нион. Ехал он вместе с делегатом тульских социал-демократов врачом Дмитрием Ульяновым, младшим братом Ленина. С ним он сблизился, что вскоре попытается использовать Ленин, но без успеха.

Съезд проходил с 17 (30) июля по 10 (23) августа, вначале в Брюсселе, а затем (после фактического запрещения его работы бельгийской полицией) в Лондоне.

В Брюсселе за делегатами непрерывно следили агенты полиции, поначалу не очень заметные, но постепенно стали ходить по стопам делегатов, почти не таясь. Троцкий, приехавший по болгарскому паспорту на имя Самоковлиева, [116] почувствовал слежку не сразу. Только в начале второй недели заседаний, когда вечером он вышел из ресторанчика в обществе Засулич, к ним подошел один из делегатов и прошептал: «За вами шпик, расходитесь в разные стороны». Наивная попытка укрыться от слежки не удалась. На следующий день «месье Самоковлиев» и другие делегаты были вызваны в полицию и им предложили покинуть Бельгию. [117] Съезд был перенесен в британскую столицу.

Троцкий был одним из самых активных участников съезда, выступал почти на каждом заседании. С. В. Тютюкин обнаружил в протоколах свыше

ста его выступлений и реплик.^[118]

В первые дни съезда Троцкий, в полной мере оправдывая ожидания Ленина, вел себя активно и агрессивно. Он выступил уже на втором заседании 31 июля (по новому стилю^[119]) при обсуждении порядка дня. Спор разгорелся о месте в партии еврейской социал-демократической организации Бунд, представитель которой М. И. Либер настаивал, чтобы этот вопрос не выделялся, что он входит в «рубрику организации партии». Троцкий выступил против этого мнения. Он утверждал, что существуют серьезные разногласия по вопросу «единая организация с той или иной степенью самостоятельности частей («автономия») — или союз самостоятельных организаций («федерация»)». Раз этот вопрос встал перед нами, «мы должны его исчерпать, мы не должны его откладывать».^[120]

Однако этим выступлением в ходе обсуждения порядка дня Троцкий не ограничился. Он высказался против представительства на съезде эмигрантской группы «Борьба», возглавляемой Д. Б. Рязановым (Гольдендахом) (1870–1938), который прошел путь от народника до известного марксиста, пользовался авторитетом в зарубежных кругах (он находился в эмиграции с 1900 года), был острым и безжалостным полемистом. В рассматриваемый период группа «Борьба» осудила «экономистов», по адресу которых метал громы и молнии Ленин. Тем не менее «экономисты» в съезде участвовали, и Ленин с этим мирился.

Гнев по адресу группы Рязанова объяснялся тем, что она обвинила в экономизме... саму «Искру». Представляется, что непримиримый тон Ленина и особенно Троцкого по адресу «Борьбы» и ее руководителя был вызван не столько позициями группы, сколько качествами ее лидера — резкостью, остроумием, сарказмом. В этом смысле между Рязановым и Троцким было немало общего. Выступая 31 июля, Троцкий не жалел черной краски, которую щедро лил на «Борьбу» и прежде всего на самого Рязанова. «Эта группа бессильна и фактически и морально-политически», — твердил он. Ее позицию, считал Троцкий, определяет конъюнктура данного момента.^[121] Это были красочные, но не имевшие под собой логической почвы слова, ибо вся российская социал-демократия в это время (да и позже) представляла собой конгломерат разобщенных групп. По словам очевидцев, Рязанов во время съезда называл Троцкого «дубинкой Ленина».^[122]

Так уже в самом начале работы этого важнейшего социал-демократического форума Троцкий выдвинулся на передний план, хотя был еще совсем молодым человеком.

Третьего августа на съезде началось обсуждение программы РСДРП. 4 августа Троцкий взял слово в обсуждении этого основополагающего документа. В полном согласии с Плехановым и Лениным он критиковал позиции «экономистов» Мартынова и Акимова, особенно последнего, который возражал против включения в максимальную программу требования диктатуры пролетариата. К этому времени молодой социал-демократ уже хорошо научился приклеивать уничижительные ярлыки оппонентам. Он утверждал, что, отрицая диктатуру, Акимов впадает в обычный реформизм. Правда, в выступлении подчеркивалось, что диктатура пролетариата будет «не конспиративным захватом власти», а политическим господством «организованного рабочего класса, составляющего большинство нации». ^[123]

Особое внимание Троцкий уделил аграрной части программы, посвятив ей два выступления. В одном он отстаивал необходимость ограничиться аграрными требованиями, направленными против остатков крепостного права, но не создавать некую программу «аграрного социализма». «Это — задача социалистов-революционеров», — с оттенком пренебрежения бросил оратор. ^[124] Вслед за Троцким выступил Ленин примерно с тех же позиций. ^[125] Второе выступление по аграрной части было в основном посвящено требованию возвращения крестьянам так называемых земельных отрезков, то есть участков земли, которыми они владели до реформы 1861 года и которые были у них отобраны при освобождении. Поддерживая этот лозунг, Лев в то же время оставлял простор для выдвижения более широких требований. Он утверждал, что на Западе крестьянство уже исчерпало свою революционную роль. «У нас положение иное. В наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством, — как в интересах крестьянской бедноты, так и в интересах пролетариата». Он призывал партию к работе в крестьянской среде не с «дальновидной осторожностью», а к «дерзости, дерзости и дерзости». ^[126] При всей декларативности и ораторской напыщенности заявления, носившего общий характер, нельзя не видеть, что оно свидетельствовало о признании активной роли крестьянства как движущей силы революции. И в этом вопросе позиция Троцкого, совпадавшая во время съезда с позицией Ленина, через некоторое время претерпит существенные изменения.

Идиллия во взаимоотношениях между Лениным и Троцким, однако, приближалась к концу, хотя Крупская выражала убеждение Ильича, что у Троцкого не могут возникнуть какие-либо колебания. ^[127] 15 августа на

утреннем заседании, проходившем под председательством Троцкого, началось обсуждение проекта устава партии. Почти сразу возникли дискуссии по поводу двух формулировок первого параграфа, представленных Лениным и Мартовым. Разница казалась небольшой. Ленин требовал участия каждого члена партии в работе одной из подпольных парторганизаций. Мартов соглашался на поддержку членами партии таковых, допуская, что некоторые партийцы не будут непосредственно участвовать в нелегальных организациях, но будут руководствоваться их указаниями или оказывать партии содействие под руководством одной из ее организаций. Троцкий с полным основанием полагал: «Непосредственного практического значения это противоречие не имело, так как правом решающего голоса по обеим формулам наделялись только члены нелегальных организаций. Тем не менее, две расходящиеся тенденции были несомненны».^[128] Действительно, на первых порах казалось, что происходит то, что в английской поговорке называют *hair-splitting* («расщеплением волоса»), то есть споры по поводу почти ничего не значащих расхождений.

Вначале Троцкий выступал осторожно, но с самого начала критически по отношению к ленинской формуле. «Я опасюсь, что формула Ленина создает фиктивные организации, которые будут давать лишь своим членам *цenz*, но не будут служить средством партийной работы», — говорил он.^[129] Поначалу Ленин довольно вяло защищал свою позицию, но постепенно пришел в состояние возбуждения, отказываясь от каких-либо компромиссов, превращая мелкое разногласие в предмет принципиальных расхождений, руководствуясь в значительной степени собственной амбицией. «За кулисами шла борьба за каждого отдельного делегата, — вспоминал Троцкий. — Ленин не щадил усилий, чтобы привлечь меня на свою сторону». «Старик», как стали называть Ленина уже в это время, пригласил Троцкого на прогулку вместе с большевиком П. А. Красиковым, человеком недалекого ума, но очень грубым,^[130] который давал во время гулянья настолько бесцеремонные характеристики редакторам «Искры», что даже Ленин, сам весьма грубый и безапелляционный человек, при этом морщился, «а я содрогался».^[131]

Решено было провести закулисное совещание «искровцев», на котором председательствовал Троцкий. Попытка найти выход из тупика результата не дала. Ленин покинул совещание, хлопнув дверью. После этого «старик» предпринял еще одну попытку вернуть Троцкого на свою сторону, наставить на «правильный путь». Он подослал своего брата Дмитрия,

который сблизился с Львом во время поездки на съезд. Несколько часов длилась беседа в одном из тихих лондонских парков. Никаких результатов и эта миссия не дала.^[132]

В итоге Троцкий не только не вернулся, а стал энергично выступать против ленинской формулировки и в поддержку Мартова. 15 августа на послеобеденном заседании Лев произнес энергичную речь, возражая против предложения «старика». Оратор отмечал, что формула Ленина, якобы направленная против интеллигентского индивидуализма, «попадает совсем в другую цель». Он подчеркивал, что разного рода общественные объединения по интересам: гимнастические союзы, организации Красного Креста, студенческие землячества «гораздо долговечнее всяких рабочих организаций».^[133]

В определенной степени благодаря энергичным усилиям Троцкого, его логике и красноречию первый параграф устава РСДРП был принят в более гибкой, чем ленинская, формулировке Юлия Мартова.

Хотя вопрос о первом параграфе был главным предметом разгоревшегося острого спора, дискуссии продолжались и по другим пунктам. Троцкий высказал мнение по поводу функций Совета партии. Он напомнил, как возникла сама идея этого органа: в условиях существования двух центров — ЦК и центрального печатного органа (ЦО) — решили создать «регулятор деятельности этих органов» в виде Совета. Теперь же некоторые делегаты высказывали пожелание, чтобы Совет стал центром партии. «Таким образом, мы начинаем сначала».^[134] Ни Троцкому, ни другим участникам съезда не приходила в голову мысль, что незначительная по численности подпольная партия, находившаяся в состоянии организационного становления, вряд ли могла позволить себе иметь целых три руководящих органа, превращаясь изначально в бюрократическую структуру.

Острые дебаты развернулись по вопросу о составе редколлегии «Искры». Им предшествовали кулуарные переговоры, во время которых Ленин предлагал сократить состав редакции вдвое — с шести до трех человек (он сам, Плеханов и Мартов), удалив Потресова, Засулич и Аксельрода. Вначале, еще до конфликта по поводу устава, Ленин предлагал ввести в редакцию и Троцкого. Верный себе Плеханов резко высказался против, и Ленин свое предложение миролюбиво снял. На официальном заседании Троцкий выступал за переназначение прежнего состава редколлегии, руководствуясь не только соображениями целесообразности, но и почтительным отношением к троице, которую Ленин собирался

жестко и бездушно выбросить за борт. Ленин настоятельно требовал выборов нового, сокращенного состава. В результате прошло предложение Ленина, который получил незначительное большинство в два голоса.^[135]

Приехав на съезд единомышленниками, почти друзьями, Троцкий и Ленин покидали его в полном взаимном отчуждении, фактически врагами. В основе своей эти враждебные отношения сохраняются до 1917 года.

В чем же заключались причины такого внезапного разрыва? Пытаясь его объяснить, Троцкий уходит от вопроса о первом параграфе устава, хотя именно по этому вопросу начали возникать резкие разногласия. Он утверждает, что главным пунктом разрыва был вопрос о редакции «Искры». «Ленин относился ко мне прекрасно. Но именно он посягнул теперь в моих глазах на редакцию, которая была для меня единым целым и называлась обаятельным именем «Искра». Мысль о расколе коллегии казалась мне святотатственной».^[136]

Принять это объяснение трудно потому, что вопрос о редколлегии обсуждался позже вопроса об уставе, когда и произошел фактический разрыв между обоими деятелями. Ничтоже сумняшеся Троцкий на следующей странице воспоминаний признавал, что конфликт с Лениным произошел в результате разного понимания централизма,^[137] то есть как раз в связи с уставом.

Мне же представляется, что этот острый конфликт в основе своей имел личностный характер. Троцкий постепенно, но все больше убеждался, что под руководством Ленина, в группе его сторонников он постоянно будет играть вторую роль, никогда не сможет пробиться в единоличные руководители, что ленинская воля и напор будут подавлять его индивидуальность. Этого Лев не мог вынести.

Ко времени Второго съезда Ленин в полной мере осознал, что его путь к партийному руководству (о государственной власти он пока еще помышлять не мог) возможен только в том случае, если он будет пользоваться в борьбе любыми средствами, включавшими пасквили, ложь, клевету по адресу соперников и недругов, фальсификацию их суждений, приписывание им произвольных высказываний и т. п. Троцкому еще было далеко до таких качеств. Пока ему несравненно ближе в моральном отношении были сдержанные суждения тех, кто оказался в меньшевистской группе, хотя политически поначалу он был ближе к централистским ленинским установкам. Позже Троцкий овладеет многими из ленинских нечистоплотных средств, но дорасти в этом смысле до «старика» он никогда не сможет. У Троцкого усиливалось чувство

раздражения против Ленина, которое привело к полному разрыву.

Вспоминая время Второго съезда, А. В. Луначарский через много лет писал в рукописных мемуарах: «Вероятно, в Троцком того времени было много мальчишеского задора. В сущности, очень серьезно к нему не относились по его молодости, но все решительно признавали за ним выдающийся ораторский талант и, конечно, чувствовали, что это не цыпленок, а орленок».^[138]

Меньшевизм и отход от него

Так в конце Второго съезда РСДРП 24-летний «орленок» Троцкий оказался в стане меньшевиков, которые удостоились этого наименования в связи с тем, что при выборах съездом центральных партийных органов получили меньше голосов, нежели сторонники Ленина.

В дальнейшем меньшевики и большевики, которых подчас называли «враждующими братьями», ибо и те и другие руководствовались одной и той же программой РСДРП, то приближались друг к другу (особенно в период подъема революции 1905–1907 годов), то вновь расходились, претерпевали перегруппировки, пока наконец в 1917 году (а не в 1912-м, как утверждала советская историография) стали двумя самостоятельными партиями.^[139]

Лев принял участие в состоявшемся в середине октября 1903 года в Женеве совещании 17 меньшевистских деятелей, на котором вместе с Мартовым, Потресовым, Аксельродом и Ф. И. Даном был избран в состав меньшевистского центра («бюро меньшинства»). Была принята резолюция, подготовленная Троцким и Мартовым, которая являлась реакцией на победу большевиков на съезде. В резолюции обращалось внимание на то, что действия большинства ведут к расколу партии на «замкнутую, односторонне подобранную центральную организацию» и на «широкую разнородную массу социал-демократических работников», компрометируя этим «саму идею единой боевой строго централизованной партии».^[140]

Ленин, в свою очередь, энергично полемизировал с Троцким, в частности в посвященной итогам съезда брошюре «Шаг вперед, два шага назад», вышедшей в Женеве в 1904 году. Он, правда, признавал, что в начале съезда Троцкий поддерживал его позиции по вопросам о Бунде, по некоторым программным положениям (о роли крестьянства в революционном процессе). Но касаясь дискуссии по уставу, Ленин уже

называл Троцкого оппортунистом или, в некоторых местах, чуть осторожнее: Троцкий, мол, говорит опять, «как оппортунист».^[141]

Троцкий, не оставшись в долгу, в свою очередь, опубликовал направленную против Ленина брошюру «Наши политические задачи», посвятив ее «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду».^[142] Брошюра была выпущена меньшевистским издательством в августе 1904 года. Весь ее пафос был направлен против партийного раскола. Хотя автор чувствовал себя ближе к меньшевикам, чем к большевикам, и дискутировал главным образом с Лениным, он начинал несколько дистанцироваться и от меньшевистского крыла. Недаром в предисловии высказывалось сожаление, что русские социалисты как бы не знают других задач, кроме мелочной внутренней борьбы, не видят других перспектив, кроме партийного раскола.^[143] В брошюре содержалась острая полемика против того партийного режима, который вытекает «из совершенно фантастических представлений о путях партийного развития». Автор трактовал эти представления как «организационную сутолоку», приемы и методы «осадного положения».^[144]

Уже здесь, в предисловии, становилось ясным, что главным объектом критики являются ленинские установки. Троцкий выражал это еще четче в специальном разделе, посвященном «книжке» Ленина «Шаг вперед, два шага назад», в которой «разрозненным предрассудкам придано подобие системы». Троцкий признавал, что писал эту часть работы неохотно, но не потому, как это могло показаться на первый взгляд, что недавно был близок к Ленину. Нет, Троцкий теперь открыто издевался над Лениным: «Хотя и до выхода названной книжки мы не сомневались, что ничего внушительного тов. Ленин не сможет сказать в защиту собственной позиции, ибо позиция, занятая им, совершенно безнадежна, но все же такой бледности мысли, какую он обнаружил, мы не ожидали».^[145]

И далее шел детальный разбор тактических и организационных задач социал-демократии с позиции решительного противостояния «ортодоксальной теократии», которую пытался навязать ей Ленин. Эпитеты сыпались один за другим. Ленина автор упрекал в негибкости мысли, в стремлении насадить в партии «казарменный режим», в установке: «Когда против меня восстают, это очень дурно. Когда я восстаю, тогда хорошо».^[146] Бумага, на которой Ленин писал, «краснела за него».^[147]

Троцкий решительно выступал против игнорирования самостоятельности пролетариата, подмены класса партией, называя таковую «политическим заместительством». В противовес Ленину, который,

привлекая опыт французской революции XVIII века, называл большевиков «якобинцами с пролетариатом», Троцкий решительно противопоставлял социал-демократизм якобинизму, а самого руководителя большевиков издевательски именовал Максимилианом Лениным, проводя параллель между ним и вождем якобинцев Максимилианом Робеспьером, фанатичным и безжалостным инициатором кровавого террора в 1794 году. Якобинская большевистская тактика, полагал автор, в конце концов подведет весь пролетариат под «революционный трибунал» по обвинению в примиренчестве, и первой попадет под нож гильотины львиная голова Маркса. В брошюре была прозорливо суммирована сущность ленинского плана партийного строительства, который во всей своей масштабности развернется после прихода большевиков к власти: «Партийная организация подменяет собой партию, Центральный Комитет заменяет партийную организацию, и, наконец, «диктатор» подменяет собою Центральный Комитет...»^[148]

Так разрыв между обоими социал-демократическими лидерами углублялся во все большей степени, становился почти непреодолимым, во всяком случае, в реально складывавшихся условиях. Позже, в советское время, Троцкий, ставший ближайшим соратником Ленина, постарался забыть об этой брошюре и очень не хотел, чтобы о ней вспоминали другие. Это была единственная работа, которая не только не была переиздана, но о которой автор вообще никогда не упоминал начиная с 1917 года. Недруги, однако, помнили о ней и многократно тыкали ее в нос автору, когда тот стал оппозиционером.

Тем временем в 1903–1904 годах Лев все более оттачивал свое искусство полемиста, выступая на социал-демократических собраниях в Швейцарии. Меншевик П. А. Гарви вспоминал одно из собраний в Женеве, происходившее под председательством Ф. И. Дана: «С большой речью выступил Троцкий, обрушившийся на большевиков. Такого блестящего оратора мне не приходилось еще слышать ни в подполье, ни в тюрьме. Бросались в глаза боевой задор, отточенность, пожалуй, нарочитая и чрезмерная, формулировок, полемическое искусство: в руках не меч, а шпага».^[149]

С конца ноября 1903-го по октябрь 1904 года в «Искре», оказавшейся в руках меньшевиков, были опубликованы семь «Политических писем» Л. Д. Троцкого.^[150] Восьмое письмо не появилось, видимо, в связи с тем, что Троцкий постепенно отходил от меньшевиков. То ли он сам воздержался от публикации этого текста, то ли его не допустила редакция. В личном

архиве, однако, Троцкий письмо сохранил и опубликовал в своем собрании сочинений.^[151]

Содержание «Политических писем» несколько отличалось от общих установок «новой», меньшевистской «Искры» большей агрессивностью как в отношении официальных учреждений царской империи, так и оппозиционных сил, стоявших вне социал-демократии.

Особое внимание вызывали социальные и политические тенденции в сфере российской интеллигенции, причем сам этот термин Троцкий зачастую брал в кавычки. Характеристика данного слоя была у него противоречивой. С одной стороны, утверждалось, что «русская «интеллигенция» дописывает последние страницы своей истории», превращаясь в среднее сословие буржуазного общества. С другой стороны, отмечалось «повышение нравственной самостоятельности» и «политической самоуверенности» интеллигентской демократии. Но вновь и вновь высказывалось сомнение не только в социалистическом, но даже чисто демократическом характере «значительной части нашей интеллигенции».

Уже на данном этапе Троцкий отдавал решающую роль в борьбе против самодержавия не «интеллигентской буржуазии», а пролетариату.^[152] Эта тенденция в его публицистике была тем более характерной, что меньшевистские руководители, к числу которых он теперь принадлежал, входя во фракционный центр, по-прежнему полагали решающей силой демократического этапа революции именно либеральную буржуазию, автономным помощником которой должен был стать пролетариат.

Судя по текстам статей Троцкого в «Искре» перед революцией 1905–1907 годов, он, не примкнув к большевикам и, более того, подвергая их критике и подвергаясь критике с их стороны, политически был все же с самого начала раскола несколько ближе к ленинской фракции, нежели к мартовской, хотя Ленин подвергался куда более суровой критике, нежели руководители меньшевиков. Уже с апреля 1904 года Троцкий не принимал участия не только в «Искре», но вообще в мероприятиях меньшевиков, а в сентябре того же года заявил о выходе из этой фракции.^[153] Правда, сотрудничество в газете он скоро возобновил.

Положение Троцкого в Социал-демократической партии было незавидным. Ленин, затаивший на него глухую и непримиримую злобу, не упускал случая, чтобы подвергнуть его нападкам. Меньшевистские лидеры относились ко Льву противоречиво. Они стремились сохранить его в своих рядах, но смотрели на него со все большей степенью недоверия. Такова

была, вероятно, судьба многих из тех, кто стремился примирить близкие между собой по существу, но враждующие силы, в результате оказывался в центре и подвергался атакам как с одной, так и с другой стороны. Сохранить в этих условиях выдержку было нелегко.

По мере назревания революции позиция Троцкого еще более эволюционировала в сторону, противоположную меньшевизму. Этому способствовало его знакомство в 1904 году с видным германским социал-демократом российского происхождения Александром-Израилем Лазаревичем Гельфандом, более известным под псевдонимом Парвус, который оказал влияние на формирование той более или менее цельной революционнополитической концепции, которую Троцкий будет развивать уже в период революции 1905 года и непосредственно после нее, которой он будет придерживаться с уточнениями на протяжении всей последующей деятельности.

Гельфанд (1867–1924) был сыном еврея из окрестностей Минска, бежавшего в Одессу после погрома и ставшего портовым грузчиком. Несмотря на «пролетарское происхождение», Гельфанд с блеском окончил гимназию и продолжил учение в Базельском университете, где получил степень доктора философии. Он не возвратился в Россию, а перебрался в Германию, где перешел на социалистические позиции, начал сотрудничать в социал-демократической прессе, а затем завоевал репутацию одного из наиболее авторитетных социалистических аналитиков.^[154] Он печатался в «Искре» и «Заре», после Второго съезда оказался ближе к меньшевикам, но полностью к ним не присоединился, отстаивал мысли о близости революции в России, о неизбежности крупной войны, о переплетении экономики и политики ведущих стран. На собеседников производили глубокое впечатление эрудиция Парвуса, его живые манеры, которые, как ни странно, гармонировали с массивной фигурой (Парвуса прозвали «слоном») и коммерческой хваткой, умением распорядиться деньгами на пользу и своему делу, и себе самому для получения удовольствий от жизненных благ, вкусной пищи, элегантной одежды, просторного жилья, многочисленных женщин, которых он часто забывал, как и своих детей.

Парвус жил в Мюнхене, но часто приезжал в Женеву и другие города Швейцарии. Именно в Женеве состоялись первые встречи с Троцким. Лев развил Парвусу план создания популярной рабочей газеты, который был воспринят с энтузиазмом. Парвус писал Потресову в сентябре 1904 года, что очень ценит талант и политическую пылкость Троцкого, которого считает подходящим человеком для такого органа.^[155]

Буквально через несколько дней после этого письма, в том же сентябре 1904 года, Троцкий и Седова приехали в Мюнхен. Они поселились в квартире Парвуса, посещали художественные галереи и восхищались карикатурами выходившего еженедельно с 1896 года местного сатирического журнала «Симплициссимус».^[156] Но более важными были вечерние беседы с гостеприимным хозяином. У них проявилось поразительное сходство взглядов. Троцкий так писал о Парвусе (с которым политически порвал в начале Первой мировой войны) через шесть лет после его смерти: «Парвус был, несомненно, выдающейся марксистской фигурой конца прошлого и самого начала нынешнего столетия. Он свободно владел методом Маркса, глядел широко, следил за всем существенным на мировой арене, что при выдающейся смелости мысли и мужественном мускулистом стиле делало его поистине замечательным писателем».^[157] В беседах Троцкого с Парвусом постепенно кристаллизовалась идея, что назревавшая в России революция не будет носить классический буржуазно-демократический характер, что при благоприятном раскладе сил во главе революции может стать рабочий класс, а сам комплекс событий окажется прологом революции в Западной Европе.

В квартире Парвуса Троцкий в основном написал серию очерков о назревании в России крупных политических событий, которые вылились в демократическую революцию.

Глава 4

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПЕТЕРБУРГСКИЙ СОВЕТ

Начало революции и возвращение в Россию

Л. Д. Троцкий встретил начало первой русской революции как «нефракционный» социалист — он отошел от меньшевиков, но не присоединился к большевикам и считал главной своей задачей восстановление единства социал-демократического движения.

Известие о событиях 9 (22) января 1905 года, которые вошли в историю в качестве Кровавого воскресенья, застало его в Женеве, куда он возвратился после поездки по городам Швейцарии с докладами перед российскими эмигрантами. Утром 23 января, зайдя в редакцию «Искры», Троцкий узнал от Мартова, что перед Зимним дворцом пролилась кровь.

[158] Н. И. Седова вспоминала, что это известие привело Троцкого в крайне нервное состояние, он «побледнел, почувствовал себя плохо и почти потерял сознание». [159] Однако такое состояние быстро преодолел. Сам приступ был вызван, безусловно, не скорбью о жертвах и сочувствием их близким, а пониманием происшедшего как начала революции. Необходимо было действовать.

В один из дней непосредственно после 9 января на собрании в Женеве Троцкого увидел тогдашний социал-демократический эмигрант, а через полтора с лишним десятилетия нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский. Вот как он описывает эту встречу: «Троцкий был тогда необыкновенно элегантен, в отличие от всех нас, и очень красив. Эта его элегантность и особенно какая-то небрежная свысока манера говорить с кем бы то ни было меня очень неприятно поразили. Я с большим недоброжелательством смотрел на этого франта, который, положив ногу на ногу, записывал карандашом конспект того экспромта, который ему пришлось сказать на митинге. Но говорил Троцкий очень хорошо». [160] При всей неприязненности этого описания в нем содержится доля восхищения, даже зависти по отношению к молодому человеку, который столь стремительно ворвался в высший эшелон социал-демократов.

Не будучи связанным с партийными фракциями и не имея вследствие этого никаких полномочий от них, Троцкий все же решил немедленно возвращаться в Россию. Через русских студентов в Швейцарии удалось достать фальшивый паспорт на имя отставного прапорщика Арбузова.

Лев отправился в опасное путешествие. По дороге он вновь остановился в Мюнхене у Парвуса, который написал предисловие к уже готовой брошюре, озаглавленной теперь «До Девятого января». Вскоре брошюра была издана в Женеве меньшевистской организацией, проявившей в данном случае, хотя и неохотно, широту воззрений, ибо основные положения брошюры Троцкого и предисловия Парвуса не соответствовали ее позициям. [161]

В предисловии полностью одобрялась новая концепция, которую Троцкий пытался сформулировать в статьях, включенных в брошюру. Сущность ее состояла в том, что в назревавшей в России революции (брошюра состояла, за исключением последней части, из статей, написанных до 9 января) пролетариату суждено не только сыграть руководящую роль. В условиях, когда российская буржуазия и либералы проявляют трусость, в той или иной форме заискивают перед царизмом (Троцкий именовал их политическими евнухами), задачи Социал-

демократической партии состояли в подготовке всеобщей политической забастовки и вооруженного восстания. По мнению Троцкого, необходимо было привлечь к революции крестьян и солдат, но не в качестве самостоятельных сил, а под руководством пролетариата и его партии.

Наталья выехала в Киев ранее, чтобы найти жилье и наладить связи. Вслед за ней в феврале 1905 года Троцкий также приехал в Киев. Здесь он вступил в контакты с местными меньшевиками, а затем и с большевиком Леонидом Борисовичем Красиным, который, будучи в это время вторым человеком в большевистской иерархии после Ленина, стоял на примиренческих позициях, стремился к объединению большевиков и меньшевиков и был, таким образом, близок к позиции Троцкого.

Троцкий был первым социалистическим эмигрантом, возвратившимся в Россию в связи с началом революции. После него, с большим временным отрывом — в середине октября, то есть тогда, когда была объявлена политическая амнистия, — в Петербург приехал Парвус, который тотчас встретился с Троцким и стал совместно с ним работать. Чуть позже появились Мартов, Засулич и Ленин. Видимо, Ленин сожалел, что возвратился в революционную Россию поздно, уступив пальму первенства Троцкому. Возможно, воспоминания об опыте более чем десятилетней давности побудили его предпринять немедленные меры к возвращению в Россию в 1917 году, пойдя даже на риск путешествия через территорию Германии, воевавшей с Россией.

Возвратимся, однако, к Троцкому. Часто меняя в Киеве жилье (квартира адвоката, дом профессора технологического института, приют у либеральной вдовы), он, таким образом, пользовался услугами именно тех самых либералов, которых столь презрительно характеризовал в своей публицистике. Одно время он даже скрывался в глазной лечебнице, где ему покровительствовал главный врач.^[162]

По договоренности с Красиным Троцкий стал писать тексты прокламаций, обращенных к разным слоям населения. Они печатались в подпольной большевистской типографии в Баку «Нина». Использование этой типографии свидетельствует, что сразу после возвращения в Россию Троцкий сблизился с умеренной частью большевиков.

На квартире киевской социал-демократки С. М. Зарецкой состоялась конспиративная встреча с Троцким. Гарви вспоминал, что, когда раздался звонок в дверь, квартирная хозяйка заглянула в комнату с тревожным лицом: «К вам барин в гости».

«В дверь вошел высокий мужчина в огромной шубе до пят и с енотовым воротником до плеч, в руках боярская меховая шапка. И точно

барин: так дисгармонировало одеяние Троцкого с крохотной комнаткой и с нашими косоворотками!» Троцкий изложил собравшимся концепцию революции, из которой вытекало выдвижение лозунга временного революционного правительства. «Внешне Троцкий говорил, как всегда, блестяще. Через 2–3 минуты он уже встал со стула и говорил жестикулируя, точно на большом митинге. Это как-то неприятно резануло — все же разговор происходил в тесном кругу партийных товарищей. Ораторские приемы, жестикуляция, отточенные фразы — все это не соответствовало обстановке, отдавало позой, ставшей, кстати, у Троцкого второй натурой... Он приехал меньшевиком, но меньшевиком собственного покроя, со своими схемами и планами — и это сразу почувствовалось, даже независимо от содержания его речи». Ораторское мастерство, однако, не привлекло на сторону Троцкого киевских меньшевиков. Гарви вспоминал, что присутствовавшие выступили против докладчика, доказывая, что в результате попыток «углубить революцию» за пределы возможностей наступит ее поражение. Троцкий был разочарован. «Простились мы достаточно сухо».^[163]

В конце февраля или начале марта Троцкий перебрался в столицу. От Красина он получил паспорт на имя помещика Викентьева и явочный адрес. Последний был неожиданным — Константиновское артиллерийское училище, квартира старшего врача Александра Александровича Литкенса на Забалканском проспекте. Сам врач сочувствовал социал-демократам, а его сыновья Александр и Евграф принимали непосредственное участие в подпольных организациях.

В Петербурге Троцкий связался с социал-демократическими кругами. В основном это были меньшевики, но связь поддерживалась и с умеренными большевиками, близкими к нему стремлением к восстановлению единства социал-демократов. Троцкого знали под конспиративным именем «Петр Петрович», а некоторые статьи он публиковал под еще одним именем — «Яновский». Наверное, нелегко было одновременно пользоваться сразу четырьмя фамилиями, если вспомнить, что за рубеж его материалы шли под постоянным псевдонимом «Н. Троцкий»!

Поначалу контакты со столичными меньшевиками были нормальными, но постепенно отношение к Троцкому начало меняться в худшую сторону. Это было вызвано не только тем, что его политические установки существенно расходились со взглядами меньшевиков, но и с личными особенностями. Льва стали упорно подозревать, что он стремится создать собственную, «третью партию» (разумеется, на самом деле могла

идти речь не о партии, а о фракции), противопоставив ее и меньшевикам, и большевикам.^[164]

В то же время с частью большевиков отношения улучшались. Более того, Троцкий написал тезисы о временном революционном правительстве и передал их Красину, который направлялся на сепаратно созванный большевиками в Лондоне третий партийный съезд (меньшевики одновременно провели свою I общерусскую конференцию партийных работников в Женеве).

Большевистский съезд происходил 12–27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 года. Во время съезда Ленин также предложил проект резолюции о временном революционном правительстве. Красин, однако, решил, что тезисы Троцкого лучше выражают существо вопроса, и на их основе внес поправки к проекту Ленина. Они указывали на связь временного революционного правительства с вооруженным восстанием, отвергалось положение Ленина, что такое правительство возникнет только после восстания. Ленин согласился с изменениями, внесенными Зиминим (под этой фамилией выступал Красин), в основе которых лежали тезисы Троцкого (вождь большевиков тогда никак не мог догадаться об этом). Все поправки были приняты Лениным, который даже, вопреки своей упорной манере, заявил, что некоторые формулировки Зимина лучше, чем его, и он охотно их принимает.^[165] Поправки к резолюции о временном революционном правительстве были утверждены.^[166] Говорилось о признании съездом, что «осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и создать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа». Приведенные формулировки были выражением идей, которые начал проповедовать Троцкий.

Это был еще один полуанекдотический случай. Если бы Ленин знал, кто в действительности был автором поправок к его резолюции, он бы их, бесспорно, с негодованием отверг, найдя для этого какие угодно идеологическо-политическо-стратегическо-тактические аргументы. С едва скрываемой иронией и совершенно нескрываемым самодовольством Троцкий писал в конце 1920-х годов: «Нелишне будет отметить, что в полемике последних лет резолюция III-го съезда о временном правительстве сотни раз противопоставлялась «троцкизму». «Красные

профессора» сталинской формации понятия не имеют о том, что в качестве образца ленинизма они цитируют против меня мною же написанные строки».^[167]

В результате провала нелегальной социал-демократической организации в Санкт-Петербурге во время первомайского собрания в лесу была арестована Наталья Седова. После сравнительно недолгого ареста она была выслана в Тверь.^[168] Идентичность ее супруга была раскрыта. Ему пришлось покинуть столицу и переселиться в Финляндию, которая хотя и входила в состав Российской империи, но была убежищем для революционеров, ибо тамошнее законодательство предусматривало право приема политических беглецов, и местные чиновники отказывались выдавать их центральным властям. Это был один из любопытных парадоксов политической ситуации в Российской империи начала XX века.

Троцкий остановился на постоялом дворе «Рауха» («Покой») в лесу, возле глухого озера. Здесь, готовя к печати перевод одной из речей германского социалиста XIX века Фердинанда Лассаля и свое предисловие к ней, Троцкий обдумывал и совершенствовал свою революционную политическую концепцию завоевания власти рабочим классом и перехода к социализму.^[169]

Троцкий вспоминал: «Там для меня наступила передышка, состоявшая из напряженной литературной работы и коротких прогулок. Я пожирал газеты, следил за формированием партий, делал вырезки, группировал факты. В этот период сложилось окончательное мое представление о внутренних силах русского общества и о перспективах русской революции».^[170] Думается все же, что Троцкий несколько преувеличивал степень зрелости своих представлений о революционном процессе. Новыми чертами и аргументами его взгляды обогатились во время работы в Петербургском совете, а вслед за этим в период пребывания в тюремном заключении.

Член Петербургского совета

Тем временем в стране развивалась революция. Одна за другой накатывались волны забастовочного движения, возникали волнения в армейских частях, поднималось национально-освободительное движение, особенно в Царстве Польском, входившем в состав империи. Подавляя эти выступления, правительство графа С. Ю. Витте все более понимало

необходимость изменений в социально-политической структуре страны, в неизбежности реформ. Вначале правительство готово было пойти только на ограниченные мероприятия. Однако продолжавшиеся волнения и особенно разразившаяся в октябре 1905 года забастовка, охватившая многие города, вынудили императора Николая II выступить с обширной программой преобразований. 17 октября был опубликован царский Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», который провозглашал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Был обещан созыв законодательной Государственной думы. Вслед за этим была объявлена политическая амнистия.

Либерально-демократические силы рассматривали царский манифест как победу в движении за обновление России, начальный шаг на пути ее постепенной мирной модернизации. Совершенно иную позицию занимали оказавшиеся на легальном положении партии и группы социалистической ориентации, прежде всего социал-демократы и социалисты-революционеры. Они видели в манифесте царя лишь исходный пункт для привлечения на свою сторону тех сил, которые чувствовали себя угнетенными или ущемленными.

Если умеренные социалисты, к которым принадлежали меньшевики и основная часть эсеров, занимали более или менее трезвую позицию, придерживаясь классической марксистской схемы подготовки «социалистической революции» по мере развития капитализма и превращения пролетариата в большинство нации, то экстремисты стремились к «углублению» революции немедленно, к организации бунтов толпы в максимальных масштабах, в отношении которых употребляли эвфемизм «вооруженное восстание». Именно таковым деятелем оказался Троцкий.

Еще до оглашения царского манифеста Троцкий возвратился в Петербург. Бурные события повлекли его за собой, и в новых условиях он оказался одним из наиболее ярких и востребованных деятелей. Четко уже определившееся блестящее ораторское искусство, умение опровергать утверждения оппонентов, находчивость в моментальном подборе собственных аргументов, доступных массе, самоуверенность и директивность манер — все эти качества являлись как раз теми, которые были в наибольшей степени востребованы в недели наивысшего революционного накала. Троцкий оказался в нужном месте в нужное время. Он приехал в столицу с планом создания выборного беспартийного рабочего органа, который состоял бы из представителей предприятий, по

одному делегату на тысячу рабочих. Но от литератора-меньшевика Н. И. Иорданского, которому Троцкий изложил этот план в вечер приезда, он узнал, что подобный лозунг выборного органа, правда, чуть большего масштаба — по одному делегату от 500 человек, уже выдвинут меньшевистской организацией, и этот орган получил название Совет рабочих депутатов.

Первое заседание Петербургского совета состоялось 13 октября. На нем присутствовало около 40 человек, в следующие дни число депутатов росло, достигнув 562. Две трети составляли меньшевики, участвовали большевики и эсеры. Представлены были общественные организации — железнодорожный, почтово-телеграфный и крестьянский союзы и несколько других, более дробных профсоюзов, возникших в эти дни. Почти одновременно аналогичные органы стали создаваться в других городах. Инициаторами их образования были, как правило, меньшевики. В некоторых местах, прежде всего в Москве, во главе Совета стали большевики. В практической работе разногласия между фракциями притуплялись, хотя соперничество отнюдь не исчезло.

Троцкий с самого начала принимал активное участие в работе Совета, где выступал под фамилией Яновский. Выступления следовали ежедневно, часто несколько раз в день. Касались они как организационных вопросов работы самого Совета, так и тактики массовых выступлений, мероприятий правительства и местных властей.

О быте задумываться было некогда. Даже тогда, когда житейские дела оказывались связанными с личной безопасностью, ими пренебрегали. После Октябрьского манифеста Наталья возвратилась из Твери, и Лев снял комнату у человека, который, как выяснилось, был биржевым спекулянтom. Доходы его в условиях революции резко сократились, и он вынужден был сдать внаем часть своей обширной квартиры. Не имея понятия о том, кто такие его новые жильцы, он однажды взял у Натальи очередной номер газеты и сразу натолкнулся на статью некоего Яновского «Доброго утра, петербургский дворник». Хозяина особенно возмутило, что социалисты добрались и до дворников. Он выхватил из кармана револьвер и стал потрясать им: «Если бы попался мне этот каторжник, я бы его вот из этого застрелил!» Встревоженная Наталья приехала к Троцкому в редакцию газеты, в которой он сотрудничал, с вестью об опасности. Но времени искать новую квартиру так и не нашлось. Вплоть до ареста Льва Троцкие продолжали жить под фамилией Викентьевых там же. Их подлинное лицо так и не было установлено. «После моего ареста на нашей квартире даже не сделали обыска».^[171]

Деятельность Троцкого на высшем этапе революционной активности (октябрь — декабрь 1905 года) развивалась по нескольким направлениям.

Одним из них была журналистика. Вместе с Парвусом он овладел маленькой и совершенно невлиятельной «Русской газетой» и за несколько недель превратил ее в популярный массовый орган. Почти сразу тираж поднялся с 30 тысяч до 100 тысяч экземпляров, а через месяц подписка на нее и розничная реализация составили почти полмиллиона. Газета продавалась по копейке за экземпляр и раскупалась почти моментально, так что купленные экземпляры приходилось передавать из рук в руки. Весьма недружелюбно относившийся к Троцкому П. А. Гарви^[172] признавал: Троцкий и Парвус смогли это издание превратить «в бойкую популярную рабочую газету».^[173]

13 ноября начала выходить организованная Троцким совместно с группой меньшевиков большая общеполитическая газета «Начало». В ней сотрудничали Парвус и видные меньшевистские деятели Мартов, Потресов, Дан, Мартынов. Имея в виду преобладание меньшевиков, Троцкий и Парвус поставили в качестве условия сотрудничества требование, чтобы каждая статья была опубликована за подписью. Оно было принято. В газете происходили дискуссии Троцкого с меньшевистскими деятелями. Мартов полагал, что ему будет очень трудно ужиться с Троцким. Однако он писал Аксельроду в конце октября: «Сделаем все возможное, чтобы ужиться».^[174] Что же касается Плеханова, то участие Троцкого в меньшевистской газете вызвало его негодование. Он возмущенно апеллировал к тому же Аксельроду в феврале 1907 года, то есть тогда, когда газета «Начало» давно уже не выходила: «Наведи справки, каким это образом меня вынуждают платить за «Начало», которое было мне так ненавистно».^[175]

Выходила газета недолго. 2 декабря она была закрыта властями преследующими. Сравнивая ее с большевистской газетой «Новая жизнь», Троцкий считал последнюю «серовой», тогда как его газета «пользовалась гигантским успехом». Большевик Лев Борисович Каменев (ставший, кстати, супругом младшей сестры Льва Ольги) рассказывал ему позже, что как-то наблюдал продажу свежих газет. Покупатели требовали прежде всего газету «Начало». Каменев признавался: «...Я с досадой сказал себе: да, они в «Начале» пишут лучше, чем мы».^[176]

Троцкий, наконец, сотрудничал в «Известиях», которые 17 октября начал публиковать Петербургский совет. Первый номер был издан небольшим тиражом в частной типографии. Но начиная со второго номера

газета печаталась путем набегов на типографии крупных газет «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Биржевые ведомости» и др. В ночь на 18 октября представители Совета явились в типографию «Сына Отечества», где заставили наборщиков отпечатать газету. Для выполнения этой задачи была даже сформирована специальная «летучая дружина», получавшая задания от Троцкого.^[177]

«Яновский» писал для этой газеты не только передовые статьи, но и многие информационные материалы, воззвания, манифесты и прочие агитационные тексты. Помещались также официальные документы РСДРП и самого Совета, автором которых был Троцкий. Именно эти материалы представляли особую важность.

В многочисленных статьях Троцкого в социал-демократической прессе основное внимание сосредоточивалось, наряду с разоблачением самодержавия и его органов, на резкой и язвительной критике складывавшегося политического центра в лице либеральных партий и организаций. Доставалось течению буржуазии и интеллигенции, которое обычно именуют прогрессистами. Его разумные и четкие установки (собственную политическую организацию оно так и не смогло учредить) на создание в России конституционно-монархического режима, основанного на отчетливом разделении трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной), независимых друг от друга, но составляющих единую систему правового государства,^[178] были ему решительно чужды.

Однако основным объектом критики постепенно стали те группы и печатные органы, которые в октябре 1905 года оформились в Конституционно-демократическую партию (партию кадетов), ставшую ведущим представителем российского либерального демократизма. Атаки на кадетов были предопределены тем, что эта партия являлась основным идейным соперником социал-демократов. Лидер кадетов П. Н. Милюков был постоянным объектом нападков со стороны Троцкого. Особенно агрессивными были работы «Интеллигентская «демократия»» и «Открытое письмо профессору П. Н. Милюкову».^[179]

Но главным направлением стала работа в Совете. Здесь Троцкий, являвшийся нефракционным социал-демократом, сотрудничал с меньшевиками Д. Ф. Сверчковым и П. А. Злыдневым, большевиками А. А. Богдановым, Б. М. Кнунянцем и П. А. Красиковым, эсерами В. М. Черновым и Н. Д. Авксентьевым. Поначалу большевики, особенно Богданов, заняли почти непримиримую позицию. На заседании Петербургского бюро ЦК Богданов огласил план: внести в Совет

предложение немедленно признать социал-демократическую программу и руководство со стороны партии, а в случае отрицательного решения выйти из Совета. Поступившие возражения были отвергнуты. Через несколько дней Красиков (он выступал в Совете под псевдонимом Антон) внес предложение в этом духе. Оно, естественно, принято не было. Выйти из Совета большевики, однако, сочли нецелесообразным.^[180]

Сам ход событий, рост влияния Совета, а затем и позиция возвратившегося в ноябре в Россию Ленина заставили их отказаться от своего сектантского настроения. Ни на заседаниях Исполкома Совета, ни на пленарных заседаниях разногласия между большевиками и меньшевиками отчетливо не проявились, как не было существенных расхождений между социал-демократами и социалистами-революционерами. В текущей работе догматические споры отходили на второй план, преобладало сотрудничество, в обеспечение которого Троцкий внес безусловный вклад. Он, в частности, поддерживал умеренные предложения эсеров, которые выступали против введения явочным порядком восьмичасового рабочего дня, увлечения политическими стачками и т. п.

В первый день работы Совета его председателем было избрано случайное лицо — меньшевик Саул Зборовский, но он проявил неспособность к организационной деятельности и на следующий день был заменен присяжным поверенным Г. С. Хрусталевым, который работал в Совете под псевдонимом «рабочий Носарь» и стал известен как Хрусталев-Носарь. Однако и новый председатель не проявлял активности. Его роль сводилась главным образом к формальному проведению заседаний при весьма относительном соблюдении порядка дня и регламента. В этих условиях роль Троцкого все более возрастала. Он выступал со все новыми инициативами.

Это не укрылось от внимания Ленина, который тайно завидовал тому, что именно Троцкий, а не он сам, выступал в качестве «народного трибуна». Луначарский вспоминал, что в его присутствии кто-то сказал Ленину: «Звезда Хрусталева закатывается и сейчас сильный человек в Совете — Троцкий». Ленин как будто омрачился на мгновение, а потом сказал: «Что ж, Троцкий завоевал это своей неустанной работой и яркой агитацией».^[181]

Включившись в работу Совета 15 октября, Троцкий уже 18 октября, то есть на следующий день после появления царского манифеста, стал одним из руководителей организованной Советом демонстрации.

Некоторые наиболее рьяные ее организаторы требовали, чтобы Совет

возглавил шествие к тюрьме «Кресты» с целью освобождения политических заключенных. Это была идея, навеянная штурмом крепости Бастилия во время французской революции конца XVIII века. Исполком Совета, однако, боялся кровопролития. Тем не менее демонстрация состоялась. Во главе шли меньшевик Хрусталеv-Носарь, большевик Кнунянц и нефракционный социалист Троцкий. Этому трио удалось увести демонстрантов подальше от тюрьмы, в результате чего первоначальная идея штурма «Крестов» была оставлена.^[182]

Однако, хотя она и не превратилась в кровопролитное столкновение, демонстрация была весьма агрессивной, сопровождалась летучими митингами, на которых выступали лидеры. Во время одного из них возле здания университета Троцкий с балкона произнес зажигательную речь, завершив ее эффектным театральным жестом. «Какое великое торжество! — говорил он. — Но не торопитесь праздновать победу: она неполна. Разве обещание уплаты весит столько же, как и чистое золото? Разве обещание свободы то же самое, что сама свобода? Кто среди вас верит царским обещаниям, пусть скажет это вслух: мы все будем рады видеть такого чудака».^[183]

Оратор поднял над головой листок с текстом манифеста царя и разорвал его в клочья, которые швырнул в сторону. Еще долгую минуту обрывки царского манифеста кружились над головами участников демонстрации, символизируя «бумажный характер» документа и мощь народа, который должен был его решительно отвергнуть.

Вслед за этим Троцкий подготовил резолюцию о прекращении работы на всех предприятиях Петербурга в 12 часов дня 2 ноября под лозунгами: долой полевые суды; долой смертную казнь, долой военное положение в Польше и во всей России.^[184]

В начале ноября в столице сложилось своего рода патовое положение. Власти вынуждены были идти на определенные уступки забастовщикам. Со своей стороны, Совету приходилось учитывать, что удержать рабочих в стачке долгое время он не сможет. Поступившее 5 ноября известие, что кронштадтских матросов, обвиняемых в беспорядках и грабежах, будут судить не полевым, а обычным судом,^[185] было воспринято Троцким как демонстрация силы Совета и в то же время как предлог для прекращения забастовки.

В этом духе он выступил от имени Исполкома с заявлением об «огромной моральной победе», в то же время пытаясь убедить в необходимости сдержанности, в том, что впереди решительная и

беспощадная борьба и не следует обгонять события, проявляя нервозность. Он предложил прекратить забастовку, обратив главное внимание на организацию и вооружение рабочих. Речь шла, с одной стороны, о «самоорганизации» пролетариев, а с другой — о дисциплине, что являлось — по существу дела, глубоким внутренним противоречием, ибо дисциплина могла быть обеспечена только принудительными методами. Именно на дисциплину, по существу военное принуждение, Троцкий делал основной упор, позабыв о «самоорганизации». В ответ на вопрос либералов: «Разве вы заключили договор с победой?» (разумеется, вопрос был придуман самим оратором) — он давал красочный ответ: «Нет, мы заключили договор со смертью!»^[186] Это была в основе своей легковесная риторика, но она впечатляла членов Совета и читателей «Известий» своей страстностью.

В этот же день Совет утвердил написанную Троцким резолюцию о прекращении «стачечной манифестации» 7 ноября, призвав «сознательных рабочих удешевить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготовляя таким образом последнюю всероссийскую схватку с кровавой монархией, доживающей последние дни».^[187]

Отказ от всеобщей забастовки был фактически признанным поражением Совета. Вслед за этим, также весьма сдержанно, буквально стиснув зубы, Троцкий и весь Совет вынуждены были признать еще одну неудачу — с явочным введением восьмичасового рабочего дня. Резолюция, подготовленная Троцким в этом смысле, при всей краткости явилась ловким словесным уклонением от существа дела при его фактическом признании. Констатируя, что восьмичасовой рабочий день является «жгучей потребностью рабочего класса», резолюция вслед за этим подменяла непосредственную борьбу за его введение призывом к массовой организации рабочих в политические и профессиональные союзы.^[188]

Все сказанное свидетельствует, что Л. Д. Троцкий, который с самого начала своей работы в Петербургском совете выдвинулся в первые его ряды, очень скоро фактически возглавил этот самочинный орган, оттеснив маловыразительную фигуру Хрусталева-Носаря.

Во главе Совета. Арест

По всей видимости, охранные органы империи не располагали

достоверной информацией о расстановке сил в Совете, о реальной роли Троцкого. Это свидетельствовало не только о бюрократической рутине, но о растерянности властей, ибо Троцкий был на виду, находился в центре событий, которые происходили в столице во второй половине октября — ноябре 1905 года. Репрессии начались с ареста Хрусталева-Носаря только по формальной причине — он занимал пост председателя Совета. На это событие Совет ответил резолюцией, написанной Троцким: «26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета рабочих депутатов т. Хрусталева-Носарь. Совет рабочих депутатов выбирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию».^[189]

На следующий день бурные прения о том, что делать дальше, разгорелись на Исполкоме. Было избрано трехчленное председательство, в которое вошли Троцкий, Д. Сверчков (он фигурировал под фамилией Введенский), которому было получено руководство финансами, и депутат от Обуховского завода меньшевик П. Злыднев. Новое руководство было утверждено общим собранием Совета. Хотя и теперь Троцкий формально не стал единоличным руководителем, его властные функции еще более укрепились.^[190]

Однако происходило это уже в то время, когда власти начали контрнаступление. 2 декабря были опубликованы правила, ужесточившие наказание за участие в забастовках, а вслед за этим закрыты восемь газет, опубликовавших так называемый финансовый манифест, написанный в окончательной редакции Троцким и утвержденный на совместном заседании Совета, представителей Всероссийского крестьянского союза, социал-демократов, эсеров и польских социалистов.

Первоначально идея издания такого манифеста принадлежала Крестьянскому союзу, но текстуально он был оформлен Троцким, который обогатил его принципиальными положениями и яркостью формы.^[191] Манифест провозглашал неизбежность финансового банкротства царизма и предупреждал, что долговые обязательства династии Романовых не будут признаны победоносным народом. Авторы манифеста исходили из того, что реальный путь к свержению правительства состоял в том, чтобы отнять у него источник существования — финансовые доходы. К рабочим и другим бедным слоям был обращен призыв изымать вклады из сберегательных касс, требовать выплаты заработной платы звонкой валютой, а к крестьянам — прекратить выплаты выкупных платежей за землю.^[192]

Поведение Троцкого в эти дни было неоднозначным. С одной стороны,

он публиковал в газетах все более дерзкие статьи и обращения. С другой стороны, он не только воздерживался от призыва петербургских рабочих к вооруженному восстанию, но стремился остановить действия наиболее горячих сторонников прямой военной схватки от ввязывания в бой, имея в виду непредвиденные последствия таких действий.

В первых числах декабря в редакции газеты «Начало» Троцкий встретился со своим старым знакомым по Николаеву Г. Зивом, который оставил любопытную зарисовку встречи, свидетельствующую, что Троцкий в полной мере ощущал себя видным политическим деятелем:

«В элегантно одетом, изящном господине с очень важным видом я с трудом узнал Леву Бронштейна с его небрежной косовороткой и прочими атрибутами былого опрошения.

Хотя он обнялся со мной и расцеловался, в его отношении ко мне явно давал себя чувствовать покровительственный холодок человека, стоящего очень высоко на общественной лестнице и не имеющего возможности тратить время с друзьями того отдаленного времени, когда он еще не был в чинах. Он уделил мне всего 2–3 минуты в коридоре, пригласил на завтрашнее заседание Совета (видимо, имелось в виду его последнее заседание, 3 декабря, которое так и не состоялось. — Г. Ч.) и исчез в редакционном лабиринте».^[193]

В полной мере осторожная позиция Троцкого проявилась на заседании Исполкома Совета 3 декабря, которое происходило в помещении Вольного экономического общества. Он председательствовал на этом заседании и выступил с докладом. На этом заседании большевики, руководствуясь требованиями Ленина, предложили объявить в Петербурге всеобщую политическую стачку протеста против реакционной политики правительства, выразившейся, в частности, в закрытии ряда печатных органов, рассчитывая превратить ее в вооруженное восстание.^[194] Однако Троцкий занял более умеренную позицию. Он высказал мнение, что восстание должно начаться не в столице, где власти держат отборные силы, а на периферии.^[195] Дискуссия продолжалась, когда поступило сообщение, что уже отдан приказ об аресте членов Исполкома Совета и других активных его деятелей. Тем не менее Троцкий предложил продолжить дискуссию. Вскоре поступило подтверждение, что к зданию Вольного экономического общества стягиваются войска.

Что произошло вслед за этим, вскоре поведал сам Троцкий:

«Топот ног, звон шпор, лязг оружия наполняют здание. Бурные протесты делегатов доносятся снизу. Председатель открывает окно второго

этажа, перегибается вниз и кричит: «Товарищи, сопротивления не оказывать! Мы заранее объявляем, что здесь может раздаться только полицейский или провокаторский выстрел». Через несколько минут солдаты поднимаются во второй этаж и становятся у входа в помещение Исполнительного Комитета.

Председатель (обращаясь к офицеру): Предлагаю закрыть двери и не мешать нашим занятиям.

Солдаты остаются в коридоре, но дверей не закрывают.

Представитель Союза конторщиков: Своим сегодняшним актом грубого насилия правительство подкрепило доводы в пользу всеобщей забастовки. Оно предрешило ее... Исход нового решительного выступления пролетариата зависит от войск. Пусть же они встанут на защиту родины! *(Офицер поспешно закрывает дверь. Оратор повышает голос.)* И сквозь закрытые двери донесется до солдат братский призыв рабочих, голос измученной страны!

Дверь раскрывается, в комнату вползает бледный, как смерть, жандармский ротмистр (он боялся пули), за ним дюжины две городских, которые размещаются за стульями делегатов.

Председатель: Объявляю заседание Исполнительного Комитета закрытым.

Снизу доносится громкий и дружный металлический стук; кажется, будто там работает десяток кузнецов над наковальнями: это делегаты портят и разбивают свои браунинги, чтобы не достались в руки полиции.

Начинается обыск. Все отказываются называть себя. Обысканные, описанные и занумерованные поступают под конвой полупьяных гвардейцев». [\[196\]](#)

Так весьма драматически завершилась история первого Петербургского совета рабочих депутатов, история деятельности Л. Д. Троцкого в его составе и в его руководстве. К ораторскому, полемическому и публицистическому опыту на этом этапе деятельности добавился кратковременный, но насыщенный опыт организационной работы в общественно-политическом органе, координации деятельности представителей политических, профессиональных и других организаций, налаживания их совместной работы в условиях крайней политической нестабильности. Троцкий приобрел также некоторые первичные навыки руководства массовыми выступлениями, в частности демонстрациями и митингами, манипулирования быстро меняющимися настроениями разношерстной толпы.

Весь этот опыт он особенно эффективно взял на вооружение,

разумеется, значительно его обогатив, в бурных событиях 1917 года.

Глава 5

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первичное формирование концепции

К началу первой российской революции большевики и меньшевики в основном сформировали главные принципы своей стратегии.

Принципы меньшевиков состояли в том, что социалистическая революция в России будет делом отдаленного будущего и последует лишь за революцией на Западе, что марксистская партия должна ставить перед собой только те задачи, для которых назрели объективные условия, что допустим блок с либеральной буржуазией во имя борьбы против самодержавия, что крестьянство может внести вклад в расшатывание системы, но неспособно быть долговременным союзником пролетариата, который является главной силой революции.

Основные установки большевиков состояли в том, что, несмотря на буржуазный характер предстоявшей революции, в ее успехе прежде всего заинтересован пролетариат, для успеха революции необходим его союз с крестьянством при руководящей роли рабочего класса и изоляции буржуазии, в том числе либеральной, в результате победоносной революции может быть создано правительство, являющееся революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, которое доведет буржуазно-демократическую революцию до конца и обеспечит ее перерастание в социалистическую.^[197]

Позиции меньшевиков были несравненно реалистичнее, нежели большевистские, ленинские установки, носившие в значительной мере экстремистский характер.

Троцкий внимательно следил за формированием и развитием позиций обеих фракций. Но ни одна из них его не удовлетворяла.

Стремившийся к самостоятельному анализу российской и международной действительности, он до начала революции в России стал формулировать, поначалу фрагментарно, а затем все более систематически оригинальные взгляды на особенности российского революционного процесса и его связь с перспективами социалистической революции в международном масштабе, которые тогда не воспринимались ни самими

социалистами, ни даже их противниками в качестве утопии.

В конечном счете Троцким была выработана сумма взглядов, которую в литературе, как бичующей, так и апологетической, обычно называют теорией перманентной революции. Имея в виду, однако, что это не была научная теория, что сумма его взглядов преследовала чисто прикладные цели, я полагаю, что термин «теория» в данном случае неприменим, что следует вести речь о концепции перманентной революции.

Троцкий вначале не считал, что он совершает научное открытие. Он полагал, что пытается применить к новым условиям и конкретизировать идею непрерывной революции, еще в 1844 году выдвинутую Марксом при рассмотрении событий французской революции конца XVIII века. Правда, сам Маркс, а затем его ученики не были последовательны. Они искусственно обрывали революцию во Франции событиями 1794 года — термидорианским переворотом, который якобы положил конец этой революции.

Исследования французских, а вслед за ними ученых других стран, в том числе российских, показали, что в 1794 году революция не прекратилась, а возвратилась от братоубийственного якобинского этапа в значительно более спокойное русло и продолжалась до государственного переворота Наполеона Бонапарта в 1799 году.^[198]

В ходе европейских революций 1848–1849 годов и после них Маркс совместно с Энгельсом стал рассматривать непрерывную революцию в качестве процесса перехода от буржуазной революции ко все большему расширению демократических преобразований, вовлечению в них народных масс, прежде всего пролетариата, к которому в конечном итоге должна была перейти политическая власть. При этом, согласно Марксу и Энгельсу, необходимо было преодолеть, «снять» национальные формы революции, она должна была принять общеевропейский характер, в чем также проявилась бы «перманентность». Иначе говоря, непрерывность революции рассматривалась Марксом и Энгельсом одновременно в двух смыслах, вертикальном и горизонтальном — как процесс перехода ее на новые этапы в рамках отдельных стран и как распространение на все новые страны Европейского континента, превращение в международную.

Прогнозы основоположников марксизма не подтвердились. Они оказались по тем временам романтическим вымыслом, но были сохранены в арсенале социалистического движения. Свой вклад в обоснование и обогащение концепции непрерывной революции внес Парвус. В ряде статей начала XX века он выдвигал тезис, что капитализм превратился в универсальную систему, роль национальных государств уменьшается,

расширяются международные, общие интересы как буржуазии, так и пролетариата вне рамок этих государств. Это было плодотворное наблюдение. Другой вопрос, какие политические выводы из него делались.

Что же касается России, то в условиях складывавшейся мировой капиталистической системы революционный процесс в ней должен был «сжаться». Парвус выражал несогласие со схемами ведущих российских социал-демократов, что на смену абсолютизму в России придет вначале конституционная монархия, затем либерально-демократическая республика, в ходе длительного процесса будет развиваться капитализм, увеличиваться численность и расти сознательность пролетариата, и только эти предпосылки обусловят грядущую социалистическую революцию. Парвус высказывал мысль, что эти этапы могут слиться воедино, в ходе вооруженного восстания будет образовано рабочее социал-демократическое правительство.

Отсюда вытекал известный лозунг Парвуса, который позже сталинисты приписывали не только самому Парвусу, но и Троцкому: «Без царя, а правительство рабочее». Этот лозунг был выдвинут Парвусом не как устойчивая установка, а, можно сказать, для красного словца. Что же касается Троцкого, то он его вообще не разделял, а позже подверг прямой критике.^[199] Троцкий рассматривал соотношение пролетариата и крестьянства в демократической революции и в развитии последней в социалистическую как сложный и противоречивый феномен, хотя сам, как мы увидим, не был в состоянии преодолеть связанные с этим противоречия.

Именно в это время, весной 1904 года, произошла встреча Троцкого с Парвусом в мюнхенском квартале Швабинг, где последний проживал. По дороге в Россию Троцкий, как уже упоминалось, вновь остановился у Парвуса. Перед отъездом Троцкого в Россию Парвус заверил его, что события полностью подтверждают сделанные им анализ и прогноз. «Нужно только договорить, что революция в России может привести к власти демократическое рабочее правительство».^[200] Поддержка крупного социалистического авторитета, каковым считался Парвус, явилась важным стимулом к дальнейшему обдумыванию Троцким принципиальных вопросов и схемы развития революции. В то же время восприятие «теории перманентной революции» как теории Парвуса-Троцкого^[201] является неточным не только потому, что это не была самостоятельная теория, но и потому, что Парвус лишь дал начальный толчок разработке концепции, которая полностью являлась плодом рассуждений и выводов Троцкого.

Брошюра Троцкого «До Девятого января», опубликованная в Женеве в начале марта 1905 года, шла вразрез с общепринятой классической революционной схемой. Основные положения брошюры, сосредоточенные в последних ее разделах «Демократия и революция» и «Пролетариат и революция», состояли в следующем.

Действительная демократия в обстановке абсолютизма может быть только революционной демократией. Партии, ориентирующиеся на соглашение, а не на революцию, не могут быть демократическими партиями. Абсолютизм нельзя убедить, его можно только победить. Для этого необходима не «сила логики», а «логика силы». Демократия должна мобилизовывать революционные ряды. Российская демократия лишена возможности опереться на национальные традиции, эти традиции необходимо создать. Вновь и вновь в различном словесном оформлении автор повторял, что партия демократии не может не быть партией революции. Российские либералы, прежде всего «освобожденцы», то есть те, кто примыкал к журналу «Освобождение» и позже оказался во главе кадетов, даже не упоминая о всеобщем избирательном праве, апеллировали, по мнению Троцкого, к антиреволюционной традиции русской истории (революционная, по его мнению, отсутствовала).

Единственной партией последовательного демократизма является социал-демократия. «Мы, социал-демократы, выступили на поле революционной борьбы в эпоху полного политического затишья. Мы с самого начала формулировали нашу революционную демократическую программу. Мы пробуждали массу. Мы собирали массу. Мы выступали на улицу».^[202] Иначе говоря, демократизм неотделим от революционности, а революционность от социал-демократизма. При этом Троцкий сильно преувеличивал масштабы деятельности социал-демократов и делал это сознательно во имя обоснования своих основных тезисов.

Автор стремился показать реалистичность своей позиции, подчеркивая, что для революции нельзя назначать день и час, как это можно сделать для демонстрации. «Народ никогда еще не делал революций по команде».^[203] Но в то же время необходимо готовить массы к революции, выбирать для этого наиболее удобные позиции, выдвигать соответствующие лозунги, упражнять массы в боевом искусстве и т. д., чтобы ударить в подходящее время.

Троцкий высказал предположение, что царизм будет низвергнут всеобщей забастовкой, на основе которой развернутся революционные столкновения. Всеобщая забастовка мыслилась им не как средство

достижения экономических, социальных и политических целей без применения открытой силы, а как этап на пути к вооруженному восстанию. Развиваясь и расширяясь, классовые столкновения внесут разложение в армию и толкнут «лучшие ее части» на сторону восставших. Высказывалось мнение о необходимости привлечения к выступлению пролетариата внимания и симпатий городского мещанства. «Политическая стачка, как единоборство городского пролетариата с полицией и войсками при враждебности или хотя бы только пассивности всего остального населения, означала бы для нас неизбежный крах».^[204] Политическая забастовка пролетариата должна сразу же превратиться в массовую революционную демонстрацию широких слоев городского населения.

Основным агитационным лозунгом мобилизации пролетариата и более широких масс должна стать идея всенародного Учредительного собрания, сочетаясь с лозунгом немедленного прекращения Русско-японской войны. С этой целью необходимо привести в действие все технические средства и агитационные силы партии. Созыв Учредительного собрания должен был стать результатом всеобщей забастовки и вооруженного восстания рабочих, поддержанных армией.

Лишь в конце статьи «Пролетариат и революция» выдвигалась задача перебросить политическую агитацию в деревню.

Крестьян необходимо было призывать на сходы, которые бы принимали постановления о созыве Учредительного собрания. А к пригородным крестьянам следовало обратиться с призывом собираться в городах, чтобы участвовать в уличных массовых выступлениях под тем же знаменем.

Итак, в брошюре «До Девятого января» Троцкий впервые в истории российского революционного движения провозгласил, что пролетариат должен захватить государственную власть в форме Учредительного собрания в сравнительно близком будущем. Подразумевалось, что в качестве авангарда революции рабочий класс сформирует правительство. Несколько позже это положение было сформулировано открыто. Подчеркивая слабость российской буржуазии, ее неспособность играть лидирующую роль в революции, неорганизованность крестьянства, Троцкий делал вывод, что только пролетариат способен возглавить революцию. Он соглашался с возможностью объединенного оппозиционного фронта против царизма с другими силами, но такое объединение рассматривал как кратковременное.

Немедленный переход к социалистическим мероприятиям не намечался. Автор предполагал, что Россия пройдет через

общедемократический, буржуазный по своему социальноэкономическому содержанию этап революции, но, в отличие от классического марксизма, был убежден, что и в этом случае революция будет проводиться не буржуазией, а пролетариатом. В результате будет создана оригинальная конституционная система в форме «рабочей демократии», которая, помимо обычных гражданских свобод, обеспечит особые классовые привилегии для рабочих, в частности повсеместное введение восьмичасового рабочего дня. Речь шла об известном ограничении капитализма, за которым последуют все новые ограничения, что и будет означать «перманентность» революции.

Отдельные стороны и вопросы своей концепции Троцкий продолжал освещать в статьях и более крупных работах, написанных на протяжении 1905 года.

Интересные мысли содержались в работе «Интеллигентская «демократия»», опубликованной чуть позже, в сборнике «Из истории одного года».^[205] Показывая, что интеллигенция далеко не однородна, автор рассматривал отдельные ее общественные проявления накануне и в ходе революции. Подчеркивалось, что влиятельное ядро интеллигенции материально или идейно связано с «цензовой земщиной», то есть умеренно либеральными кругами, тогда как «широкая демократическая периферия» стремится придать либеральным кампаниям более демократический характер, связать их с движением масс. По мнению Троцкого, эта часть интеллигенции переняла от пролетариата требование всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, приложила усилия для распространения этого лозунга. Процесс расслоения интеллигенции, не принимая формы прямого раскола, все же неуклонно продвигался вперед.

В обращении «Первое мая», которое было издано от имени ЦК РСДРП, Троцкий стремился изложить не общепартийные (таковые, впрочем, не существовали вследствие раскола РСДРП), а собственные взгляды. Выдвигая лозунги всеобщего вооружения народа и уничтожения постоянной армии, автор прокламации был уже существенно ближе к общей концепции перманентной революции. Он, правда, полагал, что «впереди еще долгий период революции». Но тем не менее он провозглашал: «Вам предстоит гигантская работа, пролетарии, которая потребует напряжения всех ваших физических и духовных сил, и вам необходимо отвоевать у капитала свободное время, чтобы мыслить, следить за событиями революции и бороться. Не откладывать требование восьмичасового рабочего дня на неопределенное время, как советуют вам либеральные холопы капитала, а, наоборот, сейчас же во время жестокой

борьбы с царизмом, должны вы воспользоваться напряжением ваших сил, чтобы завоевать восьмичасовой рабочий день. Не упускайте этого требования, рабочие и работницы, пишите его на ваших знаменах, повторяйте его в ваших речах, возглашайте его на баррикадах».^[206]

Новые черты и оттенки своей концепции Троцкий выявлял во время массовой забастовки в октябре 1905 года. Признавая, что забастовка не переросла в вооруженное восстание, он в то же время утверждал, что это была «демонстрация пролетарской гегемонии в буржуазной революции и вместе с тем демонстрация гегемонии города в деревенской стране».^[207] Стачка ослабляет врага, она «ставит на ноги» армию революции. Но само по себе это не обеспечивает государственного переворота. Следующая задача, которую формулировал Троцкий, состояла в том, чтобы вырвать власть из рук старых носителей и передать ее в руки самой революции, то есть пролетариата и связанных с ним народных масс.

Во время финляндской лесной интермедии, а затем в тюремной камере после ареста 3 декабря Троцкий в основном завершил формирование концепции перманентной революции, которую затем изложил в ряде статей и выступлений.

Многие из этих материалов затем вошли в сборник «Наша революция». Особенно важной в этом смысле была статья «Итоги и перспективы».

Одним из важнейших исходных положений новой концепции революционного процесса, разработанной Л. Д. Троцким, была констатация основополагающего факта, что Россия являлась страной «второго эшелона» развития капитализма, которой приходилось догонять более развитые страны. Выражаясь языком современной социологии, Россия являлась страной догоняющей модернизации, причем это происходило на протяжении нескольких сотен лет.

Создатель концепции полагал, что русский революционный процесс имел своеобразный характер, который являлся итогом особенностей всего общественно-исторического развития страны и который открывал оригинальные и весьма соблазнительные перспективы. Важнейшей из этих особенностей, по мысли Троцкого, являлась примитивность и медленность общественного развития страны. Русская общественно-политическая мысль, как и экономика, развивалась под непосредственным влиянием и давлением более высокой мысли и более развитой экономики Запада. Это была констатация факта, а не оценка, поэтому вряд ли Троцкого можно на основании этого высказывания характеризовать в качестве «западника», как

это делают многие авторы, хотя «западничество» действительно было одной, но не главной чертой его политического мышления.

Именно в определенных автором условиях в России сформировалась, по его мнению, абсолютистская система управления. Военно-феодалное могущество абсолютизма превращало его в самодовлеющую организацию, стоявшую над обществом. Самодержавие обладало огромной силой и независимостью, в том числе от экономически господствующих слоев общества. Чем мощнее было его могущество, тем длительнее и успешнее могло оно существовать.

В то время как на Западе бурлили политические страсти, российские самодержцы с XVII века успешно использовали созданную ими полицейско-бюрократическую машину, чтобы не допустить возникновения свободных политических структур. Внутренняя и внешняя политика, идеология, даже искусство превращались в вотчину государя императора и выполнявших его волю чиновников.

Однако в этой «затянутости» абсолютистского господства Троцкий видел его внутреннюю слабость и неизбежность краха. Чем дольше затягивалась власть абсолютизма, тем более углублялись его внутренние противоречия. В его «железном котле» все более нагнетались мощные «революционные пары», которые «могут разнести котел».^[208]

В целом справедливо характеризуя сущность российского абсолютизма, Троцкий в то же время пренебрегал фактами серьезных экономических и социально-политических преобразований, прежде всего серией великих реформ 60–70-х годов XIX века, начиная с отмены крепостного права, которые знаменовали начало создания в стране гражданского общества. Авторский анализ сосредоточивался не на позитивных изменениях, которые происходили во второй половине предыдущего века, а на сохранении остатков крепостничества, сословных привилегий, нищете и бесправии масс, отсутствии конституции и парламентских учреждений.

Выводом из этого анализа, который передается лишь суммарно, являлось утверждение, что все предыдущее развитие делало революцию в России неизбежной.

Но пока этот вывод существенно не выходил за пределы общей марксистской догматики. Дальнейшее рассмотрение развития российского города и городского капитала приводило автора к выводу, что капитал в Россию вторгнулся с Запада при непосредственном содействии императорского абсолютизма и быстро создавал торгово-промышленные центры. Пролетариат быстро (по словам Троцкого, «сразу») оказался

сосредоточенным огромными массами в крупных центрах, а между ним и абсолютизмом стояла «немногочисленная капиталистическая буржуазия, оторванная от «народа», наполовину чужестранная, без исторических традиций, одухотворенная одной жадной наживы».^[209]

Преимущественное положение иностранного капитала, слабость российской буржуазии и городских средних слоев, отсутствие буржуазно-демократических сил в западноевропейском понимании этой категории — все эти факторы обуславливали неспособность буржуазии и ее политических организаций и представителей взять на себя функцию революционного свержения самодержавия и включения России в современную социально-политическую систему.

Эти положения и выводы были весьма схематичными, односторонними, не описывали всей сложности и многогранности формирования и функционирования российского капитала. Однако они служили мостиком для вывода, что слабость и эгоистичность российской буржуазии предопределяют ее своеобразную «отстраненность» от революционного процесса, ее вторичную, подчиненную роль по отношению к царскому абсолютизму. В результате русская революция должна была неизбежно создать такие условия, при которых власть могла перейти в руки пролетариата, «прежде чем политики буржуазного либерализма получат возможность в полном виде развернуть свой государственный гений».^[210] Согласно Троцкому, революция не могла разрешить даже ближайших задач, если у власти не встал бы пролетариат.

Троцкий отказывался формулировать предельную программу революции. Он утверждал, что революционная тактика должна основываться на идее непрерывной революции в том смысле, что социал-демократы должны непрерывно, повседневно расширять и углублять ближайшие задачи, формулировать их по мере постановки их на очередь революционным развитием.

Имея в виду, что либеральная оппозиция не просто отказывается, а по своей сущности неспособна стать во главе революции, единственным классом, оказывающимся в состоянии не только призывать к революции, но идти в нее, вовлекать в нее другие слои населения, является пролетариат. Троцкий видел только две противостоявшие силы — самодержавие и пролетариат. Остальные социальные группировки он рассматривал как промежуточные, не игравшие принципиальной роли, хотя и способные подкрепить одну из основных соперничавших сил.

Подробно разбирая три элемента (сплоченность массы рабочих,

сочувствие населения, настроение армии), автор уделял особое внимание необходимости агитации в войсках, чтобы создать у солдат сочувственное отношение к революции ко времени приближения решающих схваток. К числу таковых он относил прежде всего всероссийскую политическую забастовку под требованием всенародного Учредительного собрания. Необходимо, чтобы к этому времени «всякий солдат, который будет отправлен для усмирения «бунтовщиков», знал, что перед ним стоит народ, требующий созыва Всенародного Учредительного Собрания».^[211]

Лозунг Учредительного собрания рассматривался не только Троцким, но и всеми социал-демократами, в том числе большевиками, в качестве центрального агитационно-политического и практического требования. Между большевиками и меньшевиками, однако, шли споры, кто именно должен созвать Учредительное собрание. Большевистский ЦК полагал, что инициатором должна была выступить Государственная дума, меньшевистский Петроградский комитет выступал за инициативную роль временного правительства, этой Думой образованного. Троцкий же обращал основное внимание не на предоставление императивного «мандата» тому или иному государственному органу, а на то, чтобы «создать в пролетариате организационную опору для давления» на временное революционное правительство.^[212] Учредительное собрание в его представлении должно было явиться результатом массовой борьбы с оружием в руках. Помимо созыва Учредительного собрания ближайшей программой являлось, по Троцкому, введение восьмичасового рабочего дня, создание органов революционного самоуправления, образование народной милиции и революционных крестьянских комитетов.

Эти тактические вопросы Троцкий изложил в двух статьях, написанных в тюрьме в июле 1906 года и нелегально переданных на волю. Они встретили сочувственное отношение Ленина и вскоре появились в виде брошюры в большевистском легальном издательстве.^[213]

Осень 1905 года и 1906 год были временем нового относительного сближения между взглядами Ленина и Троцкого, после чего наступит пора вначале охлаждения, а затем неприкрытой враждебности, которая станет преодолеваться только в 1917 году. Пока же Ленин, признавая, что между его взглядами и позицией Троцкого есть расхождения, относился к Троцкому сравнительно миролюбиво, что было отнюдь не в характере Ильича. Относительно схемы революции, которую формулировал Троцкий, Ленин писал: «Но разве таких и подобных разногласий внутри социал-демократии не показывает нам любой период в развитии любой

европейской социалистической партии?»^[214]

Ленин, однако, перестал бы быть самим собой, если бы не продолжал сохранять внутреннее недовольство прошлым поведением Троцкого, его «изменой» самому большевистскому лидеру. В той же статье «Социал-демократия и временное революционное правительство», которую я только что процитировал, он безосновательно, но с вполне определенным расчетом отводил главную роль в развитии новых идей Парвусу. Ленин снисходительно писал об эволюции Парвуса, отмечал «хорошие листки», написанные им. По словам Ленина, Парвус «сумел пойти вперед вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад. Он не захотел делать «сизифову работу» бесконечных поправок к мартыновским и мартовским глупостям. Он выступил прямо (к сожалению, вместе с Троцким) с защитой идеи революционно-демократической диктатуры, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия».^[215] И далее Ленин частично похваливал, частично поругивал предисловие Парвуса к брошюре Троцкого, игнорируя саму брошюру. И только в самом конце он как бы вспомнил о Троцком, но только для того, чтобы еще раз его обругать, хотя в устах большевистского вождя сравнительно добродушно: «Если пустозвон Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что «свящ[енник] Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей демократической революции».^[216] В результате оказывалось, что в данном случае «пустозвоном» оказывался не Троцкий, а сам Ленин, который, в отличие от Троцкого, грезил о «втором Гапоне».

Но главное, в этой статье Ленин, понимая новизну концепции перманентной революции, скрывал, точнее, извращал ее смысл, ставя знак равенства между различными толкованиями понятия временного революционного правительства — своим и Троцкого. Более того, Ленин становился на сторону Мартова в оценке им и Троцким соотношения классовых сил в революции. В одной из записок 1905 года Ленин отметил: «Напрасно даже верил Мартов Троцкому, что революционная демократия лишь «подрастает», а пролетариат растет. Скорее *vice versa*».^[217]

Троцкий не отказывался рассматривать крестьян как движущую силу революции (это ему приписывалось в течение долгих лет сталинистской историографией). Однако он не рассматривал крестьянство в качестве самостоятельной политической силы. «Пролетариат у власти предстанет

перед крестьянством как класс-освободитель», — писал он.^[218] Крестьянство будет участвовать в революции, сыграет позитивную роль, но роль эта будет подчиненной по отношению к пролетариату. «Русская буржуазия сдаст пролетариату все революционные позиции. Ей придется сдать и революционную гегемонию над крестьянством».^[219]

В отличие от Ленина Троцкий полагал, что история не может вверить мужику задачу раскрепощения буржуазной нации. Вследствие своей разбросанности, политической отсталости, в результате глубоких внутренних противоречий, разъединяющих крестьянство, оно способно лишь к нанесению периферийных ударов по старому порядку, может внести в его ряды замешательство и даже панику, внести недовольство в армию, но неспособно нанести решительный удар и тем более встать у власти.

Именно в вопросе о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в революции имели место как сходные черты, так и различия между позицией Троцкого и Ленина. Если Троцкий полагал, что в результате революции в стране установится диктатура пролетариата, опиравшегося на крестьянство, то Ленин на этапе «буржуазно-демократической революции» предусматривал установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Прямо Ленин не высказывал, как именно будет осуществлена эта «революционно-демократическая диктатура», но не исключал участия во власти «разношерстных представителей революционной демократии».^[220] Иначе говоря, большевистский вождь предусматривал на начальном этапе революции более или менее равноправное положение обоих классов во власти.

В то же время Троцкий был убежден, что в случае успешного исхода революции в стране сразу установится пролетарская диктатура, которая будет выражать интересы не только самого нового господствующего класса, но также крестьянства. Опираясь на крестьянство, пролетариат должен будет, по мысли Троцкого, привести в движение все силы, которые будут направлены на повышение культурного уровня деревни и развитие политического сознания крестьянских масс. Диктатура же пролетариата и крестьянства рассматривалась Троцким как неосуществимая, так как крестьянство неспособно создать самостоятельную политическую партию.

В то же время в попытке прогнозирования взаимоотношений между победившим пролетариатом и крестьянством Троцкий был непоследователен в том отношении, что, с одной стороны, он вручал пролетариату руководство над крестьянством, а с другой — высказывал

мнение, что крестьянство почти неизбежно отвернется от пролетариата, когда будут удовлетворены основные имущественные претензии сельского трудящегося населения. В результате пролетариат будет вынужден вторгнуться не только в феодальные, но и в буржуазные отношения, включая крестьянскую собственность. Это приведет пролетариат в столкновение с большинством крестьянского населения. Как будет в конечном итоге разрешено это противоречие, Троцкий не указывал.

Во всех этих рассуждениях, как у Троцкого, так и у Ленина и других социал-демократов, четко прослеживаются схематизм мышления и абстрактность социополитологических построений. Эти деятели исходили из прямолинейной схемы «класс — партия», полагая, что политические партии являются прямыми выразителями воли определенных классов или их составных частей. На самом же деле взаимоотношения классов и партий были несравненно сложнее и запутаннее. Партии могли выражать интересы не одного класса, а различных общественных слоев, разные политические взгляды, отнюдь не вписывавшиеся в те или иные прямолинейные «классовые интересы». Историки ныне все более приходят к выводу, что социальные критерии при классификации политических партий надо применять очень осторожно, не абсолютизировать их, как это делали марксисты в начале XX века.^[221]

Развивая концепцию «перманентности», Троцкий рассматривал далее соотношение между установлением в России рабочего правительства и перспективами создания социалистического общества. Он полагал, что рабочий класс, взявший в свои руки власть, будет вынужден стать на путь «социалистической политики», не сможет ограничить свою миссию созданием республиканско-демократического общества, то есть такой обстановки, при которой будет сохраняться и усиливаться социальное господство буржуазии. Логика классовой борьбы толкнет рабочий класс на путь экспроприации заводов, вначале наиболее крупных, и введения на них общественного, социалистического хозяйства. Этот процесс будет постепенно углубляться, охватывая все новые предприятия и отрасли. Таким образом, общедемократический и социалистический этапы революции сольются, что в конце концов приведет к созданию основ социалистического общества.

Важнейшим элементом концепции перманентной революции были ее международные аспекты. Раздел «Европа и революция» был заключительным в работе «Итоги и перспективы» и, видимо, рассматривался автором как наиболее весомый. Здесь высказывалась мысль, что российский пролетариат, который пришел бы к власти даже

вследствие временной конъюнктуры буржуазной революции, неизбежно встретил бы крайне враждебное к себе отношение со стороны мировой реакции и в то же время готовность к организованной поддержке мирового пролетариата. Если пролетарская власть в России будет предоставлена самой себе, она неизбежно будет разгромлена контрреволюцией. Мировая или по крайней мере европейская революция рассматривалась как единственный гарант успешности революции в России. Так российская революция в представлении Троцкого превращалась в революцию международную.

Разумеется, в реальных условиях России 1905 года схемы перманентной революции выглядели несбыточными, утопичными. Чтобы обеспечить себя от упреков в «маниловщине» и тому подобных нелицеприятных определений, Троцкий многократно подчеркивал условность этих схем, их зависимость от тех или иных конкретных поворотов событий.

Сущность концепции перманентной революции состояла в том, что социалистическая революция начинается на национальной почве, развивается на интернациональной и завершается на мировой.

Многие авторы, изучавшие биографию или социально-политические взгляды Троцкого, согласны в том, что троцкизм (термин, изобретенный сталинскими приспешниками в середине 1920-х годов, в пору ожесточенной внутрипартийной борьбы) действительно существовал как особая система взглядов на общественное развитие в рамках марксистского учения, причем некоторые из них (например, Ф. Помпер) относят возникновение троцкизма уже к 1906 году.^[222]

С таким взглядом трудно согласиться. Концепция перманентной революции не была самостоятельной, она вытекала из общей марксистской системы взглядов, носила не теоретический, а политико-стратегический характер, причем существенно менялась на протяжении следующего периода по мере изменения объективных обстоятельств. Она была близка к развиваемой Лениным концепции «непрерывной революции» (обратим внимание даже на совпадение термина — ведь «непрерывная» это и есть «перманентная»!), и только политические амбиции и тактические разногласия обоих лидеров препятствовали им в достижении единства по частным вопросам, для чего надо было лишь пойти на мелкие доктринальные уступки и, по выражению Владимира Маяковского, предложить друг другу: «Сочтемся славою — ведь мы свои же люди». Вместо этого они, особенно Ленин, энергично атаковали друг друга. В результате Троцкий оставался почти в одиночестве — меньшевизм не мог

удовлетворить его радикализма, а большевистский стиль борьбы и полемики был ему отвратителен.

Сам Троцкий считал, что в целом его теория подтвердилась, хотя практика большевистской диктатуры в России отнюдь не была свидетельством этой гладкой умозрительной логической цепи. Тем не менее и в качестве ведущего советского партийно-государственного деятеля, и будучи руководителем объединенной антисталинской оппозиции, в ссылке и в эмиграции Л. Д. Троцкий продолжал твердо придерживаться концепции перманентной революции, а в 1930 году выпустил в Берлине специальную книгу, посвященную своему любимому детищу.

Подводя итог, подчеркну еще раз, что концепция перманентной революции не являлась серьезным научным открытием или вкладом в марксистскую теорию. Это была политическая концепция, призванная объяснить феномены первой, а затем второй российской революций. Но как политический инструментарий она была важна для пополнения арсенала борьбы за власть, а затем за ее утверждение, за отстаивание собственной оригинальной позиции в международном революционном движении, для сплочения своих сторонников после перехода в оппозицию, в новом изгнании, в борьбе за создание интернационального объединения под руководством Троцкого.

Глава 6 В ТЮРЬМАХ, НА СУДЕ И НА ЭТАПЕ

«Кресты» и Петропавловка

Арестом 3 декабря 1905 года начался, как писал Троцкий, его «второй тюремный цикл».^[223] Лев переносил его легче, чем первый. Это было связано с тем, что юношеский опыт пребывания в провинциальных тюрьмах создал определенный «иммунитет» к жизни за решеткой. К заключению почти невозможно привыкнуть, тем более человеку активному, полному энергии и жаждущему ее общественного выхода. Но приспособиться к камерному быту было теперь легче. Важнейшую роль в этом играл определенный психологический настрой. Троцкий считал себя, как и других арестованных членов Совета, «пленниками» врага, против которого необходимо было продолжать борьбу в новых условиях, но

используя прежние средства — устное и печатное слово, высокомерное поведение, театрализованную позу, то есть все то, чем он овладел и с успехом применял, ведя политическую борьбу на воле.

Кроме того, условия пребывания в заключении были несравненно благоприятнее, чем пять-шесть лет назад. Хотя революция переживала спад, стачечные выступления, волнения в армии и на флоте, крестьянские бунты продолжались. Россия становилась полуконституционной монархией. Вводились правовые нормы. Возникли легальные партии. Состоялись выборы в I Государственную думу, которая, правда, была вскоре разогнана. Сами тюремщики вели себя осторожно, опасаясь, как бы те, кто сейчас находился под замком, вскоре не оказались в правительстве.

Вначале Троцкий был помещен в «Кресты», затем его перевели в Петропавловскую крепость. Основным занятием в камере стала напряженная писательская работа. Троцкий оттачивал мастерство политического аналитика, критика царизма и либеральных сил. Он изучал социально-политическую историю России по доступным ему трудам, имевшимся в тюремной библиотеке и передаваемым с воли. Именно они, вместе с осмыслением опыта революции и сведениями прессы, побудили его к написанию «Итогов и перспектив», в которых наиболее концентрированно была сформулирована концепция перманентной революции, как Троцкий ее тогда понимал.

Вскоре к обвиняемым были допущены адвокаты. В основном были наняты политические единомышленники, которые, с одной стороны, следовали правовым процедурам, отстаивая интересы подзащитных, а с другой — в прямое нарушение своих обязанностей, служили их связными с внешним миром.

Интересно, однако, что защитником Троцкого стал не социал-демократ, а человек, по своим взглядам близкий к кадетам. Н. И. Седова договорилась о защите с известным в Петербурге адвокатом Оскаром Осиповичем Грузенбергом. К этому времени Грузенберг прославился среди интеллигентской оппозиционной публики убедительными и смелыми выступлениями по делам, связанным с печатным словом. По одному из таких дел он защищал писателя К. И. Чуковского, который посвятил затем одну из своих книг «защитнику книги и писателей».^[224] Хотя Грузенберг не разделял политических убеждений Троцкого, он, как и другие адвокаты, выполнял нелегальные функции — передавал в тюрьму письма Натальи Ивановны, выносил для передачи ей письма и рукописи Льва Давидовича.^[225]

Чем руководствовался О. О. Грузенберг, унося из тюрьмы в своем объемистом портфеле рукописи Троцкого, чтобы передать их Седовой, а затем издателям, прежде всего издательскому дому Николая Глаголева и издательству «Новый мир», выпускавшим социал-демократическую литературу? Можно предположить, что он поступал так, нарушая законы, которые призван был свято блюсти, будучи очарованным личностью молодого самоотверженного социалиста, которого ценил за смелость, острый ум и находчивость, может быть, надеясь, что тот, повзрослев, откажется от заблуждений, перейдет на более трезвые позиции.

Пребывание в тюрьмах было своего рода отдыхом и в то же время циклом мощных умственных упражнений. Утомившись за столом, Лев менял род занятий — он устраивался на тюремной койке и читал произведения классиков европейской художественной литературы. По его воспоминаниям, он «упивался ими с таким же чувством физического наслаждения, с каким гурманы тянут тонкое вино или сосут благоуханную сигару».^[226] Именно в это время он пристрастился к французскому роману, который будет следовать за ним и после 1917 года — на фронтах Гражданской войны, в ссылке и в эмиграции. Ко времени второго ареста Троцкий более или менее хорошо (но отнюдь не в совершенстве) овладел и французским, и немецким языками, но немецкий был ему удобнее для социально-политического анализа и полемики, а французский он воспринимал главным образом как язык художественного творчества.

Тюремный режим в 1906 году был своеобразным. Политзаключенные разгуливали во дворе тюрьмы и даже играли в чехарду. Троцкому были разрешены еженедельные свидания с супругой. Во время них происходил обмен письмами и рукописями, правда, только в тех случаях, когда нетерпеливый Лев не мог дожидаться визита Грузенберга. Тюремщики делали вид, что ничего не замечают.

Сохранились две фотографии Троцкого, сделанные в тюрьме. Но это не тюремные фотографии «в профиль» и «анфас» в полном смысле слова. На одной из них мы обнаруживаем привлекательного и достаточно ухоженного молодого человека сугубо интеллигентного вида. Лицо как будто спокойно, но все же выдает внутренне напряженную, сложную гамму чувств. Огромная шапка черных волос, широкий лоб, пенсне, хорошо подстриженные усики создают впечатление преуспевающего журналиста или университетского приват-доцента, но не арестанта Петропавловки. Вторая фотография — коллективная. На ней мы видим Троцкого в обществе ветерана революционного движения Л. Г. Дейча и своего единомышленника того времени Парвуса. Все трое стоят обнявшись и

также выглядят благополучно.

В тюрьме была создана коллективная работа по истории Петербургского совета, в написании которой участвовали большевики, меньшевики и нефракционный социал-демократ Троцкий — он стал не только одним из авторов, но и фактическим редактором работы. Рукопись удалось вынести из тюрьмы, и вскоре она была опубликована.^[227] Вся работа носила на себе отпечаток идей Троцкого. Но особенно показательной была написанная им глава «Уроки первого Совета».^[228] Здесь обосновывалась все та же концепция перманентной революции, доказывалось, что центральной задачей является взятие государственной власти.

На узком столике тюремной камеры Троцкий пытался запечатлеть не только историю Совета, но дать анализ всей истории революции, которая, по его мнению, еще продолжалась и могла привести к новым волнам подъема.

Особое внимание уделялось формированию, политическим установкам и началу практической деятельности партий. В тюремных статьях Троцкого была представлена палитра всего политического спектра России в тот краткий период, когда в стране начала формироваться партийно-политическая система. Среди этих работ выделялась статья «Царская рать за работой», посвященная организациям, вошедшим в историю под названием черносотенных.^[229] Правда, автор упрощал связь между черносотенцами и государственной администрацией, вместе с тем показывая, что крайне правые организации и движения вербовали своих членов отнюдь не только из среды имущих слоев. Старый порядок, согласно анализу автора, набирал повсюду своих сторонников — «во всех углах, норах и трюцобах. Здесь — мелкий лавочник и оборванец, кабатчик и его постоянный клиент, дворник и шпион, профессиональный вор и грабитель-дилетант, мелкий ремесленник и привратник дома терпимости, голодный темный мужик и вчерашний выходец деревни, оглушенный грохотом фабричной машины. Озлобленная нищета, беспросветная тьма и развращенная продажность становятся под команду привилегированного своекорыстия и сановной иерархии» — такова была картина черносотенного движения. Другие статьи касались формирования партий либерального толка — октябристов, кадетов, сущности эсеровской программы и тактики и т. д. Наибольшее внимание уделялось выступлениям пролетариата и советскому движению, созданию и деятельности Петербургского совета, особенно в дни, когда автор был его

руководителем. В меньшей мере рассматривались крестьянские бунты, мятежи в армии и на флоте, которым, однако, также посвящены были статьи. Выглядит удивительным, что событиям в декабре 1905 года, прежде всего вооруженным выступлениям в Москве и других городах, Троцкий посвятил лишь одну небольшую статью под неопределенным названием «Декабрь»,^[230] видимо, в связи с тем, что Петербург оказался пассивным.

Лидер Совета на суде

Первое время судьба арестованных членов Петербургского совета оставалась неопределенной. В высших сферах не было единодушия по поводу того, следует ли предавать членов Совета суду. Министерство юстиции отвергало такую возможность, так как деятельность Совета была открытой, а власти вступали с ним в прямые отношения.^[231]

Либеральные и репрессивные волны следовали одна за другой, что непрерывно меняло предположения о судьбе деятелей Совета. В декабре 1905-го — январе 1906 года не исключалась возможность, что дело будет передано военному суду. Когда в апреле начала работу I Государственная дума, возникли мнения об амнистии. В конце концов И. Л. Горемыкин, председатель Совета министров в апреле — июле 1906 года, решил передать дело на рассмотрение Судебной палаты с участием сословных представителей. Члены Совета обвинялись в подготовке вооруженного восстания. Получив обвинительное заключение, Троцкий написал документ «Совет и прокуратура», в котором детально разобрал все пункты обвинений, предъявленных 52 членам Совета (остальные арестованные из этого дела были исключены).^[232] Заявление было тайно передано социал-демократической фракции Госдумы, которая предполагала выступить с запросом. Внести его не удалось, так как Думу разогнали.

В своем документе Троцкий прибегал к политическим и юридическим ухищрениям, стремясь показать бессмысленность обвинительного акта. Возможно, он консультировался со своим защитником, но прямых свидетельств этого нет. Автор стремился показать противоречие между сущностью обвинения и той картиной деятельности, которая вменялась в вину. Все 52 члена Совета обвинялись во вступлении в сообщество, поставившее целью «насильственное посягательство на изменение установленного в России основными законами образа правления и замену его демократической республикой». Эти обвинения карались статьями

Уголовного уложения, предусматривавшими наказание каторгой или смертную казнь.

Но картина, очерченная в обвинительном акте, представляла Совет не «заговорщическим сообществом», а «представительной коллегией, направление работ которой должно было лишь определиться дальнейшим сотрудничеством членов». Троцкий старался убедить, что прокуратуру не интересовала юридическая сторона. Она знала, что власть стремится получить несколько десятков жертв, и ограничивала число подсудимых путем «грубых софизмов» (не менее отчетливые софизмы фигурировали в самом этом заявлении, направленном против обвинения).

Троцкий по пунктам, с присущим ему сарказмом, разбирает конкретные обвинения, в первую очередь связанные с вооружением рабочих, ибо в этом вопросе обвинение действительно не смогло собрать убедительных свидетельств и вынуждено было прибегать к смехотворным доводам. Чего стоило, например, утверждение, что отпор черносотенцам был только предлогом для раздачи оружия некоторым депутатам, на самом же деле браунинги раздавались для вооруженного восстания, назначенного на годовщину Кровавого воскресенья — 9 января 1906 года!

Весьма важным был вопрос о линии поведения членов Совета на суде. Социал-демократическое руководство занимало неопределенную позицию. Накануне открытия процесса Троцкий писал Мартову, выражая недовольство предложениями о судебной тактике, содержащимися в полученных письмах с воли: «Смысл их таков: «Дети, излишнего шума не надо, в каторгу тоже не нужно — а остальное предоставляем на ваше усмотрение»». Троцкий полагал, что решения ЦК не могут иметь для подсудимых социал-демократов обязательной силы из-за того, что им необходимо действовать солидарно с эсерами и беспартийными. Он смог передать на волю письмо в ЦК РСДРП, имея в виду под этим органом, видимо, не только ЦК, избранный на большевистском съезде, но и меньшевистский центр.^[233] Такое предположение можно высказать в связи с тем, что в ответ на вопрос составителей второго тома «Сочинений» Троцкого, которые обнаружили названный документ в его личном архиве, он письменно ответил, что по вопросам поведения на суде подсудимые «сносились одновременно с большевистским и меньшевистским центрами». Позиция Троцкого была ближе к линии большевистского руководства.^[234]

Судебные прения начались 19 сентября и продолжались месяц. Это было время «первого междумя»,^[235] то есть период между разгоном

первой (8 июля 1906 года) и созывом второй Государственных дум, когда реакция набирала силу, проявляясь, в частности, в смертных приговорах военно-полевых судов, но еще в полной мере не возобладали.

В этих условиях судебный процесс проводился относительно открыто. Своеобразной была обстановка вокруг суда и в его зале. Вот как описывал ее позже основной персонаж скамьи подсудимых: «Утрированная строгость причудливо переплеталась с полной распушенностью, и обе они с разных сторон характеризовали ту поразительную растерянность, которая все еще царила в правительственных сферах... Здание суда было объявлено на военном положении и фактически превращено в военный лагерь... Но 30–40 черных адвокатских фраков поминутно разрывают синюю стену. На скамье подсудимых появляются непрерывно газеты, письма, конфеты и цветы... В конце концов, даже жандармские офицеры и судебные приставы, совершенно «деморализованные» общей атмосферой, начали передавать подсудимым цветы».^[236]

Чрезвычайно важно было опровергнуть обвинение в подготовке вооруженного восстания, ибо признание его судом могло привести к смертным приговорам. Этот вопрос был в центре судебных заседаний. По договоренности с другими подсудимыми именно ему посвятил свою большую защитительную речь Троцкий 4 октября.^[237] Это была речь обвинителя, а не человека, пытавшегося добиться личного оправдания. Троцкий рассматривал насилие как функцию государственной власти, чтобы заявить, что Совет являлся органом самоуправления массы и мог применять репрессии в отношении этой самой массы, предотвращать анархию в ее рядах. Именно в создании такой логико-юридической конструкции Троцкий как бы почти незаметно предпринимал словесное наступление, заявляя, что, прежде чем перейти к репрессиям (по отношению к кому, речь пока не шла), Совет обращался со словами убеждения. Совет на практике осуществлял только те фактические свободы, которые произвели на свет Манифест 17 октября.

Именно в таком порядке — не деятельность на базе манифеста царя, а деятельность, которая породила сам этот манифест — и состояла линия поведения Троцкого перед судебскими чинами. Подсудимый, ведший себя, как будто он выступает на научно-политическом диспуте, утверждал, что царский манифест никакой правовой основы создать не мог, что новый правовой строй мог быть создан путем реорганизации государственного аппарата.

Так Троцкий, в полной мере оперируя софизмами в духе античной

традиции, строя риторические конструкции, сводившие к абсурду аргументацию прокуроров и судей при любом к ним подходе, используя мнимые, но звучащие вполне логично доказательства, которые, возможно, могли бы неотразимо повлиять на присяжных заседателей, если бы суд проводился с их участием, по сути дела, с вполне серьезным видом высмеивал судей, одновременно пропагандируя свои установки.

Политическую стачку Троцкий объявлял основным, но не исчерпывающим методом пролетарского восстания. Метод стачки имел свои пределы, что проявилось в прекращении стачки, причем по призыву Совета, о чем не преминул напомнить Троцкий. В результате оказывалось, что одновременно существовали две государственные власти — народная в лице Совета рабочих депутатов и старая, опирающаяся на армию. Эти две силы не могли сожительствовать продолжительное время — упрочение одной грозило гибелью другой. Хотя Троцкий говорил о невозможности сосуществования двух властей, по существу он констатировал их одновременное существование. В его речи на суде впервые возникла идея двоевластия, которая выльется в более прочные формы через десятилетие с лишним — после начала революции 1917 года.

Троцкий поучал судей, адвокатов, свидетелей, публику, что восстание масс не делается, а совершается, является результатом социальных отношений, а не определенного плана, что подготовка восстания состояла в просвещении народа. Троцкий завершил речь фиксацией внимания на том, что Совет помогал массам готовиться к самообороне против черносотенных сил. Он заявил: если прокуратура признаёт, что черносотенство и является этим образом правления, тогда он признаёт, что «в октябре и ноябре мы прямо и непосредственно вооружались против образа правления Российской империи».^[238]

Эта речь ярко свидетельствовала, что 27-летний революционер в полной мере овладел искусством полемики и аргументации, умением отражать доводы противников, сочетать фанатическую приверженность своему делу с умением лавировать и, иногда чуть-чуть, а иногда сильно смещая акценты, подменяя причины следствиями и наоборот, используя спекулятивные построения, привлекать на свою сторону представителей разных кругов. «Эристика» Шопенгауэра отнюдь не оказалась излишним чтением — Лев умело использовал рекомендации этой бессовестной книги.

Считая, что он представляет интересы пролетариата и примыкавших к нему низших слоев городского населения, Троцкий был лицедеем, которому доверяли и которым подчас восторгались не только малообразованные рабочие и ремесленники, но и оппозиционные

интеллигенты, считавшие себя несравненно выше массы, толпы, которую они абстрактно возводили в руководящую силу революции, но на самом деле концентрировали внимание на собственном круге, призванном осуществить революцию при помощи массы и лишь затем просвещать ее и подтягивать в культурном отношении.

На процесс приехали родители Льва. «Их мысли и чувства двоились. Уже нельзя было объяснить мое поведение мальчишеской взбалмошенностью... Я был редактором газет, председателем Совета, имел имя, как писатель. Старикам импонировало это. Мать заговаривала с защитниками, стараясь от них услышать еще что-нибудь приятное по моему адресу. Во время моей речи, смысл которой не мог быть ей вполне ясен, мать бесшумно плакала... В перерыве старики глядели на меня счастливыми глазами. Мать была уверена, что меня не только оправдают, но как-нибудь еще и отличат. Я убеждал ее, что надо готовиться к каторжным работам. Она испуганно и недоумевающе переводила глаза с меня на защитников, стараясь понять, как это может быть».^[239]

Второго ноября 1906 года Судебная палата вынесла приговор. В знак протеста против нарушения юридических норм в ходе заседаний подсудимые на слушание приговора не явились. Судьи остались с глазу на глаз с прокурором.^[240]

Лейба Бронштейн вместе с Георгием Носарем был признан главным обвиняемым в числе 29 лиц, которым в конце концов определялась судьба. Они были признаны виновными в том, что «в последней четверти 1905 года в городе С. Петербурге состояли участниками сообщества, которое заведомо для них, подсудимых, поставило целью своей деятельности насильственное, посредством организации вооруженного восстания, изменение установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику».^[241] Приговор почти дословно повторял обвинительный акт.

«Сын колониста Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, колонии Громоклея Лейба, он же Лев Давидов Бронштейн, 25 лет» (возраст был указан неверно) был лишен прав состояния и сослан на поселение. Ссылка была бессрочной, то есть вечной. Отменить ее могло только царское помилование. Попытка побега каралась тремя годами каторжных работ. Лишь за пару лет до этого было отменено еще одно наказание, которым должны были подвергаться пойманные беглецы, — сорок пять ударов плетью.

Третьего января 1907 года Троцкий вместе с группой осужденных был переведен в пересыльную тюрьму. В этот же день он написал жене: «Нас перевезли сюда сегодня внезапно, без предупреждения. В приемной заставили переодеться в арестантское платье. Мы проделали эту процедуру с любопытством школьников. Было интересно видеть друг друга в серых брюках, сером армяке и серой шапке... Нам разрешили сохранить свое белье и свою обувь».^[242]

Сообщение о разрешении сохранить обувь было особо важным — в каблуках были спрятаны золотые червонцы, а в подметке — новенький паспорт. Лев собирался использовать и то и другое при бегстве, которое задумал с самого начала. Побег намечался из места назначения, но план был осуществлен значительно раньше.

Приговоренным сообщили, что их высылают в село Обдорское за полярным кругом, за полторы тысячи верст до ближайшей железнодорожной станции.

В пути были приняты повышенные меры охраны, так как петербургский конвой считался ненадежным. В соседнем вагоне разместили взвод жандармов, которые на каждой станции окружали арестантский вагон плотным кольцом. В то же время конвой, включая офицеров, был предупредителен. Дело происходило в начале 1907 года, и в высших кругах империи продолжалась борьба консервативного и либерального курсов, что влияло на поведение охранников.

По закону арестантам полагалось надеть наручники, но дежурный офицер сразу сообщил, что начальство разрешило воздержаться от этой меры. На станциях конвойные опускали в почтовые ящики письма этаплируемых родным. Лев писал Наталье 11 января: «Если офицер предупредителен и вежлив, то о команде и говорить нечего: почти вся она читала отчет о нашем процессе и относится к нам с величайшим сочувствием».^[243]

Письма Наталье следовали одно за другим. Они были бережно сохранены и через много лет включены в книгу ее воспоминаний. 12 января: «На каждой станции наш вагон окружают жандармы, а на крупных станциях их еще дополняет горная полиция... Только два рода людей охраняются таким образом: «государственные преступники» и самые выдающиеся министры». 26 января: «Нам сказали, что между Березовом и Обдорским наши сани будут идти на оленях».^[244]

В Тюмени арестантов действительно дальше отправили на санях. Путь шел по замерзшей Оби. Лев продолжал отчитываться перед Натальей: «Каждый день мы последнее время продвигаемся на 90–100 верст к северу, т[о] е[сть] почти на градус... Каждый день мы опускаемся еще на одну ступень в царство холода и дикости».^[245] На тридцать третий день пути ссыльные оказались в городе Березове, куда когда-то был сослан сподвижник Петра I князь Меншиков. Здесь конвойные совсем расслабились, полагая, что побег невозможен — санный путь лежал по Оби, вдоль телеграфной линии. Уверенность, что попытка побега была бы моментально пресечена, была всеобщей.

Тем не менее Троцкий вздумал попытаться счастья, понимая, что с места назначения бежать будет намного труднее. Он консультировался со ссыльным Ф. Н. Рошковским, работавшим в Березове землемером, отличавшимся хорошим знанием местных условий и практической хваткой. Он убедил Троцкого, что есть более опасный, но и более надежный путь бегства, чем по обычному тракту.^[246] Можно было бы попытаться поехать на запад, по реке Северная Сосьва, недалеко от впадения которой в Обь находился Березов, по течению добраться до Уральского хребта, а далее на оленях до горных заводов, там сесть на узкоколейку и доехать до магистральной железнодорожной линии.

Рошковский предупреждал о рискованности задуманного: «Никакой полиции на протяжении тысячи верст, ни одного русского поселения, только редкие остяцкие юрты, о телеграфе нет и помину, нет на всем пути даже лошадей, тракт исключительно олений. Полиция не догонит. Зато можно затеряться в пустыне, погибнуть в снегах».^[247]

Решение, однако, было однозначным — бежать из Березова. Троцкий симулировал болезнь — у него якобы разыгрался приступ. Как разыграть спектакль болезни, Льва научил его товарищ по ссылке доктор Фейт. Накануне выезда этапа из Березова Троцкий сообщил о болезни начальнику караула, который разрешил остаться в местной больнице. Сохранилось письмо уездного исправника местному врачу от 12 февраля 1907 года, с которым к нему был направлен ссыльный Бронштейн, страдающий, по его заявлению, болезнью седалищного нерва. Исправник просил засвидетельствовать состояние здоровья и установить, может ли Бронштейн быть «отправлен теперь же на место водворения — село Обдорское».^[248] Авантюра прошла успешно — врач подтвердил болезнь и счел возможной задержку Троцкого. Стражники были спокойны — человеку с невыносимой болью бежать невозможно. Рошковский снабдил

шубой, меховыми чулками, пимами, рукавицами, нашел проводника — зырянина, горького пьяницу, но ловкого и бывалого, на которого можно было положиться.^[249]

В намеченный день побега в Березове ставился любительский спектакль. Это было событие, на котором присутствовала вся местная «знать». Троцкий появился в казарме, где давали представление, бодро сообщил местному исправнику, что чувствует себя лучше и сможет в ближайшее время выехать к месту ссылки. Вслед за этим он покинул казарму, переделся у Рошковского и отправился в обусловленное место. 21 февраля местные полицейские власти доложили начальству, что Бронштейн скрылся вместе с крестьянином Вонифатием Батмановым.^[250]

Поездка длилась неделю. По мере приближения к Уралу появлялись поселения и встречные обозы. Троцкий выдавал себя за инженера из полярной экспедиции барона Толля. Сама эта версия была легкомысленной, ибо последняя экспедиция Эдуарда Васильевича Толля 1900–1903 годов уже давно завершилась, а сам Толль пропал без вести в 1902 году.

Однажды предприятие Троцкого чуть не сорвалось, так как Лев натолкнулся на какого-то человека, раньше участвовавшего в экспедиции Толля. Человек этот набросился с расспросами. К счастью, собеседник Льва был пьян и усилить это его состояние не представляло труда, чем Троцкий воспользовался, расставшись с припасенной бутылкой рома. Далее без особых приключений Троцкий добрался до магистрали, откуда дал закодированную, но легко понятную жене телеграмму. Он знал, что в это время она находилась в Териоках, финском курортном местечке. Ей назначалась встреча «на узловой станции», и Наталье, очевидно, было известно, какую станцию муж имел ввиду.

К этому времени Наталья успешно разрешилась от бремени, родив сына, которого назвала в честь отца Львом. Когда Лев Львович Седов вырастет, он станет одним из главных помощников отца в оппозиционной деятельности против сталинского руководства ВКП(б) и СССР, а затем и в эмиграции. Но об этом речь впереди.

Пока же Наталья, оставив ребенка на попечение знакомым, отправилась в путь. Встреча произошла на узловой станции Сонино, откуда супруги направились в Петербург. Наталья вспоминала (этот фрагмент цитировал Троцкий в своих мемуарах): «Меня поражала свобода и непринужденность, с которой держал себя Л[ев] Д[авидович], смеясь, громко разговаривая в вагоне и на вокзале. Мне хотелось его сделать совсем невидимым, хорошенько спрятать; ведь за побег ему грозили

каторжные работы. А он был у всех на виду и говорил, что «это-то и есть самая надежная защита».^[251] Поистине безответственными, если не тупыми были царские чиновники и фигуранты карательных служб, если допускали частые и дерзкие побегии политзаключенных!

Супруги отправились в Финляндию, где Троцкий возобновил контакты с Мартовым и Лениным. Вместе с женой и крохотным Левои-младшим Троцкий поселился в поселке Огльбу, пригороде Гельсингфорса. Здесь он написал отчет о том, что было им пережито в последние месяцы, который вскоре вышел в Петербурге под названием «Туда и обратно». Брошюра стала литературной и политической сенсацией. Правая пресса негодовала по поводу беспомощности полицейских властей — председатель Петербургского совета, приговоренный к вечному поселению за полярным кругом, бежал, даже не прибыв на место назначения! За книжку Троцкий получил гонорар, который дал возможность нелегально выехать за границу.

Тем временем Лейбу Бронштейна жандармы искали повсюду. Вначале был направлен секретный циркуляр исправникам Тобольской губернии с требованием о его задержании.^[252] Вслед за этим розыскные действия распространились на всю территорию России и за ее пределы. В полицейском досье 1907 года значилось, что жена Бронштейна находится в ссылке, а дочери Зинаида и Нина пребывают в деревне Яновка Елисаветградского уезда Херсонской губернии,^[253] и, по-видимому, следовало проверить, не окажется ли он там. Формально розыски проводились по крайней мере до 1914 года. В документе 1912 года перечислялись следующие приметы политического преступника: «Рост 2 аршина 6^[254] Д вершка, телосложения среднего, волосы, усы, брови, борода темно-каштановые, вьющиеся, глаза голубые, близорук, носит пенсне, лоб выпуклый, нос орлиный, лицо четырехугольное, губы полные, подбородок широкий с ямкой посредине, держится прямо».^[255] В ноябре 1914 года тюремное отделение Тобольского губернского управления сообщало березовскому уездному исправнику, что Бронштейн и несколько других лиц «до сего времени не разысканы, и где находятся они в настоящее время, сведений нет».^[256]

Между тем за эти годы Лев Троцкий побывал в ряде стран и стал одним из известнейших деятелей российского социал-демократического движения.

Глава 7 ВТОРАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Прежде чем устроиться на постоянное место жительства, Троцкий отправился в Стокгольм, а оттуда в Лондон, где принял участие в очередном съезде российских социал-демократов. Он не был участником предыдущих двух съездов. Третий съезд был чисто большевистским и проходил во время революции, когда Троцкий находился в России. Он не мог участвовать в этом съезде и потому, что являлся нефракционным социал-демократом. Четвертый съезд состоялся через год в Стокгольме. По требованию руководства II Интернационала на нем произошло объединение меньшевиков и большевиков. Но глубокие разногласия фракций сохранились. Троцкий не присутствовал на этом съезде, так как находился в заключении.

Пятый съезд состоялся 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 года в Лондоне. Этот форум был объединенным, но на нем преобладали большевики, Ленину удалось добиться принятия угодных ему резолюций об отношении к буржуазным и мелкобуржуазным партиям, о задачах социал-демократов в Государственной думе.

Троцкий, который снискал себе авторитет в партийных кругах и в то же время настороженное отношение как большевиков, так и меньшевиков самостоятельной позицией и претензиями на роль крупного теоретика, оставался на съезде нефракционным социал-демократом. Он не представлял какой-либо партийной организации и был включен в состав участников с совещательным голосом.

Первую крупную речь он произнес 2(15) мая в прениях по порядку дня. Оратор беспощадно высмеял утверждение большевистского делегата Г. А. Алексинского, что тот, мол, «жаждет обсуждения теоретических вопросов». Под смех делегатов, сохраняя серьезный вид, Лев показал пустоту претензий этого не очень образованного приверженца Ленина, вскоре оказавшегося в группировке правых меньшевиков, так как большевики не оценили его теоретических потуг. «Эта священная жажда до такой степени владеет им (Алексинским. — **Г. Ч**), что, не сдержав терпения, он уже теперь, во время обсуждения порядка дня, совершил экскурсию в области теоретического обсуждения, чтобы показать, очевидно, как он это дело понимает».^[257]

Троцкий стоял на другой позиции. Он рассматривал съезд как собрание политическое, форум революционеров, а не клуб «склонных к дискуссиям марксистов, сомнительных или даже несомненных», и

стремился донести до аудитории убеждение, что единство идей не устанавливается на съездах, а создается «в процессе политического взаимодействия между нашими суждениями и реальным ходом событий».

Теперь уже не до смеха было ни большевикам, ни меньшевикам. Возводя свои групповые разногласия в священную догму, и те и другие воспринимали дальнейшие пассажи его речи с холодной сдержанностью, прикрывавшей недовольство. А Троцкий чеканил прокурорским тоном: «Если вы думаете, что раскол неизбежен, ждите, пока вас разведут события, а не резолюции». В этом духе было выдержано все выступление, завершённое такими словами: «Во имя «единства идей» вы от разногласий снова «не бойтесь» перейти к расколу — разумеется, только затем, чтобы снова упереться в необходимость федеративных комитетов. Вот идеальная жизнь, которую вы создаете для партии: от «принципиальных» дебатов к расколам, от расколов через принципиальные дебаты к объединительным съездам и через новое «объединение идей» к новым расколам. Нет, товарищи, довольно!»^[258]

Речь была показательной. Она свидетельствовала, что Троцкий, приобретя опыт и авторитет общепартийного масштаба, попытался выступить как носитель знамени объединения, общепартийный лидер. Лев переоценивал стремление руководителей группировок к достижению единства. Он уже хорошо знал экстремистские нравы Ленина, умеренные позиции Мартова, высокомерность Плеханова, который, будучи одним из меньшевистских руководителей, по некоторым вопросам поддерживал большевиков. Все они уже признавали в Троцком фигуру значительного масштаба, но не желали воспринимать его как возможного лидера партии.

Тем не менее своих объединительных попыток Троцкий не только не прерывал, а усиливал их, надеясь, что центростремительная тенденция возобладает, а это поставит его во главе партии. Так в поведении на съезде воедино сливались политические и личные мотивы. На деле же он оказывался не в том центре, который объединяет, а в таком, по которому наносятся удары с обоих полюсов, особенно имея в виду личные качества Льва как человека высокомерного и надменного.

Казалось, на съезде Троцкий был ближе к меньшевикам, но это обманчивое впечатление было связано с тем, что большевистская фракция занимала непримиримую позицию не только по отношению к меньшевикам, но и к тем, кого презрительно именовала «центристами», считая подчас, что центризм еще хуже оппортунизма. Остались в прошлом дни, когда Троцкий в последние месяцы 1905 года имел возможность выступать как фактический медиатор между фракциями. Теперь он был от

них равноудален. Тем не менее попытки продемонстрировать не только объединительную, но и по сути центристскую позицию Троцкий предпринимал на протяжении всего съезда.

8 (21) мая он выступил в прениях по отчету думской социал-демократической фракции, выразив несогласие с фактически внесенным большевиками вотумом недоверия ей.^[259] Ленин, прислушиваясь к тому, что говорил Троцкий, фиксировал внимание не на фактических предложениях, а на некотором сходстве позиций, рассчитывая обратить оратора в свою веру.

Троцкий тем не менее не ослаблял своих усилий. Он критиковал думскую фракцию за «соглашательство» с кадетами, причем преимущественно его критические суждения направлялись по адресу меньшевиков. Но в то же время звучало обращение: «Я говорю вам, товарищи большевики: если для вас дороги те *политические* задачи, во имя которых вы боретесь, подчините им вашу фракционную нетерпимость, возьмите назад вашу резолюцию, вступите в соглашение с течениями и группами, которые в общем и целом занимают близкую к вам позицию, и внесите резолюцию, которая сплотит большинство и создаст для фракции возможность планомерной работы». В этом месте Ленин перебил Троцкого возгласом: «Внесите вы!» Оратор продолжал: «Да? Вы требуете, чтобы я внес на съезд примирительную резолюцию в то время, как вы всем своим поведением подрываете самую возможность компромисса».^[260]

Споры Ленина и Троцкого по поводу перманентной революции происходили главным образом в кулуарах. Как-то в полусутоливой дискуссии Троцкий сослался на авторитет Розы Люксембург, которая поддержала его особую позицию, считая ее подлинно революционной. Ленин сказал, что Роза поддержала Троцкого, потому что недостаточно хорошо говорит по-русски. «Зато она хорошо говорит по-марксистски», — парировал Лев под смех делегатов, окруживших спорщиков.^[261]

Во время съезда Троцкий набросал проект резолюции по профсоюзному вопросу, исходивший из автономности профорганизаций. Предусматривалось материальное и моральное содействие партии профсоюзам, привлечение представителей профсоюзов к обсуждению вопросов, волнующих пролетариат.^[262] По ряду положений резолюция была созвучна тексту, который утвердил съезд.

На съезде Троцкий познакомился с Максимом Горьким и его женой, актрисой Московского Художественного театра Марией Федоровной Андреевой, примыкавшей к большевикам. Инициатором знакомства был

Горький, как-то в коридоре остановивший Троцкого словами: «Я — ваш почитатель». Горький имел в виду памфлеты, написанные Троцким в петербургских тюрьмах. Троцкий ответил, что также является почитателем писателя. Вместе с Горьким и Андреевой он вновь осматривал достопримечательности Лондона, где был второй раз. В мемуарах можно встретить живые детали: «Когда нищий захлопывал за нами дверцу кэба, Горький обращался просительно: «Надо бы ему дать эти самые пенсы». На что Андреева отвечала: «Дадено, Алешенька, дадено»». [\[263\]](#)

Трудно сказать, был ли Горький действительно почитателем Троцкого, но то, что писатель проявлял интерес к публикациям и личности этого нефракционного социал-демократа, безусловно. 2 (15) июля 1907 года Горький просил заведующего конторой издательского товарищества «Знание» в Санкт-Петербурге С. П. Боголюбова прислать ему брошюру Троцкого «В защиту партии». [\[264\]](#)

На Пятом съезде с совещательным голосом присутствовал представитель кавказских большевиков Иванович, оставшийся незаметным, ни разу не выступив. Это был один из первых выходов на общепартийную арену Иосифа Джугашвили, которого в то время знали главным образом по псевдониму Коба. Будущий Сталин сдержанно, не без зависти и угрюмого любопытства наблюдал, как свободно и непринужденно используют искусство полемики «старые» и «молодые» социал-демократы. Правда, «старым» подчас, как Ленину, не было и сорока лет, а к «молодым» в числе прочих относился ровесник Джугашвили 28-летний Троцкий. В книге о Сталине, над которой Троцкий работал в последние годы жизни, он писал, что об этом человеке не знал тогда вообще ничего. [\[265\]](#) Для птицы высокого полета, каковой он уже стал, Иванович-Коба оставался мелким провинциальным аппаратчиком.

В то же время Иванович следил за Троцким во время съезда с недоброжелательностью. В опубликованном в бакинской газете отчете о лондонском форуме он обозвал Троцкого «красивой ненужностью», [\[266\]](#) вложив в эту ремарку личную неприязнь, проявившуюся в той же статье, где он обратил внимание на преобладание евреев среди меньшевиков и полуиронично, но с серьезным подтекстом приписал кому-то из делегатов («кажется, Алексинскому») пожелание «устроить в партии погром». [\[267\]](#)

Из Лондона Лев отправился в Берлин. Там была назначена встреча с женой, которая должна была приехать из Петербурга.^[268] Об этой договоренности, да и о самой встрече Троцкий пишет в воспоминаниях как об ординарном событии. Можно лишь поражаться равнодушному отношению российских властей к революционерам-экстремистам, имея в виду, что Наталья свободно получила возможность выехать за границу к супругу, который недавно дерзко бежал с этапа по дороге на вечное поселение. Правда, ребенка она пока не привезла, считая поездку за рубеж «семейной разведкой».

Троцкий был отнюдь не единственным, кому удался побег. Вслед за ним из ссылки бежал Парвус, с которым был возобновлен контакт, правда, теперь на иных началах, чем ранее. Парвус уже не был учителем, а Троцкий — внимательным учеником. Оба являлись известными социал-демократами. Парвус к тому же стал человеком богатым. Он занялся изданием на немецком языке брошюры «Туда и обратно». Троцкий решил написать к этому изданию предисловие. Но предисловие разрослось и превратилось в книгу, в которую были инкорпорированы воспоминания о побеге и ряд статей о революции. Еще четче проводились в этой работе идеи перманентной революции.^[269]

Материально Троцкие жили скромно. И он сам, и Наталья никогда не конкретизировали в воспоминаниях вопроса о своем достатке. Но все же встречаются упоминания, что иногда поступали сносные гонорары, главным образом из немецких изданий, а позже из газеты «Киевская мысль». Иногда же приходилось отдавать под залог домашние вещи.^[270]

В начале эмиграции, когда поддерживались близкие отношения с Парвусом, он оказывал Троцкому материальную помощь. Подчас супруги позволяли себе путешествия и отдых. Они могли нанять няню (поначалу Лева оставался в Петербурге у родных, а в октябре 1907 года Наталья побывала у них и возвратилась с ребенком).

Позже, когда отношения с Парвусом стали охладевать, материальное положение Троцкого ухудшилось. В 1912 году денежную помощь на лечение (у него была грыжа, и потребовалась операция) оказал Аксельрод. В том же 1912-м у Льва Давидовича побывали родители. Отец дал какую-то денежную сумму для оплаты новых медицинских расходов.^[271] Но все же основной статьей доходов была политическая публицистика.

В 1907 году Троцкий участвовал в Штутгартском конгрессе II Интернационала. Здесь он встретился с болгаро-румынским социалистическим деятелем Крыстю Раковским, с которым познакомился в

1903 году в Париже, а затем продолжал встречаться в Швейцарии.^[272] Раковский приближался к тридцатилетию, Троцкий был моложе на четыре года. К этому времени Раковский получил медицинское образование во Франции и утвердился в качестве оратора и публициста, имеющего международную известность. После того как болгарская социал-демократия в 1903 году раскололась на «тесняков» во главе с Димитром Благоевым (они находились на левом крыле социалистического движения и были близки по существу, хотя не по личным симпатиям, к большевикам) и «широких» во главе с Янко Сакызовым (занимавших умеренную позицию), Крыстю на краткое время примкнул к «теснякам». Но в том же 1903 году, унаследовав сельскохозяйственное имение в районе города Мангалия в Румынии, он переехал в эту страну, где вскоре стал одним из руководителей румынского социалистического движения и публиковал многочисленные статьи по проблемам, главным образом касавшимся Балканского полуострова.^[273] Как нам уже известно, Троцкий весьма критически относился к авторитетам, но к Раковскому почти с самого начала знакомства стал испытывать чувство симпатии, подкрепляемое близостью политических оценок. Встреча на Штутгартском конгрессе положила начало дружбе. Раковский стал самым близким Троцкому человеком во всем социалистическом движении, и их дружба продолжалась более двух десятилетий.

Пребывание в Германии оказалось недолгим. В октябре 1907 года Троцкий переселился в Вену, которая своим свободным духом, культурным и научным новаторством была ближе его ментальности, нежели чопорный Берлин. Семья Троцкого поселилась в пригороде Вены Хюттельдорфе. Здесь в 1908 году родился второй сын Сергей. Оба сына были крещены по лютеранскому обряду. Троцкий объясняет это тем, что по австрийскому законодательству дети до четырнадцати лет должны были в школе посещать уроки по религии, исповедуемой родителями. Открытая демонстрация атеизма могла повредить детям. Иудейство сочтено было чрезмерно суровой и требовательной религией. Родители решили, что лютеранство — самая необременительная вера. Любопытно, что старшему сыну понравились обряды лютеранства. Однажды поздно вечером родители услышали, что ребенок бормотал что-то во сне. Оказалось, ему приснилось, что он читал молитву. На следующий день он сказал отцу: «Знаешь, молитвы бывают очень красивые, как стихи». Й. Недава высказывает предположение, что дети были крещены по примеру лютеранина К. Маркса.^[274]

«Это было время, наполненное активностью и полное дружбы», — вспоминала Наталья.^[275] В Вене Лев особенно сблизился с Адольфом Абрамовичем Иоффе. Родившийся в 1883 году сын богатого симферопольского купца-караима, Иоффе учился в Берлине, стал врачом, увлекся психоанализом Зигмунда Фрейда, у которого сам лечился. Иоффе включился в социалистическое движение. Возвратившись в Россию, участвовал в революции 1905 года, был сослан, бежал, эмигрировал и поселился в Вене. Человек слабого здоровья, он был полон энергии. В Троцком, который был на четыре года старше, он видел образец для подражания. На всем жизненном и политическом пути они были близки, и это имя еще будет упоминаться.

Скорее всего, именно Иоффе привлек внимание Троцкого ко все более входившим в моду психоаналитическим теориям, которые противоречили марксистским материалистическим догмам. Ловко используя диалектику, позволявшую производить лихие логические прыжки в разные стороны, Троцкий попытался примирить марксизм с фрейдизмом. В статьях до 1917 года он упоминал психоаналитическое учение изредка. Позже, однако, стал позволять себе вольность ставить Фрейда почти на один уровень с самим Марксом.

Контакты в бурлившей жизнью космополитической Вене позволяли Троцкому расширить кругозор. Он с равнодушием отнесся к эскападам Ленина, метавшего грома и молнии на философских «уклонистов». Льву были ближе те колеблющиеся большевики, которые стремились сочетать марксистские взгляды с новейшими тенденциями в философской области. Публицистические выступления А. А. Богданова, А. В. Луначарского, в какой-то степени М. Горького, стремившихся соединить учение австрийского физика и философа Эрнста Маха с выкладками Маркса и Энгельса, привлекали его сочувственное внимание. Все это резко контрастировало с позицией Ленина, который даже обозвал в одном из писем 1909 года Богданова и К° «бандой свиней».^[276] Надо, впрочем, отметить, что Ленин негодовал не столько по поводу философского «уклонизма» этих деятелей, сколько из-за того, что они ставили под сомнение его лидирующую роль в большевистской элите и были готовы на сближение с меньшевистскими группами.

Из мемуаров Троцкого и его супруги, из статей, которые он публиковал в прессе, создается впечатление, что венские годы были самым спокойным периодом их жизни. В то же время мемуары ярко окрашены «последующим опытом», который нередко превращал дружеское и подчас сибаритское

общение с австрийскими деятелями в серию обвинительных актов.

Особенно это касалось Р. Гильфердинга, с которым Троцкий познакомился в 1907 году в доме Карла Каутского. «Гильфердинг проходил тогда через высшую точку своей революционности, что не мешало ему питать ненависть к Розе Люксембург и пренебрежение к Карлу Либкнехту», — утверждал Троцкий в 1930 году. Отношения с Гильфердингом приняли «внешнюю форму близости». Они перешли на «ты», часто встречались в венских кафе, вели «социалистические разговоры». Во время одной из встреч Троцкий познакомился с лидером британских лейбористов Рамзеем Макдональдом, причем переводчиком был знаменитый Эдуард Бернштейн, которого ранее остро клеймили за «ревизию» учения Маркса и Энгельса.

Можно не сомневаться, что в то время Троцкий относился с пиететом к «китам» социал-демократии, хотя, следуя своей привычке, уже давно проявившейся в отношениях с Плехановым, был с ними на равных. Пройдут годы, и он представит свое тогдашнее настроение в ином виде: «Сейчас я не помню ни вопросов, ни ответов, так как они не были замечательны ничем, кроме своей банальности. Я мысленно спрашивал себя: кто из этих трех людей дальше отстоит от того, что я привык понимать под социализмом? — и затруднялся ответом».^[277]

Международные миссии. Софийский съезд

В первые годы новой эмиграции Троцкий часто выступал на собраниях социал-демократических организаций Австро-Венгрии, Германии, Франции. В конце 1907 года он совершил первый лекционный тур, выступая перед русскими эмигрантами и студентами с рефератами «Судьбы русской революции. (К современному политическому моменту)» и «Капитализм и социализм. (Социально-революционные перспективы)». Вспоминая содержание этих выступлений, Троцкий писал, что первый реферат доказывал, что перспектива русской революции как перманентной подтверждена опытом 1905 года, а второй связывал русскую революцию с мировой.^[278] Иначе говоря, оба реферата содержали пропаганду новой концепции революции, разработанной Троцким.

В следующие годы лекционные туры стали проводиться реже, так как Троцкий был до предела занят другими делами, но иногда (обычно раз в год) он не отказывал себе в удовольствии совершить подуделовую,

полуразвлекательную поездку. О них можно судить по сохранившейся корреспонденции супругов. В начале декабря 1911 года Лев писал Наталье из Лозанны, что на следующий день едет в Цюрих, 18 декабря будет выступать в Дортмунде, затем в Льеже, Брюсселе и, наконец, Париже. «Устал очень от рефератов и бесконечной смены лиц, и бесконечных разговоров». В письмах звучали интонации молодого, влюбленного мужчины, отнюдь не стесняющегося своих желаний, а, наоборот, гордящегося ими. Он писал Наталье, что думает о ней «с замиранием сердца, с истомой в теле — в коленях и напряжением выше. Хочется отсюда протянуть к тебе, изогнуть, и пригнуть, и войти...». [279]

Письма давали любопытные представления о быте эпохи, даже о том, что написать с дороги было нелегко. «Нужно наполнить ручку чернилами, а для этого нужно промыть ее. Опять откладываешь с часу на час. А в вечерних и ночных саб6 Парижа требовать письмен[ные] принадлежности, когда все сидят, тесно прижавши локти к туловищу (от тесноты) — дело безнадежное». [280]

Наталья, впрочем, подчас считала, что у мужа в поездках возникали отнюдь не деловые контакты. Когда письма приходили реже, она впадала в меланхолию и не скрывала этого. В апреле 1913 года в ее письме Льву прорвались такие строки: «Знаешь, я иногда прихожу домой и... и ищу с тихой тоской твоего письма... Все мне не верится, что нет его...» [281] Иногда Наталья давала выход неопределенному, но, видимо, обоснованному чувству ревности. Она ощущала, что у него есть другие женщины, и это ее страшило. В августе 1913 года она писала: «Спрашиваю себя, за что, зачем и говорю себе: все, все разбито». «Никогда, никогда это у него не пройдет, никогда». [282] Но меланхолия у молодой любящей женщины таяла, возвращалась тяга к любимому и звучали другие интонации: «Милый, родной мой, пожалуйста, приезжай в воскресенье в полдень, хочу видеть тебя, Левоночек, видеть, видеть...» [283] Иногда Лев получал и детские каракули: «Милый папа, как тебе живется? Как твое здоровье? Прошу тебя, чтобы ты скорее приехал. Целую тебя. Левик». И в качестве приложения — детский рисунок «Охота в Африке». [284]

В следующие годы Троцкий продолжал участвовать в европейском социалистическом движении. Он поддерживал связь с находившимся в Брюсселе информационно-координационным органом II Интернационала — Международным социалистическим бюро (МСБ), с его председателем бельгийским социал-демократом Эмилем Вандервельде и секретарем МСБ Камиллем Гюйсмансом. По поручению МСБ Лев выполнял

«представительские» поручения, которые в ряде случаев выходили за рамки намеченной миссии.

Ряд лет руководство Интернационала добивалось восстановления единства социалистического движения в отдельных странах. Наряду с громадной Россией, где в 1906 году было достигнуто формальное единство социал-демократов, хотя фактически существовали две враждебные фракции, страной, где раскол социал-демократии был открытым, являлась Болгария. Там, как уже упоминалось, действовали две Социал-демократические партии, получившие полуофициальные названия «тесных» и «широких».^[285]

В 1910 году Троцкий согласился поехать в столицу Болгарии Софию на съезд партии «тесных» социалистов, чтобы попытаться убедить ее руководителей начать переговоры об объединении с «широкими». Он считал, что в случае успеха в Болгарии сможет более эффективно пропагандировать свою модель объединения российской социал-демократии.

Однако болгарская «командировка» была обречена на неудачу из-за нежелания лидеров «тесных социалистов» Димитра Благоева, Георгия Киркова, Басила Коларова идти на восстановление единства.

Руководители партии, проявляя должный пиетет по отношению к руководству Интернационала, приняли Троцкого внешне приветливо. Он выступил на съезде с докладом «Русская революция»,^[286] а затем произнес речь на ту же тему в саду Рабочего дома (клуба «тесносоциалистической» партии) перед жителями болгарской столицы.^[287] Оратор утверждал, что за последние годы на мировой арене не было ни одного события, на которое не легла бы печать русской революции. Он ссылаясь как на события на Ближнем Востоке (прежде всего так называемую «младотурецкую революцию», которая вначале рассматривалась как пролог модернизации Турции и мирного воссоединения болгарского народа, часть которого оставалась под властью Османской империи), так и на события в Западной Европе (в частности, на усиление влияния социал-демократии в Германии и борьбу за всеобщее избирательное право в Австро-Венгрии). Он в очередной раз разъяснял концепцию перманентной революции, опираясь на сходство условий в России и Балканских странах. Источники не дают почти никакой информации, какие действия предпринимал Троцкий во исполнение своей основной миссии — способствовать восстановлению единства болгарского социалистического движения. Можно, однако, не сомневаться, что он беседовал по этому вопросу как с руководителями

«тесняков», так и с лидерами «широких социалистов» — Янко Сакызовым, Петром Джидровым и другими.

Косвенным свидетельством того, что некие действия предпринимались, является открытое письмо Троцкого, а также других зарубежных делегатов «тесняцкого» съезда в редакцию близкой к «широким» газеты «Камбана» («Колокол»), В письме опровергался слух, что эти деятели желают принять участие в заседании ЦК «широких». [288] Видимо, слух действительно не был точным, что явилось основанием для опровержения. Скорее всего, имели место неофициальные контакты. О том, что это было так, свидетельствует, в частности, факт одновременного проведения съезда «широких», на котором делегатом от румынских социалистов был близкий Троцкому К. Раковский. [289] Невозможно представить себе, что, находясь одновременно в Софии, Троцкий и Раковский не встретились.

Однако, как и следовало ожидать, переговоры об объединении не дали результата, главным образом по причине догматического настроения Благоева и его соратников. Последние призывали к «непримиримой классовой борьбе» и навешивали презрительные ярлыки на немногих из своих последователей, у которых возникало тяготение к единству.

Расставание Троцкого с руководством «тесняков» было дружественным. [290] Вскоре, однако, вспыхнула острая полемика, связанная с появлением нескольких статей Троцкого по впечатлениям от его визита. Лейтмотивом была идея необходимости единства социалистов как в отдельных Балканских странах, так и в масштабах всего полуострова.

Основанием для подготовки этих материалов были, помимо личных впечатлений, инициативы, связанные с выдвижением социалистами идеи создания Балканской федеративной республики (сразу отметим умозрительность и утопичность этой идеи в принципе, которая могла реализоваться только в европейских рамках и при решении крайне сложных вопросов самоопределения ряда народов «порохового погреба» Европы).

Этому комплексу вопросов Троцкий посвятил три статьи: «На Балканах и о Балканах. (Вместо отчета)», «Болгарская и сербская социал-демократия» и «Балканский вопрос и социал-демократия».

Первая из них была рапортом о безуспешной миссии в Софию. [291] По адресу «тесняков» направлялись осторожные упреки в организационной замкнутости, «политическом самоограничении», но свое подлинное чувство раздражения Троцкий проявил в заявлении, что тесные социалисты

превращают «политическую партию в семинарию».

Благоев ответил гневным письмом в редакцию «Социал-демократа», куда также послал свой ответ на статью Троцкого,^[292] обвинив его в «ошибочных вещах, даже вещах, просто удивительных». Благоев возражал против высказанного его оппонентом мнения, что раскол болгарской социал-демократии произошел под прямым влиянием аналогичных явлений в России. Троцкий не считал целесообразным отвечать по существу, чтобы не углублять остроты спора, но в других статьях, навеянных поездкой в Болгарию, продолжал излагать сложившееся впечатление.

Почти тотчас после возвращения в Вену Троцкий вновь отправился в другую страну, но на этот раз не на юг, а на север. Он принял участие в конгрессе II Интернационала в столице Дании Копенгагене 28 августа — 3 сентября 1910 года. На одном из вокзалов, где была пересадка, Троцкий, ехавший из Вены, столкнулся с Лениным, следовавшим из Парижа. Ленин слушал Троцкого с интересом, когда тот произносил осуждающие пассажи по адресу австрийских социал-демократических руководителей. Совершенно иной характер разговор принял, когда Троцкий рассказал Ленину о своей последней статье, которая должна была вот-вот появиться в газете германской социал-демократии «Vorwärts».^[293] Специально приуроченная к конгрессу и автором и редакцией, статья осуждала как меньшевиков, так и большевиков, призывала восстановить единство российской социал-демократии. Троцкий нарушил «национальную солидарность», вынес «сор из избы». С его суждениями мирились на лондонском съезде, но тогда его слушали только русские социал-демократы, теперь же речь шла о международной аудитории. Такова была изнанка «интернационализма», которым кичилась социал-демократия!

«А нельзя ли ее по телеграфу задержать?» — настаивал Ленин. «Нет, — отвечал Лев, — статья должна была появиться сегодня утром, да и зачем же ее задерживать? Статья правильная».^[294]

Конгресс открылся в обстановке резко враждебного отношения обеих фракций российской социал-демократии к Троцкому. Это был один из немногих случаев, когда у большевиков и меньшевиков обнаружилось почти полное согласие. Льву припоминали и прежние неудачные выступления. «А какая возмутительная статья его в «Neue Z[eit]», — писал П. Б. Аксельрод Ю. О. Мартову в октябре 1911 года. — Пожалуй, более возмутительная, чем в «Vorwärts».

Первые годы второй эмиграции Л. Д. Троцкого в известном смысле знаменовали остановку в его политическом развитии. Бурный взлет в

предыдущее пятилетие затормозился. Троцкий стал известным в международных кругах деятелем. Он стоял на центристских позициях, тяготея к левому крылу, но не пользовался доверием ни в Интернационале, ни в собственной партии. И большевики, и меньшевики относились к нему с опаской. Особенным недоверием пользовался он в кругу Ленина и его близких соратников, к которым принадлежали прежде всего Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев. Последний, правда, к этому времени вступил в родственные отношения с Троцким, став супругом его младшей сестры Ольги, но в политической сфере между ним и Троцким оставались лишь официальные отношения.

Ольга же, дама привлекательная и самоуверенная, погружившаяся во внутрипартийные интриги, но не забывавшая о житейских радостях, любительница дорогих украшений, политически была ближе к своему супругу и, следовательно, к Ленину, нежели к брату. Она была уже матерью сына Александра, которого родила в 1908 году (его называли Лютик), в 1914 году появился второй сын Юрий. С Каменевым Ольга разведется уже в советское время. В течение нескольких лет она будет работать председателем Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС). Затем начнутся ее муки в тюрьмах и концлагерях. Она переживет бывшего мужа и обоих сыновей (все они будут расстреляны в 1936 году). Сама же Ольга Каменева окончит жизнь в сентябре 1941 года. Ее расстреляют в Орловском центре по приказу Сталина, оформленному постановлением Государственного Комитета Обороны СССР.

Потенции Троцкого как политика, организатора, публичного оратора, столь ярко проявившиеся в конце 1905 года, теперь не находили возможностей для столь же блестящего выражения. Ему пришлось примириться на несколько лет с ролью журналиста и организатора прессы, то есть возвратиться к той деятельности, которой он занимался в самом начале своей карьеры.

Глава 8 **«ПРАВДА» И «АВГУСТОВСКИЙ БЛОК»**

Газета Троцкого

Постепенно Л. Д. Троцкий склонялся к мысли, что публикации статей в большевистской и меньшевистской прессе, органы которой крайне

осторожно относились к нему, не могут удовлетворить его притязаний на широкую аудиторию. Троцкий задумал издание газеты, в которой мог бы формулировать свои установки, оценку текущих событий и общих явлений мировой экономики и политики, не оглядываясь на мнение других издателей.

В октябре 1908 года на занятые средства Троцкий приступил к изданию в Вене газеты «Правда», которая была предназначена, как он писал, «для широких рабочих кругов»,^[295] но скорее для социал-демократической и другой оппозиционной интеллигенции, а также наиболее продвинутой части рабочих. Первый номер появился в свет 3(16) октября.

Через Союз черноморских моряков и конспиративные организации часть тиража отправлялась в Россию контрабандным путем по Черному морю и через границу между Россией и Австро-Венгрией в Галиции. Удалось установить настолько эффективные связи, что Троцкий смог оказывать помощь в нелегальных перебросках через границу партийных работников, в частности отправлявшихся в организованную социал-демократическими деятелями школу в Болонье (Италия). А. А. Богданов, в то время один из ведущих руководителей течения большевиков-примиренцев, писал М. Горькому 12 (25) мая 1909 года о встрече с Троцким, который сказал ему, что «Правда» «охотно дает для переправки учеников свои пограничные связи. А они очень хороши».^[296] Летом 1909 года Горький послал Троцкому 650 итальянских лир «для рабочих, которые поедут сюда», то есть в партшколу.^[297]

К текущей работе в редакции были привлечены несколько человек, которые позже сыграли ту или иную роль в российской истории. Главным помощником Троцкого был А. А. Иоффе. Его помощь была важной не только потому, что он отдавал газете все силы, но и потому, что, получив наследство, большую его часть он предоставил «Правде», что позволило выпускать ее, правда с перерывами, три с половиной года.

Постоянным сотрудником был меньшевик Матвей Иванович Скобелев, проявивший журналистские способности и организаторскую хватку. Именно в комнатухе Скобелева Троцкий в 1913 году впервые близко увидел того человека, который на протяжении более чем двух десятилетий после Октябрьского переворота 1917 года станет его злейшим врагом. К Скобелеву зашел Сталин, который собирал в Вене материал для написания брошюры по национальному вопросу. Знакомство не произошло, ибо Сталин, слегка кивнув, налил себе стакан чаю и молча удалился. В памяти

Троцкого сохранился смутный, но неприятный образ (возможно, это было наслаение позднейших впечатлений на мимолетное воспоминание).^[298] Сталин же не оставил никаких свидетельств своей первой встречи с Троцким.

В мемуарах Троцкий не упоминает имя еще одного человека, сыгравшего важную роль в выпуске «Правды». Им был Матвей Юльевич Семковский, считавшийся одним из редакторов и публиковавший много материалов.^[299]

Опираясь на этих людей, Троцкий наладил более или менее регулярный выпуск газеты, хотя периодичность ее лишь изредка составляла две недели, а иногда газета выходила значительно реже, подчас с перерывами в несколько месяцев.

Вначале Троцкому удалось добиться официального признания «Правды» общепартийным предприятием, хотя фактически она оставалась его личной газетой. 2 (15) января — 23 января (5 февраля) 1910 года в Париже состоялся пленум ЦК РСДРП, который прозвали «долгим пленумом». На пленуме доминировали умеренные большевики А. И. Рыков, Г. Я. Сокольников, Л. Б. Каменев. Их позиции были близки к позиции Троцкого. Было решено приостановить фракционные публикации и вложить средства в единый печатный орган. Решив предоставить Троцкому дотацию в сумме 150 рублей, ЦК фактически признал его газету в качестве таковой. Троцкий приветствовал решения пленума, полагая, что он может стать поворотным пунктом в развитии партии.^[300]

По настоянию Ленина и с согласия Троцкого пленум решил ввести в редакцию «Правды» своего представителя в расчете на полное овладение газетой. По тактическим соображениям, имея в виду и родственные связи, и сравнительную умеренность позиции, таковым был определен Л. Б. Каменев. Последний приехал в Вену с предложением, чтобы газета целиком сосредоточилась на партийных делах, трактуемых с позиции большевиков и лично Ленина. Взамен намечалось на очередной партконференции объявить газету органом ЦК РСДРП с выделением на ее издание более крупных сумм.

Вначале Троцкий колебался. Перспектива выпуска общепартийной газеты под его редакцией казалась заманчивой. Но вскоре стало ясно, что Ленин не собирался предоставлять редакции автономию. Хотя Каменев пытался сгладить углы, начались трения. Вслед за этим оказалось, что меньшевики не намерены исключать из своих организаций тех, кого Ленин именовал «ликвидаторами», имея в виду крайнюю расплывчатость этого

термина и возможность приклеить соответствующий ярлык почти любому меньшевику. Троцкий решил не торопиться с осуждением меньшевиков и лишь осторожно сообщил в «Правде», что не одобряет их поведения. Ленин настаивал на более жесткой линии. Последовали пререкания и интриги. В результате по требованию Ленина Каменев покинул редакцию. Так, по существу дела, газета от начала до конца — ее выпуск прекратился 23 апреля (6 мая) 1912 года — оставалась персональным печатным органом Троцкого. Ленин негодовал. В июне 1911 года он возмущался перед К. Каутским, что Троцкий издает свою газету «как фракционный орган». ^[301]

Между тем Троцкий стремился привлечь к участию в «Правде» авторитетные литературные силы. Ввиду популярности М. Горького в кругах социал-демократов различных групп и в леволиберальной среде Троцкий обратился к писателю с предложением о регулярном сотрудничестве. В ответ Горький 31 мая (13 июня) 1909 года просил «подождать немного», ибо он очень занят и не может пока ничего сделать для газеты. В то же время Горький счел нужным включить в свое письмо несколько лестных строк: ««Правда» Ваша страшно нравится мне: такая она простая, ясная, без особенных громозвучных слов, а — задумчиво». ^[302] Вскоре Горький опять извинялся перед Троцким из-за того, что не ответил на его письмо по поводу сотрудничества в «Правде» — «страшно занят». ^[303] В «Правде» так и не появилась ни одна горьковская публикация. Писатель был хитроумен — он не хотел портить отношений с социал-демократическими фракциями и с ленинской фракцией в первую очередь.

Всего в 1908–1912 годах вышло 25 номеров «Правды».

В материалах газеты, прежде всего в собственных статьях, Троцкий стремился откликаться на все актуальные проблемы, причем делал это с присущим ему журналистским и полемическим блеском. Но сквозь почти все крупные публикации неизменно проходила главная идея непрерывности революции, «перманентной цепи», которая теперь проводилась с максимальной последовательностью.

Троцкий выступал как непримиримый революционер, проповедник перманентной революции и в то же время как сторонник восстановления социал-демократического единства на основе нахождения общей позиции многочисленных групп. Революционный настрой и борьба за единство не вполне гармонировали друг с другом, в результате чего автор часто вынужден был идти на словесные уступки той или иной фракции, эквилибрируя между ними, стремясь найти точки соприкосновения и используя взаимное соперничество. Эта позиция была уязвимой, чем в

полной мере пользовался Ленин, после Копенгагенского конгресса видевший в Троцком своего злейшего противника и личного врага. Но особенно обострились их стычки, прежде всего со стороны Ленина, в связи с попыткой Троцкого перейти от призывов к практическим действиям с целью создать межфракционное социал-демократическое объединение.

Попытка создания межфракционного объединения

С конца 1910 года Троцкий приступил к агитации за созыв конференции представителей всех партийных течений и групп. 1 августа 1911 года в Берне было проведено совещание членов Заграничного бюро меньшевиков М. И. Либера (Гольдмана), Б. И. Горева и С. М. Шварца, представителя газеты «Голос социал-демократа» Ф. И. Дана, делегата Заграничного комитета Социал-демократии Латышского края Лудиса и, естественно, Троцкого. Оно приняло написанную Даном и Троцким резолюцию, в которой выражался протест против планируемой большевиками сепаратной конференции и содержался призыв к проведению единой конференции РСДРП.

Как проходили дальнейшие переговоры, установить трудно. Во всяком случае, весной 1912 года «Правда» сообщила, что в результате долгих усилий удалось создать внутри России центр из представителей всех течений «партийной мысли».^[304] В сообщении обращает на себя внимание, во-первых, акцент на течения партийной мысли, то есть на идеологический центр, а не руководящий практический орган. Во-вторых, в сообщении игнорировался факт, что на состоявшейся незадолго до этого Пражской большевистской конференции были избраны ЦК и его Русское бюро, которые заведомо в названный центр не входили. Это означало неизбежность дальнейшей конфронтации Троцкого с большевиками.

Троцкий вновь оказался в незавидном положении: большевики-ленинцы на объединение с теми, кого считали оппортунистами, идти не желали, группы меньшевиков готовы были на совместные действия и даже на объединение, направленное против большевиков, но осуждали детище Троцкого — перманентную революцию, а к нему самому относились подозрительно и осторожно.

В январе 1912 года, примерно тогда же, когда проходила Пражская конференция большевиков, состоялось совещание национальных социал-демократических организаций — Социал-демократии Латышского края, Бунда, Социал-демократии Королевства Польского и Литвы и Областной

Закавказской организации. Решено было образовать Организационный комитет для созыва социал-демократической конференции.

Связанная с этим событием позиция меньшевиков и их действия прослеживаются по переписке меньшевистских лидеров. 27 февраля 1912 года П. Б. Аксельрод писал Ф. И. Дану, что он считает нецелесообразным начинать издание новой газеты, так как «она явилась бы конкурентом «Правды»», в чем проявилась известная толерантность старейшего социал-демократа. Но непрочность и неустойчивость начавшей складываться вокруг Оргкомитета и вокруг Троцкого группировки видна в письме Мартова Аксельроду от 16 мая.^[305] Оно было реакцией на полученное Мартовым послание Троцкого, который выражал недовольство «партизанскими» действиями «ликвидаторов»: их заботило не единство партии, а сплочение меньшевиков, что делает всю работу «чуть ли не бесплодной и вредной». Мартов упрекал Троцкого в неустойчивости и «непозволительном легкомыслии». Для Троцкого важно созвать конференцию как можно скорее, чтобы противопоставить ее ленинскому «свозу» (этот презрительный термин употреблялся по отношению к состоявшейся недавно Пражской конференции). Своей четырехлетней пропагандой бессодержательного «объединительства» Троцкий, как полагал Мартов, воспитал склонность «шуметь» во что бы то ни стало.

Почувствовав, что намечаемое предприятие может сорваться, Троцкий в следующие недели понизил накал критики меньшевиков, что дало возможность, учитывая прежде всего характер Мартова, склонного к конструктивному согласию, перевести вопрос об объединительной конференции в практическую плоскость.

Письмо Мартова Гарви от 13 августа свидетельствует об изменении настроения автора: «Лев Дав[идович] меня уже давно приглашал ехать в Вену и там ждать известий... (отточие в тексте. — **Г. Ч.**). Я ожидал, что мне придется сначала быть на совещании в Берлине и, ввиду неизвестности, когда надо будет быть в Вене, не двигаться отсюда».^[306] В этом письме весьма характерен тон — Троцкий назван по имени и отчеству, он «приглашает»... Через несколько дней Мартов уговаривает Аксельрода принять мандат кавказской организации и обязательно участвовать в конференции в Вене, пересылая ему одновременно приглашение Троцкого.^[307]

Тем не менее Мартов был решителен: в случае попыток привлечь к конференции Ленина это намерение встретит отпор меньшевиков. Он, правда, не думал, что Троцкий будет настаивать на таком повороте.^[308]

Последняя ремарка свидетельствовала, что у Троцкого действительно возникало порой желание пригласить лично Ленина, но он этот порыв подавлял, будучи уверенным, что приглашение нарвется не просто на грубый отказ, но будет использовано для того, чтобы скомпрометировать и конференцию, и самого Троцкого.

Наконец, в конце августа в Вене под председательством Троцкого действительно состоялась объединительная конференция организаций РСДРП. В ней участвовали 18 делегатов с решающим голосом и 10 с совещательным. С приветствием обратилось Центральное бюро заграничных групп РСДРП, которое выразило надежду, что конференция будет способствовать воссозданию социал-демократической партии.^[309] Через Мартова это бюро послало отчет своего секретариата,^[310] чем стремилось подчеркнуть авторитетность созданного форума.

Осуществить объединительную задачу конференции оказалось не под силу, так как не только большевики, но и ряд других социал-демократических групп отказались в ней участвовать. От Плеханова поступило издевательски вежливое письмо об отказе принять участие и о том, что партия оказывается окончательно разорванной, то есть убитой, «совместными усилиями Ленина и Вашими», то есть Троцкого.^[311]

В числе наиболее видных участников венской встречи, кроме Троцкого, были П. Б. Аксельрод, поехавший все же в австрийскую столицу после долгих размышлений, Г. А. Алексинский, совершавший как раз в это время переход от левого большевизма к меньшевизму, Мартов, Мартынов, Урицкий, Ю. Ларин. Остальными участниками были второстепенные и случайные лица.

Троцкий вместе с Мартовым подготовил резолюцию, в которой говорилось, что конференция «была бы вправе назвать себя общепартийной, но, преследуя исключительно задачи возможно полного объединения партии, называет себя конференцией некоторых соц[иал]-демократических организаций». После кратких дебатов слова «некоторых социал-демократических организаций» были заменены их перечнем.^[312] Сам же Троцкий, признавая крайнюю слабость партийных организаций, с горечью констатировал, что те, кто собрался в Вене, — это «все, что есть организов[анного] в России».^[313]

По вопросам стратегии, тактики, организации происходили бурные споры. Добиться единства не удалось. С большим трудом был избран новый состав Организационного комитета. В него, кроме Троцкого, вошли Абрамович, Алексинский и некоторые другие лица, активно себя затем не

проявившие. Секретарем Оргкомитета стал М. Ю. Семковский.

Определенным достижением было принятие общеполитической резолюции, подготовленной Троцким. В ней подчеркивались единство частичных и общих задач социал-демократии, необходимость сочетания парламентской тактики и подпольной борьбы.^[314] В связи с предстоящими в конце 1912 года выборами в IV Государственную думу (по этому вопросу с докладом выступал Троцкий) организации «Августовского блока», как стали называть это объединение и противники и сторонники, выдвинули требования всеобщего избирательного права, «полновластного народного представительства», свободы союзов и печати.

Вначале Троцкий вместе с Семковским деятельно приступили к работе. Они наметили план издания «Вестника Организационного комитета»^[315] и других публикаций. Но уже через несколько недель оказалось, что ничего в социал-демократических группках не изменилось. Как они существовали в гордом одиночестве, так и продолжали такое же функционирование.

Попытка Троцкого создать «Августовский блок» явилась первой и последней его практической инициативой по восстановлению единства российского социал-демократического движения. Его раскол, крайняя слабость групп и течений, их замкнутость предопределили неудачу Троцкого. Она была тем более явной, что он пытался добиться единства формально, путем нахождения точек соприкосновения между группами. По существу же он видел себя единоличным главой «Августовского блока», единственным носителем «правильного» политического курса. Свойственный Троцкому авторитарный характер был невозможен в «Августовском блоке». В условиях социал-демократического плюрализма, фактически существовавшего, несмотря на противоборство с ним Ленина, эта тенденция была обречена на неудачу.

В результате в 1912–1913 годах существовал своеобразный, крайне неустойчивый блок Троцкого с меньшевиками, в котором обе стороны смотрели друг на друга с величайшим подозрением. Сам Троцкий отлично сознавал временность блока. Он писал Мартынову в 1912 году: «Меньшевики — вообще самая ужасная раса».^[316]

Фактическим финалом «Августовского блока» было решение состоявшегося в феврале 1914 года съезда Социал-демократии Латышского края, которая обладала правом самостоятельной деятельности в рамках своей территории, об отзыве из блока своих представителей, ибо он не отмежевался от ликвидаторов. Ленин по этому поводу выразил злобное

удовлетворение, добавляя, что сам Троцкий фактически «откололся» от «Августовского блока». ^[317]

Формально и в следующие годы Троцкий продолжал выдвигать лозунг единства социал-демократов России, но реальных усилий не предпринимал, и поведение его в этом вопросе все больше напоминало «толчение воды в ступе».

Ленин и Троцкий: взлет враждебности

В 1911–1912 годах против венской «Правды» и ее редактора развернулась бурная враждебная кампания со стороны большевиков, связанная с тем, что их попытка взять газету в свои руки окончилась неудачей. Как мы видели, Ленин весьма отрицательно относился к Троцкому еще с 1903 года, с того времени, как они крупно поссорились по вопросу о партийном уставе. Правда, в 1905–1907 годах его отношение смягчилось в связи с ролью Троцкого в революции и его поведением в Петербургском совете. Ленин позволял себе сдержанно-положительные оценки Троцкого и даже цитировал его. Но теперь положение было иным. Ленин готовил, а затем организовал в январе 1912 года в Праге «партийную» конференцию, которая на деле являлась конференцией большевистской фракции, но была важным шагом на пути превращения большевиков в самостоятельную партию. Неудивительно, что он видел в Троцком, чья деятельность была направлена на восстановление единства, главного врага. Это было время, когда недоброжелательность Ленина по отношению к Троцкому приобрела характер неприкрытой ненависти.

Троцкий, добивавшийся единства, как правило, не отвечал на злобные выпады Ильича, что, однако, не означало ничего иного, нежели ответную враждебность к Ленину, загнанную в глубину души, но от этого становившейся еще более острой.

Атаки Ленина начались с теории, если догматические рассуждения можно причислить к таковой. В статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» (газета «Социал-демократ», март — апрель 1909 года) Ленин напал на концепцию перманентной революции. Он утверждал, что ошибка Троцкого состоит в игнорировании буржуазного характера революции, «отсутствии ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической». Ленин упрекал Троцкого в том, чего тот и в помине не имел в виду. Троцкий будто бы предполагал, что одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством,

либо крестьянство создает собственную «могучую» партию. Из этой предпосылки большевистский лидер делал вывод, что у Троцкого имеет место смешение вопроса о классах с вопросом о партиях. Неверным считалось и заявление Троцкого о том, кто даст содержание правительственной политике. Игнорируя, что Троцкий назвал таковым пролетариат, в статье проповедовалась тривиальная истина, что вопрос о диктатуре революционных классов не сводится к борьбе в революционном правительстве.^[318]

Столкновения перед Копенгагенским конгрессом Интернационала и на самом конгрессе еще более усилили озлобленность Ленина, его голословные выпады против Троцкого. В статье под претенциозным заголовком «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России» (апрель 1911 года) утверждалось, что Троцкий «плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой», что он преподносит «маркистски перекрашенные либеральные взгляды», что «герой фразы Троцкий стал вполне естественно и героем присяжного адвоката ликвидаторов и отзовистов, с которыми он **ни в чем** не согласен теоретически и **во всем** согласен практически».^[319]

В следующих статьях Ленин продолжал нападать на план Троцкого созвать партконференцию.^[320] В январе 1911 года в предельно возбужденном состоянии он начал писать, но так и не завершил статью, которую собирался назвать «О краске стыда у Иудушки Троцкого». Этот текст был настолько грубым, беспочвенным, написанным в состоянии аффекта, часто свойственного неуравновешенным политикам, что, слегка поостыв, Ильич забросил текст, который в то время так и не был опубликован. Этот фрагмент сохранился, однако, в архиве и был в 1932 году предан гласности услужливыми прихвостнями Сталина как раз в годовщину смерти Ленина,^[321] хотя он компрометировал скорее не Троцкого, а самого Ленина.^[322]

Думается, этот текст целесообразно привести полностью:

«Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию.

После пленума ослабел ЦК, усилились впередовцы — обзавелись деньгами. Укрепились ликвидаторы, плевавшие в «Нашей заре»^[323] перед Столыпиным в лицо нелегальной партии.

Иудушка удалил из «Правды» представителя ЦК и стал писать в «Vorwärts» ликвидаторские статьи. Вопреки комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во

фракционную школу впередовцев,^[324] Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот определен теперь группой «Вперед» в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого».

Казалось, после такого текста Ленин никогда не сможет взглянуть в глаза Троцкому, тем более пожать ему руку. В доброе старое время после такого заявления должен был последовать вызов на дуэль. Но большевистская моральная относительность была вне «буржуазных предрассудков». Таковой постепенно становилась и этика Троцкого. Пройдет немногим более шести лет, и Ленин с Троцким встретятся в высшем руководстве одной партии, в одном правительстве в качестве единомышленников и сотрудников в деле установления тоталитарной системы в России.

Пока же Ленин продолжал нападки на Троцкого. На протяжении всего 1911 года он бомбардировал партийные органы и прессу своими письмами, статьями, заявлениями, в которых стремился убедить их в опасности Троцкого и «троцкизма», лишь изредка проговариваясь об истинном смысле своих происков. Более или менее откровенным было заявление в ЦК РСДРП от 4 февраля 1911 года, в котором Троцкий именовался вождем примиренцев.^[325] Ленину крайне не нравились манеры Троцкого, его, как он полагал, вождистские замашки, его «надутые фразы». Ленин пытался убедить, что Троцкий стремится «сделать карьеру на дешевой проповеди «соглашения» — со всеми, с кем угодно, вплоть до г. Потресова и отзовистов».^[326]

Ленин заявлял, что Троцкий создал собственную фракцию. Сам отпетый фракционер, Ильич придавал термину, если он относился к другим, самый негативный, даже зловещий смысл. В то же время Ленин невольно выдавал свои усиливавшиеся и проявлявшиеся уже в предыдущей статье опасения по отношению к вполне возможному росту популярности Троцкого: «Последовательнее всех выразил свое примиренчество Троцкий, который едва ли не один пытается подвести теоретический фундамент под это направление. Фундамент это такой: фракции и фракционность были борьбой интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат»».^[327] Обозвав Троцкого фракционером, Ленин всем контекстом статьи опровергал собственные рассуждения, а вслед за этим, видно, позабыв и

предыдущие заявления, да и сам заголовок статьи («О новой фракции примиренцев или доброжелательных»), заключал, что газета Троцкого «Правда» не представляет собой социал-демократического течения и ни по одному принципиальному вопросу не дает самостоятельного и цельного ответа.^[328]

По мере подготовки большевиками своей сепаратной конференции, а Троцким и рядом партийных группировок и течений объединительной конференции страсти вновь стали накаляться. Дальнейшая полемика сосредоточилась именно на подготовке, проведении и итогах Пражской конференции. В номере «Правды» от 16 (29) ноября 1911 года, вышедшем после перерыва в связи с финансовыми трудностями, жирным шрифтом было напечатано заявление, что эта газета, вопреки утверждениям Ленина, не является фракционной, а представляет собой партийный, социал-демократический орган.

В своем ответе Ленин пытался убедить, что со стороны Троцкого это — дипломатическая игра. Ленин уверял, что с Троцким невозможно полемизировать по существу, ибо у него «нет никаких взглядов», что он — дипломат «самой низкой пробы». И тем не менее Ленин тут же вступал в полемику с опубликованными в «Правде» тезисами, написанными, видимо, Троцким, в которых пропагандировалось партийное единство.^[329]

На Пражской конференции Ленин вновь сосредоточил огонь критики на Троцком, его печатном органе и планах. Агент полиции информировал: «Следовавший за ним (после вопроса о правительственных страховых законопроектах. — **Г. Ч.**) доклад о «Рабочей газете» дал возможность «Ленину» подвести итоги своим прежним счетам с «Троцким», возбудившим его неудовольствие еще со времени начатой последним агитации за созыв общепартийной конференции из представителей всех партийных групп и организаций без предоставления особых преимуществ носителям тех или иных фракционных тенденций». Последующие выступления «Троцкого» за созыв конференции явились, по словам агента, «лишь новым поводом для преследования со стороны большевиков и главным образом «Ленина», стремившегося созданием «Рабочей газеты» подорвать тираж и популярность пользовавшейся значительным распространением «Правды»». ^[330]

Когда же большевистская конференция в Праге завершилась, Троцкий выступил в центральной газете германских социал-демократов «Vorwärts» со статьей «Из русской партийной жизни» (статья была опубликована без подписи, но «почерк» автора был выявлен сразу, авторство названо в ряде

материалов, и Троцкий его не отрицал).^[331] Статья была довольно сдержанной, но тем не менее недвусмысленно осудила Пражскую конференцию как шаг к углублению раскола РСДРП, обман и узурпацию имени РСДРП.

Ленин направил ответ в названную газету, но редакция отказалась его поместить из-за грубого характера материала. Тогда он появился в форме брошюры на немецком языке под заголовком «Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП». Ленин оставался верен себе. Свою публицистическую манеру, стилистическую грубость и бездоказательность он приписывал оппоненту. Беспомощно, с длиннотами и повторениями, он пытался представить Пражскую конференцию не как большевистскую, каковой она являлась, а как социал-демократическую, которая лишь... означала разрыв между партией и ликвидаторством.^[332] Ленин многократно намекал, что автором критикуемой статьи является Троцкий, а в конце брошюры прямо заявлял, что ее фразы «чересчур напоминают Троцкого, чтобы можно было всерьез дискутировать об этом».

Полемика продолжала набирать обороты в связи с проведением конференции в Вене и недолгим существованием «Августовского блока».

Ленин раздраженно встречал каждое упоминание о подготовке этой конференции. Видимо, именно для того, чтобы досадить Троцкому, а также имея в виду популярность венской газеты, он решил заимствовать название «Правда», когда приступил к подготовке издания большевистской газеты в Петербурге. Расчет не был обосновательным. Троцкий был взбешен. 23 апреля (6 мая) 1912 года, то есть на следующий день после выхода первого номера петербургской газеты, в венском издании появилась редакционная заметка с обвинениями по адресу большевиков в присвоении заголовка. Это было, пожалуй, наиболее острое публичное обвинение по адресу лично Ленина, появившееся в этот период со стороны Троцкого, ибо ясно было, что именно он — автор заметки. В ней говорилось, что Ленин просто получает удовольствие от несогласия и хаоса в партии. «Спрашивала ли редакция новой газеты нашего согласия? — ставил риторический вопрос Троцкий. — Нет, не спрашивала. В каком отношении стоит петербургская газета к нашей? Ни в каком. По какому же праву и кто именно пытается ввести свое предприятие в среду читателей-рабочих под флагом нашего издания? Такого права ни у кого нет и не может быть». Редакция венской газеты выступила с официальным обращением к питерской «однофамилице» с требованием, чтобы она изменила наименование. Притворно возмущенный Ленин 19 августа 1912 года писал в редакцию

своей «Правды»: «Троцкому советую ответить в почтовом ящике: «Троцкому (Вена). Отвечать на склочные и кляузные письма не будем»».

Саму августовскую конференцию Ленин встретил крайне враждебно. Он называл ее «архиглупой затеей»,^[333] правда, все же послав в Вену своего «разведчика». Им был А. А. Поляков, секретарь бюро РСДРП Центрально-промышленного района, который, как оказалось, являлся секретным сотрудником Охранного отделения. Ленин требовал от Полякова защищать в Вене решения Пражской конференции, но, главное, сообщить подробности и «обстоятельства дела детальнее».^[334]

Ленин недвусмысленно называл позицию Троцкого прикрытым ликвидаторством. «Взгляните на платформу ликвидаторов, — писал он. — Ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого».^[335] И вслед за этим шла речь непосредственно о встрече в Вене: «Дипломатическое «примирение» ликвидаторских взглядов с партийными, разыгранное Троцким на ликвидаторской конференции, ровно ничего на самом деле не «примирает»».^[336]

Стремясь быть сдержанным в публичных выступлениях, ибо он играл роль примирителя, Троцкий давал волю чувствам в личных письмах. Одно из них, адресованное руководителю фракции меньшевиков в IV Государственной думе Н. С. Чхеидзе, написанное 1 апреля 1913 года, было перехвачено охранкой, сохранилось в ее архиве, а после того как Троцкий стал в советское время оппозиционером, было ловко использовано против него.^[337] Письмо начиналось так: «Дорогой Николай Семенович! Во-первых, позволяю выразить Вам благодарность за то — не только политическое, но и эстетическое удовольствие, которое получаешь от Ваших речей... Да и вообще, нужно сказать, душа радуется, когда читаешь выступления наших депутатов, письма рабочих в редакцию «Луча» или когда регистрируешь факты рабочего движения. И каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает с их дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении. Ни один умственно неповрежденный европейский социалист не поверит, что возможен раскол из-за тех маргариновых разногласий, которые фабрикуются Лениным в Кракове». Все ленинское здание, изливал Троцкий свои чувства, построено на лжи и фальсификации и содержит в себе ядовитую основу собственного разложения.^[338]

Еще перед этим в письме Аксельроду Лев называл Ленина паразитом, использующим «катастрофизм».^[339]

В своих мемуарах Троцкий всячески снижал накал жгучей ненависти, которая проявилась в реакции Ленина на создание «Августовского блока». Он лишь кратко замечал: «...Ленин воспротивился объединению со всей силой. Весь дальнейший ход событий показал, что Ленин был прав».^[340] Факт своего письма Чхеидзе с резкой критикой Ленина Троцкий здесь не отрицал, но и не подтверждал его.^[341]

Чувствуя, что лавры объединителя социал-демократов ему не достаются, что раскол сохраняется в полной мере, Троцкий быстро охладел к своему детищу.

Уже вскоре после неудачи с созданием «Августовского блока» Троцкого все в большей степени стали интересовать события, назревавшие в «пороховом погребе», каковым являлись Балканы. Проявлением этого интереса был его отъезд на юго-восток Европы почти сразу после августовской конференции.

Глава 9

КОРРЕСПОНДЕНТ НА БАЛКАНАХ

Сотрудничество в либеральной прессе

Начиная с 1908 года Троцкий стал пробовать свои силы в непривычной для него области журналистики, сотрудничая не только в социал-демократической, но и в леволиберальной прессе. Вначале речь шла о том, чтобы получить дополнительный заработок, необходимый для содержания семьи и помощи своей газете. Но постепенно Троцкий втянулся в работу, тем более что его материалы встречали с интересом.

О сотрудничестве Лев договорился прежде всего с крупной и авторитетной либеральной ежедневной газетой «Киевская мысль». Она начала выходить в 1905 году под названием «Киевский вестник», затем несколько раз меняла наименование в связи с преследованиями. Окончательное название газета получила в 1906 году и выходила под ним до запрета большевистскими властями в 1918 году.

Редакторами газеты являлись талантливые журналисты А. Н. Николаев и И. И. Тарновский. Тираж ее был внушительным. Составляя вначале 25 тысяч экземпляров, он поднялся к 1916 году до огромной для периферийной газеты цифры — 80 тысяч экземпляров.^[342] «Киевская мысль» стяжала популярность в широких кругах смелой позицией во время

антисемитского дела Бейлиса.

Троцкий так характеризовал эту газету и свое сотрудничество в ней: ««Киевская мысль» была самой распространенной на юге радикальной газетой с марксистской окраской... Я писал в газете на самые разнообразные, иногда очень рискованные в цензурном смысле темы. Небольшие статьи являлись нередко результатом большой подготовительной работы. Разумеется, я не мог сказать в легальной непартийной газете всего, что хотел сказать. Но я никогда не писал того, что не хотел сказать. Статьи мои из «Киевской мысли» переизданы советским издательством в нескольких томах.^[343] Мне не пришлось от чего бы то ни было отказываться. Может быть, не лишним будет сейчас напомнить и то, что в буржуазной печати я сотрудничал с формального согласия центрального комитета, в котором Ленин имел большинство».^[344]

В этом фрагменте следует обратить внимание на несколько моментов. Во-первых, несмотря на заявление, что он ни от чего не отказывается, Троцкий, по сути дела, оправдывался перед читателем, то есть перед своими сторонниками начала 1930-х годов, участниками «левой коммунистической оппозиции», за «не вполне выдержанный» характер своих публикаций. Во-вторых, явно переоценивался радикализм «Киевской мысли», которой приписывалась «марксистская окраска», отнюдь ей не свойственная, и подчеркивалась «рискованность» его собственных публикаций в цензурном смысле (хотя какой риск был для него, находившегося в Вене, совершенно непонятно). В-третьих, выглядит странным указание на согласие ЦК, в том числе Ленина, на его участие в «Киевской мысли», если вспомнить враждебные взаимоотношения с Лениным.

В первые годы сотрудничества Троцкого в «Киевской мысли» его статьи были посвящены главным образом российской и европейской культуре, быту, идейным спорам. Лев вспомнил свой старый псевдоним «Антид Ото», которым пользовался в иркутской газете в начале века, и стал подписывать им свои материалы.

Иногда, очень осторожно, Троцкий пытался ввести в дискуссию понятия марксистского обществоведения, например, «исторический материализм». С известным оттенком иронии автор прислушивался к спору тех, кто возражал против «исторического материализма» с позиции веры, и тех, кто, не придерживаясь религиозных убеждений, все же не видел в марксистском учении способа найти «примирение и избавление» — но не от неизбежной смерти, а от гнетущего душу психологического раздвоения.

«Да ведь этого для меня — не для интеллекта моего, для воли моей — страшно мало», — сокрушался, по его словам, один из ораторов по поводу материалистического понимания истории в парижском кафе.

Продолжением той же темы, но на более серьезном уровне, была статья с критикой религиозных философских теорий Д. С. Мережковского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева.^[345] Отнюдь не следуя ленинской манере голословного бичевания неудобных философских теорий, которая проявилась в «Материализме и эмпириокритицизме»,^[346] Троцкий стремился доказать бесплодие отечественных мистиков тем, что они крайне индивидуалистичны, не связаны с «великой насадкой» — массой, со стихийным религиозным творчеством. Он был оптимистичен в уверенности, что позитивное знание восторжествует. Разумеется, можно дискутировать о правоте той или другой стороны, характере и доказательности аргументации, но нельзя не принимать во внимание, что речь идет не о философском диспуте, а о газетной статье. Не опускаясь до проповеди прописных истин, Троцкий давал читателю понять свою приверженность материалистическому мировоззрению.

Многие статьи «Антида Ото» были посвящены конкретным событиям художественной жизни — литературным произведениям, выставкам изобразительного искусства и т. п. Они отличались великолепным слогом, убедительностью, по крайней мере внешней, непререкаемостью суждений и в то же время отличным, опять-таки, возможно, только на первый взгляд, знанием фактов, о которых шла речь. Среди этих работ выделялась большая статья «Мережковский», которая была опубликована в двух номерах «Киевской мысли».^[347] Как и другим его публикациям в киевской газете, этой статье был свойствен критический, иронический, порой чуть ли не презрительный тон не только по отношению к самому писателю и философу, но и к его друзьям из кадетской партии. Пытаясь анализировать характер мистицизма Мережковского, Троцкий видел его особенность, как это ни покажется противоречивым, в его светскости. «В ожидании грядущего завета г. Мережковский не только постное приемлет, но и скоромненькое. И скоромненькое-то даже предпочтительно».

«Антид Ото» постепенно расширял сферу своих интересов, пользуясь сочувствием редакции. От отдельных областей творчества он переходил к общим рассуждениям по поводу усиления консервативных тенденций в интеллигентской среде. Троцкий высмеивал претензии некоторой части философов, публицистов и критиков на российскую «особую историческую миссию».^[348]

В «Киевской мысли» Троцкий выступал и по другим вопросам — о причинах самоубийств, отличиях русского и американского быта, о зарождавшемся футуризме, о судьбах толстых журналов и т. д. Начинаящему литературному критику Корнею Чуковскому он посвятил обширное эссе, в котором, отдавая должное эрудиции исследователя, жестко критиковал конкретные его оценки.

«Опробовав» венского журналиста, оценив его хватку, широту кругозора, умение преподнести материал оригинально, редакция газеты в середине 1912 года предложила «Антиду Ото» поехать ее корреспондентом на Балканы, где назревал военный конфликт. Немедленно данное согласие означало, что Троцкий берет на себя обязательство освещать события на полуострове более или менее объективно, без учета социал-демократической целесообразности, хотя издатели и понимали, что он вряд ли откажется от этого полностью.

Видимо, были особые причины, по которым Троцкий, обычно осторожный в выборе, решил принять предложение киевлян. Неудача с созданием «Августовского блока» вызвала чувство раздражения, которое Лев, возможно, надеялся подавить, занявшись новой областью журналистики — работой военного корреспондента, не исключавшей драматических поворотов и опасности.

К тому же ему интересно было поближе познакомиться с регионом, где он провел лишь несколько дней в 1910 году, да и то лишь в одной стране — Болгарии. Судя по всему, он советовался о целесообразности поездки со своим другом Крыстю Раковским, лидером румынских социалистов, получив от него позитивный ответ и пожелание встретиться. Так Троцкий оказался в «пороховом погребе» Европы в тот момент, когда там разгорелся военный пожар.

Перед поездкой на Балканы Троцкий договорился о сотрудничестве также с петербургской газетой «День», которую начала выпускать группа меньшевиков, и со своим родственником М. Ф. Шпенцером, издававшим теперь газету «Одесские новости».

Командировка на Балканы: основные историко-политические оценки

Хотя пребывание Троцкого на Балканах в 1912–1913 годах было сравнительно недолгим, он уделил в мемуарах этому эпизоду существенное внимание, ^[349] полагая, что его корреспонденции с полуострова были важной подготовкой не только к 1914-му, но и к 1917 году.

Вот как развивались события на полуострове, если рассмотреть их предельно кратко.

Начавшаяся осенью 1911 года война между Италией и Турцией в Африке за Триполитанию показала слабость Османской империи. В Болгарии, важные территории которой, Македония и Фракия, все еще находились под турецким господством, усиливались воинственные настроения. В декабре 1911 года, а затем в июне 1912-го группы членов Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО), [\[350\]](#) добивавшейся воссоединения Македонии и Фракии с Болгарией, организовали взрывы «адских машин» — бомб, от которых пострадали несколько турок. В ответ со стороны мусульман последовали волны резни болгарского населения городов. [\[351\]](#) Все болгарские политические силы выступали за освобождение Македонии и Фракии. Причем почти все партии (кроме социал-демократов и крестьянской организации — Болгарского земледельческого народного союза, стремившихся к мирному решению проблемы, что было нереально) охотно шли навстречу военному конфликту. Весной 1912 года сформировался Балканский союз в составе Болгарии, Сербии и Греции, к которому в сентябре примкнула Черногория. Соглашаясь с необходимостью автономии Македонии, правительства Сербии и Греции на деле добивались присоединения к своим государствам ее частей (а Греция и части Фракии). В тайном приложении к болгаро-сербскому договору указывалось на наличие «бесспорной» (болгарской) и «спорной» зоны Македонии, причем сербское правительство полагало, что эта зона, хотя и именовалась спорной, должна была бесспорно отойти к Сербии. [\[352\]](#) Балканский союз был результатом неустойчивого компромисса его участников. Действовавшая подпольно ВМОРО, добивавшаяся национальной свободы Македонии, поддержала создание союза и рассчитывала, что Сербия и Греция не будут претендовать на македонскую территорию. [\[353\]](#)

Балканский узел противоречий был завязан так, что распутать его было почти невозможно, а разрубить могла в любой момент каждая сторона, причем с совершенно непредвиденными и, скорее всего, кровавыми последствиями. 5(18) октября 1912 года между странами Балканского союза и Османской империей началась война.

В качестве зарубежного корреспондента Троцкому предстояло разобраться в массе хитросплетений самого «порохового погреба» и событий вокруг него, чтобы составить собственное мнение и донести его до русского либерально-демократического читателя. Как вспоминал

Троцкий через много лет, он ехал на Балканы, считая войну неизбежной.

Из Вены Лев выехал 25 сентября, и несколько первых дней балканской командировки провел в сербской столице Белграде. В «Киевской мысли» появились его «первенцы» — корреспонденции «В дороге» и «Белград», [\[354\]](#) подписанные привычным псевдонимом «Антид Ото». В дальнейшем некоторые материалы печатались под именем «Л. Яновский».

Пятого октября корреспондент отправился в Софию, которая стала его резиденцией на протяжении начального, наступательного периода первой Балканской войны. Троцкий понимал, что Болгария, являясь наиболее крупной балканской страной, главным участником антиосманского союза, причем участником, ставившим национально обоснованные цели, будет наиболее удобным местом для наблюдений. Он безвыездно находился в Болгарии полтора месяца, до 26 ноября 1912 года, а в следующие месяцы неоднократно приезжал в Софию.

По этой причине болгарские сюжеты в его корреспонденциях преобладали, хотя он уделял внимание и другим странам региона. После выезда из страны, продолжая писать о Болгарии, он чувствовал себя свободнее, не будучи связанным цензурными ограничениями болгарской стороны. Правда, российская цензура сохранялась, с ней приходилось считаться, и не все статьи о болгарских реалиях появились тогда в печати.

Троцкий интересовался самыми различными проблемами Болгарии и соседних стран, общими и частными, внутренними и международными. Важным был цикл из трех статей, который позже, готовя к печати соответствующий том своих сочинений, Троцкий назвал «Загадка болгарской демократии». [\[355\]](#)

В этих статьях он пытался самостоятельно разобраться во внутривнутриполитических процессах, характерных для «запоздалой страны», то есть малой страны, вышедшей на арену государственной суверенности недавно, позже других национально-государственных образований, и стремившейся найти свой путь самостоятельного развития.

Троцкий давал читателям представление о болгарской политической системе, сочетавшей демократические принципы с элементами абсолютизма князя (а позже царя) Фердинанда. Это своеобразие он иллюстрировал характеристикой тех политических сил, которые попеременно приходили к власти и обеспечивали себе после этого парламентское большинство, сокрушительно громя соперников. «Эти парламентские катастрофы представляют собой единственный устойчивый элемент болгарской политической жизни», — писал он с изрядной долей

иронии.

Таковой была, по мнению Троцкого, важная, но все же внешняя канва болгарской политической жизни. Более существенные особенности политической обстановки он видел в наличии множества партий (не менее десятка, по его подсчетам), причем не имевших принципиальных различий, за исключением двух «фракций» расколота социал-демократии.

Обратим внимание на то, что Троцкий использовал термин «фракции», а не «партии», хотя и «тесняки» и «объединенные» социал-демократы были совершенно самостоятельными организациями с особым членством, программами, уставами, руководящими органами, признанными лидерами, местными ячейками, прессой и т. д. Такой подход был удобным в попытках достижения единства, от которых Троцкий упорно не отказался не только по отношению к российскому социал-демократическому движению, но и на Балканах.

Да и отрицание принципиальных различий между остальными партиями было условным и скорее являлось данью концепции, нежели соответствовало реалиям. Троцкий позабыл о существовании Земледельческого союза. Он недооценивал русофильские и русофобские тенденции в политической жизни страны. Но в то же время он был прав в подчеркивании сходства главных политических установок основных партий, ведущей роли личностного фактора. Автор делал важный вывод о зависимости ускоренного развития Болгарии от внешнего влияния развитых стран Европы.^[356]

Под давлением упрямой силы фактов Троцкий отходил от примитивного классового принципа, отказывался от понимания демократии лишь как формы господства буржуазии, хотя и предпочтительной формы для пролетариата, осознавал тенденции и особенности развития парламентаризма конкретной страны, болгарских политических реалий в их сложном переплетении с влиянием монархического фактора в принципе и личностью монарха Фердинанда в частности.

Можно было бы, разумеется, говорить о приспособлении к требованиям либеральной газеты, что действительно имело место, но в то же время Троцкий никогда не писал противоположное тому, что составляло сущность его политических воззрений. Более того, идеи «догоняющего развития», содержащиеся в болгарском цикле статей, соответствовали его концепции перманентной революции, если, разумеется, понимать ее как перспективную цель, а не текущую политическую задачу.

Троцкий прибыл в Софию как раз в тот день, когда началась первая Балканская война — 5 октября 1912 года. Первые впечатления у него появились в поезде Белград — София, и он поделился ими с читателями газеты «День», стоявшей на меньшевистских позициях.^[357] Статья «Перед событиями» была типичным репортажем, откликом на мнения, которые высказывали ехавшие с ним в одном купе представители болгарской и сербской элиты и другая публика, а также британский журналист (последний, правда, произносил в основном междометия). На первый взгляд, воздерживаясь от собственного мнения, Троцкий использовал устные и газетные свидетельства для своих лишь слегка прикрытых прогнозов. Он полагал, и небезосновательно, что союзники могут рассчитывать на серьезные военные успехи только в первое время при условии их энергичных действий. Длительная военная кампания им была не по силам, так как Турция способна была выдвинуть «тяжелые малоазиатские и сирийские резервы». Любопытна ироническая характеристика британского журналиста, от которой язвительный «Антид Ото» не мог удержаться, но написанная не только для развлечения читателей. Эта оценка предваряла рассуждения о том, насколько неадекватно характеризовала западная пресса Балканские войны. Мы читаем: «Он великолепен, этот посланник от прессы. Его ноги с уверенными в себе плотными округлостями занимают половину купе. В плотных чулках, в плотных гамашах над огнеупорными подошвами, в ковровом серо-клетчатом костюме, с короткой толстой трубкой лучшего качества в зубах, с выгравированным пробором, двумя желтыми чемоданами из кожи допотопного животного, он неподвижно сидит над книжкой Анатоля Франса «Les dieux ont soif» («Боги жаждут»). Он в первый раз на Балканском полуострове, не понимает ни одного из славянских языков, не говорит ни слова на немецком, владеет французским лишь настолько, насколько это совместимо с достоинством умеющего себя вести великобританца, не глядит в окна и ни с кем не разговаривает... Он увидит ровно столько, сколько необходимо публике «Вестминстерской газеты»».

Обширная цитата приведена не только как образец жалящего стиля Троцкого. В сопоставлении с практической деятельностью зарубежных журналистов во время Балканских войн, которые владели языками, стремились проникнуть в отдаленные уголки, выполняли посреднические и

другие секретные функции,^[358] образ, созданный Троцким, выглядит карикатурно. Стремясь быть сравнительно объективным в характеристике событий, Троцкий был явно ревнив и предвзят по отношению к коллегам.

В следующих сообщениях он давал представление о фактическом единодушии народа на первых порах в поддержке царя Фердинанда, правительства, командования, в понимании войны как крестового похода за освобождение единокровных братьев и сестер в Македонии и Фракии, остававшихся под турецким господством.^[359]

От живых наблюдений Троцкий переходил к анализу причин и сущности войны, подчеркивал ее прогрессивный характер. Смысл войны он видел в попытке кратчайшим путем решить вопрос создания новых государственно-политических форм, более приспособленных для развития балканских народов.^[360] Признавая Фракию и Македонию болгарскими землями, он подчеркивал, что они имеют все основания для воссоединения с Болгарским государством. Такой подход означал решительное, хотя реально и недостижимое, отвержение попыток подчинить судьбы полуострова притязаниям европейских держав. Отвергались и открытые проявления колониалистской политики, и той, которая прикрывалась фразами об этническом родстве. В последнем случае содержался намек на Россию.^[361]

Большое впечатление произвели на Троцкого первые победы болгарских войск: занятие без боя Лозенграда, осада Одрин — наиболее крупного центра этого региона. В то же время трезвый анализ заставлял автора «понижать» энтузиазм, с которым было встречено взятие Лозенграда. Он писал, что часть софийской прессы была «прямо-таки бесстыдной» в информации о трофеях, что перечень трофеев «был высосан из собственных неопрятных пальцев» авторами, жаждавшими сенсаций. Проблемы, связанные с падением Лозенграда, Троцкий рассмотрел в специальной статье, которая осталась тогда неопубликованной (скорее всего, «Киевская мысль» не решилась ее поместить, но не исключено, что статья не была пропущена болгарской военной цензурой).^[362] Написанная по свежим следам событий, статья тем не менее содержала попытку рассмотреть по существу военные преимущества и слабости болгар и турок. Силу первых автор видел в «большой скорости мобилизации и передвижения армии, в ее однородности и воодушевлении», а преимущества турок — в больших людских резервах и финансовых возможностях. Отсюда проистекала исключительная важность фактора времени.

По мере развития военных действий обнаруживалась усталость болгарских войск. Надежды на капитуляцию турок не подтвердились, выявлялись все большие разногласия между союзниками, возник «румынский фактор» (не участвовавшая в войне Румыния стала требовать материальную компенсацию), патриотический порыв болгарского населения постепенно угасал. Все более ощущалась «изнанка победы», как Троцкий назвал одну из своих статей.^[363] Изнанка войны особенно выразительно проявлялась в болгарских жертвах.

Цикл публикаций, посвященных страданиям рядовых участников войны, был открыт статьей «Раненые». Рассказы участников сражений субъективны — эту элементарную истину Троцкий мог бы и не повторять, но он использовал ее, чтобы из массы впечатлений воссоздать более или менее реальный, не идеализированный и непроклинаемый, образ войны, сотканной из противоречий, имеющих свою долю правды.

Постепенно в репортажи Троцкого начинали проникать сведения, что и болгары не ведут войну чистыми руками. В статье «Рассказ раненого»^[364] передавался эпизод боя в районе Лозенграда. Его участник рассказал журналисту, как он и его товарищи обнаружили несколько десятков тяжелораненых турок. «Тут наши их и прикололи. Был такой приказ, чтобы не отягощать ранеными транспорта».

Теперь, когда характер информации и тон статей Троцкого стали более пессимистичными, его материалы все меньше удовлетворяли болгарскую цензуру, да и издателей газет, где он публиковался. Некоторые статьи в прессу вообще не попадали и были опубликованы только в советское время. Такова была судьба статьи «Длинный месяц»,^[365] показывающей, как после «длинного месяца» патриотического порыва наступило отрезвление.

Рассматривал Троцкий и международные аспекты Балканской войны. Это была особенно деликатная и скользкая тема, к которой ревностно относились власти Болгарии и цензура. Учитывая, что его статьи публикуются в российских либеральных газетах, стоявших на конструктивно-оппозиционных позициях, Троцкий старался особенно осторожно и взвешенно формулировать оценки-российской политики на Балканах. Непосредственно этой теме была посвящена только одна статья, опубликованная в пору «медового месяца» Балканского союза.^[366] Троцкий полагал, что официальная Россия разочаровалась в Балканском союзе и будет ставить ему всяческие препятствия.

Обостренно болезненным оставался вопрос о этническом

(партизанском) движении в Македонии, которому Троцкий посвятил специальную аналитическую статью «Четничество и война».^[367] В ней и других публикациях проявилось знакомство автора с сущностью освободительной борьбы в Македонии, деятельностью ВМОРО, с позицией ее руководителей и особенностями тактики. Троцкий встречался с македонскими деятелями, использовал их рассказы и суждения в своих материалах. Он почти не комментировал приводимые факты террористической деятельности македонских чет, давая, однако, понять, что она была в действительности направлена против мирного населения, поскольку гибли от покушений не только турки, но и болгары, и греки, и сербы.

Постепенно зрел конфликт Троцкого с болгарской военной цензурой. Он пытался показать, что цензура выходит за пределы отведенных ей функций, превращается из военной в охранительно-политическую. Приводились факты споров с цензорами, в результате которых журналист, как правило, выходил победителем. Можно понять чувства недовольства и раздражения корреспондента, которому препятствуют информировать читателей так, как он желает, но он явно увлекался, о чем свидетельствует тот факт, что эта его статья прошла через цензурные рогатки и была опубликована.

Покинув Болгарию в конце ноября 1912 года, Троцкий почувствовал себя свободнее, дав волю критическому духу. Находясь в основном в Бухаресте, он анализировал причины, по которым после успехов и побед действия болгарской армии затормозились, возникла потребность в подписании скорейшего мирного договора.

Весной и летом 1913 года в корреспонденциях Троцкого на первый план выдвинулись противоречия между союзниками, которые привели ко второй Балканской, или Межсоюзнической, войне. Сербия и Греция в мае 1913 года заключили тайный договор против Болгарии, к которому примкнула Черногория. Договор предусматривал раздел Македонии между Грецией и Сербией. Антиболгарский союз поддержала Румыния, претендовавшая на Южную Добруджу. С востока Болгарии вновь угрожала Османская империя, стремившаяся вернуть утраченные районы. В середине июня вспыхнула новая война, продолжавшаяся полтора месяца и завершившаяся поражением Болгарии. 28 июля (10 августа) был подписан Бухарестский мирный договор. Болгария потеряла Южную Добруджу, почти вся Македония (кроме небольшого Пиринского края) досталась Сербии и Греции.

В этих условиях Троцкий, пребывая в Бухаресте и Вене, пытался дать

собственный анализ событий, их причин и последствий. Его воззрения претерпевали все большую эволюцию от общедемократических оценок в сторону близкой ему социал-демократической ориентации. Зловещие сигналы тревоги прозвучали в статье «Их работа»,^[368] содержание которой выходило за пределы Балкан, хотя речь шла о балканских событиях. Они, полагал Троцкий, вышибли из равновесия страны Европы, которая превращена в «сплошной военный лагерь». Вывод о неизбежности европейской войны не был сделан, но факты «бешеного роста милитаризма» и «сказочных барышей» «лавочников, торгующих броненосцами, пушками, ружьями и порохом», были для него очевидными.

Троцкий находился в Бухаресте в то время, когда был подписан Бухарестский договор. Этому документу, его предпосылкам, содержанию, предполагаемым последствиям он посвятил большую статью.^[369] В ней высказывалось обоснованное мнение, что договор не сможет обеспечить мир на Балканах, что он не решил ни одного из коренных вопросов, состоит из недомолвок, что «Восточный вопрос страшной язвой горит и гноится на теле капиталистической Европы» (впрочем, вряд ли одно и то же может гореть и гноиться одновременно!).

В Румынии Троцкий возобновил контакты со своим другом Крыстю Раковским. Последний был главным героем статьи, посвященной румынскому социалистическому движению.^[370] Это была первая попытка Троцкого передать биографию Раковского. Позже к жизни и деятельности этой выдающейся личности Троцкий будет возвращаться неоднократно. Иной характер носил обширный очерк «Поездка в Добруджу», написанный под влиянием общения с Раковским, по приглашению которого и была совершена поездка в живописный добруджанский город.^[371]

Если иметь в виду черты характера Троцкого — эгоцентризм, высокомерное отношение к окружающим, трудное и почти невозможное сближение с другими людьми, стремление всегда и во всех делах быть первым и демонстрировать это окружающим, — просто поражает то чувство глубокого уважения, можно сказать, почтения, которое он испытывал к Раковскому и что проявилось в этом очерке. Вот лишь одно из описаний совместной прогулки по улице Мангалии: «Мы проходим со своим другом и чичероне вдоль всей улицы, и я с почти мистическим удивлением гляжу, как он орудует в этом этническом и лингвистическом хаосе. Он поворачивает голову направо, налево, раскланивается, перебрасывается словами с одним столем, с другим, заглядывает в магазины, наводит хозяйственные справки, ведет мимоходом политическую

агитацию, собирает сведения для газетных статей и все это на полдюжине языков. В течение часа он без затруднений переходит десятки раз с румынского языка на болгарский, на русский, немецкий, турецкий — с приезжими колонистами и французский — с нотаблями».

Статьи Троцкого о событиях, связанных с Балканскими войнами, были значительным первичным вкладом в изучение этого сложного комплекса военно-политических событий. Сотрудничество с «Киевской мыслью» продолжалось и после балканской командировки вплоть до начала Первой мировой войны. Последняя предвоенная статья Троцкого в этой газете была опубликована 19 июня 1914 года. Затем сотрудничество возобновилось в военные годы.

Глава 10

В ГОДЫ МИРОВОЙ войны Формирование позиции

Циммервальдское движение

Первого августа 1914 года Первая мировая война поставила перед социалистами сложнейшие вопросы: каковы причины бойни; патриотические или интернационалистские позиции следует занимать; допустимо ли продолжать классовые выступления во время войны, и если это возможно, то в каких формах; каковы пути выхода из войны?

Все эти вопросы встали перед Троцким, как и перед социал-демократами воюющих и в определенной степени нейтральных стран. Но он, уже почти десятилетие ведущий борьбу за воссоединение социалистического движения, оказался в особо трудном положении, крайне болезненно воспринимая размежевание в рядах социалистов, начавшееся с началом войны в значительной мере под влиянием военно-патриотических настроений, распространившихся в общей массе.

Одним из первых это ощутил младший сын Троцкого Сережа, которому было лишь шесть с половиной лет и который только научился читать по-немецки, а жили они в Вене. В день начала войны ребенок, выйдя во двор, увидел надпись крупными буквами: «Alle Serben müssen sterben!» («Все сербы должны умереть!»). Движимый чувством противоречия, мальчик воскликнул: «Hoch Serben!» («Да здравствуют сербы!»). «Он вернулся домой с синяками и с опытом международной политики», — не без чувства гордости писал его отец через 15 лет. ^[372]

Третьего августа, после объявления Германией войны России, Троцкий отправился к начальнику политической полиции Австрии Гайеру, чтобы выяснить положение политэмигрантов из России. Они были подданными враждебного государства и могли оказаться под молотом бюрократической репрессивной машины. Гайер высказал предположение (фактически раскрыв принятое решение), что уже на следующий день может появиться приказ об аресте русских и сербов. В ответ на слова Троцкого, что он завтра же уедет с семьей в Швейцарию, полицейский начальник порекомендовал сделать это сегодня. Через три часа Лев, Наталья и оба сына находились в поезде, отправлявшемся в Цюрих.^[373]

Троцкий сразу присоединился к тем группам международного социалистического движения, которые получили наименование интернационалистов, в противоположность патриотически настроенным социал-демократам, которых Ленин назвал социал-шовинистами. Троцкий, однако, был далек еще от тех ярлыков, которые Ленин навешивал на деятелей II Интернационала. После одного из докладов Ленина в Цюрихе Троцкий взял слово, чтобы выразить возмущение выражением «предатель», которое Ленин употребил по отношению к К. Каутскому.^[374]

Троцкий приступил к подготовке подробного документа, посвященного современному политическому положению. Он назвал свою брошюру «Война и Интернационал». Она вышла на хорошем немецком языке^[375] и получила распространение в Австро-Венгрии и Германии. Дело дошло до того, что какой-то немецкий суд заочно приговорил Троцкого к заключению за эту брошюру. С точки зрения германских государственных интересов в условиях войны, да и государственных интересов любой другой воюющей страны, такой «обвинительный подход» мог бы считаться естественным. В основном, однако, властные структуры западных держав, включая Германию, все еще неоправданно терпеливо относились к тем, кто фактически подрывал их военные усилия своей пропагандой.

Автор стремился доказать, что возникновение войны вытекало из империалистического соперничества великих держав.

Особенно едко Троцкий высмеивал заявления германских социал-демократов, что их страна ведет войну за освобождение против русского деспотизма. Наоборот, убеждал он, существование царизма укрепляет монархию Гогенцоллернов и олигархию прусских юнкеров. Реальными целями германских военных действий были развитые соперники — Франция и Великобритания.

В тексте и особенно в предисловии к брошюре Троцкий стремился

развить и обогатить применительно к новым условиям положения своей концепции перманентной революции. Он писал, что развитие капитализма превратило мировую экономику в единую грандиозную хозяйственную мастерскую. Последняя требовала соответствующей политической структуры, которую капиталистический мир не способен был создать путем мирной кооперации. В результате на повестку дня ставилась пролетарская революция в международном масштабе. Из сказанного вытекала резкая критика основной части западноевропейской социал-демократии, которая оказала поддержку правительствам в их военных усилиях.

В ноябре 1914 года Лев принял новое предложение редакции газеты «Киевская мысль» — стать ее военным корреспондентом, на этот раз во Франции. Оказавшись в Париже (семья вначале жила в небольшом городе Севр, недалеко от столицы, а затем также переехала в Париж), Троцкий послал в газету ряд статей, показывавших ужасы войны.

Но в первую очередь Троцкого занимала все та же проблема, которую он стремился выработать в швейцарской брошюре, — задачи социал-демократии в условиях войны. Он все более энергично выступал против войны, но по-прежнему был далек от экстремистских призывов Ленина о «превращении империалистической войны в войну гражданскую». Выход из войны Троцкий видел в заключении демократического мира без аннексий и контрибуций под давлением организованного рабочего движения.

В конце 1914-го — первой половине 1915 года в антивоенно настроенных социалистических кругах стран Антанты стала вызревать мысль о необходимости созыва международной конференции, которая сплотила бы социалистов и способствовала бы возрождению Интернационала на позициях противодействия войне. Инициатива принадлежала швейцарским и итальянским социалистам. В подготовительных мероприятиях участвовали и российские эмигранты.^[376]

Летом 1915 года в Париж прибыл Оддино Моргари, итальянский депутат-социалист, с предложением перевести поступавшие предложения в практическую плоскость. Троцкий участвовал в совещании французских социалистов с Моргари, которое через много лет злобно высмеивал: «... Дело шло довольно гладко. Но когда Моргари трагическим шепотом заговорил о необходимости раздобыть фальшивые паспорта для поездки в Швейцарию... у господ депутатов вытянулись лица, и один из них, не помню, кто именно, поспешно подозвал гарсона и второпях заплатил за весь кофе, потребленный совещанием». Все эти суждения были

результатом дальнейших напластований, тогда же мой персонаж относился к предстоявшей конференции весьма серьезно.

Международная антивоенная социалистическая конференция состоялась 5–8 сентября в поселке Циммервальд, в Альпийских горах, примерно в десяти километрах от Берна. Здесь Троцкий вновь встретился с К. Раковским, который на происходившей перед этим Второй Балканской социал-демократической конференции (Бухарест, июнь 1915 года) стал секретарем Балканской социал-демократической федерации, правда, не превратившейся в эффективный организационный центр.^[377] Участвовавший в конференции Ленин продолжал отстаивать крайне революционные взгляды и полемизировал с большинством участников, включая Троцкого. Накануне конференции Ленин опубликовал статью «О поражении своего правительства в империалистической войне».

Признавая, что Троцкий отвергает идею защиты отечества, Ленин продолжал атаковать своего соперника в социалистическом движении, обвиняя его в желании «совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей зарей»»^[378] (журналом меньшевиков, выходившим в Петербурге под редакцией А. Н. Потресова). Требование поражения своего правительства в империалистической войне Ленин считал аксиомой, которую оспаривают только «сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов», к которым относил Троцкого.

Большинство участников конференции составляли центристски настроенные деятели, выступавшие за прекращение войны по соглашению держав. Позиции Троцкого были левее в том смысле, что он видел в заключении мира преддверие социальной революции. Примерно на таких же позициях стоял К. Раковский, который был избран в бюро конференции.^[379] Это позволяло Троцкому оказывать значительное влияние на ход дебатов и итоги встречи, тем более что в отношении непосредственных задач его мнения и позиции основной массы присутствовавших были близки. Проект антивоенного манифеста написали Троцкий и голландская социалистка Генриетта Роланд-Гольст, а затем Троцкий окончательно его отредактировал.^[380] Это свидетельствовало о все более возрастающем авторитете Троцкого в международном социалистическом движении. В то же время циммервальдское движение постепенно переставало его интересовать, он не видел в нем реальной силы, способной воздействовать не только на ход революционного движения, но и на положение дел в социал-демократических партиях и в Интернационале.

Сотрудничество с «Киевской мыслью» не вполне удовлетворяло журналистские амбиции Троцкого по двум причинам. Во-первых, газета находилась далеко, непосредственная связь с редакцией была невозможна. Во-вторых, и это главное; свои позиции в леволиберальной газете, тем более находившейся под пристальным наблюдением российских властей, приходилось выражать крайне осторожно.

Троцкий сосредоточил внимание на сотрудничестве с выходившей в Париже русскоязычной социал-демократической газетой «Голос», которая издавалась группой эмигрантов, стоявших на центристских и левых позициях. Главное, что их объединяло и что привлекало Троцкого, четко выраженная антивоенная позиция и стремление к восстановлению социал-демократического единства. Наиболее видной фигурой среди издателей «Голоса» был Ю. О. Мартов, новое сближение с которым произошло перед самым началом мировой войны, в середине июля 1914 года в Брюсселе, когда оба они обратились в Международное социалистическое бюро с протестом против раскольнической деятельности Ленина.^[381]

Сближение с Мартовым продолжалось недолго. Человеческие качества Мартова — его искренность в отстаивании собственной позиции, публицистическая страстность и логика — были созвучны Троцкому. Но политическая деятельность меньшевистского лидера, который стремился осуществить объединение социал-демократов на базе нереального, по мнению Троцкого, курса на нахождение средней линии, вызывала у него отторжение. Луначарский вспоминал, что Троцкий всячески пытался убедить Мартова порвать с оборонцами. Мартов избегал прямого ответа. В нескольких письмах Троцкий жаловался, что Мартов, скорее всего, «порвет с нами», и тогда меньшевики подвергнут парижскую газету бойкоту.^[382] В конце концов дело действительно дошло до личного разрыва, несмотря на сохранявшееся глубокое уважение Троцкого к Мартову как политическому интеллектуалу,^[383] что являлось для Льва исключением из правил его политического поведения.

В редакции «Голоса» были и деятели, с кем Троцкий легче находил общий язык. Это социал-демократы, стоявшие на правом фланге большевизма, — А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, С. А. Дридзо (выступавший под псевдонимом А. Лозовский). Все они в будущем превратятся в послушных сталинских слуг и будут изо всех сил стараться угодить новому вождю в жесточайшем преследовании его критика и

соперника Троцкого. Пока же, как вспоминал Луначарский, он и Троцкий занимали близкие позиции, совместно редактируя не только газету, но и партийные прокламации.^[384] В рукописных воспоминаниях Луначарский высказывал мнение, что «Голос» был крупнейшим в Европе центром интернационализма.^[385]

Троцкий сблизился с меньшевиком-интернационалистом Владимиром Александровичем Овсеенко, выступавшим под фамилией Антонов-Овсеенко. Этот человек несколько странной внешности, с вечно перекошенным пенсне, щуплый и слабый на вид, имел богатый послужной список бунтаря. Окончив кадетский корпус и Владимирское пехотное училище, он использовал военные знания для организации солдатских выступлений, наиболее значительным из которых был бунт в Севастополе в 1905 году. Он был приговорен к смертной казни, замененной каторгой, бежал из заключения и эмигрировал. В качестве технического руководителя «Нашего слова» он будет неизменным помощником Троцкого.

Троцкий и Антонов-Овсеенко установили контакт с группой французских интернационалистов, работавших в профсоюзах, — Пьером Монатгом, Альфредом Росмером, учителем Фернаном Лорио. Вся эта группа составляла круг близких людей, который особенно хорошо запомнился Н. И. Седовой.^[386] С частью из этих деятелей мы еще встретимся. Во всяком случае, возможность высказывать свое мнение без оглядки на позицию издателей, но, разумеется, с учетом требований французской военной цензуры, Троцкий теперь получил.

Издание «Голоса» продолжалось недолго. В начале 1915 года французские власти закрыли газету явно по рекомендации российских представителей в Париже. Эмигранты, однако, тотчас предприняли выпуск нового периодического органа «Наше слово» (газета начала выходить 29 января), в котором с первого номера активно участвовал Троцкий. Он быстро превратился в одного из основных авторов и постепенно в фактического руководителя газеты, являвшейся продолжением «Голоса».

Газета выходила на двух, иногда на четырех полосах. Приходилось преодолевать ожесточенное сопротивление цензуры, которая просто вычеркивала неудобные ей места. В результате газета постоянно появлялась с белыми пятнами, которые обычно замещали отдельные фрагменты текста, но иногда ббльиую часть страницы.

Главным врагом газеты Троцкий считал посольство царской России. Там добросовестно переводили на французский язык неудобные статьи и посылали их с соответствующими комментариями в министерство

иностранных дел Франции. Оттуда, в свою очередь, давали жесткие указания военному цензору, который «свои колебания всегда разрешал в том смысле, что лучше вычеркнуть, чем оставить».^[387] Обычно функции переговоров с цензором брал на себя Троцкий, который не только оттачивал в этих беседах силу аргументации, но и начинал формировать определенное дипломатическое искусство. Иногда цензор даже приглашал на беседу с Троцким представителей министерства иностранных дел. Один из диалогов с таким представителем Троцкий привел в мемуарах. Вот отрывок из него:

«— Не можете ли вы мне объяснить, почему у меня вычеркнули статью, посвященную русскому бюрократу, отставному, притом опальному (речь шла о статье, посвященной С. Ю. Витте. — Г. Ч.) и к тому ж мертвому, и какое именно отношение имеет эта мера к военным операциям?

— Знаете ли, такие статьи им неприятны, — сказал дипломат, неопределенно кивая головою очевидно в ту сторону, где помещается русское посольство.

— Но мы именно для того и пишем, чтобы им было неприятно...

Дипломат снисходительно улыбнулся этому ответу, как милой шутке.

— Мы находимся в войне. Мы зависим от наших союзников.

— Вы хотите сказать, что внутренний режим Франции стоит под контролем русской дипломатии? Не ошиблись ли в таком случае ваши предки, отрубая голосу Людовику Капету?

— О, вы преувеличиваете. И притом, не забывайте, пожалуйста: мы находимся в войне...»^[388]

Основное внимание в газете Троцкий уделял принципиальным проблемам войны, военной экономики и политики, стратегии социал-демократии, подведению итогов военно-политического развития за определенные периоды, перспективам послевоенного мира.

Серьезное значение имела его обширная статья «Нация и хозяйство»,^[389] в которой формулировалась мысль о глубокой противоречивости между принципом национального самоопределения и задачами эффективного развития экономики на межнациональной основе. Автор стремился показать, что капитализм втискивал и нацию, и экономику в рамки государства, создал могущественные образования, которые в течение целой эпохи служили «ареной развития как нации, так и государства». Но и нации, и экономики пришли в непримиримые противоречия как с государствами, так и друг с другом. «Место замкнутого национального

государства должна будет неизбежно занять широкая демократическая федерация передовых государств на основе устранения всяких таможенных перегородок». Троцкий дополнял требование демократической федерации лозунгом создания Соединенных Штатов Европы. Этот лозунг он пропагандировал в ряде статей, встречая ожесточенное противодействие Ленина, который считал его утопическим, неприемлемым для революционной социал-демократии.^[390] Троцкий, однако, настаивал на правильности, своевременности и достижимости поставленной цели, имея в виду, разумеется, перманентный характер назревавшей международной революции. Через полгода в «Нашем слове» появилась его статья «Их перспективы»,^[391] в которой доказывалось, что война чрезвычайно облегчила экономическое объединение европейских государств и даже что «эпоха национальных государств завершена». На экономической арене готовятся новые образования, возникают новые проблемы, порожденные войной, на которые международная социал-демократия должна иметь свой ответ.

После прихода к власти большевиков Троцкий, сам ставший одним из их лидеров и ближайшим соратником Ленина, продолжал отстаивать это свое детище, с чем Ленин вынужден был примириться, хотя никогда не отказывался от своей критической статьи, направленной против лозунга Соединенных Штатов Европы. Уже после смерти Ленина, находясь в оппозиции, Троцкий выпустил брошюру, в основном посвященную обоснованию Социалистических Соединенных Штатов Европы в перспективе, хотя условия и возможности осуществления европейской революции отходили на задний план.^[392]

Если какие-либо долговременные прогнозы Троцкого когда-либо сбывались, то прогноз создания Соединенных Штатов Европы, или объединенной Европы, разумеется, не на утопически-социалистических началах, а на базе контролируемых государством рыночных отношений с высокой степенью удовлетворения социальных интересов низших слоев общества, оказался наиболее жизненным и реальным почти через столетие.

Общая позиция газеты была четко выражена в написанном Троцким заявлении редакции от 19 июля 1916 года, где подчеркивалась необходимость отстаивать сотрудничество всех интернационалистов, независимо от их фракционной принадлежности, на основе решений Циммервальдской конференции, из которых вытекает необходимость непримиримой борьбы против социал-патриотов.^[393]

Вполне естественно, что такого рода декларации вызывали крайне

негативные эмоции у французских властей, которые чувствовали руководящую роль Троцкого в «Нашем слове» и рассматривали его как нежелательного иностранца. В сентябре 1916 года он был вызван в префектуру Парижа, где ему выдали предписание о высылке из Франции. Префектура уведомила Троцкого, что он высылается в любую страну по его выбору. Но его тут же предупредили, что Великобритания и Италия отказывают ему в гостеприимстве. Вслед за этим в визе отказала миссия Швейцарии. Оставалась Испания, куда Троцкий выехать отказался, считая ее европейской провинцией.

В конце концов на квартиру к Троцкому явились два инспектора полиции, которые сопроводили его на скорый поезд, а затем на испанскую границу. Здесь высылаемого фактически нелегально перевели из французского пограничного пункта Ирун в лежавший по ту сторону границы испанский город Сан-Себастьян (точнее, показали, как можно без документов проехать на трамвае через границу из одного пункта в другой!).

Из Сан-Себастьяна Троцкий отправился в Мадрид, откуда вновь обратился с просьбами о визах в министерства иностранных дел Швейцарии и Италии. Он поселился в небольшом дешевом пансионе, где прожил полторы недели, посещая музеи и осматривая памятники архитектуры. Виз он так и не дождался, а в один прекрасный день за ним опять пришли «два очень определенной внешности молодчика».^[394]

На этот раз в мадридской префектуре заявили, что он должен «немедленно» покинуть Испанию, но пока метафорически. До того, пока этот акт сможет совершиться, его свобода, как сказали Троцкому, будет подвергнута «некоторым ограничениям». Ограничения же состояли в том, что из префектуры его прямиком отправили в тюрьму, где он провел, правда, всего три дня, после чего был выпущен под полицейский надзор.

Тем временем в Мадрид приехала Наталья с сыновьями, и все семейство было отправлено в порт Кадикс, откуда — после протестов, запроса республиканского депутата Кастровидо, внесенного в Кортесы (испанский парламент), и нескольких недель ожидания — переправлено в Барселону.

В Барселоне после проволочек Троцкий с семьей был посажен на пароход, отправлявшийся в Нью-Йорк. В океане семья встретила новый, 1917 год, не предполагая, что этот год принесет всему миру. 13 января пароход пришвартовался в порту крупнейшего центра Нового Света.

В Нью-Йорке Троцкого встречали представители не только русской революционной эмиграции, но и американские социалисты. Встречал и старый знакомый по Николаеву Григорий Зив, который, эмигрировав в США, занимался медицинской практикой. Зив рассказывал, что, как только стало известно, что Троцкий приезжает в Нью-Йорк, местная социалистическая пресса начала «кампанию подготовки и обработки публики для достойной встречи гостя».

Обстоятельства для торжественной встречи были благоприятными: левая пресса писала о Троцком как о старом борце за свободу в России, изгнанном из Австрии, не допущенном в Германию, преследуемом во Франции и Испании. Позитивные отклики на прибытие Троцкого с его портретами появились и в либеральных изданиях.

Здесь же, в порту, он дал интервью корреспонденту еврейской газеты, которому пытался объяснить, видимо, не очень убедительно, учитывая хотя и рабочую, но в основном сионистскую ориентацию газеты, что еврейский вопрос может быть решен только на началах интернационального братства после социалистической революции. Интервью заняло полполосы газеты. [\[395\]](#)

Какие только виды занятий не приписывали Троцкому изобретательные журналисты в те два с половиной месяца, что он находился в Нью-Йорке! По сведениям одного любителя сенсаций, он зарабатывал на жизнь мусорщиком, другой «мастер» пера приписал ему работу портным. [\[396\]](#) Еще один журналист сообщил об участии Троцкого в голливудском кинофильме. [\[397\]](#) Эти сенсации и газетные утки ни в малейшей мере не соответствовали реальности. На самом деле Троцкий, имея небольшие сбережения, накопившиеся благодаря газетным гонорарам, мог позволить себе продолжать привычные занятия.

Семья поселилась в скромном доме в Бронксе. Правда, в квартире оказалась одна роскошь, которую американцы уже таковой не считали, — телефон, облегчавший быт и журналистскую деятельность. Троцкий именовал его «воинственным инструментом». Имелись и другие домашние удобства: бесперебойное электрическое освещение, газовая плита, ванная комната, «спуск сорного ящика вниз». Лев и Наталья приобрели в рассрочку мебель. [\[398\]](#) Это, между прочим, свидетельствовало о том, что Троцкий собирался обосноваться в Нью-Йорке надолго, отнюдь не предполагая скорого возвращения на родину в связи с революцией.

Посещая публичные библиотеки и изучая экономическую жизнь США в годы войны, он пришел к выводу, что Америка начинает превращаться в

крупнейшую экспортную державу и ей суждено сыграть решающую мировую роль в послевоенном развитии. Выводами он делился с читателями американской, в основном русскоязычной, социалистической прессы, а позже более подробно выскажется на эту тему в ряде брошюр, выпущенных в советское время.

Охотнее всего Троцкий сотрудничал в это время с газетой «Новый мир», которую издавали в Нью-Йорке российские эмигранты, принадлежавшие к левому крылу социал-демократического движения. В редколлегию входил Николай Иванович Бухарин — большевик, позволявший себе, однако, по ряду вопросов вступать в полемику с Лениным. Вторым редактором являлась Александра Михайловна Коллонтай, состоявшая ранее в меньшевистской фракции, но теперь превратившаяся в ярую сторонницу большевизма, который она воспринимала скорее эмоционально, нежели доктринально, проповедовала «свободную любовь» и самоуправление рабочих. Третьим редактором был В. Володарский (так он подписывался в «Новом мире», и никто не знал, что означает инициал В., которым пользовался Моисей Маркович Гольдштейн, бывший член Бунда и меньшевистской фракции, с 1913 года живший в США и являвшийся членом здешней Социалистической партии). С Володарским, с которым у него было много общего — журналистская хватка, ораторское мастерство, — у Троцкого установились наиболее теплые отношения, хотя с Бухариным и Коллонтай также сложилось вполне дружеское общение. Уже в первый вечер Бухарин увел Троцкого осматривать Публичную библиотеку, осанистое прямоугольное здание на Пятой авеню, в центре Манхэттена, подлинный храм печатных сокровищ всего мира.

Троцкий сразу же был включен в редколлегию «Нового мира», оказывая существенное влияние на ее политический курс. По мнению Г. Зива, он превратил «Новый мир» во второе издание «Нашего слова».^[399]

Уже на третий день после прибытия в Нью-Йорк в «Новом мире» появилась статья Троцкого «Да здравствует борьба!»,^[400] написанная, видимо, еще на пароходе. Здесь впервые для американской русскоязычной публики, да и для европейского читателя высказывались мысли о вероятных результатах влияния войны на соотношение сил двух континентов. «Величайший по значению экономический факт состоит в том, — говорилось в статье, — что Европа разоряется в самых основах своего хозяйства, тогда как Америка обогащается... Не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда, в Америку?» Рост

могущества американского капитализма вместе с анализом подготовки США к вступлению в войну составили основное содержание почти всех следующих выступлений Троцкого в «Новом мире».

Еще одним направлением кратковременной работы в Америке стали выступления на рабочих и социалистических собраниях.

Уже 25 января Троцкий выступил на митинге в честь его прибытия в зале Купер Юнион,^[401] обратив внимание всех на то, что, после нескольких приветственных речей, поднявшись на трибуну, он резко прервал то, что американцы называют «cheering» (шумные приветствия из аплодисментов, топанья ногами и даже свиста). По свидетельству Г. Зива, выступление произвело сильное впечатление «с художественной стороны. Это был образец ораторского искусства». «Он подавлял слушателей массой фактов, рисующих реальные ужасы войны», и выражал уверенность, что война приведет к революции.^[402]

Троцкого приглашали на многие «политические банкеты». По мнению Зива, он держался на них недоступно: «...произносил речь, вызывал должный энтузиазм, получал свою порцию триумфа и сходил с кафедры; но не спускался в толпу, не сливался с нею, а исчезал как-то ввысь, в закулисные облака...» Некоторые митинги затягивались, поскольку Троцкий стремился поспеть с одного митинга на другой, и публика терпеливо ждала, чтобы услышать новое и убедительное, как ей казалось, слово.^[403] Из Нью-Йорка Лев выезжал в соседние города, в частности в Филадельфию, где выступал с докладами на русском и немецком языках.

Несколько раз Троцкий побывал в гостях у Г. Зива, с которым вспоминал дни юности в Николаеве, сад Швиговского, рабочий союз. «Встреча наша была дружеская, хотя и не очень горячая», — рассказывал Зив. «Как Парвус?» — спросил хозяин. «Наживает двенадцатый миллион», — сухо ответил Троцкий. Зашла речь о Плеханове. Зив не упоминает эпитетов, которыми награждал его собеседник основоположника российского социализма, но каковы они были, можно судить по вопросу сына Зива, который внимательно прислушивался к разговору: «Значит, он контрреволюционер, папа?» «Троцкий улыбнулся и ничего не сказал».^[404]

Через несколько недель после приезда в Нью-Йорк Троцкий задумал создать организацию своих единомышленников на международном уровне. Решено было приступить к выпуску «боевого марксистского еженедельника» — видимо, на английском языке, хотя в мемуарах он этого не уточняет.^[405] Планам, однако, не суждено было сбыться, так как произошло событие, которое круто изменило не только личную и

политическую судьбу Троцкого и его семьи, но и судьбу России и в значительной мере всего человечества. В России началась демократическая революция.

Троцкий передал в воспоминаниях типичный телефонный разговор, который повторялся чуть ли не по нескольку раз в день. Звонили в редакцию «Нового мира»:

«— Пришла телеграмма о том, что в Петербурге (по традиции столицу Российской империи продолжали так называть, хотя с началом Первой мировой войны она была переименована в Петроград. — Г. Ч.) министерство Гучкова — Милюкова. Что это значит?

— Что завтра будет Милюкова — Керенского.

— Вот как! А потом?

— А потом — потом будем мы.

— Ого!»^[406]

На собрании российских эмигрантов Троцкий выступил с докладом, в котором доказывал, что на второй стадии революции у власти должна оказаться партия пролетариата. «Это произвело примерно такое же действие, как камень, брошенный в болото, населенное чванными и флегматичными лягушками», — иронизировал позже докладчик.^[407]

Он не желал думать о том, какими страданиями и бедами неизбежно должен был обернуться тот грандиозный социальный эксперимент, который он и другие экстремистски настроенные социал-демократы задумали осуществить. Вряд ли он сам представлял себе масштабы тех ужасов, того страшного кровопролития, которым предстояло произойти. Пока же революционный энтузиазм переполнял не только Троцкого с женой и политическими друзьями, но даже младших членов семьи. Когда Лев позвонил из редакции и сказал жене, что в Петрограде революция, младший сын Сережа, который болел дифтеритом, вскочил на постели и стал плясать. Так началось его выздоровление.^[408]

Сам Троцкий собирался ковать железо, пока горячо, но не в Америке, а в России. Вновь начались предотъездные хлопоты. 25 марта Троцкий посетил Российское Генеральное консульство, где с удовольствием отметил, что на стене нет портрета царя. Лев, правда, писал, что документы на возвращение в Россию он получил «после неизбежных проволочек и препирательств»,^[409] но тот факт, что соответствующие бумаги были получены в тот же день, свидетельствует: никаких препон представлявшие новую российскую власть все еще старые чиновники не ставили.

Двадцать седьмого марта Троцкий с семьей и несколькими близкими

эмигрантами погрузился на борт норвежского парохода «Христианиафиорд». Перед отплытием состоялся митинг. Возвращавшихся на родину революционеров провожали речами и букетами цветов.

Троцкий отправлялся в свою страну, которую покинул беглецом из ссылки за десять лет до этого. Он не имел понятия, каковы будут его дальнейшие пути, но в том, что ему уготовано выдающееся место, что революцию необходимо будет поворачивать в то русло, которое он спланировал в своих перманентных проектах, он был уверен.

К этому времени у Троцкого окончательно сформировались авторитарное сознание и соответствующий стиль поведения, что существовало в нем в зародыше с юных лет. Хотя Лев едко критиковал авторитаристские тенденции у Ленина, он считал себя не только несравненно более крупным оратором и журналистом, нежели большевистский лидер, что было бесспорно, но и на голову выше последнего в качестве вождя, что можно поставить под сомнение. Авторитарное сознание проявлялось в манерах, во всей ментальности Троцкого. Он возвращался в Россию не для того, чтобы только писать статьи и выступать на митингах. И то и другое должно было послужить более внушительной задаче — превращению в вождя перманентной революции. Начинался новый этап в жизни и деятельности Льва Давидовича Троцкого, когда он действительно выйдет на первый план как в России, так и в международном масштабе, хотя и не единоличным, но вторым вождем режима, который будет установлен в его стране.

Часть вторая

РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И НЭП

Чтоб тебе жить во времена перемен!

Восточное проклятие

Глава 1

ОТ «МЕЖРАЙОНЦЕВ» К БОЛЬШЕВИЗМУ

Новое возвращение в Россию. Межрайонная группа

Л. Д. Троцкий рассчитывал, что очень скоро он окажется в Петрограде, окунется в политические страсти, приступит к практическому воплощению своей идеи сплочения левых социалистических сил во имя развития революции по направлению, которое проектировалось в его перманентной схеме. Но произошло событие, задержавшее его появление в России. В канадском порту Галифакс, где пароход остановился для досмотра британцами, русские, по мнению Троцкого, подверглись дискриминации: их придирчиво допрашивали о политических планах. Троцкий счел унизительным отвечать на вопросы. «Сведения, устанавливающие мою личность, извольте получить, но не более того: внутренняя русская политика не состоит пока что под контролем британской морской полиции».^[410] От других пассажиров британские офицеры получили информацию о «крайне революционных» взглядах группы Троцкого. Последствия были предсказуемы.

Чиновники его величества короля Великобритании сочли членов группы опасными, тем более что сами британцы, надменность которых была соизмерима с надменностью моего персонажа, чувствовали себя оскорбленными его поведением. Оно действительно не было целесообразным при желании как можно скорее добраться в Россию. Но бедой Льва Давидовича были столкновения между его убеждениями и манерой поведения, с одной стороны, и тем, как следовало себя вести для достижения цели — с другой.

В результате явившийся на борт корабля британский адмирал со свитой офицеров потребовал, чтобы Троцкий с семьей и еще пятеро «русских» покинули борт для выяснения их намерений. С точки зрения военного положения это решение не было экстраординарным. Но Троцкий встал на дыбы, поняв, какую кашу заварил. Произошла театральная сцена: матросы на руках отнесли его на катер, а одиннадцатилетний Лева — старший сын старшего Льва — подбежал к офицеру, ударил его кулачком, а затем, полный чувства исполненного долга, обратился к отцу: «Ударить его еще, папа?»^[411]

Седову с детьми оставили в Галифаксе, сначала на квартире, как

пишет Троцкий, «англо-русского полицейского агента»,^[412] хотя что это означает, понять трудно. Льва Давидовича и остальных российских революционеров отвезли в лагерь для военнопленных в городок Амхерст. Из лагеря Троцкий обратился с протестом к правительству Великобритании, но ответа не получил.

Сразу же была направлена телеграмма в Петроград на имя министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского с копией Совету рабочих депутатов, в которой содержалось требование немедленного вмешательства.^[413] Совет обратился со своим протестом к министру иностранных дел П. Н. Милюкову и посольству Великобритании,^[414] а затем принял еще одну резолюцию: «Революционная демократия России с нетерпением ждет к себе своих борцов за свободу».^[415]

В канадском лагере содержались германские военнопленные, главным образом матросы с затопленных англичанами кораблей. Офицеры рассматривали русских как врагов, а среди рядовой массы Троцкий сразу начал агитацию. «Этот месяц жизни в лагере походил на сплошной митинг».^[416]

Когда известие об аресте опубликовали печатные органы Петрограда, британский посол Джордж Бьюкенен разослал сообщение, что арестованные ехали «с субсидией от германского посольства для низвержения временного правительства». Если в отношении Ленина и других русских эмигрантов, приехавших в Петроград через территорию Германии в «экстратерриториальном» вагоне, существовала версия, заслуживавшая изучения, то обстоятельства возвращения на родину Троцкого почти исключали возможность германской субсидии.

Временное правительство по поводу задержания Троцкого заняло двойственную позицию. С одной стороны, Милюков помнил прошлые столкновения и понимал, какие заботы и беспокойства ему и его правительству может доставить этот неугомонный социал-демократ. С другой стороны, Милюков зависел от поддержки Совета и считал необходимым продемонстрировать суверенность новой России и защиту интересов ее граждан.

Бьюкенен вспоминал, что, согласно полученному им сообщению, Троцкий и другие российские беженцы были задержаны в Галифаксе «впредь до выяснения намерений» Временного правительства в отношении них.^[417] В конце концов вмешательство Петроградского совета побудило Милюкова обратиться с просьбой об освобождении группы Троцкого и предоставлении ей возможности следовать в Петроград. 29 апреля

задержанные были посажены на датский пароход. Перед отправкой Троцкий заявил британскому офицеру, что первым делом он внесет в Учредительное собрание запрос министру иностранных дел России об издевательствах англо-канадской полиции над российскими гражданами. «Надеюсь, что вы не попадете в Учредительное собрание», — парировал англичанин.^[418]

Задержание Троцкого привело к тому, что он пропустил апрельский политический кризис, в результате которого Милюков ушел в отставку и было образовано первое коалиционное Временное правительство, куда вошли пять представителей социалистических партий. Среди них были два человека, которых Троцкий знал хорошо. Одним был его бывший помощник по венской «Правде» Скобелев, другим — лидер эсеров Чернов, который за 12 лет до этого вместе с Троцким заседал в Петроградском совете. С этими людьми и другими деятелями социалистического направления он был готов сотрудничать, но политически ушел от них в сторону большевиков, которые после своей апрельской конференции стали не только фактически, но и формально самостоятельной партией.

Более того, это была партия, которая под давлением Ленина утвердила в качестве своей программы идеи, провозглашенные им в так называемых «Апрельских тезисах»: передача власти Советам; немедленный переход ко второму этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства; заключение мира без аннексий и контрибуций; создание нового Интернационала, свободного от «оппортунизма». Эти идеи были близки к концепции перманентной революции Троцкого, хотя по ряду вопросов оставались разногласия, особенно по Интернационалу, ибо Троцкий считал недопустимым его раскол, на чем настаивал Ленин.

С парохода, который доставил Троцкого с семьей в Швецию, они пересели на поезд и с пересадкой в Финляндии добрались до Петрограда. Троцкий приехал в столицу России 4 (17) мая.^[419] На станции Белоостров в вагон вошли представители группы «объединенных интернационалистов»^[420] (так Троцкий не вполне точно именовал Межрайонную социал-демократическую организацию) и большевиков. Первых представляли его старый знакомый Урицкий и молодой армянин Л. М. Карахан. Большевики прислали для встречи фигуру сравнительно невысокого ранга — рабочего-металлиста Г. Ф. Федорова, который вскоре станет председателем рабочей секции Петроградского совета.

На Финляндском вокзале, где за месяц перед этим дебютировал Ленин, состоялся митинг. На приветствия Урицкого и Федорова Троцкий ответил в

основном в духе позиции Ленина.^[421] Это были своего рода сигналы, но достаточно осторожные — Ленин выражал пожелание, чтобы Троцкий присоединился к большевикам, но идти на переговоры на равных не собирался; Троцкий настаивал на том, чтобы дебатировать паритетно.

Троцкий с семьей поселился в небольшой гостинице «Киевские номера». На следующий день, 5 мая, он явился на заседание Петроградского совета. Его приветствовал председатель Совета Чхеидзе. По предложению Каменева Исполком Совета постановил включить Троцкого в свой состав как бывшего председателя Совета в 1905 году, правда с совещательным голосом. «Я получил свой членский билет и свой стакан чаю с черным хлебом».^[422] То, что Троцкому не был предоставлен решающий голос, существенного значения не имело. Важнее было то, что он получил возможность выступать и оказывать какое-то влияние на решения.

На этом заседании Лев выступил с первой речью в Совете. Он говорил, что революция в России потрясла не только Европу, но и Америку, рассказал о задержании в Галифаксе, о том, что в лагере русские «близко сошлись с германскими пролетариями», и провозгласил «три заповеди»: недоверие к буржуазии, контроль революционеров над своими вождями, доверие к собственной силе. Он считал, что следующим шагом будет передача власти Советам, и завершил речь «перманентной» формулой о русской революции как прологе мировой революции.^[423] Существенным было определиться с партийной принадлежностью, которая соответствовала его позициям, позволяла играть руководящую роль и проводить свою агитационно-организационную работу. Лев считал наилучшим вариантом присоединиться к группе, именовавшейся Петербургским межрайонным комитетом объединенных социал-демократов интернационалистов, в обиходе — межрайонцы или межрайонка. Возглавляла организацию Межрайонная комиссия, которой руководил до 1916 года Константин Константинович Юренев.

К моменту приезда Троцкого межрайонцы руководствовались следующими положениями: социал-демократическая партия не существует в качестве единой партии; рабочие крайне нуждаются в создании единой организации; процесс восстановления партии должен начаться снизу. В основном межрайонцы поддерживали лозунги большевиков за исключением лозунга о превращении империалистической войны в гражданскую.^[424]

Межрайонная организация к началу Февральской революции

составляла несколько сотен человек, но к середине 1917 года выросла до четырех тысяч, главным образом за счет возвратившихся эмигрантов, бывших заключенных и ссыльных, чем в первую очередь была обязана появлению в рядах Троцкого, который, не заняв официального поста, стал ее фактическим руководителем. Межрайонная группа явочным порядком захватила помещение Общества спасения на водах по улице Садовой, 50, где в основном и работал Троцкий в те немногие часы, когда не участвовал во всевозможных заседаниях и митингах. [\[425\]](#)

Ленин же увидел в Троцком полезный инструмент агитации и организации в духе «Апрельских тезисов», с большой натугой утвержденных апрельской конференцией. Ленин считал целесообразным объединение с межрайонцами, но не как с равными партнерами, а путем их вступления в большевистскую партию. Для Троцкого это означало, что в этой партии он займет пусть не второстепенную, но все же не равную с Лениным позицию.

Десятого мая Ленин совместно со своими ближайшими сотрудниками Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым посетил конференцию межрайонцев и предложил план действий по слиянию левых групп в единую партию, не упоминая, что речь идет о фактическом вступлении в большевистскую партию, но это подразумевалось само собой. Троцкий высказал сдержанное, но в целом положительное отношение к его предложениям, но не торопился их безоговорочно принимать. По поводу позиции Троцкого остались записи Ленина, сделанные наспех, для сиюминутного использования. Согласно им, Троцкий выступал дважды. Он предостерегал межрайонную группу от немедленного присоединения к большевикам, выразил сдержанное отношение к политике военного пораженчества, хотя заявил, что пораженчество лучше, чем пацифизм, что это «м[еньшее] зло». Высказывал мнение, что революция находится на «национально-демократическом» уровне, и призывал превратить ее в «интернационально-пролетарскую». Он предостерегал против «старых фракционных напластований», которые могли проявиться со стороны большевиков. [\[426\]](#) Встреча 10 мая не дала непосредственного результата. Но это был первый шаг на пути присоединения Троцкого к большевикам, шаг, определивший вектор его дальнейшей деятельности. 30 мая на заседании столичного большевистского комитета Ленин проинформировал, что намечается договоренность о «привлечении т. Троцкого к изданию популярного органа». [\[427\]](#)

И все же до июня 1917 года Троцкий продолжал считать себя

циммервальдовцем, поскольку придерживался курса на восстановление Интернационала на базе принципов, сформулированных Циммервальдской конференцией. Ему удалось выпустить брошюру «Программа мира»,^[428] в которой подчеркивалось приоритетное значение создания Соединенных Штатов Европы на социалистических началах.

Но особое внимание Троцкий теперь уделял устным выступлениям. Он ездил в Кронштадт, где его речи с восторгом встречали революционные моряки. Особенно часто он выступал в петроградском цирке «Модерн». Луначарский дал восторженное описание его выступлений в цирке: «Я считаю Троцкого едва ли не самым крупным оратором нашего времени. Я слышал на своем веку всяких крупнейших парламентских и народных трибунов социализма и очень много знаменитых ораторов буржуазного мира и затруднился бы назвать кого-либо из них, кроме Жореса... которого я мог бы поставить рядом с Троцким... Эффектная наружность, красивая широкая жестикация, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устанный голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика — вот достоинства речи Троцкого».^[429]

Сближение с большевиками

Постепенно Троцкий входил во все более активное сотрудничество с большевиками, главным образом в Петроградском совете, а затем на Первом Всероссийском съезде Советов, состоявшемся 3–24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 года, куда был избран вместе с еще девятью делегатами от межрайонцев.^[430]

Первый раз он выступил на пленарном заседании 5 июня при обсуждении продовольственной политики. Оценивая отчет министра продовольствия А. В. Пошехонова, Троцкий соглашался на определенную степень конструктивного сотрудничества с правительством, призывая министров к деловитости. Он утверждал, что власть расколота, но характер раскола оценивал пока иначе, чем Ленин. Речь шла не о двоевластии Временного правительства и Советов, как заявляли большевики, а о том, что Временное правительство является не твердой государственной властью, а «постоянной конференцией, постоянной примирительной камерой между представителями помещиков и крестьян, представителями

капитала и представителями рабочих».^[431]

На следующих заседаниях Троцкий продолжал проявлять активность, вмешивался в прения, как правило, в унисон с репликами Ленина. На заседании 6 июня председательствующий Чхеидзе даже заявил: «Товарищ Троцкий и вообще все товарищи, еще и еще прошу вас соблюдать тишину и еще прошу».^[432] Ряд депутатов-меньшевиков фактически ставили позиции Ленина и Троцкого на один уровень, о чем наиболее убежденно высказался меньшевик Либер, с которым у Троцкого были столкновения со времени Второго съезда РСДРП.

Фактически присоединившись к большевикам, Троцкий отдавал себе отчет о сущности большевизма, о характере Ленина как политического деятеля. А. А. Иоффе в начале лета 1917 года во время беседы с Троцким возражал против безоговорочного вступления межрайонцев в большевистскую партию. «Лев Давидович! Они же политические бандиты!» — воскликнул Иоффе. «Да, я знаю, — ответил Троцкий, — но большевики сейчас единственная реальная политическая сила».^[433] Л. Д. Троцкий был избран съездом в состав Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК).^[434]

В начале июля 1917 года в Петрограде возникли волнения, стоявшие на грани бунта. Распропагандированные большевиками солдаты пулеметного полка заполнили улицы. Перед ними накануне самого выступления, 2 июля, выступил Троцкий, и можно полагать, что его речь отчасти спровоцировала пулеметчиков. К ним присоединились моряки Кронштадта.

Третьего июля солдаты-пулеметчики и моряки осадили Таврический дворец, где заседал Совет. Определенных требований они не выдвигали, повторяли лозунг «Вся власть Советам!», но находились в лихорадочном состоянии после шествия по городу, сопровождавшегося хулиганскими действиями, выстрелами по окнам и грабежами. Несколько членов Совета вышли к бунтовщикам, чтобы их успокоить. Троцкий произнес речь, в которой заявил кронштадтцам: «Вы — цвет и слава революции!»

Во время его выступления группа матросов окружила вышедшего вместе с Троцким лидера эсеров министра земледелия В. М. Чернова и пыталась затолкать его в автомобиль, чтобы увезти в неизвестном направлении, заявив, что Чернов «будет заложником». Троцкий проявил самообладание. Он обратился к толпе с вопросом: «Не правда ли, я не ошибаюсь, здесь нет никого, кто был бы за насилие? Кто за насилие, поднимите руки». Ни одна рука не поднялась, и матросы с недовольным

видом отошли от машины. Троцкий сказал: «Вам, гражданин Чернов, никто не препятствует свободно вернуться назад, это было недоразумение».^[435] Эпизод был немаловажным.

Лидер крупнейшей партии испытал чувство унижения, а Троцкий сыграл роль благородного и снисходительного спасителя, сохранившего присутствие духа, проявившего великодушие и обладавшего несравненно большим авторитетом в низах, нежели министр.

Многие нетерпеливые большевики считали целесообразным использовать волнения, чтобы попытаться взять власть. Ленин поначалу отсутствовал в городе, уехав в Финляндию на отдых. Однако, узнав о суматохе в столице, немедленно вернулся. Вначале он, как и Троцкий, колебался в принятии решения.

А. В. Луначарский писал жене: «Большевики и Троцкий на словах соглашаются (придать выступлению организованный характер. — Г. Ч.), но на деле уступают стихии».^[436] Но вслед за этим Ленин смог более или менее трезво оценить соотношение сил. Особой проницательности для этого не требовалось. Достаточно было появления в городе Волынского полка, верного Временному правительству, чтобы дезорганизованная масса полностью рассеялась.

Со времени июльских дней Троцкий уже чувствовал себя почти единоверцем Ленина. Последний также вроде бы утратил следы прежнего недоверия к нему, которое, однако, будет вновь и вновь возвращаться. «Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин Троцкому 5 июля. — Самый для них подходящий момент».^[437]

Выступления Троцкого в цирке «Модерн», на предприятиях, в университете, театрах, на площадях носили отныне большевистский характер и следовали одно за другим. «Я возвращался обессиленный за полночь, открывал в тревожном полусне самые лучшие доводы против политических противников, а часов в семь утра, иногда раньше, меня вырывал из сна ненавистный, невыносимый стук в дверь, меня вызывали на митинг в Петергоф, или кронштадтцы присылали за мной катер».^[438]

На этом фоне психологически весьма любопытно отношение Троцкого к дочерям от бывшей жены А. Л. Соколовской. Впервые после «фиксации» их рождения и скудных слов о младенчестве старшей из них, Зины, он упомянул в воспоминаниях о своих дочерях, которые стали почти взрослыми (Зине шел семнадцатый, а Нине шестнадцатый год), именно в связи с их «политическим созреванием». В воспоминаниях нет ни слова об их детстве. Создается впечатление, что отец не интересовался девочками

ни в малейшей степени. Однако обе они воспитывались на примере отца, которого до этого не знали и впервые увидели в разгар политических событий 1917 года. Именно так их настраивала Соколовская, сохранившая к бывшему супругу глубокие чувства.

В мемуарах Троцкого нет ни слова о встречах с дочками, скорее всего, их почти не было. Но девушки относились к отцу восторженно. Они исправно посещали его выступления в цирке «Модерн», участвовали в демонстрациях, руководимых большевиками. Троцкий пишет: «В июльские дни они попали в переделку, были смяты толпой, одна потеряла очки, обе потеряли шляпы, обе боялись потерять отца, который едва успел появиться на их горизонте».^[439] Оттенок этого высказывания показателен. Троцкий акцентирует внимание не на своем беспокойстве по поводу судьбы дочерей, а на их волнении касательно его собственной судьбы. Для понимания ментальности Льва Давидовича это — характерный штрих.

Между тем в общественных кругах России все настоятельнее распространялись слухи, будто большевики являются платными германскими агентами. Власти воспользовались показаниями некоего прапорщика Ермоленко, который заявил, что возвратился в Россию из Германии для антивоенной агитации и что такое же поручение дано Ленину.^[440] В данном случае речь идет о политической провокации, хотя позже финансирование антивоенной пропаганды большевиков германскими службами было доказано документально.^[441] Провокация же оказалась точным предположением.

В отношении Троцкого аналогичное подозрение было выдвинуто, как уже отмечалось, британским послом в Петрограде Бьюкененом, против чего Троцкий протестовал в письме российскому министру иностранных дел уже в день прибытия в Петроград.^[442] Сам посол от обвинений отказался. Однако в связи с кампанией в прессе против Ленина и других социал-демократов, возвратившихся в Россию через германскую территорию, правые и либеральные печатные органы вновь выдвинули обвинения против Троцкого. Миллюковская «Речь» сообщила, что Троцкий получил от немцев в США 10 тысяч долларов для «ликвидации Временного правительства».^[443] Всю эту историю Троцкий рассказал в газете Горького «Новая жизнь», завершив ее патетическими и, по сути, видимо, правдивыми словами: «Для того чтобы на будущие времена ввести необходимый поправочный коэффициент в измышления обо мне гг. лжецов, клеветников, кадетских газетчиков и негодяев вообще, считаю полезным заявить, что за всю свою жизнь я не имел одновременно в своем

распоряжении не только 10 000 долларов, но и одной десятой части этой суммы. Подобное признание может, правда, гораздо основательнее погубить мою репутацию в глазах кадетской аудитории, чем все инсинуации г. Милюкова. Но я давно примирился с мыслью прожить свою жизнь без знаков одобрения со стороны либеральных буржуа». [\[444\]](#)

Когда же Временное правительство отдало распоряжение об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева и других большевистских лидеров по обвинению в попытке организации переворота 3–4 июля 1917 года и по подозрению, что они действовали на средства германского правительства (Ленин и Зиновьев скрылись, некоторых большевиков арестовали), Троцкий обратился к правительству с открытым письмом от 10 июля, [\[445\]](#) заявляя о полном одобрении позиции большевистских руководителей. Письмо завершалось фактически провокационным призывом к властям поступить с ним так же.

Временное правительство «пошло навстречу» Троцкому. В ночь на 23 июля он был арестован.

Снова «Кресты»

Л. Д. Троцкий был задержан на квартире члена Исполкома Петроградского совета С. Д. Лурье, у которого ночевал. Начальник уголовной полиции А. А. Кирпичников рапортовал прокурору Петроградской судебной палаты 24 июля: «Задержанные лица помещены в одиночную тюрьму с зачислением содержания за вами». [\[446\]](#)

Разумеется, это была камера, а не «одиночная тюрьма». Арестованного отправили в ту самую центральную тюрьму «Кресты», где он находился после ареста в декабре 1905 года.

На следующий день Троцкого доставили в суд. Следователь по особо важным делам П. А. Александров предъявил ему обвинения в подстрекательстве к вооруженному восстанию и связях с лицами, находившимися на германской службе. [\[447\]](#)

В своих показаниях Троцкий подчеркивал: несмотря на то, что объединение межрайонцев с большевиками еще не произошло, «политическая линия нашего поведения была... та же, что и у большевиков», что, выступая за переход власти в руки Советов, он стремился завоевать большинство населения «на сторону указанного лозунга» и в силу этого просто не мог добиваться вооруженного восстания

меньшинства. Он отрицал, что 3–4 июля имело место вооруженное восстание, и в этом не был далек от истины. Разумеется, тот факт, что большевистское руководство выжидало, как будут развиваться события, чтобы решить, превращать ли выступление в вооруженный бунт, Троцкий не упоминал. Но предположения на юридическом языке отнюдь не равны деяниям, и это Лев Давидович хорошо усвоил, как и то, что юридические институты республиканской России стремились действовать в рамках правовых процедур.

Троцкий дал противоречивые показания по самому жгучему вопросу обвинения — о финансировании большевиков германскими властями. Ему не составляло труда отмежеваться от Парвуса, а также связанных с ним, и с большевиками лиц. С ними он действительно не поддерживал отношений. Но у Троцкого не было оснований столь же убежденно провозглашать невинность большевистских лидеров, которых он якобы знал как «старых, испытанных и бескорыстных революционеров, неспособных торговать совестью из корыстных побуждений, а тем более совершать преступления в интересах немецкого деспотизма». ^[448] Здесь совершалась не очень ловкая подмена. Утверждалось, что большевистские лидеры не могли использовать немецкие деньги во имя собственной наживы, и это было так. Выражалось убеждение, что они не могли служить германскому деспотизму, и это также соответствовало истине. Но Троцкий не мог не понимать, что большевики имели возможность пользоваться германскими денежными вливаниями, не беря на себя обязательств перед немцами, по той причине, что их лозунги и деятельность соответствовали военным целям Германии, что в этом смысле большевики могли быть германскими агентами влияния.

Отказ от понимания морали как незыблемой категории, то есть принцип нравственной относительности и классовой обусловленности морали, которым оперировали большевики и который быстро разделил с ними Троцкий (если не проникся этим принципом независимо от собратьев по социал-демократии), не мог не привести его к пониманию, что обвинения Временного правительства, видимо, соответствуют действительности. На следствии Троцкий явно лицемерил в отношении «нравственного уровня» большевистских лидеров. Он легко опроверг обвинения в связях с германскими спецслужбами по собственному адресу, но отлично понимал, что в иных, более благоприятных обстоятельствах и он не отказался бы от немецких или каких-либо других денег, чтобы использовать их для реализации своих политических амбиций.

Из одиночной камеры «Крестов» Троцкий буквально бомбардировал

правительственных деятелей заявлениями протеста. Начал он с заявления на имя Временного правительства, в котором шла речь о характере сообщения прокурора Петроградской судебной палаты по поводу событий 3–5 июля. Впрочем, почти сразу автор заявления попытался показать небрежность и произвол прокурорской власти «в своих конструкциях для получения нужного ей вывода» на примере обвинения, направленного лично против него. Действительно, некоторые обвинения носили анекдотический характер. К таковым относились утверждения, будто он приехал в Петроград вместе с Лениным из Германии, был членом большевистского ЦК, состоял одним из руководителей большевистской военной организации. «...Я твердо знаю, — завершал Троцкий свое патетическое обращение, — что не было в истории цивилизованных стран процесса, более чудовищного по замыслу обвинения и более преступного по методам использования заведомо ложного обвинения в интересах самой разнузданной травли против целой политической партии».^[449] Эти его гиперболы для юристов, политических деятелей, просто образованных читателей были очевидны и смешны. Но они оказывали влияние на толпу, представляя автора как героя и мученика, а большевиков — партией самоотверженных борцов в защиту народа, и побуждали ее к прямым действиям.

С большим трудом, дав взятку, Наталья Ивановна получила разрешение на свидания с мужем. Каждое свидание использовалось для отчета о событиях и для новых поручений. С гордостью Наталья рассказала о поведении сыновей. Оба они были отправлены со знакомыми на отдых в финский город Териоки, где наслаждались солнцем, купались, ловили рыбу. Но однажды, поехав их навестить, мать нашла обоих расстроенными и замкнутыми. Как оказалось, в этот день кто-то в пансионе упомянул, что Ленин и Троцкий — германские шпионы. Мальчишки набросились на обидчика — один со столовым ножом, другой с трудом вооружившись тяжелым креслом. Оба были схвачены и отведены в другое помещение. Наталья немедленно забрала детей в Петроград.

Новые события — выступление генерала Л. Г. Корнилова в конце августа 1917 года за установление в стране твердой власти, двойственное поведение главы правительства А. Ф. Керенского, который вначале вступил с Корниловым в переговоры, а затем объявил его мятежником, — резко изменили ситуацию. Троцкий писал в мемуарах: «В дни корниловского похода на столицу тюремный режим повис на тонкой ниточке. Все понимали, что если Корнилов вступит в город, то первым делом зарежет арестованных Керенским большевиков... Для охраны «Крестов» прислан

был большой военный наряд. Он оказался, разумеется, не «демократическим», а большевистским, и готов был в любую минуту освободить нас».

В этих условиях власти сочли целесообразным выпустить из тюрьмы арестованных, включая Троцкого, хотя обвинения сняты не были. 4 сентября он был освобожден под залог в три тысячи рублей.

Любопытно, что в мемуарах Троцкий не упоминает о событии, которое, казалось бы, явилось переломным в его политической жизни. С одной стороны, он, видимо, считал это событие само собой разумеющимся, с другой — оно в какой-то степени ставило под сомнение предыдущую деятельность Льва Давидовича, ибо теперь он формально признал главенство Ленина, свое подчиненное положение по отношению к большевистскому вождю. Дело в том, что в конце июля — начале августа 1917 года в Петрограде полулегально состоялся Шестой съезд большевистской партии, на котором межрайонцы присоединились к большевикам.^[450] Наиболее видным среди межрайонцев был Троцкий. При избрании Льва Давидовича в ЦК партии больше него голосов получили только Ленин (134) и Зиновьев (132). За Троцкого, как и за Каменева, было подано по 131 голосу.^[451] Троцкий оказался в числе пяти большевиков, выдвинутых кандидатами в Учредительное собрание.^[452]

Так Троцкий, отлично знавший истинные качества Ленина и его ближайших соратников, более десятилетия ведший с ними острую борьбу, в течение короткого времени капитулировал перед ними, видя в этой партии силу, имевшую перспективы взять власть. Политическое единодушие с большевиками, прокламируемое Львом Давидовичем в предыдущие недели, в совокупности с его огромным авторитетом создавало у него уверенность, что он сможет оказаться в группе наиболее приближенных к Ленину деятелей, а это стимулировало надежду взойти на вершину власти, как только большевики овладеют государственной машиной. Личностные амбиции и политические планы были неразделимы. Троцкий понимал, что стать единоличным диктатором ему не светит (потому, скорее всего, к этому и не стремился), но оказаться в малочисленной группе высших вождей стало теперь для него непосредственной задачей.

Глава 2

ВО ГЛАВЕ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА И ВРК

Превращение в образцового большевика

Войдя в руководящий орган большевистской партии, Троцкий вел себя подобно многим неофитам (Неофит, к слову, был одним из его литературных псевдонимов!) — старался продемонстрировать, что является самым рьяным, энергичным и изобретательным партийным деятелем. А сущность курса большевиков была однозначна — готовиться к взятию власти. Троцкому тем более удобно было играть ведущую роль в проведении партийной политики, что он внезапно оказался на самой вершине большевистской иерархии, хотя не занимал там устойчивого положения: Ленин и Зиновьев скрывались, Каменев и Сталин оставались на сравнительно умеренных позициях, сдерживая наиболее нетерпеливых.

После выхода из тюрьмы Троцкий с семьей переселился из гостиницы (откуда его, скорее всего, выгнали как освобожденного политического преступника) в квартиру, которую сдавала «вдова буржуазного журналиста». В новом доме его с семьей «окружала стена вражды и ненависти». Тем не менее он позволял себе вести «буржуазную» жизнь, пользуясь даже «трудовым наймом». Как ни в чем не бывало он пишет: «Наша кухарка Анна Осиповна подвергалась атакам хозяек, когда являлась в домовый комитет за хлебом».^[453]

Быт был не из легких. Дворник смотрел ненавидящими глазами на Наталью Ивановну, которая по вечерам возвращалась домой с работы (она устроилась на канцелярскую должность в профсоюзе деревообделочников). Младшего Льва травили в школе, придумав презрительно звучащую кличку «председатель». Так что когда дело переходило от митинговых речей и шумных возгласов одобрения к прозе жизни, большевики отнюдь не пользовались поддержкой толпы.

Однако неожиданно у семьи появился сильный покровитель. Им был матрос Балтфлота Николай Григорьевич Маркин. Этот не очень грамотный большевик проникся к Троцкому и особенно к его детям симпатией. Н. И. Седова вспоминала, что Маркин обратил внимание на детей, которым исполнилось соответственно 12 и 10 лет, в Смольном институте, куда они часто приходили к отцу, гордясь и восхищаясь им. «Маркин, крупный, довольно неуклюжий парень, с нависшими бровями, внимательными глазами и постоянной улыбкой, очень любил детей. Он рассказывал им о своей личной жизни, которая была разрушена неверностью женщины».^[454]

Но главное, используя в полном смысле слова методы устрашения, он превратил семью Троцкого из гонимых в господ. Троцкий лицемерил, когда

через десятилетие с лишним писал, что вначале ничего не знал о Маркине и его действиях и только случайно услышал о них от кухарки и сыновей. «Маркин заглянул к старшему дворнику и в домовый комитет, притом, кажется, не один, а с группой матросов. Он, должно быть, нашел какие-то очень убедительные слова, потому что все вокруг нас сразу изменилось. Еще до Октябрьского переворота в нашем буржуазном доме установилась, так сказать, диктатура пролетариата. Только позже мы узнали, что это сделал приятель наших детей, матрос-балтиец».^[455] Не нужно иметь большое воображение, чтобы понять, какие «убедительные слова» нашел этот полуматрос-полубандит и в то же время своего рода приемный отец для детей, родители которых не уделяли им внимания. Характерно, что через полтора десятилетия Лев Львович Седов, ставший последователем отца, возьмет себе псевдоним «Н. Маркин».

Возвращаясь в 1917 год, отметим, насколько характерен этот эпизод! Угрозы расправы, которые доминировали в «разговорах» Маркина и его сообщников с бытовым окружением Троцкого, собственное превращение в местного «хозяина» он отождествлял с «диктатурой пролетариата»! Надо сказать, это было не такое уж неадекватное представление о сущности диктатуры, которая будет установлена через полтора месяца.

Тотчас после освобождения из «Крестов» Троцкий возобновил свою деятельность в Петроградском совете. Здесь ситуация изменилась в связи с выступлением Корнилова и его подавлением. Часть членов Совета, ранее поддерживавших меньшевиков и эсеров, стала терять доверие к главе правительства Керенскому. 1 сентября Совет принял резолюцию, предложенную большевиками и содержащую их политические оценки событий.

Дальнейшему «полевению» Совета способствовала теперь бурная деятельность Троцкого. Первую речь он произнес 9 сентября, посвятив ее событиям 3–5 июля.^[456] Он утверждал, что выступление солдат и матросов носило стихийный характер, что остановили его именно большевики, но в случае удара Временного правительства последнему будет дан отпор. Была принята подготовленная Троцким резолюция с требованием освобождения революционеров, находившихся в заключении.^[457]

В этот же день был поставлен вопрос о президиуме Совета. Это было связано с тем, что после принятия большевистской резолюции председатель Совета И. Г. Церетели заявил о своей отставке, а большевистская фракция потребовала перевыборов всего президиума. В результате был избран предложенный большевиками состав, а 25 сентября

Троцкий удостоился чести стать председателем этого органа, реальное влияние которого теперь намного превосходило его официальные функции. ^[458] Под руководством Троцкого Петроградский совет стал важнейшим звеном в подготовке большевиков к захвату власти.

Когда Троцкий находился в тюрьме, его имя стало появляться в протоколах заседаний ЦК большевиков. Поначалу партийные «ветераны» относились к нему настороженно. На заседании 4 августа было внесено предложение включить его в состав редколлегии «Правды». Оно было, однако, отвергнуто одиннадцатью голосами против десяти. ^[459] Но сразу после освобождения Троцкий произвел столь благоприятное впечатление на большевистских лидеров, что ему стали доверять все больше. Впервые он участвовал в заседании ЦК 6 сентября, где вновь обсуждался вопрос о редколлегии «Правды», носившей теперь название «Рабочий путь». На этот раз Троцкий был безоговорочно введен в ее состав. ^[460]

Важной проблемой, ставшей перед большевистским руководством, являлась подготовка к Демократическому совещанию. Решение о его проведении было принято ВЦИКом в связи с тем, что правительство Керенского находилось в состоянии кризиса, теряло влияние. Предполагалось до созыва Учредительного собрания избрать орган, который официально именовался бы Временным советом Российской республики (обычно его называли Предпарламентом) с подчинением ему правительства. Открытие совещания было назначено на 12 сентября, затем отложено на два дня. Большевистский ЦК утвердил своими представителями Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого и других. ^[461]

Троцкий произнес большую речь на Демократическом совещании 18 сентября, сразу после зачитания декларации меньшевистско-эсеровского большинства. ^[462] В свойственной ему манере оратор издевался и над декларацией, и над выступлениями министров и других небольшевистских деятелей. «Даже Пошехонов, вместо отчета, прочел нечто вроде стихотворения в прозе о преимуществах коалиции». Троцкий объявил утопией надежды, что в России будет установлен режим буржуазной демократии. Понимал ли он, что, провозглашая русский пролетариат «классом высшей формы концентрации революционной энергии», он, а не его оппоненты, проповедовал утопическую идею? Определенный ответ на этот вопрос дать невозможно, но тот факт, что высказанная догма полностью вписывалась в концепцию перманентной революции, позволяет предположить, что Троцкий воспринимал сказанное всерьез.

Двадцать второго сентября Петроградский совет принял

предложенную Троцким резолюцию о Демократическом совещании, называвшую его «искусственно сколоченным» образованием. Резолюция являлась объявлением войны демократическим властным органам, призывая сохранять полноту власти там, где она уже захвачена Советами, укреплять советские позиции, где этого еще нет, немедленно созвать Всероссийский съезд Советов.^[463]

В большевистских кругах возникли разногласия по поводу участия в Предпарламенте. Хотя Троцкий вместе с Каменевым был избран в состав президиума Предпарламента, он высказался за то, чтобы «хлопнуть дверью» — объявить о бойкоте и не принимать участия в его работе. Это предложение отвергли, и большевистская фракция стала участвовать в Предпарламенте, но Троцкий настаивал на своем. В этом он получил поддержку Ленина. Последний, находясь вне Петрограда, в какой-то мере утратил контроль над деятельностью ЦК, но с его требованиями умеренные члены руководства Каменев, Рыков и другие должны были считаться. А Ленин бомбардировал ЦК письмами, основной смысл которых совпадал с позицией Троцкого. «Большевики должны взять власть» — так называлось одно из ленинских писем, «Марксизм и восстание» — именовалось следующее. «Тактика участия в Предпарламенте **не верна...**» — говорилось в письме от 23 сентября 1917 года. В постскриптуме к нему Ленин добавил: «Троцкий был за бойкот. Bravo, товарищ Троцкий!»^[464]

Настроения ведущих большевистских деятелей передавались их женам. В неловком положении оказалась сестра Троцкого Ольга. Ее супруг Каменев был умеренным большевиком, а брат стоял на противоположной позиции. Как-то Ольга Каменева и Наталья Седова встретились на ступенях Смольного. Ольга поинтересовалась, Наталья за восстание или против. Услышав ответ: «Конечно, за», Ольга, не сказав ни слова, удалилась, неодобрительно покачивая головой.^[465]

В закулисных переговорах, ссылаясь на авторитет Ленина и его категорические требования, Троцкий смог убедить многих большевистских лидеров в правильности его настояний бойкотировать Предпарламент. 7 октября состоялось длительное и бурное заседание большевистской фракции Демократического совещания. За участие в Предпарламенте на начальном этапе работы вновь высказались Каменев и перешедший к этому времени в большевистскую партию Рязанов. Троцкий настаивал на немедленном разрыве. Незначительным большинством голосов его мнение было поддержано.

В этот же день Троцкий огласил на Демократическом совещании

написанную им декларацию большевистской фракции.^[466] В декларации содержалось утверждение, что в форме Предпарламента создается власть, в которой «явные и тайные корниловцы играют руководящую роль». Весь тон, все словесное оформление этого документа носило не просто алармистский, а открыто конфронтационный характер, означало силовой вызов правительству. Выдвигались требования передачи власти Советам, всей земли — народу, заключения «немедленного, честного и демократического мира», созыва Учредительного собрания. Вслед за этим большевики покинули Демократическое совещание.

Так позиция Ленина — Троцкого в конечном счете возобладала.

За две-три недели Троцкий совершил головокружительный взлет в высшей большевистской иерархии, став в ней вторым лицом. Следует учитывать, однако, что Ленин находился вне пределов Петрограда и не имел возможности непосредственно навязывать свою волю. Троцкий в этих условиях стал не только главным выразителем позиции первого лица, но, учитывая его статус в качестве председателя столичного Совета, его хватку, целеустремленность, напряженные непрерывные усилия, превратился примерно на месяц в реального «вождя» большевистской партии и следовавших за ней организаций.

Организатор Октябрьского переворота

Полностью соглашаясь с Лениным в том, что большевики должны приступить к захвату власти, Троцкий незначительно расходился с ним относительно формы, в которую целесообразно было бы облечь переворот. Если Ленин требовал, чтобы большевики взяли власть от собственного имени, то Троцкий предлагал поступить хитрее, представив дело так, будто речь идет о реализации лозунга «Вся власть Советам!».

ВЦИК еще на сентябрь назначал Второй Всероссийский съезд Советов, который затем был отложен на следующий месяц. Полагая, что на съезде большевики смогут получить поддержку, Троцкий предлагал приурочить взятие власти именно к созыву съезда. Иначе говоря, он пытался обеспечить псевдолегальность, ибо сами Советы и их съезд с юридической точки зрения государственной властью не обладали, а «двоевластие» было понятием политическим, но не правовым. Из предложения Троцкого приурочить захват власти к съезду Советов, который следовало поставить перед свершившимся фактом, вытекала его позиция о главном инструменте для реализации этой акции. Им должен

был стать Петроградский совет, председателем которого он являлся.

Тотчас после разрыва с Демократическим совещанием Троцкий вместе со своими помощниками в Совете приступил к практическим действиям. При Совете началось формирование Военно-революционного комитета (ВРК). Формально вначале его возглавил представитель другой партии — левый эсер Павел Евгеньевич Лазимир. Со стороны большевиков и прежде всего Троцкого это был тактический ход, связанный с тем, что в партии социалистов-революционеров происходило глубокое размежевание. Со второй половины 1917 года левые эсеры действовали все более обособленно, приближаясь к большевикам. Назначение левого эсера председателем ВРК должно было символизировать единство их действий. Правда, Лазимир не проявил организаторских качеств, на которые рассчитывал Троцкий, и через несколько дней был заменен большевиком Н. И. Подвойским. Активную работу по созданию ВРК вел близкий к Троцкому по парижской эмиграции В. А. Антонов-Овсеенко, назначенный секретарем ВРК.

Политически всей деятельностью ВРК руководил Троцкий. На заседании 12 сентября он воспользовался обсуждением вопроса о ВРК для общих заявлений, в частности о том, что необходимо не «музейное», а практическое правительство.

В высшем руководстве большевистской партии в октябрьские дни возникли серьезные разногласия о том, что в его кругах именовалось «вооруженным восстанием». На заседаниях 10 и 16 октября возвратившийся в столицу Ленин настаивал на проведении восстания в ближайшее время, Зиновьев и Каменев возражали, ряд членов ЦК, включая Сталина, занимали колеблющиеся позиции. Большинством голосов ЦК пришел к выводу, что вооруженное восстание стоит на очереди дня, и предложил всем организациям партии «руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы» (10 октября),^[467] что необходима ускоренная подготовка восстания (16 октября).^[468] Это, однако, были только слова. Тем временем под непосредственным руководством Троцкого ВРК принимал практические меры по захвату власти в столице, приурочивая эту акцию ко времени открытия II Всероссийского съезда Советов, который был наконец назначен ВЦИКом на 25 октября.

Наступательные, агрессивные меры Троцкий, однако, маскировал «нуждами обороны» города и упреждающими действиями против контрреволюции. На заседании Совета 18 октября он заявил, что

вооруженное выступление «нами» не было назначено, что подписанный им ордер на получение пяти тысяч винтовок от Сестрорецкого завода (сообщение об этом было помещено в ряде газет) является реализацией решения, принятого еще в корниловские дни для вооружения рабочей милиции и что Совет будет и впредь вооружать «рабочую гвардию». Вслед за этой сравнительно миролюбивой риторикой Троцкий стал играть мускулами, заявив, что при первой попытке со стороны контрреволюции сорвать съезд Советов «мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца».

Накануне дня этого выступления Троцкий встретился с американским журналистом, членом Социалистической партии США Джоном Ридом, прибывшим в августе 1917 года в Россию в качестве военного корреспондента. Рид был настроен пробольшеvistски, и их встреча сыграла огромную роль в закреплении этой позиции. Троцкий проповедовал Риду идеи перманентной революции, заявив, что после окончания войны Европа будет воссоздана пролетариатом путем уничтожения национальных границ в виде федеративной республики, Соединенных Штатов Европы.^[469] Естественно, идеи «вождя» большевиков были немедленно переданы в американскую прессу и способствовали тому, что газеты западного мира стали твердить о предстоявшем приходе к власти большевиков во главе с Троцким. Сам Рид стал поклонником Троцкого-оратора и об одном из его выступлений в эти дни писал так: «На трибуну поднялся уверенный и владеющий собой Троцкий. На его губах блуждала саркастическая улыбка, почти насмешка. Он говорил звенящим голосом, и огромная толпа подалась вперед, прислушиваясь к его словам».^[470]

Подрывные заявления следовали одно за другим. 21 октября ВРК издал обращение, написанное Троцким и адресованное гарнизону Петрограда и окрестностей, о том, что штаб Петроградского военного округа не признал ВРК, отказался вести с ним совместную работу и, таким образом, стал открытым оружием контрреволюционных сил. За этим следовали указания:

«1. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-Революционного Комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-Революционным Комитетом, недействительны...»^[471]

Так Троцкий вносил свой исключительный вклад во все большее нагнетание обстановки в Петрограде в расчете на достижение критической массы к моменту открытия съезда Советов.

Но открытая борьба за власть развернулась чуть раньше. Большевики воспользовались попыткой Керенского перейти в контрнаступление, что позволило начать бунт под видом оборонительной операции.

Второй съезд Советов и захват государственной власти

Двадцать третьего октября распоряжением правительства были запрещены «Рабочая правда» и «Известия» Петроградского совета и к помещениям редакций и типографии направлены исполнители в сопровождении отряда юнкеров.

Троцкий тут же отдал приказ направить к типографии отряды Шестого саперного батальона и Литовского полка, шедших за большевиками.^[472] Вслед за этим он написал текст приказа ВРК, под которым поставил подписи Подвойского и Антонова-Овсеенко. Документ требовал немедленно открыть типографии революционных газет и разрешить редакциям продолжать их выпуск.^[473]

Вслед за этим отряды солдат, матросов и рабочих начали занимать жизненно важные пункты города. Столица перешла в руки ВРК почти без сопротивления. Правда, у Временного правительства оставался Зимний дворец, но к нему были подтянуты вооруженные отряды, которые ожидали распоряжения, чтобы занять здание, хотя командиры опасались, как бы группы, участвовавшие в перевороте, в огромном помещении попросту не заблудились. Подготовкой к взятию Зимнего руководил Антонов-Овсеенко.

Троцкий был напряжен до предела. Он не отходил от телефона, получая все новые подтверждения, что отряды, посланные в определенные пункты, заняли их. Благоприятные сообщения позволили немного расслабиться. Он попросил у Каменева папиросу (Лев Давидович тогда курил, хотя и немного), но, едва затянувшись, потерял сознание. Произошел один из казавшихся необъяснимыми приступов. Правда, Троцкий быстро пришел в себя и тут же сообразил, что давно ничего не ел. «Во всяком случае это было не вчера».^[474] Так что, скорее всего, причиной приступа на этот раз был голод.

Вечером 24 октября в Смольном появился загримированный Ленин, который, едва войдя в штаб переворота, узнал, что он уже совершен.

На следующее утро Троцкий выступил на экстренном заседании Совета с докладом о свержении Временного правительства. Он сообщил, что отдельные министры арестованы, другие будут взяты в ближайшие часы, Предпарламент распущен, заняты важнейшие пункты города. Троцкий объявил, что следующим пунктом порядка дня будут задачи власти Советов. «Докладчиком по второму вопросу выступит тов[арищ] Ленин», — неожиданно и весьма театрально заявил он. В ответ раздались «несмолкаемые аплодисменты». Троцкий завершил доклад, провозгласив: «Да здравствует возвратившийся к нам т[оварищ] Ленин!»^[475]

По существу дела, это была сдача передовой позиции главному большевистскому лидеру, признание его первенства, отход на второй, хотя и весьма важный план. Троцкий трезво понимал, что не может рассчитывать на сохранение власти в собственных руках. Для этого ему не хватало навыков аппаратной игры, в чем непревзойденным мастером был Ленин (впрочем, Сталин через несколько лет его в этом явно превзойдет!). На роль первого лица Лев Давидович был неприемлем уже потому, что являлся новичком в большевистской партии, против лидеров которой вел длительную и острую борьбу. Наконец, он осознавал, что в силу своего национального происхождения не имеет возможности в переломный момент возглавить правительство страны, значительная часть населения которой испытывала предубеждение против евреев.

Уже в день государственного переворота между Лениным и Троцким установился своего рода *modus operandi* (способ действий). Этот факт был закреплен буквально пасторальной сценой, описанной в мемуарах Троцкого. Если не в частности, то в целом она представляется достоверной. «Поздно вечером, в ожидании открытия заседания съезда Советов мы отдыхали с Лениным по соседству с залом заседаний, в пустой комнате, где не было ничего, кроме стульев. Кто-то постлал нам на полу одеяло, кто-то — кажется, сестра Ленина — достал нам подушки. Мы лежали рядом, тело и душа отходили, как слишком натянутая пружина. Это был заслуженный отдых. Спать мы не могли. Мы вполголоса беседовали. Ленин теперь окончательно примирился с отяжкой восстания. Его опасения рассеялись. В его голосе были ноты редкой задушевности. Он расспрашивал меня про выставленные везде смешанные пикеты из красногвардейцев, матросов и солдат... Но лежать долго не пришлось. По соседству в зале открылось заседание съезда Советов».^[476]

Второй Всероссийский съезд Советов происходил в резидентуре Троцкого Смольном, где теперь разместились центральные большевистские

учреждения. Съезд продолжался три дня — 25–27 октября (7–9 ноября). Троцкий был избран в президиум. Меньшевики и эсеры энергично протестовали против уже свершившегося захвата власти большевиками, но большинство делегатов, оказавшихся под влиянием демагогических обещаний, поддержали переворот.

Не получив поддержки, меньшевики-оборонцы и эсеры покинули зал заседания. Когда они уходили, Троцкий заявил: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, это — не заговор, а восстание. Мы закаляли революционную энергию петроградских рабочих и солдат, мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор». Вслед за этими патетическими, но не имевшими ничего общего с реальностью словами, — потому хотя бы, что сам Троцкий и другие большевики еще много лет будут называть то, что произошло в Петрограде, «Октябрьским переворотом» (о «Великой Октябрьской социалистической революции» станут говорить при власти Сталина), — он зачитал проект резолюции с осуждением ухода меньшевиков и эсеров, принятой под возгласы шумного одобрения.^[477]

На съезде, однако, ходом дел владел не столько Троцкий, сколько Ленин. Он мигмом освободился от чувства оторванности, которое переживал три месяца пребывания вне Петрограда. Именно Ленин выступал с докладами о мире, о земле и вносил резолюции по этим вопросам. Первая из них способствовала развязыванию анархии на селе, нарушению экономических связей города и деревни, а затем привела к установлению кровавой «продовольственной диктатуры» большевиков. Вторая содержала предложение немедленного мира без аннексий и контрибуций всеми воюющими странами, а на деле оборотилась заключением кабального мира с Германией.

Но важнейшим был вопрос об образовании нового правительства, которому предстояло осуществлять то, что большевики именовали «диктатурой пролетариата», а на деле неизбежно должно было вылиться в господство одной партии, точнее, ее высшего руководства. Ленин был озабочен тем, как назвать новое правительство. «Только не министрами: гнусное, истрепанное название», — вспоминал Троцкий слова Ленина. Троцкий предложил ввести название «народные комиссары», а правительство именовать «Советом народных комиссаров». Ленину это понравилось, и на свет появилась новая терминология.

Ленин, естественно, стал во главе правительства. Сложнее было решить вопрос, какой пост достанется Троцкому. Вначале Ленин требовал, чтобы тот возглавил Наркомат внутренних дел, которому предстояла

«борьба против контрреволюции». Лев Давидович отклонил предложение, приведя в качестве довода национальный момент. Ленин, по словам Троцкого, «был почти возмущен»: какое значение имеют такие пустяки. Но если Ленин и демонстрировал возмущение, оно было показным. Не случайно всегда до предела упрямый Ленин на этот раз дал себя уговорить. [\[478\]](#)

В результате по предложению Ленина Л. Д. Бронштейн (Троцкий) получил пост народного комиссара по иностранным делам, [\[479\]](#) что, пожалуй, в это время в наибольшей степени соответствовало его опыту и ментальности. Начинался новый, краткий, но драматичный период его деятельности. Нефракционный социал-демократ, публицист и «объединитель» фракций РСДРП превращался в руководящего государственного деятеля высшего ранга в новом фантастическом образовании, которое не могло стать не чем иным, кроме как авторитарной властью, инструментом создания первой в мире тоталитарной системы, оказавшейся классической.

Роль Л. Д. Троцкого как главного организатора Октябрьского переворота в Петрограде признавалась в большевистской иерархии на протяжении первых семи лет после установления ее власти — до того времени, когда Лев Давидович вступил в открытый конфликт с набравшей силу сталинской группой. Сам Сталин в первую годовщину переворота писал: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой подготовкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому». [\[480\]](#)

Так, при активнейшем участии Троцкого большевики пришли к власти в огромной стране с преимущественно крестьянским населением, с разобщенным гражданским обществом, низким образовательным уровнем населения, треть которого оставалась неграмотной. Такая ситуация неизбежно порождала поляризацию группировок, гражданскую войну, что вело к установлению самовластной диктатуры лидеров нарождавшегося режима. Изначально присущий большевизму дух нетерпимости, полностью воспринятый Троцким, столь же изначально давал кровавые плоды.

Большевики пришли к власти путем переворота в Петрограде. Но они не смогли бы удержать власть, а затем установить тоталитарную систему, если бы их не поддержали широкие массы населения, надеявшиеся, что новая власть сможет «спасти отечество», которое, казалось, катится в пропасть при нерешительном Временном правительстве. Отдаваясь самой яркой эмоции — ненависти, в данном случае ненависти к богатым, стремясь выйти из кровопролитной войны, хотя бы в малейшей степени улучшить условия жизни, низшие слои населения поверили демагогической пропаганде и планам социальной инженерии «пролетарских революционеров», не имевших прямого отношения к пролетариату, но поначалу более или менее искренне веривших в свои проекты, а некоторые из них, в частности персонаж этой книги, не расставшихся с ними до конца жизни.

Лишь оцупью Троцкий пытался найти наиболее целесообразные подходы к налаживанию внешнеполитической деятельности большевистского правительства. Центр тяжести, разумеется, лежал не в дипломатической области, но Троцкий не мог не осознавать важности поддержания отношений с зарубежными странами. Даже если он сохранял уверенность в возможности международной перманентной революции в ближайшее время, то до этого его правительство должно было удержаться у власти, и дипломатическая игра могла послужить важным инструментом. Не только Троцкий, но почти все большевистские руководители лелеяли планы ускорения мировой революции, и только Ленин занимал более осторожную позицию.^[481]

В первые недели после Октябрьского переворота Троцкий действительно занимался отнюдь не только своим ведомством. Он вспоминал, что активно участвовал во всех делах Совета народных комиссаров. Его кабинет и кабинет Ленина находились в противоположных концах Смольного. Между тем общение было непрерывным. Троцкий бывал у Ленина несколько раз в день, Ленин шутливо предлагал установить связь в Смольном на велосипедах.^[482]

Акцией, не связанной с дипломатическими делами, но важной для закрепления власти большевиков, был срыв планов создания социалистического правительства без большевиков или с их меньшинством (планы однородного социалистического правительства). Последний вариант предлагался Исполнительным комитетом Всероссийского союза

железнодорожников (Викжелем). Он нашел поддержку у части руководства партии, оказавшейся у власти, но был затем решительно отвергнут Лениным и Троцким, которые вначале напряженно выжидали. Предложение о создании однородного правительства при условии невключения в него Ленина и Троцкого было выдвинуто Викжелем 29 октября. В этот же день на заседании ЦК большевистской партии, происходившем в отсутствие Ленина и Троцкого, наиболее жестко настроенных вождей, было признано возможным расширить политическую базу правительства и изменить его состав. Вести переговоры были уполномочены Л. Б. Каменев и Г. Я. Сокольников.^[483]

Но разложение войск Керенского — Краснова, которые безуспешно попытались выступить против большевистского переворота, изменило ситуацию в пользу «твердокаменных». На заседании ЦК большевиков 1 ноября был заслушан доклад Каменева о переговорах с социалистическими партиями и Викжелем. Из доклада вытекало, что умеренные партийные деятели пошли на существенные уступки, согласившись обсуждать вопрос о правительстве без Ленина и Троцкого. Троцкий выступил после Каменева с негодующей речью. Он заявил, что «партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг. Незачем было устраивать восстания, если мы не получим большинства... мы не можем уступить председательства Ленина».^[484] Выступая на этом же заседании, Ленин потребовал идти на прямой разрыв с Викжелем. Троцкий еще более усилил требование, заявив, что «нашим укрывательством и попустительским отношением к Викжелю мы придаем духу им и ослабляем себя».^[485] 1 ноября Ленин на заседании Петербургского комитета партии (местный партийный орган столицы еще назывался по старому названию города) заявил, что после того, как Троцкий убедился в невозможности союза с меньшевиками, «не было лучшего большевика».

Проводниками курса своих родных выступали и члены первых большевистских семейств, которым были предоставлены ответственные посты. Явно выражая мнение супруга и брата о поэме «Двенадцать» Александра Блока, О. Л. Каменева, руководившая театрами России в Народном комиссариате просвещения, заявила жене поэта, актрисе Любове Дмитриевне Блок, которая читала поэму с эстрады: «Стихи Александра Александровича («Двенадцать») — очень талантливое, почти гениальное изображение действительности... но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся».^[486]

О. Л. Каменева в течение некоторого времени работала также секретарем Исполкома ВЦИКа. Будущий военный консультант советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске полковник Д. Г. Фокке, побывавший в этом учреждении, отметил ее запоминающуюся внешность: «Черные, как смола, отливающие волосы, смуглое лицо восточного — я бы сказал, цыганского — типа и большие красивые глаза. Не каждый день встречаются такие женские лица, отмеченные энергией и женственной силой, умеющей подчинять и не склонной подчиняться».^[487]

На высокие государственные посты были устроены и многие другие супруги высших большевистских лидеров. Наталья Ивановна Седова — жена Троцкого — чуть позже, в июне 1918 года, была назначена заведующей отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР.^[488] О ее работе я еще расскажу.

После переворота семья Троцкого переселилась в Смольный. Ей были предоставлены две большие комнаты. Седова вспоминала, что сыновьям необходимы были осенние куртки. Купить их было невозможно, не было и материала, чтобы пошить. Мать воспользовалась плотной разноцветной вельветовой скатертью, которой был накрыт стол в их квартире. Живописные куртки мальчикам не понравились, облачались они под нажимом. Но однажды в коридоре детей увидел Ленин, остановился перед ними и заявил: «А выглядят они очень приятно!» С тех пор Лева и Сережа надевали куртки без скандала.^[489]

Становление наркомата

И все же в центре забот Троцкого находилось создание внешнеполитического ведомства, хотя он утверждал, что наркомат отнимал у него немного времени.^[490] О формировании аппарата в первые месяцы существования наркомата можно говорить с натяжкой. Почти все чиновники бывшего Министерства иностранных дел участвовали в забастовке, организованной профорганизацией чиновничества Союзом союзов.

Девятого ноября Троцкий отдал приказ по министерству о том, что служащие, которые не явятся на работу на следующий день, будут уволены с лишением прав на пенсию, а офицеры, занятые в министерстве, будут отправлены в свои части.^[491] Приказ этот любопытен своим переходным характером: в нем фигурировало министерство, а не наркомат, содержалось

обращение к «господам служащим», а о военных говорилось так, будто еще существовала боеспособная российская армия.

И все же приказ оказал воздействие на некоторых чиновников. Кое-кто из них заявил о готовности сотрудничать с большевистской властью. В их числе были опытные работники IV политического отдела Ф. Е. Петров, А. В. Сабанин, А. Н. Воскресенский, которые надеялись, что эта власть сможет приобрести цивилизованные черты. Они руководствовались соображениями патриотизма, тем более оправданного, что Россия все еще находилась в состоянии войны с Германией.^[492]

Однако подавляющее большинство чиновников центрального аппарата Министерства иностранных дел во главе с товарищами министра А. А. Нератовым и А. М. Петряевым отказались сотрудничать. Все они были уволены приказом наркома от 13 ноября 1917 года.^[493] Более того, назначенный Троцким «уполномоченный Наркоминдела в МИДе» И. А. Залкинд получил беспрецедентное право подвергать аресту сотрудников, виновных в «активной контрреволюционной деятельности».^[494] Вслед за этим начались увольнения представителей министерства за рубежом. Им предшествовала циркулярная телеграмма Троцкого от 22 ноября в зарубежные посольства России: их руководителям предлагалось немедленно сообщить о согласии проводить внешнюю политику, определенную II съездом Советов, с угрозой, что те, кто откажется, будут немедленно отстранены от работы. Почти никто не дал положительного ответа. Послы были уволены приказом Троцкого от 26 ноября 1917 года. В приказе называлось около 30 дипломатов, среди которых были такие известные деятели, как посол в Великобритании К. Д. Набоков, посол в США Г. П. Бахметьев, посол в Италии М. Н. Гире, посол в Испании А. В. Неклюдов.^[495] В результате экстремистской политики нового руководства страны, в первую очередь Ленина и Троцкого, Россия лишилась в числе множества других интеллектуальных ценностей опытных и преданных дипломатов, ставших первой группой послеоктябрьских политэмигрантов.

Одновременно Троцкий предпринимал первые меры по налаживанию большевистской дипломатической службы, опираясь вначале на Н. Г. Маркина, которого назначил своим секретарем. Он начал подбирать штат сотрудников наркомата и дипломатического корпуса. Первый опыт с использованием людей, подобных Маркину, оказался неудачным. Это были люди, умевшие оказывать силовое давление, но для дипломатического поприща необходимы были иные качества. Троцкий убедился в этом, когда поручил Маркину публикацию секретных дипломатических документов из

архивов царского и временного правительств. [\[496\]](#)

Открыв сейфы, Маркин увидел там массу бумаг с грифом «секретно». Он обрадовался, считая, что нашел то, что необходимо. Нимало не задумываясь, малограмотный матрос стал собирать все, что попадалось под руку, лишь бы на бумагах была пометка о секретности. Он мигом укомплектовал семь выпусков «Сборника документов из архива бывшего министерства иностранных дел», в которые вошли около ста случайно подобранных материалов. Существенного значения для характеристики внешней политики России перед мировой войной и в годы войны они не имели, но резко усилили враждебные чувства правительств стран Антанты к новой российской власти. Убедившись в бессмысленности дальнейшего издания документов без системы и в том, что это только причиняет вред его деятельности, Троцкий распорядился прекратить эту работу. Маркин же в 1918 году был отправлен в формировавшийся Красный флот, стал помощником командира Волжской военной флотилии и в том же году погиб в бою.

Печальный пример безграмотной публикации дипломатических документов способствовал тому, что Троцкий постепенно начал приобретать опыт государственной деятельности, понимая, что «революционного инстинкта», разрушительной энергии для решения правительственных задач недостаточно. Необходимо было привлечение к работе квалифицированных сотрудников, хорошо знакомых с западной и восточной культурой, владевших языками, умевших схватывать мысль участника переговоров и аргументированно отвечать. У Троцкого вырабатывалось уважительное отношение к «спецам», которое вскоре проявится еще ярче в руководстве военными делами.

Пока же Лев Давидович не испытывал особых затруднений в комплектовании штата руководящих работников своего ведомства и представителей за рубежом. Квалифицированных людей было немало среди бывших российских эмигрантов, и Троцкий приложил усилия, чтобы «заполучить» их в свой наркомат. В штат Наркоминдела вошли известные большевики В. В. Воровский, М. М. Литвинов, Л. М. Карахан, А. А. Иоффе. Однако наиболее ценным приобретением был Георгий Васильевич Чичерин.

Родившийся в 1872 году, Г. В. Чичерин был племянником известного юриста и историка Б. Н. Чичерина. Получив образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета, младший Чичерин служил в архиве Министерства иностранных дел, получил чин титулярного советника, работал в посольстве в Берлине. В 1905 году он

вступил в РСДРП, примкнув к меньшевикам, был уволен со службы и остался в Германии, затем жил во Франции и Великобритании. В 1912 году он поддержал «Августовский блок» как путь к восстановлению единства РСДРП. В годы мировой войны Чичерин был сотрудником газеты «Наше слово», что закрепило его близость к Троцкому. В августе 1917 года за антивоенную деятельность он был арестован британскими властями. Став наркомом, Троцкий два месяца вел переписку с британскими чиновниками по поводу его освобождения, угрожал ответными репрессиями.^[497] 22 ноября представитель посла Великобритании явился к Троцкому в наркомат для урегулирования вопроса об освобождении Чичерина и о выезде граждан Великобритании из России. В официальном сообщении указывалось, что предполагается урегулирование вопроса в скором времени.^[498] Действительно, в начале января Чичерин прибыл в Петроград, был назначен заместителем наркома иностранных дел и стал в наркомате главной опорой Троцкого, занятого массой других дел.^[499]

Троцкий привлекал в свое ведомство все новых сотрудников. К январю 1918 года штат наркомата составлял около двухсот человек. Были образованы отделы сношений со странами Запада, Востока, экономический и правовой отделы, отделы виз, военнопленных, денежных ссуд и переводов (для помощи в возвращении на родину), отдел печати, хозяйственный отдел, а затем и отдел дипкурьеров.^[500]

Первые международные контакты

Сам нарком то ли по своей воле, то ли по просьбе иностранных дипломатов время от времени принимал зарубежных представителей, в большинстве случаев производя на них относительно благоприятное впечатление. Первым из иностранных официальных лиц посетил Троцкого начальник американской военной миссии генерал Джэдсон. Встреча состоялась 18 ноября 1917 года и носила толерантный характер. Генерал предупредил, что не имеет возможности говорить от имени правительства США, так как признание советской власти не произошло, но явился, чтобы завязать отношения. Троцкий разъяснил политику правительства Ленина «в деле борьбы за общий мир».

Нарком требовал полной гласности всех переговоров. Джэдсон, в свою очередь, сказал: «Время протестов и угроз по адресу Советской власти прошло, если вообще это время существовало».^[501] Эту беседу Троцкий

прокомментировал так: «Но известно, что одна ласточка, даже в чине генерала, не делает весны»,^[502] — имея в виду, что вскоре европейские страны и США начали активную помощь врагам Советов в ходе Гражданской войны.

Нельзя забывать, однако, что именно правительство Ленина и лично Троцкий были главными инициаторами резкого ухудшения отношений со странами Антанты. Обращаясь к народам этих стран через головы правительств, они призывали начать революцию, а затем заключили сепаратный мир с центральными державами, то есть дали возможность Германии сосредоточить военные усилия на Западном театре военных действий.

Такое ухудшение отношений проявилось уже в декабре 1917 года. Вначале состоялось свидание Троцкого с французским послом Жозефом Нулансом, который, как Троцкий пишет, «склонился к режиму колючей проволоки». Вскоре произошло «отнюдь не дружественное объяснение» с начальником французской военной миссии генералом Нисселем, которому Троцкий даже предложил покинуть Смольный. Затем вспыхнул конфликт в связи с тем, что французское информационное бюро стало публиковать данные, неугодные большевистской власти. По требованию Троцкого бюро было закрыто.^[503]

Одновременно с этим Троцкий делал попытки предотвратить распад Российского государства. Хотя большевики провозгласили лозунг самоопределения наций вплоть до образования самостоятельных государств, но использовали его как уловку с целью прикрыть реальный курс власти, становившейся на позиции «государственничества».

Положение Троцкого в этих условиях было особенно чувствительным. С одной стороны, он был автором концепции перманентной революции и должен был выступать отнюдь не за отделение от России государств, а, наоборот, за объединение под советскими лозунгами все новых стран, исходя из его идеи создания социалистических Соединенных Штатов Европы. С другой стороны, положение наркома требовало дипломатических ухищрений и своеобразного политеса в проведении политики, которая оказывалась в итоге попросту великодержавной и агрессивной.

Первым испытанием стали взаимоотношения с Украиной. В этой важнейшей части бывшей Российской империи к осени 1917 года созрело мощное национально-освободительное движение, во главе которого стояли национальные партии, в основном тяготевшие к умеренно-

социалистическим установкам. Еще в марте 1917 года в Киеве была образована Украинская Центральная рада, которая затем превратилась в фактический парламент, провозгласивший создание Украинской народной республики (УНР).

Эта ситуация не устраивала Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров не только потому, что Украина отделилась от России, но и вследствие того, что во главе УНР встали «реформисты», причем «националистической ориентации». В декабре 1917 года в Харькове большевики созвали Всеукраинский съезд Советов, провозгласивший Советскую республику. Было начато наступление на Киев, захваченный накануне Нового года, а Центральная рада эвакуировалась в Житомир.

На протяжении двух месяцев, когда развивался конфликт с Центральной радой, Троцкий как нарком иностранных дел прилагал усилия, чтобы под видом признания права на самоопределение Украины подготовить ее аннексию. 4 декабря Раде было направлено послание Совнаркома, написанное совместно Троцким и Лениным.^[504] Формально признавая УНР независимым государством, они в то же время обвиняли Раду в проведении «двусмысленной буржуазной политики», выразившейся, в частности, в непризнании советской власти на Украине! Это поистине анекдотическое обвинение, означавшее сочетание формального признания с требованием капитуляции, дополнялось другими, столь же нелепыми: украинским властям предъявлялись претензии, что они разоружают советские войска, поддерживают белогвардейские заговоры, отзывают с фронтов украинские части в пределы республики. Перед Радой ставились ультимативные требования, невыполнение которых вело к «состоянию открытой войны против Советской власти в России и на Украине».^[505]

Рада дала немедленный ответ, обещая уладить конфликт миром при условии невмешательства Совнаркома России в дела УНР, удовлетворения требования об украинизации ряда воинских частей и вывода их с других фронтов в пределы Украины, разрешения вопросов, связанных с заключением мира, при участии республики.^[506]

Учитывая крайнюю нестабильность положения советского правительства, Троцкий с согласия Ленина пошел на уступки, ответив, что «действительным предметом конфликта является только поддержка Радой буржуазной кадетско-калединской контрреволюции». Отказ от таковой означал бы возможность достижения соглашения с Радой.^[507] Это

заявление было, однако, маскировкой подготавливавшегося наступления на Киев.

Наряду с этими внешнеполитическими делами с первых недель пребывания на должности наркома Троцкий уделял основное внимание проблеме выхода России из войны, то есть реализации лозунга, который был одним из главных, обеспечивших приход большевиков к власти. Развитие событий в этом направлении привело к первому серьезному кризису большевистской власти, и Троцкий оказался в центре этого кризиса.

Глава 4

БРЕСТСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И МИР

Начало переговоров

Представители новой власти, прежде всего Ленин и Троцкий, отлично понимали, что Россия не в состоянии продолжать участие в мировой войне. При разложившейся в ходе революционных событий армии жизненно важно было как можно скорее добиться выхода из войны. В то же время лозунг, требующий мира без аннексий и контрибуций, был обращен не к правительствам воюющих стран — явно неприемлемый для них, — а к крайне уставшему от войны населению. Цель состояла в том, чтобы попытаться революционизировать массы, обеспечить их поддержку «социалистическим» преобразованиям, которые якобы намечались в России, и тем самым закрепить свою власть.

Внешнеполитический курс большевистского правительства в первые месяцы его существования в основном соответствовал концепции перманентной революции. Большевики не рассчитывали сохранить власть надолго в условиях изоляции от внешних событий. Их главной задачей было попытаться развязать выступления низов в Европе, превратить их в вооруженные бунты. Только в случае европейской революции Ленин и Троцкий надеялись сохранить власть. В то же время Троцкий не придавал своим предложениям прямо ультимативного характера: в противном случае западные державы могли просто отказаться вести переговоры о мире, жизненно важном для России. [\[508\]](#)

8 ноября 1917 года нарком разослал послам стран Антанты ноту, в которой обратил их внимание на текст обращения к народам и

правительствам воюющих стран о перемирии и мире без аннексий и контрибуций, принятого II съездом Советов, и просил рассматривать его как предложение немедленного мира.^[509]

Формально не отказываясь от возможности участия в переговорах с представителями союзных с Россией стран, хотя надежды на это были минимальными, правительство Ленина вступило на путь сепаратных переговоров с Германией и другими государствами Четверного союза (Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией). Ленин, Троцкий и нарком по военным делам Н. В. Крыленко потребовали от исполнявшего обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина предложить командованию неприятельских армий немедленно прекратить военные действия и начать мирные переговоры.^[510] Последний отказался выполнить распоряжение, был отстранен от руководства армией и в результате большевистских подстрекательств убит солдатами. Верховным главнокомандующим был назначен Крыленко, который начал переговоры с представителями германского и австро-венгерского командования.

Правда, Ленин и Троцкий еще пытались продемонстрировать стремление к всеобщему миру. По их просьбе начало официальных переговоров с Германией и ее союзниками было отложено на пять дней, чтобы дать возможность правительствам стран Антанты определить свои позиции.^[511]

Истощенные войной Германия и ее союзники сочли момент благоприятным, чтобы попытаться вывести Россию из войны на выгодных для себя условиях и создать перспективы победы на Западе. Это было продолжение курса использования российских антивоенных сил, в частности большевиков, в качестве агентов влияния, который Германия проводила с начала войны.

Двадцатого ноября начались переговоры в городе Брест-Литовске, находившемся в руках немцев. Советской делегацией руководил Л. Б. Каменев (германской — генерал М. Гофман).

22 ноября была достигнута договоренность приостановить военные действия. В переговорах был объявлен перерыв для уточнения позиций сторон перед подписанием перемирия. Второй тур Брестских переговоров начался 30 ноября. На этот раз советскую делегацию возглавлял ближайший сотрудник Троцкого А. А. Иоффе, хотя в делегацию входили Л. Б. Каменев и другие лица, а также военные консультанты и случайные люди в качестве «представителей трудящихся».

В день возобновления переговоров Троцкий выступил с небольшой

статьей «Борьба за мир. К мирным переговорам», где заострил внимание на ответственности за сепаратный характер переговоров правительств тех стран, которые «продолжают скрывать от своих и чужих народов те цели, во имя которых должна продолжаться война». Статья все еще содержала надежду на активные выступления социалистических партий, подписание договора о мире «самими народами», что означало бы свержение существовавших правительств.^[512]

Второго декабря в Брест-Литовске было подписано перемирие между Россией и государствами Четверного союза на 28 дней — с 4 декабря по 1 января 1918 года.^[513] В течение этого срока предполагалось подписать мирный договор.

Переговоры о его заключении (то есть третий этап Брестских переговоров) начались 9 декабря. На этот раз со стороны центральных держав они велись на уровне не только представителей военного командования, но и министров иностранных дел. Председательское место занял глава германской делегации Рихард фон Кюльман.

Готовясь к новому этапу, большевистское руководство исходило из реальной уступки, сделанной немцами, — отказа от переброски войск на Запад. Она рассматривалась как свидетельство того, что Кюльман будет не в состоянии оказывать противодействие революционной агитации в германской армии. Троцкий говорил по этому поводу: «Когда генерал Гофман протестовал против распространения нами литературы в немецких окопах, наша делегация ответила: мы говорим о мире, а не о способах агитации (! — Г. Ч.). И мы заявили ультимативное требование, что не подпишем мирного договора без свободной агитации в германской армии».^[514] Уступки немцев были временными, но создавали у большевистского руководства иллюзию в реальной достижимости его целей.

Готовясь к новому этапу переговоров, Троцкий продолжал нагнетать революционную риторику. В речи, произнесенной 8 декабря на объединенном заседании Совнаркома, ВЦИКа, Петроградского совета и других организаций, он не исключал вынужденного отказа от революционной войны, оставляя открытым вопрос о сохранении большевистской власти, намекая на ее вероятную потерю: «Если же мы в силу хозяйственной разрухи воевать не сможем, если мы вынуждены будем отказаться от борьбы за свои идеалы, то мы своим зарубежным товарищам скажем, что пролетарская борьба не окончена, она только отложена».^[515] Эта позиция не противоречила его концепции перманентной революции, не исключавшей временных поражений, новых подготовительных этапов на

пути к международной победе. Лишь постепенно Троцкий, вслед за Лениным, начинал смещать акценты. Не отказываясь от распространения революции на Запад и Восток, он начинал выдвигать на первый план необходимость сохранения большевистской, а следовательно, собственной власти в качестве главной задачи.

Между тем на переговорах в Бресте Иоффе и другие члены делегации продолжали пропагандировать всеобщий демократический мир. 12 декабря министр иностранных дел Австро-Венгрии Оттокар Чернин представил коллективный ответ делегаций стран Четверного союза, который формально давал согласие на заключение мира «без насильственных присоединений и без контрибуций», однако оговорка сводила это принципиальное положение на нет. Такой мир мог быть осуществлен, говорилось в ноте, если бы все участвовавшие в войне державы обязались соблюдать эти условия.^[516]

По требованию советской делегации в переговорах был объявлен десятидневный перерыв, и Иоффе возвратился в Петроград для консультаций. Перерыв был использован для очередной агитационно-пропагандистской кампании с целью представить в самом черном свете правительства как центральных держав, так и стран Антанты. Ведущую роль в ней играл Троцкий.

Семнадцатого декабря он разослал очередное обращение к народам и правительствам стран Антанты и США, призвав их принять участие в мирных переговорах, хотя было очевидно, что об этом речь уже не могла идти. Именно поэтому Троцкий облек ноту в ультимативные, порой наглые тона, рассматривая ее не как дипломатический, а как подрывной документ: «Если же союзные правительства в слепом упорстве, которое характеризует падающие и гибнущие классы, снова откажутся от участия в переговорах, тогда рабочий класс будет поставлен перед железной необходимостью вырвать власть из рук тех, которые не могут или не хотят дать народам мир».^[517] В итоге дело всеобщего мира действительно оказалось сорванным, но по вине не «империалистов», а всех сторон, в немалой степени в результате неконструктивных, порой провокационных действий большевистского руководства, прежде всего самого Троцкого.

Ленину, Троцкому и другим руководителям приходилось теперь принимать принципиальное решение: затягивать переговоры в расчете на изменения в ходе войны, которые позволили бы России добиться более благоприятных условий (идеальным вариантом мог быть революционный взрыв, но на него полагаться было трудно), или прервать дебаты, взяв курс

на революционную войну. В результате было принято решение продолжать переговоры, затягивая их и одновременно ведя агитацию за революционную войну.^[518]

Для продолжения переговоров был утвержден новый состав делегации, куда вошли помимо полноправных членов также военные консультанты и консультанты по национальным вопросам. На этот раз делегацию возглавил сам нарком по иностранным делам. Судя по воспоминаниям Троцкого, Ленин, все еще надеясь уклониться от неравноправного договора, определил его главную миссию словами: «Для затягивания переговоров нужен затягиватель».^[519]

Троцкий в Бресте

Сохранилось множество свидетельств о том, с каким энтузиазмом демонстрировал Троцкий в Бресте свои ораторские и полемические способности, производя немалое впечатление на всех участников. По утверждению Троцкого, Ленин был удовлетворен его поведением. В набросках для ленинской биографии Троцкий писал: «Он был очень доволен ведением переговоров — агитационным и «затягиванием» их — и обнаруживал это в свойственной ему скупой, я бы сказал застенчивой, но тем более выразительной форме».^[520] Со своей стороны, генерал А. А. Самойло вспоминал, что «на заседаниях Троцкий выступал всегда с большой горячностью, Гофман не оставался в долгу, и полемика между ними часто принимала острый характер», переговоры «выливались, главным образом, в ораторские поединки между Троцким и Гофманом».^[521]

Со своей стороны австро-венгерский министр иностранных дел О. Чернин сделал запись в дневнике 25 декабря (7 января) о следовании русских во главе с Троцким на переговоры, о том, что на станциях русскую делегацию ожидали депутаты от солдат, требуя мира. «Троцкий отвечал всем в высшей степени искусно и дружелюбно, но это на него производило все более подавляющее впечатление».^[522] Через два дня Отгокар Чернин смог уже судить о Троцком как о дипломате, сопроводив, впрочем, свою оценку антисемитским намеком: «Троцкий, несомненно, интересный и ловкий человек и очень опасный противник. У него совершенно исключительный ораторский талант, быстрота и находчивость реплик, которые мне редко приходилось наблюдать, и при этом редкая наглость, соответствующая его расе».^[523]

Троцкий заявил, что он не принимает протеста генерала Гофмана по поводу большевистской агитации среди германских солдат, так как условия переговоров «не ограничивают свободы печати и свободы слова ни одной из договаривающихся сторон», и он не видит повода для протеста против того, что власти Четверного союза распространяют среди русских солдат и военнопленных германские издания.

Возглавив делегацию в Бресте, Троцкий почти отстранил от переговоров остальных делегатов. Это не ускользнуло от внимания Чернина, который записал: «Они (члены советской делегации. — Г. Ч.) все трепещут перед Троцким и на заседаниях в присутствии Троцкого никто не смеет рта открыть».^[524]

Если раньше члены советской делегации часто проводили свободное время с делегатами других стран, обедали с ними в офицерской столовой, то после прибытия наркома положение изменилось. Делегаты стали вести замкнутый образ жизни, не общались с представителями стран Четверного союза. Еду им подавали отдельно.^[525] Советские делегаты были лишены и небольшого удовольствия, которым пользовались до приезда Троцкого, — прогулок на немецком автомобиле по окрестностям. Воспользовавшись тем, что К. Радек сделал выговор немецкому шоферу, опоздавшему подать машину, Троцкий запретил прогулки.^[526]

Впрочем, на себя эти ограничения Троцкий не распространял. Он встречался с руководителями делегаций в неофициальной обстановке. Чернин вспоминал, что как-то он рассказал о своей беседе с В. Адлером об оставшейся в Вене библиотеке нынешнего советского наркома. Чернин предложил организовать доставку этой библиотеки Троцкому, и тот дал согласие.^[527] Троцкий действительно получил венскую библиотеку и передал ее «одному из научных учреждений Москвы».^[528]

В то же время нарком искусно исполнял роль «затягивателя переговоров». Между ним и фон Кюльманом происходили длительные споры по поводу полномочий делегации УНР. Продолжались утомительные дискуссии о статусе российских территорий, находившихся под германской оккупацией при формальном признании их суверенитета. Троцкий заявлял, что российское правительство не может считать выражением воли населения заявления, сделанные «привилегированными группами» в условиях оккупации.

Фокке так запомнил Троцкого во время его выступлений, которые звучали искренне и отнюдь не производили впечатления затягивания переговоров: «Этот опасный энтузиаст, с горящими злым блеском темными

глазами и профилем Мефистофеля,^[529] говорил как бы перед открытым окошком, бросая даже из обложенного германскими штыками и осадными строгостями Бреста опасный посев доноса народам на преступную и своекорыстную опеку их правительств».^[530]

Троцкий брал слово по каждому вопросу, произносил длинные речи, останавливался на мелочах, вступал в ожесточенный спор по любому поводу, часто ставя партнеров в тупик. Например, когда Кюльман неосторожно пообещал, что в том случае, если англичане уйдут из Персии, там не останется ни один турецкий солдат, Троцкий тотчас ухватился за эти слова. «Если возникает вопрос в такой широкой постановке, — воскликнул он, — то пришлось бы возбудить вопрос о некоторых других нейтральных странах, например, о Бельгии».^[531]

Открыто издеваясь над партнерами по переговорам, Троцкий призывал их ускорить работу, требуя все новых ответов на поставленные вопросы, превращая дискуссию в заколдованный круг. Мирная конференция превращалась в затяжные, бесплодные споры, на которые и рассчитывал Троцкий. Он все глубже погружался в псевдотеоретические рассуждения и сомнительные аналогии вплоть до случаев из истории борьбы населения Аннама (части Индокитая) против французских колонизаторов.

Долго эта трагикомическая ситуация продолжаться не могла, и Троцкий это отлично понимал. Составители 17-го тома сочинений Троцкого обнаружили в архиве записи разговоров «по прямому проводу». Троцкий информировал Ленина о том, что переговоры в Бресте подходят к критическому моменту, грозящему разрывом, на что поступили два ответа: «Сейчас приехал Сталин; обсудим с ним и сейчас дадим вам совместный ответ», а вскоре после этого: «Передайте Троцкому: просьба назначить перерыв и выехать в Питер. Ленин, Сталин».^[532] Эти документы свидетельствуют о том, что Сталин постепенно выходил из тени, где пребывал на протяжении 1917 года, и начинал оказывать определенное влияние на решения Ленина. Во всяком случае, Ленин стремился продемонстрировать близость к нему наркома по делам национальностей. Эти записки являлись первым симптомом той опасной игры, которую затеял Ленин, — использования конфликтов между Троцким и Сталиным, чтобы держать обоих не просто в узде, а равноудаленными от себя. Подходило к концу то непродолжительное время, когда Ленин считал Троцкого наиболее приближенным к себе деятелем.

Одна из причин такого поворота — тот факт, что Троцкий слишком уж рьяно выполнял ленинское требование о затягивании переговоров, ставя их

на грань провала. Именно для того, чтобы определить грань, за которую не следовало переходить, Ленин — совместно со Сталиным — приглашал Троцкого приехать в Петроград. Записки «по прямому проводу», недатированные, скорее всего, относились к 3 или 4 (16 или 17) января 1918 года.

Однако 18 января произошло неожиданное событие, и без того вызвавшее перерыв в переговорах и отъезд Троцкого в Питер. Германская делегация предъявила ультиматум, потребовав проведения демаркационной линии, по сути дела границы, отрезавшей от России ее территории. Частью ультиматума была карта, которую выложил на стол Гофман, сопроводив это заявлением, что проведенная на ней линия обеспечивает самоопределение территорий, находящихся к западу от нее. «Линия Гофмана» отрезала от бывшей Российской империи Польшу, Литву, острова Балтийского моря, части Украины и Белоруссии.

По требованию Троцкого был объявлен перерыв, и советская делегация выехала в Петроград. Впрочем, по дороге Троцкий на день заехал в Варшаву, чтобы «собственной кожей» ощутить ситуацию в Польше, на революционное движение в которой возлагались почти такие же надежды, как на революцию в центральных державах. В его честь был устроен митинг социалистов и националистически настроенных центристов, а левые социалисты, которые вскоре провозгласят себя коммунистами, преподносили букеты цветов со спрятанными в них записками, содержащими просьбы о помощи.

Не забывая о своей семье, Лев Давидович попросил у представителей немецких властей комплект германских оккупационных марок (то есть знаков почтовой оплаты с надпечатками, к какой оккупированной области они относятся) для сына, который стал филателистом. Соответствующий презент был сделан любезными хозяевами, отлично знавшими о конфликтах в Бресте, но не распространявшими их на отношения с оказавшимся на подведомственной им территории иностранным государственным деятелем.^[533]

Партийно-политический кризис и его итоги

В преддверии появления германского ультиматума у Троцкого начинала вызревать идея прекращения переговоров, которую он высказал в письме Ленину от 2 (15) января 1918 года. Это письмо не сохранилось, но о его содержании Троцкий подробно рассказал в брошюре о Ленине.

Троцкий был убежден, что вести войну с Германией и ее союзниками Россия не могла, ибо армия находилась в состоянии развала, но идти на подписание неравноправного сепаратного мира России не следовало, тем более в условиях, когда по всему миру, включая Германию, «ходили настойчивые слухи, что большевики подкуплены германским правительством».^[534] Нарком полагал, что необходимо представить миру, прежде всего «рабочим Европы», доказательство смертельной враждебности между Советской Россией и кайзеровской Германией. Отсюда вытекала формула: «Войну прекращаем, но мира не подписываем».

По приезду Троцкого в Петроград между ним и Лениным начались долгие беседы о позиции России на переговорах после их возобновления. Ленин в принципе не отвергал предложения Троцкого, но выражал скептицизм. А если генерал Гофман все же будет в состоянии возобновить войну? — спрашивал он Троцкого. Последний отвечал, что в этом случае Россия будет вынуждена подписать мир, ибо не окажется другого выхода. Этим, однако, будет нанесен удар по легенде о связи большевиков с Гогенцоллернами.^[535]

В плане Троцкого содержалась доля авантюризма. Ведь можно было предположить, что если немцам удалось бы возобновить наступление, новые условия мирного договора оказались бы еще более неблагоприятными для России, нежели «линия Гофмана». В то же время позиция Троцкого вполне вписывалась в концепцию перманентной революции, как в оптимистическом (развязывание европейской революции), так и пессимистическом (временное поражение революции в России и восстановление в ней буржуазного режима) вариантах. Позиция «ни мира, ни войны» в то же время лишала правительства стран Антанты формальных оснований для вмешательства в российские дела под предлогом измены советского правительства делу союзников. Наконец, эта позиция могла несколько сгладить противоречия, назревавшие как в правящей большевистской группировке, так и между частью этого руководства и союзной партией левых эсеров. Так что позиция Троцкого отнюдь не была предательской; в ней имелась некоторая последовательность. Ленин был осторожнее. Он не вступал в прямой спор с Троцким, понимая преимущества его формулы, но ставил во главу угла не эфемерные планы европейской революции, а сохранение большевистской власти и собственное положение вождя.

На заседании ЦК 11 января Ленин отстаивал необходимость

подписания «похабного» договора. Он спорил с левыми коммунистами, выступавшими за революционную войну, и большое внимание уделил позиции Троцкого. Судя по секретарской записи, полемика с Троцким была непоследовательной. С одной стороны, Ленин называл позицию наркома «интернациональной политической демонстрацией», с другой — признавал, что «мы делаем поворот направо», что «мы... предаем самоопределяющуюся Польшу», что японцы и американцы могут воспользоваться подписанием договора, чтобы завладеть Владивостоком, а затем даже дойти до Иркутска. И все же, настаивал Ленин, это «не слишком дорогая цена». Подробно свою точку зрения вновь обосновал Троцкий. Революционную войну он считал нереальной. «Армию необходимо распустить, но распустить армию — не значит подписать мир». В новом выступлении Ленин пытался подыгрывать «и нашим, и вашим», заявив, что он не во всем согласен со своими сторонниками Сталиным и Зиновьевым, но не упомянул о позиции Троцкого. В конце концов Ленин поставил на голосование лишь предложение о возобновлении курса на затягивание переговоров. Хотя было очевидно, что это нереально, за него проголосовали 12 человек, а воздержался один (можно предположить, что это был Троцкий). Он же потребовал голосования по формуле: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». Хотя она противоречила ленинской, за нее проголосовало девять человек, против — семь.^[536] Иначе говоря, часть из тех, кто только что голосовал за предложение Ленина, проголосовала теперь и за предложение Троцкого, противоречившее первому. Это было свидетельство кризисного состояния большевистских верхов, растерянности в их среде.

Внутрипартийное положение все более обострялось, ставя под угрозу сами властные органы. Троцкий же вновь выехал в Брест. Там 17 (30) января 1918 года были возобновлены переговоры. Приступая к их заключительному этапу, нарком должен был считаться с тем, что ситуация для советского правительства существенно ухудшилась в связи с разгоном Учредительного собрания 5(18) января. Перед этим германские аналитики не исключали, что в случае, если Учредительное собрание России возьмет в свои руки власть, вероятной была бы попытка возобновления военных действий вместе со странами Антанты. «Разгон же Учредительного Собрания означал для немцев нашу очевидную готовность к прекращению войны какой угодно ценой».^[537]

Поначалу Троцкий пытался продолжать затягивание переговоров. Немцы совместно с австрийцами также как будто забыли о «линии

Гофмана» и дали завлечь себя в бесплодные прения. Причина была ясна: одновременно велись германские переговоры с украинской Центральной радой о мирном соглашении. Договоренность о нем была достигнута 27 января (9 февраля).^[538] Тотчас после этого фон Кюльман потребовал от Троцкого немедленного ответа на предъявленные перед перерывом условия мира.

На вечернем заседании 28 января (10 февраля) Троцкий заявил о разрыве переговоров. Он зачитал декларацию: «Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, с своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту».^[539]

Оглашение декларации произвело впечатление разорвавшейся бомбы. «Безмолвно сидело все собрание, выслушав эти странные и столь дико звучащие слова».^[540] Придя в себя, Кюльман спросил, намерено ли правительство РСФСР объявить, где в точности проходит его граница и согласно ли оно возобновить торговые и правовые отношения, которые соответствовали бы состоянию мира. Иначе говоря, со свойственной традиционной дипломатии правовой тенденцией, он просто не мог понять, что означает объявленная формула, и пытался найти выход из создавшегося положения.

Троцкий же воспринял слова Юольмана как выражение нежелания возобновлять войну с Россией и еще более усилил натиск. Не отвечая на вопрос германского делегата, он извратил его смысл, заявив, что тот, мол, и впредь собирается опираться на помощь пушек и штыков.^[541] На предложение Кюльмана созвать назавтра пленарное заседание, то есть спасти переговоры, Троцкий ответил, что российская делегация исчерпала свои полномочия и возвращается в Петроград.

Троцкий действительно поступал вопреки мнению Ленина, считавшего необходимым подписать «похабный» мир. Но позиция наркома не противоречила решению ЦК большевиков. Так что никакого «предательства» с его стороны не было. Сам же Ленин продолжал юлить. Перед вторым отъездом Троцкого в Брест устно он убеждал его держаться до последнего, а затем сдать позиции. Но со стороны Ленина это было грубым нарушением партийной дисциплины, за которую он всегда так

ратовал, правда, применительно к другим. Тот факт, что Троцкий действовал в соответствии с решениями ЦК большевистской партии, признавал ряд делегатов Седьмого съезда партии, состоявшегося в марте 1918 года. Зиновьев, например, говорил: «Тов. Троцкий по-своему прав, когда сказал, что действовал по постановлению правомочного большинства ЦК. Никто [этого] не оспаривал».^[542]

Тем временем возвращение Троцкого в Петроград было встречено вначале с энтузиазмом. Лишь немногие большевистские деятели, и Ленин в первую очередь, не разделяли оптимистического мнения, что немцы не смогут наступать и вынуждены будут примириться с его акцией. Позицию Троцкого поддержали Петроградский совет, а затем и ВЦИК.^[543] Но оказалось, что надежды наивны. В то время как некоторые германские деятели, в частности Юльман, считали целесообразным найти новые подходы к сохранению перемирия на Восточном фронте, военное руководство придерживалось иного мнения. Верх одержали военные. 16 февраля германское командование объявило о возобновлении военных действий.

Создавалось совершенно новое положение, чреватое свержением большевистской власти. 17 февраля состоялось заседание ЦК, протокол которого не сохранился, но осталась таблица голосования, свидетельствующая о том, что вносилось множество предложений. Вначале поступило предложение (видимо, Ленина) немедленно предложить Германии вступить в новые переговоры для подписания мира. За него проголосовали пять человек (в том числе Сталин), против — шесть, включая Троцкого. За революционную войну не высказался никто. Голосование по предложению выжидать, «пока не проявится германское наступление и пока не обнаружится его влияние на рабочее движение», дало те же результаты, что и по первому вопросу (Троцкий оказался с Лениным на противоположных позициях).^[544]

Действительно, 18 февраля 1918 года германские войска начали наступление и быстро продвигались к Двинску. В этот день состоялись два заседания ЦК большевиков. На утреннем заседании Троцкий сообщил о поступлении опасных сведений: германские аэропланы появились над Двинском, ожидается вражеское наступление на Ревель (Таллин). И все же Троцкий пока был против посылки немцам телеграммы с предложением мира, еще надеясь на «серьезный взрыв» в Германии. Ленин же вновь высказался за немедленное предложение мира.^[545]

На вечернем заседании, однако, Троцкий изменил свою позицию под

влиянием новых угрожающих данных о том, что немцы заняли Двинск. Вначале нарком предлагал только запросить Берлин и Вену — чего они требуют? — но в ходе прений склонился к призыву Ленина обратиться к немцам с предложением о немедленном мире. За это предложение голосовали семь членов ЦК, включая Ленина и Троцкого, против — пять, воздержалась Е. Д. Стасова. Текст обращения поручено было выработать Ленину и Троцкому.^[546]

Соответствующая радиограмма была направлена германскому командованию в ночь на 19 февраля. Немцы затягивали ответ (в это время их войска продолжали наступать) и только 23 февраля предъявили новые, значительно более тяжкие условия мира.

20 февраля Троцкий написал записку Ленину:

«Я считаю, что я «уплатил по векселю» — и притом без просрочки. Когда я отстаивал неподписание, я доказывал, что нужно, чтобы всем было ясно, что мы не можем не подписать: нужно немецкое наступление. Разумеется, сейчас положение острее, чем три нед[ели] тому назад. Но этот вопрос уже не исчерпывается формальной «уплатой по векселю», — и я его снова поднимать не буду.

Я считаю, что мы вчера сделали ложный шаг (речь идет об упомянутой радиограмме. — Г. Ч.). Но отстаивать дальше свою политику я не мог, имея против себя половину ЦК с Вами во главе. Я слагаю с себя звание ком[иссара] по иностр[анным] делам. Само собою разумеется, что с моей стороны исключена возможность каких бы то ни было шагов, которые могли бы нарушить единство наших действий».^[547] В этот же день Троцкий направил в Совнарком прошение об отставке, так как политика, которую он проводил, «не дала тех результатов, которые многие из нас ожидали от этой политики».^[548]

На заседании ЦК 23 февраля германские предложения были приняты. Еще одно заседание состоялось на следующий день. Рассматривался состав новой делегации. Вопрос о поездке Троцкого теперь не стоял и в связи с тем, что он стал одиозной для немцев фигурой, и по причине его просьбы об отставке. Главой делегации был назначен Г. Я. Сокольников. На заседании разгорелась дискуссия в связи с заявлением Троцкого об отставке. Я. М. Свердлов предложил пока не обсуждать этого вопроса, Зиновьев убеждал остаться наркомом до подписания мирного договора. Сталин не без лукавства заявил, что он «ничего не предлагает, но говорит о той боли, которую он испытывает по отношению к товарищам. Его поражают быстрота и натиск их, когда они прекрасно знают, что их некем

заменить, и ставит вопрос, зачем они это делают».^[549] В дополнение Сталин разъяснил, что «не делает ни тени упрека Троцкому, но оценивает момент как кризис власти».

Примерно в таком же духе продолжались прения и дальше. Торг, в какой форме Троцкий уйдет с поста наркома (более того, он заявил, что не будет участвовать в работе Совнаркома и ВЦИКа), завершился принятием резолюции: «ЦК, выслушав заявление тов. Троцкого, вполне мирясь с отсутствием тов. Троцкого во время решений в Совете Народных Комиссаров по иностранным делам, просит тов. Троцкого не отстраняться от других решений».^[550] 13 марта 1918 года было вынесено постановление Совнаркома: «Товарища Троцкого согласно его ходатайства освободить от должности народного комиссара по иностранным делам. Временным заместителем народного комиссара по иностранным делам назначить товарища Чичерина».^[551]

Ленин продолжал ценить Троцкого как одного из наиболее талантливых организаторов, Троцкий не претендовал на высший партийно-государственный пост. Вскоре он получил новую, исключительно ответственную должность наркома по военным и морским делам. Но с послебрестовских дней он уже не был вторым большевистским вождем. Ленин и тем более окружавшие его теперь функционеры вновь начинали смотреть с опаской на бывшего руководителя внешнеполитического ведомства как на рьяного поджигателя европейской перманентной революции, тогда как сами они стремились полностью закрепиться у власти в России и действовать в зависимости от обстоятельств.

Ю. Г. Фельштинский назвал свою монографию о Брестском мире и комплексе событий, связанных с ним и вытекавших из него, «Крушение мировой революции».^[552] Подписание Брестского мира 3 марта 1918 года было действительно подлинным началом краха мировой, прежде всего европейской революции, на которую так отчаянно надеялся Троцкий.

Позже временами возникали новые надежды на революционные взрывы, но все они завершались провалами. Марионеточные коммунистические партии, которые большевистское руководство насаждало, тратя на это огромные материальные средства и пропагандистские усилия, оказывались неспособными повести за собой массы трудящихся. Капитализм оказался живучей системой, коммунизм за пределы России не распространился. Это было крупное и, может быть, главное поражение Троцкого.

Глава 5 НАРКОМВОЕНМОР И НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ АРМИИ

Новое поприще

Поражение Л. Д. Троцкого не устранило его из властной иерархии. Статус понизился, он перестал быть вторым «вождем», но скоро вновь приобрел вождистское положение в более ограниченной, хотя и важнейшей в тогдашних условиях сфере. Троцкий постепенно стал общепризнанным «вождем Красной армии».

Л. Д. Троцкий

*Лейба Бронштейн, которого называли Львом, в возрасте
деяти лет*

*Одесса, где Лев Бронштейн учился в реальном училище
Святого Павла Конец XIX в.*

Давид и Анна Бронштейны, родители Льва

Соборная улица Николаева, в котором начиналась революционная деятельность Льва Бронштейна. Конец XIX.в.

Руководители николаевского Южно-русского рабочего союза.

Верхний ряд справа налево: Лев Бронштейн, его невеста Александра Соколовская, Григорий Соколовский; в нижнем ряду: Григорий Зив.

Николаев. 1897–1898 гг.

Лев Бронштейн. Фото из полицейского дела

Лев Бронштейн с женой Александрой Соколовской (крайняя

справа с дочерью на руках) в ссылке.

Верхаленск. 1902 г.

Лев Троцкий в Лондоне. Конец 1902 г.

Наталья Седова, вторая жена Троцкого

Павел Аксельрод, один из основателей российской социал-демократии,
позже меньшевик

Георгий Плеханов, руководитель группы «Освобождение труда», позже меньшевик и независимый социал-демократ

Юлий Мартов, один из лидеров меньшевиков

Редколлегия газеты «Искра»:

В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, А. П. Потресов; технический секретарь редакции Н. К. Крупская. 1901 г.

Революционные события 1905 года.

Петербург

Троцкий в камере Петропавловской крепости. Петербург.

1905 г.

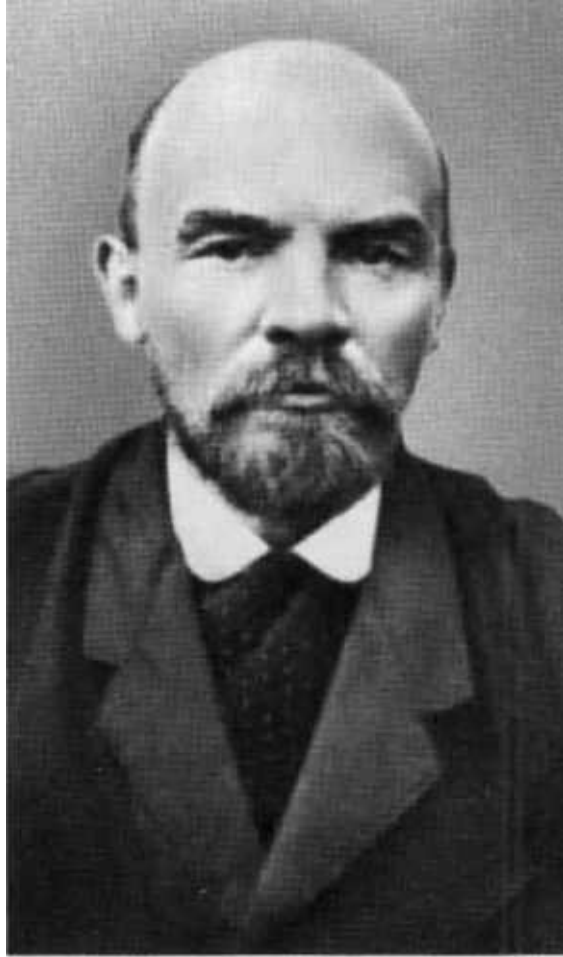

Парвус (Александр-Израиль Гельфанд), германский социал-демократ

Парвус, Троцкий и Лев Дейч, один из основателей российской социал-демократии, затем меньшевик, в тюрьме.

Петербург. Конец 1905 г.

Владимир Ленин в 1914 году

Лев Троцкий в эмиграции

Возвращение Троцкого в Россию.

Петроград, Финляндский вокзал. 4 мая 1917 г.

Нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий возглавляет делегацию Советской России на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске.

Март 1918 г.

Напутствие красноармейцам перед отправкой на фронт.

1918 г.

Иосиф Сталин в период Гражданской войны

Матрос Николай Маркин, помощник Троцкого по Наркоминделу, командующий канонерской лодкой «Ваня-коммунист» в Гражданскую войну.

Конец 1917 г.

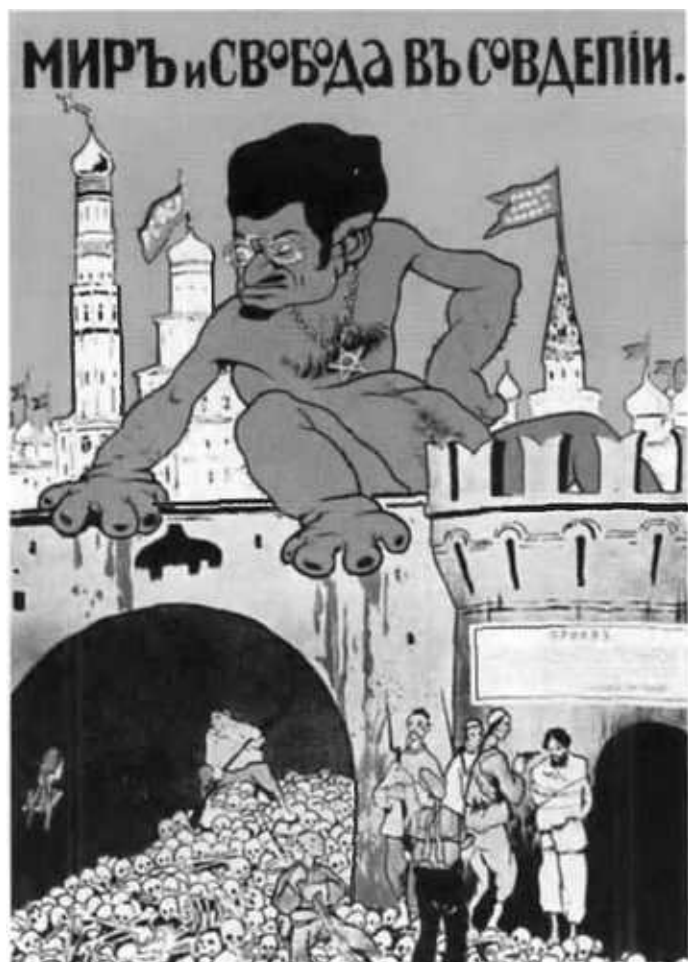

Иоаким Вацетис, главнокомандующий Вооруженными силами Советской России в 1918–1919 годах

В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий (в центре) на праздновании второй годовщины Октябрьской революции.

Москва, Красная площадь. 7 ноября 1919 г

«Мир и свобода в Совдепии».

Листовка-кариатура на Троцкого, выпущенная пропагандистским отделом Белой армии

Федор Раскольников, командир Волжской военной флотилии

Лариса Рейснер, комиссар отряда разведки флотилии

Макс Истмен, американский журналист, написавший книгу о юности Троцкого в 1920-е годы

Карикатура на членов объединенной оппозиции в «Крокодиле»:

*Л. Троцкий играет на шарманке. Г. Зиновьев поет. Л. Каменев
выступает попугаем.*

1927 г.

*Ольга Каменева (Бронштейн), сестра Л. Д. Троцкого и жена Л.
Б. Каменева*

Троцкий с другом Христианом Раконским (слева), полпредом СССР во Франции до 1927 года: один из руководителей объединенной оппозиции

*Клер Шеридан, британский скульптор, изваявшая бюст
Троцкого в 1920-е годы*

Григорий Зиновьев

Лев Каменев

Деятели объединенной оппозиции.

Сидят: Л. Серебряков, К. Радек, Л. Троцкий, М. Богуславский, Е. Преображенский;

стоят: Х. Раковский, Я. Дробнис, А. Белобородов, Л. Сосновский

Товарищ Троцкий на Гражданской войне.

Агитационный фотоплакат. 1920 г.

После того как в середине марта 1918 года столица была перенесена в Москву,^[553] Лев Давидович стал руководителем вооруженных сил большевистской республики. Вначале он занимал две должности. Одна именовалась «председатель Военно-революционного комиссариата при Петроградском Совете». Именно в этом качестве Троцкий написал обращение к гражданам Петрограда о перенесении столицы в Москву. Перенос столицы Троцкий называл временным, заверяя, что Петроград остается «первым городом российской революции».^[554]

В то краткое время, когда Троцкий был питерским комиссаром, его оригинально и ярко описал Михаил Кольцов, тогда независимый киевский

журналист, а позже один из наиболее ярких проводников сталинистского курса в прессе, сам ставший жертвой сталинщины. В статье «Красный Китязь. Троцкий» Кольцов воспроизводил свои впечатления от поездки в Петроград и посещения Смольного. На выдавшей виды дубовой двери он увидел старую жестянку с надписью «Классная дама», а рядом с ней плакат «Комиссариат военных дел П[етроградской] Т[рудовой] К[оммуны]». Кольцов повидал Троцкого в его окружении. «Солдаты, матросы, штатские едят глазами комиссара». Это комиссару было не впервой, ибо он привык выдерживать взгляд толпы, полагал журналист. «Он и сам каждую минуту в наступлении. Неторопливо шевелит тонкими губами и одновременно нащупывает глазами лица собеседников. Тайный вызов: вместе? Боитесь?»^[555]

Тринадцатого марта одновременно с принятием постановления об освобождении Троцкого от должности наркома по иностранным делам Совнарком решил назначить его народным комиссаром по военным делам. 18 марта он также стал председателем Высшего военного совета.^[556] О питерской должности просто позабыли.

Приступив к исполнению новых для него, сугубо штатского человека, военных обязанностей, Троцкий столкнулся с катастрофическим положением. Армии не существовало. Народный комиссариат по военным делам, образованный после Октябрьского переворота, функционировал только на бумаге.^[557] Троцкий был избран Лениным в качестве руководителя военного ведомства именно как уже проявивший себя жесткий организатор.

Свое «министерство» он первоначально устроил в Смольном, где получил две небольшие комнаты. Там же он часто оставался ночевать на узкой кровати после 12–14-часового рабочего дня. С первых дней новый нарком приступил к выполнению исключительно сложной задачи формирования регулярной армии.

Принципиальные положения своей позиции он изложил уже 19 марта на заседании Московского совета в речи, опубликованной под заголовком «Нам нужна армия».^[558] В этом выступлении Троцкий решительно высказался за привлечение в армию старого офицерства и предоставление ему ответственных постов. Он, правда, оговаривался, указывая на подчинение армии Советам и необходимость назначения «надежных политических комиссаров». Троцкий оказывался во власти двойственного подхода к формированию армии и роли ее руководящих органов. Он был на стороне армейского единоначалия, но вынужден был считаться с

«партийными настроениями» большевиков, стремившихся не выпускать войска из своих рук, не обладая необходимыми знаниями и навыками руководства военным делом. Да и сам он в силу укоренившегося марксистского фундаментализма с крайней подозрительностью относился к генеральско-офицерскому корпусу как к выходцам из враждебных классов. В то же время у Троцкого уже был позитивный опыт использования старых генералов и офицеров в качестве специалистов во время брестских переговоров. Этот опыт убеждал в целесообразности использования военспецов по прямому назначению.

Троцкому пришлось вести длительную борьбу против партизанщины, добровольчества в формировании армии, выборности командного состава, солдатских комитетов в частях. Единственная уступка, которую он сделал, состояла в признании высокого статуса политкомиссаров, которые своим «партийным энтузиазмом», а во многих случаях карьеризмом в сочетании с общей малограмотностью и военной безграмотностью препятствовали созданию регулярных вооруженных сил и ведению военных действий.

Вот как Троцкий описывал тот компромисс (в том числе с самим собой), на который он пошел в дискуссии с Лениным о руководстве армией (эпизод относился ко времени, когда столица еще не была перенесена в Москву и Троцкий не был назначен наркомом по военным делам, но уже согласился на назначение):

«В одной из комнат того же Смольного заседал штаб. Это было самое беспорядочное из всех учреждений. Никогда нельзя было понять, кто распоряжается, кто командует и чем именно. Тут впервые встал, в своей общей форме, вопрос о военных специалистах...

— Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться, — говорил я Владимиру Ильичу каждый раз после посещения штаба.

— Это, по-видимому, верно. Да как бы не предали... [\[559\]](#)

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух, — воскликнул Ленин, — да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов.

Так возникла конструкция Высшего Военного Совета». [\[560\]](#)

Нельзя не заметить, что Троцкий здесь явно иронизирует над Лениным, в то же время стремясь показать свое превосходство и готовность к компромиссу, к признанию роли комиссаров как политических надсмотрщиков над военными специалистами. 22 апреля по докладу Троцкого ВЦИК утвердил декрет о всеобщем военном обучении, которое распространялось на лиц разных возрастов — от школьников до 40-летних.

В условиях хаоса в стране этот декрет осуществлялся в минимальной степени, но важна была его направленность — свойственная Троцкому линия на всеобщую милитаризацию, которая на протяжении Гражданской войны все более усиливалась.

Двадцать седьмого июня 1918 года Троцкий представил Совнаркому доклад, свидетельствующий, что введение всеобщей воинской повинности встречало серьезные трудности, которые он приписывал сопротивлению имущих классов, хотя на самом деле решающую роль играла общая ситуация, безвластие в одних районах, произвол большевистских бюрократов в других. В связи с этим предлагалось ввести новые репрессивные меры, включавшие формирование тыловых частей из буржуазных элементов для чистки казарм и улиц, окопных работ и т. п. Из этого требования о фактическом введении крепостного труда делалось, впрочем, изъятие: «лучшие» буржуазные элементы, проявлявшие верность власти, могли быть переведены в строевые части. На докладе Троцкого Ленин наложил резолюцию «Утверждается».^[561]

Становление армии и военные специалисты

Продолжая энергичные усилия, Троцкий выступил с докладом о создании Красной армии на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 года. Этот неординарный съезд начал работу 4 июля с заявления Троцкого о «преступной агитации» левых эсеров в войсках за возобновление войны с немцами. Он огласил приказ о суровой борьбе с разлагающими фронт элементами, что вызвало протест делегатов от левых эсеров.

Шестого июля двумя сотрудниками Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК; образована в декабре 1917 года под руководством Ф. Э. Дзержинского) Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым был убит германский посол граф Вильгельм фон Мирбах. Обстоятельства убийства — туманны. Скорее всего, это была провокация части большевистских лидеров с участием некоторых левых эсеров, рассчитанная на разрыв мирного договора с Германией. Во всяком случае, Мирбах не был убит по постановлению ЦК левых эсеров, как об этом сразу же стали трубить большевистские руководители, включая Троцкого. Как только поступили сведения об этом злодейском акте, левые эсеры были обвинены в восстании против советской власти, которого на самом деле не было, и члены их фракции на

съезде Советов арестованы.^[562]

Съезд возобновил заседания 9 июля. А на следующий день Троцкий и выступил со своим докладом.^[563] Значительная его часть была посвящена попыткам объяснить, по каким причинам распалась старая армия и почему большевики отказались от программного принципа военного добровольчества и всеобщего вооружения трудящихся. В условиях советской власти докладчик объявлял принцип добровольчества временной мерой, за которой должно было последовать строительство «настоящей» армии. Троцкий отстаивал строжайший централизм, оговариваясь по поводу противодействия таковому, в том числе и «со стороны некоторых из тех товарищей, которые присутствуют здесь». Вновь останавливаясь на использовании военных специалистов, оратор утверждал, что «не брать их на службу было бы жалким ребячеством». Он соглашался с возможностью перехода некоторых из них на сторону противника, но считал такие случаи исключением, не меняющим общей картины.

В связи с этим нарком не случайно напомнил об одном из «таких случаев», который имел место на Балтийском флоте. Речь шла о судьбе начальника морских сил флота капитана первого ранга Алексея Михайловича Щасного, который целенаправленно был принесен Троцким в жертву, избран «козлом отпущения» с откровенной задачей — показать «городу и миру», что он будет безжалостен к тем военным специалистам, которые хотя бы в какой-то мере нарушат его волю.

«Преступление» Щасного состояло в том, что он не выполнил приказа наркома о сдаче остатков русского флота немецкой эскадре и смог в крайне сложных условиях привести корабли из Ревеля (Таллина) и Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт. Вызванный «на ковер», Щасный отстаивал необходимость возрождения флота и заявил даже, что политика наркома ведет флот к гибели. В ответ на окрики Троцкого, который стучал кулаком по столу, Щасный потребовал разговаривать с ним в приемлемых тонах. Такое поведение решило его судьбу. По распоряжению Троцкого Щасный был арестован и предан суду «Особого трибунала», образованного перед этим при ВЦИКе. Троцкий, выступивший единственным свидетелем, обвинил Щасного в контрреволюционном заговоре.^[564] Морской офицер был приговорен к расстрелу, и приговор тут же приведен в исполнение. Материалам о деле Щасного, опубликованным в семнадцатом томе сочинений Троцкого, составители дали заголовок «Первая измена». Правильнее было бы назвать их «Первая жертва», ибо для Троцкого была необходима показательная жертва, которая свидетельствовала бы о его

«революционной непримиримости» к «изменникам» из числа старых военных. Но так как таковых не было под рукой, в качестве удобной жертвы был избран не вполне покорный, своенравный моряк.^[565]

Понимая, в отличие от значительной части, если не большинства коммунистов, необходимость использования военных специалистов на командных должностях в армии, а не в качестве консультантов, как предлагали некоторые,^[566] Троцкий видел в этом лишь временную меру. В апреле 1918 года он выступил инициатором создания Военной академии и утвердил положение, согласно которому доступ в нее открывался каждому военному служащему, обладавшему боевым и командирским опытом. Пока же он твердо придерживался курса на использование опытных специалистов — офицеров и генералов, разумеется, под пристальным контролем сверху, со стороны созданной в его ведомстве Высшей военной инспекции и в определенной степени комиссарского состава, которому доверял в меньшей степени, нежели кадровым военным.

Последним он также не очень-то доверял, понимая их чуждость той идейно-политической среде, власть которой они вынуждены были защищать, исходя главным образом из патриотических соображений, но отчасти руководствуясь карьерными или даже чисто материальными стимулами. Отсюда проистекала система поистине террористической кабалы, в которую Троцкий стремился поставить офицерские кадры, вплоть до учета членов их семей, которые могли быть взяты в качестве заложников в случае перехода офицеров на сторону белых.

В то же время Троцкий прилагал немалые усилия, чтобы сплотить вокруг себя лично ему преданных людей, независимо от их политического и морального облика. Справедливость требует отметить, что большинство лиц нового окружения были убежденными большевиками. Троцкий отлично понимал, что подчиненные должны быть по возможности сознательными участниками того дела, которому они служат, и убеждены в правильности задач, которые ставятся перед ними.

Наиболее близким к нарктому, пользовавшимся его полным доверием человеком и часто выполнявшим его обязанности, когда тот занимался сугубо политическими делами, являлся Эфраим Маркович Склянский. Родившийся в 1882 году и получивший специальность врача в 1916-м, он еще во время обучения в Киевском университете в 1913 году стал социал-демократом, а во время мировой войны вел революционную агитацию в армии. В октябре 1917 года Склянский вошел в Военно-революционный комитет при Петроградском совете и с этого времени был близок Троцкому.

По инициативе Троцкого 6 сентября 1918 года Высший военный совет был преобразован в Революционный военный совет республики (Реввоенсовет). Состав его часто менялся, неизменными оставались лишь Троцкий и Склянский, ставший его заместителем и фактически руководителем Реввоенсовета.

Другие приближенные были менее значительны, а некоторых даже можно назвать людьми скользкими и авантюристичными. Таковым был, к примеру, участник убийства германского посла Мирбаха Яков Блюмкин. Этот левозсеровский искатель приключений был уверен, что советская власть не может его казнить за убийство «германского империалиста». Тем не менее он скрылся, а в ноябре 1918 года поехал в Киев, где участвовал в подготовке убийства германского генерала Эйхгорна. В апреле 1919 года Блюмкин сдался советским властям, был помилован и даже принят в РКП(б). Троцкий взял Блюмкина в свой секретариат и охрану, понимая, что этим он привязывает авантюриста к себе и сможет использовать его для выполнения самых неприглядных поручений.

Исключительно важным был вопрос о непосредственном военном руководстве Красной армией. Совнарком и Троцкий в качестве его члена придерживались мнения, что пост главнокомандующего должен быть отделен от поста наркома.

Первого сентября 1918 года главнокомандующим Вооруженными силами РСФСР был назначен перешедший на сторону советской власти бывший полковник Генерального штаба, начальник Латышской дивизии Юкумс (Иоаким Иоакимович) Вацетис.^[567] Это назначение было для Троцкого компромиссным — другого достойного командующего он не видел. Между ними сложились довольно напряженные отношения, ибо Вацетис отличался резкостью и не терпел вмешательства в его дела. Троцкому запомнилось, как перед военным парадом 2 мая 1918 года Вацетис неожиданно потребовал, чтобы парад принимал Ленин, а когда стало известно, что главным действующим лицом будет Троцкий, его стрелки по приказу командира демонстративно покинули Ходынское поле.^[568]

Двойственное отношение к Вацетису, явно снисходительная, причем совершенно неоправданная оценка его полководческих качеств были сохранены Львом Давидовичем на многие годы. Он писал в мемуарах: «В противоположность другим военным академикам, он не терялся в революционном хаосе, а жизнерадостно барахтался в нем, пуская пузыри, призывал, поощрял и отдавал приказы, даже когда не было надежды на их выполнение. В то время как прочие «спецы» больше всего боялись

переступить черту своих прав, Вацетис, наоборот, в минуты вдохновения издавал декреты, забывая о существовании Совнаркома и ВЦИКа... Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя-тремя молодыми офицерами». [\[569\]](#) Наполеоновские помыслы Вацетиса, если они существовали, что весьма сомнительно, явно нервировали наркомвоенмора.

По свидетельству наблюдательного американского журналиста Артура Рэнсома, находившегося в России в эти годы, армейским примером Троцкого воспользовался Л. Б. Красин, который, будучи народным комиссаром промышленности, а затем путей сообщения, стремился максимально использовать старых инженеров и других специалистов. [\[570\]](#)

Поезд наркома

В конце лета 1918 года был сформирован личный поезд наркомвоенмора. Поскольку поезд стал символом власти, а его появление вблизи опасных участков военных действий способствовало повышению оптимистических настроений в частях Красной армии, чему способствовали свойственные Троцкому пропагандистские и в полном смысле слова театральные эскапады, кратко остановимся на том, что собой представлял этот железнодорожный состав. [\[571\]](#)

Поезд наркома по военным и морским делам срочно был укомплектован в ночь на 8 августа 1918 года для поездки на Восточный фронт в связи с чехословацким мятежом и присоединением к нему антибольшевистских воинских формирований. После первого отправления с перрона Казанского вокзала Москвы утром 8 августа поезд совершил 36 рейсов, пройдя свыше 100 тысяч километров, [\[572\]](#) то есть два с половиной раза «опоясав» земной шар. Не случайно нарком связывал с ним почти всю свою военную деятельность: «Моя личная жизнь в течение самых напряженных годов революции была неразрывно связана с жизнью этого поезда... Поезд связывал фронт и тыл, разрешал на месте неотложные вопросы, просвещал, призывал, снабжал, карал и награждал». [\[573\]](#)

Разумеется, дело было не в «качествах поезда», а в возможности появления наркома в самом неожиданном месте с непредсказуемыми последствиями, как позитивными, так и негативными, для командиров и комиссаров Красной армии.

Как свидетельствуют многочисленные документы Центрального

военного архива России, первоначально в поезде было 15 вагонов, постепенно его состав увеличивался, он обрстал вспомогательными, охранными и снабженческими поездами, а сам наркомовский состав был разделен на два. В специальных вагонах размещались секретариат наркома, телеграф, радиостанция, типография, библиотека, гараж, электрическая станция и баня. Часть вагонов имела броневую защиту. Один паровоз не мог справиться с тяжелым составом. Вели его два паровоза, причем один, когда поезд не передвигался, использовался в качестве «курьерского» для доставки экстренных сообщений, прессы и т. п. в близлежащие пункты. Наличие телеграфа обеспечивало связь Троцкого с Лениным, со Склянским и другими чинами наркомата. Радиостанция давала возможность получать оперативные данные о международной и внутренней ситуации. В гараже, размещавшемся в специальном вагоне, находились несколько грузовиков и легковых машин, которые обеспечивали передвижение Троцкого и членов его штаба по частям и гарнизонам в сопровождении хорошо вооруженной и экипированной, одетой в черные кожанки охраны. Сам Троцкий также предпочитал черное кожаное обмундирование, правда, часто надевая поверх непромокаемый плащ защитного цвета. Он вспоминал: «Все носили кожаное обмундирование, которое придает тяжеловесную внушительность. На левом рукаве у всех, ниже плеча, выделялся крупный металлический знак, тщательно выделанный на монетном дворе и приобретший в армии большую популярность... Каждый раз появление кожаной сотни в опасном месте производило неотразимое действие». Иначе говоря, и здесь Троцкий прибегал к хорошо освоенным им театрально-пропагандистским приемам воздействия на толпу новоявленной «черной сотни».

В поезде сформировался личный штат помощников и стенографов Троцкого. Входившие в него начальник секретариата инженер Г. В. Бутов (с 1919 года он в основном находился в Москве, и через него Троцкий часто поддерживал связь с Лениным и другими высшими деятелями), стенограф М. С. Глазман, Н. М. Сермукс, Н. В. Нечаев, И. М. Познанский остались верны своему шефу и тогда, когда руководимое им оппозиционное движение потерпело поражение, а сам он вначале был сослан в Алма-Ату, а затем выслан из СССР. Правда, Глазман ушел из жизни еще раньше: в 1924 году он подвергся политическому преследованию, был исключен из партии и покончил самоубийством. Сермукс, Нечаев и Познанский были изгнаны из ВКП(б) вслед за Троцким в 1927 году и отправлены в ссылку. Бутова же не только исключили из партии, но арестовали и требовали клеветнических показаний против Троцкого. Он отказался их дать, в 1928 году объявил голодовку и вскоре скончался. Остальные секретари позже подвергались

арестам и были расстреляны во время «большого террора».

Немаловажной стороной «работы поезда» было издание газеты «В пути», которая выпускалась с 6 сентября 1918 года. Полный комплект газеты не сохранился, но известно, что по сентябрь 1920 года вышло 233 номера,^[574] то есть в месяц выходило примерно 10 номеров. Это значительная цифра, если учитывать, что выпускали ее те же люди, которые были заняты массой других дел. Тираж газеты составлял 4–4,5 тысячи экземпляров, которые распространялись в воинских частях, передавались в агитационные пункты, госпитали, раздавались населению той местности, где проходил поезд. Многие материалы газеты перепечатывались местными изданиями.

Главным, но не единственным автором публикаций был сам Троцкий. Как правило, его статьи были легковесным агитационным материалом, но, исходя от высшего военного лица, приобретали характер инструкций. 7 января 1919 года на железнодорожной станции Курска Троцкий писал статью под заголовком «Пора кончать!» о текущем состоянии фронтов и выражал надежду на скорейшее завершение операций на Южном фронте,^[575] которая оказалась фиктивной, ибо вскоре после этого генерал А. И. Деникин развернул наступление на Москву именно с южного направления. 12 апреля того же года, находясь в Нижнем Новгороде, Троцкий написал статью «Борьба за Волгу», проникнутую не менее напыщенным казенным оптимизмом, но на этот раз в связи с военными действиями против армии А. В. Колчака. «В ближайшие недели пойдет ожесточенная борьба за Волгу. Из этой борьбы мы должны выйти победителями во что бы то ни стало! Волга должна остаться нашей, советской рекой».^[576]

В поезде Троцкого совершали вояжи на фронт некоторые другие партийные деятели и пропагандисты. Троцкий обращал особое внимание, чтобы в их числе были журналисты и писатели, которые, как он полагал, будут не только способствовать своим творчеством делу победы, но и должным образом осветят его личную роль. Вместе с Троцким на фронт выезжали дипломат А. А. Иоффе, французский левый журналист, позже деятель компартии Жак Садуль, журналистка Лариса Рейснер (о ней еще пойдет речь), журналист-известинец Г. Устинов, вскоре выпустивший брошюру о Троцком,^[577] художник П. Я. Киселис.

Во всех этих делах Л. Д. Троцкий проявлял качества выдающегося организатора, неутомимого и изобретательного пропагандиста и агитатора, более или менее трезвого аналитика, сохранявшего приверженность идеям мировой революции, и в то же время циничного прагматика и демагога,

стремившегося ценой миллионов жизней закрепить надолго, если не навсегда, власть партии, которую теперь считал своей, и, следовательно, собственную власть и влияние как в России, так и за рубежом.

Троцкий закрепил свое положение в высшей иерархии как один из наиболее последовательных руководителей и еще более упрочил это положение, демонстрируя свою непримиримость к любым отклонениям от коммунистического фундаментализма.

Глава 6 НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И В ПАРТИЙНЫХ ВЕРХАХ

Свияжск и Царицын

Первый выезд Л. Д. Троцкого на фронт, как помним, состоялся в августе 1918 года, в разгар выступления чехословацких частей и поддержавших их «белогвардейских» отрядов, образованных из противников большевистской власти. Поезд Троцкого прибыл на станцию Свияжск под Казанью. Позже он писал: «В течение месяца здесь решалась заново судьба революции. Для меня этот месяц был великой школой».^[578]

Нарком сразу принял крутые меры. Он отстранил от должности командира бронепоезда А. Попова за сдачу позиции без боя, объявив об этом специальным приказом. Вслед за этим пробным жестом последовали новые суровые наказания, в том числе передача дел в созданные во всех армиях революционные трибуналы, которые, как правило, выносили смертные приговоры.

Почти сразу произошел кровавый инцидент. Выдвинутый на фронт новый полк из насильственно призванных крестьян снялся с позиций во главе с командиром и комиссаром, захватил пароход и готовился к отплытию, чтобы сдать белым. С огромным трудом пароход удалось остановить, а затем добиться капитуляции незадачливых дезертиров. Троцкий назначил специальный трибунал, являвшийся орудием его личной карающей воли. Командир и комиссар были приговорены к расстрелу, а затем полк построили, заставили расстреляться и расстреляли каждого десятого.^[579] Это была злодейская акция, свидетельствующая о том, что оказавшийся в большевистском стане Троцкий теперь не жалел жизней тех, кто находился в его подчинении, шел на крайние меры во имя сохранения

оказавшейся на грани катастрофы власти большевиков.

Военные действия продолжались. Троцкий издал приказ, что виновниками возникшей паники были не рядовые бойцы, а командиры и комиссары. 30 августа последовал новый приказ о расстреле двадцати дезертиров. «В первую голову расстреляны те командиры и комиссары, которые покинули вверенные им позиции. Затем расстреляны трусливые лжецы, прикидывавшиеся больными», — говорилось в этом весьма показательном документе.^[580] Троцкий наводил дисциплину прежде всего не убеждением в справедливости большевистского дела, как он пытался показать в различных статьях и докладах, а угрозами и страхом.

Более того, еще до отъезда в Свияжск в разговоре с Лениным было решено создать «крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще боевиков». Хотя Троцкий выражал сомнения в эффективности загранотрядов («Добёр русский человек, на решительные меры революционного террора его не хватает», — говорил он тогда в беседе с Лениным^[581]), таковые отряды были образованы вначале на Восточном, а затем и на других фронтах.

В то же время нарком отнюдь не считал методы террора и устрашения единственно приемлемыми. Он не был оголтелым садистом. Уже во время первой экспедиции на фронт Троцкий стал применять методы психологического воздействия на толпу малограмотных и запуганных красноармейцев, а также псевдоматериальные стимулы. При посещении частей красноармейцев выстраивали шпалерами, наркома встречали криками «ура!» и исполнением «Марсельезы» («Интернационал» еще в моду не вошел). В ритуал входило фотографирование. Иногда местные воинские начальники ухитрялись даже найти киноаппараты и запечатлеть встречу в динамике. Неизменно проводились митинги, на которых Троцкий выступал эмоционально, неординарно, доходчивым слогом.

Эта чистейшей воды демагогия, как правило, оказывала мощное воздействие. При посещении одной из частей под Самарой Троцкий вывел из шеренги случайно попавшегося на глаза красноармейца и заявил во всеуслышание: «Брат! Я такой же, как ты. Нам с тобой нужна свобода — тебе и мне. Ее дали нам большевики. А вот оттуда (он сделал неопределенный жест рукой в сторону, где предположительно находился противник. — **Г. Ч.**) сегодня могут прийти белые офицеры и помещики, чтобы нас с тобой превратить в рабов». Естественно, этот в общем-то отвратительный эпизод затем передавали красноармейцы-крестьяне, видевшие «справедливого барина», с разнообразными вымышленными

подробностями, что повышало авторитет и власть наркома. Троцкий возил с собой мешки с бумажными деньгами. На раздаваемые деньги можно было в лучшем случае купить пачки махорки, но важен был сам факт раздачи неких сумм от его имени.^[582]

Хорошо зная цену тем большевистским крикунам-карьеристам, которые не умели и не желали совмещать слово и дело (сам он также был крикуном, но, в отличие от многих других, деловым), Троцкий в одном из писем Ленину из Свияжска требовал: «Коммунистов направлять сюда таких, которые умеют подчиняться, готовы переносить лишения и согласны умирать. Легковесных агитаторов тут не нужно». Любопытно, что в этом же письме был особый пункт: «Направьте в Свияжск один хороший оркестр музыки».^[583] Оркестр прислали, и он исполнял «Марсельезу» и другие гимны и марши, прежде всего при появлении и проходах Троцкого.

Так во фронтовых условиях проявлялось и развивалось природное лицедейство Троцкого. Сказать, что оно перерастало в циничное лицемерие, все же нельзя, ибо он верил в идеалы международной революции, что подтвердили перипетии его дальнейшей судьбы и трагический жизненный итог. Тем более запутанным и трагичным был тот кровавый исторический клубок, в который попадали миллионы людей, превращавшихся при его личном участии в толпу и оказавшихся на больший или меньший срок (иногда на всю жизнь) в заблуждении, уверовав в возможность достижения этого всемирного «светлого завтра».

Девятого сентября Казань была осаждена, но Троцкий медлил со штурмом, понимая, что уличные бои приведут к большому числу жертв среди мирного населения. Идя на кровавые репрессии в тех случаях, когда считал их целесообразными для устрашения непокорных или для наведения дисциплины, он все же сохранял несколько бблбдую трезвость и выдержку, нежели другие ведущие большевистские деятели, включая Ленина. 10 сентября Троцкий получил шифровку от председателя Совнаркома: «Удивлен и встревожен замедлением операции. По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дальше, ибо необходимо беспощадное истребление, раз только верно, что Казань в железном кольце».^[584]

Троцкий, однако, осмелился послушаться шефа, выразившего ему явное недовольство. Нарком даже отказался от внезапности операции. Он обратился к жителям Казани с требованием покинуть город на ближайшие дни и прежде всего как можно скорее удалить детей.^[585] При этом, правда, в телеграмме Ленину он как бы извинялся, утверждал, что предположение, будто он щадит Казань, неосновательно. «Артиллеристы противника лучше

наших. Отсюда затычка. Сейчас, благодаря значительному перевесу сил, надеюсь на скорую развязку».^[586]

Одиннадцатого сентября Казань была занята, и в этот же день Троцкий выступил в городском театре с большой речью,^[587] посвященной в основном полемике с защитниками идеи Учредительного собрания. Оратор обрушивался на правительства стран Антанты, поддерживавшие как выступление чехов и словаков, так и восстановление в России демократической власти.

В этот же день Троцкий послал телеграмму Ленину, полную гордости, чувства правоты и удовлетворенного честолюбия по поводу результатов курса, который он проводил в армии: «Сейчас, когда Казань в наших руках и в городе царит безукоризненный порядок, считаю долгом с новой силой подтвердить то, о чем докладывал в начале операции под Казанью. Солдаты Красной Армии в подавляющем своем большинстве представляют превосходный боевой материал».^[588]

Свияжско-казанский эпизод ярко показывает методы и приемы, к которым прибегал Троцкий в руководстве операциями Красной армии и в следующие месяцы и годы. Учитывая, что книга эта не посвящена Троцкому только как военному деятелю, я не буду детально останавливаться на дальнейшем его руководстве военными действиями, иначе пришлось бы пересказать всю историю Гражданской войны 1918–1920 годов, что в данных рамках невозможно.

На протяжении всей войны Троцкий пытался самыми суровыми средствами вести борьбу против халатности, небрежности, неразберихи, которые, несмотря на объявление страны военным лагерем и вытекавшие отсюда репрессивные меры, продолжали проявляться в центре и на местах. Жесткость наркома могла бы считаться оправданной, если бы речь шла об обороне страны, ее выживании в условиях агрессии. Но в данном случае на весах истории взвешивалось совершенно другое — шла самая беспощадная, какая только может быть, и в то же время самая неоправданная из всех возможных войн — кровопролитие внутри страны, когда подчас родные братья оказывались по разные стороны фронтовой линии. В этих условиях жестокость Троцкого, как Ленина и других большевистских лидеров, никак не может быть оправдана жизненными потребностями нации. В то же время само положение Троцкого в качестве наркомвоенмора предопределяло тот факт, что его действия были значительно более заметными, нежели репрессивные меры других лиц из большевистского руководства, хотя подчас и они, как мы вскоре увидим,

выходили на первый план.

Жесткую политику Троцкий проводил по отношению к старому офицерству. 2 декабря 1918 года он телеграфировал члену Военно-революционного трибунала С. И. Аралову: «Мною был отдан приказ установить семейное положение командного состава из бывших офицеров и сообщить каждому под личную расписку, что его измена или предательство повлечет арест его семьи... С того времени произошел ряд фактов измены со стороны бывших офицеров, но ни в одном из этих случаев, насколько мне известно, семья предателя не была арестована, так как, по-видимому, регистрация бывших офицеров вовсе не была проведена. Такое небрежное отношение к важнейшей задаче совершенно недопустимо».^[589] Так во имя обеспечения власти правившей партии и ее лидеров, их победы в Гражданской войне и сохранения большевистского режима проливались все новые потоки крови, человеческая жизнь обесценивалась. Во имя весьма сомнительного коммунистического рая гибли и страдали миллионы людей, большинству из которых этот рай был совершенно не нужен.

Из многочисленных событий Гражданской войны с участием Троцкого заслуживает особого внимания «царицынский эпизод», в ходе которого у него возник, все более разрастаясь, конфликт со Сталиным, в конце концов переросший во взаимную смертельную ненависть.

Царицын во второй половине 1918 года являлся второстепенным участком Южного фронта, хотя был важен с точки зрения снабжения хлебом центральных районов страны и приобрел еще большую важность, когда туда был направлен Сталин в качестве «общего руководителя продовольственным делом на юге России», который, однако, расширил свои функции на военную область, получив поддержку Ленина.

Сталин прибыл в Царицын в июле 1918 года, когда антисоветские казачьи части под командованием П. Н. Краснова, ставшего атаманом Войска Донского, находились в 40–50 километрах от города и ему угрожали. Для отражения казаков еще в мае был образован Северо-Кавказский военный округ под руководством бывшего белого генерал-лейтенанта А. Е. Снесарева, который перешел на сторону большевиков, а теперь привлекал в войска опытных офицеров и в соответствии с указаниями Троцкого боролся с партизанщиной. Сталин сразу стал добиваться и в конце концов добился отстранения Снесарева, которого отозвали в Москву. Начав поиск виновных отступления красноармейских частей, Сталин приписал нескольким офицерам вредительство и приказал арестовать сотрудников артиллерийского управления штаба округа, а штаб

ликвидировать. Арестованные были посажены на баржу, которую предполагалось затопить, чтобы остальным офицерам «было неповадно» изменять. Правда, начальник штаба А. Л. Носович и новый военный руководитель А. Н. Ковалевский вскоре были милостиво освобождены, но остальные остались на барже смерти и были действительно затоплены. Высшая военная инспекция республики, проверившая обвинение офицеров в заговоре, ничего криминального в их поведении не обнаружила.^[590]

Троцкий получал сведения, что Сталин пользуется поддержкой Ленина за свою «способность нажимать»,^[591] и вынужден был с этим считаться. По согласованию с председателем Совнаркома он послал Сталину телеграмму с указаниями «навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнав всех неповинующихся». Однако скоро убедился, что действия Сталина в Царицыне носят противоположный характер: тот поощряет самоуправство и партизанские настроения местных деятелей. Наркому доносили верные люди, что Сталин создает в городе свою группу, куда вошли пользовавшиеся его доверием полупартизанские командиры и комиссары С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и др.

Климент Ефремович Ворошилов руководил Луганским социалистическим отрядом, сумевшим пробиться к Царицыну, где его командир стал командующим 5-й Армией, а затем членом Военного совета Северо-Кавказского военного округа. Он привлек внимание Сталина «чистотой» большевистских взглядов, сочетавшихся с отсутствием полководческого таланта. Такое сочетание устраивало Сталина, ибо Ворошилов проявил по отношению к нему личную преданность. В свою очередь, Семен Михайлович Буденный, унтер-офицер во время мировой войны, в феврале 1918 года сформировал конный отряд, который начал военные действия против белых. Отряд вырос в полк, а затем в дивизию. Хотя подразделение Буденного обладало определенными боевыми качествами, в нем царили недисциплинированность и мародерство. В отличие от Ворошилова, Буденный был неплохим тактиком, но мыслить в масштабе сражений и тем более операций не мог. Он также сблизился со Сталиным, который поощрял партизанщину в его частях.

В то же время Сталин хвастал перед Лениным своими успехами и неподчинением распоряжениям наркомвоенмора. 7 июля он телеграфировал председателю Совнаркома: «Спешу на фронт. Пишу только по делу. 1) Линия южнее Царицына еще не восстановлена. Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Если бы наши военные

«специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана, и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им». ^[592] Через несколько дней Сталин, все более раздражаясь, писал Ленину: «Если Троцкий будет, не задумываясь, раздавать направо и налево мандаты... то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе... Вдолбите ему в голову... Для пользы дела мне необходимы военные полномочия... Отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит». ^[593]

Преследование офицеров в Царицыне и использование только наиболее покорных из них показало Троцкому, что без четкого разграничения функций командиров и комиссаров их взаимоотношения не удастся нормализовать. 5 августа последовал приказ наркома, в котором, в частности, говорилось:

- «1) Комиссар не командует, а наблюдает, но наблюдает зорко и твердо.
- 2) Комиссар относится с уважением к военным специалистам, добросовестно работающим, и всеми средствами советской власти ограждает их права и человеческое достоинство.
- 3) Комиссар не покоряется по пустякам, но когда бьет, то бьет наверняка.
- 4) Дальнейшее нарушение этих указаний повлечет за собой суровые кары.
- 5) За перелеты тушинских воров ^[594] на театре военных действий комиссары отвечают головой». ^[595]

Конфликт, однако, продолжался. 17 сентября Реввоенсовет Республики образовал Южный фронт и назначил его командующим бывшего белого генерал-лейтенанта П. П. Сытина. Однако Сталин и Ворошилов это решение опротестовали, заявив о намерении создать свой военный центр «как наиболее целесообразную в настоящий момент коллегиальную форму правления фронтом». ^[596] Конфликт достиг особой остроты, когда Сталин отстранил от руководства командующего фронтом. Троцкий был возмущен. 2 октября он телеграфировал в Арзамас (там происходило переформирование Реввоенсовета Республики): «Завтра выезжаю на Южный фронт, где отношения ненормальны... Я приказал Сталину, Минину ^[597] немедленно прибыть в Козлов и конструировать Реввоенсовет Южного фронта». В свою очередь, в телеграмме царицынцам Троцкий писал: «Неисполнение в течение 24 часов этого предписания заставит меня предпринять суровые меры». ^[598] На свою сторону Троцкий смог на этот раз привлечь Ленина. 2 октября Сталина вызвали из ЦК к «прямому

проводу» — он получил указание подчиниться Реввоенсовету.^[599]

Сталин, однако, не смирился, пытаясь обыграть Троцкого.

3 октября он направил телеграммы в ЦК и отдельно Ленину. Вторую телеграмму подписал также Ворошилов. В ней говорилось: «...Троцкий — не Военный революционный совет Республики, а приказ Троцкого — не приказ Реввоенсовета Республики. Приказы только в том случае имеют какой-нибудь смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом».^[600] В этот же день Сталин послал Ленину еще одно письмо с прямой кляузой на Троцкого и беспрецедентное по тону, тем более что адресовалось оно председателю Совнаркома: «В общем дело обстоит так, что Троцкий не может петь без фальцета, действовать без крикливых жестов, причем я бы ничего не имел против жестов, если бы при этом не страдали интересы общего всем нам дела. Поэтому прошу, пока не поздно, унять Троцкого и поставить его в рамки, ибо боюсь, что сумасбродные приказы Троцкого внесут разлад между армией и командным составом и погубят фронт окончательно».^[601]

Сталин, таким образом, объявлял Троцкому войну. Оставалось принять вызов, что наркомвоенмор сделал, обратившись к Ленину с письмом 4 октября. «Категорически настаиваю на отзывании Сталина, — писал он, едва сдерживая свои чувства. — На царицынском фронте неблагополучно, несмотря на избыток сил. Ворошилов может командовать полком, но не армией [в] пятьдесят тысяч солдат... Для дипломатических переговоров времени нет. Царицын должен либо подчиниться, либо убраться. У нас колоссальное превосходство сил, но полная анархия в верхах».^[602] Из этого текста отчетливо видно, в каком раздражении находился Троцкий. Он не выбирал слов, полностью подчинившись эмоциям, что привело к логическим нелепостям, вроде выражения «Царицын должен убраться».

Однако в Москве, вопреки ожиданиям Троцкого, поддержку Ленина получил Сталин. Видимо, опасаясь чрезмерного усиления власти наркомвоенмора, за спиной которого стояли организованные воинские соединения, руководимые опытными генералами, Ленин продолжал начатую ранее игру. 8 октября Сталин был назначен членом Реввоенсовета Республики,^[603] что не могло не быть воспринято Троцким как личное оскорбление. Проглотив, однако, обиду, нарком, поразмыслив, пришел к выводу, что может примириться с ленинским решением, ибо оно означало уход Сталина с Южного фронта.

Ленин в то же время понимал, что ему ни в коем случае не следует идти на существенное ухудшение отношений с Троцким. Встретившись со

Сталиным по прибытии того в Москву, Ленин внушил ему, как следует себя вести, если он желает остаться в высшей иерархии. По поручению Ленина Свердлов 23 октября телеграфировал наркому о «новой» позиции Сталина, который будто бы стремится теперь к конструктивному сотрудничеству с Троцким: «...Сталин надеется, что ему на работе удастся убедить в правильности его взглядов... Сообщая Вам, Лев Давидович, обо всех этих заявлениях Сталина, я прошу Вас обдумать их и ответить, во-первых, согласны ли Вы объяснить лично со Сталиным, для чего он согласен приехать, а во-вторых, считаете ли Вы возможным на известных конкретных условиях устранить прежние трения и наладить совместную работу, чего так желает Сталин».^[604]

Как видно из письма, Ленин и Свердлов во что бы то ни стало стремились и «устроить» Сталина, и сохранить добрые отношения с Троцким. Большевистский вождь скрывал от Троцкого доносы Сталина, а от Сталина скрывал возмущенные телеграммы Троцкого. Стремление усмирить одного и умиротворить другого, максимально использовать обоих являлось характерной чертой ленинской линии в отношении широко уже развернувшейся вражды между наркомвоенмором, являвшимся ведущим большевистским политиком, и наркомнацем, стремившимся продемонстрировать свои полководческие таланты, жесткость и связь с низами.

Можно полагать, что какое-то время Сталин действительно стремился наладить с Троцким нормальные отношения и даже искал его покровительства, не оставляя планов переиграть ненавистного ему в глубине души наркома. Свидетельством желания помириться должна была послужить опубликованная вскоре статья Сталина к годовщине Октябрьского переворота, отдававшая должное роли Троцкого в этом перевороте, но в то же время в устах ее автора звучавшая лицемерной лестью.^[605]

Перемирие длилось недолго, ибо Троцкий смотрел на Сталина сверху вниз, хотя старался не демонстрировать этого, и продолжал считать его покровителем партизанских методов руководства армией. Сталин также вскоре перешел на конфронтационные позиции. Он принадлежал к числу тех деятелей, которые обладали не только организационными способностями, но и мастерством интригана, что могло приносить плоды лишь в обстановке искусственного разжигания конфликтов.

При прямом или косвенном покровительстве Сталина снова развернулись нападки на военных специалистов. Появилась статья

близкого к Сталину и Ворошилову члена ВЦИК А. З. Каменского «Давно пора»^[606] (в 1920 году Каменский станет заместителем наркома по делам национальностей, которым являлся Сталин). В статье осуждалось использование военных специалистов как «николаевских контрреволюционеров». Хотя фамилия Троцкого не упоминалась, в статье содержались почти прямые нападки на него, причем главным среди обвинений были бессудные расстрелы «лучших товарищей» (в качестве примера приводился лишь один случай, причем не расстрела, а угрозы такового). Не говорилось о расстрелах беспартийных офицеров, рядовых красноармейцев и других лиц, которые не обладали партийной «охранной грамотой». Речь шла только об оказывавшихся в опасности из-за своей низкой компетентности и «коммунистического чванства» комиссаров и полупартизанских командиров.

Понимая, что статья Каменского инспирирована Сталиным (об этом свидетельствовала их близость),^[607] Троцкий ответил обширным письмом в ЦК от 25 декабря,^[608] в котором, опровергая утверждения автора, просил «заявить во всеобщее сведение о том, является ли политика военного ведомства моей личной политикой, политикой какой-либо группы или же политикой нашей партии в целом». На этот раз Ленин полностью поддержал Троцкого. Не откладывая дела в долгий ящик, он в тот же день созвал партийный ареопаг — ЦК, которым было принято постановление «О политике военного ведомства»,^[609] написанное, как видно по содержанию и стилю, самим Троцким. Здесь подчеркивалась ошибочность мнения, «будто политика военного ведомства есть продукт личных воззрений отдельных товарищей или отдельной группы». Более того, ЦК объявил выговор несчастному Каменскому (за газетную статью!), но предусмотрительно не упомянул подстрекателя его выступления.

Вскоре на новое, аналогичное письмо Троцкого Ленин ответил запиской, которая, по сути дела, давала наркому полноту власти не только в решении военных вопросов, но и в расправе с неудобными лицами: «Зная твердый характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение целиком». Записка была написана на бланке председателя Совнаркома, причем в самой нижней части бланка, как бы давая Троцкому возможность использовать верхнюю часть листа для собственных распоряжений.^[610] Комментируя ленинскую записку, Троцкий писал: «Для применения репрессий мне не нужно было никаких

дополнительных полномочий. Заявление Ленина не имело ни малейшего юридического значения. Это демонстративное выражение полного и безусловного доверия к мотивам моих действий предлагалось исключительно для партии и по существу было направлено против закулисной кампании Сталина. Прибавлю, что я ни разу не делал из этого документа никакого употребления».^[611]

Думается, этой записке Ленина не следует придавать столь большое значение, как это делал Троцкий. Он сам признает широту своих полномочий в применении репрессий. Ленинская записка ничего не прибавляла. Это был документ, с одной стороны, продолжавшейся политической игры «и нашим, и вашим» — на этот раз чаша весов склонялась в пользу Троцкого. С другой стороны, Ленин во все большей степени ощущал опасность для партийного руководства и лично для себя так называемой «военной оппозиции», которая складывалась в кругах средних и низших партийных кадров, что могло привести к опасным для власти последствиям.

Оппозиция по военному вопросу начала складываться в первые месяцы формирования Красной армии. Состояла она в отстаивании выборного начала в комплектовании командного состава, в выступлениях против дисциплины, централизации и, главное, против привлечения в армию старых специалистов — бывших генералов и офицеров. Вначале эти выступления были разрозненными и с большим или меньшим трудом подавлялись Троцким и другими деятелями, которые выступали за формирование регулярной армии, осознавая, что только она способна обеспечить сохранение установленного режима.

Но постепенно, пользуясь покровительством отдельных руководителей, неопределенностью позиции Ленина, оппозиция набирала силу. Ленин вначале более или менее терпимо относился к раздраженному отношению значительной части партийных кадров к военспецам, так как якобы не представлял себе масштабов и жизненной важности этой проблемы.

Троцкий вспоминал, что в начале 1919 года, когда с востока наступал Колчак, во время очередного приезда в Москву он встретился с Лениным на одном из заседаний. Последний ошарашил Троцкого запиской: «А не прогнать нам всех специалистов поголовно и не назначить ли Лашевича^[612] главнокомандующим?» Можно полагать, что Ленин как бы провоцировал Троцкого, проверял его позицию, но последний отнесся к вопросу серьезно и недовольно ответил: «Детские игрушки». После заседания беседа

продолжалась. Троцкий укоризненно заявил Ленину: «Вы спрашиваете, не лучше ли прогнать всех бывших офицеров. А знаете ли вы, сколько их теперь у нас в армии?» Ленин ответил отрицательно. «Не менее тридцати тысяч», — заявил Троцкий. Ленинская реакция была почти шоковой: «К-а-ак?» «Не менее тридцати тысяч, — повторил Троцкий. — На одного изменника приходится сотня надежных, на одного перебежчика два-три убитых. Кем их заменить?»^[613]

Эта беседа, по мнению Троцкого, привела к значительному сдвигу Ленина в пользу максимального использования военных специалистов. В появившейся почти сразу брошюре большевистский вождь писал: «Когда мне недавно тов. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто является его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано!»^[614]

Думается, однако, что и на этот раз Ленин лишь выдавал себя за не очень сведущего человека. Описанный разговор с Троцким и указание в брошюре были скорее предлогом, чтобы занять более жесткую позицию в пользу использования офицеров старой армии.

Восьмой партсъезд

Такова была ситуация к тому времени, когда военный вопрос оказался одним из важнейших на Восьмом съезде РКП (б), состоявшемся в марте 1919 года. Накануне открытия съезда поступило известие, что войска Колчака, наступавшие на Урал, нанесли красным тяжелый удар под Уфой. В связи с этим Троцкий предложил, чтобы военные делегаты съезда возвратились на фронт, и сам решил немедленно отправиться под Уфу, несмотря на важность предстоявших дебатов. Троцкий вспоминал, что часть делегатов была недовольна: они приехали в столицу на несколько дней и не хотели уезжать. Кто-то даже пустил слух, будто он внес свое предложение, чтобы избежать дебатов о военной политике.^[615] В этих условиях нарком предложил отменить отправку военных делегатов на фронт, но поручить доклад по военному вопросу Сокольникову (он фактически должен был зачитать текст, подготовленный Троцким^[616]). Сам же он немедленно отправился на фронт и в съезде не участвовал.^[617]

Троцкий признался, что сделал это в условиях, когда итоги обсуждения можно было считать предрешенными. «...Я не сомневался в победе той линии, которую считал единственно правильной».^[618] Физически отсутствуя на съезде, незримо Троцкий участвовал в нем, ибо почти не было выступлений, в которых не упоминалась бы деятельность военного ведомства и его главы.

В отчетном докладе Ленин открыто поддержал мнение наркомвоенмора: «...Возьмем вопрос об управлении военным ведомством. Здесь без доверия к штабу, к крупным организаторам-специалистам нельзя решить вопрос... Если ставить вопрос в том смысле, что мы только руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов построили коммунизм, то это — мысль ребяческая».^[619]

Вопрос о военном положении рассматривался на заседании 20 марта. Предполагая бурные споры, которые могли скомпрометировать часть делегатов или отдельных видных партийцев, слово «к порядку дня» взяла Р. С. Самойлова (Землячка), дама весьма амбициозная, хотя и мало компетентная, которую не раз направляли на тот или иной фронт для остротки и самоуверенного вмешательства: ее панически боялись военспецы, ибо она запросто могла обвинить любого из них в контрреволюции. Самойлова предложила рассмотреть вопрос на закрытом заседании.^[620] Решено было все же заслушать доклад и содоклад, а затем возвратиться к предложению Самойловой. Все это было откровенным спектаклем, а Самойлова-Землячка выступала как подставное лицо, кукла, ведомая опытным кукловодом Лениным.

В докладе Сокольников^[621] наибольшее внимание уделялось вопросу о военспецах. Докладчик заявил, что вопрос этот, по которому «было пролито немало чернил», устарел, так как даже бывшие противники их использования отказались от негативного к ним отношения. Проблема эта была проверена на опыте. «Выяснилось, что там, где военные специалисты были привлечены, где была проведена реорганизация партизанской армии в армию регулярную, там была достигнута устойчивость фронта, там был достигнут военный успех. И наоборот, там, где военные специалисты не нашли себе применения, где присланных из центра военных специалистов отсылали обратно или сажали на баржу, как это было в Кавказской армии, там мы пришли к полному разложению и исчезновению своих армий, там их нет, они разложились на наших глазах, не вынеся первого серьезного напора со стороны врага». Сокольников, таким образом, а через него Троцкий, бросал камень в огород Сталина, ибо именно по его приказу в

Царицыне была осуществлена расправа с военными специалистами, посаженными на баржу и утопленными в Волге.

Вместе с тем Сокольников подчеркивал, что в армии есть тенденция «партийных синдикалистов» к расширению полномочий парторганизаций, а это является той же партизанщиной, с которой докладчик призывал вести борьбу. Обрушивался он на военную оппозицию за ее выступления против использования бывших офицеров и сравнивая их с требованиями левых коммунистов не привлекать инженеров на фабрики и заводы. Докладчик объяснял, что партия выступала за выборность командного состава, когда восстанавливала солдат против офицеров, служивших реакционным режимам, а на данном этапе отказывать пролетарской диктатуре в праве назначать командный состав армии — значит, выражать недоверие советской власти.

Двадцатого марта во второй половине дня начались заседания секций съезда, в том числе военной, которые продолжились на следующий день. В протоколы, предназначенные для печати, прения в военной секции не вошли. Иначе говоря, предложение Самойловой-Землячки было принято, хотя как, при каких обстоятельствах, неизвестно. Протоколы военной секции и закрытого заседания 21 марта пролежали в секретном архивном деле 70 лет и были опубликованы только в 1989 году.^[622]

Они дают выразительную картину положения в Красной армии, свидетельствуют о бюрократизме, беззаконии, которые творили командиры и комиссары, о нежелании крестьян, мобилизованных в армию, воевать, и насилиях, чинимых над ними, о расправах частей Красной армии, прежде всего полупартизанских формирований, над мирным населением.

В выступлениях представителей военной оппозиции не было единства. Отдельные высшие партийные деятели, прежде всего Сталин, выступая с критикой оппозиционеров, исподтишка их поддерживали, натравляли на Троцкого. В его лице резко критиковались недостатки в работе центральных военных учреждений, пытавшихся, по мнению ряда выступавших, свести на нет роль парторганизаций и комиссаров.

Действительно, Троцкий своим курсом на широкое использование военспецов восстановил против себя многих коммунистов — военных работников, которые видели в политике наркомвоенмора покушение на партийную монополию. Особое возмущение вызвало неосторожное заявление Сокольникова, сравнившего претензии коммунистов на Красную армию с претензиями телеграфистов на телеграф, а железнодорожников — на железные дороги. В условиях коммунистической монополии на власть это было необдуманное сравнение, скорее всего вырвавшееся в пылу

полемики. Вынужденные самим ходом событий согласиться с курсом Троцкого на использование старых специалистов, участники военной оппозиции сосредоточили пафос критики не на самом этом факте, а на требовании расширения прав комиссаров и партийных ячеек в воинских частях, ведя линию на подрыв принципа единоначалия. Особенно усердствовал Ворошилов, которого присутствовавшие воспринимали как креатуру Сталина. Не называя Троцкого по имени, он повторял анонимные обвинения (хотя понятен был их личностный адрес), подытоживая их словами, что «официальные руководители военного ведомства» считают, будто «коммунисты — это такой элемент, который нужно особенно контролировать, инспектировать через посредство военспецов, белогвардейцев». [\[623\]](#)

Разумеется, Троцкий стоял на иной позиции, будучи одним из ярых партийных фундаменталистов, но он действительно стремился не допустить военного двоевластия. В предоставлении широких полномочий опытным офицерам и генералам, находившимся под реальным прессом власти высшего госаппарата с его машиной репрессий, а не под полуфиктивным контролем партийных армейских ячеек **и** полуграмотных комиссаров, он видел надежный путь добиться победы над противниками.

Особого внимания заслуживают речи Ленина и Сталина — не в силу их равновеликого влияния, а из-за особенностей взглядов и поведения каждого перед съездом.

На закрытом заседании после прений в военной секции выступил Ленин. Он отвел утверждение военной оппозиции, будто ЦК считает, что в военной области все обстоит благополучно, но заявил, что за тезисами оппозиции скрывается большая опасность. Ленин говорил о необходимости использовать знания и опыт военспецов, осудил действия Сталина в Царицыне, в частности расстрелы офицеров, отверг его утверждение, будто «политика ЦК не проводится в военном ведомстве», выразил возмущение Ворошиловым и в его лице всеми теми, кто покровительствовал партизанщине. [\[624\]](#)

Встав по основному вопросу военного строительства на позицию Троцкого, Ленин как опытный политик отдал дань и противоположному лагерю, но так, чтобы формальный поклон был использован с той же целью. Объявляя о значении воинских уставов, введения твердой и «сознательной» дисциплины, Ленин утверждал, что борьба за ее укрепление является одной из главных задач комиссаров и парторганизаций, подчеркивал значение пролетарского ядра Красной

армии, партийно-политического аппарата в обучении и политическом воспитании бойцов и командиров.

Почувствовав, куда дует ветер, Сталин также формально отказался от поддержки «партизанщины», высказался за дисциплинированную регулярную армию. Будто забыв курс, который проводил совсем недавно в Царицыне, он утверждал: «Факты говорят, что добровольная армия не выдерживает критики, что мы не сможем оборонять нашу Республику, если не создадим другой армии, армии регулярной, проникнутой духом дисциплины, с хорошо поставленным политическим отделом».^[625] На этот раз оратор ухитрился не упомянуть военных специалистов, хотя своим призывом строить регулярную армию как будто мирился с их привлечением.

Двадцать первого марта состоялось пленарное заседание, на котором 174 голосами против 95 за основу были приняты «тезисы ЦК», то есть тезисы Троцкого, а на следующий день подводились итоги обсуждения вопроса о военной политике. Для подготовки окончательного текста резолюции образовали комиссию, куда вошли Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин и питерский делегат Б. П. Позерн — «от большинства», Е. М. Ярославский и Г. И. Сафаров — «от меньшинства». Этот факт, в свою очередь, свидетельствует о тактической хитрости Сталина, сумевшего в нужное время представить себя в качестве одного из рьяных адептов большинства.

Итоги голосования не удовлетворили партийную верхушку, и 22 марта была избрана согласительная комиссия, которая пришла к «единогласному решению», означавшему капитуляцию меньшинства. Резолюция по военному вопросу при вторичном голосовании была принята единогласно при одном воздержавшемся (его фамилия названа не была).^[626] «Уступки» меньшинству в согласительной комиссии подчеркивали победу Троцкого. Сам он, правда, с фронта прислал раздраженное письмо в ЦК по поводу этих уступок, но очевидно, что раздражение было наигранным, ставившим цель закрепить успех. Троцкий буквально издевался над уступками, например, над пунктом, в котором требовалось «урегулирование работы Реввоенсовета Республики»: «Товарищи, возбуждающие нарекания в этом смысле, не раз требовали, чтобы я лично, как председатель Реввоенсовета, не разъезжал по фронтам, а сидел в центре. Имела ли комиссия Съезда в виду этот способ урегулирования? Так ли понимает вопрос ЦК?»^[627] Еще более характерна реплика Троцкого по поводу принятого решения провести опрос фронтовиков, насколько удовлетворительно решен вопрос о знаках отличия командного состава. В этом съезд просто сел в лужу: видно,

военные делегаты не слушали, что там болтали «согласители», а последние, как пояснил Троцкий, не владели вопросом: «У нас вовсе нет знаков отличия командного состава. У нас есть знаки отличия вообще. Один и тот же знак для красноармейца, комиссара, командира».^[628]

Съезд, таким образом, одобрил курс Троцкого, который был теперь объявлен «ленинской политикой». После нескольких поражений, главным из которых было его устранение из международного ведомства в связи с подписанием Брестского мира, принятие съездом резолюции по военному вопросу^[629] явилось торжеством наркомвоенмора.

После Восьмого съезда РКП(б) ЦК 25 марта 1919 года выделил из своей среды постоянно действовавший орган — Политбюро, которое стало высочайшей инстанцией, решавшей судьбу страны. В состав Политбюро первого состава вошли Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Крестинский. Когда Троцкий находился в Москве, он неизменно активно участвовал в заседаниях Политбюро, вносил предложения, запросы, кандидатуры на партийные и государственные посты. На заседании 18 апреля 1919 года из семи вопросов пять рассматривались по его инициативе, в том числе такой, казалось бы, частный, как заявление о том, что член Реввоенсовета 2-й Армии Штернберг «сильно харкает кровью и нуждается в отпуске на юг».^[630] На ряде заседаний Политбюро рассматривались его телеграммы с фронта. Так, 6 августа 1919 года была заслушана телеграмма о необходимости «радикальной чистки тыла в Киеве, Одессе, Николаеве и Херсоне ввиду полной невозможности формирования и создания армии при том бандитизме, который идет на Украине».^[631]

Против белых генералов и Польши

Военные действия 1919 года по существу были заключительным актом Гражданской войны. Антибольшевистским генералам и политикам не удалось объединить вокруг себя массы населения, в их руководящих организациях шли непрекращавшиеся дебаты, сменявшиеся иногда генеральскими репрессиями, как это сделал Колчак, установив свою военную диктатуру в Сибири. Что касается поддержки странами Антанты белых генералов, то она состояла в поставках небольшого количества вооружения. Десанты английских, французских войск на Севере, японских и американских войск на Дальнем Востоке были настолько незначительными, что существенного влияния на военные действия не

оказывали.

Основными врагами, против которых вела войну большевистская Россия, были войска адмирала А. В. Колчака на Востоке, генералов А. И. Деникина на Юге и Н. Н. Юденича под Петроградом. В 1920 году, когда эти силы были разбиты, несколько месяцев шли военные действия против Польши, а затем из Крыма была выбита армия генерала П. Н. Врангеля. Существенной опасности для власти большевиков они не представляли, хотя поражение Красной армии под Варшавой летом 1920 года, вошедшее в историю как «чудо на Висле», не только сорвало экспорт революции в Центральную Европу, но и легло позорным пятном на репутацию Красной армии.

В 1919–1920 годах Троцкий продолжал осуществлять руководство операциями Красной армии, неоднократно вступая в столкновения как с высшими партийными руководителями, так и с военными на фронтах. Среди них были и военные специалисты, в том числе самого высокого ранга. Добившись признания их статуса Восьмым съездом, Троцкий чувствовал себя свободнее в конкретных фронтовых коллизиях. «Было четыре случая стратегических разногласий, которые захватили центральный комитет, — писал он через десять с лишним лет. — Иначе сказать, разногласий было столько, сколько было главных фронтов».^[632] Изучение документов истории Гражданской войны показывает правоту этого суждения.

Первый спор разгорелся по поводу того, какому фронту дать предпочтение летом 1919 года. К этому времени войска Колчака были остановлены на Урале. Опасность прорыва сибирской армии в Центральную Россию, возникшая в марте 1919 года и предопределившая срочный отъезд Троцкого на фронт, его неучастие в Восьмом съезде, была ликвидирована. В этих условиях главком Вацетис считал целесообразным перебросить значительную часть войск на юг, где закрепляла свои позиции в контакте с командованием казаческих частей Добровольческая армия Деникина.

Это намерение встретило сопротивление командующего Восточным фронтом С. С. Каменева. Сергей Сергеевич Каменев, родившийся в 1881 году, бывший полковник царской армии, имел большой боевой опыт. Окончив Академию Генерального штаба в 1907-м, он занимал различные командирские должности в войсках. После Октябрьского переворота он перешел на сторону большевиков и служил в Красной армии. Теперь Каменев вступил в спор с главкомом Вацетисом и поддержавшим его «вождем» Красной армии Троцким. Возник конфликт, тем более

значительный, что в нем участвовали в качестве противников Троцкого не малограмотные в военном отношении Сталин и Ворошилов, а опытный военный специалист, на сторону которого стали партийные представители на Восточном фронте И. Т. Смилга и М. М. Лашевич (тот самый, которого Ленин однажды собирался сделать главкомом).

Троцкий все более склонялся к мнению, что Южный фронт становится важнее Восточного, и стал на сторону Вацетиса. Но ЦК 3 июля 1919 года вынес решение по военным вопросам, которое, казалось бы, означало поражение Троцкого.^[633] Постановление предусматривало перенос Полевого штаба Реввоенсовета из Серпухова в Москву с целью установления за ним более бдительного партийного контроля^[634] и назначало С. С. Каменева главнокомандующим.^[635]

Оба пункта противоречили позиции Троцкого. Но более всего его возмутило решение реформировать Реввоенсовет, изгнав из него прежних членов, которых с величайшим трудом он подбирал, и назначить новый состав «из шести фактически работающих в нем товарищей», куда вошли, кроме самого Троцкого в качестве председателя и верного ему заместителя председателя Склянского, лица, ему чуждые и порой даже враждебные. В их числе были главком Каменев, умеренный большевик А. И. Рыков, которого Троцкий считал вообще полуменьшевиком (Рыков к тому же любил изрядно выпить,^[636] что Троцкий не терпел), и связанные с Каменевым политработники Восточного фронта Гусев и Смилга. Особым пунктом Г. Е. Зиновьеву, к которому Троцкий относился с холодным презрением, считая его карьеристом и паникером, поручалось подготовить проект письма ЦК к военным комиссарам (правда, обсудив его текст с Троцким), а Троцкий совместно со Смилгой должен был составить проект инструкции о правах и обязанностях комиссаров в армии.^[637]

Голосование этой резолюции проводилось в отсутствие Троцкого: поняв, что вопрос о снятии Вацетиса и назначении Каменева предрешен, он поднялся с места и покинул заседание. Несколько дней Троцкий находился в постели, чувствуя обычный приступ недомогания, которые у него случались после сильных переживаний.

Однако расставаться с Троцким как одним из высших руководителей не входило в планы Ленина. Происходила общая переориентация военных планов большевистского руководства. Ленин понял, что зашел слишком далеко в своей игре. Примерно 4 июля, то есть сразу после злосчастного заседания ЦК, появилась ленинская записка:

««Троцкий не будет — лежит в постели».^[638]

Тов. Склянскому.

Болезнь Троцкого — прямо несчастье в данный момент.

Надо 1) изо всех сил ускорить посылку 2-х дивизий из-под Перми и 2) Вам следить за югом, два раза в день говоря с Гусевым».^[639]

Записка свидетельствовала не только о желании Ленина сохранить добрые деловые отношения с Троцким (понятно, что в силу близких отношений Склянского с Троцким она будет передана последнему^[640]), но и о начале военной переориентации на Южный фронт, предпринимаемой Каменевым под покровительством Ленина, как только бывший командующий Восточным фронтом добился желаемого высшего военного поста.

Неудача обернулась успехом Троцкого, который он пожелал закрепить при помощи своей фиктивной отставки из Политбюро и с постов председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам. Подобные «отставки», заранее рассчитанные на отказ, большевистские лидеры начали предпринимать сразу после Октябрьского переворота, а позже будут несколько раз использоваться Сталиным для закрепления единоличной власти.

Совместное заседание Политбюро и Оргбюро ЦК единогласно отклонило отставку Троцкого. Более того, содержание и стиль принятого решения выглядят заискивающими в отношении наркомвоенмора с явным прицелом на его умиротворение. В решении говорилось: «Орг[анизационное] и Полит[ическое] Бюро ЦК сделают все от них зависящее, чтобы сделать наиболее удобной для т. Троцкого и наиболее плодотворной для Республики ту работу на Южном фронте, самом трудном, самом опасном и самом важном в настоящее время, которую избрал сам т. Троцкий... Твердо уверенные, что отставка т. Троцкого в настоящий момент абсолютно невозможна и была бы величайшим вредом для Республики, Орг[анизационное] и Полит[ическое] Бюро ЦК настоятельно предлагают тов. Троцкому не возбуждать более этого вопроса и исполнять далее свои функции, максимально, в случае его желания, сокращая их ввиду сосредоточения своей работы на Южфронте».^[641] Как мы скоро увидим, ни в малейшей степени Ленин и окружавшие его партийные функционеры не собирались отказываться от своей власти ни в военной области, ни тем более в связанных с ней политических делах.

В то же время конфликты Троцкого с членами Политбюро и другими лидерами создавали вокруг него обстановку нервозности, недовольства, обид и слухов, порой самых нелепых, исходивших то ли от конкретных должностных лиц, то ли приписываемых им. Позже некоторые слухи повторял Сталин в стремлении скомпрометировать Троцкого, который станет руководителем объединенной оппозиции в ВКП(б). В сентябре 1927 года Троцкий писал Л. П. Серебрякову об одном из фантастических утверждений Сталина — будто он, Троцкий, явился на Южный фронт всего один раз, «крадучись, на полчаса, в автомобиле с женой». Троцкий тогда прервал Сталина возгласом, что его слова — чистейший вздор. Сталин ответил, что ручается за каждое слово и в подтверждение сослался на Серебрякова.^[642] К чести Серебрякова, он отказался подтвердить достоверность инсинуации.^[643]

Между тем, добившись желаемого и закрепив свои властные позиции, Троцкий немедленно отбыл на Южный фронт. Уже 11 июля он провел совещание политработников 8-й Армии в своей ставке в Воронеже, на котором организовал своеобразный плебисцит, поставив на голосование вопрос: должна ли оставаться в силе нынешняя политика военного ведомства или ее следует изменить? За сохранение курса проголосовал 41 участник совещания, быстро усвоившие, куда дует ветер, против — только два.^[644]

Основное внимание летом 1919 года было перенесено на Южный фронт. Здесь также проявились, правда, не столь остро, разногласия Троцкого с другими лидерами. В то же время личные конфликты между Троцким и Сталиным вновь на этом фронте не возникали, хотя впоследствии были в советских верхах изобретены.

Троцкий исходил из того, что силы противника на Юге состояли из двух частей: казаческих соединений и Добровольческой армии Деникина, ставивших разные задачи: Деникин стремился организовать наступление на Москву, казачество «хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян».^[645] Разумеется, в суждение мемуариста следует внести уточнение: казаки защищались не от рабочих и крестьян, а от большевистского произвола, хотя, действительно, в то же время весьма настороженно относились к проникавшим в их среду инородцам. Но так или иначе, если отрешиться от политических штампов, Троцкий был прав. Повести казаков на Москву Деникин был не в состоянии.

Именно поэтому нарком возражал против плана действий в тылах деникинской армии, в казацких районах. Он требовал сосредоточить

главные силы против Добровольческой армии, не нанося бокового удара в направлении на Кубань, на чем настаивал Каменев, а наступая на Харьков и Донбасс. «Вопрос о казачестве оставался бы самостоятельной задачей, не столько военной, сколько политической».^[646]

Первоначально возобладал план Каменева. В то время как соединения Красной армии действовали по тылам, Деникин развернул наступление на Москву. 6 сентября Троцкий, находившийся на Южном фронте, связался по прямому проводу с Лениным, убеждая его, что необходимо перенести главный удар на центральное направление,^[647] поскольку опасность «прорыва фронта на участке Курск-Воронеж становится очевидной».

К этому мнению прислушались не сразу. В середине октября Деникин занял Орел, подошел к Туле, стал угрожать столице. Только тогда Троцкому удалось добиться реализации своего плана, сосредоточив основные усилия на отпоре Деникину. Но к этому времени (осень 1919 года) и без каких-либо уговоров было ясно, что «периферийная стратегия» себя не оправдала.

В начале октября 1919 года угрожающее положение сложилось в районе Северной столицы. Возникла угроза занятия города армией генерала Юденича. Троцкий выехал в Петроград, где обнаружил растерянность. Центром паники нарком считал Зиновьева, обладавшего кучей званий, которые делали его местным диктатором. Свое мнение о Зиновьеве, субъективное, но не лишённое черт, подтверждаемых другими наблюдателями, Троцкий выразил так: «Зиновьев очень легко взбирался на седьмое небо. Когда же дела шли плохо, Зиновьев ложился обычно на диван, не в метафорическом, а в подлинном смысле, и вздыхал... На этот раз я застал его на диване».^[648]

В первые дни после прибытия Троцкого положение продолжало ухудшаться. 20 октября Троцкий вместе с Зиновьевым информировал Ленина, что противник наступает на Царское Село, движется к Колпину.^[649] В следующие дни, однако, наметился перелом. 21 октября войска Юденича попытались овладеть Пулковскими высотами, но потерпели поражение. «Исход сегодняшнего дня можно оценить как вполне благоприятный», — констатировал Троцкий.^[650] В следующие дни Красная армия смогла развить наступление.

Троцкий покинул Петроград в уверенности, что городу не угрожает опасность. Возможность уличных боев была предотвращена. 7 ноября наркомвоенмор выступил на заседании ВЦИКа с докладом об обороне Петрограда,^[651] сообщив, что Красная армия заняла город Гдов —

единственный важный опорный пункт Юденича, а также информировал о первых боях с участием с обеих сторон танковых подразделений. До возникновения войн моторов было еще далеко, но признаки, предвещавшие таковые, уже появлялись.

Разумеется, Троцкий не командовал непосредственно частями Красной армии, оборонявшими Петроград, а затем перешедшими в контрнаступление. Но он действительно осуществлял общее руководство обороной и наступательными действиями, возглавлял выработку и принятие основных оперативных решений, фактически отстранив впавшего в панику Зиновьева. В этом смысле Троцкий сыграл важную роль в том, что большевикам удалось удержать в своих руках Северную столицу.

Двадцатого ноября Президиум ВЦИК наградил Троцкого орденом Красного Знамени в ознаменование его заслуг «перед мировой пролетарской революцией и Рабоче-Крестьянской Красной Армией». ^[652] Этого же ордена был удостоен поезд наркомвоенмора, ^[653] что, кажется, явилось первым в истории награждением не лица, а целого коллектива вне зависимости от того, кто в нем состоял. Излагая этот эпизод, наркомвоенмор подчеркивал свою скромность. «Мне ничего не оставалось, как подчиниться условности», — писал он, вспоминая заседание Политбюро, на котором было принято соответствующее решение. ^[654]

Троцкий рассказывал, что сам был инициатором введения этого ордена, вручаемого за непосредственные боевые заслуги под огнем. ^[655] Здесь, однако, ни о каком подчинении условности не может идти речь. Троцкий, не находившийся в Петрограде под огнем, просто не подпадал под те условия (а не условности), которым должен был соответствовать кавалер этого ордена. Так что в данном случае, как и во многих других, имело место явное тщеславие.

Л. Д. Троцкий продолжал осуществлять военно-стратегическое руководство во время кампаний 1920 года против Польши и войск генерала Врангеля.

Полувойна с Польшей шла почти весь 1919 год. Временами ситуация обострялась. В апреле 1920 года между Красной армией и вооруженными силами Польши, которыми руководил глава Польского государства Юзеф Пилсудский, начались широкомасштабные военные действия. Польским войскам удалось занять Киев. Однако эти успехи оказались кратковременными. Положение Советской России было несравненно прочнее, чем в предыдущие два года. Основные антибольшевистские формирования были разбиты. Красная армия представляла значительную

военную силу. 29 апреля ВЦИК и Совнарком утвердили обращение «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России», написанное Троцким.^[656] Обращал на себя внимание акцент заголовка: впервые в обращении такого рода употреблялся термин «честные граждане». Иначе говоря, война рассматривалась теперь не только как классовое противоборство, но и как защита национальных интересов России. Хотя классовая риторика преобладала, сама по себе эта новая интонация была показательной, особенно для Троцкого. Она свидетельствовала о том, что вопросы международной пролетарской революции и для него, ее самого ярого поборника, если не снимались с порядка дня, то в значительной степени отходили на второй план.

Вскоре Красная армия перешла в контрнаступление, заняла Киев, а затем продолжила военные действия в западной части Украины и на территории Польши. Иллюзия, что трудящиеся Польши не будут воевать со «страной победившего пролетариата», поначалу была значительной. По инициативе Троцкого реввоенсоветы армий издали массовым тиражом для распро странения в польской армии «Пропуск в Российскую Социалистическую Советскую Республику».

Но утопичность планов советизации Польши постепенно становилась ясной для некоторых большевистских руководителей, прежде всего для Троцкого. В сложившихся условиях роли радикально поменялись. В начале 1918 года Троцкий выступал против подписания мира с Германией, тогда как Ленин настаивал на заключении «похабного мира». Теперь Ленин, опьяненный военными успехами, требовал продолжать наступление, а Троцкий настаивал на скорейшем заключении мира. Ленин был буквально одурманен. Иначе как можно объяснить его смехотворную телеграмму члену Военного совета Западного фронта И. Т. Смилге от 20 августа: «Необходимо налечь изо всех сил, чтобы белорусские рабочие и крестьяне, хотя бы в лаптях и купальных костюмах (! — **Г. Ч**), но с немедленной революционной быстротой дали вам пополнение в тройном и четверном количестве». Со свойственной ему настойчивостью Ленин продолжал оказывать давление. От главкома Каменева он требовал примерно 14 августа «во что бы то ни стало взять Варшаву в 3–5 дней».^[657] По настойчивой рекомендации Ленина Троцкий внес на рассмотрение Политбюро 10 августа 1920 года предложение направить на Западный фронт «некоторое количество» немцев-коммунистов^[658] — для использования, когда Красная армия подойдет к германской границе.

Тем не менее Троцкий понимал иллюзорность расчетов, что

трудящиеся Польши поднимутся против своего правительства. Он, правда, объяснял это не чувствами патриотизма, а «разными масштабами», которыми измеряются войны и революции.^[659] Фактически Троцкий присоединялся к тем, кто менее вычурно и более примитивно, но так же ложно объяснял патриотический порыв поляков их несознательностью и антисоветской пропагандой правящих классов.

И все же трудно сказать, как развивались бы события, если бы в дело не вмешались амбиции большевистских деятелей. В то время как войска Западного фронта под командованием М. Н. Тухачевского наступали на Варшаву, группа армий Юго-Западного фронта под командованием А. И. Егорова продвигалась к Львову. Если «партийным контролером» Западного фронта в качестве члена Реввоенсовета был И. Т. Смилга — деятель среднего ранга, то аналогичные функции у Егорова выполнял член Политбюро Сталин, под полным влиянием которого находился командующий фронтом. Егоров и Сталин стремились захватить Львов и игнорировали новые и новые приказы Троцкого о нанесении удара по флангу польской армии под Варшавой. Когда в конце концов распоряжение нехотя было выполнено, оно оказалось запоздавшим.

Польские войска под Варшавой в середине августа перешли в контрнаступление и отбросили Тухачевского почти на 600 километров. Произошедшее «чудо на Висле» отнюдь не было чудом, а явилось результатом закономерного развития событий.

Троцкий в это время находился на Южном фронте, где готовилась операция против войск Врангеля. Возвратившись в Москву, он столкнулся с настроениями в пользу новой польской кампании, которые поддержал Ленин, хотя, по словам Троцкого, «без той уверенности и настойчивости, что в первый раз».^[660] Сам же Троцкий, и ранее выступавший против активных наступательных действий в польской кампании, теперь решительно высказался за скорейшее заключение мира в основном на условиях, которые в разгар наступления Красной армии предложил британский министр иностранных дел Джордж Керзон.^[661] Ленин отсрочил решение вопроса до поездки Троцкого на Западный фронт, чтобы тот лично определил состояние Красной армии после отступления. Фактически это означало косвенное признание правоты Троцкого. «Чем ниже я спускался по военной лестнице — через армию к дивизии, полку и роте, — тем яснее становилась невозможность наступательной войны», — констатировал наркомвоенмор.^[662]

Осознав нереальность планов нового наступления на Польшу, Ленин

присоединился к позиции Троцкого о необходимости установления мирных отношений с этой страной. Согласно подписанному перемирию, а затем Рижскому мирному договору 1921 года (советскую делегацию возглавлял близкий к Троцкому А. А. Иоффе) граница между советскими республиками Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и Польшей — с другой, прошла значительно восточнее «линии Керзона». Не только в Германии, но и в Польше восстания не произошли. Горизонт перманентной революции все более отдалялся.

Положение дел не менял тот факт, что в ноябре 1920 года армия Врангеля была вытравлена из Крыма и эвакуирована на британских и французских кораблях в Турцию, а в следующие два года завершились военные действия на Дальнем Востоке, что означало окончание Гражданской войны.

Таковы были результаты, в которых большевистскому руководству пришлось заняться коренным изменением той внутренней политики, которая проводилась в первые годы его власти. В выработке этой политики, а затем в поисках путей ее приспособления к складывавшейся обстановке активнейшим образом участвовал Л. Д. Троцкий, который, занимаясь в первую очередь военными делами, не отказывался от вмешательства в остальные сферы социальной жизнедеятельности.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ЛИЧНЫЕ ПЕРИПЕТИИ ВОЕННОГО НАРКОМА

Правительственные и партийные дела

Будучи вначале вторым лицом в партийно-правительственной иерархии и наркомом иностранных дел, а затем возглавляя военное ведомство, Л. Д. Троцкий постоянно вмешивался во все сферы государственной деятельности, в выработку и реализацию большевистской политики. Дать всестороннее представление о всех этих делах лишь потому, что в них участвовал Троцкий, в этой книге невозможно. Остановимся на тех принципиальных мерах власти, инициатором или «мотором» реализации которых он являлся.

Все вопросы экономической, социальной, культурной политики решались Троцким не просто с «классовых» позиций. Он ранее многих

других большевистских деятелей пришел к выводу, что фактически сразу после Октябрьского переворота, несмотря на то что сам этот переворот произошел сравнительно бескровно и никакого «вооруженного восстания» не было, в стране начиналась Гражданская война. Именно эти слова — «открытая гражданская война» — были им произнесены в докладе о текущем моменте на заседании Совнаркома 28 ноября 1917 года. В этом духе Троцкий предложил текст воззвания ко всем трудящимся и эксплуатируемым, которое было принято.^[663]

Идея гражданской войны, по мнению Троцкого, заключалась в осуществлении мер террористического давления на население с целью заставить его отказаться от каких-либо посягательств на самостоятельные мнения и действия. Этой цели служил проект декрета о революционных судах, который по поручению Совнаркома (16 ноября 1917 года) выработала комиссия с участием Троцкого, о чем он доложил 22 ноября.^[664] На это же было направлено его предложение 3 декабря «следить за буржуазной печатью, за гнусными инсинуациями и клеветами против Советской власти и опровергать их». Решение о полном запрещении неудобных печатных органов у Троцкого, совсем недавно настаивавшего на полной свободе печати, пока не созрело. Принятое постановление было не просто половинчатым, а куцым: организовать в помещении Смольного стол вырезок из буржуазных газет.^[665] Но вектор развития большевистского курса в отношении прессы становился определенным.

Тем временем в стране все более обострялась продовольственная ситуация. Новые руководители вынуждены были всерьез обдумывать пути обеспечения хлебом жителей городов, особенно Петрограда и Москвы. Вначале рассматривались меры налаживания товарообмена. Но от компромиссных мер большевики вскоре отказались. Декрет ВЦИКа и СНК от 13 мая 1918 года о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию объявлял войну «деревенской буржуазии», под которой понималась основная масса крестьянства, за исключением наиболее бедной части и сельских батраков. Важнейшими из этих мер были организация вооруженных рабочих продовольственных отрядов (продотрядов) и создание комитетов деревенской бедноты (комбедов).

Л. Д. Троцкий находился в центре всех этих действий, означавших развязывание Гражданской войны не только по инициативе враждебных большевистской власти социальных сил, но и по вине самих большевиков, которые поняли, что держаться могут только благодаря репрессиям. Своего рода манифестом непримиримости явился доклад Троцкого на Московской

городской конференции РКП(б) 27 марта 1918 года, то есть тогда, когда он только приступил к исполнению обязанностей наркомвоенмора.^[666] Оратор призывал к ограничению «коллегиального начала», укреплению дисциплины, особенно на железных дорогах, которые необходимо было превратить «в часовой механизм». Строительство Красной армии связывалось с общим состоянием власти, с ограничениями или отменой традиционно понимаемых демократических начал. Хотя аграрный вопрос оратор упоминал мимоходом (до введения продовольственной диктатуры оставалось несколько месяцев), он не преминул сказать о «мужицком быте», который в новых условиях превращал крестьянина в личность, полагающую, что она — центр мироздания.

В следующие месяцы, сосредоточившись на организации Красной армии и руководстве военными действиями, Троцкий ослабил внимание к внутренним проблемам, но возвращался к ним главным образом в связи с положением на фронтах и необходимостью как можно скорее завершить Гражданскую войну.

По мере нанесения ударов по антибольшевистским вооруженным силам перед страной вставали проблемы перехода к хозяйственно-социальной политике в мирных условиях. Отлично зная высокие организаторские качества Троцкого, его упорство в проведении линии, которую считал соответствовавшей интересам революции, Ленин стал склоняться к мысли поручить ему, в дополнение к военному ведомству, руководство железнодорожным транспортом, находившимся в катастрофическом состоянии.

Ленин предложил Троцкому стать наркомом путей сообщения в начале марта 1920 года. В ответ он писал 9 марта из Екатеринбурга: «Политбюро знает, что я совершенно не знаком с административным аппаратом Наркомпуть. На первоначальное ознакомление уйдет несколько недель... Это создаст крайне трудное положение. Смысл предложения Политбюро очевидно тот, чтобы на время междуцарствия^[667] не ослабевал административный нажим. Я не возражаю, но считал бы целесообразным, чтобы в соответствующем постановлении был отмечен временный характер назначения».^[668] Официально решение ВЦИКа о назначении Троцкого временно исполняющим дела наркома путей сообщения было принято 23 марта 1920 года.^[669]

Новый нарком перенес на транспорт опыт и нравы, сложившиеся в военном ведомстве. Он базировал работу на началах военного коммунизма, основы которого были подтверждены и еще более усилены Девятым

съездом РКП(б), состоявшимся в конце марта — начале апреля 1920 года, не только при прямом участии, но во многом благодаря инициативе Троцкого, хотя и неправильно, как делают некоторые авторы, приписывать ему решающую роль в интенсификации «военно-коммунистических методов».

На этом съезде Троцкий был одним из ключевых фигур. Его позиция была четко «военно-коммунистической». Он обрушился на членов так называемой «рабочей оппозиции», выступавшей за смягчение военно-коммунистических мер, столь же резко выступал против демократизации партийного аппарата, полагая, что такая мера явилась бы средством «уничтожить всякое руководство». Он предлагал провести еще ббльшую партийно-государственную централизацию путем создания новых органов — областных бюро при ЦК (прямо это не формулировалось, но по сути дела такая мера означала бы подмену выборных парторганов назначенцами Москвы). В связи с этим критиковались анонимные украинские партийные работники. Оратор, мол, встречал в некоем, не названном им городе «сколько угодно критики, брюзжания и болтовни, а когда приходилось мобилизовывать на фронт работников, шло 5 человек, а дезертировало 95».

Это было характерное признание, соответствовавшее реальности, — правившую партию все более заполняли новые кадры, стремившиеся приобщиться к власти и привилегиям. Однако Троцкий, как и другие партийные руководители, видевший усиливавшуюся коррупцию, перерождение партии из своего рода монашеского ордена в бандитское сообщество, оказывался в замкнутом кругу: связанное с централизацией бюрократизация и коррупцию он пытался ликвидировать еще большей централизацией. Он не был в состоянии осознать органическую связь перерождения правящей партии с сущностью создаваемой ею системы. Это глубочайшее внутреннее противоречие идеологии Троцкого сохранится всю его жизнь, при всех крутых поворотах судьбы.

Троцкий выступил на съезде с докладом о хозяйственном строительстве,^[670] что свидетельствовало о новом направлении деятельности, к которому он начал привыкать. Основное внимание уделялось организации труда, что определялось так: «Организация труда есть по существу организация нового общества, ибо каждое историческое общество есть организация труда. Мы организуем или приступаем к организации труда на новых социалистических основах». Увы, это были благие пожелания, ибо вслед за абстрактной фразеологией следовала оговорка, что элементы принуждения будут сохраняться.

Намечая перспективы хозяйственного развития, Троцкий

формулировал следующее распределение приоритетов: улучшение состояния транспорта; развитие машиностроения в интересах транспорта, добычи сырья и продовольствия; развитие машиностроения в интересах производства предметов массового потребления; производство предметов широкого потребления. Так определялся курс на преимущественное развитие средств производства в ущерб, а во многих случаях и при пренебрежении к производству предметов потребления. Этот курс был характерен для всего исторического пути коммунистической власти в СССР, за исключением отдельных непродолжительных отрезков. И по прениям, и по заключительному слову^[671] ясно видно, что в принципе против милитаризации труда никто не выступал. Более того, многие ораторы объединяли позиции Троцкого и Ленина в единое целое.^[672] Резолюция по докладу Троцкого, подготовленная им самим, была принята с незначительными поправками.^[673]

Как это ни покажется парадоксально, еще один доклад Троцкого — о переходе к милиционной системе в построении армии^[674] — прямо вытекал из его концепции экономического развития страны. Оратор исходил из того, что вооруженные силы должны соответствовать новому периоду — переходу к мирному строительству. Ставилась задача милитаризации не только труда, но всей страны. «Раз страна хочет поднять на ноги все боеспособное население, то нужно иметь огромные запасы вооружения и снаряжения».

Троцкий признавал колоссальные расходы, которых требовала милиционная система. Но это его не останавливало. Он ставил задачу «индустриализации армии». Видимо, это было первое употребление термина «индустриализация». Троцкий предлагал построить военные округа на базе хозяйственных единиц, добиваясь, чтобы все население округа, способное носить оружие, включалось «в определенные соединения, начиная с роты и кончая дивизией».

Идеи доклада, будучи выражением представлений, сложившихся у Троцкого в годы Гражданской войны, которые он стремился распространить на мирное время, не были особой позицией наркомвоенмора. Сохранение России в качестве «военного лагеря» соответствовало намерениям всей большевистской элиты, начиная с Ленина, ибо эта система являлась прикрытием всевластия политической верхушки. При обсуждении доклада о милиционной системе собственно дискуссии не было: затрагивались только второстепенные вопросы осуществления выдвинутых идей, а резолюция была принята единогласно.

[675]

К завершению Гражданской войны Троцкий являлся одним из ведущих большевистских деятелей. По-прежнему сосредоточенный в основном на военных и военно-хозяйственных делах, от идеи перманентной революции в международном масштабе он не отказывался ни в коем случае. В то время как строительство армии, победы на фронтах, преодоление хозяйственной разрухи находились на авансцене его деятельности, на заднем плане по-прежнему маячили образы и призраки мирового взрыва, который, как без должных к тому оснований надеялся Троцкий, мог вспыхнуть в любой момент.

Коммунистический интернационал

Сама революция в России рассматривалась Троцким, а поначалу и всеми новыми руководителями, как первая фаза мирового революционного пожара. При этом не проводилось никакого различия между государственными и партийными органами. 13 декабря 1917 года на свет появилось постановление Совнаркома за подписями Ленина и Троцкого, в котором говорилось прямо: «Совет Народных Комиссаров постановляет ассигновать на нужды интернационального движения в распоряжение заграничных представителей Комиссариата по иностранным делам 2 миллиона рублей».

Это было только началом расходования огромных средств на расшатывание и свержение властных структур зарубежных стран, на проведение революций, на создание зарубежных коммунистических партий, которые в основном послушно выполняли волю советских лидеров, не только подрывая внутреннюю стабильность своих стран, но и выполняя прямые разведывательные задания.

Исходя из концепции перманентной революции, а также опыта первых лет власти большевиков, Троцкий выражал убеждение, что построить социализм в отсталой, крестьянской России невозможно без поддержки извне. Он полагал, что необходимо во что бы то ни стало удержать власть, в то же время всячески помогая свергнуть существующий строй за рубежом. Только потом создастся возможность приступить к строительству социализма. В таком подходе заключались одновременно и неверие Троцкого в социалистические перспективы изолированной от остального мира России, и упорное стремление к утверждению «особой миссии» страны, революция в которой должна была явиться прологом зарубежного

революционного процесса.

Особые надежды возлагались на революции в Германии и Австро-Венгрии. В этом смысле символическим стало избрание в феврале 1918 года по предложению Троцкого почетными членами Петроградского совета левого германского социал-демократа Карла Либкнехта и австрийца Фрица Адлера, который в 1916 году убил премьер-министра Австро-Венгрии графа Штюргха.^[676] Вслед за этим, опять-таки по предложению Троцкого, Ф. Адлер был избран почетным председателем ВЦИКа. Обосновывая это предложение, Троцкий поставил в заслугу Адлеру именно убийство премьер-министра. Но когда Адлер, постепенно осознававший порочность экстремистских установок, отказался присоединиться к компартии, он был изгнан с почетной должности. В письме Троцкому Адлер выразил отвращение к тому, что после Октябрьского переворота «моим именем в России назывались казармы, дети, полки и т. д.». «Ваши друзья решили воспользоваться мной для своей рекламы, а Зиновьев просто приложил ко мне большевистский штампель... Вы прислали в Австрию деньги для переворота. К сожалению, Вы не смогли прислать с деньгами еще немного политического разума».^[677]

Постепенно надежды на международную революцию в ближайшее время рушились. Даже там, где революции произошли (в частности, в Германии и Австро-Венгрии), они пошли по иному пути, нежели предрекал Троцкий, и привели к демократическим, но не к социалистическим преобразованиям. Из концепции перманентной революции выбивался краеугольный камень: убеждение, что революция в России — лишь начало прорыва цепи империализма. Приходилось отказываться и от другой установки концепции, будто советский режим рухнет, если в скором времени не последуют революции в более передовых странах.

Однако отказываться от мировой, прежде всего европейской, революции Троцкий не собирался. Важным инструментом воздействия на социалистические силы за рубежом должна была стать особая международная организация. Подготовительную работу по ее созданию большевистское руководство начало с первых месяцев после прихода к власти. Дело, хотя медленно, продвигалось, и Троцкий был в центре усилий, которые осуществлялись в этом направлении.

В начале марта 1919 года в Москве удалось наконец созвать конференцию партий, пожелавших примкнуть к новому объединению. 4 марта конференция провозгласила создание III Коммунистического интернационала, а себя объявила его I конгрессом. Первую скрипку играли

Ленин и Троцкий, который написал текст основного документа — «Манифеста Коммунистического интернационала к пролетариям всего мира». Его содержание он обосновал в обширном и красочном выступлении.^[678] Если учесть, что программа Коминтерна была принята только через девять лет, становится ясно, насколько важным для нового объединения был этот временный программный документ (дополненный и видоизмененный, правда, документами следующего, II конгресса).

В нем крупными мазками создавалась тенденциозная картина тех ужасов, которые причинила человечеству мировая война, а затем делался поспешный вывод о «крушении капиталистического государства», о том, что гражданские войны навязываются трудящимся правящими классами, а «рабочий класс не может не отвечать на удар ударом». Объявляя о разрыве с «изжившими себя официальными социалистическими партиями», III Интернационал устами Троцкого провозглашал себя наследником многих поколений революционных борцов. Троцкий выступил на конгрессе также с докладом «Об РКП и Красной Армии»,^[679] в котором собственно о РКП(б) почти не было ни слова, но подробно говорилось о создании дисциплинированной армии. Признавая, что Советской республике необходимо выжить, он не оставлял агрессивного тона, завершив доклад словами о готовности прийти на помощь западным братьям.

Словесный портрет Троцкого на I конгрессе Коминтерна запечатлел американский журналист А. Рэнсом: «Троцкий в кожаном пальто, военных бриджах и гетрах, в меховой шапке с эмблемой Красной Армии на лобной части смотрелся очень хорошо, но это была странная фигура для тех, кто знал его как одного из крупнейших антимилитаристов в Европе». Когда Троцкий закончил речь и покидал трибуну, запротестовал фотограф, не успевший сделать снимок. Кто-то воскликнул: «Диктатура фотографа!» Однако Троцкий, всегда жаждавший публичности, вновь поднялся на трибуну и ожидал, пока фотограф не завершил свое дело.^[680]

Казалось, первые месяцы после конгресса подтверждали близость революционного пожара в Европе. Советские республики были провозглашены в Венгрии и в юго-западной части Германии — Баварии (последняя, правда, продержалась лишь две недели). Троцкий, поддержанный Лениным, был убежден, что Россия должна оказать военную помощь Венгрии. 18 апреля 1919 года они направили телеграмму украинским руководителям с требованием сосредоточить войска на юго-западном направлении с целью «облегчения Венгрии».^[681] Но надежды, что венгерские события будут новым катализатором революции в Европе,

не оправдались. Пока в высших большевистских кругах обсуждался вопрос о вооруженном вмешательстве, Советская республика в этой стране была разгромлена внутренними силами, поддержанными Антантой.

Такое развитие событий заставило Троцкого круто менять международно-революционную ориентацию. Из своего поезда 5 августа 1919 года он направил в ЦК обширное письмо,^[682] где выдвигал на первый план то, что вчера еще стояло на втором. Совсем недавно трубивший о развертывании революции в центре Европы, Троцкий вынужден был признать, что «инкубационный, подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма длительное время». Он, однако, не отчаивался и призывал повернуться к Востоку.

Наркомвоенмор полагал теперь, что в Азии Красная армия явится более значительной силой, нежели в Европе. «Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию». Для подготовки вторжения в азиатские страны Троцкий требовал создания в ближайшей перспективе могущественной промышленной базы на Урале и в Сибири. Но речь шла не только об экономической подготовке новой интервенции. Нарком мыслил более близкими категориями, считая, что успех Красной армии на Урале и в Сибири поднял престиж Советов во всей Азии, которым следует воспользоваться незамедлительно. Он полагал, что приостановка европейской революции может продлиться сравнительно долгое время, которое он, впрочем, измерял несколькими годами, но отнюдь не десятилетиями. «Ареной близких восстаний может стать Азия. Наша задача состоит в том, чтобы своевременно совершить необходимое перенесение центра тяжести нашей международной ориентации».

Все эти рассуждения можно было бы принять за осознание им коренных пороков концепции перманентной революции. Но такого рода соображения были далеки от духовного и идейного склада Троцкого. Чуть ли не с маниакальной настойчивостью он требовал сохранения курса на международную революцию. Речь теперь шла лишь о центре, где ее следовало бы разворачивать при опоре на выросшую советскую военную силу. Таковой центр в представлениях Троцкого перемещался с Запада на Восток. Но любое изменение ситуации могло вернуть Льва Давидовича к европейским планам. Планы похода в Индию и другие страны Востока не получили одобрения Ленина. Последний, все более склоняясь к первоочередному решению внутренних проблем, в то же время не исключал возможности похода на Запад в случае успешных военных действий против Польши.

Именно в этих условиях летом 1920 года проходил II конгресс Коминтерна, который в полном смысле стал его учредительным конгрессом, ибо принял основополагающие документы: условия приема, устав и подготовленные Лениным тезисы по аграрно-крестьянскому и национально-колониальному вопросам.

Троцкий, занятый военными делами, участвовал только в ряде заседаний. Вечером 23 июля он выступил в прениях по докладу Зиновьева о роли партии со сравнительно небольшой, нехарактерной для него и по объему, и по содержанию речью.^[683]

Полемизируя с делегатами, выступавшими с позиций синдикализма, то есть признания профсоюзов высшей формой рабочей организации, Троцкий, неожиданно для самого себя, был мягок в споре. Он заявил, что во время мировой войны был дружен с французскими синдикалистами Пьером Монаттом и Альфредом Росмером (последний участвовал в этом конгрессе) и что они остаются ему значительно ближе, нежели реформисты. Поведение французских революционных синдикалистов оратор считал «предчувствием» дальнейшего развития, позволившего им «выдвинуть то небольшое меньшинство, которое к нам пришло на международный конгресс».

Это были любопытные мысли, возможно, устно высказанные еще более остро, которые свидетельствовали, что Троцкий не во всем разделял ленинские установки на создание четко структурированных компартий с жесткой дисциплиной, на формирование их международного объединения по такой же модели. Он чувствовал, что в Западной Европе построение компартий по большевистскому образцу встретит серьезнейшие затруднения. В речи он с симпатией вспоминал свое общение с французскими профсоюзными идеалистами, которые при всех своих анархистских наклонностях поднимали голоса против войны.

Трудно сказать, как реагировал Ленин на это выступление (документов на этот счет нет), но можно не сомневаться, что речь Троцкого вряд ли пришлась ему по вкусу.

Существенные отступления от этой позиции в сторону ленинских установок были сделаны Троцким в манифесте конгресса, который ему было поручено написать.^[684] Манифест подписали делегаты 32 партий и групп, вошедших в Коминтерн, а от имени российской делегации — В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Н. И. Бухарин и Л. Д. Троцкий.

В документе давалась коммунистическая интерпретация международных отношений после подписания Версальского мира и

делался вывод, что остались только два подлинно мировых государства — Великобритания и США. По мнению Троцкого, при апогее могущества Британии, особенно на морях, Соединенные Штаты все более выдвигаются вперед. Несмотря на политическую предвзятость этого суждения, в нем было зерно истины. Это была одна из первых констатаций резкого усиления позиций США в послевоенном мире.

Подготовленный Троцким и принятый конгрессом манифест во всеуслышание провозглашал распространение большевистской диктатуры на весь мир под видом пролетарских революций и национально-освободительных движений. Это был документ революционной экспансии, несовместимый с многочисленными заявлениями о намерении прекратить враждебные отношения с капиталистическими странами и перейти к установлению с ними официальных связей.

На первом заседании Исполкома Коминтерна (ИККИ) был утвержден окончательный состав этого органа, куда от России вошли шесть человек, в том числе Троцкий.^[685] Он участвовал в некоторых заседаниях ИККИ, выступал на них. Свою речь 21 ноября 1920 года Троцкий посвятил политике Коммунистической рабочей партии Германии — отколовшейся от компартии левацкой группы, которая была им обвинена в недоверии к пролетарским массам и путчизме.^[686]

Общие взгляды Ленина и других ведущих большевиков, а в первую очередь свои собственные, высказанные в полемике с теми, кто отстаивал идеи зарождавшегося демократического социализма, Троцкий запечатлел в небольшой книге «Терроризм и коммунизм», написанной в 1919 году в поезде наркома поздними вечерами и ночью, когда он был в состоянии чуть отвлечься от текущих дел.^[687]

Это был ответ на работу под тем же названием, только что изданную теоретиком и лидером германского и международного социалистического движения Карлом Каутским,^[688] с которым Троцкий ранее не был близок, но до 1917 года относился к нему с почтением. Теперь Каутский выступал как обвинитель большевистского режима, убедительно показывая аморальные и антидемократические методы, свойственные новым российским властям.

Троцкий не выбирал слов и выражений. Уже начало предисловия гласило: «Поводом к этой книге послужил ученый пасквиль Каутского того же наименования», а затем полились рекой разглагольствования по поводу «содействия мировым душителям социалистической России», «политического рутинерства», «подлого тупоумия» и т. п.

Пытаясь ответить на обвинения, вполне справедливые, а подчас даже смягченные, Троцкий прибегал к псевдотеоретическим измышлениям, которые можно свести к следующим положениям: цели и средства не связаны нераздельно друг с другом, вследствие чего различные классы могут использовать одни и те же средства (например, терроризм) для достижения различных целей; социализм не может быть достигнут без революционного насилия; «красный террор» был только ответом на «белый террор».

Л. Д. Троцкий не понимал, не способен был провести различие между фиктивной коммунистической моралью и общечеловеческой нравственностью, решительно связывающей в единое целое цели и средства, признающей аморальными цели, которые могут быть достигнуты только аморальными путями.

Как мы увидим, свой коммунистический, по существу дела, безнравственный подход к пониманию основ этики Троцкий сохранит в течение всей своей политической жизни. Пока же Каутский достойно ответил Троцкому в работе «От демократии к государственному рабству», [689] знакомство с которой предостерегло некоторых западных левых от присоединения к компартиям. Так что, оправдывая и превознося большевистский террор в России, Троцкий сослужил не лучшую службу делу международного коммунизма.

В кругу семьи и вне ее

В книге, написанной совместно с вдовой Троцкого Натальей Седовой и, видимо, опираясь на ее рассказы, В. Серж писал: «На протяжении всех этих лет (имеются в виду годы Гражданской войны. — **Г. Ч.**) Троцкий редко виделся со своей семьей и у него не было личной жизни». [690] Это суждение верно лишь отчасти.

Действительно, жизнь Льва Давидовича была до предела заполнена военными и политическими делами. Но он не был заскорузлым сектантом и отнюдь не лишал себя жизненных удовольствий. При малейшей возможности он отправлялся на охоту или рыбную ловлю и получал подлинное наслаждение, если попадалась хорошая добыча. Охотничью и рыболовную страсть он сохранит и будучи в оппозиции, и в изгнании, вопреки всем испытаниям, которые придется пережить.

Воспоминания Н. Седовой дают представление о быте семьи Троцкого

после переезда в Москву в середине марта 1918 года. В Кремле им была предоставлена квартира, принадлежавшая ранее кому-то из высших чиновников, просторная и удобная, если не сказать роскошная. Стены кабинета Троцкого были обшиты панелями из карельской березы с золотыми украшениями. Веселые комментарии вызвали статуи Купидона и Психеи, украшавшие кабинет. Троцкий переехал в Москву тайно в составе правительства, без семьи. Когда через несколько дней в новую столицу прибыли Наталья с сыновьями и Лев привез их в новую квартиру, он был несколько даже смущен, демонстрируя домашнее величие.^[691] Хотя, по свидетельству упоминавшегося журналиста Артура Рэнсома, побывавшего у него дома, Троцкий выбрал в Кремле довольно скромное жилье по сравнению с другими высокопоставленными деятелями, например Карлом Радеком и его супругой.^[692]

Быт тоже поначалу был скромным, причем Троцкий не раз подчеркивал: «Мы должны жить не лучше, чем в эмиграции». В те короткие периоды, исчислявшиеся подчас несколькими днями, когда глава семьи находился в Москве, семья обедала в совнаркомовской столовой, располагавшейся по соседству с квартирой Троцких. Иногда здесь проходили полуофициальные заседания, которые Седова явно идеализировала: «...Десять старых друзей собирались вместе без каких-либо формальностей или церемоний. Однажды дети затеяли возню в одной из комнат и почти бездыханные вломились через дверь, которая не была хорошо закрыта, прямо на заседание Политбюро. Высшие партийные авторитеты встретили их с восторгом».^[693]

Завтракал и ужинал Троцкий дома. Особо Наталья Ивановна не заботилась о приготовлении пищи, однако проговаривалась в мемуарах, что при всеобщем голоде высшие руководители вскоре стали получать редкие в то время деликатесы. Вначале это делалось, так сказать, по «личным каналам». Так, секретарь ЦК Л. П. Серебряков, курировавший быт руководства, организовал доставку сливочного масла, а чуть позже снабжение не просто высококачественными, но дорогими продуктами было введено в норму. «Порции черной икры, предназначенной для экспорта, но не находившей возможности быть куда-либо отправленной, заполняли серебряные сервизы», — писала Седова без тени смущения. Впрочем, как бы вспомнив «правила приличия», она тут же переходила к теме «злоупотреблений» привилегиями со стороны среднего звена руководителей, ни словом не упрекая своего супруга и его коллег по Политбюро в подобных прегрешениях. Все же, видимо, воспоминания

Седовой о сравнительной скромности ее мужа и других руководителей в основном были правдивыми. Новым хозяевам огромной страны было не до личных материальных устремлений. Все их время занимало решение глобальных проблем. «Развлечения и хороший отдых являлись непозволительной роскошью. Лев Давидович приходил домой из комиссариата на обед в Кремль, а затем растягивался на диване на три четверти часа».

Иногда Кремль навешали его ставшие взрослыми дочери — Зина и Нина, также переехавшие в Москву вместе с матерью А. Л. Соколовской. Боготворившие отца, девушки жаждали поговорить с ним о политике, узнать подробности из первых уст. Троцкий, однако, категорически отказывался касаться в разговорах с ними любых политических вопросов. [694] Вскоре дочери вместе с матерью вернулись в Петроград и встречи с отцом стали еще более редкими.

Супруга Троцкого не ограничивалась только домашними делами. В отличие от многих жен (а порой и любовниц) новых правителей, Наталья Ивановна обладала приобретенными в Сорбонне познаниями в области искусствоведения, особенно живописи. Эти знания пригодились ей на административной должности, которую она получила прежде всего благодаря положению мужа.

В мае 1918 года при Народном комиссариате просвещения, которым руководил А. В. Луначарский, одно время близкий к Троцкому, по инициативе известного живописца и искусствоведа Игоря Эммануиловича Грабаря был образован отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Грабарь сознательно отошел на задний план, предложив назначить заведующей отделом супругу Троцкого, что и произошло в июне того же года. Расчет на то, что Н. И. Седова станет влиятельным в наркомате лицом, полностью подтвердился.

По мнению Грабаря, «при новой власти больше пользы делу сохранения наследия принесет умное руководство Троцкой (Н. И. Седова значилась в документах Наркомпроса под фамилией своего мужа. — Г. Ч.), чьи авторитет и влияние в высших должностных кругах были неоспоримы. Грабаря же там не знали или относились к нему как к бывшему буржуазному «спецу», а значит, человеку ненадежному». [695] Следует добавить, что, рекомендовав Седову на административный пост и став ее помощником в качестве заведующего подотделом национального музейного фонда, И. Э. Грабарь обеспечивал себе личную безопасность, высокий оклад и влияние. [696]

Н. И. Седова оставила на своих постах специалистов, защищала их от притеснений, стремилась облегчить их материальное положение. До конца 1920 года на учет было взято свыше пятисот старинных дворцов и усадеб, из бывших дворянских имений вывезено в музеи более 100 тысяч произведений искусства, сотни библиотек и фамильных архивов. В числе спасенных благодаря деятельности отдела памятников были усадьба Галаховой в Орловской губернии, где был затем организован музей И. С. Тургенева, усадьба «Марьино», принадлежавшая князьям Барятинским в Курской губернии. Эту деятельность Луначарский назвал «положительным чудом».

Разумеется, никакого чуда или загадки здесь не было. Влияние Троцкого в сочетании с энергией и знаниями Седовой позволяли в какой-то степени сохранить художественные ценности, подвергавшиеся разграблению в ходе Гражданской войны, прежде всего маргинальными слоями, изобиловавшими в Красной армии, да и в армиях белых. Должность Н. И. Седовой-Троцкой считалась настолько ответственной, что вопрос о предоставлении ей отпуска решался на заседании Политбюро.^[697]

Ко времени окончания Гражданской войны относится немаловажный эпизод в личной жизни Л. Д. Троцкого, который запомнился ему и его супруге на всю жизнь.

У Троцкого и раньше случались внебрачные любовные приключения, оставшиеся, однако, «за семью печатями», будучи, скорее всего, не более чем физиологической потребностью при разлуке с женой. Я уже упоминал об убеждении Натальи Ивановны, что во время лекционных турне Лев вряд ли отказывает себе в плотских удовольствиях.

Непродолжительная любовная связь была у Льва Давидовича в начале Гражданской войны, во время его пребывания в Свияжске в 1918 году. Именно тогда в его распоряжение прибыл кронштадтский моряк Ф. Ф. Раскольников, ставший командиром Волжской флотилии. Вместе с ним приехала двадцатидвухлетняя Лариса Михайловна Рейснер, которая происходила из высокоинтеллигентной семьи профессора истории права Московского университета Михаила Александровича Рейснера, после октября 1917 года ставшего большевиком. Лариса уже успела побывать любовницей поэта Николая Гумилёва, а затем ринулась в революцию вместе с новым возлюбленным Раскольниковым, за которого вышла замуж.

Обладая немалым журналистским и более скромным поэтическим талантом, личной отвагой, Лариса Рейснер не удовлетворялась ролью очеркиста и жены военного моряка. Она стала выполнять разведывательные задания Троцкого, под видом крестьянки отправлялась

во вражеский тыл.^[698] Недолгое время, во время отсутствия Раскольников, который участвовал в военных операциях, Лариса проводила ночи вместе с наркомом в купе его поезда. Автор одной из статей полагает, что Троцкий был для Ларисы воплощением стихии, которую она стремилась подчинить себе. Менее достоверным представляется рассказ о том, будто Раскольников застал их «на месте преступления», но понял и простил обоих.^[699]

Тем не менее интимная связь «валькирии революции»,^[700] как называли Ларису Рейснер, с наркомом была. Необычайно нежно для Троцкого и не без намека на близость Лариса описана в книге его воспоминаний: «Ослепив многих, эта прекрасная молодая женщина пронеслась горячим метеором на фоне революции. С внешностью олимпийской богини она сочетала тонкий иронический ум и мужество воина».^[701]

Встретившись, Троцкий и Рейснер просто не могли не потянуться друг к другу. И дело здесь не только в естественном взаимном влечении между молодой очаровательной женщиной и обаятельным мужчиной средних лет. Не менее сильным магнитом была общность психологических, ментальных установок. Ларисе, как и Льву, свойственна была склонность играть на публику, обоим присуща абстрактная любовь к «трудовому человечеству» при пренебрежении каждым отдельным человеком. В то же время их динамизм и стремление к новым и новым впечатлениям, как и полная поглощенность Троцкого фронтовыми делами, предопределили краткость связи.

Вскоре Лариса Рейснер создала поэму «Свияжск», посвятив ее Троцкому. А в книге очерков «Фронт», мысленно возвращаясь к тому же Свияжску, Рейснер писала, что Троцкий был человеком, «сумевшим дать новорожденной армии железный костяк, сам приросший к месту, решивший не трогаться, что бы там ни случилось, сумевшим показать этой кучке защитников еще более глубокую, металлическую невозмутимость».^[702]

Прошло два года, и осенью 1920 года наркомвоенмор внезапно увлекся другой женщиной, причем не просто «социально и политически чуждой», а происходившей из высшего аристократического круга страны, которая рассматривалась в качестве главного врага молодого Советского государства. В дополнение ко всему, это была двоюродная сестра того самого Уинстона Черчилля, которого именовали организатором «похода четырнадцати держав» против Советской России.

Звали эту женщину Клер Шеридан. Она родилась в 1885 году, получила великолепное художественное образование, стала скульптором. Это была одаренная натура художника, обладавшая к тому же даром слова, относившаяся к условностям своего окружения с чувством раздражения, верившая в свободную любовь и не раз претворявшая свои страстные порывы на практике.^[703] Из-за этого происходили стычки с кузеном, ставшим известным политическим деятелем, который осуждал ее привычки и богемное окружение.

Под напором семьи Клер в 25 лет вышла замуж, родила двух дочерей и сына. Одна из дочек скончалась в раннем возрасте в 1914 году, и мать создала ей надгробный памятник в виде ангела. Вслед за этим она пережила еще одно горе — на фронте мировой войны погиб ее муж. После этого она полностью отдалась художественному творчеству, основным направлением которого стало создание скульптурных портретов.

В октябре 1920 года Клер Шеридан приехала в Москву. Она хотела увидеть тот «новый мир», который пытались создать большевики, и запечатлеть в скульптуре образы их лидеров, прежде всего Ленина и Троцкого. Ленин согласился позировать, и работа была выполнена быстро. Судя по тому, что Шеридан почти ничего не пишет о ней в воспоминаниях,^[704] вождь большевиков не произвел на нее значительного впечатления.

С Троцким дело обстояло сложнее, так как в это время его не было в Москве. Л. Б. Каменев пообещал, что она сделает бюст Троцкого, как только он вернется с фронта.^[705] Обещание было выполнено. За Клер прислали легковую машину, прибывшую вовремя, что ее удивило среди неразберихи, царившей тогда в советской столице. Впрочем, ей рассказывали — и этот рассказ-вымысел свидетельствовал о том, какую репутацию заработал себе Троцкий в московских кругах, — что бывший личный шофер Троцкого также был неаккуратен и однажды довел своего шефа до такого бешенства, что тот его пристрелил!^[706]

По рассказу Шеридан, оказавшись в приемной Троцкого, она увидела группу «молодых солдат». Один из них позвонил своему начальнику с вопросом, может ли войти британская дама. Пройдя мимо часового с винтовкой у входа в кабинет, Клер впервые увидела Троцкого. «У него были очаровательные манеры, но он не улыбался» — так передала она первое впечатление.^[707] После вступительных слов (Троцкий поинтересовался, не холодно ли ей, и, услышав подтверждение, вызвал прислугу, которая растопила камин) началась работа. Когда Клер приступила к эскизам, по ее рассказу, Троцкий в упор на нее взглянул и

внезапно заявил, что ему доставляет удовольствие смотреть на нее. ^[708]

С первых минут вид наркома произвел на Шеридан неотразимое впечатление. По ее воспоминаниям, у Троцкого было асимметричное лицо, как будто состоявшее из двух различных частей. «В анфас он был Мефистофелем, его брови подняты вверх, а нижняя часть лица тонула в острой и непокорной бородке. Наиболее выразительными были глаза; у них было удивительное свойство зажигаться и сверкать, как электрическая искра; он был живым, активным, впечатлительным, *moqueur*, ^[709] он обладал магнетизмом, которому он был очевидно обязан своим уникальным постом».

Правда, Клер писала, что он сам придавал особый смысл своему делу. Британская дама не преминула упомянуть, что, хотя Троцкий был евреем, его любила Красная армия. Чуть отвлекаясь от главной линии повествования, мемуаристка рассказывала, что когда Троцкий появлялся в ложе оперы, весь зал поднимался, чтобы его приветствовать. Но с самого начала впечатления были сугубо интимными. Троцкий предстал перед довольно искушенной в любовных делах Клер не как политик или военный, а как неотразимый мужчина.

Возникшее чувство было взаимным. После первых полукуртуазных-полуделовых встреч, когда Троцкий позировал Клер по пять минут каждые полчаса, он как-то предложил ей приехать к нему вечером, чтобы поработать только при электрическом свете. Избранный повод может показаться смехотворно детским — целесообразность поработать на закате дня он обосновал тем, что художница выглядела утомленной!

После этого начались интимные вечера. Клер Шеридан в воспоминаниях рассказала, естественно, только часть того, что происходило между нею и наркомом. В то время не принято было в дамских мемуарах излагать все интимные подробности, как это довольно часто практикуется в наши дни. Но из контекста воспоминаний можно представить, что происходило в промежутках между чаепитиями, творческой работой и рассказами Троцкого о своей жизни в эмиграции, о Гражданской войне и т. д. Когда Клер появлялась в его кабинете, он целовал ее замерзшие руки, согревал их у камина.

Сама работа Шеридан была своего рода любовной утехой. Обещанные пятиминутные перерывы для позирования растягивались во много раз, и только телефон, после многократных звонков, заставлял Льва оторваться от возлюбленной. Впрочем, вспоминая об этом, Клер тут же переводила изложение в более безопасное русло: «Его манеры были очаровательны. У

него была легкость человека, рожденного для высоких постов». Влюбленная англичанка наделяла партнера самыми возвышенными качествами, которые могла изобрести. Ее не волновало то, что Троцкий был одним из тех виднейших революционных деятелей, если не самым первым среди них, кто намеревался «разрушить до основания» мир, являвшийся естественной средой ее обитания. Из случайного замечания Клер о том, что Троцкий отлично говорил по-французски, можно заключить, что именно на этом языке они разговаривали. Ее мемуары, написанные на английском, не дают возможности определить, как обращались Лев и Клер друг к другу: на «ты» или на «вы» (оба местоимения в английском обозначаются одним и тем же словом). Но из характера реплик можно заключить, что официальное «вы» было скоро отброшено. Как-то Троцкий сказал ей: «Даже когда твои зубы стиснуты и ты сражаешься со своей работой, ты остаешься настоящей женщиной». [\[710\]](#)

Клер проводила в кабинете Троцкого все вечера и часто часть ночи. Очень скоро встречи стали необходимы обоим. Интимная близость перерастала в настоящее любовное увлечение. Во время одной из встреч Лев сказал: «Ты должна сделать это [место] своей постоянной студией. Мне нравится чувствовать, что ты работаешь здесь. Как только ты закончишь бюст, мы поломаем его и начнем сначала!» Клер ответила: «Я ожидала, что ты окажешься менее приветливым, и очень удивилась, увидев противоположное. Интересно, как я опишу тебя людям в Англии, которые думают, что ты монстр!» Тут же Лев якобы парировал, что, несмотря на то что он очарован ею как женщиной, он не поколебался бы застрелить ее, если бы увидел в ней опасность своему революционному делу. С чувством женской непосредственности и кокетства и в то же время с оттенком мазохизма Шеридан позже комментировала: «Я нашла эту хвастливую безжалостность особенно привлекательной!»

Но обычно разговоры велись не о революции и «красном терроре». Троцкий, как умел это еще с юношеских лет, демонстрировал возлюбленной эрудицию, которая, как мы знаем, была довольно поверхностной. Но все же он обсуждал с Клер стихи британского поэта конца XVIII — начала XIX века Перси Биши Шелли, цитировал писателя и социального реформатора XIX века Джона Рёскина, интересовался ее мнением о творчестве значительно более близкого к XX веку писателя Эдджертон Суинберна. [\[711\]](#)

Когда работа над бюстом была почти завершена и возникла опасность расставания, Троцкий предложил Клер поехать вместе с ним «на фронт»,

куда собирался отправиться на днях. Не очень разбравшаяся в событиях в России, англичанка предположила, что ей предстоит еще одна увлекательная авантюра, и с удовольствием согласилась.

Троцкий, однако, ввел ее в заблуждение, ибо фронта в конце 1920 года уже не было. Речь шла об инспекционной поездке, фактически почти безопасной теперь для поезда наркома. Вопрос о включении Клер Шеридан в команду легендарного «комиссариата на колесах» он согласовал с заместителем наркома иностранных дел М. М. Литвиновым. Но осуществить поездку Шеридан не решилась. Ее соотечественники в Москве пригрозили, что если она поедет с Троцким, то не будет допущена обратно в Великобританию, где оставались ее дети. Троцкий настаивал, но материнские чувства возобладали.

Последний вечер запечатлелся в памяти Клер особенно ярко своей интимностью и ощущением тоски. Лев сказал, что мечтал бы, чтобы она осталась в России, где ее ожидает большое будущее. Она ответила, что хотела бы этого, но не может оставить детей. Его реплика прозвучала неожиданно: «Если ты уедешь, vous nous salomniez,^[712] как остальные, я говорю тебе... я поеду за тобой в Англию и... я...» Лев не окончил. Клер ответила: «Я рада, что ты объяснил мне, как завлечь тебя в Англию!»^[713]

Вполне понятно, это были пустые разговоры, что осознавали оба. Ни о какой поездке в Англию не могло быть и речи, разве что Троцкий сбежал бы от своих собратьев по большевизму и оказался грандиозным невозвращенцем... Но настолько далеко его нежные чувства к Клер Шеридан не простирались. Троцкий был и оставался политиком, государственным руководителем и расставаться с властью не собирался.

Внезапно потух свет не только в кабинете, но и в соседних зданиях. Клер задумчиво спросила любовника, не началась ли контрреволюция, на что тот ответил: «Наверное, это то, чего ты желаешь». Шеридан в свойственной ей манере не осталась в долгу: «По крайней мере, это нарушит монотонность». Свет вскоре появился. Троцкий сам отвез Клер в гостиницу. Больше они не встречались.^[714] Правда, через день, поддавшись чувствам, Клер Шеридан изменила решение, попыталась позвонить Троцкому, чтобы сообщить, что едет с ним, но личный телефон наркома не отвечал. Она поспешила к Литвинову, который сообщил, что поезд Троцкого покинул Москву.^[715]

Любовная афера Клер Шеридан и Льва Троцкого осталась в памяти многих современников. Видный американский журналист Луис Фишер, много лет проработавший в Москве, не без понятного намека вспоминал

Клер как «привлекательную аристократку, красота которой нашла тонких ценителей среди высокопоставленных коммунистов». ^[716]

О том, насколько Клер была страстно увлечена и очарована Троцким, свидетельствует ее весьма эмоциональное письмо двоюродной сестре Шейн Лесли, отправленное из Москвы как раз в разгар связи с Троцким: «Он очаровательная личность с очень чувственным лицом и особенно восхитительным голосом — мы обсуждали с ним все от Шекспира, Шелли и Шеридана ^[717] до международной политики и до нас самих! У него тонкий ум латинянина, который способен передать что угодно, даже не высказывая это вслух. Его речь полна образов и воображения... Троцкий, наверное, самый прекрасный [человек], с которым я когда-либо встречалась». ^[718] Вряд ли это личное письмо дает адекватную характеристику человека, о котором идет речь, но чувства уже не юной девушки, а опытной женщины оно передает весьма рельефно.

Вскоре Клер Шеридан возвратилась на родину. В 1923 году она вновь побывала в России, провела две недели в Москве, но Троцкий с ней не встретился. Былые чувства ушли в прошлое. Впечатления от Москвы были теперь самыми отвратительными, скорее всего, именно по той причине, что Клер чувствовала себя отвергнутой. ^[719]

Память о краткой, но страстной связи осталась в памяти обоих на долгие годы, хотя и с разной эмоциональной окраской.

В личном архивном фонде Клер Шеридан сохранилась фотография, сделанная, скорее всего, без ее ведома: она стоит на коленях перед созданным ею бюстом Троцкого, обнимая постамент, и смотрит на него влюбленными глазами.

Что же касается Троцкого, то он вспомнил о своей связи с Клер через 17 лет, в Мексике, в письме жене, с которой произошла серьезная размолвка из-за его любовной связи с художницей Фридой Кало, о которой речь впереди. Временно уехав из пригорода Мехико, где он проживал, Троцкий писал ежедневные письма Наталье Ивановне, которая знала не только о нынешней, но и о давней супружеской измене и не простила ее. В письме от 12 июля 1937 года он писал: «Все, что ты говорила мне о нашем прошлом, правильно, и я сам сотни и сотни раз говорил это себе. Не чудовищно ли теперь мучиться над тем, что и как было свыше 20 лет тому назад? Над деталями?» ^[720] Лев Давидович настолько далеко отодвинул в своей памяти Клер Шеридан, что даже на три года сместил их недолгий роман. Эмоциональный зигзаг 1920 года не изменил привычного хода деятельности Троцкого. Он продолжал оставаться почти исключительно

политиком, государственным деятелем, прилагал все умственные силы, всю энергию делу укрепления большевистской власти в новых условиях перехода от войны к миру.

Глава 8

В УЗЛЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ «МИЛИТАРИЗАЦИЕЙ ТРУДА» И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОСЛАБЛЕНИЕМ

Еретическое предложение и его неудача

Когда в конце 1919-го — начале 1920 года военное напряжение стало ослабевать, Троцкий впервые после перехода в стан большевиков почувствовал неуверенность. Он стал сомневаться, правда робко, что при помощи мер «военного коммунизма», которые декретировались властями, — продразверстки на селе, национализации, трудовой повинности и других мер «огосударствливания» экономики, возведения насилия в высшую добродетель, — осуществлять руководство страной в мирное время чрезвычайно трудно. Он начинал осознавать, что такой курс чреват возникновением социального слоя бюрократии со свойственными ей пороками, из которых главным являлась все более усиливавшаяся коррупция.

У наркомвоенмора возникли колебания между двумя крайностями.

Он полагал, что добиться восстановления сельского хозяйства, а затем промышленности, продержаться, пока, наконец, поднимутся на революцию рабочие капиталистических стран и колониальные низы, можно при помощи мер, которые должны были привести либо к некоторому ослаблению лямок военного коммунизма, либо достраиванию военно-коммунистической системы, чтобы она охватила все общество и превратила Россию в единое военно-экономическое целое. Это стало бы основой коммунистического строительства, когда для него возникнут условия на базе международной революции.

С декабря 1919 года Троцкий ратовал за введение всеобщей трудовой повинности, чему посвятил тезисы, написанные 16 декабря, во время недолгого пребывания в Москве.^[721] Это был чудовищный документ всеобщего распределения трудовых ресурсов по тем отраслям, какие будут сочтены властями наиболее целесообразными, и «приучения» или, точнее, «приручения» населения к таковому распределению. Центральным являлся

пункт четвертый, гласивший: «До тех пор пока всеобщая трудовая повинность не войдет в норму, не закрепится привычкой и не приобретет бесспорного и непреложного для всех характера (что будет достигнуто путем воспитания, социального и школьного, и найдет полное выражение лишь у нового поколения), до тех пор, в течение значительного еще периода, переход к режиму всеобщей трудовой повинности должен неизбежно поддерживаться мерами принудительного характера, т[о] е[сть], в последнем счете, вооруженной силой пролетарского государства».

Однако в голове Льва Давидовича продолжали «прокручиваться» другие соображения, связанные с проблемой взаимоотношения города и деревни. Вскоре после появления на свет упомянутых тезисов Троцкий подготовил заявление в ЦК, выражавшее серьезные сомнения в целесообразности сохранения некоторых основ «военного коммунизма». Он назвал новый документ «Основные вопросы продовольственной и земельной политики». В экземпляре, адресованном Ленину, документ именовался «Предложениями». В почтотелеграмме Ленину, посланной из поезда наркомвоенмора, говорилось: «При сем препровождается Вам черновой набросок соображений: 1) по продовольственной политике; 2) о договорных отношениях в рамках общегосударственного хозяйственного плана. Ни то, ни другое не есть проект тезисов для оглашения, а лишь черновой набросок для согласования в ЦК. Если таковое будет достигнуто, формулировка должна быть существенно иная, особенно по продовольственному вопросу».^[722]

Троцкий констатировал, что государственная политика построена на отбирании у крестьян излишков сверх потребительской нормы, то есть минимально необходимых продуктов для того, чтобы, говоря простым языком, не протянуть ноги. Это, утверждал Троцкий, толкает крестьянина на обработку земли только в пределах потребности семьи. Более того, недавний декрет об изъятии третьей коровы «как излишней» приводит к тайному убою скота, нелегальной распродаже мяса, разрушению молочного хозяйства. Автор предупреждал, что продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата.

Речь шла не о пороках всей системы военного коммунизма, а только об одной его составной, правда, важнейшей, части — опасности сохранения продразверстки, лишившей крестьянство материальной заинтересованности. Троцкий не предлагал ввести свободную рыночную циркуляцию сельскохозяйственных продуктов. Полагая целесообразным заменить изъятие «известным отчислением», своего рода подходящим

прогрессивным натуральным налогом, он выражал робкую надежду, что такая мера может быть выгодной для крестьян при проведении «более крупной запашки или лучшей обработки», то есть при переходе к коллективной обработке земли. Троцкий предлагал также «постепенное ослабление нажима на кулака», «более осторожное отношение к крестьянским верхам».

Сам Троцкий позже, в 1924 году, переоценивал смысл и значение своих соображений. Он писал: «Весь текст в целом представляет довольно законченное предложение перехода к новой экономической политике в деревне... Предложения эти были тогда Центральным комитетом отклонены. Это и было, пожалуй, единственное разногласие по крестьянскому вопросу».^[723]

Документ был представлен высшим партийным кругам дважды. В первый раз Троцкий отправил его с Урала в феврале.^[724] Тогда на него просто не обратили внимания. Возвратившись в Москву, он вновь послал свои предложения Ленину, Крестинскому, Бухарину и Каменеву, считая их главными авторитетами. Но даже такая скромная инициатива была сочтена ересью. Ленин резко выступил за сохранение военного коммунизма в полном объеме. При обсуждении в ЦК, как отмечает Троцкий, его предложение было провалено одиннадцатью голосами против четырех. Агрессивная логика военного коммунизма продолжала господствовать в партийных верхах.

На сопроводительном письме к предложениям Ленин вначале написал: «Чернов[ик] соображений Троцкого». Видимо, тотчас после обсуждения на этом листе появилась ленинская резолюция: «В архив». Находясь в состоянии раздражения и вновь обратив внимание на документ Троцкого, лежавший на столе, Ленин еще раз написал: «В архив».^[725] Так и остался в архивном фонде ЦК партии этот удивительный документ с двумя одинаковыми ленинскими резолюциями — наверху и сбоку.

Что же произошло с Троцким? По каким причинам он не просто столь легко отказался от ограниченной, но все же явно продуктивной, как показало будущее, инициативы? Неужели речь шла всего лишь о подчинении партийной дисциплине и авторитету Ленина? Неужели Троцкий просто спасовал? Такого рода объяснения противоречат его характеру относительно самостоятельного политика, обычно упорно отстаивавшего взгляды, в правильности которых он был убежден.

Можно полагать, что в данном случае мы действительно имеем дело с крайне редкой для Троцкого двойственностью, с идеологическим и

политическим тупиком, в котором он оказался. Догмы перманентной революции требовали направить все усилия на выживание большевистской власти в России любой ценой вплоть до наступления заветной международной революции. Наилучшим средством для этого, в его представлении, могла служить жесткая система государственного управления всеми сферами жизнедеятельности населения, суровая дисциплина, обеспечение городского населения продуктами сельского хозяйства по голодным нормам при столь же нищенском существовании крестьянства, непререкаемое проведение партийной линии в идеологической и пропагандистской областях, безжалостное подавление недовольства, даже под коммунистическими знаменами. Троцкий представлял себе Россию как «военный лагерь», построенный по тем же принципам единоначалия и жесткого регулирования, которые он насадил в Красной армии.

В то же время он стал замечать, что эта система не просто дает сбой, но может начать рушиться, не дожив до запаздывавшей международной революции. Такого рода откровения возникали у эмоционального наркома не часто, но когда возникали, оказывали воздействие на образ его мыслей. Скорее всего, именно во время одного из таких «приступов разочарования» и возникло пресловутое письмо в ЦК.

Так что ни о каком убеждении Троцкого в том, что система военного коммунизма изжила себя, говорить не приходится. У Троцкого произошел непродолжительный «еретический загиб», который был быстро преодолен. Как бы исправляя «допущенную ошибку», не пошедшую дальше словесных объяснений, Троцкий в течение всего 1920-го и начале следующего года прилагал максимум усилий по насаждению мер военного коммунизма в тех областях, на которые распространял свое весомое влияние.

Главным направлением его деятельности стало практическое осуществление милитаризации труда, превращения значительной части Красной армии в «трудовую армию». А это означало не что иное, как попытку возвращения Советской России к фактически полурабскому труду миллионов людей.

Курс на трудовое принуждение

С начала 1920 года, когда было отвергнуто его «еретическое» предложение, основные усилия Троцкого были направлены на реализацию

трудовой повинности, на милитаризацию труда. Основным направлением в этой области он считал использование на «трудовом фронте» воинских частей. Их привлечение к принудительному труду встречало, однако, противодействие самих красноармейцев и части командного состава. Свидетельством этого являлся вынужденный доклад командования Туркестанского фронта наркому, из которого следовало, что на работы в начале 1920 года было поставлено не более 10 процентов личного состава. Это вызвало недовольство Троцкого, распорядившегося выработать план использования воинских частей, который являлся бы составной частью более широкого плана экономического развития.^[726]

Единственным районом, где удалось добиться каких-то результатов в постановке воинских частей на хозяйственные работы, явился Урал, и то благодаря в основном личным усилиям и прямым угрозам наркома, который провел здесь в начале 1920 года несколько напряженных недель. Еще до этого Троцкий внес в Совет труда и обороны (СТО), которым руководил Ленин, проект постановления о 1 — й Армии труда, который был утвержден 15 января.^[727] Делалось это в полном согласии с позицией Ленина и других партийных лидеров, так что ни о какой «особой позиции» наркомвоенмора говорить не приходится.^[728]

Это постановление дает представление о надеждах, которые возлагались на военизированный принудительный труд. Находившаяся на Урале 3-я Армия теперь реорганизовывалась в 1-ю Армию труда, которую предусматривалось использовать как единое целое, без дробления аппарата. Подчинение армии местным учреждениям исключалось. Основными видами работы назывались заготовка хлеба (то есть продрозверстка), рубка леса и подвоз его к железнодорожным станциям, организация для этого гужевого транспорта путем подводной повинности, учет и ремонт сельхозорудий, земледельческие и строительные работы. Предусматривалось создать Совет трудовой армии с участием представителей наркоматов продовольствия, земледелия, путей сообщения и Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ).

В развитие постановления Троцкий опубликовал приказ-памятку по реорганизуемой армии,^[729] представляя дело так, будто инициатива перевода частей на принудительный труд исходила от них самих. Красноармейцы, мол, не помышляли о возвращении в родные места — они были проникнуты «сознанием долга». «...3-я революционная армия не хочет терять времени даром. В течение тех недель и месяцев передышки, какие пришлось на ее долю, она применит свои силы и средства для

хозяйственного поднятия страны. Оставаясь боевой силой, грозным врагом рабочего класса (как и в некоторых других случаях, Троцкий в спешке допускал анекдотические словесные огрехи! — Г, Ч.), она превращается в то же время в революционную армию труда». Иначе говоря, трудовая занятость армии рассматривалась как временная мера, ибо предусматривалась новая военная кампания против внешних врагов.

Несколько недель с середины февраля 1920 года Троцкий разъезжал в своем поезде по Уралу, выступая на митингах, отдавая новые приказы и распоряжения по трудовой армии, убеждая со свойственным ему красноречием, что милитаризация труда не имеет никакого отношения к принудилровке. На собрании в Оренбурге 17 февраля^[730] он уверял, что демобилизация армии была бы непростительным легкомыслием: «Мы, правда, закончили нашу задачу на три четверти, но четверть еще осталась, а невырубленный лес быстро зарастает», а также выражал недовольство отсутствием «боевой самоотверженности на хозяйственном фронте». С особой озлобленностью Троцкий отметал встречавшиеся сравнения милитаризации с аракчеевщиной или даже рабством в Древнем Египте.

Косвенно, на основании жестких приказов Троцкого, можно судить о том, что принудительный труд, как этого и следовало ожидать, отнюдь не был эффективным. В приказе от 3 марта 1920 года «На борьбу с трудовым дезертирством!»^[731] нарком перечислил целых восемь форм того, что он именовал дезертирством. Небезынтересно их привести: неявка по трудовой мобилизации; неявка по трудовой повинности; уклонение от трудового учета; невыход на работу; самовольный уход с работы; уклонение от труда путем занятия фиктивных должностей, командировок и т. п.; уклонение от труда путем симуляции болезни; намеренная невыработка нормы. За дезертирство, как и за неприятие против него карательных мер, предусматривались наказания, начиная со сравнительно мягких, например выговора, и заканчивая весьма жесткими — переводом в штрафные части с увеличением объема работ без оплаты сверхурочных часов (хотя здесь была явная, возможно, сознательная оговорка, ибо никакой сдельной или почасовой оплаты красноармейцы-рабочие не получали, ведь они как мобилизованные солдаты находились на «казенном пайке»).

Так Троцкий оказался в авангарде партийных деятелей, которые стали забывать, во имя каких целей устроили революцию, где проходила грань между частнособственнической эксплуатацией труда и эксплуатацией государственной. При этом государственная эксплуатация оказывалась более мучительной для трудящихся, ибо опиралась на мощный и почти

всегда произвольный механизм принуждения, не оставлявший возможности выбора, лишавший рабочую силу какого-либо подобия свободы воли, хотя бы в выборе сферы деятельности и места работы.

Будучи человеком весьма энергичным и упорным, пытаясь любой ценой осуществить поставленные им задачи, Троцкий все более затягивал «военно-коммунистическую петлю» на шее российского народа в буквальном смысле и на собственной шее в смысле переносном. Означало ли это, говоря современным сленгом, что Троцкий был особенно «крутым» в проведении политики военного коммунизма, как это настойчиво утверждала на протяжении десятилетий сталинистская историография, наложившая определенный отпечаток и на издания постсоветского периода? Никаких оснований для этого нет.

Троцкий с его решительностью в проведении поставленных задач оказался в нужное время на нужной должности руководителя военным ведомством. Кроме того, он стремился в какой-то мере «искупить» свое кратковременное расслабление, связанное с представлением в ЦК предложения о продрозверстке. Если добавить исключительную плодовитость Троцкого в создании статей, брошюр, тезисов, его внимание к тому, чтобы все эти материалы были как можно шире растиражированы, если учесть, что в его личном распоряжении была типография, оборудованная в поезде наркомвоенмора, становится ясно, как именно Троцкий выдвинулся на первый план в оказавшейся безуспешной попытке создания всеобщей системы принудительного труда.

В области же железнодорожного транспорта заметным документом стал приказ Троцкого № 1042, о котором позже он сам и его сторонники в антисталинской оппозиции, а затем и в эмиграции не раз вспоминали. Этот приказ от 22 мая 1920 года был прообразом будущего отраслевого планирования советской экономики, в частности в рамках известных пятилетних планов. В приказе определялись основанные на расчетах специалистов перспективные задания по восстановлению паровозного парка с тем, чтобы к началу 1925 года страна имела около 13 тысяч «здоровых» паровозов (на весну 1920 года из 16 тысяч паровозов «здоровых» было лишь 40 процентов, то есть менее шести с половиной тысяч).

Троцкий оценивал этот план как минимальный, заложив порочную традицию «перевыполнения планов», которая вела к нарушению хозяйственных пропорций. Он, однако, утверждал: «Превышение плана отдельными дорогами и отдельными мастерскими несколько не нарушит его стройности, а только даст возможность сократить срок с 4 1/2 лет до 4-х

или 3-х». «Социалистическое хозяйство может быть только плановым, — поучал он в статье, разъяснявшей этот приказ. — Оно основано на строгом учете того, что есть, что необходимо, и того, что мы способны сделать. Приказ № 1042 дает нам такого рода учет».^[732]

Постепенно всему большевистскому руководству, включая, естественно, Троцкого, становилось ясно, что без серьезного поворота политического курса власть оно удержать не сможет.

Профсоюзная дискуссия

Осознание необходимости серьезных изменений давалось непросто. Тупик, в котором оказалась партийная элита осенью 1920 года, растерянность, вызванная неспособностью сохранить эффективное руководство страной, несмотря на террор и экономические диктаторские меры, отразились в острой дискуссии, которая по форме была посвящена месту профсоюзов, а по существу превратилась в спор, как дальше руководить страной.

Троцкий вместе с другими более или менее образованными большевистскими руководителями видел, что на них с их «партийной нравственностью», желанием распоряжаться народом так, как им вздумается во имя умозрительного будущего коммунизма, наслаивается новая мощная группа кадров, в основе своей почти не имеющая образования, не обладающая управленческими способностями, но стремящаяся приобщиться к большевистской партии как средству пробраться к власти с ее привилегиями, в первую очередь материальными, а также, что также было немаловажно, с возможностью командовать.

Л. Д. Троцкий занял во время этой дискуссии привычные ему позиции. Он не был инициатором дискуссии, но именно его действия вызвали появление различных взглядов.

Весьма спорными были меры, направленные на милитаризацию экономики, на превращение соединений Красной армии в трудовые армии, на введение жесткой трудовой повинности. Но наибольшее противодействие со стороны тех, кто пытался и «невинность соблюсти, и капитал приобрести» в рамках военного коммунизма, сочетая жесткую эксплуатацию крестьянства с известными уступками рабочим, вызвало отношение Троцкого к профсоюзам.

Эти объединения, которые в условиях капитализма защищали интересы своих членов, в какой-то мере пытались и теперь выполнять

функции представительства рабочих и служащих. Они не вписывались в жесткие «военно-коммунистические» догмы, лежавшие в основе планов, которые пытался реализовать Троцкий с полного одобрения Ленина. Тем не менее с существованием профсоюзов он вынужден был считаться. Вопрос был переведен в другую плоскость: как использовать их в военно-коммунистической системе. Троцкий находил ответ в открытом включении профобъединений в государственный механизм в качестве одного из инструментов для «мобилизации» рабочих на выполнение экономических задач. Постепенно созрел лозунг «огосударствливания» профсоюзов, выдвинутый Троцким.

Широкую панораму перестройки профсоюзов на началах их включения в государственный аппарат Троцкий развил на Третьем Всероссийском съезде профсоюзов в докладе «Профсоюзы и милитаризация труда».^[733] Свое выступление он начал именно с обоснования милитаризации труда, пытаясь убедить слушателей, что «новая форма коллективной принудительности» выдержит экзамен на производительность. Но эта весьма скользкая тема была лишь вступлением к следующей, еще более сомнительной. Обосновывая введение единоначалия на промышленных предприятиях, оратор подменял один вопрос другим, ловко тасуя их, как карты. Он заявлял, что было бы величайшим заблуждением рассматривать введение единоначалия как «ущерб самостоятельности рабочего класса, ибо самостоятельность рабочего класса выражается не в том, трое рабочих или один поставлены во главе завода. Самостоятельность рабочего класса выражается в построении хозяйственных органов через профсоюзы, в построении советских органов через советские съезды». Иначе говоря, Троцкий рассматривал включение профсоюзов в хозяйственные органы не как ущемление их прав, что было в действительности, а как расцвет рабочей самостоятельности.

Еще более безапелляционно Троцкий вел себя в отношении профсоюза рабочих транспорта. Под его полным руководством прошел Второй съезд железнодорожников в июле 1920 года. В заметках к съезду, сохранившихся в его архиве и затем опубликованных в собрании сочинений, Троцкий намечал аргументацию, должную убедить делегатов в том, что необходимо произвести «полное слияние профессионального союза с административным аппаратом», что должен быть создан единый орган, который «в равной мере охватывает как административно-технические потребности транспорта, так и все стороны и интересы его работников». Из профсоюза, по его мнению, следовало удалить всех тех, кто «сеет хаос и деморализацию», то есть тех, кто рассматривал союз в качестве защитника

интересов его членов. Эти директивы в безапелляционном виде Троцкий представил съезду, на котором выступил 21 июля.^[734] Старые союзы железнодорожников — Викжель, Викжедор — не являлись, по его утверждению, в полном смысле профсоюзами. Это были организации тред-юнионистского типа — объединения рабочих «с целью поднятия их материального и морального уровня, улучшения их положения в борьбе с капиталом и государством». В советском же государстве классовая борьба с государством являлась бессмыслицей. Союз железнодорожников должен был стать организацией производства, управления транспортом, то есть полностью включиться в администрацию, стать исполнителем воли наркома.

В следующие месяцы Троцкий постоянно вмешивался в работу Цектрана, обращался к нему с письмами, выступал на его пленумах. Нарком критиковал возникавшие в этом органе бюрократические тенденции и требовал введения «трудовой демократии», в то же время считая необходимым вмешательство государства и партийных органов во внутренние дела профсоюзов.^[735]

Своего рода итоговым документом, отразившим позицию Троцкого, была его брошюра «О роли и задачах профсоюзов», напечатанная осенью 1920 года в типографии его поезда. Существенно новых мыслей она не содержала. Речь шла все о том же — «милитаризации» и «огосударствливании» профсоюзов. Правда, Троцкий, любивший острое слово, вслед за этим на собрании коммунистической фракции V конференции профсоюзов 3 ноября бросил лозунг о необходимости «перетряхивания» профсоюзов, то есть замены административным путем их руководящих кадров, и «завинчивании гаек военного коммунизма», в частности в области профсоюзов, не объяснив, впрочем, в чем именно это должно было состоять. Тем не менее хлесткость не могла не спровоцировать недовольства профсоюзных бюрократов, и далеко не только их.

Выступления Троцкого с предложениями «огосударствливания» профсоюзов вызвали резкое отторжение части партийных кадров, которые образовали «рабочую оппозицию» во главе с А. Г. Шляпниковым и А. М. Коллонтай. Эти деятели называли Троцкого, а попутно самого Ленина, «военнизаторами труда», пособниками неравенства. Они выдвигали лозунг созыва Всероссийского съезда производителей, который взял бы на себя управление народным хозяйством. Близкие позиции занимала группа демократического централизма (В. В. Осинский, А. С. Бубнов, Т. В.

Сапронов и др.). Позиции этих групп носили утопический характер, ибо ни отдельная кухарка, ни коллектив кухарок и поваров не были в состоянии осуществлять деловое управление сложнейшим экономическим механизмом. В свою очередь, руководство партии, используя ругательный ярлык, называло «рабочую оппозицию» анархо-синдикалистской группой.

Со своей платформой, пытавшейся примирить крайности, выступил Бухарин. Его поддержали лишь несколько партийцев, участвовавших в дискуссии. В ходе страстных споров политические платформы Троцкого и Бухарина сблизились. Сторонники Ленина презрительно называли платформу Бухарина «буферной».

Формально посередине, а официально вообще вне двух крайних течений находилась группа во главе с Лениным. Ее позиция мало чем отличалась от позиции Троцкого. Но Ленин вступил с Троцким в жесткую перепалку, передергивая его заявления, выхватывая их из контекста и т. п. Причины состояли в том, что Ленин, выдвинув совершенно пустой на первый взгляд лозунг, что профсоюзы — это «школа коммунизма», фактически прикрывал звонкой фразой то, что откровенно провозглашал Троцкий. Формально не нарушая специфики профсоюзов, Ленин с помощью некоторых близких к нему деятелей (в их числе были Зиновьев, Каменев и Сталин), понимавших и разделявших тактическую хитрость вождя, стремился действительно превратить профсоюзы в безгласный придаток государства и партии.

Собственно говоря, именно Ленин начал дискуссию, обрушившись на Троцкого в выступлении на объединенном заседании коммунистов — делегатов Восьмого съезда Советов, членов ВЦСПС и Московского совета профсоюзов 10 декабря 1920 года. Поводом стала брошюра Троцкого «О роли и задачах профсоюзов» — единственный его материал по этому вопросу, который Ленин, видимо, более или менее внимательно прочитал. В крайнее раздражение Ленина привела откровенность Троцкого, формулировавшего «перед городом и миром» то, что у Ильича подразумевалось само собой, но о чем он предпочитал не говорить вслух. Открыто высказать свои упреки Ленин не мог, поэтому твердил о том, что удивляется, «какое количество теоретических ошибок и вопиющих неграмотностей сосредоточено в ней» (брошюре Троцкого), о том, что у Троцкого — идейная путаница, в которой он обвиняет других.^[736] Произнеся демагогические фразы, что профсоюзы — это «школа хозяйствования, школа коммунизма», Ленин вновь и вновь обвинял Троцкого в неправильных методах подхода к массе, ошибочности идеи

слияния профсоюзов с государственными органами,^[737] в попытке перенести на область хозяйства «не лучшее, а худшее в военном опыте».^[738] В результате делался вывод, что «тезисы» (на самом деле брошюра) Троцкого — «политически вредная вещь, что его политика — это бюрократическое дергание профсоюзов».^[739]

Самое любопытное во всех этих гневных эскападах заключалось в том, что Ленин критиковал Троцкого за те идеи и предложения, которые сам только недавно безоговорочно одобрял и поддерживал. Такая непоследовательность и фактическая непорядочность (если о таковой вообще можно вести речь применительно к высокой политике) связаны были с тем, что председатель Совнаркома начинал постепенно сознавать тупиковость военного коммунизма, необходимость перехода к видоизмененной (пока еще не новой) политике в хозяйственной области.

Позиция же Троцкого, особенно учитывая его высокий авторитет и властный характер, публицистический и ораторский талант, была явным препятствием для такого рода поворота.

Эта позиция оказывалась тем более существенным препятствием для намечавшегося Лениным некоторого изменения хозяйственно-политического курса, что противоположные Троцкому группировки — «рабочая оппозиция» и группа демократического централизма — явно отождествляли взгляды «двух вождей», считали их вполне официальной, хотя и ошибочной позицией руководства.

Ход дискуссии, продолжавшейся до Десятого съезда партии, показал Ленину, что практиковавшаяся в первые годы большевистской власти относительная демократия для узкого круга членов ЦК и других видных деятелей, опиравшаяся на безраздельный ленинский авторитет даже в тех случаях, когда с ним вступали в споры, становится непозволительной роскошью, может подорвать его власть. Своего рода «харизматическое» единовластие Ленина должно было уступить место формальному, нормативно закрепленному единовластию.

Это было тем более важно, что при крайне низкой политической культуре к власти приобщались представители агрессивных, стремившихся к социальному и личностному реваншу беднейших слоев, маргиналы или лица, стоявшие на грани социального отторжения. Этот карьеризм накладывался на ожесточенную борьбу за лидерство и власть в высшем эшелоне, отличавшуюся крайней неразборчивостью методов.

В начале 1921 года в ходе подготовки к Десятому съезду партии были выдвинуты несколько «платформ» по вопросу о профсоюзах. Ленин,

отлично сознавая, что его платформа десяти (ее подписали также Каменев, Зиновьев, Сталин, Рудзутак и другие партийные деятели)^[740] будет поддержана основной частью парторганизаций, предложил через подставных лиц, чтобы выборы на съезд проводились по платформам, и это предложение было принято.^[741]

Впервые в истории большевизма выборы на Десятый съезд проходили по фракционным платформам. Ими являлись платформа десяти, представленная Лениным и Зиновьевым, платформа Троцкого «Роль и задачи профсоюзов», платформа «рабочей оппозиции» (А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай, С. П. Медведев и др.), платформа децистов (Т. В. Сапронов, В. В. Осинский, Р. Б. Фарбман и др.), «буферная» платформа Н. И. Бухарина.

Троцкий в своей платформе исходил из той же концепции перманентной революции, считая необходимым ради сохранения советской власти до начала мировой революции максимально милитаризовать государство, а профсоюзы «огосударствить», слив их с хозяйственными органами по отраслям промышленности. Рабочая оппозиция стремилась «осоюзить» государство. Примерно на той же позиции стояли демократические централисты. Бухарин пытался найти компромисс между позициями Ленина и Троцкого, но был ближе к Троцкому. Платформа десяти по внутреннему содержанию была также близка к платформе Троцкого, но прикрывала свою сущность демагогическими уловками. Правда, формально принуждению в работе профсоюзов отводилась подчиненная роль, основным методом работы объявлялось убеждение. Но профсоюзы рассматривались как «приводные ремни» партии, и это было главное. Защитные же их функции сводились только к ограждению интересов рабочих от ущемления со стороны бюрократии. Несмотря на общие, обычно не свойственные Ленину полулиберальные фразы, эта резолюция на деле была инструментом превращения профсоюзов в придаток партии и государства в еще большей степени, чем к этому стремился Троцкий.

Постепенно Троцкий, в начале дискуссии более или менее твердо отстаивавший свои взгляды, утрачивал свойственную ему остроту полемики. Он понял замысел Ленина и, вынужденный с ним считаться, практически пошел на попятную. Убедившись, что дело идет к фактическому принятию его предложений, выдвинутых годом ранее, правда, теперь не от его имени, а от имени прежнего жесткого их оппонента Ленина, Лев Давидович, возможно, даже почувствовал

некоторое моральное удовлетворение. Во всяком случае, острое столкновение с Лениным на этот раз оказалось кратковременным.

Попутным результатом участия Троцкого в профсоюзной дискуссии было его освобождение в начале 1921 года от обязанностей наркома путей сообщения. Военным комиссариатом он продолжал руководить.

Так в очередной раз произошло примирение Троцкого и Ленина, вновь при полной ленинской гегемонии, predetermined тем, что большевистский вождь обладал качествами весьма умелого тактика, способного повернуть руль управления огромной страной в выгодную для себя сторону. Ленин выиграл бой, продемонстрировав свои решающие преимущества перед Троцким, в то время как Троцкий, продолжая оставаться блестящим полемистом и публицистом, способностью круто поворачивать политический руль не обладал. При всех обстоятельствах он стремился сохранить верность неким основополагающим принципам или по крайней мере отходить от них постепенно, сохраняя лицо.

Глава 9

КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ И ДЕСЯТЫЙ ПАРТСЪЕЗД

Подавление восстания в «крепости революции» и крестьянских бунтов

То, что Троцкий называл «завинчиванием гаек военного коммунизма», все более жестко осуществлялось партийными и государственными органами в конце 1920-го — начале 1921 года. Более того, зимой последовал ряд мер по официальной отмене денежного обращения, которое и без того становилось фикцией. Одним из главных запевал в этом хоре оставался Л. Д. Троцкий, несмотря на жесткую, хотя в основном лицемерную критику его взглядов Лениным во время профсоюзной дискуссии.

Однако за победными реляциями скрывались все более опасные для большевистской власти явления. Крестьяне отказывались сдавать государству хлеб, шахтеры растаскивали уголь для обмена на продовольствие. На Тамбовщине и в соседних губерниях, в Поволжье, на Урале и в Сибири развернулось повстанческое крестьянское движение, причем в Тамбовской губернии оно приняло организованные формы и стремительно нарастало под руководством независимого эсера Александра Степановича Антонова. Начались волнения и забастовки рабочих на

промышленных предприятиях.

Особо опасным большевистское руководство не без основания сочло выступление против существовавшей власти, произошедшее в первой половине марта 1921 года в военно-морской крепости Кронштадт, которую в 1917 году Троцкий назвал «крепостью революции». Вместе с тем обострение положения в Москве и Петрограде на почве забастовочных выступлений, назревание там взрывоопасной обстановки стало всерьез беспокоить высшее руководство. 28 февраля на заседании Политбюро обсуждалось положение в Москве и даже был образован Комитет обороны столицы во главе с Троцким, что свидетельствовало о намерении в случае дальнейшего обострения ситуации прибегнуть к вооруженному подавлению рабочих.^[742]

В Москву поступали противоречивые сведения о характере и степени недовольства балтийских моряков. В ответ на запрос Троцкого начальник флотского политуправления Э. И. Батис 28 февраля пытался приукрасить положение, сообщив: «Особой остроты не наблюдалось и не наблюдается». Но уже на следующий день питерский властитель Зиновьев телеграфно просил Ленина и Троцкого прислать воинские подкрепления на случай восстания в Кронштадте.^[743]

События нарастали стремительно. 1 марта Троцкий телеграфировал благодушному Батису, что необходимо принять срочные предупредительные меры.^[744] Вслед за этим Троцкий направил командованию Петроградского военного округа предписание в связи «с происшествиями» в воинских частях каждые 12 часов направлять ему донесения.^[745]

Именно в эти дни — 28 февраля и 1 марта — восстание в Кронштадте стало фактом. На собрании представителей моряков и жителей крепости была принята резолюция с рядом требований. Из них весьма неопределенные лозунги «Советы без коммунистов», «Власть трудящимся, а не партиям» не были главными, но считались большевистским руководством особенно опасными, хотя лидеры выступления (наиболее известным среди них был писарь линкора «Петропавловск» С. М. Петриченко) заверяли, что выступают только за соблюдение свобод, провозглашенных в октябре 1917 года.^[746]

Со 2 марта Троцкий получал регулярную информацию о развитии событий в Кронштадте, о выдвижении восставшими новых требований, присоединении к восстанию значительной части большевистской организации крепости и прочем, даже о том, что его самого в Кронштадте

открыто называют «кровожадным тигром».^[747] Ленину, Троцкому и другим высшим руководителям было исключительно важно представить Кронштадтское восстание не как выражение народного недовольства, не как протест против всевластия партийных верхов и военного коммунизма, а как результат «заговора», организованного «белогвардейцами». На руку оказался тот факт, что к восстанию примкнул, хотя и не играл в нем руководящей роли, бывший генерал-майор А. Н. Козловский, занимавший ко времени восстания должность средней руки — он был начальником артиллерии крепости. Именно этот генерал был ложно обвинен в том, что возглавил выступление. 2 марта было оглашено правительственное сообщение за подписью Ленина и Троцкого о «волнениях» в Кронштадте, якобы организованных «бывшим генералом Козловским». Генерал объявлялся «вне закона». В Петрограде и губернии вводился режим осадного положения. Вся власть в Петроградском укрепленном районе передавалась Комитету обороны Петрограда.^[748]

Практически, однако, основные нити руководства подавлением восстания оказались в руках Троцкого. 5 марта он издал приказ о восстановлении ранее расформированной 7-й Армии, подчинив ее непосредственно главному командованию, с единственной задачей — немедленного подавления восстания. Командование было возложено на М. Н. Тухачевского.

Фактически же Троцкий взял на себя общее руководство подавлением восстания, выехав на своем поезде в направлении на Петроград, скорее всего, 5 марта.

Поезд наркома не въехал в Петроград, а остановился неподалеку, откуда Троцкий следил за развитием событий и давал указания. Если несколькими годами ранее Лев Давидович охотно общался с кронштадтцами, выступал подстрекателем их антиправительственных выступлений, а в 1919 году непосредственно руководил обороной Петрограда против Юденича, то теперь он не решался не только на посещение мятежной крепости, но даже на встречи с жителями Северной столицы, не без основания полагая, что ничего хорошего это лично ему не принесет. Можно также предположить, что пребывание Троцкого поблизости от города носило секретный характер по той причине, что он не желал открыто брать на себя «жандармские функции».

Троцкий настаивал на быстрейшем подавлении Кронштадтского восстания, поскольку оно могло стать факелом, от которого разгорелся бы антисоветский пожар на значительной территории страны, возродив

гражданскую войну. Нарком понимал, что восстание началось в неудачный для кронштадтцев момент — через несколько недель, когда вскрылся бы Финский залив, большевикам гораздо труднее было бы овладеть крепостью. Пока же льдами были скованы и в значительной степени лишены боеспособности находившиеся в гавани крепости линкоры «Петропавловск» и «Севастополь», являвшиеся основной ударной силой повстанцев. 10 марта Троцкий передал по прямому проводу записку в Политбюро, настоятельно предупреждая, что после ожидаемой вскоре оттепели остров «станет недоступным для нас». «Нужны экстренные меры. Опасаюсь, что ни партия, ни члены ЦК не отдадут себе достаточного отчета в чрезвычайной остроте кронштадтского вопроса». [\[749\]](#)

Не дождавшись захвата крепости, Троцкий отправился в Москву, на Десятый партсъезд, дав в поезде лживое интервью корреспондентам английских и американских газет, где утверждал, что заговор был организован за границей, а организаторами «бунта» являлись эсеры и контрреволюционные генералы. Положение в районе Петрограда продолжало его беспокоить.

Первая попытка овладеть крепостью штурмом 8 марта, в день открытия Десятого съезда РКП(б), потерпела крушение. Понеся потери, карательные войска отступили. Только после того, как были переброшены значительные подкрепления, после доставки в Петроград в качестве «добровольцев» делегатов заседавшего в это время Десятого съезда, которые должны были своим примером побуждать красноармейцев идти на новый штурм по начавшему подтаивать льду Финского залива, Кронштадт был наконец 18 марта захвачен войсками Тухачевского, после чего началась кровавая расправа с участниками восстания — бессудные убийства, расстрелы по приговору ревтрибуналов, отправка в концлагеря... К лету 1921 года к смертной казни были приговорены 2103 человека, к различным срокам заключения (обычно к пятнадцати и двадцати годам тюрьмы) — 6459 человек.

Третьего апреля в Москве состоялась неслыханная, позорная акция — военный парад в честь участников взятия Кронштадта. Выступивший с необычно краткой, продолжавшейся всего несколько минут речью Троцкий воспел дифирамбы тем, кто залил кровью «крепость революции». [\[750\]](#)

Таковым становился результат отказа Троцкого, как и всех большевистских руководителей, от общечеловеческой нравственности, подмена ее фиктивной «классовой моралью», чреватой насилием и кровью тех, от имени кого формально выступали большевики, занимавшиеся

«планированием безвестных времен на тридцать лет вперед», как писал Андрей Платонов в романе «Ювенильное море».

Личная роль Троцкого в подавлении крестьянских восстаний была не столь отчетливо видна. Но тот факт, что он как нарком осуществлял общее руководство карательными экспедициями, очевиден. Еще в октябре 1918 года он направил в Тамбовскую губернию жесткую телеграмму о борьбе с такой специфической формой крестьянского протеста, каковой являлось уклонение от призыва в Красную армию. На сельские советы возлагалась обязанность задерживать дезертиров, доставлять их в штаб соседней дивизии или полка. Дезертир, оказывавший сопротивление, подлежал расстрелу на месте.^[751]

Шестнадцатого июля 1921 года М. Н. Тухачевский, официально назначенный «командующим войсками Тамбовской губернии», доложил Ленину о подавлении крестьянского восстания,^[752] а Ленин переслал этот доклад Троцкому с предписанием сообщить о намечаемых далее мероприятиях по «пасификации» губернии.^[753] Еще через несколько дней с докладом о положении в губернии и намечаемых мерах сочетания террора и заложничества с экономическим послаблением в ЦК обратился направленный в губернию В. А. Антонов-Овсеенко. И его рапорт Ленин препроводил Троцкому с просьбой «дать приказ особо проверять выполнение мер».^[754] Троцкий отлично знал специально посланный ему для информации зловеющий приказ Антонова-Овсеенко и Тухачевского от 11 июня 1921 года, предписывавший расстреливать на месте тех, кто откажется назвать свое имя, расстреливать укрывающих оружие и «бандитов», сжигать дома повстанцев и распределять их имущество между «верными советской власти» крестьянами.^[755]

Так завершился краткий и самый порочный этап в деятельности Л. Д. Троцкого, когда во имя спасения большевистской власти от гнева народных низов он, вместе с остальными высшими руководителями, шел на самые жестокие меры, не останавливаясь перед боевым применением воинских частей, использованием ядовитых газов, расстрелами, заложничеством.

Начало отказа от «военного коммунизма»

Еще до Кронштадтского восстания, но в то время, когда крестьянские бунты уже бушевали, в высших кругах стали зреть сомнения в целесообразности продолжать политику военного коммунизма в полной

мере. Троцкий, как мы знаем, был первым из тех, кто в официальном документе, направленном в ЦК, высказал осторожные сомнения. Но в конце 1920-го — начале 1921 года этот вопрос стал дебатироваться все более остро в ходе подготовки к Десятому партсъезду.

Вначале речь шла только о частном вопросе, хотя вопросе большой важности — о замене продовольственной разверстки фиксированным налогом. Обсуждение было напряженным, сопровождалось наклеиванием ярлыков, в том числе самых оскорбительных для коммунистов, ибо значительная их часть продолжала рассматривать малейшее отступление от военного коммунизма как предательство.

Съезд открылся 8 марта 1921 года. Несмотря на недовольство Троцким в связи с его поведением во время дискуссии, Ленин продолжал считать его полезным партийным деятелем, а среди кадров РКП(б) разного уровня Троцкий пользовался огромной популярностью чуть ли не как главный организатор побед Красной армии в Гражданской войне. При выборах президиума съезда он был назван вторым после Ленина.^[756]

В повестку дня входил военный вопрос, с докладом по которому должен был выступать Троцкий. Но делегатам сообщили, что наркома «сейчас нет в городе»,^[757] не уточняя, что он находится под Петроградом, где руководит подавлением Кронштадтского восстания. Правда, после отчетного доклада, с которым выступил Ленин, председательствовавший Каменев все же сообщил (или, может быть, просто проговорился), что Троцкий «сегодня» (то есть 9 марта, на следующий день после открытия съезда) выезжает из Питера и только по его приезду будет поставлен вопрос о профсоюзах.^[758]

Троцкий приехал в Москву, видимо, 10 марта. Еще до его появления на 11 марта был намечен его доклад о реорганизации армии. Однако нарком отказался в этот день выступать, объяснив это занятостью военными делами. Порядок дня сбился. Вместо доклада Троцкого был поставлен вопрос о партстроительстве.^[759] Очевидно, нарком действительно был поглощен подавлением восстания и после возвращения в Москву. По поводу событий в морской крепости на съезде вынуждены были сообщить, что там «дело несколько более затяжное».

Появившийся, наконец, 11 марта на съезде Троцкий принял участие в обсуждении доклада Зиновьева о профсоюзах. Вел он себя менее воинственно, чем в предыдущие месяцы. Чувствовалось, что события в Кронштадте глубоко повлияли на его мысли и чувства. В речи содержалось признание кризиса в партийной, советской, профсоюзной работе. В

профсоюзах этот кризис проявлялся, по его мнению, в «давлении потребительской психологии на рабочий класс». В целом Троцкий был сдержан, готов к уступкам и примирению с Ильичом.

Взявший затем слово Ленин, однако, не поддержал этих интонаций, фактически протянутой руки. Когда Троцкий находился возле Кронштадта, с ним следовало обращаться осторожнее. Когда же Троцкий спорил, хотя и вполсилы, Ленина это выводило из себя. Он начал выступление саркастическими словами, что Троцкий «особенно вежливо полемизировал со мной и упрекал или называл меня архиосторожным. Я должен его поблагодарить за этот комплимент и выразить сожаление, что лишен возможности вернуть его обратно». Хотя Ленин признавал, что необходимо перейти к вопросам более актуальным, чем место профсоюзов (то же повторял Троцкий), он обвинял наркомвоенмора, что тот валит с больной головы на здоровую. Особенно Ленину не нравилось требование «перетряхивания» профсоюзов, что Троцким было произнесено почти случайно, в горячке полемики, и более не повторялось.^[760]

Съезд поддержал платформу десяти. За нее проголосовали 336 делегатов, за платформу Троцкого — 50, за «рабочую оппозицию» — 18.^[761] После этого Троцкий фактически сложил оружие. Он признал свое поражение и намерен был теперь полностью включиться в реализацию зарождавшегося нового курса, выраженного в решении о замене продразверстки натуральным налогом.

В то же время сторонники платформы «рабочей оппозиции» от своих взглядов не отказались. Поэтому по настоянию Ленина съезд принял две резолюции: «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», в которой резко осуждался курс «рабочей оппозиции» на демократизацию партии и общества, на введение рабочего управления производством, и «О единстве партии».

Вторая резолюция требовала распустить внутрипартийные группировки. Невыполнение каралось немедленным исключением из партии. Особый пункт, в то время секретный, предусматривал право ЦК переводить своих членов в кандидаты и исключать из партии тех, кто встанет на путь фракционности. Троцкий поддержал оба решения, завершив, таким образом, очередное столкновение с Лениным, оказавшееся последним, полной капитуляцией. Именно эта резолюция, последний пункт которой Сталин обнародует в начале 1924 года, на XIII партконференции, накануне смерти Ленина, позже станет важнейшим инструментом в борьбе со всеми инакомыслящими в партии, в первую очередь с оппозиционным

движением, руководимым Троцким.

Десятый партсъезд, заложив первые, пока еще приблизительные и неполные основы новой экономической политики, означавшей известное возрождение рыночных отношений, что дало возможность приступить к восстановлению экономики, отнюдь не дополнил эту линию политическим послаблением. Тем самым закладывались глубочайшие противоречия в проводимую властями экономическую политику, которую, с одной стороны, Ленин считал установленной всерьез и надолго, а с другой — уже через год потребовал наступления в рамках нэпа, то есть постепенного отказа от него.

Избранный в ЦК, а затем в Политбюро Троцкий в последние примерно полтора года активной руководящей деятельности Ленина почти полностью сосредоточился на военных делах. В качестве одного из руководителей партии он, разумеется, занимался всем комплексом политики, но самостоятельных инициатив более не проявлял, дожидаясь своего часа.

Ленин же сохранял к Троцкому двойственное отношение. Однажды он разоткровенничался с Горьким, который в первые месяцы после Октябрьского переворота занимал резко оппозиционную позицию, но затем опять сблизился с большевиками и вновь стал вхож к Ленину. Во время одного из разговоров Горький был удивлен высокой оценкой, которую Ленин дал организаторским способностям Троцкого. Заметив его удивление, Ильич произнес: «Да, я знаю, ходят лживые слухи о моем отношении к нему. Но что есть, то есть, а чего нет, того нет. Это я также знаю. Он смог любой ценой организовать военных экспертов». И после паузы Ленин добавил «довольно печально»: «И все же он — не один из нас. С нами, но не наш».^[762]

Армейские и политические дела

В 1921 году в России разразился голод, вызванный последствиями Гражданской войны и политикой военного коммунизма, которая разрушила систему хлебной торговли. Число жертв составляло приблизительно пять миллионов человек. В июле 1921 года ВЦИК создал Центральную комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол).

Помощь голодающим стала для советского правительства удобным поводом массового изъятия ценностей у Православной церкви. 23 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих». Местным органам

предписывалось изъять из храмов изделия из золота, серебра и драгоценных камней и передать их в Центральный фонд помощи голодающим. В ходе изъятия происходили кровавые столкновения красноармейцев и чекистов с верующими, имелись убитые и раненые. Особо драматическими явились события в городе Шуе, где были убиты четверо и ранены десять прихожан.^[763]

В выработке антицерковных решений непосредственное участие принимал Троцкий, которого Политбюро утвердило «координатором» усилий «заинтересованных ведомств» в борьбе против Церкви. Вместе с Зиновьевым и Бухариным он предлагал принять против духовных пастырей самые решительные меры.^[764] В марте 1922 года Троцкий сформулировал свои предложения для Политбюро, в которых рекомендовалось председателю ВЦИКа М. И. Калинину выступить с интервью. Смысл его должен был состоять в том, что изъятие ценностей не является борьбой с религией и Церковью; что среди духовенства есть две группы — одна считает необходимым оказать помощь голодающим, а другая враждебна и голодающим, и советской власти; наконец, что декрет об изъятии ценностей возник якобы по инициативе самих голодающих.^[765]

Именно на этом фоне 19 марта Ленин написал письмо Молотову для членов Политбюро с требованием «дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». При этом Ленин требовал, чтобы официально выступал с какими-либо мерами только Калинин, «никогда и ни в коем случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий».^[766] Если верить цифрам, приведенным А. Н. Яковлевым, всего Церковь была ограблена на 2,5 миллиарда золотых рублей, а зерно было куплено только на 1 миллион рублей, и то только на семена.^[767]

Весьма показательно, что обо всей этой постыдной истории в воспоминаниях Троцкого нельзя найти ни единой строки.

И все же 1921–1922 годы оказались, пожалуй, наиболее спокойными для Троцкого. Он не отдыхал больше, чем раньше. Его дни были заполнены разнообразными делами, которые он считал весьма ответственными, но это были дела преимущественно рутинные, не связанные с решением коренных проблем и тем более с политической конфронтацией. На недолгое время Троцкий превратился в обычного, хотя и высшего советского функционера, что не соответствовало его натуре, тяготило и просто мучило его.

Особенно раздражало то, что его главный «внутренний» враг Сталин

пользовался все большей под держкой Ленина, который и ранее не раз пытался как-то ограничить влияние Троцкого выдвиганием Сталина на первый план. О том, чтобы полностью «уравновесить» этих деятелей, пока еще не было речи — Троцкий был несравнимо авторитетнее, но дело шло именно к этому, что Ленин вновь и вновь демонстрировал.

Очень интересны и психологически показательны хронологическая ошибка и сопутствовавшие ей неточности, которые Троцкий допустил в воспоминаниях, написанных через десяток лет. Завершая рассказ о профсоюзной дискуссии и упоминая в связи с этим Десятый съезд, он утверждал, что Ленин был озабочен тем, чтобы ликвидировать группировки, под которыми уже не осталось принципиальной базы. Он вспоминал, как Ленин прореагировал на замечание В. М. Молотова, впервые избранного в ЦК, на одном из первых послесъездовских заседаний по адресу Троцкого. Ленин воспользовался моментом, чтобы «обвинить его (Молотова) в усердии не по разуму» и подчеркнуть «совершенно безупречную» лояльность Троцкого. И тут же мемуарист перешел к вопросу, связанному со Сталиным. Оказывается, все предыдущее было сказано, чтобы поведать об избрании Сталина на должность генерального секретаря ЦК РКП(б). Троцкий пишет: «Сталин как раз на десятом съезде был намечен — по инициативе Зиновьева и против воли Ленина — в генеральные секретари. Съезд был уверен, что дело идет о кандидатуре, выдвинутой центральным комитетом в целом. Никто, впрочем, не придавал этому избранию особого значения. Должность генерального секретаря, впервые на X-м съезде установленная, могла при Ленине иметь технический, а не политический характер». ^[768]

Немало можно сказать по поводу этого пассажа. Я ограничусь только двумя замечаниями. Во-первых, очевидно, что ко времени Десятого съезда Сталин обладал такой степенью влияния, а следовательно, доверием Ленина, что у Льва Давидовича произошел сдвиг в памяти на год: должность генерального секретаря была введена не на Десятом съезде в 1921-м, а на Одиннадцатом партсъезде в 1922 году, и именно тогда Сталин занял этот пост. Во-вторых, Ленин был не тем политиком, который мог поддаться влиянию Зиновьева, умевшего произносить напыщенные речи, но не пользовался серьезным авторитетом в высших кругах. Против воли Ленина Сталин никак не мог быть избран на должность генсека. Можно не сомневаться, что на Одиннадцатом съезде Ленин вполне был в состоянии противостоять этому назначению, если бы счел это целесообразным. Сталин занял свой пост при полном одобрении Ленина, который со времени Брестских переговоров играл на противостоянии и конфликтах

между Троцким и Сталиным, преследуя цель держать обоих на коротком поводке.

Тогда, в 1921-м — первой половине 1922 года, конфликт между Троцким и Сталиным отодвинулся на второй план, но сохранялся в латентном состоянии с тем, чтобы выйти на авансцену, как только Ленин отойдет от непосредственного руководства партией и государством.

В условиях перехода к миру под руководством Троцкого проводились меры по реорганизации армии. Нарком считал эту работу повседневной, не требующей общепартийного внимания. Когда на Одиннадцатом партсъезде вроде-бы неожиданно для него был поставлен на повестку его доклад о Красной армии, Троцкий возражал: «Тут явное недоразумение. Если на меня возложат доклад, то я не знаю, о чем должна быть информация. Принципиальные вопросы строительства у нас решены».^[769] Вопрос все же был поставлен. Информация Троцкого носила формальный характер. Он не выдвигал, как обычно делал, новые проблемы, не вносил существенных предложений. «Армия далека от совершенства, — говорил он, — но она уже представляет собою правильно построенный организм».^[770]

К 1923 году состав Красной армии был доведен до 610 тысяч человек. Такое сокращение Троцкий считал предельным.^[771] Временно были отодвинуты в самый дальний угол проекты замены постоянной армии милиционной системой. Положив в основу своей деятельности идеи и принципы нэпа, Троцкий отказался не только от плана милитаризации промышленности, но и от проекта всеобщего вооружения народа. Прямо он об этом не говорил, но изменение взглядов вытекало из всего контекста его деятельности в этот период.

Исключительно важным Троцкий считал вопрос о перевооружении армии. Намечались планы покупки оружия в Германии. Еще в августе 1920 года наркомвоенмор телеграфировал заместителю наркома внешней торговли А. М. Лежаве, что Политбюро решило немедленно начать сделки с германскими фирмами о закупке оружия, выделив на это 27 миллионов марок. «Дело в высшей степени важное и срочное», — писал он. Троцкий буквально ухватился за сообщение дипломатического представителя России в Швеции П. М. Керженцева о возможности закупки на выгодных условиях винтовок и пулеметов американского производства. По этому поводу была образована комиссия ЦК, от имени которой Троцкий информировал Ленина о необходимости ассигновать 10 миллионов рублей золотом на эту закупку. Соответствующее решение было проведено через Политбюро.^[772]

При всей приверженности Троцкого идее международной революции он с самого начала перехода к нэпу был в числе тех большевистских деятелей, если не первым из них, которые ратовали за всестороннее восстановление отношений с зарубежными странами, их правительствами и частными фирмами, в первую очередь в военной области, а также предоставление международных концессий, то есть передачу зарубежным компаниям права в течение определенного срока эксплуатировать природные богатства и другие хозяйственные объекты, принадлежавшие государству. В апреле 1922 года при активном содействии Троцкого был образован Главный комитет по делам о концессиях и акционерных обществах при Совете труда и обороны (в 1923 году он был заменен Главным концессионным комитетом при Совнаркомом СССР).

Такой способ хозяйствования сильно расходился с представлениями большевиков, в первую очередь самого Троцкого, о социалистической экономике, но, произнеся «а» — признав возможным ограниченное восстановление частной собственности, они сочли целесообразным сказать «б» — согласиться на участие в экономическом восстановлении России иностранного капитала.

Позиция энергичного сторонника сотрудничества с капиталистическими странами в хозяйственной, а затем и в военно-политической области была для Троцкого признанием, что международная революция все более запаздывает. В то же время его линия являлась своеобразным выражением «интернационализма» наркома, который был убежден, что это сотрудничество не помешает России вмешаться в дела зарубежных стран, когда там возникнет революционная заваруха, а сильной Советской республике это было бы сделать легче, чем разоренной стране.

В апреле 1921 года под эгидой Троцкого начались негласные переговоры советских представителей, вначале К. Б. Радека, а затем В. Л. Коппа, с высшими германскими военными чинами и промышленными группами, в частности фирмами «Блом и Фосс» (готовившейся к производству подводных лодок), «Альбатросверке» (планировавшей строительство самолетов) и оружейным концерном Круппа о военно-техническом сотрудничестве. Предполагалось извлечь обоюдную пользу. Немцы рассчитывали обойти условия Версальского мира, запрещавшие Германии иметь военную технику, путем создания предприятий по ее производству на территории России. Советское правительство привлекало германский капитал, технический опыт и квалифицированные кадры Германии для восстановления российской тяжелой промышленности.

Уже 7 апреля 1921 года Копп докладывал Троцкому о результатах

переговоров с «особой группой Р»: «Группа эта считает, прежде всего, необходимой кооперацию с нами в деле восстановления нашей военной промышленности». Названные Коппом фирмы согласились предоставить России технические силы и необходимое оборудование. Предполагался приезд в Москву германского представителя для решения технических вопросов. Троцкий настолько заинтересовался этими делами, что познакомил Ленина с перепиской, а председатель Совнаркома одобрил военное сотрудничество с Германией. ^[773]

Относительно спокойная интерлюдия завершилась поздней весной 1922 года, когда серьезно заболел Ленин, и перед высшим руководством встал вопрос о «престолонаследии», а также о характере проводимого курса, судьбах нэпа, внутренних опасностях, зревших на почве того конфликтного положения, когда экономические уступки относительно свободному рынку были сделаны в условиях укреплявшейся репрессивной политической системы, формировавшегося тоталитарного устройства.

К этому времени и в самой России, и за ее пределами в Троцком видели, несмотря на его отдельные поражения, ведущего большевистского деятеля, почти равного Ленину и даже превосходившего последнего красноречием и убедительностью выступлений. Показательны суждения юного студента, будущего узника ГУЛАГа и писателя Варлама Шаламова: «У Троцкого не было лишней фразы, смущавшей главной мысли, которая уже высказана. Тебе предстояло лишь подсчитывать бесконечные аргументы — одетые, конечно, всегда в оригинальную, блестящую даже одежду. Студенческие скептики говорили даже, что из-за этого постоянного блеска слушатель, зритель отвлекался от глубин суждений Троцкого, которые были бы теснее, яснее при более простом, более шаблонном изложении дела». ^[774]

Глава 10 **В БОРЬБЕ ЗА ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ**

Болезнь Ленина и его «завещание»

Взаимоотношения Троцкого и Ленина в последний год активной деятельности большевистского вождя были далеки от идеальных, хотя Троцкий всячески их приукрашивал. Злопамятный Ленин не мог примириться с той острой критикой, которая раздавалась по адресу

платформы десяти и его самого перед Десятым партсъездом со стороны Троцкого. Но в целом отношения развивались конструктивно. Троцкий не занимал теперь положения второго вождя, хотя его роль в руководстве Красной армией в годы Гражданской войны и, следовательно, в достижении победы была общепризнанной, его статьи и речи звучали ярко и убедительно, читатели и слушатели воспринимали их как выражение позиции и воли руководства.

Ленин часто ссылался на Троцкого, признавая его авторитет и влияние. Во время подготовки Генуэзской конференции — общеевропейской экономической конференции 1922 года, в которой Советская Россия намеревалась участвовать, чтобы добиться выхода на европейский рынок, — Ленин выразил полное согласие с Троцким в том, что если бы в конференции приняли участие представители российских эмигрантских организаций, это сделало бы участие РСФСР невозможным, и предлагал опубликовать официальное заявление в таком духе.^[775]

10 марта 1922 года Троцкий обратился к членам Политбюро с письмом, в котором выражал опасения по поводу смешения функций партийных и государственных органов, считая необходимым провести их разграничение. В связи с этим Ленин 21 марта написал письмо Сталину, которого уже, видимо, прочил на должность руководителя партийного аппарата в качестве секретаря ЦК (возможно, титул генерального секретаря придуман еще не был), и Каменеву, которого явно рассматривал как своего ближайшего помощника, несмотря на былые разногласия. Выражая единодушие с мнением Троцкого,^[776] Ленин в очередной раз балансировал между двумя враждовавшими лидерами, не отдавая явного предпочтения ни одному, ни другому.

Однако когда последовали замечания Троцкого о работе заместителей председателя Совнаркома с предложением ликвидировать Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), который возглавлял Сталин, появился раздраженный ответ Ленина от 5 мая, свидетельствовавший, что те благожелательные по отношению к Троцкому документы, которые писались в предыдущие недели, отнюдь не отражали реальную позицию Ильича. Ленин полагал теперь, что названные замечания «возобновляют наши старые разногласия с т. Троцким, многократно уже наблюдавшиеся в Политбюро». Со свойственной ему безапелляционностью Ленин делал негативные обобщения, заявляя, что Троцкий «поразительно неосведомлен о том, о чем он судит».^[777] Пройдет всего лишь несколько месяцев, и Ленин в своих последних продиктованных статьях и записках полностью

поддержит позицию Троцкого. В оценках приближавшегося к тяжелой болезни вождя настроения продолжали играть весьма важную, если не решающую роль.

Последние ленинские документы периода его активной деятельности были вновь благоприятны по отношению к Троцкому. Возвратившись на недолгое время к работе после перенесенного в мае 1922 года сравнительно легкого инсульта, Ленин выразил согласие с предложением Троцкого о сокращении армии на 200 тысяч человек в течение января 1923 года и 13 ноября 1922 года внес это предложение на рассмотрение Политбюро, где оно было принято.^[778]

Наконец, уже в декабре 1922 года Ленин решил привлечь Троцкого к отстаиванию своей позиции в пользу полного сохранения монополии внешней торговли на предстоявшем пленуме ЦК. 13 и 15 декабря Ленин, понявший, что по состоянию здоровья не сможет участвовать в пленуме, в двух письмах просил Троцкого взять на себя защиту общей точки зрения о необходимости сохранения монополии.^[779] Последним документом публичной политической деятельности Ленина перед его отъездом в отпуск, из которого он уже не возвратится, было письмо Сталину от 15 декабря 1922 года: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Кончил также соглашение с Троцким о защите моих взглядов на монополию внешней торговли... Уверен, что Троцкий защитит мои взгляды несколько не хуже, чем я».^[780]

С середины декабря Ленин находился в Горках под строжайшим наблюдением Сталина, который добился решения Политбюро от 18 декабря 1922 года, поручившего ему контролировать лечение «вождя» и соблюдение его режима.^[781] Переносивший один за другим микроинсульты и сердечные приступы, Ленин фактически оказался под домашним арестом, что провоцировало у него припадки озлобления по отношению к тем, кого он с должным основанием считал своими тюремщиками, прежде всего к Сталину. Во время ослабления приступов мозгового заболевания Ленин все с ббльным доверием относился к Троцкому — основному политическому противнику Сталина, хотя продолжал испытывать по отношению к гордому и высокомерному наркомвоенмору чувство настороженности.

Именно в этих условиях появилось знаменитое ленинское «Письмо к съезду», которое диктовалось урывками в виде отдельных записок, своего рода «дневника». Лишь он был разрешен Ленину его бдительным стражем, внимательно следившим, чтобы ухаживавшие за Лениным жена Надежда Константиновна, сестра Мария Ильинична, секретари и врачи

беспрекословно выполняли его распоряжения.

Ленин начал диктовку 23 декабря, выразив согласие с высказанным ранее предложением Троцкого о придании законодательных функций Госплану,^[782] которое он недавно жестко отклонил. Ленин считал необходимым пойти «в этом отношении навстречу тов. Троцкому».^[783] На следующий день диктовка посвящена была совершенно иному вопросу. Ленин решил охарактеризовать наиболее влиятельных партийных деятелей. Речь шла о нескольких действительно видных руководителях — Бухарине, Каменеве, Зиновьеве. Почему-то вдруг Ленин высказался и о качествах Пятакова, который занимал средние посты. Ни для одного из них вождь не нашел подлинно доброго слова, у каждого выискивал такие пороки, которые должны были воспрепятствовать им стать преемниками. Ильич считал себя незаменимым.

Однако главное содержание записи 24 декабря касалось двух соперников, кем Ленин на протяжении нескольких лет балансировал. В записках говорилось: «...Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения (речь шла о возможной гарантии от раскола партии. — **Г. Ч.**) являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют ббльшую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек». Этот фрагмент может служить явным свидетельством непоследовательности суждений Ленина, что было обусловлено обострившейся болезнью. Подвергая резкой критике в других документах, в том числе записках, продиктованных во время болезни, усиливавшийся бюрократизм, он теперь предлагал резко увеличить состав ЦК, что явно стимулировало бы дальнейшее усиление этого самого бюрократизма. Я уж не говорю о том, что увеличение численности ЦК явно не имело отношения к опасности раскола, которую олицетворяли, по его мнению, взаимоотношения Сталина и Троцкого.

Но Ленин сказанным не ограничился. Он перешел к личным качествам Сталина и Троцкого, вроде бы придерживаясь прежнего «равновесия» в их характеристике, но фактически делая крен в пользу Троцкого. «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, — продолжал диктовать Ленин, — сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС (здесь еще одно свидетельство неясности ленинской

мысли: он перепутал вопрос о НКПС с вопросом о профсоюзной дискуссии. — Г. Ч.), отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Очевидно, что Ленин считал Сталина не соответствующим его должности, тогда как по отношению к Троцкому такое мнение не высказывалось. Кроме того, в устах весьма критичного Ленина заявление, что Троцкий является самым способным членом ЦК, представляло собой серьезное поощрение, несмотря на оговорку о самоуверенности и склонности к администрированию. Ведь его самоуверенность была всем известна, а администрирование являлось обычным инструментом большевистского руководства, к которому постоянно прибегал сам Ленин, являвшийся не менее самоуверенным, нежели Троцкий.

Четвертого января Ленин вспомнил о своих записях и продиктовал дополнение, которое окончательно смещало оценочную шкалу в пользу Троцкого: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и так далее. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношениях Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение».^[784]

Эта запись была столь же непоследовательной, как и предыдущие. Два противоречивых положения здесь были очерчены особенно ясно. Одно заключалось в том, что грубость, допустимая в отношениях между коммунистами (это была всегда свойственная Ленину циничность), не могла распространяться на человека, занимавшего должность генерального секретаря партии (получается, что он вроде бы не был коммунистом?). Кто, как не Ленин, знал, что генсек имеет дело именно с коммунистами, причем с высокопоставленными лицами. Так что заявление больного вождя оказывалось порочным кругом. Второе противоречие состояло в том, что мелочь, которую соглашался признать Ленин, — грубость Сталина, дополненная проистекавшими из нее не менее неприглядными качествами — капризностью, недостатком лояльности, внимательности, терпимости,

— могла оказаться таким свойством, в отношении которого не исключалось, что оно получит решающее значение. Совершенно очевидно, что, диктуя, Ленин явно тут же забывал или почти забывал то, что он произнес минуту назад.

Тем не менее смысл текста был ясен — он отказывал Сталину в доверии и перекладывал основной вес доверия на плечи Троцкого.^[785]

Такой поворот прослеживался и в других записях Ленина конца 1922-го — начала 1923 года. В одной из записок он выражал возмущение поведением Г. К. Орджоникидзе, допустившего рукоприкладство в отношении одного из грузинских деятелей, выступавшего против национального ущемления Грузии, а также Сталиным и Дзержинским, взявшими Орджоникидзе под защиту.^[786] Фамилия Троцкого здесь не упоминалась, но сам факт сосредоточения обвинений на Сталине и его клеветах свидетельствовал о дальнейшем ухудшении отношения к Сталину и направленности ленинских предпочтений.

В период болезни Ленин по крайней мере дважды выказывал доверие Троцкому в личных письмах. 21 декабря 1922 года он выразил удовлетворение тем, как был решен вопрос о монополии внешней торговли на пленуме ЦК. «Как будто удалось взять позицию без единого выстрела простым маневренным движением», — писал он Троцкому, которому доверил отстаивать общий взгляд по этому вопросу.^[787] Второе письмо было написано 5 марта 1923 года, за несколько дней до рокового инсульта, поразившего Ленина. Связано оно было с «грузинским делом», то есть поведением Орджоникидзе, Сталина и Дзержинского, и свидетельствовало о еще более усилившемся доверии к Троцкому. В письме говорилось: «Я просил бы вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастность. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя защиту, то я бы мог быть спокойным».^[788] Дополнением к этому письму был телефонный звонок секретаря Ленина М. А. Володичевой, которая сообщила, что на днях в Грузию едет Каменев и что Владимир Ильич просит узнать, не желает ли Лев Давидович «послать туда что-либо от себя».^[789] Формально это был почти ничего не значивший жест, но он показателен в контексте личностных взаимоотношений в высших кругах.

Может быть, именно это дополнение вызвало особое сомнение Троцкого, стоит ли ему вмешиваться в «грузинское дело». Каменев, как и Зиновьев, был ему известен как клевет Сталина, один из членов «тройки»,

фактически правившей страной,^[790] и каменевская командировка в Закавказье свидетельствовала о том, что сталинская группа полна решимости поскорее свернуть это дело. Но, главное, Троцкий к этому времени уже начал полемику со сталинской группой по вопросам хозяйственной политики и государственного руководства и присовокуплять к ним «мелкий» инцидент не захотел. Он отказался вмешиваться в «грузинское дело», сославшись на болезнь.

Все эти ленинские документы почти сразу стали оружием в борьбе за власть и влияние между группами Сталина и Троцкого, использовались во внутрипартийной борьбе. Не случайно Троцкий тщательно хранил их в своем личном архиве, который через шесть с лишним лет вывез за границу, и главные из них опубликовал. Остальные в конце 1930-х годов были проданы Троцким Гарвардскому университету (США) и ныне хранятся в рукописных фондах Хотонской библиотеки этого университета.^[791] К использованию последних ленинских документов Троцким и против Троцкого в политической борьбе следующих лет я еще вернусь.

Вопрос о статусе Сталина и Троцкого в партии в соответствии с волей Ленина просто не мог получить дальнейшего развития, ибо 10 марта у Ленина произошел новый, на этот раз тяжелейший инсульт, который положил конец его деятельности в области политики.

Прошло всего четыре дня, и в печати появился очерк Карла Радека о Троцком, содержание которого как бы подсказывало читателю, кто является истинным и заслуженным наследником Ленина. Троцкий представал здесь не только как создатель Красной армии, но и как один из лучших писателей мирового социализма, гениальный военный теоретик, организационный гений и т. п.^[792] Радек будто подсказывал Сталину и его группе, что они должны мобилизовать все силы, чтобы вступление в права наследования не состоялось. В этом смысле, независимо от намерений автора, его очерк можно считать провокационным. Известный меньшевик Н. В. Валентинов с полным основанием писал, что строки Радека воспринимались читающей публикой недвусмысленно: вот подлинный наследник Ленина.^[793]

Тем временем «тройка» и примыкавшие к ней члены и кандидаты в члены Политбюро, за исключением Троцкого, а также председатель Центральной контрольной комиссии РКП(б) В. В. Куйбышев (постепенно они сформировали еще один орган — «семерку», которая, как и «тройка», являлась фракционным объединением) были весьма обеспокоены «крамольными» документами теперь уже фактически бывшего вождя, особенно тем из них, который сразу же стали называть «завещанием», то

есть письмом с характеристикой руководящих партийных деятелей.

В начале июня был проведен опрос высших партийных руководителей, как поступить с заметками Ленина о Госплане, продиктованными 27–29 декабря, следует ли их опубликовать. Результаты были катастрофическими для Троцкого. Из десяти опрошенных он остался в одиночестве, заявив: «Я думаю, что эту статью нужно опубликовать, если нет каких-либо формальных причин, препятствующих этому». Из записи следовало, что под формальными причинами Троцкий имел в виду только возможные «условия передачи», то есть ограничения, установленные самим Лениным. Дух остальных ответов наиболее четко сформулировала «тройка». Каменев написал: «Печатать нельзя: это несказанная речь на П[олит]Бюро. Не больше». Зиновьев высказался несколько подробнее: «Н[адежда] К[онстантиновна] тоже держалась того мнения, что следует передать только в ЦК. О публикации я не спрашивал, ибо думал (и думаю), что это исключено. Можно этот вопрос задать. В условиях передачи разницы не было. Только эта запись (о Госплане) передана мне позже — несколько дней тому назад». Наконец, Сталин ответил совсем коротко: «Полагаю, что нет необходимости печатать, тем более, что санкции на печатание от Ильича не имеется».^[794]

Это была лишь первая реакция Сталина и его окружения на последние записки Ленина. Им, а вкуче с ними и одному из героев этих документов Троцкому, предстояло еще пройти большую и запутанную, проникнутую насквозь политическими баталиями историю на протяжении почти двух десятилетий.

Перед партсъездом

С осени 1922 года в стране, начавшей оправляться после разрухи и голода, стали проявляться опасные признаки экономического кризиса. Возникли затруднения в сбыте промышленных товаров в сельской местности по причине резкого расхождения между ценами на сельхозпродукты и промышленные товары. Вновь, как и в годы Гражданской войны, стал процветать прямой продуктообмен. В то время как частично восстанавливались капиталистические отношения, государственная экономика пасовала. Экономические наркоматы и тресты не справлялись со стихией нэпа, давали сбои, все более обволакиваясь бюрократией, раздувшимся аппаратом и коррупцией. С начала 1923 года в руководящих кругах все активнее обсуждался вопрос о реорганизации

хозяйственного и всего государственного руководства.

Л. Д. Троцкий весьма энергично участвовал в обсуждении этого сложнейшего комплекса, пытаясь найти некую равнодействующую, которая позволила бы сохранять нэповские послабления частному капиталу и в то же время обеспечить государственное регулирование экономической жизни путем расширения плановых начал и персональных перестановок.

Ему крайне не нравилось распределение обязанностей между заместителями председателя Совнаркома, функции которых не были четко разграничены, отчего они постоянно вмешивались в дела друг друга. Сам факт «заместительства», введенный по инициативе Ленина, чтобы разгрузить себя, Троцкий считал неоправданным. Его недовольство таким положением еще более усилилось осенью 1922 года, когда Ленин предложил ему стать «одним из замов». Такое назначение он считал пренебрежением к его выдающейся роли в партии и государстве и, несмотря на то что было принято соответствующее решение Политбюро, ответил отказом.^[795] В январе 1923 года то же предложение повторил Сталин уже на правах генсека. Если у Ленина оно носило общий характер, то есть могло подразумевать пост первого заместителя, то Сталин конкретизировал суть дела, заявив, что Троцкий мог бы взять под опеку Высший совет народного хозяйства или даже Госплан. Последовал отказ, причем в резкой форме.

Именно на фоне этих закулисных перипетий Троцкий в начале 1923 года дал согласие выступить на очередном Двенадцатом съезде партии с докладом о промышленности, хотя сфера экономики не находилась в центре его внимания. Видимо, предлагая Троцкому сделать этот доклад, члены Политбюро, вполне уже сплотившиеся вокруг «тройки», стремились подавить в зародыше его критический настрой в отношении укрепления бюрократического слоя в государственной администрации и партии, «приобщить» Троцкого к почти единодушно действовавшей высшей партийной камарилье.^[796]

Приступив к подготовке доклада, Троцкий собрал огромный материал, который позволил значительно расширить и углубить предложения, с которыми он уже не раз выступал в предыдущие месяцы. В ходе работы Лев Давидович написал несколько писем; часть из них адресовалась членам Политбюро, часть — всем членам ЦК. Он предлагал упорядочить взаимоотношения партийных и государственных органов, сократить число административных учреждений, расширить права Госплана, придав ему, вопреки формальным правовым нормам, законодательные функции. Он

считал необходимым ликвидировать «коллегию замов» председателя Совнаркома, оставив одного, максимум двух заместителей.^[797]

Разделяя соображение Ленина о том, что Сталин как генеральный секретарь ЦК сосредоточил в своих руках огромную власть, Троцкий пытался наметить меры сокращения всевластия путем распределения функций между партийными органами — пленумом ЦК, Политбюро, Оргбюро и Секретариатом. Имея в виду предстоявшее расширение ЦК, он предлагал дополнить его главным образом представителями регионов. Предлагалось расширить функции пленума ЦК путем возможности созыва его экстренных заседаний. Упоминая, что Секретариат должен заниматься только текущей работой, Троцкий вообще не упоминал должности генерального секретаря, как будто таковой не существовало.^[798] По существу дела, в начале 1923 года Троцкий противопоставил себя остальным членам Политбюро, следовавшим за Сталиным, по основным вопросам. Это еще не был переход в оппозицию, но первые движения в этом направлении наркомвоенмор начал совершать.

В целом, занимая критическую позицию по ряду хозяйственных и политических вопросов, Троцкий вел себя по отношению к собратьям по Политбюро все же лояльно. 8 февраля 1923 года он представил тезисы своего доклада о промышленности на Двенадцатом съезде. В связи с поступлением нескольких поправок решено было вновь рассмотреть их на следующем заседании Политбюро. Заседание состоялось 20 февраля, приняв тезисы за основу, но решено было детально обсудить вопрос на пленуме ЦК.^[799]

Как развивались далее события, можно судить по письму всех членов и кандидатов в члены Политбюро за исключением Троцкого, адресованному «членам Политбюро и товарищам, присутствовавшим на заседании Политбюро 22 марта 1923 года», то есть это был поразительный факт, когда обращение адресовалось самим себе. Иначе говоря, это был документ, ставивший целью зафиксировать возникшие разногласия с Троцким, изолировать его от партии, тем более что письмо было позже включено в качестве приложения в стенографический отчет Двенадцатого съезда,^[800] хотя сами делегаты об этом проинформированы не были.

На пленуме ЦК 22–24 февраля дело не ограничилось обсуждением тезисов о промышленности. Был рассмотрен и отвергнут намеченный Троцким план реорганизации центральных органов партии. Раздраженный Троцкий бросил присутствовавшим справедливую, но тактически весьма рискованную фразу, что их позиция продиктована «задними мыслями и

политическими ходами».

В определенной степени эта своего рода увертюра предопределила весь характер дальнейшего обсуждения тезисов о промышленности. Пленум ЦК в очередной раз взял их за основу, но тут же предложил внести в текст изменения. «Поправки», подготовленные заранее, были предложены Каменевым «при поддержке нескольких других членов и кандидатов Политбюро», то есть фактически от имени «тройки». Изменения касались вопросов о роли сельского хозяйства и о взаимоотношениях партии и хозяйственников.

Первая поправка требовала заменить фрагмент о значении сельского хозяйства и промышленности для подъема страны, в котором заострилось внимание на необходимость ускоренного развития промышленности на базе самокупаемости, фрагментом о центральной роли сельского хозяйства.^[801] Иначе говоря, члены Политбюро, в том числе Сталин, отказывались от намерений осуществить индустриализацию страны в близкое время, отходя от планов, которые разрабатывались в предыдущие месяцы и даже годы с участием Ленина, в частности от плана электрификации страны, известном как план ГОЭЛРО. Вторая поправка касалась вопроса, особенно болезненного для партбюрократии. В своих тезисах Троцкий обращал внимание на вопрос продвижения хозяйственных работников по службе, на накопление ими опыта. Он требовал отказаться от частого смещения, «переброски» хозяйственников парторганами. Взамен этого текста предлагалось включить прямо противоположный по смыслу — общую фразу о необходимости усилить функции партийных органов, не допускать отрыва хозяйственников от партии и т. п.^[802]

При обсуждении вопроса в Политбюро Троцкий произнес две большие речи, основной смысл которых состоял в том, что партия должна «править, а не управлять», что необходимо покончить с «губкомовской обломовщиной» (то есть все более расширявшейся по воле Сталина системой насаждения и поощрения бездельников на местах).^[803] В своих заявлениях члены и кандидаты в члены Политбюро теперь открыто клеймили Троцкого, навешивая на него ярлыки. Его, правда, прямо еще не обвиняли в оппортунизме или меньшевизме, но намеки на это слышались, а подчас заменялись прямым политическим очернением. Скованный резолюцией Десятого съезда «О единстве партии», не будучи готовым идти на полный разрыв с партаппаратом, не имея за собой организованной группы сторонников, Троцкий формально подчинился пленуму и внес в тезисы незначительные исправления, надеясь в какой-то мере взять реванш

на съезде.

Троцкий не понимал еще, что партийные съезды превращаются в формальные, торжественные рауты, за спиной которых осуществляется реальная политика.

На Двенадцатом съезде

Первым из таковых собраний сторонников «тройки» для одобрения продиктованной ею «генеральной линии» был именно Двенадцатый съезд, происходивший 17–25 апреля 1923 года.

Внешне Троцкий пользовался на этом съезде все той же популярностью, что и на предыдущих высших собраниях партийных деятелей. Он был избран в президиум.^[804] В отчетном докладе ЦК Зиновьев дважды уважительно упоминал его имя.^[805] Малосведущие представители рабочих и крестьян, которым еще не давали заранее заготовленные тексты для произнесения приветственных речей, чтобы зачитывать «перепутанные в суматохе бумажки» (А. Галич), называли Троцкого «народным вождем», ссылались на него, говоря о необходимости бороться против бюрократизма, и т. д.

Доклад Троцкого о промышленности^[806] представлял собой довольно объективный анализ не только заявленного темой вопроса, но всего комплекса хозяйственного развития РСФСР в условиях нэпа. Троцкий исходил из того, что период, подобный нэпу, обязателен для всех стран при переходе к социализму, что необходимо пользоваться старыми, рыночными методами, пока не созданы новые «централизованные, плановые, учетные». Рыночные отношения должны пронизывать все отношения между городом и деревней. Ставя вопрос, способствовал ли рынок за два года подъему производительных сил, докладчик отвечал на него положительно, хотя отмечал серьезные расхождения в темпах — промышленное производство увеличилось на 43 процента, сельскохозяйственное — на 20 процентов.

В то же время делался вывод, что государственная промышленность работает убыточно, питается в основном за счет бюджета, а бюджет — за счет крестьянского хозяйства. «Дальше уже надо приноравливаться к тому, чтобы работать с прибылью», — призывал Троцкий.

Но главный смысл доклада состоял в том, что «смычке города с деревней», которая должна была принимать все более производственный характер, то есть коммерческому обмену продуктов сельского хозяйства на

промышленные товары, крайне мешали «ножницы цен». Троцкий приходил к заключению, что продукты национализированной промышленности становились все менее доступными крестьянству, что крестьянин вынужден платить за них все больше.

Докладчик показал присутствовавшим диаграмму движения розничных цен. Доступно для тех, кто обладал самым низким уровнем экономических знаний (а таковых среди делегатов было подавляющее большинство), были продемонстрированы эти самые «ножницы»: цены на промышленные товары неуклонно ползли вверх, а на сельскохозяйственную продукцию катились вниз. «Нужно твердо в этот образ вдуматься, — говорил Троцкий с изрядной долей сарказма, как он это умел делать, — две основные линии идут все более врозь, и эта раскоряка называется «смычкой»».

На основании рекомендаций экспертов, в качестве каковых Троцкий, следуя опыту Гражданской войны, все активнее привлекал старых специалистов, теперь в основном экономистов, включая бывших меньшевиков, в докладе содержались рекомендации по сближению цен, устранению «ножниц», то есть преодолению хозяйственного кризиса, который все более обострялся.

В докладе вскрывалась опасность бюрократического перерождения не только экономики, но и всего государственного аппарата. При этом Троцкий под государственным аппаратом имел в виду и аппарат партийный, ибо на протяжении всего доклада говорил не о «диктатуре пролетариата», а о «диктатуре партии».

Этого положения не было в утвержденных Политбюро и Пленумом ЦК тезисах. Иначе их никак бы не пропустили и Троцкий был бы скован по рукам и ногам. Теперь он самовольно вторгся в «святыя святых» большевистской демагогии, используя для этого вопрос о накладных расходах, которые несет промышленность в результате содержания «вавилонской башни бюрократического государственного аппарата».

Доклад, продолжавшийся три с лишним часа, можно безоговорочно определить как лебединую песнь Л. Д. Троцкого в качестве одного из высших представителей коммунистической властной элиты. Делегаты съезда воспринимали высказывавшиеся в нем с яркостью и хлесткостью идеи как коллективное мнение всего руководства.

Правда, слухи о разногласиях, об особой позиции Троцкого по ряду вопросов распространялись в кулуарах съезда довольно широко. В выступлении Сталина содержались намеки на негативное отношение остальных членов группового руководства к Троцкому. Но все же это были

не более чем слухи, тогда как тезисы Троцкого, а значит, в представлении рядовых делегатов и его доклад, были одобрены Пленумом ЦК и воспринимались как выражение воли правившей верхушки.

После недолгих прений, в которых встречались критические суждения, но вполне благоприятные по отношению к докладчику,^[807] Троцкий выступил с заключительным словом, по объему сопоставимым с еще одним докладом, хотя существенно новых мыслей в нем почти не было.^[808] Появление Троцкого на трибуне казалось еще одним триумфом. Он был встречен «громкими продолжительными аплодисментами». Суетились кинооператоры, запечатлевавшие его облик для истории. «Я не могу начать, пока не прекратятся эти бенгальские огни», — первое, что сказал он, имея в виду сверкание прожекторов, освещавших его на трибуне для кино съемки. В заключительном слове речь шла в основном о том, что нэп позволил хозяйственному организму страны «отогреться».

Члены «тройки» вынуждены были примириться с триумфом Троцкого, хотя он только подливал масло в огонь все более усиливавшейся ненависти к «уклонисту» от решений, которые намечались «тройкой», одобрялись «семеркой», а затем становились официальным курсом. Каменев в докладе о налоговой политике в деревне согласился с существованием «ножниц», о которых говорил Троцкий.^[809] В комиссию по подготовке окончательного текста тезисов (резюми по докладу) вошли как близкие Троцкому деятели (Смилга, Сокольников, Пятаков, Раковский), так и следовавшие за Сталиным Рыков, Ногин, Микоян и другие.^[810] Тем более отчетливым был успех Троцкого, что после его разъяснений съезд по всем спорным вопросам поддержал докладчика.^[811]

Троцкий был избран в ЦК,^[812] а затем и в состав Политбюро. Казалось, разногласия и борьба за влияние и власть в результате съезда смягчились. Это, однако, было не так. Все более вызревала особая позиция Троцкого, который еще не переходил в открытую оппозицию, но пытался нанести по господствовавшей «тройке» болезненные удары.

Предстояла напряженная и острая внутрипартийная борьба, а следовательно, и борьба за власть, ставшая принципиально новым этапом политической деятельности Льва Давидовича Троцкого.

Часть третья

ОБЪЕДИНЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ, ССЫЛКА И ДЕПОРТАЦИЯ

Ему говорят, что закончен бой И пора вести учет несбывшимся снам...

Максим Леонидов

Глава 1 **ОТХОД ОТ «ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ»**

Фиктивная оппозиция

Все столкновения между Троцким и все более сплывавшейся вокруг Сталина группой старых лидеров (виднейшими среди них были Каменев и Зиновьев), а также молодой порослью догматиков и карьеристов (из кого наиболее известен был щеголявший своей образованностью Н. И. Бухарин) являлись пока только внутренними стычками, не выходящими за пределы узкого круга высшей элиты. Но слухи о них в результате пересказов, порой мало достоверных, распространялись из Кремля в московские круги, затем в губернские города и, наконец, в совершенно искаженном виде доходили до глухой деревни.

По форме это была борьба за идейное наследие Ленина, который доживал последние месяцы в Горках. Борьба превращалась в драку за то, кто станет «великим» продолжателем дела Ленина. Шансы на успех определить было нелегко. Сталин и его помощники Каменев и Зиновьев обладали тем преимуществом, что оказывали решающее влияние на партийные кадры на местах — Зиновьев как руководитель ленинградской парторганизации, Каменев как лидер московских коммунистов и, главное, Сталин, в руках которого сосредоточилось к этому времени назначение и перемещение кадров по всей стране. «Тройка» не была монолитной, между ее членами возникали дразги, причем каждый вначале считал себя главной фигурой, хотя постепенно Зиновьев и Каменев приходили к выводу, что

они отодвигаются в сторону от «вождистских» позиций.

В арсенале Троцкого были другие важнейшие средства борьбы — поддержка Красной армии, авторитет организатора Октябрьского переворота и победы в Гражданской войне, а также мощный личный интеллектуальный и агитационно-публицистический потенциал.

Новый этап внутренней борьбы, не превращавшейся еще в открытую оппозицию сталинской группе, относился к концу лета — осени 1923 года, когда хозяйственный кризис, в основе которого лежали «ножницы цен», достиг апогея. Низкие цены на сельхозпродукты вели ко все более сокращавшемуся снабжению городов продуктами питания, которые крестьяне просто перестали продавать. В начале октября индексы розничных цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию составляли по сравнению с 1913 годом соответственно 187 и 58. Города оказались на грани голода. В связи с тем, что прирученные партией профсоюзы отказывались становиться во главе рабочих выступлений, получили распространение «неофициальные» забастовки.

На заседаниях Политбюро и пленумах ЦК Троцкий начал атаки на курс «тройки». О характере его аргументов можно судить по публикации журналиста, который упоминался в начале этой книги как автор небольшой публицистической работы о юности Троцкого. Это был Макс Истмен, некоторое время сочувствовавший коммунистической партии США и в 1922–1924 годах находившийся в России. Истмен симпатизировал Троцкому и его идеям, общался с ним, записывал его аргументацию.

Встречи с Истменом происходили регулярно. Хотя идейного сближения не произошло — американец сочувствовал коммунизму, но не был страстным приверженцем этой доктрины, — Троцкий был интересен журналисту как личность. Вместе со своей женой Еленой (урожденной Крыленко) Макс бывал в доме Троцкого, где их всегда радушно принимали. На гостей особое впечатление производили ярко-голубые глаза Троцкого, которые почти во всех репортажах журналистов и прочих очевидцев назывались жгуче-черными, чтобы они соответствовали образу Мефистофеля. Сам Лев Давидович жаловался: «Было в этом что-то фатальное. Эти черные глаза фигурировали в каждом описании, хотя природа дала мне голубые глаза».^[813]

Во время бесед Троцкий не сосредоточивался на себе, тем более на семейных делах, а посвящал все время обоснованию своих взглядов. Истмен изложил эту аргументацию в книге, опубликованной вскоре после отъезда из СССР.

Согласно Истмену, на заседаниях Политбюро Троцкий говорил, что

все происходившее в СССР было результатом состояния умов членов партии, их чувства разочарования. Он считал, что утвержденные партсъездом меры преодоления «ножниц» не проводятся в жизнь в силу назначенчества сверху, недоверия к партийным низам. «Дисциплина периода гражданской войны» должна уступить место сознательной дисциплине и «широкой партийной ответственности». Вместо этого бюрократизация партийного механизма получила невиданные размеры, а зажим критики ведет к тому, что критические настроения уходят в подполье.^[814]

Некоторые соображения и предложения Троцкий излагал в документах, направляемых в ЦК и в Политбюро. Они касались ошибочности «разделения труда» между членами Политбюро (Троцкий мотивировал это примером Зиновьева, на которого были возложены вопросы Наркоминдела — это неизбежно приведет к слухам о слиянии Наркоминдела с Коминтерном), необходимости перестройки Центральной контрольной комиссии, недопущения свободной продажи крепких спиртных напитков «в фискальных целях» («Попытка перевести бюджет на алкогольную основу есть попытка обмануть историю», — писал он) и, наконец, общих вопросов экономического и финансового кризиса, их причин и вероятных последствий.^[815]

На заседаниях Политбюро Троцкий, опасавшийся все большего усиления сталинской группы, стал чаще и острее отстаивать «внутрипартийную демократию», атаковать бюрократов, в том числе высокого ранга. Б. Бажанов вспоминал, что в качестве воплощения этого слоя он избрал недалекого Молотова, на которого яростно обрушивался. «Хорошо помню сцену, как глядя в упор на Молотова, сидевшего против него по другую сторону стола, Троцкий пустился в острую филиппику против «бездушных партийных бюрократов, которые каменными задами душат всякое проявление свободной инициативы и творчества трудящихся масс». Молотову, имя которого Троцкий не называл, надо было смолчать и сделать вид, что речь идет совсем не о нем, и еще лучше одобрительно кивать головой. Вместо этого он, поправляя пенсне и заикаясь, сказал: «Не всем же быть гениями, товарищ Троцкий»». ^[816] Видимо, именно после этого примечательного выступления в высших кругах Молотова стали тайком именовать «каменной задницей», и эта кличка закрепилась за ним на всю жизнь.

Полагая, что его усилия саботируют, Троцкий стремился выйти за пределы Политбюро и даже ЦК. Он понимал, что донкихотскими методами

не добьется результата. На протяжении августа — сентября 1923 года он беседовал с отдельными партийными деятелями, которых считал своими соратниками. Скорее всего, именно в ходе этих бесед вырабатывался текст документа, который затем был дан на подпись ряду партийных деятелей.

Масла в огонь подлило решение сентябрьского пленума ЦК об изменении состава Реввоенсовета — в этот орган, считавшийся главной опорой Троцкого, были введены пять членов ЦК, а также Н. И. Муралов (командующий Московским военным округом), членом ЦК не являвшийся. В решении пленума пятерку называли «военными цекистами». Ими были И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов (командующий Северо-Кавказским военным округом), Г. К. Орджоникидзе (первый секретарь Закавказского крайкома партии), Г. Л. Пятаков (заместитель председателя ВСНХ), М. М. Лашевич (командующий Сибирским военным округом).

Решение было хорошо продуманным и, по сути дела, провокационным, ибо, во-первых, из числа «военных цекистов» трое военными не были, а во-вторых, двое из дополнительно введенных в Реввоенсовет — Пятаков и Муралов — в следующем месяце подпишут документ, поддерживавший Троцкого, причем Пятаков уже был известен сталинской группе как сторонник Троцкого, а Лашевич присоединится к антисталинской группировке позднее. Генсек, таким образом, вел игру хитро, действуя поэтапно, не забегая вперед, возможно, даже замедленно, с точки зрения его ретивых помощников, сохранял внешнюю видимость баланса.

Картину поведенческой возни живописно передал Борис Бажанов. Вот как он рассказал о начале одного из заседаний: «Без одной минуты десять с военной точностью входит Троцкий и садится на свое место. Члены тройки входят через три-четыре минуты один за другим — они, видимо, перед входом о чем-то совещались. Первым входит Зиновьев, он не смотрит в сторону Троцкого, и Троцкий тоже делает вид, что его не видит, и рассматривает бумаги. Третьим входит Сталин. Он направляется прямо к Троцкому и размашистым широким жестом дружелюбно пожимает ему руку».^[817]

Троцкий понимал характер игры. Он негодовал, что в состав руководимого им органа включены его заклятые враги — троица Сталин, Ворошилов и Орджоникидзе. На заседании ЦК наркомвоенмор возражал против включения в Реввоенсовет новых членов, а затем, заявив, что «не намерен выслушивать заранее заготовленные речи», демонстративно покинул пленум. Тот же Бажанов передал сцену, как он покидал зал, видимо, не далекую от реальности, которой он, правда, придал

карикатурные черты: «Дверь зала огромная, железная и массивная. Чтобы ее открыть, Троцкий потянул ее изо всех сил. Дверь поплыла медленно и торжественно. В этот момент следовало сообразить, что есть двери, которыми хлопнуть нельзя. Но Троцкий в своем возбуждении этого не заметил и старался изо всех сил ею хлопнуть. Чтобы закрыться, дверь поплыла так же медленно и торжественно... Получилось так: крайне раздраженный человек с козлиной бородкой барахтается на дверной ручке в непосильной борьбе с тяжелой и тупой дверью».^[818]

Скорее всего, предполагалось, что Троцкий выступит с подробным обоснованием своей позиции после поступления в Политбюро коллективного документа. Но реорганизация Реввоенсовета заставила его извлечь меч из ножен раньше времени. Видимо, на это рассчитывала сталинская группа, в каковую все больше превращалась тройка, хотя Зиновьев и Каменев еще надеялись, что им удастся приручить генсека. В результате последовало личное обращение самого Троцкого. Выступив за несколько дней до появления коллективного документа с «совершенно секретным» письмом членам ЦК и ЦКК РКП(б)^[819] от 8 октября 1923 года, Троцкий стал инициатором внутривнутрипартийной дискуссии.

В письме Троцкий затрагивал многие вопросы, но общий смысл состоял в том, что ситуация значительно ухудшилась по сравнению со временем Двенадцатого съезда. Причинами этого он считал нездоровый внутривнутрипартийный режим, недовольство рабочих и крестьян тяжелым экономическим положением в результате объективных трудностей и «коренных ошибок хозяйственной политики».

Важным положением письма было утверждение о порочном способе подбора кадров со стороны «генерального секретариата». Таковой орган не существовал. Троцкий употребил выдуманный термин, чтобы так обозвать пост Сталина, не называя его по фамилии, но явно указывая на него и выражая к нему пренебрежение, даже презрение. Кадры подбираются с точки зрения того, содействуют ли они существующему партийному режиму, утверждал автор письма.

Троцкий возмущался формированием «секретарской психологии», проявлявшейся в желании произвольно командовать людьми, в подмене «рабочей демократии» отъявленным бюрократизмом. Осознавал ли он, что бюрократизация партии и государства, основным носителем которой все более становился Сталин, была внутренним порождением режима, который сам он вместе с Лениным и другими большевистскими деятелями установил в 1917 году и всячески укреплял в следующие годы? Не

исключено, что такие мысли приходили ему в голову, может быть, мучили как кошмарное наваждение. Но если это было так, внешне он этого не выдавал. Возникновение «секретарской психологии» Троцкий относил только ко времени, когда Сталин стал генсеком. 11 октября на заседании Политбюро Троцкий заявил о передаче содержания своего письма «небольшому кругу ответственных товарищей», не входивших в ЦК и ЦКК, что члены Политбюро вынуждены были принять к сведению.

На деле, однако, письмо от 8 октября 1923 года стало распространяться в более широкой аудитории. Об этом свидетельствует, в частности, обсуждение его на заседании бюро Московского комитета партии 14 октября, где с тревогой сообщалось, что документ распространяется в партийных организациях, под ним собирают подписи, выдвигают требования созыва внеочередного партийного съезда и т. д. Все это рассматривалось как попытка создания фракции,^[820] хотя Троцкий в то время не помышлял даже об оппозиции.

Так что посланное в середине октября в Политбюро письмо, традиционно называемое «Заявлением 46-ти»^[821] (на самом деле под ним стоят подписи 47 человек), можно считать прямым отголоском заявления Троцкого от 8 октября. Вряд ли его рука касалась этого текста, но то, что Лев Давидович давал авторам рекомендации, весьма вероятно. И уж во всяком случае «подписанты» были знакомы с письмом Троцкого.

В новом письме констатировалось разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», профессиональных функционеров, подбираемых сверху, и массу, не участвующую в общественной жизни. Авторы шли даже дальше утверждений Троцкого, что легко объяснимо: он был членом Политбюро и вынужден был себя сдерживать. В «Заявлении 46-ти» утверждалось, что в РКП(б) сложился «режим фракционной диктатуры», predeterminedенный резолюцией о единстве партии.

В числе подписантов не было ни одного из высших руководителей РКП(б), но их список впечатлял. Среди них можно было встретить известные имена: А. О. Альский — заместитель наркома финансов СССР, В. А. Антонов-Овсеенко — один из организаторов Октябрьского переворота в Петрограде, а теперь начальник Политуправления Красной армии, А. С. Бубнов — заведующий агитпропотделом ЦК РКП(б), Н. И. Муралов — командующий войсками Московского военного округа, Е. А. Преображенский — председатель финансового комитета ЦК и Совнаркома, Г. Л. Пятаков — заместитель председателя Госплана, Т. В. Сапронов — секретарь Президиума ВЦИКа, Л. П. Серебряков — заместитель наркома

путей сообщения, И. Н. Смирнов — нарком почт и телеграфов СССР. Заявление подписали известные журналисты: А. К. Воронский — редактор журналов «Красная новь» и «Прожектор» и Л. С. Сосновский — редактор газет «Беднота» и «Коммунар», острые статьи которого появлялись чуть ли не в каждом номере «Правды».

Девятнадцатого октября последовал новый документ Троцкого — письмо в Президиум ЦКК и в Политбюро.^[822] Троцкий решительно осуждал то, что он не был приглашен на заседание Президиума ЦКК 15 октября, где обсуждалось его предыдущее письмо, а также против оценки этого его документа как платформы фракции. Он переходил к активной обороне, заверяя, что никоим образом не собирался создавать ни фракцию, ни платформу, и настаивал на сохранении содержания письма в узком кругу членов ЦК и ЦКК, а в том, что оно получило широкую циркуляцию, обвинял самих партбоссов.

В тот же день, 19 октября, последовал обширный ответ членов Политбюро на письмо Троцкого от 8 октября.^[823] Можно предположить, что ответ был написан Зиновьевым (в тексте имеются исправления и дополнения Сталина). Документ выдавал озабоченность группы Сталина выступлением Троцкого и последовавшим за ним обращением его сторонников. Демагогическим обоснованием опасения было заявление, будто Троцкий выступает зачинщиком борьбы против ЦК, причем «в трудный момент», а далее следовало голословное опровержение в основном справедливых суждений возмутителя спокойствия по вопросам экономической политики, политического положения в стране, положения в партии. И все же заключение ответа выглядело куда более миролюбивым, нежели основная часть. Явно чувствовалась рука Сталина, который набрасывал на себя маску умиротворителя и сдерживал распявшегося Зиновьева. Троцкого призывали признать ошибку и продолжать оставаться «искренним революционером».

Но Троцкий пока этому призыву не внял. Накануне пленума ЦК, назначенного на 24 октября, он «ответил на ответ».^[824] Смысл его был сформулирован в первых же строках указанием на то, что «авторы письма считали исключенной необходимость и возможность серьезных изменений в проводимой ныне партийной и хозяйственной политике». За этим следовало обоснование прежних тезисов, лейтмотивом которых являлось утверждение о решениях, доведенных до «бюрократического абсурда». Троцкий ссылался на авторитет Ленина, приводил адресованные ему ленинские записки, действительно свидетельствующие о попытке

опереться на Троцкого в кампании против Сталина.

Эти записки будут вновь и вновь фигурировать в полемике Троцкого многие годы. Отрешиться от ленинского авторитета, утвердившегося в его сознании в 1917 году, он не мог никак. Это была своего рода «тигровая шкура», некий амулет, который давал ему право, как он полагал, претендовать на ленинское наследие, демонстрируя, что он был в последние месяцы сознательной жизни Ленина наиболее близок к нему.

На пленуме 26 октября 1923 года основной спор разгорелся между Троцким и Сталиным. Троцкому изменила обычная выдержанность. Он говорил нервно, сбивчиво, отвлекался на смежные или даже посторонние вопросы. Он отвергал термин «троцкизм», который в предыдущие недели стал навязываться верхушкой, особенно Зиновьевым и Куйбышевым. В выступлении Троцкого содержалось предостережение, что намеченное решение с осуждением его поведения, как и его сторонников, уничтожает «почву для дальнейшей совместной коллективной работы».^[825] Сталин вновь попытался набросить на себя маску примирителя. Основной смысл его выступления состоял в том, что новую дискуссию допускать не следует, но необходимо осудить ошибочные поступки Троцкого и «обеспечить такой порядок, чтобы все разногласия в будущем решались внутри коллегии и не выносились во вне ее».^[826]

Троцкий вновь оказался в безвыходном положении. С ним вроде бы согласились, но это было согласие, подобное тому, которое выражают с суждением человека, страдающего умственным расстройством: его заверяют, что он прав и все будет идти так, как он полагает, но в то же время неподалеку находятся санитары, готовые в случае необходимости набросить на несчастного смиренную рубашку.

После всех этих событий Троцкий заболел. Чтобы отвлечься от нервного напряжения, он, как обычно делал и ранее, отправился охотиться на реке Дубне. Н. И. Седова вспоминала, что утиная охота «приносила ему душевное успокоение благодаря тесному общению с землей, деревьями, водой, со снегом и ветром. Это было одновременно состязанием с природой и временем размышлений».^[827]

После охоты, в последнее воскресенье октября, Троцкий провалился в болото. Все вроде бы обошлось. Он выбрался, добежал до автомобиля, но промок и промерз. На следующий день он слег с сильной простудой. Вслед за простудой последовали осложнения. Температура прыгала, и это невероятно мучило. Длительное время — остаток осени и зиму — он провел в постели.^[828]

Сохраняя видимость примирения и частичного признания правильности его суждений, Сталин и другие члены Политбюро предложили Троцкому подготовить резолюцию о внутрипартийной демократии. Троцкий согласился, не предусмотрев, в какую ловушку попадает. «Можно предвидеть революцию и войну, но нельзя предвидеть последствия осенней охоты на уток», — саркастически, кажется, впервые по собственному адресу, писал он в мемуарах.

Соблюдая видимость толерантности, Сталин и Каменев предложили провести несколько неофициальных встреч в его домашнем кабинете, чтобы выработать такую резолюцию. Седова вспоминала: «Это были тяжелые дни, дни напряженной борьбы... Я сидела в спальне рядом и слышала его выступления. Он говорил всем своим существом, казалось, что с каждой такой речью он теряет часть своих сил, с такой «кровью» он говорил им. И я слышала в ответ холодные безразличные ответы... Каждый раз после такого заседания у Л[ьва] Д[авидовича] подскакивала температура, он выходил из кабинета мокрый до костей и ложился в постель. Белье и платье приходилось сушить, будто он промок под дождем. Заседания происходили в то время часто, в комнате Л[ьва] Д[авидовича], с тусклым старым ковром, который мне из ночи в ночь снился в виде живой пантеры: дневные заседания ночью превращались в кошмар».^[829]

В результате была выработана резолюция «О партстроительстве», утвержденная 5 декабря 1923 года Политбюро и Президиумом ЦКК и затем опубликованная в усеченном виде.^[830] Резолюция состояла из общих фраз, которые рассматривались сталинской группой как средство закрепить свою власть, продемонстрировать добрую волю по отношению к «сверхдемократическим» претензиям Троцкого и в то же время успокоить недовольных, чьи голоса все громче слышались на партсобраниях. Так Троцкий, полагая, что одержал победу, сам очутился в капкане, из которого, как впоследствии оказалось, он мог бы вырваться, только пойдя на открытую оппозицию, к чему пока не был готов.

В самом деле, его выступления 1923 года отнюдь еще не были оппозицией, как стали вскоре утверждать сталинисты. Вслед за партаппаратчиками легенду об оппозиции 1923 года десятилетиями повторяли партийные историки. Легенда сохраняется и поныне. На самом деле пока речь шла о критических выступлениях на узких конклавах высшей элиты, о критике «недостатков», но не о противопоставлении официальному курсу принципиально иной линии. Действительно оппозиционные бои еще предстояли.

Троцкий понимал, что борьба за власть и за правильный, с его точки зрения, курс отнюдь не завершена. Он стремился закрепить занятую позицию новым циклом выступлений. В то же время он убеждался, что сделать это непросто, ибо одновременно с принятием компромиссной резолюции высшие аппаратчики продолжали нападки на его позицию и на него лично.

Именно в этих условиях Троцкий 8 декабря 1923 года написал статью «Новый курс. (Письмо к партийным совещаниям)», в которой развивал положения резолюции от 5 декабря. Делал он это хитро, акцентируя внимание на пунктах, проходивших в резолюции пунктиром. Главным было требование замены «оказавшейся и обюрокротившейся части партаппарата свежими силами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь». «Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию». Кто мог «терроризировать партию»? Это было ясно, во всяком случае всем партийцам.

С задержкой на три дня, 11 декабря, главный редактор «Правды» Бухарин решил опубликовать статью, видимо, проконсультировавшись со Сталиным. Но уже 13 декабря в газете появилась передовица «Наша партия и оппортунизм», написанная самим Бухариным. Ее полемический запал был направлен на то, чтобы представить Троцкого «оппортунистом». Вспоминались и его антибольшевистское прошлое, и связь прошлого с настоящим, и то, что статья Троцкого будто бы противоречила резолюции Политбюро. Вслед за этим, 15 декабря, появилась и статья Сталина под длинным заголовком, сам характер которого содержал попытку связать выступления Троцкого с позицией других «диссидентов», причем Сталин пренебрежительно отодвигал его на последнее место.^[831] Дискуссия разгорелась с новой силой. Последовали новые заявления Троцкого, Бухарина, «семерки», а затем диспуты на партсобраниях и всяких других совещаниях, в которых, однако, Троцкий не участвовал в связи с болезнью.

Семнадцатого декабря было принято постановление Политбюро, в очередной раз носившее лицемерный характер. В этом постановлении впервые в отношении сторонников Троцкого употреблялся термин «оппозиция», которая, мол, использовала его выступление для обострения внутрипартийной борьбы. Высказывалась убежденность, что несогласие с Троцким имеется «в тех или иных отдельных пунктах», однако злостным

вымыслом явилось бы предположение, будто работа Политбюро ЦК и госучреждений возможна «без активнейшего участия тов. Троцкого». Выражалось стремление сделать все возможное для обеспечения дружной работы.

Такой характер документа еще раз свидетельствовал об опасении «тройки» и «семерки», что за Троцким может пойти значительная часть партии, а также армии. Опасение усиливалось тем, что вроде бы улучшилось состояние здоровья Ленина, который в конце 1923 года стал постепенно, хотя и очень медленно выходить из паралича и, по словам Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, даже пытался следить за газетами и развернувшейся дискуссией.^[832] Кажущееся изменение в состоянии здоровья Ленина не могло не ввергать партийную верхушку и ее лидера в панику.

Дело в том, что уже в конце октября — начале ноября 1923 года партийные боссы фактически похоронили Ленина. Бухарин рассказал несколько позже бывшему меньшевику Н. В. Валентинову, работавшему в ВСНХ, как Сталин встретился тогда с ним, Калинин, Каменевым, Рыковым и Троцким и сообщил, что дни Ленина сочтены. Сталин говорил, что смерть вождя не должна заставить партию врасплох, надо подумать, как организовать похороны. Он заявил, что «товарищи из провинции» против сжигания тела Ленина, что это не согласуется с «русским пониманием любви и преклонения перед усопшим». Троцкий был возмущен: «Когда товарищ Сталин договорил до конца свою речь, только тогда мне стало понятным, куда клонят эти сначала непонятные рассуждения и указания, что Ленин — русский человек и его надо хоронить по-русски... Я очень хотел бы знать, кто эти товарищи в провинции, которые, по словам Сталина, предлагают с помощью современной науки бальзамировать останки Ленина и создать из них мощи. Я бы им сказал, что с наукой марксизма они не имеют ничего общего». Большинство присутствовавших высказались за предложение Сталина.^[833]

В то время как партийные руководители заживо хоронили Ленина, неожиданно возникла, оказавшаяся иллюзорной, перспектива его возвращения к какой-то пусть неактивной, но все же умственной деятельности. Возможное вмешательство в дискуссию Ленина на стороне Троцкого оказалось бы наихудшим вариантом развития событий для сталинской группы. Этим и объяснялось стремление отделить Троцкого от тех, кого объявляли «оппозиционерами», хотя надежде никакой оппозиции пока еще не существовало.

В том же декабре 1923 года Троцкий опубликовал в «Правде» еще несколько статей, подвергавших критике бюрократическое перерождение партийных и государственных органов и содержащих предложения по хозяйственным вопросам, в отношении которых Двенадцатым съездом были приняты решения, но они не реализовывались. Эти статьи вместе с некоторыми новыми материалами Троцкий включил в брошюру «Новый курс», вышедшую в январе 1924 года, как раз накануне смерти Ленина.^[834]

Ведя напряженную борьбу против сталинской группы, Троцкий использовал в ней не только чисто политические методы. Он стремился противопоставить себя большинству руководства своим более широким кругозором, обширностью знаний, свободным обращением к всевозможным темам, обсуждаемым образованными людьми. Он пытался совместить «пролетарскую революцию», воспевавшую «простых людей» как якобы носителей власти, и огрубление нравов с показным уважением к ценностям культуры и ее носителям.

Троцкий был единственным из высших большевистских деятелей, кто не только признавал совместимость «диктатуры пролетариата» с усвоением достижений культуры (на такой позиции стояли все руководители, начиная с Ленина), но и пытался перевести общие соображения в конкретную плоскость. Именно поэтому многочисленные выступления Троцкого по культурным вопросам были важной частью его политической деятельности, борьбы за самосохранение в высшем эшелоне власти и за расширение влияния путем противопоставления себя партийной иерархии.

Буквально все вопросы быта, охраны материнства, физической культуры, движения рабочих корреспондентов и т. д. освещались им в статьях с точки зрения превращения Советской России (СССР) в объект подражания со стороны низших слоев населения за рубежом. В то же время статьи показывали, что их автор при явной поверхностности был все же на голову выше по кругозору и интересам остальных членов Политбюро (исключая, пожалуй, Бухарина, начитанного, но несравненно более догматичного и боязливого, нежели Троцкий).

Особый интерес представляла группа материалов, которую позже Троцкий включил в 21-й том своего собрания сочинений под общим заголовком «Наука и революция». Сюда вошли, в частности, два важных документа — письмо академику И. П. Павлову^[835] и статья «К Первому всероссийскому съезду научных работников».^[836]

Письмо Павлову, написанное 27 сентября 1923 года, до 1927 года опубликовано не было. Троцкий обращался к академику не как политик, а

как человек, интересующийся проблемами физиологии и психоанализа. Он вспоминал, что в Вене соприкасался с фрейдистами, читал их работы, посещал их заседания. По мнению Троцкого, физиологическое учение Павлова было шагом вперед, ибо оно «спускается на дно и экспериментально восходит вверх». Это были плодотворные рассуждения. Неизвестно, ответил ли Павлов (если ответ был, он не сохранился), но вполне вероятно, что письмо Троцкого ученый показывал своим ученикам и коллегам, перед которыми автор представал как несколько иной большевик, почтительно относившийся к современному естествознанию.

Организаторы Первого всероссийского съезда научных работников^[837] пригласили Троцкого выступить с докладом. Это, однако, были как раз те дни, когда он простудился на охоте и появиться на съезде не смог. Статья же его, адресованная съезду, отличалась относительным либерализмом суждений. Он призывал ученых к объективности, предостерегал от «создания казенной науки нового, советского образца». Еще одна не такая уж тривиальная мысль проходила через статью — недопустимость «невежественной ограниченности или, еще откровеннее, самодовольного хамства».

Летом 1922 года, находясь в отпуске и готовясь к политическим боям, Троцкий задумал переиздать свои старые статьи по вопросам литературы и написать к ним предисловие. Но предисловие разрослось, и в один присест Лев Давидович написал довольно большую книгу «Литература и революция», которая вышла в следующем году, в 1924 году появилась вторым изданием,^[838] а затем многократно переиздавалась.^[839] Троцкий посвятил ее своему другу Х. Г. Раковскому.

Хотя книга была выдержана в общепринятых среди большевиков тонах, в ней звучали осуждающие нотки по адресу «диктатуры в сфере культуры». В связи с этим Троцкий приветствовал появление «попутчиков», то есть писателей и деятелей искусства, которые шли на сотрудничество с советской властью, не будучи ее прямыми сторонниками. Термин «попутчики» был изобретен Троцким, а затем это понятие вошло в обиход советского литературоведения и искусствоведения, занимая в них видное место до тех пор, пока Сталин не провел «унификацию» литературы и искусства в 1930-е годы, заставив художников, если они хотели сохранить жизнь и свободу, следовать его предначертаниям. Впрочем, и это не спасло многих от расстрела или ГУЛАГа. Кроме разделов о попутчиках в книге выделялись главы о «внеоктябрьской литературе», футуризме и формальной школе.

В главе, специально посвященной творчеству Бориса Пильняка, к которому в высших кругах относились настороженно, Троцкий приветствовал произведения писателя и заключал: «Талантлив Пильняк, но и трудности велики. Надо ему пожелать успеха».^[840]

Даже к тем писателям, чье творчество было ему чуждо либо в политическом, либо в личностном смысле, Троцкий относился не только терпимо, но при необходимости стремился им помочь. Характерно отношение к Федору Сологубу, гротескно-сатирический роман которого «Мелкий бес» Троцкому не нравился, тем не менее он несколько раз откликнулся на просьбы писателя: просил пересмотреть решение ВЧК о запрете ему на выезд за границу, содействовал предоставлению дачи, предпринимал меры по охране его квартиры в Петрограде.^[841]

Позиция Троцкого по отношению к культуре в сравнении с другими большевистскими лидерами действительно была более позитивна, однако это не меняло его общей сугубо «классовой», а точнее, прагматической линии, направленной на подавление инакомыслия, когда оно принимало конфликтный характер или даже только грозило перерасти в таковой.

В истории с «философским пароходом» (то есть с высылкой из России на иностранном пароходе более тридцати виднейших представителей старой интеллигенции — философов, богословов, писателей, литературоведов, экономистов, правоведов, математиков) Троцкий полностью был на стороне Ленина.

Как раз тогда, когда в большевистских верхах вынашивалась идея высылки, появилась книга известного литературоведа Юлия Исаевича Айхенвальда «Поэты и поэтессы»,^[842] в которой автор высказывал суждения о творчестве Блока, Гумилёва, Ахматовой и других мастеров слова, не совпадавшие с официальными. Возмущенный Троцкий ответил статьей «Диктатура, где твой хлыст?»,^[843] где содержалось прямое подстрекательство: «И этим хлыстом пора бы заставить айхенвальдовцев убраться к черту, в тот лагерь содержания, к которому они принадлежали по праву».

Троцкий, правда, не участвовал в комиссии по подготовке высылки, образованной Политбюро. Но после того как 16–18 августа 1922 года в тюрьме или под домашним арестом оказался цвет интеллигенции, в том числе Ю. И. Айхенвальд (с задержанных были взяты подписки об обязательстве немедленно выехать за границу и о том, что они будут расстреляны в случае самовольного возвращения), Троцкий дал интервью американской левой журналистке Анне-Луизе Стронг, поддерживавшей

большевиков.^[844] В интервью была предпринята смехотворная попытка представить высылку «гуманным» актом. Троцкий объявлял ученых и литераторов «непримиримыми и неисправимыми» врагами советского строя, поэтому в случае войны они будут подлежать расстрелу. «Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что Вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». Именно так и поступала американка, твердившая в западной прессе, что большевики лишь обороняются.

С некоторыми представителями «свободомыслящей» интеллигенции Троцкий поддерживал контакты, когда считал это целесообразным. Особенно это касалось художников, ибо Лев Давидович начинал все чаще задумываться, как запечатлеть себя в художественных образах. Клер Шеридан была далеко, созданный ею бюст оставался для Троцкого памятным, но ему необходимы были новые произведения, причем русских мастеров, которые могли бы стать украшением лучших художественных музеев.

Так возник заказ на портрет Троцкого для художественной выставки, посвященной пятилетию Красной армии. Решено было поручить эту работу известному портретисту Юрию Павловичу Анненкову. Он работал в «ставке» наркомвоенмора в начале 1923 года, набросал многочисленные эскизы, а затем написал большой модернистский портрет в полный рост. Анненков оставил обширные воспоминания о встречах с Троцким, к которому проникся теплыми чувствами: когда нарком считал это полезным, он умел производить на собеседников блестящее впечатление. Художник вспоминал, что в кабинете Троцкого висел портрет Льва Толстого, и, по его мнению, преклонение наркома перед писателем было нескрываемым. Во время сеансов говорили о литературе и изобразительном искусстве. Анненков свидетельствовал, что любимцем Троцкого был Пабло Пикассо, в искусстве которого, в постоянных поисках новых форм он видел воплощение перманентной революции.^[845] Портрет Троцкого работы Анненкова был воспринят публикой настолько благожелательно, что стал важным экспонатом на биеннале в Венеции в 1924 году.^[846]

Так политические и культурные выступления служили Л. Д. Троцкому для утверждения собственной личности в конфликте со сталинской группой.

Зарождение международной оппозиции и неудавшаяся германская

В первые годы нэпа, когда перспективы международной революции отодвинулись, Троцкий уделял Коминтерну меньше внимания, чем внутренним делам. Но полностью он не отходил от интернациональных проблем и ситуаций в отдельных странах. Не без основания именно Троцкого в начале 1920-х годов считали главным экспертом в международной области, и он не без самодовольства брал на себя эту роль.

В то время как Россия переходила к нэпу, в Западной Европе намечались неблагоприятные для коммунистов изменения. Штурм капиталистической крепости не удался. В компартиях возникали различные течения, от правых, считавших возможным сотрудничество с социал-демократами, до крайне левых, призывавших к «тактике наступления» во что бы то ни стало. Важное отличие ситуации в компартиях Европы от положения российских коммунистов крылось в том, что при европейской более демократичной ментальности репрессивные постановления вроде резолюции Десятого съезда «О единстве партии» в западных компартиях провести было бы нелегко.

В обстановке внутренней борьбы в компартиях проходила подготовка к III конгрессу Коминтерна (июнь — июль 1921 года). Троцкий, согласившийся выступить с докладом «Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коммунистического Интернационала», тщательно к нему готовился. Он составил анкету для делегатов, которые съезжались в Москву (а некоторые почти постоянно пребывали в советской столице как сотрудники руководящих органов Коминтерна). Для подготовки доклада он просил делегатов ответить на вопросы, произошло ли в последнее время укрепление буржуазных государств, упрочиваются ли позиции и самочувствие буржуазии (были также вопросы о выступлениях рабочих, условиях труда и др.).^[847] На анкету поступили десятки ответов, которые Троцкий использовал в докладе, а затем послал их в Секретариат Исполкома Коминтерна для обработки,^[848] которая так и не была проведена.

Троцкий встречался с некоторыми делегатами, а с двумя из них — супругами Альфредом и Маргаритой Росмер, прибывшими из Франции, — у него возобновились дружеские отношения, установленные еще в Париже во время мировой войны, которые будут продолжаться в следующие два десятилетия, вплоть до гибели Троцкого, несмотря на то, что политически они встанут на разные позиции.

Именно с подачи Росмеров Лев Давидович послал 5 июня 1921 года возмущенное письмо Ленину о том, как отвратительно идет подготовка конгресса, в каком неблагоприятном положении оказываются делегаты, которые «лишены самых минимальных жизненных удобств». В письме говорилось: «Приезжающие делегаты получают сразу же ужасающее представление о наших порядках. Самое возмутительное — это грубое невнимание к приезжающим товарищам. На постелях нет матрацев, подушек, нет умывальников».^[849]

Доклад и заключительное слово Троцкого^[850] делегаты встретили бурей восторга, хотя в нем было сказано немало нелицеприятного по адресу некоторых компартий и их деятелей, в частности по адресу группировок в германской партии, как правой во главе с Паулем Леви, так и левой во главе с Августом Тальгеймером. Подчеркивалось, что в соотношении сил на мировой арене произошли изменения, темпы революции замедлились, а буржуазия начала наступление на рабочий класс.

Иначе говоря, Троцкий занимал осторожную позицию. Его главная задача состояла в том, чтобы не оттолкнуть от компартии ни правых, ни левых, а действия напоминали объединительную тактику, которой он придерживался после революции 1905–1907 годов. По мнению Троцкого, важно было сохранить единство, а уж затем добиваться курса, соответствующего его позициям. Сохраняя веру в европейскую революцию в недалеком будущем, Троцкий приближался к мысли, что главная задача компартий должна состоять в выполнении воли советских руководителей, в защите их интересов за рубежом, включая использование самых неприглядных методов. Но в отличие от некоторых лидеров РКП(б), в частности Сталина, Троцкий балансировал между внутренними и международными задачами, тогда как Сталин и близкие к нему деятели рассматривали Коминтерн исключительно как подсобный инструмент власти.

Не отказываясь от идеи перманентной революции, Троцкий отодвигал ее на задний план. Скорее всего, именно по этой причине он не был активен в программной комиссии Коминтерна, куда был включен вместе с Лениным, Зиновьевым, Бухариным и рядом зарубежных коммунистов.^[851] Троцкий не выступал и, видимо, не участвовал в первом заседании этой комиссии 28 июня.^[852]

На IV конгрессе Интернационала (ноябрь — декабрь 1922 года) Троцкий произнес доклад о новой экономической политике и перспективах

мировой революции.^[853] Каких-либо новых соображений в докладе не было; главное его содержание — плодотворность нэпа и смешанной экономики, а также умеренно оптимистическая оценка революционных перспектив в Европе.

На этом конгрессе дискуссии и разногласия между фракциями и группами в компартиях усилились. Дело доходило до прямых расколов и исключений. Особенно трудная ситуация сложилась во французской партии, раздираемой противоречиями по вопросам об отношении к социалистам, о профсоюзах, о курсе представителя партии в Исполкоме Коминтерна Бориса Суварина. Съезд партии, состоявшийся в октябре, оставил все противоречия в «подвешенном состоянии» и передал их на решение Интернационала.

Для выработки позиции по вопросу о положении во французской партии конгресс образовал комиссию, в которую вошел Троцкий. Не будучи формально ее главой (председателя не выбирали), он фактически ее возглавил.^[854] 22 ноября Троцкий поделился своими соображениями с Зиновьевым.^[855] Письмо откровенно свидетельствовало, какими методами руководил Интернационал отдельными партиями, которые со времени II конгресса именовались его секциями. «Создавать ли на конгрессе официально новый центральный комитет французской коммунистической партии?» — ставил вопрос Лев Давидович, озабоченный не существом дела — вмешательством в дела одной из партий, в то время самой крупной в Коминтерне, а только тем, к каким последствиям это приведет. Троцкий опасался, как бы столь кардинальное решение не имело своим результатом разрыв французских коммунистов с Коминтерном. Он предлагал, чтобы конгресс принял рекомендательное решение, означавшее, что «нынешний центристский ЦК просуществует еще некоторое время в качестве руководящего органа партии». В результате по докладу Троцкого 1 декабря^[856] конгресс решил, что в ЦК ФКП и в его Политбюро должны быть пропорционально представлены все фракции.^[857]

Казалось, ничто не предвещало новой революционной бури. Но с самого начала 1923 года развернулись события, которые многие деятели Коминтерна оценили как начало европейской революции.

События происходили в центре Европы — в Германии, правительства которой, особенно правительство во главе с Вильгельмом Куно, образованное в ноябре 1922 года, саботировали выплату репараций, установленных на основе Версальского мира. Французские власти угрожали Германии оккупацией. В этих условиях правительство Куно

попыталось прощупать, возможна ли поддержка России в случае, если вторжение произойдет. 22 декабря 1922 года посол Германии в Москве Ульрих Брокдорф-Рантцау встретился с Троцким и поставил вопрос, как правительство СССР относится к военному шантажу Франции. Посол так записал его ответ: «В момент, когда Франция предпримет военные действия, все будет зависеть от того, как поведет себя германское правительство... Если Польша по зову Франции вторгнется в Силезию, то мы ни в коем случае не останемся безучастными, мы не можем этого потерпеть и вступимся!»^[858] Троцкий, таким образом, провоцировал германских правителей, хотя это еще отнюдь не означало, что СССР непосредственно вмешается в случае военного конфликта.

События; однако, развертывались непредсказуемым образом.

Одиннадцатого января 1923 года Рурская область — промышленное сердце Германии — была оккупирована войсками Франции и Бельгии. Таким путем французское правительство (Бельгия играла вспомогательную роль) стремилось добиться исправной уплаты репараций. Правительство Куно решило противодействовать, объявив «пассивное сопротивление». Предприятия оккупированной области прекратили работу. Вслед за этим в стране начался тяжелейший кризис. Развернулись массовые забастовки, полиция стреляла по уличным шествиям. В августе Куно ушел в отставку. Новое правительство во главе с Густавом Штреземаном взяло курс на мирное разрешение конфликта.

Ситуация в Германии находилась в центре внимания большевистского руководства. Особенно бдительно за ней следил Троцкий. Он полагал, что появляется неповторимый шанс для возникновения германской, а за ней европейской социальной смуты. Это подтвердило бы его концепцию перманентной революции, о которой не только оппоненты, но, видимо, и он сам начинали забывать.

В августе 1923 года Троцкий, а также Зиновьев и Бухарин отдыхали в Кисловодске. Они, однако, внимательно следили за событиями в Германии. На состоявшемся 9 августа заседании Политбюро решено было вызвать их в Москву для обсуждения международного положения. Троцкий телеграфировал 11 августа Сталину: «Считаю необходимым совещание в Москве особенно ввиду того, что [с] нашей стороны своевременно принят ряд подготовительных мер». Имелось в виду, что по его приказу части Красной армии были выдвинуты к западным границам. Нарком продолжал: «Могу выехать в среду 15 августа, предпочел бы выехать по ходу лечения в субботу 18 августа. Перерыв должен длиться не более недели».^[859] Как

видим, при всем внимании к «германской революции» Троцкий не пренебрегал своим здоровьем. В Москву выехали также Зиновьев и Бухарин.

Решено было пригласить «немцев», то есть представителей компартии. Зиновьев предложил, чтобы в делегацию вошли Генрих Брандлер, являвшийся вторым лицом в партии, которого считали представителем умеренного крыла, и Эрнст Тельман, выразивший наиболее революционистские настроения.^[860] Немцы приехали в Москву за указаниями 20 августа.

Троцкий и Зиновьев, несмотря на принадлежность к противоположным группировкам, оказались единодушны в оценке обстановки в Германии как революционного кризиса. После недолгих уговоров к этой позиции присоединился Сталин. «Если мы хотим действительно помочь немцам — а мы этого хотим и должны помочь, — заявил Сталин, — нужно нам готовиться к войне».^[861] Так на очень краткое время по вопросу о «революции в Европе» между Сталиным и Троцким произошло перемирие.

На заседании Политбюро 22 августа после встречи с немцами при активном участии Троцкого было принято постановление, констатировавшее, что германский пролетариат стоит перед решительными боями за власть. «Точка зрения Сталина правильна, — говорил Троцкий, — нельзя, чтобы было видно, что мы руководим; не только РКП, но и Коминтерн».^[862] Тем не менее он был главным инициатором открытого выступления. Германская компартия должна была, по его мнению, назначить срок, к которому следовало готовиться. Его надо было установить в пределах ближайших месяцев или даже недель, и строить подготовку по календарному плану. Хотя Сталин возражал против календарной подготовки, он в основном согласился с доводами Троцкого.

Очевидно, Троцкий вспоминал октябрьские дни 1917 года в Петрограде, свой курс на организацию вооруженного выступления, приуроченного к определенной дате — открытию Второго съезда Советов, свое сопротивление ленинскому плану немедленного восстания. Теперь советский нарком пытался применить опыт шестилетней давности к событиям в Германии, что отдавало схематизмом. На следующих заседаниях Политбюро рассматривались конкретные вопросы помощи «германской революции». 21 сентября решено было создать комиссию под руководством Троцкого для разработки вопроса «о численности армии»,^[863] то есть о мобилизации в случае возникновения военного конфликта.

Троцкий, правда, скептически относился к качествам руководящих германских коммунистов, считал их ротозеями, опасался, что в силу этого германская революция обречена на гибель.^[864]

Решающее заседание Политбюро по германскому вопросу состоялось 4 октября 1923 года.^[865] «Согласиться с комиссией в вопросе о назначении срока — 9 ноября с. г.» — таков был главный пункт резолюции. Германским коммунистам было, таким образом, дано указание начать выступление фактически в шестую годовщину Октябрьского переворота в Петрограде. В связи с тем, что в высших кругах возникали предложения о направлении в Германию Троцкого и Зиновьева, Политбюро отклонило такого рода инициативу. «Возможный арест названных товарищей в Германии принес бы неисчислимый вред международной политике СССР и самой германской революции».

Перед отъездом германских делегатов Троцкий несколько раз встречался с Брандлером, давал советы. Лев Давидович возлагал на Брандлера большие надежды, считая его способным руководителем. Прощание было очень теплым. По словам Р. Фишер, Троцкий «был действительно тронут; он желал успеха руководителю германской революции накануне великих событий».^[866]

Временное перемирие по вопросу о германской революции не означало прекращения борьбы в высшем большевистском руководстве. Более того, оно происходило в разгар выступлений Троцкого и его сторонников против «секретарской психологии», о которых уже шла речь. Хотя по германскому вопросу разногласий между Троцким и другими членами Политбюро не было, он включал «кардинальные вопросы, связанные с германской революцией», в число «больших вопросов», по которым существовали противоположные точки зрения (об этом он писал, в частности, членам ЦК и ЦКК 10 октября 1923 года).^[867]

Можно высказать только осторожные предположения, как развивались бы события в большевистских верхах в случае удачи «германского ноября». Скорее всего, она укрепила бы позицию Троцкого. Но таковой успех вряд ли мог произойти. Руководители КПГ давали противоречивые указания местным организациям. Не выдержав установленного в Москве срока, ЦК КПГ разослал директиву начать восстание 23 октября, а вслед за этим — новое указание об отмене предыдущего. 23 октября вооруженное выступление произошло только в портовом Гамбурге. Три дня здесь шли уличные бои под руководством Эрнста Тельмана. Восстание не было поддержано в других районах и потерпело поражение. Точно также

неудачей завершился «пивной путч» А. Гитлера в Мюнхене 8–9 ноября, представлявший собой первую попытку национал-социалистической партии прощупать возможности прихода к власти.

Поражением окончилось и другое выступление, спровоцированное Коминтерном и советским руководством, — плохо подготовленное восстание в Болгарии в сентябре 1923 года. Троцкий резко критиковал деятелей болгарской компартии, а вместе с ними и Политбюро РКП(б), за то, что они «не отнеслись своевременно к восстанию как к искусству», и опасался развития германских событий по болгарскому образцу,^[868] что и произошло.

Все это свидетельствовало, что планы международной революции на обозримый период оказывались несбыточными, а это, в свою очередь, снижало престиж и влияние Л. Д. Троцкого как главного носителя идеи всемирного революционного пожара.

Начинался новый этап деятельности Троцкого, когда он сформируется как признанный руководитель оппозиционного коммунистического движения в СССР, а затем и в международном масштабе.

Глава 2

ОТ КРИТИКИ ИЗВРАЩЕНИЙ К ОППОЗИЦИИ

Относительно мирное интермеццо

Дискуссия 1923 года завершилась вничью. Троцкий добился принятия антибюрократической резолюции. Сталин и его группа, закрепив свою власть, свели эту резолюцию к бессодержательному тексту, благоглупостей которого никто из верхушки не выполнял. Троцкий оставался в Политбюро, но не принимал практического участия в его деятельности в связи с затяжной болезнью.

Однако как раз январь 1924 года стал рубежом, когда обвинения по адресу Троцкого вышли из кремлевских кабинетов и стали по партийным, а затем и более широким каналам распространяться по всей стране. Связано это было с XIII конференцией РКП (б) (16–18 января 1924 года). Троцкий в связи с болезнью в ней не участвовал.

Еще 8 января в «Правде» было опубликовано сообщение о состоянии здоровья Троцкого, в котором говорилось, что он заболел инфлюэнцей (гриппом) и ввиду лихорадочного состояния и затянувшейся болезни ему

предоставлен отпуск не менее чем на два месяца «для специального климатического лечения». Это означало фактическое его отстранение от активного участия в политической жизни, так как в предыдущие два месяца (то есть за время от официально объявленного начала болезни) он, несмотря на заболевание, продолжал активно выступать в печати. Теперь выпады против Троцкого должны были оставаться без ответа.

Все те, кто следил за развитием политической свары, но не знал, что Троцкий действительно болен (а знавших было незначительное число людей), из сообщения о болезни сделали вывод, что Троцкий снят со своих постов. Именно к такому заключению пришел писатель Михаил Булгаков, который записал в дневник в тот же день: «Комментарии к этому историческому бюллетеню излишни. Итак, 8 января 1924 г. Троцкого выставили. Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет».^[869]

На партконференции Троцкого публично клеймили за отклонение от ленинизма. Входящий в моду термин «ленинизм» был служебным словом, изобретенным адептами Сталина, чтобы противопоставить это квазиучение другой квазитеории, которую все чаще с сугубо осуждающими интонациями называли «троцкизмом».

Тон кампании задал Сталин докладом об очередных задачах партийного строительства 17 января и особенно заключительным словом на следующий день.^[870] Сталин предъявил Троцкому претензии, что именно он создал оппозицию (хотя на самом деле оппозиция пока не существовала), развязал дискуссию, совершает «антипартийные акты», противопоставив партийный аппарат партии, а молодежь — старым кадрам. Сталин пытался покуражиться над Троцким, заявляя, что этот «патриарх бюрократов» теперь, мол, не может без демократии жить.

Молодой приверженец Троцкого Иван Яковлевич Врачев, стремясь разоблачить сталинское утверждение как провокацию, действовал «от обратного» — он предложил изучить это заявление, чтобы в случае, если оно подтвердится, привлечь виновных к строгой ответственности. Это предложение не нашло отклика.^[871]

Однако организационные меры против Троцкого приняты не были. Сталин по-прежнему двигался к единоличной власти поэтапно. Ему необходимо было лишить Троцкого авторитета, которым тот пользовался в широких кругах, и действовал генсек осмотрительно.

Еще одним предостережением Троцкому и его сторонникам должно было послужить решение XIII партконференции о рассекречивании пункта резолюции Десятого съезда «О единстве партии», который давал

возможность исключать из состава ЦК и даже из партии членов ЦК, которые вступили бы на путь фракционности.

Восемнадцатого января, то есть в день окончания конференции, Троцкий отбыл в Сухум на лечение. Н. И. Седова вспоминала, что состояние здоровья и самочувствие Льва Давидовича были отнюдь не из лучших. Его лихорадило, подскакивала температура. «Но дорога действовала скорее успокаивающим образом. По мере того, как отъезжали от Москвы, мы отрывались несколько от тяжести обстановки ее за последнее время. Но все же чувство у меня было такое, что везу тяжело больного».^[872] Известие о смерти Ленина 21 января 1924 года застало его на вокзале в Тифлисе. Сообщил о произошедшем генсек телеграммой, на которую Троцкий ответил телеграфным же запросом: «Считаете ли целесообразным мое немедленное возвращение в Москву. Физическое состояние делает возможным участие в закрытых заседаниях, но не в публичных выступлениях».^[873] Троцкий немедленно позвонил в Москву. Сталин сообщил, что похороны состоятся в субботу и приехать ко времени похорон Троцкий не успеет, поэтому он рекомендует продолжать лечение.^[874] Телеграмма, которую Троцкий вслед за этим получил от Сталина, звучала иначе: «Сожалею о технической невозможности для Вас прибытия к похоронам. Нет оснований ждать каких-либо осложнений. При этих условиях необходимости в перерыве лечения не видим. Окончательно решение вопроса, разумеется, оставляем за Вами. Во всяком случае, просим сообщить телеграфно Ваши соображения о необходимых новых назначениях».^[875] Любопытно, что Сталин, отлично зная, что Троцкий еще даже не добрался до места лечения, рекомендовал его «не прерывать».

На самом деле похороны состоялись не в субботу, а в воскресенье, 27 января, о чем стало известно почти сразу, и Троцкий при желании успел бы возвратиться в Москву. Но весть о кончине Ленина не заставила его изменить планы, что было бы естественной реакцией и с политической, и с человеческой точки зрения, независимо от того, успел бы он на похороны или нет. Троцкий объяснял невозвращение тем, что Сталин его обманул насчет даты. Но это надуманное объяснение. Наивным, как это делают некоторые авторы, его нельзя назвать, ибо Лев Давидович был изо щренным политиком. Скорее всего, Троцкий этой своей акцией (иначе как акцию его невозвращения назвать невозможно) рассчитывал продемонстрировать Сталину нежелание вновь вступать в борьбу, намерение установить конструктивное сотрудничество с генсеком. Некоторые называли произошедшее «бегством в Сухум».^[876]

Совершенно не понимал поведения отца старший сын Лев. Младший сын Сергей все дальше отходил от политики — вначале он увлекался спортом, акробатикой, даже собирался стать цирковым актером,^[877] а позже все более увлеченно занимался техникой. Он поступил в Московский механический институт, где успешно учился по специальности «автомобилизм», а по окончании занялся теплотехникой, став известным специалистом в этой области. Лев же вел себя по-иному. Он все глубже погружался в политические споры, приходил к выводу о правоте отца, изучал его работы, стремился их пропагандировать. Лев Седов (сыновья носили фамилию матери) с часу на час ждал возвращения родителей в Москву. Когда же оказалось, что они не приедут, он, по воспоминаниям матери, написал им письмо, в котором «слышались горькое недоумение и неуверенный упрек».^[878]

Сам же Троцкий явно предпринял одну из последних попыток удержаться в высшем эшелоне власти в качестве деятеля, сохраняющего свою систему взглядов, но подчиняющегося дисциплине и готового отойти на вторую роль. Он как бы давал возможность Сталину выступить с пресловутой «клятвой» у гроба Ленина.^[879]

Через несколько дней Троцкий получил письмо Крупской, которую Сталин все более отрезил от властных структур — теперь, после смерти Ленина, еще грубее, чем при жизни покойного. Фактически это краткое письмо было своего рода поиском сочувствия, хотя внешне речь шла совершенно о другом. В письме говорилось:

«Дорогой Лев Давидович.

Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечитать ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.

И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В[ладимира] И[льича] к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.

Я желаю Вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко Вас обнимаю».^[880]

Это письмо, в котором было немало эмоций, но не проявлялась память,

Троцкий многократно цитировал и публиковал в следующие годы, используя его, чтобы противопоставить Ленина Сталину в отношении к собственной личности. Крупская отлично знала о враждебных отношениях между Лениным и Троцким в течение примерно десятилетия, что отношения между ними отнюдь не были одинаковыми на протяжении всего времени после их первой встречи. Ленин был из тех деятелей, которые не отделяли личного отношения от политических оценок, и Крупская это также великолепно понимала. Вполне возможно, что Ленин просматривал за месяц до смерти какую-то работу Троцкого, но это не меняет существа дела, тем более учитывая состояние Ленина, страдавшего тяжелейшим мозговым заболеванием.

Письмо Крупской скорее выражало чувства не Ленина, а ее самой по отношению к человеку, который являлся злейшим врагом главы государственно-партийного аппарата, становившегося все более всевластным, врагом того лица, которое было тюремщиком ее покойного мужа в последний год его жизни. Для Троцкого же это письмо должно было стать, как он рассчитывал, оружием политической борьбы.

Сталинская группа воспользовалась этим же инструментом — ленинским авторитетом, но более эффективно и болезненно для Троцкого. На свет Божий извлекли письмо Троцкого 1913 года лидеру фракции меньшевиков в IV Государственной думе Н. С. Чхеидзе с резкой критикой Ленина (письмо выше упоминалось^[881]), которое в свое время было перехвачено царским Охранным отделением, передано в архив, а теперь предусмотрительно опубликовано — как раз вскоре после смерти Ленина. Лев Давидович сокрушался через пять с лишним лет: «Не имея понятия о вчерашнем дне партии, массы прочитали враждебные отзывы Троцкого о Ленине. Они были оглушены. Правда, отзывы были написаны за 12 лет перед тем. Но хронология исчезала перед лицом голых цитат. Употребление, которое сделано было эпигонами из моего письма к Чхеидзе, представляет собой один из величайших обманов в мировой истории».^[882] Не ясно, правда, в чем здесь состоял обман. Вражда между Лениным и Троцким была в то время бесспорным фактом. Оба они не жалели нелюбезных слов, чтобы очернить друг друга. Так что речь шла здесь не об обмане, а о недобросовестном употреблении документа, не о физической, а о «моральной» фальсификации.

Находясь на лечении в Сухуме, Троцкий продолжал внимательно следить за политической ситуацией. Однажды у него появилась целая делегация, приехавшая по «поручению ЦК», то есть по заданию Сталина.

Она должна была проинформировать о персональных изменениях в военном ведомстве. Сталин еще действовал «дозированно». В делегацию, наряду со сталинистами М. П. Томским и М. В. Фрунзе, входил сторонник наркома Пятаков. Как оказалось, 3 февраля состоялся пленум ЦК, на котором рассматривался вопрос об армии. Попытки Склянского оспорить жесткую критику, содержащуюся в выступлениях членов комиссии, вызывали еще более ожесточенные нападки. Явно подогреваемый Сталиным, особенно желчно выступал Ворошилов. Он заявил, что все беды военного ведомства идут от того, что Троцкий ведет себя независимо от ЦК, и потребовал уравнивать военное ведомство с остальными наркоматами. [883] Именно после пленума в наркомате Троцкого были проведены угодные Сталину кадровые изменения. С поста заместителя наркома устранялся Склянский, с которым установились в годы Гражданской войны и поддерживались после нее теснейшие дружеские отношения. Его заменяли более или менее равноценной фигурой — Михаилом Васильевичем Фрунзе, являвшимся до этого наркомом Украины по военным и морским делам. Существенная разница состояла в том, что между Троцким и Фрунзе были лишь официальные отношения, и последний явно намечался в преемники наркому. Показательным завершением этого цикла перемещений явилась еще одна перестановка в мае 1924 года — близкий к Троцкому Н. И. Муралов, один из авторов «Заявления 47-ми», был смещен с поста командующего Московским военным округом и переведен на Северный Кавказ, а в Москве стал командовать сталинец Ворошилов. [884]

Оказавшись в положении, когда его все больше оттирали с властных позиций, Троцкий понимал, что может противостоять своим противникам только путем организации массовой поддержки. Но таковой возможностью он не располагал и отдавал себе в этом отчет. За ним шла лишь часть старых партийных кадров, убежденных в его идейной правоте и с ненавистью относящихся к выскочке Джугашвили и его подручным, а также группа руководящих и рядовых экзальтированных комсомольцев и часть военных кадров. Но даже эти сторонники Троцкого не могли быть его безоговорочной опорой, так как их сдерживали догматические представления о партийном единстве и соблюдении дисциплины. Они боялись потерять свои должности и лишиться карьерного роста. Пока еще они не опасались за собственные жизни, но угроза потерять партийный билет начинала нависать как дамоклов меч. В то же время за «тройкой» и пока еще не выдвинувшимся на самый первый план Сталиным стоял мощный аппарат, все более избавлявший себя от самостоятельного

политического мышления, от тяжкого груза идейной ориентации и приучавшийся действовать в пределах полученных указаний.

Лев Давидович не мог не учитывать всего этого. Несколько месяцев после дискуссии конца 1923-го — начала 1924 года он колебался, следует ли вступать в открытый бой с властным большинством, а если вступать, то в какой форме.

При этом Троцкий нередко допускал промахи, которыми умело пользовались его враги. Он подчеркивал, что Ленин был блестящим практиком, в то же время не отмечая его заслуг как теоретика. В условиях, когда раздувался ленинский культ, это была явная тактическая ошибка. За нее ухватился, в частности, Бухарин, уже через месяц после смерти Ленина выступивший перед слушателями Коммунистической академии с докладом, подвергнув в нем резкой критике позицию Троцкого и попытавшись лишить его теоретических регалий, заявив, что Ленин якобы добился «исторического завершения» марксизма.

Целой цепью промахов были его действия, связанные с «Письмом к съезду» Ленина, которое неофициально именовали ленинским «завещанием». По сути дела, чувства обиды, уязвленного самолюбия владели всеми партийными боссами, упомянутыми в этом документе. Троцкий не составлял исключения. В то же время он стремился противопоставить оценку, данную Лениным его личности и деятельности, характеристикам других лиц, претендовавших на роль наследников.

Восемнадцатого мая 1924 года Крупская официально передала Каменеву записи Ленина с характеристиками руководящих деятелей. В сопроводительном письме она сообщала, что Ленин выражал твердое желание, чтобы эти заметки были доведены до ведома партсъезда.^[885] Было решено на предстоящем съезде зачитать документ по делегациям, причем запретив делать заметки, а на пленарном заседании «завещание» не зачитывать.^[886]

Подготовка Тринадцатого партсъезда (23–31 мая 1924 года) проходила в нервной обстановке. 21 мая на заседании сеньорен-конвента (собрания руководителей местных делегаций вместе с членами ЦК, почему в литературе это конкретное собрание иногда называют пленумом ЦК) было наконец оглашено «Письмо к съезду» Ленина. Сразу после этого слово в соответствии с намеченным сценарием взял Зиновьев. Смысл его речи Бажанов передал так: «Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон... Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не

оправдались... Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК». ^[887]

Троцкий, пока остававшийся в коммунистическом ареопаге, был, разумеется, избран в президиум съезда. Его выступление на съезде явилось еще одной попыткой установить внешне лояльные отношения с высшей иерархией, не отказываясь от особой позиции по главным вопросам политики. ^[888] Это выступление было своего рода прощупыванием перед принятием решения о возможном новом витке борьбы против «тройки» и «семерки».

Троцкий начал речь с заявления о необходимости устранить все то, что может обострить отношения и сделать более трудной ликвидацию затруднений, возникших перед партией. Он отстаивал верность резолюции от 5 декабря 1923 года о внутрипартийной демократии. Именно на ее базе он критиковал продолжавшуюся бюрократизацию аппарата, «маргариновую», то есть поддельную демократию, насаждаемую в партии. Этим необычным термином, который он впервые употребил еще в 1913 году по отношению к курсу Ленина, Троцкий теперь именовал чисто формальную статистику — как часто проводятся собрания, каков процент высказываний во время дискуссий и т. п. Демократия в партии, настаивал он, — это режим, обеспечивающий «идейное, политическое и организационное руководство старого подпольного, богатого опытом поколения большевиков... и в то же время такой режим, который... обеспечивает, с другой стороны, молодому поколению выход на большую дорогу ленинизма... путем активного, самостоятельного, деятельного участия в политической жизни партии и страны». При всей демагогичности таких заявлений, они свидетельствовали о стремлении Троцкого к оттеснению от власти сталинской группы, к выдвижению представителей нового поколения, в первую очередь тех, кто был к нему близок. Именно бюрократизация аппарата, убеждал оратор, ведет к созданию фракций.

В тщетном стремлении убедить делегатов в своем резко отрицательном отношении к фракциям, имея в виду, что с легкой руки Ленина, а затем «тройки» само слово «фракция» воспринималось как грубое ругательство, Троцкий, говоривший, как всегда, экспромтом, явно хватил через край. Увлечшись ораторскими приемами, интонационными модуляциями, стараясь подчеркнуть свою большевистскую святость, он заявил: «Товарищи, никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для

разрешения его основных задач».

Видимо, договорив до этого места, Троцкий сообразил, в какой тупик загоняет себя, как эффективно, почти убийственно эта тирада может быть обращена против него применительно и к прошлому, и к настоящему. Лев Давидович попытался скорректировать суждение, сославшись на опыт англичан, у которых есть распространенное высказывание: права или не права, но это моя страна. А вслед за этим он стал говорить, что не только у отдельных членов партии, но и у партии в целом могут быть ошибки, однако и в этом случае, если коммунист считает решение неправильным, он, мол, полагает: «Справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца». При этом, что особенно поразительно, вообще не упоминалась возможность апелляции решений.

Разумеется, вторая часть этого фрагмента не просто отличалась от первой, она противоречила ей, была ближе к подлинной позиции Троцкого, хотя и не тождественна ей. Ведь мы уже не раз видели, как твердо и энергично выступал Троцкий против партийных решений, когда они не устраивали его.

Однако господствовавшей группе было куда выгоднее зафиксировать внимание именно на первой части, что Сталин и сделал в заключительном слове,^[889] снисходительно пожурив Троцкого за то, что тот преувеличивает всегдашнюю правоту партии, которая не раз ошибалась, не может не ошибаться, но умеет исправлять ошибки. И позже, на протяжении многих лет, коммунистические боссы представляют слова Троцкого о «постоянной правоте» партии как свидетельство его неискренности, затем двурушничества и, наконец, прямого предательства.

Дебаты на съезде показали, что позиции Троцкого в партии слабеют. Крупская, совсем недавно распинавшаяся о теплом отношении ее покойного супруга к Троцкому, поддержала курс Политбюро.^[890] Другие делегаты, чувствуя, куда дует ветер, позволяли себе грубые нападки на Троцкого, отстаивая свои карьеристские интересы. Позже стало известно, что Зиновьев предлагал исключить Троцкого из ЦК и даже поставил вопрос об изгнании его из партии. Однако предпочитавший «торопиться медленно» Сталин это предложение отверг.^[891] Более того, на Тринадцатом съезде Троцкий был избран в состав ЦК, а затем и в Политбюро.^[892]

«Уроки Октября» и «литературная дискуссия»

Троцкий все отчетливее понимал, насколько серьезно, хотя и постепенно, ослабляются его позиции в высшем истеблишменте. Ретроспективный анализ показывает, что у Льва Давидовича было очень мало шансов восстановить свои властные функции, от которых его все более отстраняла аппаратная верхушка. Этой верхушке он был чужд с самого начала. И большевикам с дореволюционным стажем, и новым аппаратчикам он не нравился и как бывший «центрист», критик Ленина, и как человек, щеголявший своими знаниями, журналистскими способностями и ораторским искусством. Троцкому же была чужда вся ментальность этой среды, и он не скрывал этого. В мемуарах он писал: «Если я не участвовал в тех развлечениях, которые все больше входили в нравы нового правящего слоя, то не из моральных принципов, а из нежелания подвергать себя испытаниям худших видов скуки. Хождение друг к другу в гости, прилежное посещение балета, коллективные выпивки, связанные с перебиванием косточек отсутствующих, никак не могли привлечь меня. Новая верхушка чувствовала, что я не подхожу к этому образу жизни. Меня даже и не пытались привлечь к нему. По этой самой причине многие групповые беседы прекращались при моем появлении, а участники расходились с некоторым конфузом за себя и с некоторой враждебностью ко мне. Вот это и означало, если угодно, что я начал терять власть».^[893]

Можно высказать сомнения в разумности поведения Троцкого с точки зрения его личных интересов, а в более общем плане с позиций того вектора развития РКП(б) и страны, к которому он стремился. Однако таков был характер Троцкого, изменить его он не мог, да и не собирался этого делать. Но оружия Троцкий не складывал. Вскоре после съезда он начал переходить от активной обороны к своеобразным, пока еще фланговым атакам, избрав в качестве средства наступления жанры исторического очерка и мемуарных зарисовок с политическим содержанием, характеристиками Ленина и других персонажей революции 1917 года.

Троцкий стремился показать, что из всех большевистских деятелей он стоял ближе всех к Ленину, что именно их пара внесла решающий вклад в Октябрьский переворот. Ленинский культ, возникший еще при жизни вождя, теперь стремительно развился и мог послужить как тем, кто реально стоял у власти, то есть Зиновьеву, Каменеву и все более выдвигавшемуся Сталину, так и Троцкому, которого от власти оттирали.

Не случайно первые исторические произведения Троцкого после смерти Ленина были посвящены по теме именно Ленину, а по сути собственной близости к нему в 1917 году. Особенно это касалось

воспоминаний о двух узловых моментах: «старой» «Искре», то есть первой социал-демократической газете до того времени, как она оказалась в руках меньшевиков, и «решающему году», в центре которого стоял Октябрьский переворот, — событиям с середины 1917-го до осени 1918 года, вошедших в его книгу «О Ленине».^[894]

Это была первая книга мемуаров Троцкого, для которой характерны известные историкам позитивные и негативные стороны произведений этого жанра: яркие подробности событий, великолепно вычерченные образы, неизвестные факты в сочетании с субъективностью оценок, подчеркивание собственной роли, стремление к минимальному освещению эпизодов, не соответствующих нынешней позиции автора. Можно ли упрекать Троцкого за это? Ни в коем случае. Таковы свойства любых мемуарных книг, в том числе написанных талантливыми людьми, к которым можно причислить Льва Давидовича. Читателю остается мириться с этими особенностями, учитывая их и критически относясь к тексту.

Воспоминания о Ленине получили позитивную оценку в печатных органах, которые редактировались деятелями, близкими к Троцкому или стремившимися сохранить независимость суждений. В. И. Невский, незадолго перед этим опубликовавший книгу о Николаевском рабочем союзе и роли в нем юного Льва Бронштейна, теперь писал: «Книга тов. Троцкого во многих отношениях не только книга «О Ленине», но и книга о Троцком». И далее: «Я не собираюсь писать дифирамб тов. Троцкому, так как являюсь противником всяческих и тем более партийных молебнов и акафистов, но хочу только сказать, что образ нашего вождя, зарисованный художественной кистью человека, о котором тоже можно сказать, что он в своем роде *primus inter pares*,^[895] так удачен, так близок и так дорог».^[896]

Такие отклики не могли понравиться сталинской группе, которая, однако, вначале не реагировала на работу, явно выбивавшуюся из ряда стандартных восхвалений покойного вождя.

Дискуссия по поводу истории как политического оружия была на время прервана текущими делами, связанными с международным событием — V конгрессом Коминтерна (июнь-июль 1924 года), когда осуждение Троцкого впервые стало предметом прений на международном форуме. Правда, прямо «дело Троцкого» не рассматривалось. Возникло «дело» французского коммуниста, секретаря Исполкома Коминтерна Бориса Суварина, которого обвинили в нарушении дисциплины, выразившемся в публикации брошюры Троцкого «Новый курс» с предисловием, «направленным против партии и против коммунистического

Интернационала». Суварин был исключен из Интернационала.^[897] Этот косвенный, но чувствительный удар по позиции Троцкого в Коминтерне он как международный революционер никак не мог проигнорировать. Именно после конгресса Троцкий решил нанести ответный удар.

Вторую половину лета и часть осени 1924 года Лев Давидович провел в Кисловодске,^[898] где поправлял здоровье и одновременно работал над подготовкой к печати третьего тома собрания своих сочинений. В том, посвященный 1917 году, вошли доклады, статьи и другие документы, свидетельствовавшие об исключительно важной роли Троцкого на этом решающем для судеб страны этапе.

Но квинтэссенцией тома стала вступительная статья «Уроки Октября» (для других томов вступительных статей Троцкий не писал, ограничиваясь предисловием в пару абзацев). Главная задача вступительной статьи заключалась в попытке разрушить авторитет Каменева и Зиновьева и этим нанести косвенный удар по Сталину. Для этого автор использовал позицию обоих в октябре 1917 года. Положительным героем был Ленин, верным соратником его представлял Троцкий (применительно ко второй половине 1917 года это была в основном справедливая оценка), антиподом выступал Каменев, а вторая роль во враждебном стане большевистского лагеря отводилась Зиновьеву.

В статье приводились факты, характеризующие Каменева как «правого» большевика, стремившегося к превращению России в демократическую республику и откладыванию социалистической революции на неопределенное будущее. Фактически это было обвинение в меньшевизме, обвинение самое страшное, какое только можно было выдвинуть против большевика, тем более занимавшего один из высших постов. Как можно доверять такому деятелю? Этот вопрос был внутренним содержанием «Уроков Октября»,^[899] и он относился не только к Каменеву, но также к Зиновьеву и, главное, к стоявшему за их спиной Сталину.

Правда, Троцкий заявлял, что ворошить старые разногласия не собирается. Но сказано это было лишь для того, чтобы «старые разногласия» возвести на принципиальную высоту. Автор обосновывал публикацию своей сенсационной вступительной статьи недавними поражениями революционного движения в Германии и Болгарии и полагал необходимым выяснить причины неудач в этих странах, а для этого проанализировать историю Октября.

Основной удар приберегался под конец, где речь шла о заседании ЦК большевистской партии 10 октября 1917 года, на котором было принято

решение о вооруженном восстании. После заседания, 11 октября, сообщает автор, появилось письмо Каменева и Зиновьева, в котором предпринималась попытка не допустить вовлечения партии в опасную, как они полагали, авантюру. Таким образом, Троцкий раскрыл тайны высшего большевистского руководства, сокровенные секреты тех, кто теперь вместе со Сталиным олицетворял власть.

Троцкий подписал статью «Уроки Октября» 16 сентября 1924 года, еще находясь в Кисловодске. Через четыре недели появилась корректура, которую немедленно доставили Каменеву, курировавшему издательское дело. Последний понял, что он и Зиновьев, а косвенно и Сталин, будут безнадежно скомпрометированы, если не принять контрмер. Состоялось совещание «тройки». Обсуждался вопрос, допустить статью в печать или наложить на нее запрет. Логика подсказывает, что Каменев настаивал на запрете, Зиновьев в основном прислушивался к сталинскому мнению, Сталин же считал целесообразным допустить публикацию, чтобы иметь повод нанести новый удар по Троцкому, одновременно спрятав за пазухой камень, который можно было бы использовать против нынешних собратьев по «тройке». Было решено дать этому тому сочинений «зеленый свет», а затем начать то, что называли «литературной дискуссией», а по сути дела — кампанию по дискредитации Троцкого.

«Тройка» решила вести кампанию в том смысле, что Троцкий-де пытается подменить ленинизм особой системой взглядов — «троцкизмом», использовать фонд ленинских ругательных высказываний по адресу Троцкого до 1917 года, «актуализировать» их, то есть представить дело так, будто Ленин сохранил эти оценки и после 1917-го. Одновременно решено было обелить Каменева и Зиновьева, выставив их ошибочные взгляды как кратковременное заблуждение, не отделившее их от Ленина, для которого постоянным врагом был Троцкий.

Сам же Лев Давидович не в первый уже раз недооценил степень влияния «тройки» на партийный аппарат, ее политическую изоционность и пассивность членов партии, большую часть которых теперь составляли не профессиональные революционеры, то есть люди, идейно преданные своему делу (в данном случае речь идет о морально-политической его оценке), а те, кто рассматривал партбилет как продуктовую карточку или купон, гарантирующий служебное продвижение или хотя бы должностную стабильность. Троцкий оказался в одиночестве. Его бывшие сторонники частично перешли на сторону властной верхушки, частично сохранили недовольство «отклонением» революции от «правильной» линии, но в исторические споры, компрометирующие высших руководителей,

втягиваться не желали.

«Литературной дискуссии», по сути дела, не было. Имела место грубая кампания нападков на Троцкого. Сам он отмалчивался, что не способствовало ни сохранению его авторитета, ни отстаиванию правдивых фактов, содержащихся в «Уроках Октября». Открыл кампанию Каменев, выступивший 18 ноября 1924 года с огромной речью на заседании Московского комитета партии. На следующий день он повторил доклад на собрании большевистской фракции ВЦСПС, 21 ноября — на совещании военных работников.^[900] Основной смысл аргументации состоял в том, что Троцкий нападал, мол, не на него лично, а на партию, извращая историю. Каменев утверждал, что большевизм сформировался в борьбе не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом. В докладе был сделан первый шаг в отождествлении этих течений, из которых второго просто не существовало. Свои разногласия с Лениным, которые в 1917 году были реальными, тогда как Троцкий являлся союзником Ленина, Каменев игнорировал. Формально он признал, что его и Зиновьева ошибка «была громадной», но продлилась несколько дней и не имела последствий. Троцкий же использовал «отравленное оружие».

За Каменевым последовал Сталин. Выступив 19 ноября на заседании комфракции ВЦСПС,^[901] он разразился ругательствами по адресу Троцкого, не гнушаясь фальсификацией событий. Защищая Каменева и Зиновьева от «нападков», генсек преуменьшал роль Троцкого в октябрьских событиях и выпячивал разногласия, связанные с подписанием мирного договора с Германией в начале 1918 года. Сталин ввел термин «новый троцкизм» (в отличие от «исторического троцкизма», то есть взглядов Троцкого до 1917 года) и утверждал, что происходит подмена ленинизма «троцкизмом». Касаясь особенно болезненной темы — роли Троцкого (а следовательно, собственной роли) в Гражданской войне, генсек возражал против «легенды», будто Троцкий был создателем Красной армии.

Выступления и статьи Каменева, Сталина и других, направленные против «Уроков Октября», перепечатывались местными издательствами, их содержание в качестве неоспоримой истины навязывалось членам партии и беспартийным. Во имя закрепления личной власти изобретались фантомы, на которые опирались псевдотеоретики в борьбе против столь же несуществующих «враждебных» фантомов.

Через пару лет, когда Зиновьев и Каменев оказались в оппозиции вместе с Троцким, они не раз повторяли, что «Уроки Октября» были только предлогом. В июле 1927 года Зиновьев говорил: «Я ошибался, когда после

заболевания Ленина вошел во фракционную семерку, которая постепенно стала орудием Сталина и его ближайшей группы».^[902]

Массированная кампания против вымышленного «троцкизма», а по сути дела против авторитета наркомвоенмора, все еще сохранявшего место в Политбюро, ставила цель не допустить, чтобы он оставался в общественном сознании ближайшим соратником Ленина. Наиболее враждебную позицию по отношению к Троцкому продолжал занимать Сталин, который все еще ловко маскировал свои чувства, набрасывал маску «центриста», стремившегося добиться партийного единства. Парадоксально, но Сталин внешне оказывался в положении, близком к ситуации Троцкого десятью с лишним годами ранее, когда тот пытался добиться единства социал-демократического движения. Различие, однако, состояло в том, что Троцкий искренне, хотя и безуспешно, стремился к объединению фракций, для Сталина же «единство» было маскировкой. Он ставил целью устранение Троцкого с политической арены и при возможности его физическое уничтожение. Замыслы Сталина были зловещими. Конечно, можно было бы возвести в ранг сплетни то, что передавали Троцкому Зиновьев и Каменев через пару лет. Но беседовали они с Львом Давидовичем порознь, о содержании бесед вряд ли сговаривались (взаимная подозрительность, склонность к подковерной игре были характерными свойствами этой пары), считали себя с Троцким на равных, если не выше его. Так что прибегать к прямой лжи им вряд ли было целесообразно. Между тем Троцкий позже вспоминал их рассказы. Один из них состоял в том, что где-то в конце 1924-го или начале 1925 года Сталин созвал узкое совещание, на котором прямо поставил вопрос, целесообразно ли физическое уничтожение Троцкого. Доводы «за» были очевидны — устранение опасного соперника. Главный довод Сталина против физической расправы был таков: «Молодежь возложит ответственность лично на него и ответит террористическими актами». В результате план покушения на жизнь Троцкого был если не отвергнут, то по крайней мере отложен. Каменев убеждал Троцкого: «Вы думаете, Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам?.. Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить».^[903]

Смещение с правительственного поста и «социализм в одной стране»

Троцкий тогда не имел представления, насколько далеко заходят

сталинские планы. Он надеялся на достижение хотя бы временного примирения. С точки зрения обывательской логики вел он себя странно, как будто не отдавая себе отчета в последствиях своих поступков. Он предпринял смелую атаку, публикуя «Уроки Октября», но вслед за этим сделал шаг назад, теряя рубеж, который, казалось бы, завоевал. Проблема состояла в том, что его выступления осуществлялись не с позиции обычного расчета, а исходя из принципиальных догматических положений, в которые он безусловно верил. Главной из таких установок была концепция перманентной революции.

Этой концепции явно противоречили вызревавшие установки Сталина, — все более отдалявшего от себя Зиновьева и Каменева и сближавшегося с Бухариным и Рыковым, у которых теперь была репутация «правых», — на построение относительно замкнутого социалистического общества в СССР, не ориентирующегося на международную революцию в близком будущем.

В 1924–1925 годах в основном завершилось создание «теории победы социализма в одной стране в условиях капиталистического окружения», сотворенной сталинским аппаратом при активном участии Бухарина. Сталин ловко использовал эту «теорию», догматически основанную на выхваченном из контекста случайном высказывании В. И. Ленина 1915 года о неравномерном развитии капитализма, в результате которого возможен прорыв капиталистической системы первоначально в одной стране.

Подчас ссылаются на то, что и Троцкий до того, как он оказался в оппозиции, также признавал возможность строительства социализма в России без обязательной увязки с мировым контекстом. При этом забывают важную деталь: Троцкий говорил о возможности строительства, но не завершения создания социализма в одной России, тогда как Сталин исходил из возможности построения в СССР полного социалистического общества. «Теория социализма в одной стране» играла приземленную роль. Она означала не только продолжение нэпа, но и обещание сытой жизни в близком времени, предусматривала более осторожную внешнюю политику взамен вспышко-пускательских заявлений Зиновьева в качестве председателя Исполкома Коминтерна.

Пустив в пропагандистский оборот новую «теорию», Сталин теперь при помощи Бухарина перевел ее в практическую плоскость. На пленуме ЦК 23–30 апреля 1925 года были приняты решения об экономических уступках крестьянству, которыми могли воспользоваться все его слои: допускалась сдача земли в долгосрочную (до двенадцати лет) аренду, организация хуторских хозяйств, снимались ограничения с применения наемного труда, понижался сельхозналог и т. д. Теоретические выкладки по

поводу «социализма в одной стране» и «неонэп» в деревне не были приняты Зиновьевым и Каменевым, которые начинали роптать против растущего единовластия.

Троцкий поначалу занимал выжидательную позицию. Он внимательно присматривался к мероприятиям «неонэпа», не выступал с их критикой, хотя был убежден, как показали последовавшие документы, в провале этой линии. Немаловажными причинами пассивности Троцкого были продолжавшееся болезненное состояние и особенно лишение его ответственного государственного поста.

Последнее произошло на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 17–20 января 1925 года.

Вопрос был предрешен в декабре 1924 года, причем тогда же было подыскано лицо для замены Троцкого. Им стал М. В. Фрунзе. Прощупывая его, Сталин 10 декабря 1924 года обменялся с ним записками. Оба выразили возмущение тем, что на политзанятиях в воинских частях проводится беседа «Троцкий как вождь Красной Армии».^[904] Фрунзе показался генсеку подходящей альтернативой, и началась подготовка к занятию им высшего военного поста.

На январском пленуме были подведены итоги фиктивной «литературной дискуссии». По состоянию здоровья, даже скорее в силу нервного стресса, который сопровождался недомоганием с повышением температуры, Лев Давидович в пленуме не участвовал. Хотя «дискуссия» объявлялась завершенной, выдвигалось требование разъяснить «антибольшевистский характер троцкизма», причем не только в парторганизациях, но и среди беспартийных.

Сталин и на этот раз выступил как «умеренный», используя эту линию, чтобы вновь изменить в собственную пользу расстановку сил в высшем эшелоне. Генсек полагал теперь, что «триумvirат» его более не устраивает, что путем отстранения от власти Зиновьева и Каменева и заключения временного союза со слабовольным и покорным Бухариным, который к тому же снабжал его удобными «теоретическими» аргументами, он вплотную приблизится к полному единовластию.

Так возникла парадоксальная ситуация — Сталин брал под временную защиту Троцкого, возражая против его исключения из партии и даже из Политбюро, по сути дела, использовал его с тем, чтобы обрушить удар на непосредственных противников. Именно генсеком были спровоцированы разногласия с Зиновьевым и руководителями ленинградской парторганизации, которые начались именно на январском пленуме ЦК и именно по вопросу о репрессиях в отношении Троцкого. Несколько позже,

на Четырнадцатом партсъезде в декабре 1925 года, Сталин «доверительно» рассказал о «начале нашей размолвки» с Зиновьевым и Каменевым, которую связывал с вопросом о том, «как быть с Троцким». «Мы, т. е. большинство ЦК, не согласились с этим (исключением Троцкого из партии)... имели некоторую борьбу с ленинградцами и убедили их выбросить из своей резолюции пункт об исключении [Троцкого]. Спустя некоторое время после этого, когда собрался у нас пленум ЦК и ленинградцы вместе с тов. Каменевым потребовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, мы не согласились с этим предложением оппозиции, получили большинство в ЦК и ограничились снятием Троцкого с поста наркомвоена. Мы... знали, что... метод отсечения, метод пускания крови — а они требовали крови — опасен, заразителен: сегодня одного отсеки, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?»^[905] Поистине, трудно было превзойти будущего палача миллионов людей в лицемерии и иезуитстве. Сталин, разумеется, оставил в неведении слушателей, что как раз накануне январского пленума он разъяснял окружению: «Еще не наступил момент для исключения Троцкого. В партии и стране такой шаг... будет неверно понят».^[906]

В результате большинство членов ЦК и ЦКК проголосовали за снятие Троцкого с поста председателя Реввоенсовета (именно за снятие, а не удовлетворение его просьбы об освобождении), но за оставление в составе Политбюро. Его, однако, превратили в заложника, объявив, что в случае нарушения им партийных решений ЦК «будет вынужден, не дожидаясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание Троцкого в составе Политбюро и поставить вопрос перед объединенным заседанием ЦК и ЦКК (то есть перед самим собой! — **Г. Ч.**) об его устранении от работы в ЦК».

Таким образом, в первых турах борьбы против власти Сталина Троцкий потерпел поражение. Несколько месяцев он оставался без должности и только в мае получил сразу три назначения, причем все они носили издевательский характер. Он стал председателем Главного концессионного комитета (и это в условиях, когда концессионный курс сворачивался!), начальником электротехнического управления ВСНХ (хотя никогда не имел отношения к электротехнике!) и председателем научно-технического отдела все того же ВСНХ (отдела, не обладавшего реальными правами!). Троцкий оказался в прямом подчинении Ф. Э. Дзержинского, который в 1924–1926 годах совмещал руководство Объединенным

государственным политическим управлением (ОГПУ) — высшим карательным политическим органом — с председательством в ВСНХ. Ставший еще в 1922 году ярким сталинистом, но занимавший сравнительно невысокий пост в партийной иерархии (с мая 1924 года он был лишь кандидатом в члены Оргбюро), Дзержинский, постоянно подозревавший окружающих в заговорах и интригах,^[907] фанатик и человеконенавистник, слабо владевший русским языком и проникнутый завистью к публицистическому таланту Троцкого, стал наилучшей для Сталина фигурой для недружелюбного наблюдения над опальным деятелем.

Пост председателя Реввоенсовета на недолгое время занял М. В. Фрунзе, однако всего через десять месяцев, в декабре 1925 года, он скончался в результате хирургической операции язвы желудка, которая с медицинской точки зрения не представлялась необходимой, но на которую Фрунзе пошел по решению Политбюро. Неприглядная и кровавая история завершилась тем, что пост руководителя военного ведомства оказался в руках К. Е. Ворошилова, близкого к Сталину еще по Царицыну и теперь продолжавшему послушно выполнять сталинскую волю.^[908]

Сталин, однако, понимал, что борьба против Троцкого еще не завершена, и бывший наркомвоенмор будет при любом благоприятном случае искать новые подходы к разоблачению официального курса, что не исключено объединение с ним других групп, когда соотношение сил может оказаться неожиданным.

В архивном фонде Троцкого сохранился ряд документов, в основном заметок для памяти, относившихся к декабрю 1925 года, которые свидетельствуют, насколько критически, если не сказать презрительно, относился Троцкий к объявившейся «новой оппозиции», в то же время не исключая возможность блока с ней. Особенно любопытна запись от 9 декабря под заголовком «Блоке Зиновьевым (кдневнику)».^[909] Самое интересное здесь то, что заголовок не соответствовал содержанию: ни о каком блоке с Зиновьевым речь не шла. Создается впечатление, что в данном случае сработало подсознание. Троцкий анализировал позиции группы Зиновьева, поддержанной Каменевым, ее аргументацию, сущность того, что он назвал «аппаратной оппозицией против ЦК». Он раздумывал, следует ли идти на риск сближения с этой группой. Окончательного вывода он пока не сделал.^[910]

Двадцать второго декабря 1925 года, уже во время заседаний партсъезда, Троцкий сделал для памяти заметку «О ленинградской оппозиции».^[911] Он обратил внимание на то, что ораторы большинства

характеризуют эту группу как продолжение оппозиции 1923–1924 годов. Не оспаривая термина «оппозиция» (видимо, он считал такого рода терминологическую спекуляцию мелочью), Лев Давидович признал, что сближение заключает в себе частицу истины. Какую же? Для себя самого Троцкий фиксировал «кулацкий уклон» в партруководстве, который он связывал с лозунгом «лицом к деревне», выдвиганием идеи замкнутого национального хозяйства, то есть того, что Сталин назвал «социализмом в одной стране». Именно против такого курса выступали теперь «оппозиционеры». Он не переоценивал качеств Зиновьева, отмечая его «агитаторскую крикливость», «местническую заносчивость», но все же считал его выступления положительными фактами. Эти соображения свидетельствовали, что Троцкий, анализируя намечавшиеся тенденции, не был намерен свернуть борьбу против партийных аппаратчиков, искал, но пока не находил эффективные лозунги, видел пороки так называемой «новой оппозиции», но не исключал установления с ней контактов и союза.

Однако до совместных действий дело еще не доходило. На Четырнадцатом съезде Троцкий молчал. С политическим отчетом ЦК впервые выступил Сталин. Зиновьев, добившийся слова для содоклада, растянуто изложил установки «ленинградской группы» и Каменева. Он ссылаясь на авторитет Ленина и подчеркивал, что в основном солидарен со съездовским большинством. Изложенные же в его содокладе и в выступлении Каменева взгляды частично совпадали с позициями, которые ранее отстаивал Троцкий. Каменев, осмелившийся заявить, что Сталин не может играть роль объединителя большевистского штаба, был наказан — в Политбюро он не попал, став лишь кандидатом в его члены, а вслед за этим был отстранен от активной политической работы и назначен директором Института Ленина при ЦК. Правда, Троцкого и Зиновьева в Политбюро еще сохранили. Предстояли напряженные политические бои, но Троцкий, опасаясь нового проигрыша, их откладывал, стремясь подготовить для схваток наиболее благоприятную почву.

Глава 3

АНАЛИЗ СОВЕТСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕАЛИЙ

Развитие СССР и концепция перманентной революции

Еще в то время, когда Троцкий занимал пост наркомвоенмора, он то и

дело выходил за пределы служебных функций, право на что формально давало положение члена Политбюро. Попытки проанализировать социально-экономическое положение и перспективы развития СССР, тенденции мировой экономики и политики, задачи компартий в конце 1923-го, а затем в 1924 году привели к его резким столкновениям с группой, осуществлявшей руководство страной. Потерпев поражения в первых схватках, лишившись поста наркома, но сохранив место в Политбюро, он с удвоенной энергией обратил свой аналитический ум и публицистический талант на разработки в области современной истории и культуры.

Результатом размышлений о перспективах советской экономики явилась брошюра «К социализму или к капитализму?», в которой объектом изучения стали разработанные Госпланом контрольные цифры развития народного хозяйства на 1925–1926 годы. Автор подавлял здесь свою критику, учитывая, что ориентация контрольных цифр состояла в поощрении сельского хозяйства и легкой промышленности. Весь текст был пронизан примирительным тоном. Троцкий приветствовал усиление социалистической тенденции в экономике, в которой за год, по его подсчетам, частная промышленность была оттеснена на 3 процента. Анализ контрольных цифр давал ему возможность с пафосом провозгласить, что в «сухих статистических колонках и почти столь же сухих и сдержанных пояснениях к ним звучит великолепная историческая музыка растущего социализма».^[912]

Вместе с тем, указывая на возможность строительства социализма в СССР, Троцкий оставлял открытым вопрос о достижении этой цели при сохранении капиталистического строя в Европе и Америке. Он не отказывался от концепции, что реализация грандиозной задачи может быть осуществлена только в масштабах группы передовых стран, хотя не полемизировал по этому вопросу.

В 1925 году Троцкий несколько раз посетил Украину, в частности район днепровских порогов и город Запорожье, где гидростроители предлагали начать строительство крупной электростанции. В воспоминаниях Троцкий писал: «Два лодочника спустили меня меж порогов по водоворотам на рыбацкой ладье, по старому пути запорожских казаков. Это был, разумеется, чисто спортивный интерес. Но я глубоко заинтересовался днепровским предприятием и с хозяйственной точки зрения, и с технической. Чтобы застраховать гидростанцию от просчетов, я организовал американскую экспертизу, дополненную впоследствии немецкой».^[913] Убедившись в обоснованности предложений, считая

создание ГЭС исключительно важным для индустриализации, Троцкий стал выступать за переход к конкретным делам. Эти предложения натыкались, однако, на сопротивление Бухарина и Сталина, которые продолжали ориентироваться на развитие мелкого крестьянского хозяйства и легкой промышленности. Помимо этого, Сталин воспринял инициативу Троцкого как попытку создать себе «новый плацдарм». «Я не преувеличу, если скажу, — вспоминал Троцкий, — что значительная доля творчества Сталина и его помощника Молотова была направлена на организацию вокруг меня прямого саботажа. Получать необходимые средства стало для подчиненных мне учреждений почти невыполнимой задачей».^[914]

В этих условиях на апрельском пленуме ЦК 1926 года Троцкий выступил с настоянием перейти от слов к делу, вложив в Днепрострой свыше ста миллионов рублей. Сталин резко отверг предложение, не без издевки сказав: «Речь идет... о том, чтобы поставить Днепрострой на свои собственные средства. А средства требуются тут большие, несколько сот миллионов. Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку, вместо того, чтобы починить плуг и обновить хозяйство, купил граммофон и... прогорел. (Смех.) Можем ли мы не считаться с решением съезда о том, что наши промышленные планы должны соотноситься с нашими ресурсами? А между тем тов. Троцкий явно не считается с этим решением съезда».^[915]

Прошел лишь год, и Сталин, начав поворот к индустриализации страны и став ярким приверженцем строительства Днепровской ГЭС, попытался перечеркнуть инициативу Троцкого, заявив, что его собственные слова по поводу «покупки граммофона» неправда. В ответ Троцкий 13 апреля 1927 года выступил со специальным заявлением, в котором привел цитату из сталинской речи, а в следующие годы не раз тыкал в нос Сталину его неосторожные слова о сравнении Днепростроя с крестьянским граммофоном.^[916]

Рассматривая экономическое развитие как проявление культуры, Троцкий во многих выступлениях подчеркивал, что борьба за качество продукции есть борьба за культуру. Именно так называлась его обширная статья, приуроченная к восьмой годовщине Октябрьской революции.^[917] Повторяя ставшее общим местом положение, что победа нового строя зависит от повышения производительности труда, Троцкий был далек от позитивной оценки достижений в этой области. Более того, статья выявляла растерянность автора, ибо, выдвигая задачи в самой общей форме, он оказывался не в состоянии конкретизировать пути их

реализации.

Когда вопрос переходил в практическую плоскость, прекрасные предначертания повисали в воздухе. Отмечая, что в основу деятельности частного предпринимателя лягут личная заинтересованность и «хозяйский глаз», автор оставлял в стороне заинтересованность, а «хозяйский глаз» подменял «общественным контролем», то есть все той же бюрократической машиной, против которой вел столь энергичную борьбу.

Вопросы духовной культуры

Именно в 1925-м — начале 1926 года, когда Троцкий был фактически отстранен от ответственных управленческих функций, но еще не перешел к открытой оппозиционной деятельности, он особое внимание уделял проблемам культурного развития, обобщив свои взгляды, в основе которых лежали воззрения Маркса и Энгельса, но которым он придал оригинальную форму.

Наиболее концентрированно эти взгляды он выразил в статье «Культура и социализм», опубликованной в начале 1927 года.^[918] Интересен был подход к самому понятию культуры. Признавая ее сущность как всего созданного, усвоенного, завоеванного человеком, Троцкий обращал особое внимание на ту «драгоценнейшую часть культуры», к которой относил отложившиеся в сознании человека приемы, навыки, сноровку, выросшие из материальной культуры и перестраивающие ее, как и всю человеческую жизнь. Троцкий призывал к тому, чтобы марксистская критика науки была осторожной, иначе она может вылиться в лицемерие, фамусовщину. В науке, культуре, повторял он, голое командование может принести только вред. Здесь надо «учиться учиться».

Троцкий писал о глубочайших противоречиях, характерных для страны: первая в мире по количеству томов Публичная библиотека в Ленинграде и процент неграмотных больше, чем в любой другой европейской стране; гигантские проекты Днепростроя и семейные избиения в деревне. Так с «черного хода» Троцкий вновь и вновь противопоставлял отсталость российской глубинки западноевропейской культуре, убеждая читателей, что желанный социализм может быть достигнут только в содружестве группы цивилизованных наций.

Отставной нарком продолжал следить за литературой и искусством, прилагал усилия по привлечению колебавшихся писателей на сторону большевистской власти, проявляя большую, нежели другие партийные

лидеры, широту взглядов.

Наиболее одобрительно Троцкий отзывался о писателях и поэтах, которые членствовали в партии или комсомоле и были его политическими единомышленниками. Фактически он открыл молодежного поэта Александра Безыменского, написав предисловие к первому крупному сборнику его произведений и к первой поэме.^[919] Глашатаю перманентной революции пришлось по душе исполненные страсти стихи поэта:

Только тот наших дней не мельче, только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью революцию мировую найти.

Сам Безыменский был почитателем Троцкого, назвал в его честь своего сына. Лев Александрович Безыменский через много лет стал известным российским специалистом по истории Германии и Второй мировой войны. В течение некоторого времени Безыменский-старший поддерживал Троцкого, даже подписал заявление 93 комсомольских деятелей, выразивших с ним солидарность,^[920] но вскоре счел благоразумным перейти на официальную позицию.

Троцкий приветствовал появление и другого юношеского поэта, Александра Жарова, с удовольствием цитируя его «Песню о червонце» в предисловии к сборнику «Поколение Октября», выпущенному издательством «Молодая гвардия» в 1924 году, где обращал особое внимание на то, как поэт мастерски увязывает воедино великие потрясения с малыми вопросами быта.^[921] Жаров позже отплатил злобными стихами, проклинавшими «троцкизм».

А прославленный карикатурист Борис Ефимов рассказывал в 2003 году, как в 1924-м, когда вышел в свет первый альбом его рисунков, он был представлен Троцкому. Между ними произошел диалог, который художник помнил и спустя почти 80 лет. Троцкий воскликнул: «О, да вы совсем молодой!» Ефимов ловко ответил: «В моем возрасте, Лев Давидович, за вами было уже два побега из ссылки». Любезностью ответил и Троцкий: «Что ж, а за вами много хороших рисунков». Просмотрев альбом, Троцкий «благословил» творчество Ефимова и написал предисловие к новому изданию его произведений,^[922] опубликованное и в газете «Известия» 24 июля 1924 года. В дальнейшем, создавая карикатуры и плакаты, угодные советским верхам, Ефимов не раз издевался над Троцким в рамках своего художественного жанра.

Широкий отзвук получила речь Троцкого, произнесенная 9 мая 1924 года на совещании в отделе печати ЦК РКП(б),^[923] посвященном политике партии в области художественной литературы. Оставаясь мировоззренчески в пределах коммунистического единовластия, Троцкий в то же время выступал за допустимую в этих пределах свободу эстетического выражения, то есть предлагал, чтобы писателей держали на как можно более длинном поводке. Он резко полемизировал с «напостовцами» (группой литераторов, сплотившихся вокруг редколлегии журнала «На посту»,^[924] наиболее активную роль среди которых играл старый знакомый Троцкого и бывший муж его недолгой любовницы Ф. Ф. Раскольников). Троцкий не жалел сарказма, пройдясь и по недавнему возвращению Раскольникова с дипломатической службы послом в Афганистане: «После долгой отлучки Раскольников выступил здесь со всей афганской свежестью — тогда как другие напостовцы немножко вкусили от древа познания и наготу свою стараются прикрыть». Решительно возражая против негативного, презрительного отношения к попутчикам, Троцкий давал определение тем, кого он сам, а за ним и «пролетарские литераторы» стали так именовать: «Попутчиком мы называем в литературе, как и в политике, того, кто, ковыляя и шатаясь, идет до известного пункта по тому же пути, по которому мы с вами идем гораздо дальше».

Троцкий выступил против монопольной политики в области искусства, мотивируя это отсутствием за спиной партии необходимых для этого «художественных элементов». Он иллюстрировал специфику искусства на примере Данте и его «Божественной комедии», которая «поднимает переживания современной эпохи на огромную художественную высоту», на примере Шекспира и Байрона, которые «кое-что говорят нашей душе». Примеры привлекались из западной литературы, причем далеко отстоявшей хронологически, что свидетельствовало не только о принципиальной позиции, но и о художественных пристрастиях Троцкого.

Троцкий завершил это свое оригинальное и необычное для партийного форума выступление словами: «Вы хотите, чтобы партия от имени класса официально установила вашу маленькую художественную пролетарскую диктатуру. Вы думаете, что, посадив фасоль в цветочный горшок, вы способны взрастить древо пролетарской литературы. На этот путь мы не встанем. Из фасоли никакого древа произрасти не может».

Троцкий продолжал поддерживать дружеские отношения с рядом издательств и журналов. Тесные связи установились у него с издательством «Молодая гвардия», в котором он выпустил давние воспоминания о своем

втором побеге из ссылки, снабдив их написанным в ноябре 1925 года предисловием «Молодым читателям».^[925] «Пройдет еще 18–20 лет и сибирская пустыня, по которой совершен был побег на оленях, перестанет быть пустыней, а люди, надо думать, перестанут убегать друг от друга, ибо перестанут преследовать друг друга», — писал он, вряд ли надеясь, что его мечты не являются иллюзией. Правда, слова эти могут быть осмыслены и иначе, как намек, что когда-нибудь наступит некое благословенное время, когда большевистский режим смягчится и перестанет преследовать оппонентов.

Справедливость требует отметить, что в кругах интеллигенции к Троцкому относились по-разному. Многим «попутчикам» льстило, что он призывал считаться с творческой индивидуальностью. У некоторых же деятелей культуры сложилось негативное мнение об этом большевистском «фармацевте, *обутом* в военный костюм», как назвал его актер Алексей Дикий, а Корней Чуковский повторил в дневнике.^[926] Чуковский был как раз из тех интеллигентов, у кого отношения с Троцким не сложились. Связано это было с давней историей публикации Троцким весьма критической статьи об историко-литературных этюдах Корнея Ивановича, в которых «нет никакого метода мысли». Возможно, обида забылась бы, но Троцкий включил эту статью в послеоктябрьский сборник и этим как бы ее актуализировал.

Язвительный Самуил Маршак откликнулся на перепечатку статьи о Чуковском следующей эпитаграммой:

Расправившись с бело-зелеными,
Прогнав и забрав их в плен, —
Критическими фельетонами
Занялся Наркомвоен.
Палит из Кремля Московского
На тысячи верст кругом.
Недавно Корнея Чуковского
Убило одним ядром.^[927]

С оттенком удовлетворения Чуковский записал в дневник 26 ноября 1924 года: «В Госиздате снимают портреты Троцкого, висевшие чуть не в каждом кабинете».^[928]

Куда идут Англия и другие страны?

Внутренние проблемы были не единственным объектом внимания Троцкого в это переходное время. Он продолжал следить за обстановкой вне пределов СССР, уделяя внимание эволюции стран Запада, классовой структуре и социопсихологическим особенностям отдельных группировок, борьбе между отдельными странами и их группами, взаимоотношениям СССР с государствами Запада.

Особый интерес проявлялся к Великобритании, которую рассматривали в советской политике как ведущую капиталистическую державу. Пытаясь разобраться в расстановке сил в этой стране, уяснить причины снижения ее удельного веса в мировой экономике и политике, Троцкий поручил своим секретарям тщательно следить за всем, что публиковалось об Англии, за стенографическими отчетами британского парламента, а затем изучал этот обширный материал.

Весной 1925 года он буквально в один присест написал книгу «Куда идет Англия?», отдельные фрагменты которой вначале печатались в «Правде» в виде «подвалов».^[929] Вслед за этим книгу выпустили на русском языке, а позже в переводах.^[930] Было очевидно, что мировая общественность, не только компартии и примыкавшие к ним организации, но и солидные издательства, экономисты и политологи обратили на нее внимание.

Лейтмотив книги состоял в том, что Англия полным ходом приближается к революционным потрясениям, причем толкала ее на это не Москва, а Нью-Йорк. Именно мировое давление США являлось силой, делавшей положение британской промышленности, торговли, финансов, а за ними внешней политики все более безысходным.

По мнению Троцкого, мир становился свидетелем не только экономического соперничества, но и политического содружества Великобритании и США, однако сотрудничество прикрывало «глубочайший мировой антагонизм», который подготавливал конфликты не столь отдаленного будущего.^[931] Представив исходную пессимистическую картину, автор попытался выделить исторические факторы, которые должны были определить развитие страны. Из заранее сформулированной установки должен был вытекать доказательный материал. Но, как часто бывает с рекламой, далеко не всегда соответствующей качеству продаваемого под ее аккомпанемент товара, изложение Троцкого отнюдь не подтверждало декларацию о предстоявшем упадке Великобритании, о том,

что она стоит накануне революции.

В то же время для работы был характерен блестящий историко-социологический анализ. Кратко остановившись на революционных традициях страны, выделив революцию XVII века — первую великую буржуазную революцию, приведшую к ликвидации монархии и созданию на недолгое время демократической республики, остановившись на чартистском движении XIX века, являвшемся первым в мире самостоятельным рабочим движением, Троцкий подводил исторический фундамент под будущие выводы. Читатель должен был почувствовать, что Великобритании предстоит возвращение на революционный путь, который она покинула с середины XIX столетия.

Обращая внимание на прогресс в области военной техники, особенно связанный с мировой войной, на развитие авиации и химии, автор показывал, что эти изменения оказались направленными против безопасности Великобритании, сводили на нет преимущества ее островного положения. «Наиболее жизненные центры Англии и прежде всего Лондон могут подвергнуться в течение нескольких часов убийственной воздушной атаке со стороны Европейского континента». Таков был конкретный прогноз, подтвердившийся, при всех, разумеется, исторических изменениях и перипетиях в следующие полтора десятилетия. Если вспомнить «битву за Англию» 1940 года, когда германская авиация смогла нанести тяжелейшие удары по столице Великобритании и другим ее центрам, суждения Троцкого можно воспринять как зловещее, но довольно точное предсказание будущего.

Другая проблема, которую автор стремился проанализировать, — все более активное участие Англии в европейских отношениях. Великобритания больше не в состоянии проводить политику «блестящей изоляции», от которой отказалась еще до мировой войны, отмечал автор, но после завершения войны вплетенность страны в европейскую политику и особенно в военные союзы превращает ее из «владычицы морей» просто в одну из крупных стран, которой приходится учитывать намерения и силы возможных партнеров и противников и не ввязываться в односторонние действия. Троцкий детально останавливался на опасности германской конкуренции, имея в виду возрождающуюся промышленность Германии, преимущества немецкой техники и хозяйственной организации.

Критический антураж работы служил главной идее: дескать, дальнейший маршрут международной революции пролегает через Англию. Автор предполагал, что компартия сможет стать во главе рабочего движения, оговариваясь, что это произойдет лишь в том случае, если

пролетариат окажется в непримиримом противоречии с бюрократией тред-юнионов и лейбористской партии. В этом выводе содержалась доля условности, ставившая под сомнение до этого непрерываемо высказанную главную мысль книги — о перспективе социалистической революции в Великобритании.

При всех противоречивых оценках, непоследовательности выводов эта работа рядом разных политических групп признавалась ценной, чему способствовали обширные документальные и статистические материалы книги.

В теоретическом отношении книга «Куда идет Англия?» должна была послужить точкой опоры для модифицированной применительно к новым условиям концепции перманентной революции, противопоставляемой сталинской теории социализма в одной стране. Практически работа призвана была способствовать обоснованию позиций Троцкого в дискуссии с партийным большинством, с лидерами Политбюро в следующие два года, когда сложилась объединенная оппозиция.

В то время, когда эта оппозиция формировалась, в мае 1926 года, как раз после окончания массовой политической забастовки в Великобритании, являвшейся выражением солидарности со стачкой углекопов, Троцкий составил второй выпуск работы об Англии (предисловие к нему датировано 19 мая 1926 года).^[932] Это издание было посвящено британским критикам предыдущего выпуска, который получил обширную прессу.

Во втором выпуске были помещены статьи известного философа Бертрана Рассела и одного из руководителей Независимой рабочей партии Г. Брейлсфорда, перепечатанные из британских изданий,^[933] а также выдержки из статей и рецензий Р. Макдональда^[934] и других авторов, опубликованных в британских и американских газетах и журналах.^[935] За ними следовали ответы Брейлсфорду и Расселу.

Деятелю Независимой рабочей партии, написавшему, по словам Троцкого, «покровительственное предисловие» к его книге, он отвечал, что тот маскируется революционной фразой для борьбы против пролетарской революции, защищает демократические иллюзии и парламентский фетишизм. В то же время чувствуется, что Троцкий был польщен «неумеренными похвалами» литературной форме книги, высказанными Брейлсфордом, но резко отвечал на «умеренные порицания» ее содержания. Что же касается Рассела, то здесь полемика, по существу, отсутствовала. Троцкий негодовал по поводу убежденности критика, будто иностранец неспособен понять британские нравы, традиции и пр. Для

манеры его статьи характерны такие выражения: «Мистер Бертран Рассел, философ в математике, математик в философии, аристократ в демократии и дилетант в социализме, счел долгом приложить свою руку, не в первый уже раз, к разрушению тлетворных идей, исходящих из Москвы и враждебных англо-саксонскому духу».^[936] Особый гнев Троцкого вызывали слова Рассела о нем самом: «Большинство из нас предпочитает остаться в живых без него, чем умирать с ним».^[937]

В предыдущие годы Троцкий отодвинул на второй план свой излюбленный лозунг социалистических Соединенных Штатов Европы как важнейшего элемента перманентной революции. В начале 1926 года, явно преждевременно полагая, что стабилизационные процессы капитализма подходят к концу и предстоят новые крупные пертурбации в капиталистическом мире, Троцкий счел необходимым этот лозунг восстановить, дополнив его требованием рабоче-крестьянского правительства.^[938]

Трудно, правда, понять смысл этого второго лозунга по двум причинам. Во-первых, он фигурировал в документах Коминтерна уже с 1922 года, хотя носил формальный характер и был прикрытием столь же умозрительного лозунга пролетарской диктатуры. Во-вторых, Троцкий обуславливал сотрудничество с социал-демократами в таком правительстве массой оговорок, которые исключали какую-либо его реализацию.

Определенное внимание в это время привлекали проблемы Востока, особенно Китая, где разворачивалась национально-демократическая революция. Еще в пору временного примирения с большинством в партверхушке под руководством Троцкого, возглавлявшего соответствующую комиссию, был разработан документ «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии».^[939] В документе подчеркивался решительный отказ от военной интервенции СССР в Китае, а также необходимость договариваться с господствовавшим в Маньчжурии генералом Чжан Цзолинем при сохранении аппарата КВЖД в руках советских сотрудников. Пройдет непродолжительное время, и вопрос о Китае станет одним из основных камней преткновения в борьбе объединенной оппозиции против сталинского курса.

Временное перемирие Троцкого со Сталиным и его группой подходило к концу. Глухие удары приближавшейся грозы в первой половине 1926 года начинали звучать все громче и громче.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕДИНЕННОЙ ОППОЗИЦИИ

Интрига с книгой Макса Истмена

В промежутке между разгромом «новой оппозиции» Каменева и Зиновьева и образованием объединенного оппозиционного блока летом 1926 года Троцкий пытался продемонстрировать подчинение партийной дисциплине, но это получалось далеко не всегда, а когда получалось, то с большими трудностями.

Косвенные нападки на Троцкого со стороны сталинистов продолжались в международном коммунистическом движении. Пятый расширенный пленум ИККИ (март — апрель 1925 года) в очередной раз бросил камень в огород Троцкого. В резолюции по итальянскому вопросу, где критиковалась левацкая политика генерального секретаря компартии Амедео Бордиги, говорилось по поводу его отношения к партийным кадрам: «Не удивительно, что он сходится с Троцким (даже без слова «товарищ». — Г. Ч.) в этом пункте: и Троцкий видит прежде всего роль вождей в революции и упускает из виду или недооценивает роль партии как массовой организации пролетариата».^[940]

Но наиболее явственно двойственное положение Троцкого в это время обнаруживается в истории с появившейся на Западе в 1925 году книгой Макса Истмена «После смерти Ленина». Это был тот самый американский журналист, который в начале 1920-х годов, будучи в России, сблизился с Троцким и по его воспоминаниям написал книгу о юности Льва Давидовича.

В новой книге, опубликованной после отъезда из России, Истмен на основе доступных ему материалов попытался проанализировать борьбу за власть в ВКП(б) и в СССР, причем делал это на фоне «завещания» Ленина, полагая, что наибольшими правами на наследование ленинского поста обладал Троцкий.

Истмен написал свою книгу, не стесняясь в выражениях. Достаточно сказать, что, упоминая о выступлениях руководителей ВКП(б), он заявлял: они «были бы выброшены из литературного соревнования в школы для дефективных детей».^[941] Исключительно высоко оценивая деятельность Троцкого в революции и Гражданской войне, он допускал некоторые искажения, которые потом ловко использовали сталинисты. Истмен писал, например, что Троцкий не работал и не мог работать вместе с

меньшевиками до революции, а это противоречило многочисленным и отлично известным фактам. На протяжении всей книги образ Троцкого сопровождался самыми высокопарными выражениями: он «гордый человек», ему свойственна «бескорыстная, безбоязненная и святая преданность революции», это «вождь от природы» и даже «просто великий человек». Правда, автор пытался это несколько сбалансировать, отмечая и недостатки своего героя: он «не знает, как собрать вокруг себя людей», временами ведет себя «с глупой самонадеянностью ребенка». [\[942\]](#)

На Западе последовали немедленные отклики на сенсационную книгу. Особенно щедры были британские печатные органы. Популярная газета «Daily Herald», «Daily Chronicle» и другие опубликовали позитивные рецензии. Газета Независимой рабочей партии «New Leader» посвятила книге целую полосу под заголовком «Почему пал Троцкий». [\[943\]](#)

Более осторожно книгу оценивали в коммунистических кругах. Деятели, зависевшие от советских финансовых вливаний, ожидали официальной реакции ВКП(б). Те, кто склонялся к позиции Троцкого или был с ним близок, отнеслись к работе положительно. А. Росмер, например, утверждал, что книга нашла живой отклик в рабочих кругах, представляя собой «серьезное, углубленное, неофициальное исследование последнего кризиса в РКП, написанное человеком, который с 1917 года не переставал бороться за русскую революцию и коммунизм». [\[944\]](#)

Книга Истмена поставила Льва Давидовича в весьма неловкое положение. С одной стороны, он разделял многие из оценок американца, которому сам рассказал немало из того, что в книге было изложено. С другой стороны, он вынужден был соблюдать солидарность с руководством, в которое еще формально входил. Идти на развязывание открытой борьбы в условиях явно неблагоприятной для него расстановки сил он не был готов. Результатом явился целый тур новых уступок и унижений, на которые Лев Давидович пошел во имя сохранения непрочного перемирия с руководством.

Летом 1925 года Сталин занялся разоблачением Троцкого в связи с «завещанием» Ленина и решил использовать для этого появление книги Истмена. Сталин прилагал усилия, чтобы заставить Троцкого обрушиться на Истмена и его книгу с острой критикой. Чуть позже (в конце 1925 года) генсек писал «членам семерки» (именно так были обозначены адресаты, а это означало признание этого фракционного органа): «Меня больше всего интересует то, чтобы определить отношение Троцкого к делу о брошюре Истмена и поставить вопрос об **открытом** отмежевании Троцкого от

Истмена и его «труда». Я думаю, что брошюра написана с ведома (а может быть, даже *по директиве*) Троцкого». [\[945\]](#)

Преимущество генсека состояло в том, что вопрос о «завещании» оставался в неопределенном состоянии, официально этого термина не существовало, а по поводу ленинского «Письма к съезду» ходили всевозможные версии, распространявшиеся под секретом. Какие слоны вырастают из мух в таких условиях, ясно любому! Сам Истмен не утверждал, что Троцкий передал ему «завещание» Ленина. Он писал, что Троцкий лишь рассказал ему об этом документе. [\[946\]](#) Иначе говоря, и здесь возникала некая устная версия, которой можно было придать самый неблагоприятный смысл.

После появления книги Истмена Троцкий проинформировал Политбюро о своих контактах с автором. Он утверждал, что никаких документов Истмену не передавал, но что тот бегло говорит по-русски и у него был широкий круг знакомых среди советских коммунистов. [\[947\]](#)

Прочитав книгу в переводе и распорядившись передать ее экземпляры членам Политбюро, [\[948\]](#) Сталин созвал 18 июня 1925 года расширенное заседание Политбюро, где обрушился на Троцкого, требуя, чтобы тот объявил книгу клеветнической. Решение требовало от Троцкого «решительно отмежеваться от Истмена и выступить в печати с категорическим опровержением». [\[949\]](#) Такой акт был близок к политическому самоубийству. Троцкий пытался сопротивляться. Он написал два письма Сталину, высказав мнение, что надо быть идиотом или преступником, чтобы поднимать шум вокруг этого «документа». [\[950\]](#) В результате Троцкий написал заявление «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина»», [\[951\]](#) сочтенное Сталиным недостаточно жестким. Бухарин, Зиновьев, Рыков и Сталин (именно в таком порядке шли их подписи) послали Троцкому резкое письмо. Оно утеряно, но содержание можно понять по цитатам в других документах и по ответу Троцкого от 27 июня 1925 года. Сталин и его группа требовали, чтобы Троцкий использовал определения «клеветник», «контрреволюционер» и т. п.

Эти определения Троцкий заменил своими. Дескать, книга Истмена «лишена политической ценности», автор подходит к политической жизни в СССР без серьезного критерия, чисто психологически, произведение сооружено им на недостаточном фундаменте. Это были отговорки, которые члены Политбюро сочли недопустимыми. [\[952\]](#)

После долгих и трудных споров Сталин почти полностью добился своей цели.

В журнале «Большевик» была опубликована подборка материалов с предисловием «От редакции», написанным, скорее всего, генсеком.^[953] В нем саркастически говорилось о «богатой» политической литературе в стане врагов революции, которую породила дискуссия о троцкизме (так теперь трактовалось то, что еще совсем недавно скромно именовалось «литературной дискуссией!»). Далее следовали заявление Троцкого «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина»»^[954] и письмо Крупской «Издательству «Sunday Worker»».^[955] Заявление Троцкого, будучи лишь незначительно сдержаннее предисловия, представляло собой смесь фактов и вымыслов. Троцкий заявлял, что Ленин не писал завещания, пытался убедить, что последние письма Ленина содержали только «советы по организационным вопросам», которые Тринадцатый съезд воспринял с величайшим вниманием и сделал выводы в соответствии с существовавшим положением. В то же время автор давал понять, что его заявление носит вынужденный характер. Он, мол, не собирался ни читать «книжку» Истмена, ни реагировать на нее, но «ближайшие товарищи» сочли, что «мое молчание может оказать косвенную поддержку книжке, полностью направленной против нашей партии». И далее шли острые высказывания, неискренность которых можно было бы объяснить предыдущей ссылкой на мнение «ближайших товарищей». «Книжка его может сослужить службу только злейшим врагам коммунизма и революции, являясь, таким образом, по объективному своему смыслу, контрреволюционным орудием» — так завершалось это лицемерное заявление. Подобным было и письмо Крупской, объявлявшей книгу Истмена набором сплетен. Появление этих документов было триумфом Сталина, означавшим новое ослабление позиций Троцкого.

В следующие годы Троцкий неоднократно давал понять, что его заявление против книги М. Истмена не носило искреннего характера, хотя прямо никогда этого не произносил. Более того, Троцкий пытался оправдать свое тогдашнее поведение. Находясь в ссылке в Алма-Ате, в ноябре 1928 года он послал письмо некоему Николаю Ивановичу,^[956] который спрашивал об Истмене. Троцкий дал высокую оценку журналисту и утверждал, что всем поведением Истмен доказал свое политическое бескорыстие.

Тем временем Истмен, получивший полный текст «Письма к съезду» Ленина, передал его для публикации в газету «Нью-Йорк таймс», где оно появилось 18 октября 1926 года, что в очередной раз привело Сталина в ярость. Троцкий же теперь полностью оправдывал эту публикацию.

«Заявление Ленина не является государственной или партийной тайной. Опубликование его не есть преступление. Наоборот, преступлением является сокрытие его от партии и рабочего класса». Свое поведение в 1925 году Троцкий явно, но несостоятельно оправдывал. Тот факт, что он поддался сталинскому давлению, объяснялся неким решением «руководящей группы оппозиции». Другого пути, мол, тогда не было. [\[957\]](#)

Все это проникнутое самооправданием письмо может вызвать лишь горькую улыбку сожаления. Оно свидетельствует, насколько этот действительно выдающийся деятель оставался мелочным и попросту лживым, когда речь шла о его политическом реноме и интересах дела, которому он посвятил себя. Ведь в 1925 году не было никакой «руководящей группы оппозиции», которая могла бы принять какое-либо решение, не было и самой оппозиции, от имени которой выступал Троцкий, что же касается Истмена, то речь шла не о бросаемой на него «тени», а о прямом оскорблении. Все свои поступки в это время Троцкий совершал на основании собственного тактического расчета, который пытался в будущем оправдать неким фиктивным коллективным решением.

Нащупывание контактов

Почти сразу после Четырнадцатого съезда партии, на котором Каменев, Зиновьев и их сторонники потерпели поражение, Троцкий начал поиск контактов с ними. Он продолжал относиться к ним по-прежнему, считая их карьеристами, теоретически мало компетентными и слабыми в организационном отношении. Со своей стороны, бывшие сталинские соратники смотрели на Троцкого подозрительно и завистливо, считая, что он остается претендентом на высшую власть и в случае ее достижения не будет делить с ними добычу. Однако и Троцкий с небольшой группой близких деятелей, и Зиновьев с Каменевым сочли возможным пойти на контакт, вначале осторожный, затем более прочный для борьбы против сталинского диктата. Важным мотивом оставалось стремление вернуть себе высшую власть в качестве главных преемников Ленина.

В то же время после разрыва с Зиновьевым и Каменевым Сталин начал маневрировать, чтобы предотвратить возможный их блок с Троцким. В марте 1926 года Бухарин и Сталин встречались с ним, вели разговоры о возобновлении совместной работы. Троцкий заявил, что готов к сотрудничеству, но выражал недоумение по поводу предпринимаемых при

этом закулисных маневров.^[958]

Формально Троцкий продолжал работу на трех постах, куда был назначен после снятия с должности наркомвоенмора. Однако, учитывая их незначительность и энергию, сочетавшуюся с широкой осведомленностью Льва Давидовича, справлялся он с текущими вопросами легко, сосредоточив основное внимание на публицистической работе.

Его интересовали международные и внутренние проблемы, но в первую очередь вопросы, связанные с состоянием мировой экономики и политики, прочностью мирового капитализма, положением в европейских странах. Он опубликовал брошюру «Европа и Америка», куда поместил две речи, в которых развивал идею Соединенных Штатов Европы, теперь мотивируя ее недостижимым материальным перевесом США над европейскими странами, исключавшим для капиталистической Европы возможность хозяйственного подъема и возрождения. Американский капитализм революционизирует Европу, был убежден Троцкий. Выход из тупика он видел только в пролетарской революции и устранении таможенных перегородок, в создании социалистических Соединенных Штатов Европы, которые вступили бы в федеративное объединение с СССР.^[959]

Чуть ли не восторженно звучали оценки современного американского капитализма, что ранее не было свойственно Троцкому. Он предрекал мощный хозяйственный расцвет Америки, основанный на развитии серийного производства. «К числу этих стандартизированных предметов потребления относятся между прочим детская коляска и гроб. Так что американцы рождаются в стандарте и умирают в стандарте. Я не знаю, удобнее ли это, но это дешевле на 40 %», а европейские страны в смысле займов «стоят в очереди у окошка дяди Сэма».^[960] В условиях, когда официальная пропаганда наращивала усилия по обещанию социализма в одной стране, эти печатные выступления выглядели подозрительно на фоне прошлых критических выступлений Троцкого.

В самом же Политбюро, членами которого оставались Троцкий и Зиновьев, изменения в их взаимоотношениях вначале могли быть видны разве что под микроскопом. Если раньше Зиновьев и Каменев нападали на Троцкого с остервенением, достойным лучшего применения, и получали столь же нелюбезные ответные колкости, то теперь нападки смягчились, а затем прекратились. Между ними происходили неофициальные встречи с выяснением позиций без взятия обязательств. Результатом становились публичные заявления, но и они были облечены в

эзопову форму. Уловить их смысл могли только весьма искусственные деятели.

Вначале возможности для сближения с теми, кого называли «новой оппозицией», стали ощущаться в сходной аргументации на заседаниях Политбюро. Почувствовав, что Зиновьев и Каменев постепенно приближаются к его позиции о необходимости форсированного промышленного развития СССР, Троцкий стал еще активнее настаивать на индустриализации.

Он использовал для этого все заседания, где рассматривались хозяйственные вопросы. 11 января 1926 года, то есть через полторы недели после окончания Четырнадцатого съезда, Троцкий заявил, что червонец, то есть твердая валюта, нужен не сам по себе, а как инструмент социалистического строительства, что именно промышленность должна играть ведущую роль в народном хозяйстве, тогда как Бухарин и стоявший за его спиной Сталин продолжали настаивать на первоочередном внимании к сельскому хозяйству, а Каменев и Зиновьев сочувственно прислушивались к словам Троцкого. «Выход из кризиса, — говорил он, буквально вдалбливая одну и ту же терминологию в сознание участников, — в энергичном форсировании экспорта, в переработке импортных планов под углом зрения индустриализации, в уплотнении бюджета под углом зрения индустриализации и в ясной и отчетливой директиве всем плановым и хозяйственным органам, что разрешение кризиса и предупреждение его... в лозунге «тверже шаг в сторону индустриализации»». ^[961] Термин «индустриализация» был повторен три раза подряд.

Острая перепалка возникла на заседании 18 марта. Именно здесь наметились первые шаги к сближению с бывшими лидерами «новой оппозиции». Обсуждался вопрос о председателе Ленинградского совета, то есть о снятии Зиновьева с этого поста. Вначале Троцкий выступил со спокойной речью, в которой обращал внимание на то, что пресловутая резолюция Десятого партсъезда о единстве партии была документом лишь того момента, что сам Ленин не придавал ей серьезного значения, когда считал это политически целесообразным.

Понизив, таким образом, накал страстей в отношении «фракционной работы» Зиновьева в Ленинграде, Троцкий сменил тональность. Он подверг критике «аппаратный режим» в Ленинграде, то есть режим Зиновьева, но не как стиль работы руководителя оппозиции, а как проявление общепартийного режима. При показном стремлении Троцкого подняться над схваткой в качестве судьи и московской верхушки, и ее ленинградского

отражения, это было выступление в пользу Зиновьева, а следовательно, и Каменева, ибо оратор выражал уверенность, что снятием бывшего сталинского соратника и ленинградского босса с руководящего поста в Северной столице коренные проблемы партии не будут решены.

В результате возникла перебранка, которую начал Молотов, а затем поддержал Сталин. Молотов заявил, что у него серьезные сомнения в откровенности Троцкого, в том, что он чистосердечно высказывает свои взгляды. «Нигде по поводу XIV съезда тов. Троцкий не говорил. Между тем никто ему не запрещал защищать решения XIV съезда». Троцкий пытался опровергнуть это как демагогию, но сталинский клевет, постепенно набиравший вес, настаивал на своей правоте.^[962]

Понимая, что не сильный в аргументации, не обладавший красноречием, да еще и заикавшийся Молотов не выдержит полемики с Троцким, в атаку включился генсек. «Кто первый выдвинул у нас вопрос о перерождении вождей нашей партии? Тов. Троцкий. Кто об этом заговорил первый? Тов. Троцкий», — с пафосом напоминал Сталин, сопоставляя теперь Троцкого с Зиновьевым и Каменевым и фактически выступая в роли свахи, толкая их если не на брак, то во всяком случае на внебрачное сожительство, на блок по взаимной выгоде.

Между Троцким и генсеком развязалась жесткая перепалка, в которой Сталин, по сути дела, повторял слова Молотова (скорее всего, именно он и подсказал их ему) по поводу неясности отношения Троцкого к решениям Четырнадцатого съезда. «Вы прочитайте, т. Сталин, что я на деле писал, вы так много исказили меня, что сами уже поверили этому», — бросил Троцкий в ответ распялявшемуся Сталину.

Взаимное прощупывание продолжалось на пленуме ЦК 6–9 апреля того же 1926 года. Готовясь к пленуму, а затем во время него Троцкий набрасывал тезисы для выступления, которое вновь было посвящено индустриализации. Со свойственным ему ироническим оттенком, но в целом позитивно он отмечал изменения в позиции Каменева: «Тов. Каменев считает, что поворот на индустриализацию закончен с момента поворота самого тов. Каменева. Я и по отношению к прошлому не вижу полного совпадения этих двух процессов... Тов. Каменев имел в своем распоряжении почти два года для того, чтобы прийти к выводу о необходимости более решительного курса в сторону индустриализации».^[963]

Троцкий внес ряд поправок к проекту резолюции, предложенной председателем Совнаркома Рыковым о хозяйственном положении СССР.

[964] Они состояли в необходимости преодолеть диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством, отставание госпромышленности. С оговорками Троцкий высказался и за поправки, внесенные Каменевым. [965]

Возможно, их осторожное сближение происходило бы довольно долго, но международные события резко ускорили этот процесс. Предметом острых разногласий стало отношение к событиям в Великобритании, а затем к крутым поворотам Китайской революции. После этого разногласия оппозиционных деятелей с официальным руководством открыто распространились на внутрипартийные, хозяйственные и прочие дела, приобретая признаки непримиримой борьбы.

На стадии формирования оппозиции к ней примкнула существовавшая в 1919–1921 годах и долго не дававшая о себе знать группа демократического централизма во главе с Т. В. Сапроновым и В. М. Смирновым. «Децисты» выступали против бюрократических методов управления, требовали ослабления режима коммунистической диктатуры. В последнем они существенно расходились с линией Троцкого, потому их участие в объединенной оппозиции оказалось непрочным. Уже в октябре 1926 года В. М. Смирнов заявил о прекращении связей с оппозицией, так как она не разделяет его мнения о необходимости создания в СССР второй партии, а летом 1927 года «децисты» выступили с платформой тринадцати, критиковавшей «примиренческие» установки Троцкого, в результате чего произошел разрыв. «Децисты» продолжали самостоятельную критику, заявляли о мелкобуржуазном перерождении ВКП(б) и необходимости создания новой пролетарской партии. Полемизируя с их лидерами, Троцкий утверждал, что они забегают вперед, игнорируя расстановку классовых сил в СССР.

Первые совместные выступления

Важным толчком к формированию объединенной оппозиции стала массовая забастовка в Великобритании, начавшаяся 4 мая 1926 года. Эту забастовку, явившуюся актом солидарности с бастовавшими углекопами, принято было называть тогда всеобщей, но до всеобщего уровня она не поднялась, хотя по своим масштабам была невиданной. В то же время, проявляя законопослушание, лидеры тред-юнионов объявили стачку прекращенной, как только соответствующие инстанции признали ее

незаконной. Горняки продолжали бастовать, но, потеряв массовую поддержку, были обречены на поражение.

Каждая из сторон вновь назревавшего внутривнутрипартийного конфликта в ВКП(б) (партия была переименована из Российской во Всесоюзную на Четырнадцатом съезде) пыталась повернуть итоги английской стачки в свою пользу. Но объективно они были на руку оппозиционерам, давая возможность критиковать «правые ошибки» и тезис о «стабилизации капитализма» большинства ЦК.^[966]

Главным предметом противостояния стал так называемый Англо-русский профсоюзный комитет (АРК), образованный в 1925 году ВЦСПС и Британским конгрессом тред-юнионов с целью сотрудничества профсоюзов обеих стран. Согласие советских властей на его создание было связано с проведением нэпа, курсом на единый рабочий фронт Коминтерна и вытекало из сосредоточения внимания на «построении социализма в одной стране». Комитет был распущен в сентябре 1927 года в результате ухудшения англо-советских отношений после «письма Зиновьева» английским коммунистам с требованиями подготовки революции (письмо оказалось фальшивкой) и разрыва дипломатических отношений между обеими странами.

Пока же существование АРК было фактом, вызвавшим ожесточенные споры. И Троцкий, и Зиновьев с Каменевым относились к этому органу подозрительно. Они рассматривали сотрудничество с тред-юнионами как непростительную уступку реформизму, на которую партийное руководство пошло под влиянием «правых», в частности председателя ВЦСПС М. П. Томского, вопреки позиции председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева. Троцкий считал АРК мертворожденным органом, особенно в свете своей «перманентной революции», которая должна была продолжиться, скорее всего, именно в Великобритании.

В апреле — первой половине мая 1926 года Троцкий инкогнито находился на лечении в Германии в связи с плохим состоянием здоровья, выразившимся в часто повышавшейся температуре, слабости и других недомоганиях. Особенно беспокоило Троцкого, что порой у него возникали даже трудности в изложении мыслей на бумаге.

Организация поездки сопровождалась необычной бюрократической возней. Московские врачи не могли поставить диагноз и настаивали на заграничном обследовании. Текущие дела заставляли откладывать поездку. В конце концов Троцкий поставил этот вопрос перед Политбюро. Вопреки обычной практике, когда такие дела решались однозначно положительно, на сей раз принято было уклончивое решение — поездку сочли опасной,

тем более что ОГПУ также возражало против отъезда. Но окончательное решение предоставлялось самому Троцкому. Резолюция была отправлена в «особую папку»,^[967] что было связано со стремлением продемонстрировать Троцкому «заботу» о соблюдении инкогнито для предотвращения покушения. Одновременно ему тыкали в нос тем, что он в большей степени персона нон грата для Запада, нежели другие советские лидеры, заботящиеся о построении социализма в одной стране. Сталину явно не хотелось выпускать Троцкого за границу. Он опасался его контактов с деятелями компартий, создания некой интернациональной группы сторонников опального вождя, хотя и не предполагал, что Троцкий может оказаться невозвращенцем.^[968]

После недолгих колебаний Троцкий решил ехать в Берлин. С ним отправились жена, секретарь Сермукс и уполномоченный ОГПУ. Путешествовал Троцкий по дипломатическому паспорту на имя члена коллегии Наркомпроса Украины Кузьменко. «Зиновьев и Каменев прощались со мной почти трогательно: им очень не хотелось оставаться со Сталиным с глаз на глаз», — вспоминал Троцкий с иронией.^[969]

Берлинские профессора не смогли обнаружить причин плохого самочувствия. Была сделана операция по удалению из гортани миндалевидных желез. Эта легкая операция прошла, однако, с осложнениями и большой потерей крови, не дав ожидаемого результата. Правда, назначенные процедуры несколько улучшили состояние Льва Давидовича. Сократились приступы с повышением температуры, приведшие Троцкого в Берлин. Он смог возобновить активную деятельность и свою полную драматических коллизий борьбу.

Вместе с женой Троцкий наблюдал празднование Первого мая 1926 года в германской столице и даже затесался в марширующее шествие. Он, разумеется, оставался только наблюдателем, не заметившим ничего особенного в традиционном шествии. Ощувив «полную гамму немецкой республиканской политики»,^[970] он не почувствовал назревавшую поляризацию сил — укрепление Национал-социалистической рабочей партии Гитлера. Хотя национал-социалисты наращивали силы после недолгого запрета их партии в результате опереточного «пивного путча» 1923 года, Троцкий даже не упомянул эту партию, описывая берлинские впечатления.

За несколько дней до возвращения в Москву завершилась британская забастовка солидарности с горняками.

В «Правде» 25–26 мая 1926 года вышла статья Троцкого «Вопросы

английского рабочего движения (Изо дня в день)».

Внешне она содержала нападки на британский оппортунизм, но за этой канвой просматривалось осуждение курса руководства ВКП(б) на сотрудничество с названными реформистами как «аппаратом торможения».

Вслед за этим Троцкий потребовал немедленного обсуждения этого вопроса в Политбюро. Он писал 2 июня 1926 года: «Политика недомолвок и дипломатической двусмысленности находит теперь свое естественное продолжение в стремлении сохранить видимость того, что развалилось», и требовал принять решение, которое соответствовало бы его установкам борьбы против оппортунизма.^[971]

На этот раз сталинская группа пошла ему навстречу удивительно быстро. Вопрос об уроках английской забастовки был поставлен на Политбюро уже следующим днем, 3 июня. Это заседание было знаменательным. На нем впервые, скорее всего предварительно договорившись, Троцкий, Зиновьев и Каменев выступили полностью солидарно. Прения начал Троцкий с заявления, что вопрос об английской стачке в полном объеме не обсуждался, хотя появилось «нагромождение», по его словам, документов.^[972] Следом долгой речью разразился Зиновьев, выдвинувший требование порвать с тред-юнионами.^[973] Возникшую тенденцию уловили сталинисты. «Это вопрос, на котором пытаются политически совсем сблизиться тов. Троцкий и Зиновьев», — заявил Молотов, посчитавший публикацию статьи Троцкого в «Правде» ошибкой, ибо это было выступление против ЦК.^[974] В новой речи Троцкий попытался опровергнуть факт формирования объединенной оппозиции, который становился все более очевидным. Внешне его ядовитые реплики были направлены против Молотова. У него, говорил Троцкий, есть специальность, в которой он более силен, чем в английских делах, — поиски платформ, что обнаруживает «противоречие между аппаратным могуществом и идейной скудостью».^[975] Это, разумеется, была атака не столько на Молотова, сколько на генсека.

Основную часть речи Троцкий посвятил итогам английской стачки, положению британских тред-юнионов и целесообразности сохранения АРК. Этот последний вопрос был главным. Лев Давидович обвинял партийное руководство в тех качествах, которые, по общему признанию большевистских руководителей, были свойственны тред-юнионам, — реформизме, соглашательстве с предпринимателями, то есть в полной крамоле.^[976]

Выступившие затем Каменев и Зиновьев поддержали Троцкого.

Впрочем, последний не удержался: когда Каменев упомянул о коллективном руководстве, он бросил реплику, вспомнив, что таковым именовали групповое правление «тройки» и «семерки»: «Коллективное руководство — это и есть, когда все мешают одному или все на одного нападают».^[977] Троцкий солидаризовался с тезисами Зиновьева, формально остававшегося еще председателем Исполкома Коминтерна.^[978]

Именно обсуждение «английского вопроса» на Политбюро побудило Троцкого подготовить заявление по вопросам международного коммунистического движения, которое 28 июня он направил в делегацию ВКП(б) при Коминтерне.^[979] Судя по контексту, это уже был документ не личный и не группы его последователей, а тех, кого вскоре стали именовать «объединенной оппозицией», включавшей как подписантов прежнего «Заявления 47-ми», так и немногочисленных сторонников Зиновьева и Каменева, и, наконец, возродившуюся на непродолжительное время группу децистов. Представляя заявление, Троцкий брал на себя роль руководителя коммунистической оппозиции не только в СССР, но и в международном масштабе.

Предыдущие предупреждения о бюрократизме как «источнике оппортунизма», адресованные высшим партийным органам СССР, теперь были распространены на режим в Коминтерне. Троцкий отмечал любопытную особенность резолюций руководящих органов компартий — «готовность принимать радикальные решения за чужой счет», то есть осуждать «правые уклоны» в других странах при пассивности «перед буржуазным общественным мнением собственной страны». Он утверждал, что источником такого курса является аппаратно-бюрократический режим в руководящей партии Коминтерна.

Это был первый документ, в котором Троцкий подверг прямой критике теорию социализма в одной стране. Теория эта рассматривалась как прикрытие внутренних противоречий в стране и партии, питающее фаталистический оптимизм, за которым «укрывается бюрократическое безразличие к судьбам социализма и международной революции».

Появившееся на свет 11 июля 1926 года совместное заявление Зиновьева и Троцкого на имя Политбюро завершило создание объединенной оппозиции.^[980] Поставив подписи под единым документом, они зафиксировали открытое противопоставление себя партбюрократии. Заявление касалось лицемерной позиции редактора «Правды» Бухарина, который, утверждая, что ЦК не желает дискуссии, на самом деле изложил в газете, причем в искаженном виде, прения на заседании Политбюро по

вопросу об Англо-русском комитете, тем самым способствуя началу дискуссии. Зиновьев и Троцкий рассматривали действия Бухарина как провокацию, на которую идти не желали, призывая решать вопросы «нормальным путем», не дергая партию.

Итак, к лету 1926 года существование объединенной оппозиции стало фактом, а Троцкий формально на паритетных началах с Зиновьевым, а фактически единолично стал ее лидером.

Глава 5

ВЫРАБОТКА ЕДИНОГО АНТИСТАЛИНИСТСКОГО КУРСА

Июльский пленум и «дело Лашевича»

Со второй половины июня — начала июля 1926 года почти на всех заседаниях Политбюро Троцкий, теперь, как правило, при поддержке Зиновьева и Каменева, выступал с обоснованием оппозиционного курса. За частными расхождениями скрывались принципиальные разногласия. Заключались они прежде всего в следующем.

Сталинцы, ссылаясь на политическую неграмотность 60–70 процентов рядовых коммунистов, стремились сохранить незыблемой диктатуру властных партийных органов во главе с ЦК. В их представлении речь шла о власти небольшой олигархической группы, имевшей свои ответвления на местах в лице руководителей губкомов и окружкомов. Именно на эту группировку опирался Сталин в стремлении к личной власти. Оппозиционеры выступали за участие во власти всей партии, правда, при условии контроля со стороны «верхов». Для аппаратчиков это было неприемлемо, они боролись против оппозиции привычными методами: искажая высказывания, обвиняя в отходе от большевизма, наклеивая компрометирующие ярлыки, квалифицируя оппозицию как социал-демократический уклон от большевизма. Это было весьма дискредитирующее определение, учитывая отношение Ленина к социал-демократии.

В то же время факт возникновения более или менее значительной объединенной оппозиции усиливавшемуся сталинскому единовластию был до поры до времени как бы прикрыт завесой секретности, ибо споры происходили негласно, и сами оппозиционеры, и Троцкий прежде всего предваряли свои заявления в Политбюро и даже в ЦК надписью

«Совершенно секретно».

Споры вышли на поверхность на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 14–23 июля 1926 года. Здесь в числе других обсуждался вопрос о «продолжавшейся фракционной антипартийной деятельности оппозиции» в связи с так называемым «делом Лашевича».

Сталин и его группа явно провоцировали на открытое выступление, надеясь использовать пленум для решающего удара. Троцкий и его единомышленники приняли вызов. Тринадцать деятелей, в том числе Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская (она ненадолго примкнула к оппозиции), Муралов, Пятаков, обратились к членам ЦК и ЦКК с заявлением,^[981] подвергавшим критике бюрократизм аппарата, который «чудовищно вырос в период после смерти Ленина и продолжает расти».

Этот документ был первым наброском оппозиционной платформы, ибо в нем выдвигались требования, которые будут затем фигурировать в новых документах. В их числе были предложения приступить к повышению заработной платы рабочих за счет сокращения бюрократии, ускорить развитие промышленности, усилить налоговый нажим на капиталистические элементы, активнее поддерживать международное революционное движение. Против Сталина и его группы выдвигалось обвинение во фракционности и приводились доказательства этого. Выдвигалось «предложение» восстановить в партии демократический режим, который позволил бы решать спорные вопросы в соответствии с его традициями.

Нечего и говорить, этот самый «партийный демократизм» был в заявлении невероятно идеализирован. Но тот факт, что на заре большевистской власти грубейшее, а порой кровавое подавление воли низов, диктатура партии сочетались с элементами того, что именовалось «демократическим централизмом» в самой компартии, что голоса ее членов выслушивались, и до 1921 года существование оппозиций рассматривалось как законное явление, был безусловен. Правда, конец такому положению положил на Десятом съезде сам Ленин при полном согласии других партийных деятелей. Так что ссылки на ленинский авторитет звучали явно неискренне.

К основному тексту было дописано «Дополнительное заявление» в связи с тем, что «дело Лашевича», внесенное в порядок дня, было превращено решением ЦКК от 20 июля в «дело Зиновьева». Оппозиционеры видели в этом реализацию давнего плана — «отсечь ряд работников, принимавших участие в руководящей работе при Ленине, и заменить их новыми элементами, которые могли бы составить надлежащую

опору для руководящей роли т. Сталина».

Ближайший удар решено было теперь нанести по Зиновьеву. Причины такого поворота в заявлении не обсуждались, но было ясно, что Сталин видел в Зиновьеве более слабого и робкого противника, нежели Троцкий, и стремился его изолировать, сохраняя пока в высшей иерархии.

В чем же состояло это «дело Лашевича», которому было уделено столь большое внимание? Как оказалось, группа лиц, принадлежавших к оппозиции, во главе с кандидатом в члены ЦК М. М. Лашевичем — в то время первым заместителем наркомвоенмора, то есть Ворошилова, — устроила в лесу «нелегальное собрание», на котором критически обсуждалась деятельность руководства. Скорее всего, это была просто лесная прогулка группы критически мыслящих единомышленников, во время которой шли нелюбезные разговоры о Сталине и близких к нему деятелях. Во всяком случае, никаких «нелегальных акций» в полном смысле слова Лашевич и другие участники «лесного собрания» не замыслили. Тем не менее установление факта агентурным путем (кто именно донес, так и осталось за семью печатями) было козырем сталинской группы в борьбе против оппозиции. Стремясь выгородить Зиновьева, имя которого сталинисты напрямую теперь связывали с пресловутым «собранием в лесу», авторы заявления ни словом не защищали Лашевича и других лиц, организовавших нелегальную сходку.

На пленуме была предпринята еще одна попытка противопоставить Сталина покойному вождю. Каменев при поддержке Троцкого и Зиновьева огласил содержание записки Ленина Сталину от 5 марта 1923 года, в которой речь шла об оскорблении Сталиным Н. К. Крупской и содержалась угроза разрыва личных отношений. Но большинство пленума встало на защиту Сталина. Это позволило ему сделать ответный ход. Против Троцкого было использовано его письмо Чхеидзе с весьма нелюбезными характеристиками Ленина.^[982]

Июльский пленум ЦК постановил снять Зиновьева с поста члена Политбюро ЦК, а Лашевича исключить из состава кандидатов в члены ЦК. Кандидатами в члены Политбюро стали несколько «молодых товарищей», в том числе Л. М. Каганович и А. И. Микоян, проявившие себя верными приспешниками Сталина.

По всем вопросам, таким образом, пленум поддержал генсека. Это продемонстрировало лидерам оппозиции, прежде всего Троцкому, что в рамках действовавших устава, других документов и особенно резолюции «О единстве партии» без обращения к партийным низам добиться позитивного для себя результата они не смогут. Однако на путь

нелегальной или хотя бы внепартийной деятельности Троцкий становиться не желал. Он надеялся еще повернуть за собой партийные кадры, которым сам доверял все менее и менее, хотя не признавал, что его надежды становятся эфемерными. Так зарождался порочный круг, в котором оказывался лидер оппозиции.

На пути к оппозиционной платформе

Единственным существенным достижением Троцкого, которое можно рассматривать как результат его активности на июльском пленуме 1926 года, был тот факт, что разногласия в высшем руководстве вышли за пределы этой инстанции, всколыхнули не только среднее звено и рядовых членов правившей партии, но и другие слои общества, особенно те, которые негативно относились к коммунистической диктатуре и видели в Троцком возмутителя спокойствия, чья деятельность может ослабить политическую монополию.

Состояние здоровья Троцкого, крайнее напряжение нервной системы требовали ежегодного курортного лечения, которое во второй половине августа — сентябре 1926 года, как и в предыдущие годы, он проходил на Кавказских Минеральных Водах, в Кисловодске, где с первых лет после Гражданской войны исправно работал правительственный санаторий.

Но и августовско-сентябрьский отдых Троцкий использовал для уточнения своих позиций, закрепления союза с зиновьевцами и распространения новых оппозиционных документов.

Совместно с Зиновьевым было написано обращение в ЦК,^[983] в котором констатировалось возникновение серьезного партийного кризиса, имевшего подоплеку в «нынешнем партийном режиме». Этот режим «наглухо закрывает партии возможность оказать необходимое воздействие на свое собственное руководство. Партия лишена какого бы то ни было влияния на собственный аппарат». Были, наконец, поставлены все точки над *i*, главный противник назван по имени — взамен безличного генсека появился, наконец, злоупотреблявший властью Сталин. Троцкий и Зиновьев предупреждали ЦК, что речь идет не только о разгроме оппозиции и устранении ее из партийных органов, а «о создании режима, который исключал бы возможность оппозиции по отношению к Сталину».

Находясь в Кисловодске, Троцкий общался с отдохавшими на Кавминводах людьми, расширяя связи, выступал в санаториях с краткими речами, где почти не касался разногласий. Видимо, партбоссами было

спровоцировано грубоватое анонимное письмо, полученное Троцким в конце августа: «Лев Давидович! Не находите ли вы не совсем тактичным ваше «хождение по массам» (по санаториям) в связи с последними событиями в Цека? Кажется, другие члены П[олит]бюро этого не делают!» Письмо имело характерную подпись: «Член КПБУ п[арт]б[илет] 294 557 и другие». [\[984\]](#)

Отпускной период Троцкий использовал для подготовки ряда статей, тезисов, записок для памяти, касавшихся главным образом экономического развития СССР. В его работах вновь и вновь речь шла об индустриализации, причем, как он подчеркивал, не о некоей сверхиндустриализации, в стремлении к каковой его обвиняли Сталин и Бухарин, а о необходимости осуществить жизненно насущные задачи преодоления разрыва между сельским хозяйством и промышленностью. В статье «Развитие промышленности и народного хозяйства в целом» [\[985\]](#) были сделаны наброски перспективного планирования народного хозяйства в расчете на пять лет, которое вскоре станет известно в качестве первой советской пятилетки, причем инициатива Троцкого при этом будет тщательно скрыта партийными пропагандистами.

Троцкий приходил к выводу, что правительственные расчеты означают мизерную программу развития экономики. Для него становилось очевидным, что «необходимо перестать отделяться от вопросов промышленности общими фразами, а подойти к делу с конкретными расчетами», понять, что темп развития промышленности недостаточен, что необходимо начать перераспределение накоплений, чтобы смягчить диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством. «Необходимо прекратить легкомысленную болтовню о сверхиндустриализаторстве, перевести резолюцию XIV партсъезда на язык цифр и точных директив и приступить к ее выполнению в полном объеме».

Внутренняя борьба в высших органах, поначалу охватывавшая только ограниченный круг вопросов, постепенно разгоралась и распространялась на все новые области. Эта борьба стремительно взвилась после «отпускного периода», когда и Троцкий, и ряд сторонников Сталина, поднакопив силы, возвратились в Москву для продолжения схваток. Взлет, однако, на этот раз был очень недолгим и завершился очередным поражением Троцкого.

Третьего октября Зиновьев, Пятаков и Троцкий направили в Политбюро протест против распространения партруководством сплетен о линии деятелей оппозиции. Авторы подчеркивали, что только открытая

дискуссия и скорейшее проведение съезда способны вывести партию из перманентного кризиса.^[986] На следующий день последовало еще одно заявление с предложением найти «мирный выход» из создавшегося положения.^[987] Ничего принципиально нового в этом документе не было. Он был направлен в различные партийные органы, чтобы как можно шире осветить деятельность оппозиции. Инициатором всей этой повышенной активности явно был Троцкий.

Пятого октября оппозиционеры потребовали немедленного созыва Политбюро «для обсуждения практических мер, которые должны иметь своей целью ограждение партии от потрясений и революции от опасностей».^[988] В ответ Бухарин и Томский, за спиной которых стоял Сталин, распространили документ с жесткими обвинениями по адресу «партийных баронов», которые «разыгрывают на спине партии свои фантазии».^[989]

Именно на этом фоне борзописец Демьян Бедный, послушно выполнявший любые «идеологические задания» Сталина, донес до всей читающей публики, а отнюдь не только до «партийного актива», как поступали ранее, факт серьезнейших разногласий в верхах, опубликовав в «Правде» стишата, причем под заголовком, который ничего хорошего оппозиционерам не предвещал, — «Всему бывает конец»:

Что ж это в Москве без меня творится?
Троцкий, закусив удила,
Такие отмачивает дела!
Какого нам всаживает клина!
А я думал — у нас в партии... дисциплина!..
Троцкий гарцует на старом коньке,
Блистая измятым оперением.
Скачет этаким красноперым Мюратом
Со всем своим аппаратом.^[990]

Так с его подачи стали распространяться версии о «бонапартизме» Троцкого, о том, что если он пока не готовит государственный переворот, то при благоприятных условиях от такового не откажется.

Попытки смягчить разногласия и их неудача

Восьмого и одиннадцатого октября на Политбюро рассматривался вопрос о внутривнутрипартийном положении. Каменев предложил компромиссную резолюцию, но она была отвергнута. Оппозиционеры вынуждены были вновь занять оборонительную позицию. 13 октября они выступили с заявлением, в котором, сделав ряд оговорок, признали, что допустили нарушения партийной дисциплины и отказываются от фракционных методов.^[991]

Через несколько дней пленум ЦК исключил Троцкого из состава Политбюро. Зиновьев был снят с поста председателя ИККИ (из Политбюро он был выведен в июле), а Каменев исключен из кандидатов в члены Политбюро и снят с поста директора Института Ленина. Одновременно Троцкий был устранен с поста председателя Научно-технического комитета.

Было ясно, что речь идет только о временном отступлении оппозиционных лидеров. Оно будет использовано для собирания сил, перестройки авангардных рядов, поисков новой аргументации с целью свести к минимуму отступничество, привлечь новых сторонников из числа членов партии, которые по разного рода причинам не были удовлетворены курсом «правых», каковыми Троцкий считал Бухарина, Рыкова и Томского, и «центристов», то есть Сталина с его ближайшим окружением.

Важным средством активизации сторонников, привлечения новых приверженцев, широкого освещения своих взглядов Троцкий считал партийную дискуссию. В ходе ее он надеялся рассеять клеветнические оценки его позиции, которые распространяли бухаринцы и сталинисты (они еще были почти едины и только самые тонкие наблюдатели, в том числе Лев Давидович, замечали нюансы в их позициях), разъяснить, к чему он стремился в действительности. Дискуссия позволила бы перевести пропаганду взглядов в легальное русло, в какой-то мере восстановила бы паритет позиций.

Именно этому вопросу Троцкий посвятил ряд статей, тезисов, заявлений, написанных в октябре — декабре 1926 года, во время подготовки к XV партконференции (она состоялась 26 октября — 3 ноября 1926 года), и непосредственно после нее.

В работе «Нужна ли дискуссия?»^[992] Троцкий настаивал на ее проведении немедленно, уже накануне конференции. Он предлагал обсудить вопросы о падении реальной зарплаты рабочих, товарном голоде, отставании промышленности и т. д. Тот, кто заявляет, что дискуссия вредна и опасна, по сути дела уже ведет дискуссию, утверждал Троцкий, но она

носит односторонний характер, не встречая отповеди. Все эти пламенные речи, однако, никакого впечатления не производили на партийный аппарат. Дискуссия так и не была проведена.

Для Сталина и его сторонников конференция имела огромное значение, приравнивалась ими к съезду, поскольку они ставили цель закрепить на ней свою победу над объединенной оппозицией, прежде всего над Троцким. Хотя обсуждались разнообразные вопросы (о международном положении докладывал Бухарин, о хозяйственном состоянии страны и задачах партии — Рыков, о задачах профсоюзов — Томский), в центре внимания стоял главный вопрос — доклад Сталина об оппозиции и внутрипартийном положении.

Докладчик объявил, что летом 1926 года был образован троцкистско-зиновьевский антипартийный блок (именно так — «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» — назывались его тезисы к конференции^[993]), лидеры которого пытались ревизовать учение Ленина, решения XIV съезда о построении социализма в СССР. Сталин объявил установки оппозиции социал-демократическим уклоном в партии.^[994] Конференция признала вредными предложения лидеров троцкистско-зиновьевского блока о проведении индустриализации за счет высоких налогов с крестьян и повышения цен на промышленные товары. Извращая взгляды Троцкого, Сталин утверждал, что это неизбежно привело бы к подрыву сельского хозяйства, падению темпов индустриализации. Троцкому становилось ясно, что цель Сталина состоит в закреплении собственной власти путем полного оттеснения оппозиционеров от властных рычагов, утверждения курса на построение социализма в одной стране как бесспорной альтернативы «перманентной революции», что лишало лидера оппозиции ореола марксистского теоретика.

Над политическими борцами нависала все бльшая опасность. Уже в 1926 году Каменев и Зиновьев, хорошо знавшие повадки генсека, предостерегали Троцкого. «Вы думаете, Сталин сейчас размышляет над тем, как возразить вам? — говорил, примерно, Каменев по поводу моей критики политики Сталина — Бухарина — Молотова в Китае, в Англии и др., — вспоминал Троцкий через много лет. — Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить». В ответ на вопрос, что он имеет в виду, Каменев добавлял: «Морально, а если возможно, то и физически. Оклеветать, подкинуть военный заговор, а затем, когда почва будет подготовлена, подстроить террористический акт. Сталин ведет войну в другой плоскости, чем вы. Ваше оружие против него недействительно» (в тексте

«недействительно»).

[995] Зиновьев с Каменевым, правда, удобно для себя «забывали», что еще два года назад они побуждали Сталина к принятию максимально репрессивных мер против Троцкого, на которые тогда генсек пойти не решился.

По мере обострения ситуации все больше обнажались уязвимые черты Троцкого как члена коммунистической властной номенклатуры, вышибленного (или вышибаемого) из таковой, на фоне тех, кто одерживал над ним все более ощутимые победы. В политической борьбе на стороне Сталина было решающее преимущество по сравнению с Троцким: последний верил в искренность своих догм и фанатично боролся за их осуществление. Он, правда, готов был идти на компромиссы, допускал отступления, но только до определенного предела. Сталина же теоретическая догматика не волновала, будучи лишь инструментом в борьбе за личную власть.

Сами понятия «троцкизм», «троцкисты», возникшие в ходе кампании против Троцкого в 1924 году и превратившиеся в устах Сталина и его сторонников в обвинительную дефиницию, в ярлык, являвшийся вначале угрозой изгнания из партии, а позже «черной меткой», грозившей гибелью тем, к кому этот ярлык был бы прикреплен, вплоть до нашего времени повторяются как сторонниками, так и противниками Троцкого. Эти понятия, однако, ни тогда, ни впоследствии не были содержательными. Взгляды самого Троцкого менялись в быстро эволюционировавших условиях, но во всех случаях находились в одном русле с догматикой марксизма. Состав оппозиции был гетерогенным, мотивы поддержки лидера различными (уверенность в его правоте, отсутствие убедительной альтернативной позиции, тактические соображения, личная преданность, давняя связь, до определенной поры карьеристские надежды и пр.). Троцкий был прав, говоря на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) 1926 года: «Призрак троцкизма нужен для поддержания аппаратного режима».

[996] Все эти обстоятельства привели к тому, что попытки Троцкого хотя бы несколько смягчить накал борьбы, пойти на уступки партийной машине были обречены на неудачу. Сам Троцкий скоро это осознал и возобновил борьбу в еще более острой форме.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК 23–26 октября 1926 года разыгралась драматическая сцена. Активно жестикулируя, почти показывая на Сталина пальцем, Троцкий во всеуслышание заявил: «Генеральный секретарь выставляет свою кандидатуру на пост могильщика революции». Сталин побледнел, потом покраснел, поднялся и покинул зал заседания,

хлопнув дверью. В этот же вечер домой к Троцкому прибежал Г. Л. Пятаков в состоянии отчаяния. Н. И. Седова вспоминала: «Он налил стакан воды, выпил ее залпом и сказал: «Вы знаете, мне приходилось нюхать порох, но я никогда не видел ничего подобного! Произошло худшее, что только могло произойти! Почему, почему Лев Давидович сказал это? Сталин никогда не простит ему [и его потомкам] до третьего и четвертого поколений!» Пятаков был настолько расстроен, что не мог ясно передать, что же произошло. Когда Лев Давидович наконец вошел в столовую, Пятаков ринулся к нему, вопрошая: «Но почему, почему вы сказали это?» Взмахом руки Лев Давидович отбросил вопрос. Он был опустошен, но спокоен».^[997]

Троцкий сосредоточил внимание на самой болезненной для Сталина и его ближайших приверженцев (по крайней мере в этой области) Бухарина и Рыкова проблеме — теории социализма в одной стране, возведенной в непререкаемый курс только что состоявшейся партконференцией. Датой 12 декабря 1926 года была обозначена статья-заявление Троцкого, посвященная этой теории.^[998] Над текстом ее Троцкий, обычно писавший очень быстро, работал еще с сентября.^[999] Опубликовать статью не удалось, и она распространялась неофициально. В ней Троцкий сразу брал быка за рога, пытаясь обосновать причины появления названной теории, ее авторство и значение борьбы против нее на базе концепции перманентной революции. «Вопрос о возможности построения социализма в отдельной стране, — писал Троцкий, — выросший из замедления развития европейской революции, стал одним из главных критериев внутренней идейной борьбы в ВКП. Вопрос ставится Сталиным в высшей степени схоластически и разрешается не анализом мировой хозяйственной и политической обстановки и тенденций ее развития, а чисто формальными доводами и старыми цитатами...» Главным доводом против сталинской теории являлось то, что она исходила из предпосылки замкнутого развития СССР, игнорируя перспективы Европы и всего мира. Троцкий признавал теперь, что международная революция — это дело неопределенного будущего, а СССР неизбежно будет развивать связи с мировым рынком.

Рассматривались различные варианты перспектив капитализма в ближайшие десятилетия: его подъем, упадок, сохранение нынешнего состояния. Анализ каждого варианта являлся образцом абстрактного мышления, причем при каждом варианте становилась ясна бесперспективность изолированного построения в СССР социалистического общества, фиктивность этого лозунга, не выходящего за пределы демагогии.

О том, как существенно менялись представления Троцкого, можно судить по признанию им возможности первого, наиболее оптимистического для капитализма варианта его подъема. «Напор европейской индустрии на наше хозяйство в виде дешевых товаров получил бы в этих условиях непреодолимый характер. Столь же неблагоприятно сложилась бы военная и политическая обстановка. Буржуазия вернула бы себе самоуверенность вместе с материальной силой... Мы попали бы с нашим социалистическим строительством в безвыходное положение».

Прогноз не был хронологически точен. Троцкий не в состоянии был предсказать приход к власти в Германии нацистов, Вторую мировую войну. Но в предвидении отдаленной перспективы проявилась не только его способность к хладнокровному анализу, но, я бы сказал, и смелость ума, выходявшего за пределы коммунистической догматики.

Троцкий и другие лидеры оппозиции пытались перейти в контрнаступление. С декабря 1926 года их выступления против сталинской верхушки стали особенно острыми и непримиримыми.

Глава 6

ПЛАТФОРМА ОППОЗИЦИИ

Позиция по китайскому вопросу

Если внутривнутриполитический курс Троцкого как руководителя оппозиции складывался постепенно и к началу 1927 года в основном сформировался в более или менее стройную концепцию, то позиция по основным международным вопросам под влиянием событий подвергалась подчас существенным конъюнктурным изменениям.

Сначала важнейшим из международных событий представлялась массовая забастовка в Великобритании, к которой одновременно добавился правый переворот в Польше, организованный Ю. Пилсудским и поначалу поддержанный компартией, которую, впрочем, вскоре одернули из Москвы.

В 1926-м — первой половине 1927 года развернулись грандиозные революционные события в Китае, которые приковали внимание во всех странах и стали важнейшим международным водоразделом между сталинистами и оппозиционными лидерами.

Если Троцкий и другие оппозиционеры, в частности К. Б. Радек, [\[1000\]](#) брали курс на углубление китайской революции, далеко не полностью

учитывая национальную специфику, преувеличивая сходство Китая с предреволюционной Россией, то сталинская группа занимала более осторожную позицию, стремясь обеспечить советское, а следовательно, личное влияние в этой гигантской стране независимо от «классового характера» происходивших там потрясений. Для понимания взглядов лидера оппозиции на китайский вопрос, оказавшийся в центре внимания оппозиционных сил в 1927 году, а затем в ссылке и в значительной мере во время эмиграции, следует хотя бы кратко рассказать о событиях в Китае.

А события там менялись с головокружительной быстротой. В июле 1917 года в Кантон (ныне Гуанчжоу), экономический центр Южного Китая, прибыл находившийся перед этим в эмиграции Сунь Ятсен — лидер национальных революционеров и их партии Гоминьдан (Народной партии). Здесь были образованы парламент и правительство, провозгласившие себя верховной властью Китая. Сунь Ятсен был избран президентом, вскоре отказался от этого поста и стал главнокомандующим. Он присматривался к северному соседу, в Москве, в свою очередь, тоже внимательно следили за событиями на юге Китая.

С 1918 года начались визиты представителей Советской России к Сунь Ятсену, с которым было установлено сотрудничество.^[1001] В 1922 году в Южный Китай был направлен представитель Исполкома Коминтерна Генрикус Снефлит (Маринг),^[1002] для которого Карл Радек разработал инструкцию, предусматривавшую вступление китайской компартии в Гоминьдан в целях формирования единого антиимпериалистического фронта.^[1003] Хотя в августе 1922 года ЦИК КПК принял рекомендацию Коминтерна о вступлении в Гоминьдан и в резолюции Исполкома Коминтерна (ИККИ) от 12 января 1923 года вновь признавалось целесообразным для коммунистов «оставаться внутри партии Гоминьдан», многие руководители компартии (Чжан Готао, Цай Хэсэнь и др.) были убеждены, что этот шаг нанесет ущерб самостоятельности и «классовой чистоте» КПК. В самой партии единства по вопросу о ее статусе не было, хотя из Москвы давали вроде бы однозначные рекомендации.

Осенью 1923 года Сунь Ятсен направил в Москву группу деятелей Гоминьдана во главе со своим молодым помощником Чан Кайши для знакомства с советской политической и военной организацией. В делегацию входили коммунисты. 27 ноября (накануне отъезда) гоминьдановско-коммунистическая китайская делегация посетила Троцкого. Делегаты просили дать советы по работе их партии. Троцкий ответил, что может лишь высказать мнение о положении в Китае и роли

революционной партии, что фактически было равнозначно «советам». Около 45 минут он поучал: дескать, Сунь Ятсен занимается исключительно военными операциями, тогда как необходима политическая подготовка масс. «Хорошая газета... лучше, чем плохая дивизия», — говорил он. Вместо оказания военной помощи Троцкий обещал китайским делегатам лишь открыть советские военные школы для революционеров из Китая. Чан Кайши, не удовлетворенный таким оборотом дела, жаловался наркому на трудности политической деятельности, так как «империалисты всех стран жестоко подавляют революционную пропаганду». Троцкий парировал, что пропаганда должна вестись применительно к условиям, то есть «в прессе высказывать то, что по цензурным условиям является возможным, не забывая прокламации и листовки, в которых вещи могут быть названы своими именами, то есть должна быть работа легальная и нелегальная». ^[1004] Беседа с Чан Кайши произвела на Троцкого не самое благоприятное впечатление. В следующие годы он довольно круто изменит свои взгляды на сущность Гоминьдана, его место в китайской революции и взаимоотношения компартии с ним.

В 1924 году китайская компартия фактически присоединилась к Гоминьдану как организованная сила. До поры до времени и в Гоминьдане, и в отдельных кругах коммунистов, стремившихся к полной самостоятельности и получавших в этом косвенную поддержку Троцкого, это объединение терпели, но терпению положены пределы. Одновременно в Китай прибыли советские советники во главе с М. М. Бородиным.

После смерти Сунь Ятсена в марте 1925 года в Гоминьдане и кантонском правительстве развернулась борьба за власть, а в июне 1926 года Национально-революционная армия начала поход на север под командованием Чан Кайши. Города и провинции, находившиеся под властью коррумпированных генералов, легко оказывались в руках патриотических сил. В августе войска Чана достигли реки Янцзы, в октябре заняли Ханькоу и соседние города, составлявшие мегаполис Ухань, в марте 1927 года — Нанкин. За два месяца перед этим революционное правительство перебралось из Кантона в Ханькоу.

Однако в руководстве Гоминьдана созрел конфликт между левой группой, доминировавшей в правительстве, и Чаном. 12 апреля Чан Кайши устроил в Шанхае, только что занятом его войсками, резню коммунистов и других левых. Оба крыла Гоминьдана стали заявлять об исключении друг друга из партии в связи с «предательством». ЦИК отдал приказ об аресте Чан Кайши. Последний, в свою очередь, возложил ответственность за события на компартию, которая, по его словам, создала в Гоминьдане

«царство террора». Чан образовал альтернативное правительство в Нанкине.

Только в этих условиях в конце мая 1927 года последовало распоряжение Сталина, рассерженного тем, что ему не удалось использовать Чан Кайши, а затем выбросить его, как выжатый лимон (выражение генсека), чтобы компартия прекратила сотрудничество с Гоминьданом и его правительством, начала конфискацию земли и формирование рабоче-крестьянской армии. Коминтерн возложил вину за провал сталинского курса на компартию Китая, обвинив ее руководство в «правом оппортунизме». Генеральный секретарь партии Чэнь Дусю был снят со своего поста.

Троцкий до 1924 года в основном разделял установку на вхождение компартии в Гоминьдан и позже стремился оправдать эту позицию. Об этом свидетельствует его первый обстоятельный оппозиционный документ по китайскому вопросу «Китайская компартия и Гоминьдан», написанный 27 сентября 1926 года.^[1005] В нем содержалась попытка провести водораздел между «настоящим» и «прошлым» революционного движения в великой восточной стране и гранью был назван 1925 год. Это сотрудничество было правильным для периода, когда компартия являлась пропагандистским обществом. Теперь же перед ней встала задача руководить пробужденным рабочим классом. Подвергая критике решения руководства КПК об участии в Гоминьдане, Троцкий отмечал, что эта линия продиктована сталинским руководством, и китайским коммунистам не оставалось ничего иного, как «принять те политические выводы, которые вытекали из этой организационной заповеди». Китай, таким образом, органически вписывался в комплекс противостояния Троцкого и Сталина по всем международным вопросам.

В критике курса Сталина Троцким и другими оппозиционерами было немало тонких наблюдений. Соглашаясь на сотрудничество коммунистов с левыми гоминьдановцами, они предсказывали предательство Чана, понимая, что, содействуя превращению Гоминьдана в централизованную партию по большевистскому образцу в противовес парламентской модели, Бородин и его помощники под сталинскую диктовку куют поражение коммунистов.

Вначале Троцкий пытался вступить со Сталиным в личную дискуссию по китайскому вопросу. Сохранилась ответная записка Сталина от 23 марта 1926 года: «Если Вам удобно, давайте поговорим о китайских делах сегодня в 4 часа в ЦК».^[1006] Но постепенно становилось ясно, что о

конструктивном диалоге речи не может быть.

К весне 1927 года открыто проявились различия между позицией Троцкого и оппозиции в целом, с одной стороны, и сталинской группой — с другой. Троцкий выступил с серией писем, обосновывавших его позицию по китайскому вопросу в связи с новыми событиями. Первое из этих писем было написано 27 марта, как только поступили сведения, что Шанхай занят национально-революционной армией.^[1007] В нем выдвигалось предостережение, что чем более государственный характер приобретает Гоминьдан, тем он становится буржуазнее. Троцкого ужасала проводимая советской пропагандой мысль, что национальное правительство Китая является правительством всех классов. «Марксизм забыт окончательно», — негодовал он по адресу «отступников». «Мы окажемся курицей, которая высидела утенка». Троцкий требовал поставить вопрос о взаимоотношениях между компартией и Гоминьданом на рассмотрение большевистского Политбюро, хотя отдавал себе отчет, что вместо серьезного обсуждения в ЦК могут сделать «фракционную кляузу».

В этом и следующих его документах смешивались трезвый анализ, прогнозы политики Гоминьдана и его лидеров с упрямой верой в то, что китайские коммунисты смогут, вырвавшись из гоминьдановских объятий, обеспечить свою руководящую роль в революции. Наиболее ярко Троцкий выразил эту линию в письме «О лозунге Советов в Китае» от 16 апреля.^[1008] Настаивая на том, чтобы компартия взяла курс на создание Советов, он стремился опровергнуть контрдоводы Сталина, ставившего знак равенства между лозунгами Советов и диктатуры пролетариата. «Но почему же у нас были Советы в 1905 году?» — звучал ответный вопрос Троцкого. Вопрос о переходе к социалистической революции он отодвигал на будущее. «Но не надо, — призывал Троцкий, — эту перспективу превращать в платоническое воздаяние за нынешнее положение, когда полем владеют вооруженные буржуазные предатели. Основная и жизненная задача состоит сейчас в том, чтобы подготовить ближайший этап, из которого только и могут вырасти все дальнейшие перспективы и возможности». Иначе говоря, Троцкий возвращался в оценке китайской революции к «перманентной позиции», то есть гегемонии пролетариата в демократической революции, создании власти Советов уже на этом этапе, который применительно к китайской ситуации он определял как антиимпериалистический, избегая сталинского термина «буржуазно-демократический этап».

От китайской конкретики Троцкий переходил ко все тому же вопросу о

порочности бюрократического руководства партией и выдвигал требование проведения дискуссии, вновь отвергнутое Политбюро 12 мая. «Да, мы хотим обсуждения вопроса о судьбах китайской революции, стало быть, о наших собственных судьбах».

Проблема революции в Китае становилась своеобразным мостом для глобального перехода Троцкого и его сподвижников в контрнаступление против правившей группы. Соотношение сил было не в пользу оппозиции. Рассчитывать на успех Троцкий как более или менее трезвый политик никак не мог. Основная его задача состояла теперь в том, чтобы представить правившей партии, населению СССР, международному коммунистическому движению свой курс во всей его полноте и этим противопоставить «механическому большинству» компартии свою особую социально-политическую платформу.

«Заявление 83-х»

Разногласия по вопросу о китайской революции были главным, но не единственным исходным моментом для подготовки первого документа объединенной оппозиции, который был подписан не только ее руководителями, но большой группой активных членов. Можно полагать, что документы Троцкого по китайскому вопросу побудили и его самого, и связанных с ним оппозиционеров переосмыслить весь комплекс разногласий с высшим руководством, в которое оппозиционеры теперь не входили.

При подготовке нового документа Троцкий выступил с рядом записок и писем, касавшихся в основном международных вопросов.

Продолжая наблюдать за событиями в Великобритании, Троцкий откликнулся на выступление Бухарина на заседании Президиума ИККИ по вопросу о движении за мир, которое он в значительной степени посвятил англо-русскому комитету. Деятельность его рассматривалась теперь не в качестве инструмента единого фронта, а как орудие в поддержку СССР. Троцкий просил прислать ему речь Бухарина, но так и не получил ее от Секретариата ЦК. Тем не менее основной смысл речи был ему ясен, как и то, что Бухарина полностью поддержал Сталин.

Шестнадцатого мая Троцкий написал тезисы «Борьба за мир и англо-русский комитет».^[1009] В них он связал аргументацию Бухарина с курсом на построение социализма в одной стране и обвинял партийное руководство в «равнении по оппортунистическим верхам рабочего

движения», в новой сделке с британскими реформистами. Заявление «О нашей зависимости от мирового рынка»^[1010] также было связано с критикой «замкнутого хозяйства». Троцкий уверял, что международный фактор не исчерпывается опасностью интервенции, и доказывал, что в ближайший период зависимость СССР от мирового рынка будет возрастать; она выгодна советской экономике, ибо «удесятеряет вес, способность СССР к сопротивлению».

Так Троцкий связывал в единый узел вопросы советской экономики, политики и мировой рынок со всеми его потрясениями. В противовес сталинской теории «победы социализма в одной стране» лидер оппозиции призывал рассматривать развитие СССР в общемировом контексте.

Между тем абстрактную установку Троцкого на мировую революцию (которая оставалась азбучной истиной в коммунистической парадигме и приверженность которой на словах провозглашал сам Сталин) господствовавшая в ВКП(б) группа со все большим успехом использовала для подрыва влияния оппозиции.

Непримиримость Троцкого постепенно заставляла колебаться и отходить от оппозиции деятелей, у которых возникали опасения за свою судьбу, дополняемые искренними или же наносными соображениями о партийном единстве. Особенно показательным было поведение Н. К. Крупской. В середине мая 1927 года, то есть тогда, когда начался сбор подписей под коллективным заявлением оппозиционеров, Крупская написала письмо Зиновьеву, который передал его Троцкому, очевидно, перебрасывая ему нелегкий груз ответа. Крупская сокрушалась по поводу «бузы», поднятой в партии, давая понять, что ответственность за нее лежит на лидерах оппозиции. Вдова Ленина явно сожалела, что поддержала объединенную оппозицию. В своем ответе от 17 мая^[1011] Троцкий был предельно сдержан. Но по существу Крупской давалась нелюбезная отповедь. Не пристало ей, по сути дела, указывать Троцкий, не говоря этого прямо, повторять нелепости, ибо буза — это лишь склока по ничтожному поводу. Троцкий разъяснял, что Сталин перешел в борьбе против оппозиции к тактике истребления. Завершая письмо, перед тем как пожелать ей здоровья, Троцкий писал, обозначая разрыв ленинской вдовы с наследием своего супруга: «Мы будем плыть против течения, даже если Вы вслух повторите... слово «буза». И никогда мы не чувствовали так глубоко и безошибочно своей связи со всей традицией большевизма, как сейчас, в эти тяжелые дни, когда мы и только мы готовим завтрашний день партии и Коминтерна». 20 мая в «Правде» появилось покаянное заявление

Крупской. Разумеется, малокомпетентная в крупных интригах вдова Ленина не была серьезным достоянием оппозиции. Но она являлась своего рода символом, и переход ее в стан сталинистов был для Троцкого серьезной потерей.

Троцкий, однако, не складывал оружия. К 25 мая завершился сбор подписей под коллективным заявлением оппозиционеров в ЦК. Судя по сопроводительному письму от 25 мая, подписанному Г. Евдокимовым, Г. Зиновьевым, И. Смилгой и Л. Троцким, именно они подготовили документ. Судя по тому, что наиболее опытными в такого рода делах были Троцкий и Зиновьев, можно полагать, что в основу заявления лег написанный ими текст, который был представлен как выражение мыслей группы старых партийцев.

«Заявление 83-х» начиналось с указания на ошибки, допущенные при руководстве китайской революцией и приведшие к ее поражению. Оппозиционеры, поддавшись «военной тревоге», которую раздувало высшее руководство с целью закрепления своей власти и разгрома оппозиции, пытались повернуть сталинско-бухаринскую «военную аргументацию» против них самих. «Поражение китайской революции может чрезвычайно приблизить войну против СССР», — заявляли они. Вторым международным вопросом, по отношению к которому резко критиковался официальный курс, было отношение к АРК. Упрекая советское руководство в признании тред-юнионов единственным представителем британского пролетариата, авторы заявления утверждали, что их деятели в случае войны против СССР «будут играть такую же подло-предательскую роль, какую эти господа играли в 1914 году».

При важности международных вопросов, — волновавших оппозиционеров, особенно Троцкого, видевшего себя главным лидером не только внутренней, но и интернациональной коммунистической оппозиции, — они служили в документе лишь прелюдией к попытке анализа «неправильной линии во внутренней политике». Авторы подчеркивали, что трудности хозяйственного развития СССР серьезно усугубляются тем, что их скрывают от масс, преподнося в качестве генерального курса ВКП(б) теорию построения социализма в одной стране, которая определялась оппозиционерами как мелкобуржуазная.

В заявлении содержалась критика «неблагоприятных для пролетариата классовых сдвигов», которые, по мнению составителей, выражались в низкой зарплате рабочих и безработице, усилении кулака, нэпмана, бюрократа, положении в деревне, расслоении крестьянства. Практические предложения по аграрному вопросу были более чем скромными — они

сводились к необходимости освобождения от сельхозналога 50 процентов крестьянских дворов — бедноты и «маломощных» крестьян, хотя чем отличаются последние от бедноты, да и каковы были параметры самой бедноты, проследить было невозможно. Наиболее существенными требованиями заявителей в области промышленности были систематическое улучшение положения рабочего класса, отказ от режима экономии за счет выталкивания новых групп рабочих в ряды безработных. Впрочем, и эти декларации не подкреплялись конкретными предложениями.

Более обоснованной была критика внутрипартийного режима, хотя и здесь можно обнаружить немало сугубо политиканских и даже эгоистических мотивов. «Нам необходима железная партийная дисциплина — как при Ленине. Но нам необходима и внутрипартийная демократия — как при Ленине», — утверждала «старая гвардия», «забывая», что именно Ленин был инициатором драконовской резолюции «О единстве партии». И все же критика партийного режима была острой, смелой и справедливой.

В следующие дни под «Заявлением 83-х» продолжался сбор подписей. С особым мнением выступила старейший член партии В. Д. Каспарова, ранее поддерживавшая Сталина. Теперь она обвиняла генсека, что он разрушил партию идейно и организационно.^[1012] О согласии с документом заявил полпред во Франции Х. Г. Раковский,^[1013] что означало его присоединение к оппозиции, хотя до этого он относился к ней с известной опаской. В письме Троцкого, Зиновьева и Евдокимова в ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов от 1 июля 1927 года указывалось, что к «Заявлению 83-х» присоединилось примерно 300 партийцев с дооктябрьским стажем.^[1014]

«Заявление 83-х» внесло смущение в среду высших партбюрократов. Разными путями (главным образом в виде рукописных копий) оно распространялось сравнительно широко. Обвиняя Зиновьева и Троцкого в нарушении дисциплины, председатель ЦКК Орджоникидзе не включил в число обвинений подписание этого документа. В ответ на запрос по этому поводу Орджоникидзе отделался смехотворным объяснением: мол, любая группа членов партии имеет право обращаться в ЦКК с заявлением, индивидуальным и коллективным.^[1015] И это в то время, когда он же обвинял Троцкого и Зиновьева в куда менее крупных прегрешениях — письмах и выступлениях, квалифицированных как меньшевистский уклон. На этот раз отличие состояло в том, что с изложением своей позиции выступила компактная группа большевиков с дооктябрьским стажем,

которых выставили как заслон, прикрывший лидеров оппозиции.

Правда, чтобы обуздать оппозиционных лидеров, прежде всего Троцкого, быстро нашлись иные средства. Троцкому напомнили его участие в проводах 9 июня на Ярославском вокзале одного из оппозиционных деятелей — ректора Института народного хозяйства имени Плеханова И. Т. Смилги, уволенного с занимаемой должности и отправленного на работу на Дальний Восток. Несколько осторожных слов, произнесенных Троцким на прощание, были истолкованы как речь, обращенная к беспартийным, а следовательно, как разглашение «партийных тайн». ^[1016] Троцкий был вызван на заседание ЦКК, где произнес две непримиримые речи, с вызовом издеваясь над теми, кто его судил. ^[1017]

Особенно досталось Е. М. Ярославскому — партийному пропагандисту, умело выслуживавшемуся перед всеми, кто стоял у власти, в прошлом не раз певшему дифирамбы Троцкому, а теперь в качестве члена Президиума ЦКК лившему на него ушаты грязи. Троцкий говорил о нем с презрением. «Основной особенностью его как оратора и писателя является его неспособность передать без искажения ни одной сколько-нибудь свежей мысли». ^[1018] Играя словами, он припечатывал партийного судью: «Ярославский был до того, как Ярославский вокзал стал политическим фактором в нашей жизни. А насчет Ярославского мы давно говорим: если хотите узнать, чего хочет Сталин достигнуть через полгода, пойдите на собрание и послушайте, что говорит Ярославский». ^[1019]

О том, что Троцкий отказался от компромиссов, поставив на кон свою политическую карьеру и даже жизнь, свидетельствовало его отчаянное заявление: «Товарищи, не надо смешивать социалистическое отечество с начальством. Мы заявляем: сталинский режим мы будем критиковать до тех пор, пока вы нам механически не закроете рот». ^[1020]

Троцкий заявил на заседании ЦКК о происходившем в партии термидорианском перерождении, ^[1021] сравнивая его с государственным переворотом 9 термидора (27 июля) 1794 года во Франции, когда была свергнута якобинская диктатура, залившая страну кровью, и революция взяла курс на конституционное развитие. Сравнение было искусственным, требовало разъяснений, по крайней мере для большинства рядовых партийцев, да и для ряда функционеров, в лучшем случае понаслышке знавших о французских событиях почти полуторавековой давности. Это «ученое высокомерие» лишь усиливало раздражение по отношению к Троцкому и близким к нему деятелям.

За авансеной споров о «социализме в одной стране» и «перманентной революции», которые теперь были дополнены доводами о «термидоре», на заднем плане маячили более земные дела. А сами теоретические споры напоминали диспуты средневековых схоластов, ибо большевизм, по сути дела, был своего рода религией со своими богами (пока еще сохранялось многобожие, но скоро его сменит монотеизм), святыми, священным писанием, молитвами, причем все это относилось как к властной группе, так и к оппозиции.

Июльско-августовский пленум ЦК и оппозиционная общеполитическая платформа

Все больше углублявшаяся внутрипартийная борьба побуждала Троцкого и других оппозиционеров приступить к подготовке более подробного, нежели «Заявление 83-х», программного документа.

Накал страстей между тем усиливался. Сталинская группа дала крупный бой оппозиции на пленуме ЦК и ЦКК 29 июля — 9 августа 1927 года. С докладом о нарушениях партийной дисциплины Троцким и Зиновьевым выступил Орджоникидзе, объявив, что оппозиция становится на путь раскола ВКП(б), организуя вторую, враждебную ВКП(б) партию. Сталин демагогически вопрошал: «Неужели оппозиция против победы СССР в грядущих боях против империализма?»

Пленум потребовал отказа оппозиции от ее взглядов, роспуска фракции.

Восьмого августа пленуму было передано заявление 13 деятелей оппозиции, которое, как и предыдущее, по всей видимости, принадлежало перу Троцкого и Зиновьева (скорее всего, Зиновьев писал проект, а Троцкий его редактировал). В нем отвергалась версия о враждебности оппозиции партии, ее намерении создать новую партию и т. п. Особо важными были разъяснения по пресловутому вопросу о термидорианстве: «...В стране растут элементы термидорианства, имеющие достаточно серьезную социальную базу... Чего мы требуем, это — чтобы партруководство давало этим явлениям и их влиянию на известные звенья партии более систематический, твердый, планомерный отпор». Оппозиционеры указывали на существование «извращенного внутрипартийного режима», в условиях которого вынуждены бороться «за доведение до партии наших действительных взглядов, совершенно неправильно излагавшихся в печати, читаемой всей страной».

Касались оппозиционеры и двух вопросов международного характера, частного и общего. В связи с исключением из компартии Германии членов группы Рут Фишер — Аркадия Маслова, стоявшей, по определению Коминтерна, на ультралевой позиции, они констатировали угрозу раскола германского коммунистического движения и предлагали вернуть в партию тех, кто подчинится решениям Интернационала, обеспечив им возможность отстаивать свои взгляды. Второй вопрос касался лозунгов на случай возникновения войны против СССР. Механически применяя к новым, непредсказуемым ситуациям лозунг Ленина периода Первой мировой войны (который и тогда грешил национальным нигилизмом и авантюристичностью, и, как известно, в то время отвергался Троцким), оппозиционеры требовали: «Каждый честный пролетарий капиталистической страны должен активно работать для поражения «своего» правительства; переход на сторону Красной армии каждого иностранного солдата, который не хочет помогать «рабовладельцам» «своей» страны».^[1022]

Заявление от 8 августа не удовлетворило высшие партийные круги. «Правда» в передовой статье 11 августа (автором, очевидно, был Бухарин) заявляла о явной недостаточности этого документа, оставлявшего «лазейки для возобновления борьбы против партии». Настроение Сталина и его сторонников пошло продублировал Демьян Бедный:

Кто-то ходит, щеголяет
Не по ленинской тропе.
Барин с тросточкой гуляет
В самой, значит, Ве Ка Пе!^[1023]

Главным из этих «бар с тросточкой» явно считали Троцкого, хотя к нему, безусловно, присоединяли некоторых других партийцев «западного покроя», например Х. Г. Раковского.

После пленума, принявшего решение о созыве Пятнадцатого съезда партии, развернулась еще более массивная кампания против оппозиции. Повсеместно принимались резко осуждающие резолюции. Самим оппозиционерам слово не предоставлялось. Отказывая в печатной трибуне, партийные органы провоцировали их на другие способы донесения своего мнения до масс, а вслед за этим лились мощные потоки негодования по поводу фракционности и нелегальщины.

К началу сентября был разработан наиболее подробный документ с

изложением взглядов оппозиции, названный «Проект платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б). Кризис партии и пути его преодоления». Его подписали те же 13 оппозиционных деятелей, являвшихся членами ЦКи ЦККВКП(б). Авторы представили документ в Политбюро, оставляя за собой право внести уточнения накануне съезда, после обмена мнениями в печати и на собраниях, почему документ был назван только проектом платформы. В нем впервые было дано своего рода название оппозиции — «большевики-ленинцы», противопоставлявшее их «сталинцам». Это название сохранится на долгие годы, будучи первым элементом в процессе структурирования оппозиции.

Отдельные части платформы оппозиции были посвящены положению рабочего класса и профсоюзам, государственной промышленности, Советам, национальному вопросу, партии, комсомолу, международному положению и опасности войны, Красной армии. Троцкий, несомненно, написал введение и заключительные разделы (об этом свидетельствует их характерный стиль) и редактировал весь текст, внося в него элементы своей индивидуальной аргументации, логики, публицистических навыков.

В документе главными негативными моментами названы: ухудшение положения рабочего класса, отдаление профсоюзов от управления промышленностью; недостаточно высокий темп индустриализации; недооценка бедноты и ставка на «крепкого» крестьянина; курс на бюрократизацию госаппарата; сохранение великодержавного шовинизма; систематическое уничтожение внутрипартийной демократии; недооценка опасности войны, допущение, что стабилизация капитализма может длиться десятилетиями, на чем была основана теория построения социализма в одной стране.

Конкретные предложения сводились к следующему: пресечь тенденцию к удлинению рабочего дня в промышленности и поднять зарплату; противопоставить растущему фермерству рост сельхозколлективов, оказать помощь беднякам, содействовать подъему середняцкой части деревни; осуществлять кооперативное строительство на базе самодеятельности населения; повысить темп индустриализации путем правильного использования бюджета, кредита и цен, связей с мировым хозяйством; обеспечить устойчивость денежной единицы; взять курс на борьбу против чиновничества; подчинить аппарат интересам трудящихся; проводить работу по преодолению национальной розни, опубликовать в печати письма Ленина по национальному вопросу с критикой линии Сталина; подготовить Пятнадцатый съезд на началах внутрипартийной демократии; вернуть в партию исключенных оппозиционеров; подтвердить

курс на международную революцию, прекратить борьбу против левого крыла в Коминтерне; систематически вести борьбу за мир; укреплять Красную армию и флот.

Заключительная глава характеризовала позицию группы Сталина как оппортунистическую, опирающуюся на бюрократический аппарат, и пыталась выявить причины «оппортунистической опасности» в ВКП(б), обнаруживая их в буржуазном международном окружении, нэпе, мелкобуржуазной стихии внутри страны и даже в монопольном положении партии. Тем не менее в заключение говорилось: «Всеми силами мы будем бороться против двух партий, ибо диктатура пролетариата требует как своего стержня *единой* пролетарской партии». [\[1024\]](#)

В проекте платформы очевидны противоречивые суждения и требования, свойственный большевикам догматизм, дух коммунистического единовластия. Но нет оснований как для обвинительных определений, которые были обрушены Сталиным, так и для необоснованных упреков, которые продолжали раздаваться в последнее двадцатилетие, представляющих собой раритеты сталинизма. [\[1025\]](#)

Проект платформы был направлен в газету «Правда» и журнал «Большевик». Однако на объединенном заседании Политбюро и Президиума ЦКК 8 сентября в публикации документа было отказано. [\[1026\]](#) На этом заседании разыгралась поистине чудовищная сцена. Отлично знавший, что Троцкий провел на фронте всю Гражданскую войну и что это известно всему партактиву, Сталин заявил, что он за всю войну появился на фронте лишь один раз в автомобиле и в сопровождении жены. [\[1027\]](#) Это был пробный шар, проверка, как будут реагировать его сторонники на отъявленную ложь. Эксперимент удался. Никто, кроме представителей оппозиции, не осмелился возразить генсеку. Окрыленный этим, он стал кричать, что Троцкий — «жалкий трус», а затем продолжил: «Жалкий вы человек, лишенный элементарного чувства правды, трус и банкрот, нахал и наглец, позволяющий себе говорить вещи, совершенно не соответствующие действительности». [\[1028\]](#) «Бессилие ваше обнаруживает ругань ваша», [\[1029\]](#) — внешне спокойноотреагировал Троцкий, за чем скрывались величайшее напряжение и ярость, которые оппозиционер не мог высказать, ибо это было бессмысленно и только еще более подзадорило бы генсека, имевшего теперь возможность издеваться открыто, выдавая черное за белое и правду за ложь.

Решение 8 сентября, запрещающее публикацию проекта платформы, резко обострило внутрипартийную борьбу. Оппозиция напечатала

платформу нелегально (организацией издания руководил С. В. Мрачковский, создавший для этого специальную группу), после чего травля приняла необузданные масштабы.

Дело явно шло к изгнанию Троцкого из компартии.

Глава 7

ДЕСЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЯ И ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПАРТИИ

Подполье и изгнание из ЦК

Нелегальное издание платформы оппозиции было только началом ее подпольной деятельности, спровоцированной бюрократическим аппаратом. Троцкий вспоминал: «В разных концах Москвы и Ленинграда происходили тайные собрания рабочих, работниц, студентов, собиравшихся в числе от 20 до 100 или 200 человек для того, чтобы выслушать одного из представителей оппозиции. В течение дня я посещал два-три, иногда четыре таких собрания».^[1030]

Апеллировать к массам иногда удавалось легально. Троцкий и Каменев почти два часа выступали в конце октября на собрании в Высшем техническом училище, где присутствовало более двух тысяч человек, причем большая толпа не сумевших втиснуться в зал оставалась на улице. Председательствовал Каменев, а Троцкий был главным оратором. Попытки администрации и парторганизации (секретарем партячейки был начинающий сталинист Г. М. Маленков) прекратить собрание оказались безрезультатными. Внезапно выключили свет, но дискуссия продолжалась при свечах. По оценке Б. И. Николаевского, собрание в МВТУ являлось «главным митингом оппозиционеров».^[1031]

Вслед за нелегальной публикацией платформы оппозиции ОГПУ по команде Политбюро начало ее изъятие, предприняв провокацию. Агент спецслужб Строилов предложил оппозиционерам услуги — достать бумагу и технические материалы для издательской деятельности. Переговоры не вышли за рамки прощупывания. Но председателю ОГПУ Менжинскому этого было достаточно. Он оповестил о раскрытии планов подрывной печатной пропаганды «троцкистов». Вдобавок Строилов был объявлен бывшим врангелевским офицером (для этого ему присвоили еще одну фамилию — Щербаков), что позволило расширить базу обвинения Троцкого и его сторонников, подготовлявших при помощи белогвардейцев

государственный переворот.^[1032]

В этих условиях среди оппозиционеров развернулись споры — следует ли вести борьбу до конца и быть готовыми к исключению из партии. Для Троцкого иного ответа теперь не было. Поняв, что Сталин не остановится ни перед чем, он полагал, что только энергичным сопротивлением может хотя бы оттянуть репрессии. Но партнеры по руководству оппозицией придерживались иного мнения. Еще сохраняя союз с Троцким, Зиновьев и Каменев подспудно готовились к капитуляции. Словесно их аргументация сохраняла «партийный» характер. Каменев заявлял, что вне ВКП(б) идеям оппозиции «грозит только одно — вырождение и гибель».^[1033] Значительно более существенными были личные мотивы: оба они, Зиновьев и Каменев, не желали терять властные посты и привилегии.

В 1927 году, особенно во второй его половине, выступления оппозиции уже утратили характер борьбы за власть. Происходила хорошо организованная травля оппозиционеров перед окончательной расправой, хотя выступления Троцкого и некоторых его последователей свидетельствовали о их темпераменте и незаурядных бойцовских качествах.

В Москве и других городах оппозиционеры начали сбор подписей под своей платформой, о чем Ярославский 4 октября с тревогой информировал Орджоникидзе, утверждая, что платформа является программой новой партии, что оппозиционеры даже не скрывают существования подпольной техники, что кроме обнаруженного типографского оборудования имеется нераскрытое. Только в Москве было собрано не менее пяти тысяч подписей под платформой оппозиции.^[1034]

Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором был поставлен вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из ЦК, состоялся 21–23 октября 1927 года. Основными обвинениями были нелегальное издание платформы при помощи врангелевского офицера, создание контрреволюционной организации, военный заговор. Троцкий еще оставался членом ЦК, и ему предоставили слово. Это была последняя его речь на заседании того органа, которым он вместе с Лениным фактически руководил в течение пяти лет.

Общая обстановка была истерической. Троцкому не давали говорить. Ярославский, по его же признанию, запустил в начавшего выступление Троцкого «Контрольными цифрами Госплана», однако страж большевистской морали не отличался меткостью и промахнулся.

Учитывая истерию, раздувавшуюся в угоду Сталину, Троцкий, вопреки обыкновению, читал речь по бумаге.^[1035] Начав с обвинения в сторону

оппозиции, что она участвует в военном заговоре, и высмеяв его, Троцкий перешел к принципиальным вопросам, прежде всего о так называемом «троцкизме». Настаивая на бессодержательности этого термина, а также на том, что его взгляды не отличаются от взглядов Ленина, он указывал на подтасовки и искажения фактов. «Чтобы построить «троцкизм», фабрика фальсификаций работает полным ходом и в три смены».

Прогноз его, однако, был оптимистичен. Троцкий предсказывал неизбежное политическое крушение сталинского режима в самое ближайшее время. Так же им переоценивались силы оппозиции, «сознательность» партийных масс и рабочего класса. «Партия уже глубоко всколыхнулась: завтра она всколыхнется до дна. За несколькими тысячами кадровых оппозиционеров идет двойной или тройной слой примыкающих к оппозиции, а затем еще более широкий слой рабочих-партийцев, которые уже начали внимательно прислушиваться к оппозиции и сдвигаться в ее сторону».

Это были благие пожелания, в реальность которых Троцкий не верил. Но он вновь и вновь повторял угрозы по адресу партийного руководства. «Травля, исключения, аресты сделают нашу платформу самым популярным, самым близким, самым дорогим документом международного рабочего движения. Исключайте, — вы не остановите победы оппозиции, т. е. победы революционного единства нашей партии и Коминтерна».

Последнее слово осталось, разумеется, за Сталиным. Генсек вспомнил (точнее, ему об этом напомнили бдительные помощники), что свою брошюру «Наши политические задачи» 1904 года Троцкий посвятил «дорогому учителю» Павлу Борисовичу Аксельроду. «От Ленина к Аксельроду — таков организационный путь, по которому идет наша оппозиция... Скатертью дорога к «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду»! Скатертью дорога! Только поторопитесь, достопочтенный Троцкий, так как «Павел Борисович», ввиду его дряхлости, может в скором времени помереть, а вы можете не успеть к «учителю»». ^[1036] В этих словах содержалась уже зловещая угроза изгнания из страны.

Пленум исключил Троцкого и Зиновьева из ЦК по обвинению в организации фракции и использовании нелегальных методов антипартийной и антисоветской деятельности. Еще до этого, 27 сентября 1927 года, Троцкий был исключен из Исполкома Коминтерна.

Выход на улицы и исключение из ВКП(б)

В конце октября в Ленинграде состоялась юбилейная сессия ЦИК СССР. В ней участвовали М. И. Калинин как председатель этого формально высшего органа власти, представители республик и другие высшие должностные лица. В честь сессии проводилась общегородская демонстрация. Троцкий и Зиновьев выехали в Ленинград, рассчитывая использовать сессию для своей агитации.

Объезжая в автомобиле город, чтобы «посмотреть размеры и настроение демонстрации», они подъехали к Таврическому дворцу, где на грузовиках были сооружены трибуны, а проезд оказался закрытым. К автомобилю подошел милиционер и предложил высоким, как он еще полагал, гостям пройти к трибунам. Незанятым оказался только последний грузовик. Увидев, что на него поднялись бывший «вождь Красной армии» и бывший ленинградский босс, демонстранты устремились к невероятному зрелищу.

Можно не сомневаться, что помимо небольшой группы сторонников оппозиции остальные были просто любопытствующими. И это вполне понятно, учитывая и прошлое этих людей, и только что произошедшие события, когда этих лиц изгнали из властных структур и на которых хотелось посмотреть вблизи. Поняв, что происходит нечто экстраординарное, руководство постаралось предпринять контрмеры. Но посланные в толпу агенты, пытавшиеся свистеть и улюлюкать, не находили поддержки. Тогда Калинин и другие официальные представители пошли на крайний шаг — они перебрались на грузовик, где находились Троцкий с Зиновьевым, и, поздоровавшись с ними, обставили все дело так, будто раздававшиеся приветствия (злобные выкрики тотчас прекратились) относятся к ним самим.

Предстояли демонстрации в честь десятилетия Октябрьской революции, и оппозиционеры решили использовать их, чтобы выйти на улицы Москвы, Ленинграда и других городов со своими лозунгами. [\[1037\]](#)

Оппозиционеры участвовали в демонстрации под лозунгами, разработанными Троцким: «Повернем огонь направо — против кулака, нэпмана и бюрократа», «Выполним завещание Ленина», «Против оппортунизма, против раскола — за единство ленинской партии». В разных районах Москвы были сформированы небольшие группы, которые двинулись к центру. Сам Троцкий вместе с другими лидерами переезжал на автомобиле от одной группы к другой, приветствуя их краткими речами.

На Семеновской улице раздались выстрелы по автомобилю (правда, холостыми патронами). Как выяснилось, стрелял милиционер, якобы по собственной инициативе, в качестве «предупредительной меры». Троцкий

распорядился, чтобы шофер остановил машину. К ней с площадными ругательствами подбежала группа молодчиков, которые сломали «рожок» (клаксон) и разбили ветровое стекло, а затем удалились при полном равнодушии стоявших неподалеку милиционеров.

Попытки организовать особую демонстрацию оппозиционеров были пресечены. Демонстрантов разгоняли, заталкивали в подъезды, избивали, некоторые были арестованы, хотя, правда, скоро отпущены. 8 ноября Троцкий написал небольшую статью «После словесного зигзага влево — глубокий сдвиг вправо^[1038]» в которой оценивал крайне враждебное отношение аппаратчиков к праздничным лозунгам оппозиции в том смысле, который сформулировал в заголовке. Троцкий, как делал это часто, расценил расправу с контрдемонстрантами на основе прямолинейного классового подхода: «Бешеный натиск на оппозиционные плакаты прямо продиктован классовыми интересами кулака, нэпмана и бюрократа».

В обстановке все большего нагнетания истерии 15 ноября в печати появилось принятое накануне постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) об антипартийных выступлениях лидеров оппозиции.^[1039] Никого из обвиняемых на заседание не пригласили. Решение было продиктовано Сталиным в их отсутствие. Троцкий и Зиновьев были исключены из партии, Каменев, Смилга, Евдокимов, Раковский и Авдеев выведены из ЦК, пять оппозиционеров — из ЦКК. Они предупреждались, что вопрос о «несовместимости их фракционной работы с пребыванием в рядах ВКП(б)» ставится на обсуждение Пятнадцатого съезда партии.

Так Троцкий был лишен последнего легального канала политической деятельности в СССР — членства в партии. Сделано это было всего за две недели до Пятнадцатого съезда, которому предстояло сформировать новый состав ЦК. Оппозиционерам и прежде всего их лидеру демонстрировались сила и непреклонность сталинской группы. Им был предъявлен ультиматум — капитулировать (в этом случае Троцкий и Зиновьев могли рассчитывать на восстановление в партии, а остальные избежать исключения) или подвергнуться прямым преследованиям, характер которых предугадать было невозможно.

Семье Троцкого было предложено немедленно покинуть квартиру в Кремле, которую она занимала со времени перевода правительства в Москву в 1918 году. Троцкий впопыхах переселился к А. Г. Белобородову, формально остававшемуся еще на должности наркома внутренних дел РСФСР, но отстраненному от работы и занимавшемуся пропагандой оппозиционных взглядов на родном ему Урале.

Квартира Белобородова стала своего рода военным лагерем. В ней собирались руководители оппозиции, сюда приходили за указаниями активисты, дежурили сторонники Троцкого из числа военных, которые сопровождали его при передвижениях по городу в качестве вооруженной охраны.^[1040]

Пятнадцатый съезд и начало раскола оппозиции

Второго декабря 1927 года открылся Пятнадцатый съезд ВКП(б). Исключенный из партии Л. Д. Троцкий мог наблюдать за его дебатами лишь со стороны, но казалось, что тень оппозиционного лидера витала над делегатами, хотя ими являлись только те, кто, по крайней мере открыто, выразил верность сталинскому руководству.

Оппозиционеры предложили свою повестку дня, куда, помимо обычных отчетов, должны были войти вопросы: итоги десятилетия и дальнейшие перспективы мировой революции; международное революционное движение и наша тактическая позиция; положение рабочего класса СССР в связи с положением в промышленности; развитие буржуазных отношений в деревне и система мер по коллективизации сельского хозяйства; борьба против бюрократизма и состояние государственного аппарата; усиление обороноспособности страны; внутрипартийное положение.^[1041] Организаторы съезда на эти предложения не обратили внимания.

Это был второй при большевистской власти партсъезд, на котором отсутствовал Троцкий. Он не принимал участия в Восьмом съезде, так как вынужден был срочно выехать на фронт. Но как в 1919 году, так и теперь съезд проходил под влиянием личности и деятельности Троцкого, являясь важным моментом его биографии.

На съезд «согласно постановлению ЦК» была допущена без права голоса небольшая группа оппозиционеров, еще состоявших в партии.^[1042] Они консультировались с Троцким о своем поведении и дальнейших действиях. Во время съезда Зиновьев и Каменев уверяли Троцкого в необходимости капитуляции, о чем последний вспоминал позже, передавая диалог с Зиновьевым. Пытаясь представить свое поведение в выгодном свете, Зиновьев напомнил о предупреждении Ленина, что конфликт Сталина и Троцкого грозит расколом партии. «Подумайте, какую ответственность вы на себя берете!» — воскликнул Зиновьев. «Но

правильна или нет наша платформа?» — задал вопрос Троцкий. «Сейчас более чем когда-либо», — ответил Зиновьев. «Но, если так, сама ожесточенность борьбы аппарата против нас свидетельствует, что это — не временные расхождения, а социальные противоречия. Ленин также писал в своем завещании, что если расхождение взглядов внутри партии совпадет с классовыми различиями, ничего не спасет нас от раскола».^[1043] Надо сказать, что ничего подобного в «завещании» Ленина не было, но это Троцкого не смущало. Ссылка на слова Ленина, пусть никогда не продиктованные, важна была для закрепления своей непримиримой позиции. Всегда и во всем оставаясь политиком, Троцкий готов был нарушить фактическую точность, если считал это целесообразным.

Третьего декабря большая группа оппозиционеров (121 человек, включая Троцкого) представила съезду заявление, разъяснявшее их позицию.^[1044] Подписавшие его отвергали путь второй партии, настаивали на возвращении в партию исключенных и освобождении арестованных за оппозиционную деятельность. Иначе говоря, был предпринят тактический шаг с целью предотвратить исключение из ВКП(б) основной массы оппозиционеров. Однако эта попытка осталась безрезультатной.

Развязанная на съезде идейно-политическая расправа с оппозицией заставила группу, по разным причинам наиболее близкую в это время к Троцкому, лишь утвердиться в правоте своих критических суждений. 10 декабря Н. И. Муралов, К. Б. Радек и Х. Г. Раковский обратились к съезду с новым письменным заявлением.^[1045] Они требовали соблюдения демократических принципов и настаивали на правильности выводов, сделанных в предыдущих оппозиционных документах. В заявлении, скорее всего согласованном с Троцким, говорилось: «Мы считаем, что наши взгляды, изложенные в платформе и тезисах, каждый из нас в рамках устава может защищать перед партией. Отказ от защиты своих взглядов в партии политически равносителен отказу от самих взглядов». Этот документ выглядел свидетельством мужества и принципиальности части оппозиции.

Выражением этих качеств явился и новый документ — заявление от 18 декабря, подписанное Мураловым, Радеком, Раковским и Смилгой и оглашенное на съезде Смилгой в тот же день.^[1046] Оно касалось предложения об исключении оппозиционных деятелей из ВКП(б), продиктованного Сталиным, внесенного Орджоникидзе и поддержанного делегатами. В заявлении провозглашалось: «Исключение из партии лишает нас партийных прав, но не может освободить нас от тех обязанностей, которые приняты каждым из нас при вступлении в ряды Коммунистической

партии». Авторы отвергали приписываемое им намерение создать вторую партию и тем более антисоветскую тенденцию, характеристику их взглядов как меньшевистских, указывая на необходимость внутрипартийной реформы.

Оглашение этого, как и предыдущего, документа, целиком проникнутого коммунистическим догматизмом и фанатизмом (чего стоит хотя бы утверждение, что, будучи исключенными, их авторы будут работать над укреплением компартии!), вызвало новую волну ярости сталинской группы. В «Дневнике съезда» — официальном отчете его секретариата — заявление было названо «наглым» и сказано о том, что съезд «с возмущением отверг обсуждение этой гнуснейшей декларации политических двурушников».^[1047]

Иным было поведение некоторых других оппозиционеров, склонявшихся к капитуляции еще до съезда и укрепившихся в этом намерении в его ходе. На следующий день после решения, принятого 18 декабря, об исключении из ВКП(б) 75 оппозиционеров, в том числе, разумеется, всех тех, кто выступил с вышеназванными заявлениями, была оглашена декларация противоположного свойства.^[1048] Ее подписали 23 человека, включая Каменева и Зиновьева (датирован документ был предыдущим числом, создавая представление, будто он написан до решения об исключении). Авторы его заявляли о полном идейном и организационном «разоружении», осуждали свои предыдущие взгляды и действия, просили вернуть их в партию. Этот поступок Троцкий назвал «чудовищным вероломством», определив его словами: «Бороться против сталинизма в тех пределах, которые разрешит Сталин».^[1049]

Следуя требованию Сталина, Каменев и Зиновьев выступили с обширным открытым письмом,^[1050] в котором отреклись от союза с Троцким. Так, буквально на следующий день после исключения активных деятелей оппозиции из ВКП(б) сама оппозиция раскололась. Значительная ее часть капитулировала перед сталинской группой. По поводу капитуляции Зиновьева и Каменева Троцкий писал через два месяца, находясь уже в ссылке: «...есть по крайней мере тот плюс, что мнимые величины выходят из игры, надо думать, выходят навсегда». Попутно он рассказывал: «Когда появилось в газете письмо двух злополучных мушкетеров, я в который раз уже вспомнил пророческие слова Сергея [Мрачковского]: «Не надо блока ни с Иосифом, ни с Григорием, — Иосиф обманет, а Григорий убежит». Григорий действительно убежал».^[1051]

Пятнадцатый съезд, который, по словам Троцкого, стал «всесоюзным

совещанием сталинской фракции», был важнейшим этапом на пути превращения ВКП(б) в своего рода священный союз совокупного начальства. В воспоминаниях главу об объединенной оппозиции Троцкий завершил словами: «XV-й съезд постановил исключение оппозиции в целом. Исключенные поступали в распоряжение ГПУ». [\[1052\]](#)

Поражение Троцкого как лидера объединенной оппозиции и политического деятеля было обусловлено как объективными, так и личностными причинами, которые тесно переплетались, но вычленив их все же можно.

Объективными причинами являлись прежде всего сущность политической власти в СССР, характер правившей партии, которая все более оформлялась в мощную структуру, ведущую часть тоталитарной системы, находившейся к концу 1920-х годов на заключительной стадии формирования. Эта система не терпела двоецентрия, тяготела к установлению персонального единовластия, прикрытого утопическими идеями, превращенными в демагогические лозунги, ставя в то же время цель упрочения своей власти любыми средствами. Тоталитаризм призван был ко времени завершения своего формирования найти фигуру, способную с наибольшей эффективностью обеспечить функционирование унифицированной социально-политической системы, стремившейся охватить все стороны общественной и личной жизни. [\[1053\]](#) Тот факт, что этой фигурой оказался Сталин, вытекал не только из личностных черт его самого, но и из всего комплекса тоталитарной системы, нуждавшейся в прагматическом диктаторе, опиравшемся на властный аппарат.

Этот общий комплекс дополнялся конкретными обстоятельствами 1920-х годов, когда не только в обывательской, рабоче-крестьянской среде, но и в партийных кругах накопилась невероятная усталость, вызванная непосильным грузом Гражданской войны, военного коммунизма, грандиозных проектов революционного переустройства не только России, но и всего мира. Бывшие ленинские соратники, стремившиеся вкусить, наконец, в полной мере практические результаты своей власти (они пользовались властью в личных целях и ранее, но в нестабильных условиях, под угрозой лишиться не только благ, но и жизни), увидели делового исполнителя этих волеизъявлений в скромном генсеке (только еще начинавшем показывать свою хватку), которого не один Троцкий, но и масса других функционеров считали посредственностью, серой фигурой, не манившей грандиозными всемирными перспективами, а намечавшей создание социалистического рая в недалеком будущем в масштабах

собственного отечества. К тому же предполагалось, что эту фигуру можно будет без труда заменить иной, если возникнет нужда.

К числу субъективных причин поражения Троцкого относились его слабость как политического манипулятора, стремление в основном следовать идейным принципам марксистской политики, правилам игры, которые из нее вытекали, тогда как Сталин «возвел в закон жестокий нрав игры без правил» (Владимир Высоцкий). Но были и другие личные причины, частично связанные с этой главной, а частично существовавшие самостоятельно.

Одна из них — меньшевистское или «полуменьшевистское» прошлое Троцкого, его столкновения с Лениным между двумя революциями в России, его позднее вступление в большевистскую партию. Троцкий никак не мог забыть своих острых и справедливых обвинений по адресу Ленина, выдвигавшихся с 1904 года. Он мог приспособиться к внутренней жизни большевистской партии, к ленинскому диктату и диктаторской государственной власти, которую сам исполнял с полной отдачей. Но все же в глубине души он не был в состоянии избавиться от юношеских надежд на возможность построения рабочей партии не на базе психологии осажденной крепости и вытекающего отсюда безоговорочного подчинения начальству, а с учетом самостоятельности рядовых масс.

Наконец, нельзя не принимать во внимание, что Троцкий чувствовал свое личное превосходство над окружающими, преувеличивал это превосходство, почти не скрывая этого. На виду были его высокомерие, отстраненность от окружающих, стремление смотреть на других, прежде всего на политических соперников, откровенно сверху вниз, тогда как Сталин покамест усиленно маскировался «большевистской скромностью».

Не исключены были непредвиденные повороты, которые могли бы привести к восстановлению Троцкого во властной иерархии, но это могло произойти только при катаклизмах, при внезапном исчезновении Сталина и близких к нему партocrats, при коренном изменении политической обстановки в СССР. Рассчитывать на это в обозримой перспективе было почти невозможно. Политически активные слои общества постепенно исчезали. Рассчитывать на массовую поддержку Троцкий и его ближайшие сторонники теперь не могли. За баталиями 1927 года, разумеется, следили люди различного социального положения, но в основном отстраненно, не желая ввязываться в неприятные истории. Именно так — «Неприятная история» — писатель-сатирик Михаил Зощенко назвал свой рассказ 1927 года, в котором герой разыгрывает хозяйку дома, куда он пришел в гости: он якобы звонит в Кремль и спрашивает мнение товарища Троцкого о

смысле слова «троцкизм». Хозяйка, конечно, шокирована, вечер испорчен.

Отныне Троцкий работал в основном не столько на современников, сколько на потомков.

Глава 8

ССЫЛКА

Изгнание из Москвы

К началу 1928 года были задержаны и находились в заключении примерно полторы тысячи оппозиционеров.^[1054] Арестованная в январе 1928 года группа москвичей устроила в Бутырской тюрьме бунт, который был подавлен, а его участники зверски избиты. Сотрудники ОГПУ, готовя Сталину доклад об этом инциденте, завершили его словами: «Таким было поведение злейших врагов партии и Советской власти».^[1055]

Существовала вероятность, что судьбу этих людей разделят нераскаившиеся политические лидеры оппозиции. Однако время прямой физической расправы, по мнению Сталина, еще не наступило. Правившая группа не исключала, что примеру Каменева и Зиновьева последуют другие оппозиционеры, и их покаяние можно будет использовать в пропагандистских целях.

Судя по протоколам Политбюро, вопрос о депортации оппозиционеров им не обсуждался. Можно, однако, не сомневаться, что решение о их высылке в отдаленные районы страны, в частности об удалении Троцкого из Москвы, было принято этим высшим властным органом — скорее всего 23 декабря 1927 года^[1056] без включения вопроса в протокол. Воля партократии была оформлена постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 31 декабря 1927 года о ссылке активных деятелей оппозиции.^[1057] Само собой разумеется, что решение было принято по прямому указанию Сталина.

В конце декабря 1927 года Троцкого проинформировали о его направлении в Астрахань, где ему будет предоставлена работа. Он ответил, что малярия делает для него невозможным пребывание в этом городе. Неизвестно, страдал ли он на самом деле этой болезнью (некоторые врачи трактовали внезапные повышения температуры именно как редкую форму

малярии), но в качестве таковой теперь можно было представить приступы болезненного состояния, сопровождавшие Троцкого на протяжении ряда лет.

Фактически с первых чисел января 1928 года становилось ясно, что речь идет не о направлении на работу, а о ссылке Троцкого в Астрахань, Раковского — в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар), Радека — в Ишим и т. д. 3 января Троцкий был вызван в ОГПУ, но отказался явиться.

Когда поступило это известие, Раковский, Радек и Каспарова потребовали встречи с Орджоникидзе. Они протестовали против места назначения Троцкого, заявляя, что здоровье Льва Давидовича подорвано малярией и он не выдержит тяжелого туманного климата в этом прикаспийском городе. Орджоникидзе занял двойственную позицию, давал неопределенные обещания, а ОГПУ, как украдкой сообщали из этого учреждения тайные симпатизанты Троцкого, планировало в ближайшие дни приступить к осуществлению директивы Политбюро о депортации.

Единственным результатом демаршей оппозиционеров накануне ссылки было удовлетворение их протеста по поводу места нахождения Троцкого — Астрахань была заменена Алма-Атой. Его проинформировали, что он будет депортирован на основании статьи 58 (10) Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшей кары вплоть до расстрела за контрреволюционную агитацию и пропаганду. Зарубежная печать называла эту расправу «сухой гильотиной».^[1058]

Первым в ссылку отправили Троцкого. Отъезд был назначен на 16 января. Троцкому сообщили, что его поезд отходит от Казанского вокзала в 10 часов вечера. В то время как Наталья Ивановна при помощи друзей занималась подготовкой к отъезду, явился старый друг и лечащий врач семьи Ф. А. Гетье, который наивно советовал отложить отъезд в связи с тем, что супруга Троцкого была простужена...^[1059] Хотя доктор лечил высшую элиту, характер и масштабы конфликта он не вполне понимал, полагая, что речь идет чуть ли не об очередной деловой поездке.

Тем временем в квартиру Белобородова приходили многие люди попрощаться с Троцким. В эти часы как раз и разыгран был спектакль, задуманный для отправки Троцкого из Москвы без публичного внимания, так как власти опасались связанных с этим волнений или по крайней мере городской и вокзальной суматохи. По телефону без объяснения причин сообщили, что отъезд отложен на два дня, причем сделано это было непосредственно перед предполагавшимся отправлением поезда.

А в это время на Казанском вокзале собрались сотни сторонников

оппозиции. Они нашли вагон, в котором якобы намечалось везти их вождя. На крыше вагона установили портрет Троцкого. Однако поезд тронулся, а герой истории так и не появился. Пришедшие вскоре на квартиру Белобородова посланцы с вокзала рассказали, что демонстранты смогли, взявшись за руки и став перед паровозом, остановить состав. Прошел слух, будто Троцкого провели в вагон незаметно. Группа людей ворвалась в вагон, произошла стычка с агентами ОГПУ, были пострадавшие. Поезд отправился с полуторачасовым опозданием, но к этому времени всем уже было известно, что депортация отложена на двое суток. Поздно вечером с вокзала возвратили багаж.

На следующее утро в квартиру явилась большая группа агентов ОГПУ. Троцкому был вручен ордер на арест и немедленную отправку под конвоем в Алма-Ату за подписью Г. Г. Ягоды (этот быстро продвигавшийся первый заместитель председателя ОГПУ в условиях почти постоянных болезней Менжинского сосредоточил в своих руках руководство всем ведомством).

Троцкий решил устроить очередную политическую акцию. Он заявил, что физически отказывается от депортации, которая может быть проведена только с применением насилия. Вместе с женой, сыновьями и несколькими посетителями Лев Давидович заперся в одной из комнат. «Они не знали, как быть, — писала Седова, — колебались, вступали в переговоры со своим начальством по телефону, затем получили инструкции и заявили, что будут ломать дверь, так как получили приказание».

Без особого труда дверь взломали. Собственно, ее никто и не укреплял, не баррикадировал, так как результат был ясен. Когда препятствие устранили, в проеме появился человек, которого Троцкий знал еще по Гражданской войне — некий Кишкин, сопровождавший его в поездках по фронтам, в чем явно сказалось коварство руководителей спецорганов. Командовать нарядом, присланным для ареста Троцкого, поручили его бывшему сотруднику. Он должен был проявить особую ревностность, чтобы заслужить карьерное продвижение.

Кишкин стоял в дверях, взволнованный и растерянный. «Стреляйте в меня, товарищ Троцкий», — повторял он, на что Троцкий ответил: «Не говорите вздора, Кишкин, никто в вас не собирается стрелять, делайте свое дело». Последовала сцена, достойная сатирического памфлета с трагедийным компонентом. Увидев, что Троцкий одет по-домашнему, агенты разыскали ботинки и стали надевать ему на ноги. Точно так же были водружены шуба и шапка. Троцкий не оказывал сопротивления, но и не помогал гэпэушникам, которые затем понесли его к выходу на руках. За ними последовали жена и сыновья. Старший сын Лев звонил во все

квартиры и кричал: «Смотрите, несут товарища Троцкого!» В элитном доме жили видные деятели, находившиеся в это время на службе. В дверях появлялись их жены, дети или домашние работницы, которые испуганно отшатывались и запирали двери квартир. Никакого сопротивления никто не собирался оказывать. Но своей цели Троцкий в какой-то мере добился. Слух о том, как насильно отправляли его в ссылку, стремительно стал распространяться по Москве, а затем и в других городах.

Троцкого, его супругу и двух сыновей погрузили в автомобиль. Когда машина приехала на «площадь трех вокзалов», оказалось, что конечным пунктом назначения был не Казанский, как ранее сообщили, а Ярославский вокзал. Точно так же, как из квартиры, агенты понесли Троцкого на руках, но теперь такое поведение лидера оппозиции значения уже не имело. Правда, произошла небольшая физическая стычка. Сын Лев стал кричать занимавшимся своими делами железнодорожникам: «Товарищи, смотрите, как несут товарища Троцкого!» Его схватил за воротник агент ОГПУ. «Ишь, шпингалет!» — прикрикнул он и тут же получил от Сергея удар по щеке.

В конце концов Троцкий с семьей оказались в купе вагона. Остальные купе и коридор были заняты агентами ОГПУ, бдительно сторожившими непокорную группу. В два часа дня 17 января 1928 года паровоз с единственным вагоном двинулся в путь. На глухой подмосковной станции вагон был включен в почтовый поезд, вышедший перед этим с Казанского вокзала в сторону Ташкента и остановленный для проведения этой ответственной, по мнению властей, операции. Здесь Сергей Седов покинул вагон, чтобы возвратиться в Москву, а Лев отправился с родителями.

Депортация проводилась сравнительно толерантно. Конвой, по словам Седовой, был предупредителен и вежлив. «Л[ев] Д[авидович], — писала она, — был настроен бодро, почти весело. Положение определилось. Общая атмосфера стала спокойней».^[1060] Правда, багаж был отправлен следующим поездом (видимо, чтобы как можно меньше привлекать внимания к операции), и Троцкому сообщили, что он получит его в городе Пишпек, перед этим переименованном во Фрунзе, откуда предстояло отправиться автомобильным транспортом.

Троцкого угнетало не столько отсутствие бытового багажа, сколько книг и письменных принадлежностей, заботливо уложенных секретарями Сермуксом и Познанским, знавшими его вкусы и привычки и сохранившими верность шефу. Перед отъездом Сергей достал книгу известного ученого и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского о Туркестанском крае,^[1061] по которой Лев и Наталья намеревались

познакомиться с будущим местом жительства. Но и эта книга оказалась в багаже. «Мы сидели в вагоне налегке, точно переезжали из одной части города в другую. К вечеру вытянулись на скамьях, опираясь головами на подлокотники. У приоткрытых дверей купе дежурили часовые», — вспоминала Наталья Ивановна.

По мере продвижения на восток конвой становился более предупредительным. Сказывалось традиционно уважительное отношение к Троцкому чуть ли не как к творцу большевистских побед в Гражданской войне. Чем более удалялись от глаз начальства, тем свободнее чувствовали себя охранники, готовые даже оказывать житейские услуги. В Самаре были закуплены смены белья, мыло и другие вещи первой необходимости. Купленным вещам присваивались иронические имена — полотенце имени Менжинского, носки имени Ягоды.

Исключительно важную роль в деятельности Троцкого с этого времени начал играть его старший сын Лев Седов. Активно участвовавший в оппозиции и до этого, теперь он постепенно превращался в основного политического сотрудника и помощника отца. Не успев в Москве даже попрощаться с женой Анной из-за внезапности отъезда, он целиком и полностью отдался политическим делам Троцкого. Его мать писала, правда, значительно преувеличивая ситуацию: «С этих пор он стал нашей единственной связью с внешним миром».

Из Фрунзе путь продолжали сначала на автобусе, затем по высокогорной дороге на телегах и, наконец, вновь на автобусе, высланном из Алма-Аты.

Так Троцкий оказался в третьей, на этот раз советской, ссылке, из которой бежать было почти невозможно, тем более для такого именитого лица, находившегося в изгнании вместе с семьей. К тому же, при всем неприятии сталинского режима, существовавшая власть рассматривалась им не как политически враждебная, а только допускавшая серьезные отклонения от правильного курса. Изгнанник по-прежнему ставил своей задачей не свержение власти, а изменение политики путем замены «центристского» руководства новыми людьми, что повлекло бы восстановление его личных властных функций.

Ссылка Троцкого породила новый анекдот, циркулировавший в Москве в 1929 году. В нем рассказывалось, как Сталин, провожая Троцкого и попыхивая трубкой, заявил ему: «Дальше едешь, тише будешь». Этот анекдот явно придумали те, кто плохо знал характер Льва Давидовича.

Первый месяц Троцкий с семьей жили в алма-атинской гостинице «Джетьысу» (в переводе с казахского «Семиречье»). Условия были не из лучших. За две крохотные комнаты необходимо было платить из своего кармана. Комнаты не имели элементарных удобств (ванной, туалета), к которым семья успела привыкнуть как к необходимому условию существования. Правда, Наталье Ивановне будто в насмешку предоставили право пользоваться кухней, но ее оборудование было разрушено и приходилось пользоваться ресторанной пищей, дорогой и мало съедобной, «гибельной для здоровья», как сообщал Троцкий 31 января в телеграфной жалобе Калинину и Менжинскому. «Мы поселены ГПУ [в] гостинице [в] условиях, близких тюремным», — негодовал Лев Давидович, вспоминая, вероятно, более удобные условия первой ссылки по приговору царского суда в Сибирь в годы юности. Особенно раздражал его теперь отказ начальника местного управления ОГПУ дать ему разрешение на охоту.^[1062]

Все же, попытавшись несколько припугнуть Троцкого более суровыми мерами, которые, однако, ни в какое сравнение не шли с бесчеловечными каторжными условиями узников уже находившегося в стадии становления ГУЛАГа, высшие власти пока не собирались слишком закручивать гайки. За Троцким, его перепиской было, однако, установлено тщательное наблюдение. Все письма просматривались сотрудниками ОГПУ, и ежемесячные справки посылались Сталину и Менжинскому.^[1063]

Сразу по прибытии в Алма-Ату Троцкий начал предпринимать меры для установления связей с разбросанными по стране единомышленниками. Конец января — февраль 1928 года стали временем многочисленных телеграмм и открыток, которые члены семьи и сосланные оппозиционеры посылали Троцкому, зная только, что он находится в Алма-Ате. Адрес был простой: Алма-Ата, почта, до востребования, Седову (у Троцкого был паспорт на фамилию жены).

Получив телеграммы от В. Д. Каспаровой, Н. И. Муралова, И. Н. Смирнова, Троцкий немедленно откликнулся, сообщив свой временный, пока еще гостиничный адрес.

Несколько писем Троцкий получил от своей первой жены А. Л. Соколовской, с которой сохранил дружеские отношения. Александра Львовна выполняла просьбы бывшего супруга, посылала ему литературу. Соколовская рассказала, как проходило ее исключение из ВКП(б). Вот

выдержки из ее письма от 2 мая 1928 года: «Ты, надеюсь, знаешь, что мои все политические симпатии всегда совпадают с твоими, даже если мы друг о друге ничего не знаем». На партийном собрании произошел следующий диалог. У Соколовской спросили: «Как, вы даже против исключения Троцкого?» Она ответила: «Я знаю 30 лет Троцкого как самого пламенного революционера, который всегда стоял на этой позиции и даже на одно мгновение не изменил ей». «Как так? — возмущенно заявил председатель собрания. — Ведь он был меньшевиком? А Августовский блок?» Соколовская бросила в ответ: «Я не изучала историю партии по фальсифицированным документам, а сама ее творила. Вы мне про Троцкого не рассказывайте, а у меня про него спросите». Председатель воскликнул: «Я тоже знаю партию не по документам!» Александра, оставшаяся и в пожилые годы прежней юной революционеркой, сохранила за собой последнее слово: «Что ж, так значит не всякому дано умение понимать, что вокруг него делается». [\[1064\]](#)

В одном из первых писем друзьям и единомышленникам (которые затем Троцкий стал рассылать десятками), на этот раз адресованному бывшему наркому почт и телеграфов И. Н. Смирнову, Троцкий писал, что живет пока «в гостинице гоголевских времен». [\[1065\]](#) Через несколько дней, сообщая, что в гостинице «ужасный хаос, который, хотя и не является результатом землетрясения, но очень напоминает последнее» (правда, клопов в номере не было, и это приходилось рассматривать как маленькую радость), Троцкий выражал надежду в ближайшее время заняться охотой, хотя дичи и поубавилось, но она чрезвычайно разнообразна: от перепела до барса и тигра.

В двадцатых числах февраля Троцкому предоставили квартиру, и быт стал постепенно налаживаться. Он писал 27 февраля 1928 года: «Пришлось покупать мебель, восстанавливать разоренную плиту и вообще заниматься строительством, правда, во внеплановом порядке» (здесь звучала явная ирония по поводу советских планов. — Г. Ч.) В мае удалось получить небольшую денежную сумму, чтобы снять дачу в окрестностях города — так называемых «Садах»: на летний период все жители, которые были в состоянии это сделать, покидали Алма-Ату, где царили жесточайшая жара и невыносимая пыль. Сюда, в «Сады», приехали навестить родных сначала сын Сергей, а затем жена Льва Анна, настроение которой было удрученным, поскольку перед отъездом ее уволили с работы. [\[1066\]](#)

Первоначальное запрещение охотиться, исходившее от местного ГПУ, было, очевидно, после вмешательства Москвы, отменено. Правда, охоту

ограничили 25 верстами, что вызвало новое возмущение, выраженное в телеграмме Менжинскому от 6 марта 1928 года. Заявляя, что в указанном радиусе охоты нет, Троцкий 6 марта объявил, что собирается охотиться в районе Илийска, за 70 верст от Алма-Аты, и просил дать соответствующие указания местным властям «во избежание бесцельных столкновений». Вскоре Троцкий рассказал в одном из писем о второй вылазке на охоту. Эта экспедиция была удачной, о чем свидетельствовали восторженные тона послания. Для своих предприятий Троцкий приобрел охотничью собаку по имени Мая, в отношении которой острил, что она «даже и не подозревает, что попала в большую политику» (позже появилась и вторая собака). Вот отрывок из этого описания: «...Поездка доставила мне огромное удовольствие, суть которого состоит во временном обращении в варварство: девять дней провести на открытом воздухе, и заодно девять ночей, есть под открытым небом баранину, тут же изготовленную в ведре, не умываться, не раздеваться и потому не одеваться, падать с лошади в реку (единственный раз, когда пришлось раздеться), проводить почти круглые сутки на маленьком помосте посреди воды и камышей (киргизская дверь размером с небольшое окно) — все это приходится переживать не часто».

В Алма-Ате Троцкий занялся работой, которую считал ответственной. Еще до ссылки он договорился с директором Института Маркса и Энгельса Д. Б. Рязановым о сотрудничестве. Институт взял на себя снабжение Троцкого политической литературой.

Он получил от института несколько заданий. Одно из них — редактирование части томов К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке. В начале мая он сообщил супругам Радек, что получил первый том и приступает к работе. [\[1067\]](#)

Другим поручением стал перевод на русский язык части памфлета К. Маркса «Господин Фогт», написанного в 1860 году как полемический ответ на ряд печатных выступлений германского философа и естествоиспытателя Карла Фогта. В мае 1928 года Троцкий информировал Рязанова, что перевел примерно три печатных листа работы, но они еще нуждаются в доработке, особенно в связи с наличием многоязычных цитат, и выражал готовность перевести всю книгу, если Рязанов не будет настаивать на срочности. [\[1068\]](#)

За свою работу Троцкий получал от института гонорары. Создается впечатление, что Рязанов, занимавший негативную позицию в отношении Сталина, но не участвовавший в оппозиции, поручал Троцкому переводы, чтобы материально его поддержать. Можно предположить, что и власти не

возражали против его переводческой деятельности, надеясь, что Троцкий займется «безопасной» работой, которая поглотит его время и отвлечет от оппозиционных выступлений, что отнюдь не оправдалось.

В ссылке Троцкий приступил к работе над книгой воспоминаний, которую завершит и издаст уже в эмиграции. В алма-атинской библиотеке он разыскал старые журналы, полагая, что они станут опорными вехами для проникновения в эпоху, и был обрадован, обнаружив в той же библиотеке топографические планы Одессы и Николаева.^[1069]

Многие годы Троцкий работал с секретарями и привык к этому. Теперь приходилось привыкать трудиться почти в одиночку — Сермукс и Познанский в Алма-Ату допущены не были (обоих отправили в ссылку). Троцкому разрешили пользоваться пишущей машинкой, привезенной с собой, а единственным помощником оказался безотказный сын Лев, трудившийся с утра до ночи, выполняя все более нагромождавшиеся технические и частично политические поручения отца. Посильную помощь оказывала и Наталья Ивановна.

Возобладавшая в руководстве партии и страны сталинская группа проводила довольно четкое различие между сосланными лидерами оппозиции (Троцкий, Радек, Преображенский, Раковский, Смилга и некоторые другие) и бывшими рядовыми оппозиционерами. К первым пока относились с определенным пиететом — брали на скудное содержание, не препятствовали переписке и даже давали возможность обращаться в международные коммунистические инстанции, в частности к VI конгрессу Коминтерна. Вторая же группа — оппозиционеры низшего и среднего звена — жестоко преследовались. Рядовых оппозиционеров сажали в тюрьмы, где они, помимо охраны, подвергались издевательствам уголовников, находившихся в тех же камерах.

Проводя этот курс, власти ставили несколько задач: оторвать верхушку оппозиции от рядовой массы, возбудить чувства недовольства в среде последних, оставить для лидеров полуоткрытую дверь для возвращения в партию, продемонстрировать зарубежной общественности своего рода «либерализм» руководства ВКП(б), готового принять заблудших в свои ряды при полном раскаянии. Эти расчеты не были построены на песке. Сталин, отлично зная уровень значительной части оппозиционеров, которые, как и он сам, усвоили ленинский моральный релятивизм, действовал почти наверняка. Стойкой оставалась лишь небольшая группа оппозиционных лидеров (Троцкий, Раковский, Сосновский и некоторые другие).

Информацию о текущих событиях в СССР и за рубежом Троцкий

поначалу узнавал только из советской прессы. Почта приходила с большим опозданием. Ссылному пришлось жаловаться местным властям, которые заверили его, как и полагалось бюрократам, что почтовые неурядицы будут улажены. Иностранные газеты не доходили, и Троцкий просто изнывал без западной прессы. Он писал в феврале в одном из писем, что надеется со временем наладить получение по крайней мере важнейших мировых газет (хотя бы с запозданием на месяц, что считал терпимым).^[1070] Это ему действительно удалось. Помощь оказали владевшие иностранными языками Х. Г. Раковский и другой болгарин, участник оппозиции Георгий Андрейчин, который, сам находясь в ссылке, установил с лидером несогласных письменный контакт и предложил ему всяческие услуги. Пользуясь тем, что он сохранил связи с деятелями американского рабочего движения, в котором участвовал ранее, Андрейчин посылал Троцкому материалы американской печати, делился соображениями о политическом положении и перспективах развития США.^[1071] Были и другие источники информации. Многие материалы присылали ему остававшиеся в Москве сын Сергей и дочь Зинаида.^[1072]

Находясь в ссылке, Троцкий пережил первую тягчайшую семейную утрату. 9 июня 1928 года в Москве от скоротечного туберкулеза скончалась его 25-летняя дочь Нина, муж которой Марк (Ман) Невельсон, будучи участником оппозиции, был арестован незадолго до высылки ее отца.

Во время ареста Невельсона Нина находилась в больнице, куда попала из-за гриппа, осложнившегося воспалением легких, а затем туберкулезом. Неблагополучным было и ее моральное состояние в связи с арестом мужа, собственным исключением из партии и лишением работы как родственницы лидера оппозиции. Дома почти без присмотра оставались маленькие дети — семилетний Лева и двухлетняя Волина. Вначале болезнь Нины, хотя протекала нелегко, не считалась опасной. 20 марта 1928 года она писала отцу, что пятую неделю находится в постели и вторую в больнице, но готова «броситься в погоню» за книгами, необходимыми отцу. Хотя у нее держалась высокая температура, она надеялась скоро «выйти на свободу».^[1073] Состояние здоровья с каждым днем ухудшалось, но Нина сбежала из больницы, чтобы ухаживать за детьми. Тяжелейшая болезнь легких стремительно развивалась, и, несмотря на помощь хороших медиков, в том числе кремлевского доктора Ф. А. Гетье (человека благородного, сохранившего связь с Троцким и в ссылке,^[1074] заботившегося о его родных), через несколько недель последовал фатальный исход. До открытия пенициллина оставались еще годы, и во

многих случаях медицина оказывалась бессильной.

Шестнадцатого июня в Алма-Ату пришла телеграмма от Христиана Георгиевича Раковского из Астрахани: «Вчера получил твое письмо о тяжелой болезни Нины... Сегодня из газет узнал, что Нина окончила свой короткий революционный жизненный путь. Целиком с тобой, дорогой друг, и очень тяжело, что непреодолимое расстояние разделяет нас. Обнимаю много раз и крепко. Христиан».^[1075]

В подобных письмах и телеграммах удивляет стремление сохранить веру в догматическую утопию, вновь и вновь приходившую в прямое противоречие с жизненными реалиями. Оппозиционеры вполне могли попрекать стоявшую у власти группу за то, что она вводит все более жесткий режим для ссыльных, ограничивает или налагает фактический запрет на их корреспонденцию. Но в переписке между собой (если она действительно была рассчитана на адресатов, а не в первую очередь на цензоров) пенять на Сталина и его клику было негоже — ведь сами нынешние оппозиционеры стояли у истоков той системы тоталитаризма, которая теперь оборачивалась против них самих.

Как видно даже из выражений соболезнования, коммунистическая догматика настолько глубоко въелась в сознание Раковского, Троцкого и других оппозиционеров, что их не мог ничему научить собственный опыт. Чего стоит пафосное упоминание в соболезновании о «революционном пути» несчастной, тяжело больной 25-летней женщины, оставленной без какой-либо помощи после ареста мужа с двумя малыми детьми и скончавшейся после того, как она покинула туберкулезную больницу отнюдь не для того, чтобы вести «революционную деятельность»!

Письма Троцкого шли Раковскому в Астрахань, Радеку и его жене Розе Маврикиевне в Тобольск, а затем в Томск, И. Н. Смирнову в Новобаязет (Армению), Каспаровой в Курган, Мрачковскому в Великий Устюг, Муралову в Тару, Преображенскому в Уральск, Врачеву в Вологду и многим другим ссыльным.

Приехав в Алма-Ату, Троцкий сразу же известил Раковского об этом письмом и получил ответную телеграмму. «Крайне обрадовался, здоров, работаю, обнимаю всех».^[1076] За этой телеграммой началась примечательная переписка, дающая представление об интересах, образе жизни и мышлении обоих изгнанников, их планах.

В Астрахань Раковский прибыл приблизительно 20 января 1928 года (он был отправлен «дня через три» после Троцкого).^[1077]

В сразу же развернувшейся переписке участвовали и члены семей обоих изгнанников — Наталья Ивановна и Лев Львович Седов, с одной стороны, супруга Раковского Александрина Георгиевна Раковская (Кодряну) — с другой. Так, 2 июля 1928 года Раковский приписал к письму жены: «Потерявши возможность добраться до вас по московскому тракту, письмо Алекс[андрины] Геор[гиевны] решило на этот раз отправиться к вам через Астрахань». ^[1078]

А поначалу за телеграммой последовало первое письмо Раковского Троцкому от 17 февраля того же года, в котором он рассказывал, что по приезде в Астрахань жил в коммунальной гостинице, но нашел комнату с пансионом, куда на днях должен перебраться (позже он опять поселится в гостинице). Письмо дает представление о его быте. В небольшой комнатухе основное место занимали лежавшие один на другом чемоданы с документами, которые Раковскому удалось увезти с собой. В городе была неплохая библиотека, но почти полностью отсутствовали книги по общественным дисциплинам.

Исторгнутый из привычной среды, Раковский тяжело переживал то, что не получал ни одного журнала. Но немало книг удалось взять с собой. Он усиленно изучал труды Анри Сен-

Лев Троцкий накануне высылки из СССР.

Конец 1920-х гг.

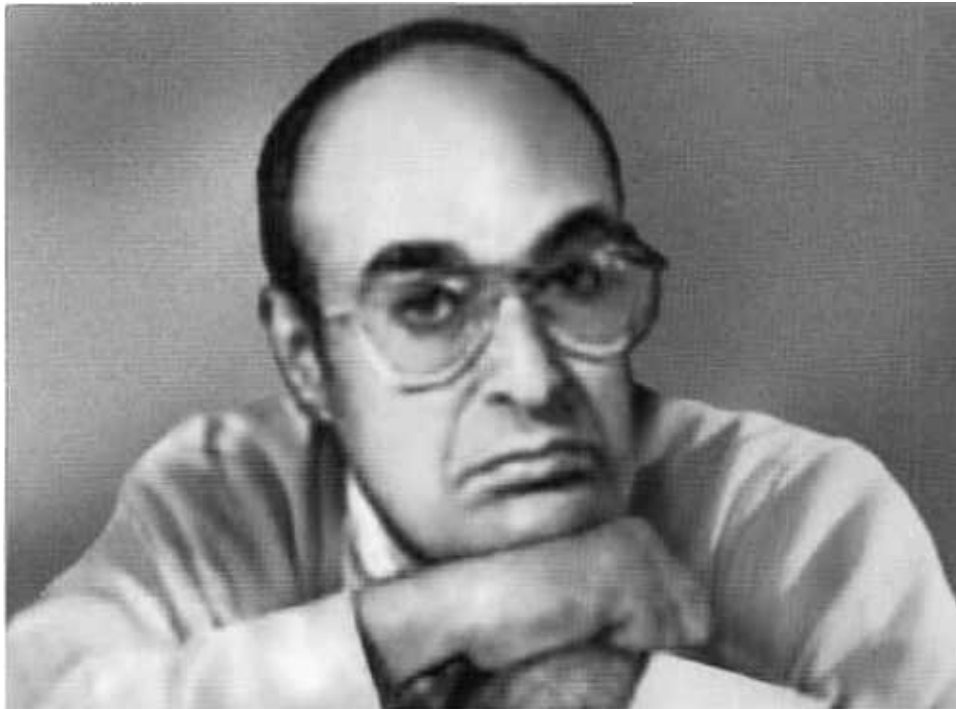
Троцкий с дочерью Зинаидой и братьями Соболевичусами, Рувелисом и Абрахамом, на острове Принкипо.

Турция. Окаю 1930 г.

Дом на острове Принкипо, где жил высланный Троцкий.

Турция

Жан Хейженоорт, многолетний секретарь Троцкого за границей

Альфред и Маргарита Росмеры, ближайшие политические сотрудники Троцкого

Ян Френкель, один из секретарей Троцкого, с Жаном Хейжсенооргом.

Турция

Лев Седов, сын и помощник Троцкого; руководил изданием журнала «Бюллетень оппозиции»

*Начальная страница первого выпуска «Бюллетеня оппозиции»
изданного в Париже.*

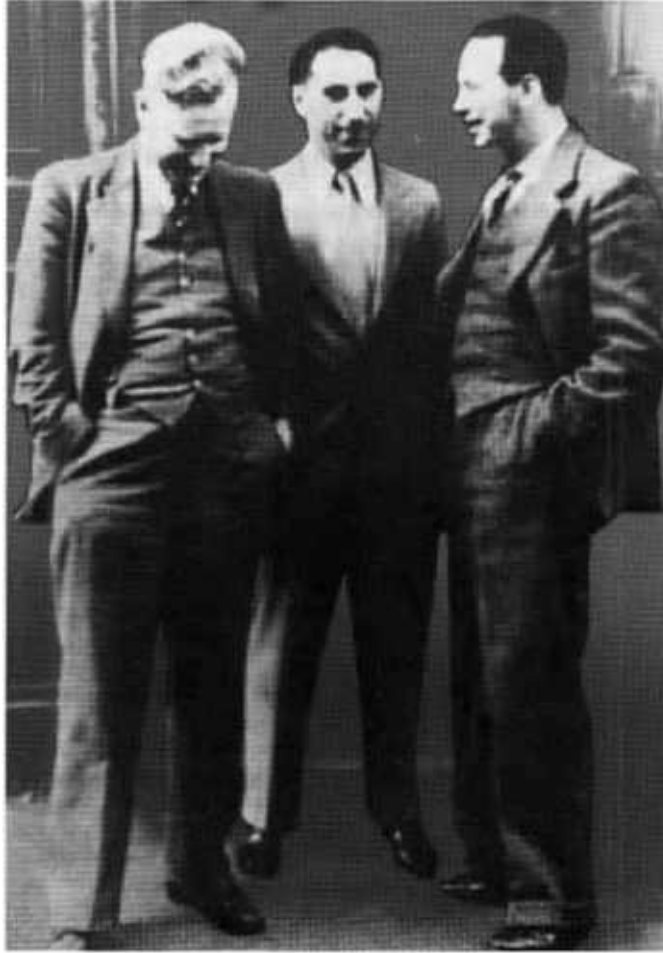
Июль 1929 г.

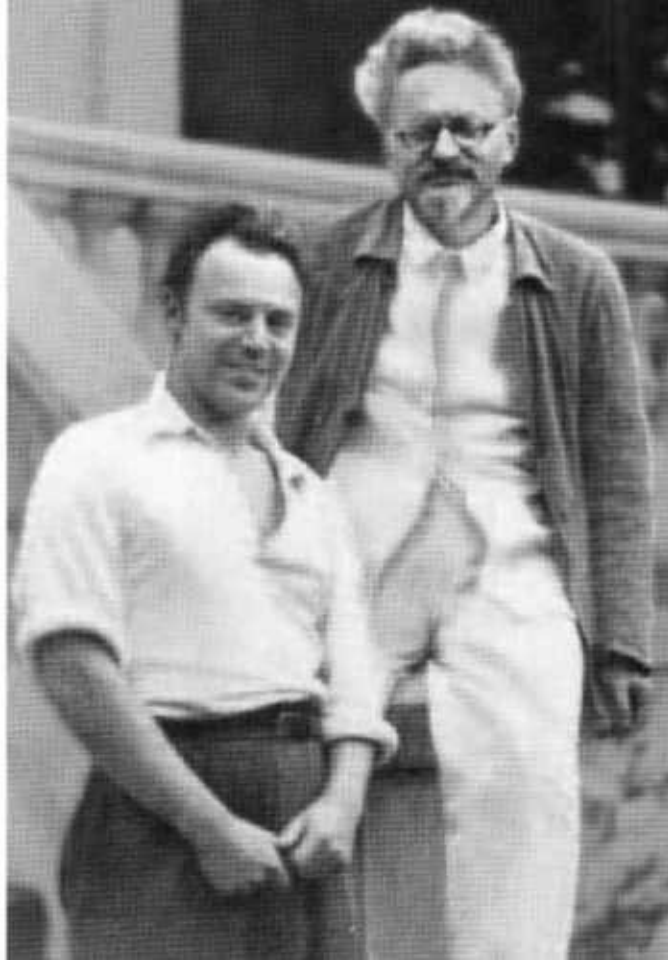
*Джеймс Кэннон, американский делегат VI конгресса
Коминтерна (1928), ставший сторонником Троцкого*

Яков Блюмкин, политический авантюрист, сотрудник ВЧК и ОГПУ, тайный сторонник Троцкого, расстрелянный за связь с ним в 1929 году

*Джеймс Кэннон, Мартин Аберн и Макс Шахтман,
руководители Коммунистической лиги США — организации
сторонников Троцкого*

Троцкий с сыном Львом Седовым

Зинаида, дочь Троцкого, и ее муж Платон Волков

Сергей. младший сын Троцкого.

Тюремное фото. Конец 1930-х гг.

Нина, дочь Троцкого, в замужестве Невельсон

*Чэнь Дусю, руководитель Коммунистической лиги Китая —
организации сторонников Троцкого*

*Анри Бретон, французкий писатель-сюрреалист,
сотрудничавший с Троцким*

*Троцкий во время поездки в Копенгаген для проведения
совещания своих сторонников.*

Ноябрь 1932 г.

Лев Троцкий в 1937 году

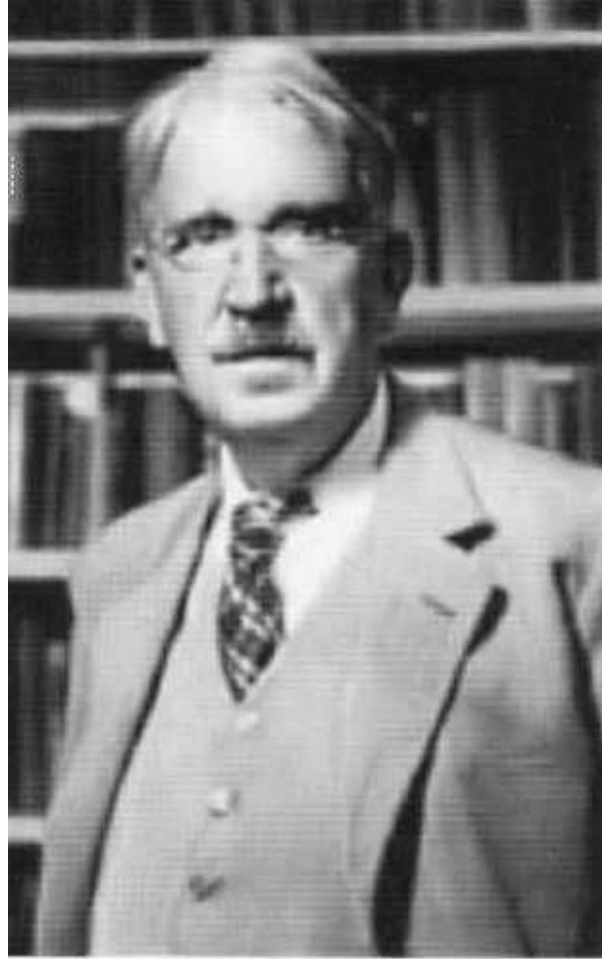
**«Гигиена убийцы». Карикатура на Троцкого работы
Кукрыниксов с подписью А. Жарова.**

1937 г.

*Троцкий, переехавший на Американский континент по визе
мексиканского правительства.*

Мехико. 1937 г.

*Американский профессор Джон Дьюи, глава комиссии по
расследованию обвинений, предъявленных Троцкому на
московских процессах*

*Лев Троцкий (второй слева) с мексиканскими художниками
Фридой Кало и ее мужем Диего Риверой (крайний справа)*

*Автопортрет Фриды Кало, подаренный Троцкому в
завершение их романа*

Фрида Кало с женой Троцкого Натальей Седовой.

Койоакан

Пикник в Мексике. Троцкий — на переднем плане слева

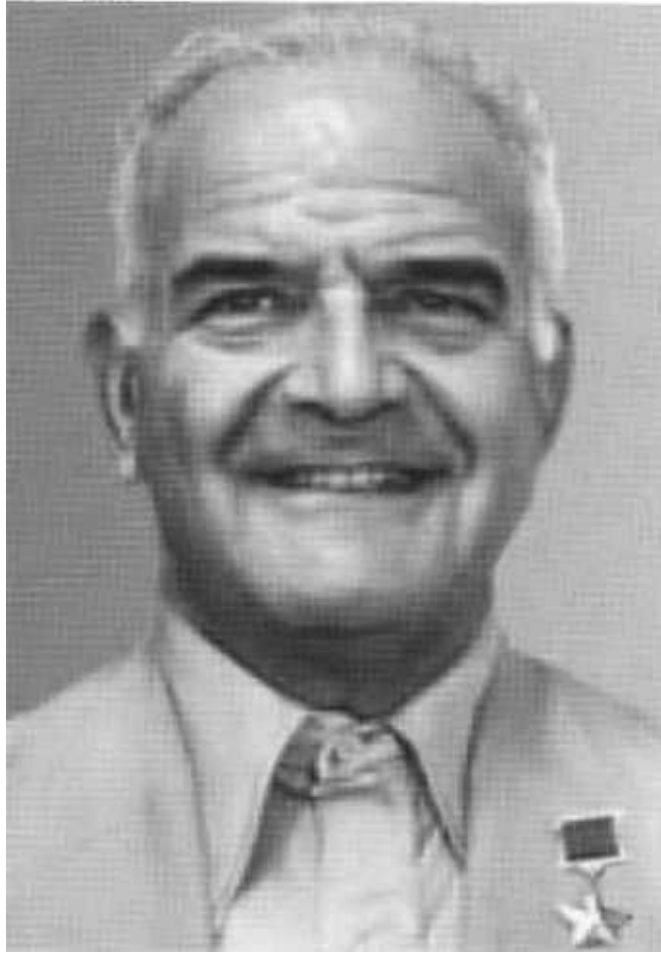
Павел Судоплатов, один из руководителей НКВД, возглавлял проведение операции по ликвидации Троцкого

*Иосиф Григулевич, советский разведчик, руководил первым
неудавшимся покушением на Троцкого 24 мая 1940 года*

Мексиканский художник Альфаро Сикейрос (крайний справа), коммунист-сталинист, участвовавший в первом покушении на Троцкого, выходит из тюрьмы

Р. Меркадер. после тюрьмы эмигрировавший в СССР.

Начало 1960-х гг.

Рамон Меркадер, смертельно ранивший Троцкого ледорубом, в день ареста.

20 августа 1940 г.

Мексиканские следователи демонстрируют орудие преступления — альпеншток (ледоруб).

Август 1940 г.

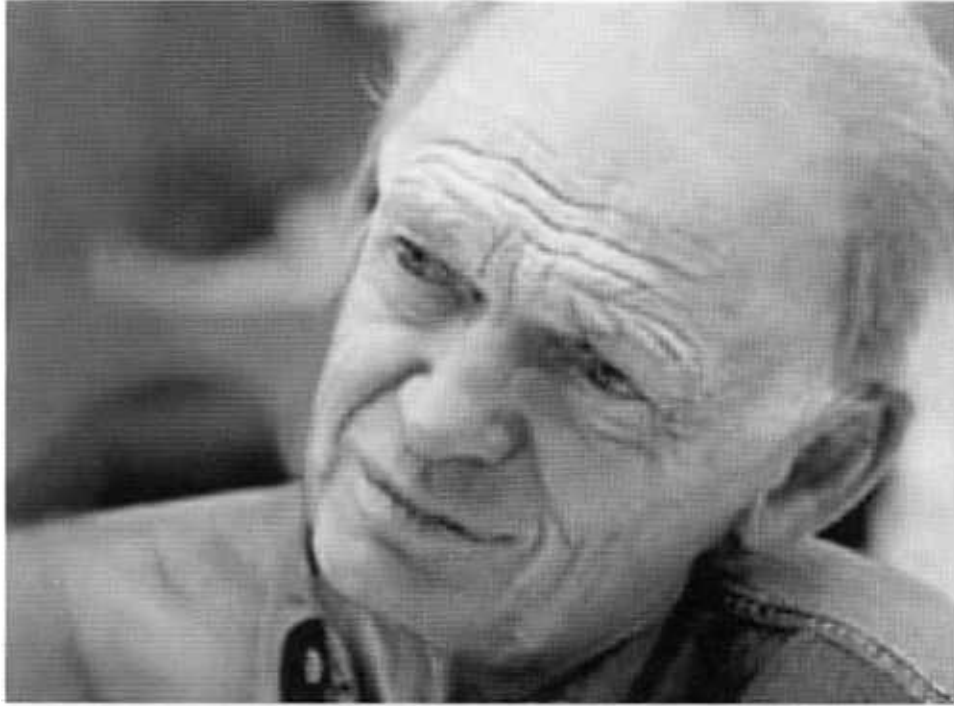
Стена дома-крепости Троцкого на авенида Виена в Койоакане.

Мексика

Письменный стол Троцкого.

20 августа 1940 г.

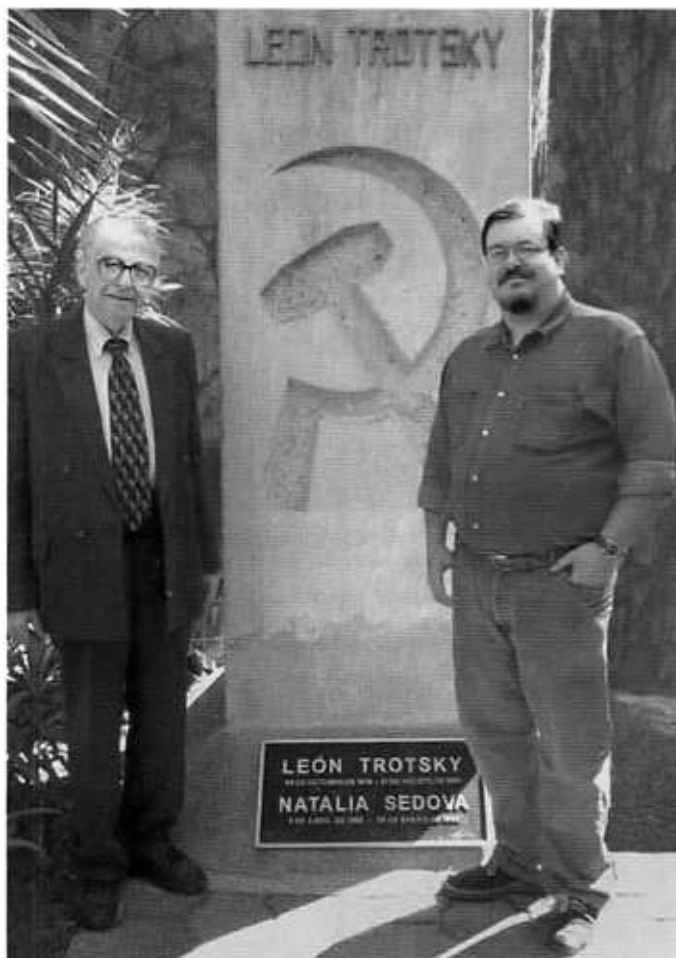

Эстебан (Всеволод) Волков, внук Троцкого, основатель его дома-музея в Койоакане

Эстебан Волков (справа) и автор книги в доме-музее Троцкого у фотографии, где запечатлены Наталья Седова, Лев Троцкий и четырнадцатилетний Сева Волков.

Койоакан. 2008

Мигель Морильо (справа), заместитель директора дома-музея Л. Д. Троцкого, с автором книги у надгробного памятника Льву Троцкому и Наталье Седовой. Койоакан. 2008 г.

«Когда смотришь на этот памятник, невольно думаешь, что это могила не только Троцкую, но самих серпа и молота как символов социальной инженерии...»

Симона, перечитывал Маркса и Энгельса. Только теперь смог внимательно прочитать «Политическую историю Французской революции» выдающегося историка Альфонса Олара, подаренную ему автором в Париже.

Раковский поделился с Троцким, что в ссылке начал писать мемуары, где вспоминал свои первые шаги в социалистическом движении, рассказывал о встречах с Г. В. Плехановым, В. Либкнехтом, Р. Люксембург, В. И. Лениным, самим Л. Д. Троцким. Много внимания уделялось социалистическому движению Болгарии и Румынии, работе по руководству правительством Советской Украины.

Фрагмент письма от 25 марта 1928 года, посвященный его работе над воспоминаниями, свидетельствует, между прочим, о широкой культурной эрудиции обоих политиков. Раковский писал Троцкому, как, перечитывая свою рукопись, он увидел, что она напоминает замечание Лежнева о Ласунской: «О каком бы лице ни заговорила Дарья Михайловна, на первом плане все-таки она».^[1079] Корреспондентам не надо было объяснять друг другу, что речь идет о персонажах романа И. С. Тургенева «Рудин», а вот автору настоящей книги пришлось преодолеть немало трудностей, прежде чем он установил, причем не с помощью литературоведов, которые также оказались в затруднении, а благодаря памяти Татьяны Иваровны Смилги — дочери единомышленника и друга Троцкого и Раковского, что речь идет не об общих знакомых, как сначала предполагалось, а о тургеневских героях. В апреле 1928 года, узнав от Христиана Георгиевича, что тот пишет воспоминания, и сообщая об этом другому адресату, Троцкий со значением добавлял: «Кто хоть немного знает жизнь Раковского, легко представит себе, какой огромный интерес представляют его мемуары».^[1080]

Эта ценнейшая рукопись была изъята ОГПУ, скорее всего, в конце ссылки Раковского, а затем, видимо, уничтожена. Во всяком случае, работники Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации уверяли автора этой книги, что в фондах архива рукопись Раковского отсутствует, ибо была сожжена...

Раковский делился с другом тем, насколько жадно поглощает художественную литературу, которую в предыдущие годы почти не имел возможности читать, — Диккенса в оригинале, Сервантеса, Овидия. Из книг современных авторов особое удовольствие доставил ему вышедший недавно сборник новелл Исаака Бабеля «Конармия», многие сюжеты которого заставляли вспоминать недавние перипетии Гражданской войны на Украине.

Раковский рассказывал Троцкому и о забавных коллизиях, в которые подчас попадал. Некоторые люди, не разбираясь в политической ситуации и все еще считая Раковского принадлежавшим к элите, пытались обращаться к нему с просьбами, а иногда просто попрошайничали. Свообразными «детьми лейтенанта Шмидта», чьи образы И. Ильф и Е. Петров взяли из гущи раннесоветской действительности, были мнимые потемкинцы, осаждавшие Раковского после того, как узнали, что он играл видную роль в защите подлинных участников потемкинского бунта. «Один такой потемкинец наговорил мне с три короба, — писал Христиан Георгиевич Льву Давидовичу, — что он меня знает по Константинополю, откуда вернулся «тихообразно» (нелегально. — Г. Ч.), говорит на девяти наречиях и что, хотя пьет (был пьян), но не в «большой форме» (sic!), кончил, как все просители, просьбой о пособии... Я дал ему рубль. Он просил еще 20 к[опеек] — стоимость рубашки (1.20). Но заведующий гостиницей товарищ потом мне сказал, что 1.20 — это стоимость одной бутылки водки».^[1081]

Вместе с тем в ссылке оппозиционные лидеры отнюдь не прекращали политической деятельности: Троцкий фактически руководил оппозицией и координировал ее выступления путем рассылки «циркулярных писем». Под таковыми подразумевались не «циркуляры» в полном смысле слова, то есть документы, обязательные к исполнению, а тексты, предназначенные одновременно для многих лиц, то есть письма, «циркулировавшие» среди группы адресатов.

В свою очередь, Раковский в апреле 1928 года разослал ряду ссыльных оппозиционеров, в том числе Троцкому, свое «циркулярное письмо», где отмечал сдвиги, которые происходили, по его мнению, в высшем эшелоне власти после Пятнадцатого съезда. В кругах оппозиции появились суждения, что партийное руководство поворачивается к «левому» курсу. Раковский критически относился к этим «упованиям», отмечая, что оппозиция должна учитывать возможность сдвига вправо.^[1082]

Троцкий писал, что «никогда, может быть, Раковский не жил более напряженной и плодотворной жизнью, чем в годы своей ссылки».^[1083] В этих словах было преувеличение, ибо они нивелировали интенсивную политическую деятельность Раковского в течение десятилетий. Возможно, Троцкий имел в виду, что в это время Раковский оказался, помимо него самого, наиболее плодотворным критиком той системы, которая сформировалась в СССР.

Троцкий, как правило, отвечал не самому Раковскому, а группе

единомышленников. Иначе говоря, письма Троцкого в основном были политическими, личные сюжеты в них встречались редко. Исключение составляют лишь несколько посланий из Алма-Аты в Астрахань. Летом 1928 года Троцкий писал Раковскому о своей работе над подготовкой критического анализа проекта программы Коминтерна, который был представлен VI конгрессу, но наряду с этим рассказывал о своем быте, семье, детях и внуках. В письме, отправленном Раковскому 10 ноября 1928 года, [\[1084\]](#) Троцкий возмущался тем, что Раковскому не предоставили возможность поехать на лечение в Кисловодск, о чем тот ходатайствовал, причем отказано было под предлогом, что отрицательное решение по этому поводу было принято VI конгрессом Коминтерна! Последнее, между прочим, свидетельствует, насколько медленно и осторожно двигался Сталин в направлении прямой расправы с оппозиционерами, если сосланные участники оппозиции даже рассчитывали на возможность курортного лечения. Наибольшее внимание уделялось новому этапу борьбы в высшем партийном эшелоне в связи с начавшимся в печати, на партийных собраниях бичеванием так называемых «правых», под которыми понимались Бухарин, Рыков и некоторые другие более или менее умеренные деятели, фамилии которых пока открыто не назывались. Троцкий писал: «Борьба с правым уклоном инсценирована в духе конструктивизма. Прямо-таки меерхольдовская постановка. Все единогласно и единодушно, полностью и целиком борются против некоего злодея П. У. (правый уклон), адрес коего, однако, никому не известен. С правым уклоном борются столь же, и еще более решительно, чем с оппозицией... Чудеса в решете, да и только».

Результаты раздумий Троцкого, Раковского и других ссыльных деятелей были изложены в нескольких документах, являвшихся результатом анализа главным образом внутривнутриполитической ситуации в СССР, обмена письмами, страстных дискуссий. Об этих дискуссиях я расскажу отдельно, поскольку они составляли квинтэссенцию интеллектуальной деятельности Троцкого в ссылке. Переписка с Раковским была только частью общения, хотя частью весьма важной, подчас решающей.

Глава 9

ЦИРКУЛЯРНЫЕ ПИСЬМА. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В предыдущей главе упоминалось, как нащупывались, закреплялись и дискутировались политические позиции оппозиционеров во главе с Троцким, оказавшихся в условиях ссылки, всевозможных ограничений и оторванности как от центров выработки и осуществления властных решений, так и от массы членов партии, с которыми ранее в какой-то, все более сокращавшейся степени поддерживались контакты. Новая ситуация требовала новых подходов, которые, однако, не меняли сущностной ориентации Троцкого и пока остававшейся ему верной части оппозиционеров.

Согласование политических позиций происходило двусторонне. Троцкий рассылал своим сторонникам циркулярные письма, формулируя основные выводы и оценки. Другие ссыльные делились с лидером анализом конкретных ситуаций, а в некоторых случаях вносили предложения по коренным вопросам. Таковые лидер воспринимал вежливо, но сдержанно и считался с ними в редких случаях, правда, используя конкретные оценки.

Первыми аналитическими документами были послания И. Н. Смирному и группам ссыльных, отправленные уже в феврале 1928 года. [\[1085\]](#) В них содержалась прежде всего оценка покаянных заявлений Каменева и Зиновьева, которых Троцкий называл то «двумя мушкетерами», то «двумя покойничками». Опубликованное в «Правде» письмо этих бывших соратников, которые теперь клеветали на Троцкого, обвиняя его в попытке создания второй партии и утверждая, что разошлись с ним прежде всего именно по этому вопросу, квалифицировалось им как документ «жалкенький и дряненький».

Но покаяние «мушкетеров» было только началом понятного с житейской точки зрения, но самоубийственного для политиков, позорного в глазах Троцкого поворота некоторых других соратников. Из наиболее видных фигур, кто капитулировал непосредственно за Зиновьевым и Каменевым, особенно болезненным для Троцкого было поведение Г. Л. Пятакова. Это был тот деятель, который удостоился даже упоминания в ленинском «Письме к съезду» как один из отброшенных, как и все остальные, кандидатов на высшие посты. Покаянное письмо Пятакова появилось в «Правде» 28 февраля. Оно было еще более резким, отступническим, «антитроцкистским», чем более осторожные заявления

«покойничков». «Фракционная организация и фракционная борьба привели к такого рода выступлениям, — писал Пятаков, — которые явно ослабляли партию как носительницу диктатуры пролетариата. Такие методы борьбы я никоим образом правильными признать не могу». Партаппарат сразу стал спекулировать этим заявлением: его показывали оппозиционерам в партийных органах, в ГПУ, предлагая поставить подпись под ним или же написать заявление по этому образцу, обещая за это всякие блага и угрожая новыми карами в случае отказа. «Пятаков делается знаменем ренегатства», — говорилось в листовке-статье за подписью «Большевик-ленинец», появившейся в начале марта (не исключено, что автором ее был Троцкий, о чем свидетельствуют некоторые особенности стилистики, но уверенно утверждать это невозможно).^[1086]

Вслед за первыми капитулянтами последовал Антонов-Овсеенко, выступивший, по словам Троцкого, со «смердяковским пресмыкательством». Образ одного из героев романа Достоевского «Братья Карамазовы» — Павла Смердякова трактовался левой интеллигенцией еще до 1917 года как воплощение мещанина, мечтавшего о «красивой жизни» (большевики не раз повторяли известное смердяковское высказывание о том, что не надо было побеждать Наполеона, и теперь мы бы жили, как французы).

Основная масса оппозиционеров, находившихся в ссылке, в это время все еще, однако, оставалась под бесспорным политическим влиянием Троцкого и вместе с ним выработывала свои позиции в новых условиях.

В первых политических письмах из Алма-Аты наибольшее внимание уделялось попыткам проанализировать изменения в международной обстановке. Признавая стабилизационные процессы в капиталистическом мире, Троцкий считал, что они недолговечны, ибо упираются в основные противоречия, породившие мировую войну. Если в предыдущие годы наблюдалось их волнообразное обострение и смягчение, то теперь предрекалось «систематическое и планомерное обострение международных отношений». Главным их фактором считался англо-американский антагонизм, который должен был привести к альтернативе: либо Британия окончательно станет на колени перед Америкой, либо будет воевать с ней. Остальная же Европа «будет плясать под музыку англо-американского антагонизма — подобно тому, как карась пляшет на сковородке».^[1087] Из этого делалось безапелляционное предсказание о неизбежности возникновения революционных ситуаций.

Переходя к оценке конкретных проблем, связанных с политической

ситуацией за рубежом, Троцкий наибольшее внимание уделял китайским событиям. Им были посвящены в основном три письма Е. А. Преображенскому (первое было написано 2 марта, остальные — в конце апреля).^[1088]

Перед этим в печати появилась информация о вооруженном восстании, произошедшем 11–13 декабря 1927 года в Кантоне (Гуанчжоу). То, что оно было явно несвоевременным, так как происходило в условиях упадка революционного движения, Троцкий признавал. Но он вступал в противоречие с самим собой, то отвергая оценку кантонского выступления как авантюры, то соглашаясь с этим. Троцкий высказывал мнение, что китайская революция перешла в новую фазу и что ближайший период будет временем революционного отлива.

С мая по декабрь 1928 года было послано 11 «циркулярных писем». Но фактически ориентировочных циркуляров было больше, так как некоторые директивы рассылались под другими наименованиями, да и адресные письма содержали принципиальные указания, которые надлежало передавать единомышленникам не как частное мнение Троцкого, а для выработки единой позиции, соответствовавшей мнению лидера. В одном из «циркулярных писем» Троцкий так мотивировал их необходимость, проявляя привычный догматизм, доходивший в данном пассаже до анекдотичности, почему можно предположить, что в нем содержалась доля иронии: «Дорогие друзья, благодаря левому курсу колонии большевиков-ленинцев так разрастаются, что создается все большая возможность перехода от индивидуальной переписки к коллективной. И здесь, стало быть, перевес социалистического начала полностью обеспечен».^[1089] Вряд ли только эта ирония, если таковая имела место, была понята большинством ссыльных оппозиционеров, которые воспринимали каждое слово Троцкого за чистую монету.

В циркулярных письмах и подобных документах Троцкий разрабатывал комплекс внутренних вопросов, но «под международным углом зрения». Причину катастрофических неудач зарубежных компартий Троцкий видел в «оппортунистическом вмешательстве» органов Коминтерна, то есть высших советских руководителей, в ход событий, причем вразрез с логикой самого движения. Ошибки и провалы в руководстве коммунистическим движением Троцкий сводил к тому же бюрократическому стилю руководства, не задумываясь до конца над тем, что при верности такого рода оценок в принципе были еще более глубокие, подспудные причины поражений революционных выступлений.

Лидер оппозиции оставался до мозга костей коммунистом и не способен был признать, что в основе неудач, чреватых кровавыми последствиями, заложена оторванность компартий от трудящихся, неспособность руководителей сплотить вокруг себя большинство рабочего класса, не говоря уже о крестьянстве и других средних слоях. Троцкий не принимал во внимание того, что компартии держались на плаву в значительной степени благодаря финансовым вливаниям Москвы и были в состоянии привлечь на свою сторону, да и то временно, только наиболее нуждающиеся городские низы, маргинальные группы, а также небольшую часть левонастроенной интеллигенции.

В то же время Троцкий, как и другие ссыльные, постепенно начинал замечать, что в высших кругах правившей партии вызревают новые настроения, в некоторой мере приближавшиеся к его оценкам. Касались они главным образом внутренних проблем (об этом будет сказано ниже), но затрагивали и международные дела.

Троцкий обратил внимание на решения IX пленума Исполкома Коминтерна (9–25 февраля 1928 года), где, правда, была подтверждена правильность исключения «троцкистов» из ВКП(б), но вместе с тем явно звучала склонность к «левому повороту». Этот поворот выразился в формуле «класс против класса», которую придумал кандидат в члены Политсекретариата Исполкома Коминтерна швейцарец Жюль Эмбер-Дро. Разъясняя мысль своего единомышленника, Бухарин в письме компартиям, одобренном Политсекретариатом ИККИ 28 октября 1927 года, выступил против «примирительного отношения к реформизму», ориентировал компартии на «решительное изживание парламентского кретинизма и лево-блокистских традиций». Стратегия «класс против класса» означала открытое противостояние социал-демократии, ставшей «главной опорой буржуазии» в условиях нового революционного подъема.

Троцкий считал, что этот поворот представляет собой «непоследовательный, противоречивый, но все же несомненный шаг в нашу сторону».^[1090] В то же время он отнюдь не относил его к заслугам Сталина и его группы, считал его вынужденным — в результате сдвигов в соотношении мировых сил за последние годы, а также давления оппозиции как «единственного сознательного выражения бессознательного процесса». Троцкий даже позволял себе фигуральное выражение, заявляя, что хвост ударил по голове и вызвал перегруппировку сил.

В возникшем позитивном, хотя еще не вполне определившемся повороте в пользу оппозиции, который ее лидер явно переоценивал, он видел новую аргументацию против создания параллельных компартий.

Тем временем международные аспекты «левого поворота» Сталина вызывали все большие колебания у ссыльных. Странное впечатление произвела телеграмма К. Б. Радека, опубликованная «Правдой» под заголовком «Радек против избирательной тактики германских ультралевых».^[1091] Телеграмма была послана в центральную партийную газету с просьбой напечатать ее также в германской коммунистической газете «Die Rote Fahne» («Красное знамя»). Хотя прямо Радек не раскаивался в оппозиционной деятельности, текст телеграммы и факт ее публикации трактовались как шаг к капитуляции. В газете сообщалось, что телеграмма предварительно была послана Троцкому, но тот отказался ее подписать. В самой же телеграмме содержалась резкая и язвительная критика группы Р. Фишер — А. Маслова. Л. С. Сосновский писал Радеку 7 июля 1928 года: «Я лично и другие любящие Вас друзья переживали Ваше выступление очень болезненно и тяжело».^[1092]

Сам же Троцкий не отнесся к этому демаршу серьезно. «Телеграмма Радека в «Правде» есть результат некоторой излишней импульсивности, вряд ли много более того», — писал он в одном из писем 2 июня 1928 года.^[1093]

«Левый поворот» Сталина и Троцкий

Между тем серьезные изменения происходили не только в международно-политическом курсе Москвы, но и во внутренних делах.

Совсем недавно, на Пятнадцатом съезде, была принята резолюция о работе в деревне, которая не предусматривала ликвидации кулачества, что вовсе не означало, будто это был «съезд коллективизации», как объявили через несколько лет. Прошло, однако, лишь две недели, и в связи с «неудовлетворительным ходом хлебозаготовок» Сталин отправился в Сибирь, где находился с 15 января по 6 февраля 1928 года. Генсек выступал на собраниях партийных активов Новосибирской и других окружных организаций. Выступления коренным образом отличались от его же доклада на недавнем съезде — теперь фактически провозглашался курс на сплошную коллективизацию сельского хозяйства в ближайшие годы. От местных властей Сталин требовал чрезвычайных мер против кулаков, обыска амбаров, блокировки дорог, чтобы не дать возможности кулакам вывезти зерно на продажу, конфискации у них хлеба, продажи 25

процентов конфискованного хлеба малоимущим крестьянам по низкой цене. Январский вояж положил начало открытой борьбе между группой Сталина и относительно умеренными во главе с Бухариным и Рыковым, которая продолжалась свыше года и завершилась полной победой Сталина, осуждением «правого уклона» и развертыванием насильственной коллективизации. В Политбюро зрел раскол, признаки которого наблюдались воочию.

В среде ссыльных шли оживленные дискуссии, что же, собственно говоря, имело место — подлинно новый курс или только «левый зигзаг». И. Т. Смилга в письме Троцкому от 4 апреля 1928 года высказывал мнение, что «нет ничего более ошибочного, как представление о «левом» зигзаге как о последовательном левом курсе», что «левый зигзаг уже находится на ущербе», что речь идет даже о «левой конвульсии». В отличие от Смилги Раковский в своем «Циркулярном письме» (также апрель 1928 года) высказался, что не считает исключенным поворот партруководства к подлинно «левому курсу». Только при условии такового возможно возвращение в партию, полагал он. Лишь в некоторых документах содержались попытки отойти от общих диспутов на тему, что же происходит, — поворот или зигзаг, и разобраться в реальной ситуации, в которой находился СССР к 1928 году.

Все констатации оппозиционеров основывались на объективных фактах. Беда тем не менее состояла в том, что выход они видели не в сохранении и углублении нэпа, а в свертывании рынка, «перераспределении» национального дохода, нажиме на «капиталистические элементы». По сути дела, на этот же путь вступила сталинская группа, которая, однако, готовилась, в отличие от оппозиционеров, к новой насильственной и чреватой кровью переделке страны под лозунгами «революции сверху». Оппозиционеры не предвидели такого поворота.

Наиболее твердокаменные оппозиционеры, прежде всего сам Троцкий, именовали Сталина «термидорианцем» и чуть ли не ренегатом, который круто повернул влево, используя и до крайности заострив лозунги, украденные у оппозиции, усиливая в то же время преследование той ее части, которая не встала перед ним на колени. А таких становилось все меньше и меньше. Для оправдания капитуляции деятели оппозиции продолжали использовать словесную эквилибристику, связанную в основном с жонглированием категориями диалектики, позволявшей на базе «единства и борьбы противоречий» делать удобные в данный момент выводы.

Опытным политическим наблюдателям, каковыми являлись Троцкий, Раковский, Преображенский и некоторые другие ссыльные, должно было стать ясно, что между Сталиным и Бухариным постепенно назревала жесткая конфронтация. Однако эти сдвиги воспринимались по-разному. С одной стороны, сам Бухарин попытался установить контакт с бывшими представителями оппозиции. 11 июля он нелегально встретился с Каменевым, специально вызванным им из Калуги, где тот проживал по требованию высшего начальства, и вел с ним беседу о возможном сотрудничестве в борьбе против «Чингисхана» — Сталина.^[1094] За пределы взаимного прощупывания и перемывания косточек контакты «Колечки Балаболкина» не продвинулись. С другой стороны, Сталин сам стал инспирировать слухи, что готов пойти на примирение с бывшими оппозиционерами. Надеждам на их достоверность способствовало появление выступлений с установками, напоминавшими идеи Троцкого и его соратников.

В ряде писем единомышленникам, как «циркулярных», так и адресованных отдельным лицам, Троцкий предостерегал против переоценки сдвигов в правящей верхушке. Он, правда, не исключал, что в какой-то мере, в основном с формальной точки зрения, «новый курс» Сталина являлся приближением в некоторых вопросах к их позициям. Здесь следует учитывать, что ссыльные все еще продолжали считать, будто примирение со сталинской группой возможно, и эта надежда стимулировалась их довольно либеральным ссыльным режимом.

Троцкий, как помним, выполнял задания Института Маркса и Энгельса при ЦК ВКП(б), выезжал на охоту, то есть имел право на огнестрельное оружие, на лето получил возможность снять пригородную дачу, к нему в гости приезжали из Москвы родные. «Снисходительным» режимом пользовались и некоторые другие, ранее высокопоставленные, ссыльные. Правда, сотни рядовых сторонников оппозиции находились в так называемых «политизоляторах». Ссыльные протестовали против сурового режима политзаключенных, но им значительно важнее было их собственное вполне терпимое положение.

Сам Троцкий, однако, лишь в самом начале оптимистически восприняв внутренние бури в Политбюро, вскоре стал весьма скептически относиться к происходившим в Москве событиям. Он писал Раковскому 14 июля 1928 года, что Радек и Преображенский не правы, полагая, что сталинская фракция имеет лишь «правый хвост» и ее надо, мол, уговорить избавиться от такового. «Обезьяна, освобожденная от хвоста, еще не человек», — комментировал алма-атинский ссыльный с присущим ему

сарказмом. [\[1095\]](#)

Постепенно Раковский, Сосновский и некоторые другие ссыльные вслед за Троцким начинали осознавать, что не «правые», а именно Сталин и его группа путем хитрых вывертов одерживают верх, используя партийный аппарат и доверие малообразованной массы коммунистов, склонной поддаваться инстинкту толпы. Троцкий, а за ним Раковский стремились дать анализ причин происходивших пертурбаций. В этом смысле наиболее показательны «Письмо тов. В.» Х. Г. Раковского, которое он адресовал Г. Б. Валентинову, бывшему сотруднику газеты «Труд», находившемуся в ссылке в городе Великий Устюг. [\[1096\]](#)

В письме констатировалось усиливавшееся равнодушие рабочей массы, ее расслоение, бюрократическое перерождение партии и советской системы. Раковский разоблачал «извращения» с позиций намечаемого им демократического обновления советского общества, что было утопией, ибо не предполагало коренного изменения его социально-политических основ. Высказывал он мнение и о главном инструменте, который мог бы повлиять на общую ситуацию в партии и стране, каковым считал существенное сокращение функций партийного аппарата. Любую реформу, которая опиралась бы на партийную бюрократию, он считал нереальной.

«Письмо тов. В.» получило высокую оценку всех тех, кто был озабочен бюрократическим перерождением советской системы. Многократно к этому документу обращался Л. Д. Троцкий. Еще находясь в Алма-Ате, он предпринял усилия по распространению «Письма тов. В.». Н. И. Седова вспоминала: «Перепечатывали замечательное письмо Раковского и рассылали другим». Но существенный резонанс письмо Валентинову получило только после выезда Л. Д. Троцкого за границу. Уже в феврале 1929 года, то есть тотчас после того, как он оказался в Турции, Троцкий подробно прокомментировал анализ Раковского, выделив наиболее существенные его моменты. Вслед за этим текст письма был опубликован в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)», который под руководством Троцкого начал издаваться за рубежом. [\[1097\]](#)

Возвратимся, однако, в 1928 год, к ссыльным Троцкому и его сторонникам, между которыми происходили бурные дебаты по поводу «полевения» Сталина и отказа от «центристских» установок.

С начала июня Троцкий прилагал максимум сил, чтобы убедить ссыльных не поддаваться на уловки, не идти на капитуляцию, маскируя ее «принципиальными соображениями». Он подчеркивал исключительную важность вопроса о методах руководства партией, государством,

профсоюзами. Отчасти под влиянием позиции Раковского, отчасти в результате собственных размышлений Троцкий акцентировал внимание на том, что давным-давно позабыли в партийных кругах, в том числе и он сам, — на «пролетарской демократии». [\[1098\]](#)

Письма Троцкого дают представление о слухах и сплетнях, которые распространялись в верхушке, возможно, из самого сталинского окружения. В числе ходких версий была, например, передаваемая из одного московского кабинета в другой, а затем в письме дошедшая до Алма-Аты «новость», будто Сталин на Политбюро голосовал против высылки Троцкого, а когда того высылали, даже не находился в Москве. [\[1099\]](#)

Только последнее соответствовало истине (Сталин находился в Сибири), но это вряд ли что-нибудь меняло. Решающее значение позиции генсека в этом вопросе было очевидным.

В то же время некоторые слухи, дошедшие до Троцкого, выглядели куда более достоверными. Касались они главным образом усиливавшихся конфликтов в высших кругах и волнах, которые расходились от этих конфликтов, задевая столичные и периферийные группы партийных деятелей. Правдоподобным, например, выглядело то, что в Ленинграде на собрании фракционного актива выступил близкий к Бухарину заведующий агитпропотделом Исполкома Коминтерна и ответственный сотрудник «Правды» А. Н. Слепков и будто бы заявил, что Сталин ведет страну к гибели, что новая политика Сталина — это «троцкизм», что необходимо повести со Сталиным самую жестокую борьбу. О собрании якобы сообщили ленинградскому партийному боссу С. М. Кирову, а последний «донес по начальству», в результате Слепкова сняли с работы и отправили в отдаленный пункт Якутии. [\[1100\]](#) Действительно, Слепков был уволен с московских должностей и переведен, правда, не в Якутию, а в Средневолжский крайком партии (в 1930 году он был исключен из ВКП(б) за «правооппортунистические ошибки»). [\[1101\]](#)

Троцкий упорно проповедовал своим сторонникам, что мелким соглашательством, второстепенными уступками «левому сдвигу» результатов добиться нельзя. Он так формулировал основы своей тактики в изменившихся условиях: «Поддержка не центризму, сдвигающемуся в данный момент влево, а только его левым шагам. Но мы не можем поддерживать и укреплять авторитет и влияние центристов, хотя бы и левеющих в данный момент. Нам надо думать о завтрашнем дне. Наша поддержка левым или полулевым шагам центристов состоит в том, что мы, опальные большевики-ленинцы, исключаем самую мысль о каком-либо

блоке с правыми против общего противника». [\[1102\]](#)

Правда, некоторые ссыльные высказывали в письмах шефу опасения, как бы «каша не сварилась» без их участия. Подобные настроения Троцкий клеймил как «капитулянтство», объявляя, что признание левого поворота со стороны «центристов» во главе со Сталиным будет возможно только тогда, когда сосланных вернут на ответственные посты, восстановив их в партии. Сам оппозиционный лидер не верил в такую возможность при существующем руководстве, и высказываемые требования были для него лишь средством, причем ненадежным, не допустить дальнейшего раскола оппозиции, новых «капитулянтских» заявлений.

Однако летом 1928 года внимание к внутривластным вопросам на некоторое время отошло на второй план в связи с подготовкой и проведением международного коммунистического конгресса.

VI конгресс Коминтерна. Критика его программы

Ссыльные оппозиционеры, и прежде всего Троцкий, с большим вниманием отнеслись к работе VI конгресса Коминтерна, состоявшегося в Москве 17 июля — 1 сентября 1928 года. Это был первый конгресс, в котором не принимал участия Троцкий, один из основателей Интернационала.

Сам факт созыва международного коммунистического форума через четыре года после предыдущего (до 1922 года конгрессы созывались ежегодно) свидетельствовал о том, что московское руководство уделяло этой организации все меньше внимания, хотя продолжало ее рассматривать как внешнеполитическое ответвление ЦК ВКП(б).

Конгресс обсудил вопросы об опасности империалистической войны, о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах, о положении в СССР и в ВКП(б), об уставе Коминтерна. Но особенно важным было рассмотрение проекта программы Интернационала. Текст программы готовился более пяти лет, никак не устраивая кремлевских лидеров. В конце концов под руководством Бухарина (в основном им самим) был написан проект программы, который сочли более или менее подходящим.

Хотя некоторые делегаты (в том числе итальянец П. Тольятти и француз М. Торез) выражали недовольство ходом конгресса (об этом

Троцкому нелегально сообщали в Алма-Ату тайные сторонники, общавшиеся с зарубежными делегатами, которые передали ему соответствующие записи),^[1103] на официальных заседаниях проявлялось раболепное единодушие. Коммунистических диссидентов на конгресс не допустили, а некоторые, кто критически относился к политике большевистского руководства, ожидали отъезда из СССР, чтобы без опаски высказать свои истинные взгляды.

В июне 1928 года Троцкий направил VI конгрессу несколько документов.

Первым из них был обширный, составивший целую книгу материал «Критика программы Коммунистического Интернационала». 12 июля конгрессу был послан комментарий программного документа под заголовком «Что же дальше?». В тот же день в советскую столицу отправилось еще одно послание — заявление Троцкого на имя конгресса.^[1104] Этим документам была придана полемически заостренная форма. Адресовались они не только конгрессу и руководству ВКП(б), но и сторонникам.

В письме Раковскому от 14 июля Троцкий писал, что работа над документами к конгрессу Коминтерна была своего рода средством отвлечения от глубокой скорби, связанной с потерей младшей дочери. «Это было трудно. Но с другой стороны, необходимость выполнить эту работу во что бы то ни стало послужила как бы оттяжным пластырем и помогла пронести ношу через первые наиболее тяжкие недели». Сообщая, что у него получилась книжка объемом в 11 печатных листов, Лев Давидович писал, что он подытожил то, «что было плодом нашей коллективной работы за последнее пятилетие».^[1105]

Иначе говоря, Троцкий рассматривал документы, подготовленные к конгрессу Коминтерна, как своего рода итог теоретической, публицистической, разоблачительной, протестной деятельности оппозиции начиная с 1923 года, то есть с того времени, когда оппозиция еще не сформировалась, но зарождалась критическая струя в большевизме, приверженцы которой, объявив себя подлинными преемниками Ленина, вступали в борьбу против Сталина.

Документы Троцкого с критикой программы и всей деятельности Коминтерна делегацией ВКП(б) были скрыты от большинства участников конгресса. Но все же, по инициативе Бухарина, основной критический материал в сокращенной форме был роздан членам программной комиссии без указания автора, но под подлинным заголовком, причем члены

комиссии были поставлены в известность, кем материал написан.

При этом, будто в насмешку и над текстом, и над членами комиссии, им было сообщено, что это только информационный материал, не подлежащий обсуждению. Как полагал представитель компартии США на конгрессе Джеймс Кэннон, появление документа в программной комиссии послужило дополнительным основанием для убеждения Сталина, что Бухарина следует устранить.^[1106]

«Критика программы Коммунистического Интернационала» состояла из трех разделов, посвященных общим вопросам международной революции в противопоставлении курсу Сталина на построение социализма в одной стране, а также общим чертам и особенностям стратегии и тактики коммунистического движения, итогам, перспективам и урокам китайской революции.

Троцкий расширял, дополнительно аргументируя, критику теории социализма в одной стране, подтверждая свою приверженность концепции перманентной революции. Подчеркивая зависимость СССР от мировой экономики, международного рынка, он утверждал, что в проекте «революционно-историческую диалектику заменила крохоборчески-реакционная утопия замкнутого социализма, который строится на низкой технике, развивается «черепашьим темпом» в национальных границах, связанных с внешним миром только страхом перед интервенцией».^[1107] Подмечая складывающийся национализм Сталина, Троцкий сопоставлял его поведение с курсом руководства германской социал-демократии во время Первой мировой войны. Интернационализм превращается, утверждал критик, в схоластическое прикрытие заведомой фальши.

Переходя к критике стратегии и тактики Коминтерна, Троцкий останавливался на характеристике современной эпохи, определение и анализ которой отсутствовали в проекте. Он отбрасывал примитивную мысль, что революционный характер эпохи состоит в возможности в каждый данный момент захватить власть. Сущность эпохи он видел «в глубоких и резких колебаниях, в крутых и частых переходах от непосредственно революционной обстановки... к победе фашистской или полуфашистской контрреволюции, от этой последней — к временному режиму золотой середины, чтобы затем опять довести противоречия до острия бритвы и поставить ребром вопрос о власти».^[1108]

Немалое внимание уделялось отношению к буржуазно-демократическим, социал-демократическим партиям и фашистским организациям. При этом Троцкий, как все коммунистическое движение и

значительная часть демократической общественности, понимал фашизм расширительно — не как специфически итальянское явление, а как реакционное политическое крыло буржуазных и мелкобуржуазных слоев различных стран. Троцкий был первым, кто начал противопоставлять фашизм демократической буржуазии и тем более социал-демократии, что было важно для выработки разумного понимания сущности правоэкстремистских, тоталитаристских движений и определения путей борьбы против них. Он писал, что получившее хождение в Коминтерне положение о тождестве социал-демократии и фашизма является «нелепоупроценным», что таковым тождеством перечеркивается не только различие между этими силами, но и отличие между гражданской войной и «периодом «нормализации» классово-борьбы».

Подробно останавливаясь на зигзагах Коминтерна от левизны к правому курсу и наоборот, Троцкий назвал это «ультралево-политикой на правых дрожжах» (как озаглавлен один из параграфов его «Критики»), Со свойственной ему образностью он проводил здесь любопытное сравнение: «Один род движения нужен человеку, когда он поднимается по лестнице, другой — когда он спускается по ней. Самое опасное положение — это такое, когда человек, потушив свечу, заносит ногу для подъема вверх, тогда как перед ним ступеньки вниз. Тут неизбежны падения, ушибы, вывихи».

[\[1109\]](#) В подтверждение приводились примеры катастроф коммунистического движения в Германии, Болгарии, Эстонии, разгром кантонского восстания 1927 года. Особенно подробно Троцкий остановился на провалах комбинаций Сталина в связи с китайской революцией и Англо-русским комитетом.

Касаясь поражения оппозиционных течений в ВКП(б) и других компартиях, Троцкий находил причины этого в социальных сдвигах, но, разумеется, не в недостатках собственной политики и тактики. Вполне понятно, что даже если он осознавал (вряд ли мог не осознавать) свою непоследовательность, приверженность партийному единству до 1926 года, готовность идти на компромиссы со Сталиным, он не мог и не желал произнести слов покаяния в обращении к конгрессу Интернационала.

Отсюда и общие рассуждения по поводу итогов внутривнутрипартийной борьбы, отсюда — сухой и малоубедительный общий вывод: «Рост экономического и политического нажима бюрократических и мелкобуржуазных слоев внутри страны на фоне поражений пролетарской революции в Европе и Азии — вот та историческая цепь, которая затягивалась в течение этих 4 лет на шее оппозиции. Кто этого не понял,

тот не понял ничего».^[1110]

Подводя итог, Троцкий предлагал нечто совершенно утопическое, что ни он сам, ни кто-либо другой из оппозиции не мог воспринимать как серьезную идею. Он предлагал отказаться от обсуждения программы, назначить через год VII конгресс и, восстановив в Интернационале «нормальный режим», провести действительное обсуждение программы, противопоставив эклектическому проекту ленинский.^[1111]

Другие документы Троцкого, адресованные VI конгрессу, носили дополнительный характер, существенно не расширяя круг объектов и характер критики.

Верил ли Троцкий, что Сталин склонится к союзу с ним и его сторонниками, отвернувшись от Бухарина и Рыкова? Учитывая, что Сталин оставался для Троцкого некой схемой, что качества Сталина как личности, как политического деятеля Троцкий знал лишь в общих чертах (как и ближайшие приверженцы генсека), можно предположить, что он не исключал такого поворота.

Лидер оппозиции все еще недооценивал хитрость и расчетливость Сталина. На генсека Троцкий продолжал смотреть сверху вниз, не понимая, что Сталин, почти полностью овладев партийным аппаратом, в основном изгнав из него не только оппозиционеров, но и просто ненадежных, уже настолько обеспечил себе решающее положение в партии и администрации страны, что в состоянии был справиться с так называемыми «правыми» без помощи «левых», тем более возглавляемых его злейшим личным врагом.

Нельзя сказать, что материалы, направленные Троцким конгрессу, не произвели никакого впечатления. Хотя проводился тщательнейший отбор делегатов на конгресс, выбирать приходилось из тех, кто реально входил в руководящие органы партий, а среди таковых были люди разного толка. Немало было авантюристов, стремившихся к влиянию и распоряжению кремлевскими фондами, но были и такие, кто искренне старался разобраться в положении, существующем в «первой в мире стране социализма», в проведении политики, служившей, по их мнению, интересам рабочего класса. Эти люди держали язык за зубами, особенно на заседаниях, или же высказывались на них в поддержку сталинской линии, но в то же время стремились выяснить, чья же линия в большей степени соответствует реалиям.

Таковым, например, был американский делегат Джеймс Кэннон, являвшийся членом программной комиссии, которому удалось познакомиться с сокращенным вариантом «Критики» Троцкого. Этот

документ произвел на него глубокое впечатление. Будучи до этого одним из главных проводников «большевизации», теперь он стал осознавать реальный смысл этого лозунга.

На конгрессе Кэннон встретился с представителем канадских коммунистов Морисом Спектором, который, как оказалось, уже несколько лет тайно симпатизировал взглядам Троцкого. Почувствовав близость, они поделились друг с другом своими негативными суждениями о политике Коминтерна и сочувствием идеям, высказанным в документе Троцкого. Кэннон и Спектор договорились, что по возвращении на Американский континент они развернут пропаганду идей Троцкого в США и Канаде, правда, пока еще не помышляя о создании для этого особой политической организации.^[1112] Кэннона и Спектора прежде всего заботило, чтобы они могли безопасно выбраться из «красной столицы» и оказаться в западном мире: парадокс состоял в том, что, проповедуя всеобщую перестройку по советскому образцу, сами они предпочитали пользоваться благами того мира, который рассчитывали «стереть до основания».

Чтобы получить заграничные паспорта, сданные после приезда в Москву в «особый отдел» Коминтерна, делегаты должны были возвратить «секретные документы», полученные в ходе конгресса. Стремясь привезти в Америку «Критику» Троцкого, хотя бы в сокращенном виде, Кэннон и Спектор попросту украли экземпляр у австралийского делегата Вилкинсона, обрекая того на незавидную участь как-то выкручиваться из создавшегося положения.^[1113]

Возвратившись в США, Кэннон познакомил с «Критикой» близких к нему Мартина Аберна и Макса Шахтмана, убедил их в точности анализа, осуществленного лидером русской оппозиции. Эта троица развернула соответствующую агитацию. В октябре 1928 года Кэннон, Шахтман и Аберн предстали перед судом ЦК компартии и после бурных дебатов были изгнаны из ее состава.^[1114] Затем они приступили к формированию оппозиционной коммунистической организации, которая явилась первым в мире структурированным объединением, объявившим себя звеном будущей международной организации сторонников Троцкого. В мае 1929 года отступники создали в Чикаго конференцию, провозгласившую создание Коммунистической лиги Америки, которая охватила США и Канаду. Был избран ее Национальный комитет в составе Кэннона, Спектора, Аберна, Шахтмана, Арне Свабека, Карла Скокглунда и Алберта Глотцера.

VI конгресс послушно выполнил волю Сталина, приняв резолюцию «Дело Троцкого, Сапронова и др.».^[1115] Спекулятивно поставив в один ряд

фамилии Троцкого и одного из лидеров незначительной группы демократического централизма Т. В. Сапронова (группа, как мы помним, порвала с объединенной оппозицией в 1927 году), также исключенной из ВКП(б) на Пятнадцатом съезде, конгресс объявил принадлежность к «троцкистской оппозиции» несовместимой с пребыванием в ВКП(б). Содержание платформы оппозиции было объявлено контрреволюционным. Ходатайства Троцкого, Радека, Сапронова и других о восстановлении в партии были отклонены.

Конгресс Коминтерна явился своего рода рубежом. Он засвидетельствовал беспрекословное господство Сталина над международной коммунистической организацией, дополнившее его всевластное хозяйничанье внутри страны, которое зафиксировал Пятнадцатый партсъезд. Именно после VI конгресса разложение оппозиции, которое началось в предыдущие месяцы, вступило в решающую стадию, приведя к тому, что внутри страны Троцкий оказался без серьезной поддержки.

Глава 10

РАСПАД ОППОЗИЦИИ

Усиление репрессий и расхождений

С середины 1928 года преследование сторонников оппозиции резко усилилось. Оппозиционеров исключали из партии, увольняли с работы, изгоняли из вузов, а наиболее активных все чаще подвергали арестам, избиениям и отправляли в политизоляторы. Все же информационные сводки Московского комитета ВКП(б) о настроениях в рабочей среде дают представление о том, что к осени 1928 года сторонники Троцкого еще сохранили влияние среди рабочих, которое, однако, все более сокращалось. Две сводки, специально посвященные «троцкистским» выступлениям в связи с 11-й годовщиной Октября, сохранились в архивном фонде Троцкого (это еще раз свидетельствует о том, что ему удавалось почти до конца 1928 года поддерживать связи со своими тайными сторонниками). В некоторых случаях партбюрократы «дули на холодное», представляя в качестве оппозиционных выступлений простые проявления недовольства. Тем не менее бесспорными фактами были листовки, распространявшиеся

накануне и в день празднования на предприятиях, а во время демонстрации даже на Красной площади.^[1116]

Постепенно устанавливалась частичная почтовая блокада вокруг Троцкого. Письма в Алма-Ату и из Алма-Аты задерживались на все более долгие сроки. «ГПУ читало, фотографировало, собирало все возможное, в результате чего Политбюро было информировано о взглядах своих оппонентов и имело возможность составить списки своих наиболее неуступчивых противников», — писала Н. И. Седова, основываясь на рассказах мужа, которого оповещали об этом тайные сторонники.^[1117]

Тем не менее почтовая связь до осени 1928 года была оживленной. По записям своего сына Троцкий подсчитал, что за апрель-октябрь он отправил около 800 политических писем и около 650 телеграмм. За это же время было получено свыше 1000 писем и около 700 телеграмм, причем большей частью это были коллективные послания ссыльных. Кроме того, из Москвы было получено с нарочными восемь или девять комплектов конспиративных материалов и примерно столько же отправлено в обратном направлении.^[1118]

В качестве хронологической рамки октябрь назван не случайно. С этого времени частичная почтовая блокада была превращена властями в почти полную. К тому же к осени здоровье Троцкого значительно ухудшилось. Если ранее о малярии говорилось как об одной из возможных причин повышения температуры и недомогания, то в Алма-Ате Троцкий действительно заразился этим изнурительным заболеванием. Он опасался, что информация о плохом состоянии его здоровья окажется вредной для единомышленников. В письме к ним говорилось: «По вопросу о моем переводе в другое место ряд товарищей пишет о необходимости «более энергичных» протестов. Это неправильно. Ссылные товарищи сделали решительно все, что могли, отправив телеграммы. Состояние мое вовсе не является таким тяжким, как рисуется некоторым товарищам. Сейчас мне значительно лучше. Но и независимо от этого надо ясно сказать себе, что судьба ссыльных, и моя в том числе, может быть разрешена не «обострением» протестов самой ссылки, а расширением этих протестов далеко за пределы ссылки».^[1119]

Ухудшение здоровья повлияло на политическую активность. Его письма становились более краткими, общими, чаще встречались повторения. Но главное, Троцкий оказался не в состоянии решительно противостоять той кампании покаянных заявлений, которые стали появляться с середины года и превратились в массовую волну в его конце.

Наиболее активным и непримиримым наряду с Троцким оставался Х. Г. Раковский. Он взял на себя инициативу обращения с телеграммой к VI конгрессу Коминтерна, в которой выразил согласие с документами, направленными конгрессу Троцким. Раковский писал: «Как один из основателей Коминтерна выражаю пожелание конгрессу сказать веское мужественное слово против исключений и ссылок и требовать в интересах мировой и русской революции восстановления единства ВКП(б) на основе ленинизма, диктатуры пролетариата и честной партийной демократии».

[\[1120\]](#) При всей официозной риторике это был мужественный документ, сопоставимый по силе с обращениями самого Троцкого. Раковский с одобрения Троцкого и фактически по его инициативе рекомендовал группе оппозиционеров (Белобородову, Мрачковскому, Преображенскому, Муралову, Радеку, Смилге, Сосновскому и др.) также выступить с обращениями к VI конгрессу.[\[1121\]](#)

Это, однако, не встретило поддержки. Тогда, идя на компромисс, уже без согласования с Троцким, который оставался на непримиримой позиции, Раковский выступил с инициативой обращения ссыльных в Политбюро с просьбой разрешить им собраться в Москве, Алма-Ате или другом месте для выработки совместного письма в партийные органы. В связи с этим он послал телеграммы ряду своих товарищей, испрашивая согласие на включение их фамилий в список выдвигающих это требование.[\[1122\]](#)

Смешно предполагать, что Раковский мог рассчитывать на согласие Политбюро. Целью его акции была консолидация лидеров оппозиции и в то же время демонстрация нежелания бюрократов-сталинистов идти на диалог. Разумеется, власти не только не дали разрешения на совещание ссыльных, но даже не отреагировали на просьбу. Ввиду того, что и по объективным причинам (крайняя трудность контактов, невозможность провести региональные встречи), и в силу субъективных мотивов (углублявшиеся различия в оценке ситуации, вытекавшие из них рекомендации касательно дальнейшего поведения) единую позицию выработать оказалось невозможно, последовали индивидуальные, часто прямо противоположные по своему характеру действия.

С одной стороны, Троцкий и Раковский продолжали выступать с документами, в которых стремились проанализировать сущность и причины советского бюрократизма. Наряду с «Письмом тов. В.» Х. Г. Раковского, о котором уже говорилось, обобщенные оценки можно обнаружить в статьях Л. Д. Троцкого, написанных в октябре — декабре 1928 года, — последних сохранившихся его документах перед изгнанием

из СССР.

В статье, посвященной 11-й годовщине Октябрьского переворота, [\[1123\]](#) Троцкий противопоставлял Ленина нынешнему советскому руководству. Он писал, что в партии и стране сложился и функционирует «сталинский режим». В статье «Кризис правоцентристского блока и перспективы» [\[1124\]](#) Троцкий пытался обосновать тезис о «практике узурпаторства» на путях к «подлинному бонапартизму», которая характерна для группы Сталина, опиравшейся на «рабочую бюрократию».

Особенно четко концепцию «рабочей бюрократии» как социальной базы режима Троцкий сформулировал в самой значительной теоретической работе периода ссылки — статье «О философских тенденциях бюрократизма». [\[1125\]](#) В ней давался в целом объективный анализ происхождения и развития большевистской бюрократической системы и ее идеологического обеспечения. Правда, упрекая Сталина и его придворных писак в том, что они подбирают цитаты так же, как «попы всех церквей подбирают тексты применительно обстоятельству», Троцкий не замечал, что этот упрек может быть отнесен к нему самому, причем в этой же статье. Но все же самостоятельный анализ в работе преобладал, разумеется, в узких пределах большевистской парадигмы. Троцкий полагал, что философскую базу советского бюрократизма составляют «осколки» марксизма, установки меньшевизма и народничества, не придав еще к выводу, что никакой, собственно говоря, «философии» у советско-большевистского руководства не было, что оно действовало исключительно в пределах сиюминутной политической выгоды, которую пропагандистский аппарат оправдывал диалектическими изысками, к коим относились и упомянутые «осколки» марксизма. Троцкий считал, что бюрократия не является ни сложившимся самостоятельным классом, ни классом, находившимся в стадии формирования, но, по возможности, не дает себя в обиду. В таком понимании он был значительно ближе к истине, нежели многочисленные современные политологи, считающие советскую бюрократию «господствующим классом» в тоталитарном обществе, не осознавая, что бюрократия являлась исполнительницей воли единоличного диктатора или группы диктаторов и подвергалась таким же ограничениям и репрессиям, как и остальные группы населения, а подчас даже оказывалась в особо плачевном положении, ибо падать с большой высоты особенно больно. Лидер оппозиции, а за ним его приверженцы, понимая, что «в датском королевстве» далеко не все в порядке, все еще тешили себя надеждой на возможность восстановления подлинной «пролетарской

диктатуры», которая на самом деле никогда не существовала.

Вместе со Сталиным особенно доставалось Бухарину. Какие только уничижительные эпитеты, сравнения и прочие тропы из арсенала публицистической стилистики, в которой Троцкий оставался мастером, не придумал он для того, кого давно уже обозвал «Колечкой Балаболкиным»! Достаточно одной тирады — Бухарин «развивает совершенно безответственный и безудержный произвол, снимая обобщения с потолка и жонглируя понятиями, как мечами. Если дать себе труд подобрать и расположить хронологически все те «теории», которые Бухарин сервировал Коминтерну с 1919 года и особенно с 1923 года, то получится картина вальпургиевой ночи, в которой бедные тени марксизма бешено треплются всеми сквозными ветрами схоластики». [\[1126\]](#)

Кампания покаяний и изоляция

Как мы знаем, покаяния оппозиционеров перед Сталиным начались еще в дни заседаний Пятнадцатого съезда ВКП(б). Вслед за Зиновьевым, Каменевым и их ближайшими приверженцами «разоружились перед партией», как тогда стало принято говорить, и некоторые деятели, считавшиеся сторонниками Троцкого.

От Троцкого и его взглядов спешили отречься и те, кто официально в оппозицию не входил, но ранее был связан с ней или отдельными ее деятелями идейно и кругом интересов. Эти люди, стремясь сохранить свое стабильное положение, считали необходимым объявить «граду и миру», что они не имеют никакого отношения к «троцкизму». Наиболее значительным из этих лиц был Николай Николаевич Крестинский, занимавший пост советского полпреда в Германии.

В конце марта 1928 года, когда на его имя поступил опасный запрос из ЦКК ВКП(б), чтобы он передал в этот орган свою переписку с Троцким, всполошившийся Крестинский счел необходимым обратиться в ЦКК с письмом, разъяснявшим, что его переписка с Троцким представляет интерес только потому, что отражает его критическое отношение к тактике оппозиции, «приведшее в конце концов к моему идейному разрыву с оппозицией, несмотря на то, что с большинством руководителей ее я был связан давнишними и тесными личными отношениями». [\[1127\]](#)

Когда же к лету 1928 года стало ясно, что, во-первых, сталинская

группа повернула к подготовке форсированной коллективизации в деревне, во-вторых, ссыльные оппозиционеры стали подвергаться все большим преследованиям (аресты, частые перемещения во все более суровые климатические и бытовые условия, усиление надзора, лишение переписки), а в-третьих, ни на какие компромиссы с оппозицией партийное руководство идти не желает, покаяния стали массовым явлением, превратившись в своего рода «моду».

Первым из ссыльных с заявлениями сначала о необходимости сочетать критику «центристов» (то есть сталинцев) с конструктивным сотрудничеством с ними, а затем о признании правильной «генеральной линии» и необходимости возвращения в партийные ряды выступил К. Б. Радек. Этого деятеля, многократно менявшего взгляды, нимало не заботили принципиальные соображения; он обладал способностью обращать свой недюжинный интеллект, память и знание текстов на доказательство тех идей, которые только вчера считал ошибочными. Поистине Радек был мастером диалектики, понимаемой как искусство доказывать, что белое — это черное, и наоборот! Летом 1928 года он подготовил якобы историко-теоретическую работу «Развитие и значение лозунга пролетарской революции».^[1128] Смысл ее состоял в том, чтобы продемонстрировать Сталину свой политический поворот. Критикуя установку Каменева сразу после свержения царизма на сотрудничество с Временным правительством и называя Каменева «мелкобуржуазным революционером», Радек умалчивал, что на этой же позиции стоял сам Сталин. Радек нападал на Троцкого, заявляя, что теория перманентной революции родилась из «творческой ошибки одиночки», что прав был Ленин, а не Троцкий.

Сигналы Радека должным образом были восприняты и оценены Сталиным. Осенью 1928 года раскаявшийся «грешник» был чуть ли не с почетом возвращен в Москву, назначен на работу в редакцию «Известий», где стали появляться его статьи о международном положении, а затем и восстановлен в партии.

Вслед за этим покаянные заявления полились рекой. Те люди, которых Троцкий считал своей надежной опорой, отрекались от него, чтобы возвратиться в «партийное лоно», а по существу дела, в распоряжение генсека. Среди них были Преображенский, Смилга, Белобородов и многие другие. В числе тех, кто покаялся перед Сталиным, были почти все ближайшие соратники Троцкого по объединенной оппозиции.

Естественно, Троцкий весьма болезненно реагировал на этот раскол, что в глубине души считал элементарным предательством. Однако он старался не давать воли чувствам, пытаясь сохранить хоть какие-то

контакты с теми, кто возвратился в советскую элиту. Показательным было его письмо Радеку от 20 октября 1928 года, посланное уже в Москву.^[1129] Он обращался к адресату по-прежнему — «Дорогой К[арл] Б[ернгардович]», а весь свой сарказм, негодование маскировал тем, что противопоставлял Радека теперешнего Радеку совсем недавнему. Сообщая, что он узнал о «новых взглядах» Радека одним из последних и фактически из вторых рук (здесь Троцкий не вполне правдив, ибо тексты, предшествовавшие покаянию Радека, он получал от автора), Лев Давидович посылал Карлу Бернгардовичу несколько копий его же работ, оказавшихся у него в бумагах. Радек выступал против попыток протащить «антитроцкизм» как идейную основу ренегатства. Иначе говоря, Троцкий обвинял Радека в ренегатстве при помощи его собственных статей. И дальше следовали две большие выдержки из тогдашних заявлений Радека, свидетельствовавшие о глубине падения адресата.

Глубокой осенью 1928 года Троцкий оказался почти в полной изоляции. Но письма и телеграммы родных все же иногда прорывались. Так, сын Сергей телеграфировал в Алма-Ату 15 января 1929 года: «Как относитесь [к] моему приезду [?] Телеграфируйте срок».^[1130] Копия ответной телеграммы в архиве не сохранилась.

Представление о динамике корреспонденции Троцкого в ссылке дает проведенный мною подсчет полученных им писем и телеграмм. В январе 1928 года поступили 16 писем и телеграмм, в феврале — 67, в марте — 87, в апреле — 42, в мае — 216, в июне — 282, в июле — 362, в августе — 318, в сентябре — 194, в октябре — 168, в ноябре — 71, в декабре — 32, в январе 1929 года — 23, в феврале того же года — 3. Правда, были и недатированные письма, но они не меняют общей картины. Как мы видим, в январе — апреле шло постепенное установление почтовых связей, в мае — августе корреспонденция достигла наибольшего размаха (нередко ежедневно поступало более десятка писем), с сентября волна писем пошла на убыль, чтобы превратиться в тончайший ручеек в конце 1928-го — начале 1929 года. Связано это было не только с мерами властей, но и с сокращением числа сторонников.

Тем не менее 3 декабря 1928 года Троцкий телеграфировал председателю ОГПУ Менжинскому, в ЦК ВКП(б) (без указания адресата) и председателю ЦИК СССР Калинину: «Больше месяца абсолютная почтовая блокада. Перехватываются даже письма, телеграммы [о] здоровье дочери, необходимых средствах прочее Точка Сообщаю для устранения будущих ссылок на исполнителей».^[1131]

В ответ на это, будто в издевку, Троцкому были переданы два политических письма, поступивших в Алма-Ату. Первое не было подписано, но, судя по содержанию, не являлось фальшивкой. В нем автор выражал сомнения в правильности выдвижения Троцким таких требований, как «честный созыв XVI съезда», публикация скрываемых работ Ленина и т. п. Второе письмо, написанное ссыльными Абутуровым и Боярчиковым, собиравшимися обратиться в ЦК с покаянным заявлением, содержало их оправдания перед бывшим кумиром и даже рекомендации пойти на примирение с партийной верхушкой.

На оба письма Троцкий дал подробные ответы, являвшиеся последними его обращениями, адресованными советским гражданам, которые были написаны внутри страны. В «циркулярном письме» под заголовком «Слишком примиренческая линия?»^[1132] Троцкий соглашался с невыполнимостью даже минимальных лозунгов, «поскольку они зависят от доброй воли руководства». Требования эти, писал он, можно рассматривать только как средство мобилизации массы, с которой можно вести разговор на понятном ей языке. Троцкий выражал надежду, что «центризм» будет выделять из своей среды «правые» и «левые» элементы, таким образом произойдет дифференциация, бюрократы пойдут направо, рабочие — налево. «Чем принципиальнее, тверже, смелее будет наша позиция, тем быстрее и здоровее пойдет этот процесс дифференциации». Это были прекраснотушные фразы, никакого отношения к политическим реалиям не имевшие.

В то время, когда Троцкий оказался в почти полной изоляции, произошло событие, которое, как представлялось вначале, окончательно ставило крест на его карьере, но на поверку оказалось серьезнейшей ошибкой Сталина, давшей возможность его заклятому врагу не только возобновить активную деятельность, но восстановить свою всемирную известность и авторитет.

Поезд в Одессу. Пароход в Турцию

Можно полагать, что Сталин существенно переоценил степень влияния и авторитета Троцкого, сохранившиеся к началу 1929 года. Над «кремлевским горцем» витала тень всемогущего председателя Петроградского совета времени Октябрьского переворота и столь же

могущественного наркомвоенмора периода Гражданской войны. Сталин явно недооценил степень влияния и власти, которыми сам теперь владел, не мог еще свыкнуться с тем, что превратился уже в единоличного диктатора. Свойственные ему осторожность и постепенность на этот раз его подвели. Собственно говоря, на какой-то момент он просто изменил этим принципам, за что был наказан и в то же время, как будет показано в четвертой части этой книги, в определенном смысле вознагражден, ибо получил козырь в виде, казалось бы, мощного «исчадия ада» за рубежом, на козни которого можно было сваливать внутренние неудачи на протяжении следующего десятилетия.

Продолжая считать Троцкого опасным и сильным противником, не понимая в полной мере, что теперь он мог стать таковым лишь в случае каких-либо чрезвычайных событий, Сталин полагал крайне важным заставить Троцкого замолчать, причем в ближайшее время, что обусловило бы закрепление режима личной диктатуры.

Существовали три возможных пути достижения этой цели. Первый — физическое устранение. Казнь на основе решения суда исключалась, поскольку имя Троцкого было известно всей стране как одного из создателей и руководителей большевистского режима. Троцкого клеймили как проводника «меньшевистского уклона» или даже изначального врага ленинского учения, но отнюдь не как агента империалистических держав. Убийство из-за угла также не рассматривалось, ибо аппарат и техника таких операций еще не сложились. А главное, Сталин продолжал играть во «внутрипартийную демократию». Не ставить же в самом деле на рассмотрение Политбюро вопрос о физическом устранении Троцкого, что было бы полнейшей бессмыслицей. По тем же причинам неприемлем был и второй путь — заключение Троцкого в тюрьму. В качестве политзаключенного Троцкий мог бы приобрести авторитет мученика за идею.

Наконец, третий путь — изгнание за границу, и он оказался наиболее приемлемым. Учитывая, что оппозиционные группы в зарубежных компартиях и вне их были малочисленны, не пользовались существенным влиянием, претерпевали расколы, вряд ли можно было предположить, что Троцкому удастся объединить вокруг себя значительные международные левые силы.

Был, правда, еще один путь, который, видимо, рассматривался Сталиным, — продолжать содержать Троцкого в ссылке, усилив его изоляцию, перекрыв каналы возможных связей, игнорируя его существование в печати. Троцкий, скорее всего, был бы постепенно забыт,

а там стало бы видно, что делать дальше. Но ненависть Сталина и стремление решить «проблему Троцкого» как можно быстрее превысили ментальное сталинское чувство осторожности, и он стал склоняться к высылке Троцкого из страны.

Правда, сначала Троцкого попытались заставить замолчать уговорами и угрозами. 16 декабря в его доме появился представитель ОГПУ Волынский, передавший устный ультиматум, содержание которого в форме прямой речи Троцкий при его великолепной памяти передал в воспоминаниях, можно полагать, достаточно точно: «Работа ваших единомышленников в стране приняла за последнее время явно контрреволюционный характер; условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам полную возможность руководить этой работой; ввиду этого коллегия ГПУ решила потребовать от вас категорического обязательства прекратить вашу деятельность, — иначе коллегия окажется вынужденной изменить условия вашего существования в смысле полной изоляции вас от политической жизни, в связи с чем встает также вопрос о перемене места вашего жительства».^[1133]

Это был ультиматум не ОГПУ, а лично Сталина, который, видимо, все еще колебался в определении судьбы лидера оппозиции. 26 ноября 1928 года на заседании Политбюро Сталин поставил вопрос «О контрреволюционной деятельности Троцкого». Решение как совершенно секретное было отправлено в «особую папку».^[1134] Но и в «особой папке» никакого решения, по сути дела, обнаружить не удалось. В качестве постановления там фигурирует обтекаемая фраза: «Предложить ОГПУ провести в жизнь решение ЦК».^[1135]

Только через два дня Сталин распорядился отправить выписку из протокола в единственном экземпляре в ОГПУ на имя председателя этого ведомства Менжинского и его заместителя Ягоды,^[1136] а конкретные указания, в чем же именно состоит это незафиксированное решение, Сталин, видимо, дал Менжинскому и Ягоде при личной аудиенции. Именно эти распоряжения и передал Троцкому Волынский.

Волынский оставался в Алма-Ате, ожидая новых инструкций, которые получил 20 января 1929 года. Инструкциям предшествовало заседание Политбюро 7 января, в повестке дня которого под пунктом 29 значилось: «О Тр[оцком]». На этот раз решение было лапидарным: «Выслать за границу за антисоветскую работу». Выписка из протокола была тотчас послана Менжинскому.^[1137] Однако еще почти две недели шла подготовка операции по выдворению Троцкого из СССР.

Получив соответствующую бумагу, Волынский 20 января явился в дом Троцкого в сопровождении большой группы агентов ОГПУ, которые заняли все входы и выходы, как будто ссыльный мог совершить побег. Троцкому была предъявлена выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ от 18 января 1929 года:

«Слушали: Дело гражданина Троцкого Льва Давидовича по ст[атье] 58/10 Уголовного Кодекса по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против советской власти.

По становили: Гражданина Троцкого Льва Давидовича — выслать из пределов СССР». [\[1138\]](#)

От Троцкого потребовали расписки, и он написал:

«Преступное по существу и незаконное по форме постановление ГПУ мне объявлено 20 января 1929 г.».

В течение всего дня 21 января шла спешная упаковка вещей, главным образом рукописей и книг. Багаж составили только самые необходимые личные вещи. Почти все скромное домашнее имущество, приобретенное в Алма-Ате, было передано под расписку представителям ОГПУ. С собой было взято минимальное количество книг, а остальные сданы властям. [\[1139\]](#)

Основное внимание Троцкий, его жена и сын сосредоточили на срочной комплектации материалов личного архива. А к этому времени в архиве Троцкого накопились материалы огромной важности: документы его деятельности до 1917 года, в том числе протоколы августовской конференции 1912 года, переписка с социал-демократами разных стран, Лениным и другими большевистскими деятелями, приказы председателя Реввоенсовета Республики, стенограммы его личных докладов на партийных съездах, конференциях, всевозможных собраниях и митингах и другой разнообразный материал. Не имея инструкций по поводу личной документации, Волынский не препятствовал Троцкому собирать архив. [\[1140\]](#) Отлично понимая его ценность, Лев Давидович сомневался, что ему удастся вывезти архив за рубеж, но все же старался, надеясь на случай, чтобы не потерялась ни одна бумага. Сундуки с документами составили

основную часть багажа.

На рассвете 22 января 1929 года Троцкий, его жена и сын Лев были посажены в автобус, который отправился по накатанной снежной дороге к Курдайскому перевалу. Перевал удалось преодолеть с огромным трудом. Бушевала вьюга, наметая снежные заносы, мощный трактор, взявший автобус на буксир, сам застрял в снегу. Семью Троцкого перегрузили в сани. Расстояние в 30 километров преодолевали более семи часов.

За перевалом состоялась новая пересадка — в автомобиль, который благополучно довез всех троих до города Фрунзе, где их погрузили в поезд. В Актюбинске Троцкий получил правительственную телеграмму (это была последняя правительственная телеграмма, которую он держал в руках), уведомляющую, что местом назначения является Стамбул. На все его возражения против высылки в Турцию следовали ответы, что сотрудники ОГПУ выполняют приказ, но скоро прибудет более ответственное лицо, с которым можно будет вести переговоры по существу.

Таковой сотрудник действительно появился на станции Ряжск. Им был Павел Петрович Буланов, занимавший должность секретаря секретно-оперативного управления ОГПУ. Буланов подтвердил, что местом депортации является Стамбул. Он согласился (видимо, имея на это соответствующие указания) вызвать в Ряжск близких для прощания с Троцким и его семьей. Более того, по требованию Троцкого Буланов вел телефонные переговоры с Москвой относительно страны депортации.

Пока длились переговоры, поезд стоял на глухой ветке. Во время казавшейся вечной стоянки под Ряжском сюда были доставлены младший сын Сергей и жена Льва Львовича Анна Рябухина. Им предстояло расстаться с близкими навсегда. Сергей, не увлекавшийся политикой, не желал отказываться от своих научно-технических планов и решил остаться в СССР. Анна не могла отправиться за границу с мужем, так как в Москве оставался годовалый сын Люлик, названный, как и его отец, Львом в честь деда. Трудно судить, какие мысли бродили в голове Льва Львовича Седова, когда он расставался с женой и покидал крошечного сына. Понимал ли, что это — разлука навсегда? Судя по немногим письмам Анны, которые получил Лев в эмиграции, прямо она не возражала против расставания. Да и как могла возражать? В свое время, когда юная Анюта выходила замуж за сына Троцкого, она не могла не понимать, какие мощные препоны могут оказаться на ее жизненном пути. И все же она, страстно любившая Льва-младшего, горько сожалела о разлуке. «Что ты имеешь в результате? — сетовала Анна в одном из писем 1932 или 1933 года (письмо не датировано, и о времени отправления можно судить лишь по упоминанию, что сын

Люлик приближается к шестому дню рождения). — Ты разбил только свою и нашу с Люликом жизнь». [\[1141\]](#)

Что касается дочери Зинаиды (теперь единственной дочери — младшая умерла, как помним, несколькими месяцами ранее), которая с почтением и любовью относилась к отцу, но была слабого здоровья (страдала туберкулезом и психической неуравновешенностью), то ей, скорее всего, не сообщили о его высылке, и она попрощаться не приехала. Вряд ли это было правильным решением — Зинаида узнает обо всем постфактум, может быть даже из газет. Но Лев Давидович не желал отягощать свою нервную систему почти неизбежными истериками дочери.

После двенадцати суток стояния на полустанке поезд наконец двинулся. Между Наркоминделом СССР и МИДом Турции было достигнуто соглашение, что Троцкого под фамилией Седов примут в этой стране на неопределенно долгое время «на лечение». Это была удобная формулировка, маскирующая существо дела — высылку политического противника Сталина. По договору с турецкими властями первое время «Седов» будет проживать в советском консульстве в Стамбуле при условии, что он не будет вмешиваться во внутренние дела Турецкой республики.

Поезд теперь мчался на всех парах на юг. В ночь на 10 февраля он прибыл в Одессу. Перед этим Троцкому сообщили, что он и сопровождающие его лица будут отправлены в Турцию на пароходе «Калинин». Но история сыграла злую шутку. «Калинин» настолько прочно застрял во льдах, что ледоколы не смогли освободить его, и в качестве транспорта был предоставлен свободный на тот момент пароход «Ильич». Так оказалось, что Троцкий, в свое время один из главных оппонентов Ленина в социал-демократическом движении, а затем почти равный с ним вождь большевиков во время их прихода к власти и ее укрепления, теперь отправлялся в изгнание на судне, носившем ленинское отчество.

Льва, Наталью и Льва-младшего срочно перегрузили на корабль, где, кроме них, не было других пассажиров, а единственным грузом стали личные вещи семьи и архив. Здесь Буланов передал опеку над тем, кого еще считали опасным узником, другому чину ОГПУ — Фокину, хотя сам также отправился в путешествие в качестве наблюдателя.

Двенадцатого февраля «Ильич» вошел в Босфор. При приближении к Стамбулу, который Троцкий по-прежнему называл на русский манер Константинополем, он передал Фокину официальный документ, из которого видно, что Лев Давидович не исключал вероятность физической расправы или по крайней мере заключения под стражу:

«Согласно заявлению представителя коллегии ГПУ Буланова, Вы

имеете категорическое предписание, невзирая на мой протест, высадить меня путем применения физического насилия в Константинополе, т[о] е[сть] передать в руки Кремля и его агентов.

Выполнить это поручение Вы можете только потому, что у ГПУ (т[о] е[сть] у Сталина) имеется готовое соглашение с Кемалем^[1142] о принудительном водворении в Турции пролетарского революционера объединенными усилиями ГПУ и турецкой национально-фашистской полиции.^[1143]

Если я вынужден в данный момент подчиниться этому насилию, в основе которого лежит беспримерное вероломство со стороны бывших учеников Ленина (Сталин и К^о), то считаю в то же время необходимым предупредить Вас, что неизбежное и, надеюсь, недалекое, возрождение Октябрьской революции, ВКП, Коминтерна на подлинных основах большевизма даст мне раньше или позже возможность привлечь к ответственности как организаторов этого термидорианского представления, так и его исполнителей».^[1144]

Троцкий, однако, соблюдал дипломатический политес. Вслед за этим резким письмом он подготовил еще одно, которое вручил турецкому офицеру (поднявшемуся на пароход с целью проверки) для передачи президенту Турции. В нем говорилось:

«Милостивый Государь, у ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу лишь подчиняясь насилию.

Соблаговолите, господин президент, принять соответственные мои чувства».^[1145]

Так руководитель Октябрьского переворота, один из большевистских вождей периода Гражданской войны и непосредственно после нее, непримиримый оппонент и противник Сталина, руководитель объединенной оппозиции, а затем политический ссыльный превратился в изгнанника, гражданина «планеты без визы», как он назвал последнюю главу своей вскоре изданной мемуарной книги.

Начинался новый, последний этап бурной общественнополитической деятельности Троцкого. Выдворяя его из СССР, Сталин надеялся, что в захолустном турецком изгнании, утратив большевистско-советские корни, связь со своими теперь немногочисленными сторонниками, Троцкий как

политик окончательно захиреет, канет в небытие. Произошло, однако, противоположное. За пределами СССР Троцкий почти сразу воспрянул духом, установил или восстановил связи с антикоминтерновскими коммунистическими и левосоциалистическими организациями и группами, стал теперь не национальным, а международным лидером.

Часть четвертая ВО ГЛАВЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОППОЗИЦИОННОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Но поражены от победы Ты сам не должен отличать.

Борис Пастернак

Глава 1 ПРИНКИПО

Обустройство в окрестностях Стамбула

По прибытии в Стамбул Троцкий с женой и сыном были доставлены в Генеральное консульство СССР, где, как им сообщили, они смогут проживать некоторое время. Здание консульства находилось на главной улице современной части Стамбула — Пера (ныне Истикляль). Сейчас там размещаются Генконсульство и Торгпредство Российской Федерации. В беседе с их сотрудниками, во время моего пребывания в Стамбуле в феврале 2010 года, я обнаружил, что они представления не имели о том, что в этом помещении в 1929 году жил Троцкий.

Вначале казалось, что решение об изгнании не является окончательным, что Троцкому предоставлена возможность раскаяться и

возвратиться в СССР. По крайней мере советские власти надеялись, что он будет соблюдать политическое молчание.

Троцкий с семьей прожил в советском консульстве примерно месяц. Почту, которая постепенно увеличивалась, он получал на консульский адрес. Как вспоминала Наталья Ивановна, штат консульства относился к ним «с уважением и почти дружески».^[1146] Когда Троцкий покидал корабль, представители ОГПУ Буланов и Фокин передали ему 1500 долларов для расходов на первое время. Эта сумма была ничтожной; при отсутствии других доходов она была бы израсходована в ближайшие недели.

Странным фактом в истории изгнания Троцкого из СССР было разрешение на вывоз архива, значительную часть материалов которого он вскоре опубликует или использует в борьбе против Сталина и его сторонников. В том, что власти закрыли глаза на вывоз документального богатства, можно видеть демонстрацию готовности Сталина к примирению в случае капитуляции главного противника. Но не исключено, что в 1929 году Сталин не был еще достаточно опытен, чтобы знать взрывоопасную силу документального материала. Это знание он приобретет со временем.

Тотчас после прибытия в Турцию изгнанник начал устанавливать письменную связь с оппозиционными коммунистическими деятелями в разных странах. Вскоре стали поступать ответы. Некоторые авторы заявляли о солидарности с Троцким и готовности под его руководством вести борьбу за ликвидацию сталинского курса в ВКП(б) и Коминтерне. В числе первых, кто откликнулся, были давние знакомые — бывший член Исполкома Коминтерна француз Альфред Росмер и его супруга Маргарита, видный французский журналист Марсель Паз, исключенный из компартии за поддержку объединенной оппозиции в ВКП(б). С их помощью Троцкий установил связь с редакциями западноевропейских и американских газет. Их корреспонденты стали появляться в консульстве. Получалось, что консульские работники способствуют «антисоветской пропаганде», и это могло им дорого обойтись.

Представители СССР убеждались, что Троцкий не намерен свертывать оппозиционную деятельность. Это стало особенно очевидно в связи с его требованием выполнить данное на корабле обещание, что в Турцию будут отпущены находившиеся в ссылке его секретари Познанский и Сермуks. Однако генеральный консул Минский через несколько дней известил, что из Москвы получен отрицательный ответ.^[1147]

Вскоре консул получил распоряжение о выдворении Троцкого и 5

марта потребовал, чтобы он с семьей покинул «советскую территорию». Тот ответил протестом, сказав, что не имеет особого желания оставаться в консульстве, но не намерен поступаться безопасностью своей семьи.^[1148] Переезд в гостиницу на длительное время был невозможен как по финансовым соображениям, так и в силу возможной опасности для жизни: Стамбул был наводнен белыми эмигрантами, которые в своих печатных органах давали понять, что не прочь были бы поквитаться с тем, кого считали одним из главных виновников своего изгнания. Но реальными действиями угрозы не подкреплялись, и Троцкому было ясно, что опасность минимальна, хотя и не исключена со стороны какого-нибудь бывшего офицера, находившегося в состоянии депрессии.

Один из сотрудников консульства, когда-то служивший в Красной армии под началом Троцкого (его фамилию Наталья Ивановна, вспоминая те дни, не помнила), помог снять небольшую виллу на острове Принкипо — главном острове архипелага Принцевы острова в Мраморном море по соседству со Стамбулом. Со второй половины XIX века Принкипо стал местом летнего отдыха зажиточных жителей крупнейшего города Турции. Остров отличался спокойствием и умиротворением. Не разрешалось даже пользоваться автомобилями.

Удобство найденной виллы состояло и в том, что находилась она на отшибе, но недалеко от пристани, и посетителям было легко к ним добираться. Этот просторный трехэтажный особняк на холме принадлежал одному из бывших сановников Турецкой империи Иззет-паше. Вилла пришла в запустение, и хозяин с радостью сдал ее в аренду за незначительную плату.

Несколько дней, пока на вилле шел ремонт, Троцкие жили в гостинице «Токатлиян» в Пера — деловом и культурном центре города, откуда 6 марта Лев Давидович телеграфировал М. Пазу: «Бесплатно проживаю в гостинице. Ищу жилье».^[1149] Консульские работники были еще настолько любезны (естественно, по распоряжению свыше), что оплатили проживание сталинского оппонента.

Восьмого марта 1929 года Троцкий был перевезен на Принкипо, перед этим передав еще один протест, имевший опять-таки значение только в качестве фиксации события и средства напомнить советским чиновникам о непримиримом отношении изгнанника к их руководству.^[1150] Изгнание из консульства означало, что разрыв Троцкого с властными кругами СССР стал почти полным, хотя, как он полагал, еще не окончательным.

С первых недель пребывания в Турции Троцкий получал огромную

корреспонденцию. Голландец по происхождению и француз по месту жительства и ментальности Жан ван Хейженоорт, два года исполнявший обязанности секретаря Троцкого на Принкипо, рассказывал, что каждое утро почтальон привозил огромную почту. «Письма, газеты, книги, пакеты с документами поступали со всего мира. Мы открывали все пакеты прежде чем передать их Троцкому, но письма не вскрывали, так как в это время техника убийства, как мы полагали, не включала возможности запечатать смертоносное оружие в небольшой конверт. Каждый день приходили письма от эксцентричных, не вполне нормальных людей: некоторые цитировали Библию, другие рекомендовали Троцкому, как сохранить здоровье или спасти душу».^[1151]

Были среди авторов люди, не являвшиеся эксцентриками, но и не представлявшие себе взглядов и намерений Троцкого. Летом 1929 года пришло письмо от Сирила Клеменса, сына знаменитого американского писателя Марка Твена, подлинное имя которого — Сэмюэл Клеменс. Клеменс-младший предлагал Троцкому стать почетным вице-председателем Общества Марка Твена. Все бы ничего, но письмо было напечатано на бланке этого общества, где значились имена тех, кто уже входил в когорту «посвященных». Среди них значилась и фамилия почетного председателя общества — его превосходительства Бенито Муссолини, премьер-министра Италии и вождя итальянских фашистов, которого Троцкий как убежденный коммунист считал заклятым врагом.^[1152] На это письмо Троцкий из предусмотрительности не ответил, считая нецелесообразным объявлять о своем отношении к дуче.^[1153]

В январе 1931 года к Троцкому приехала старшая дочь Зинаида Волкова с четырехлетним сыном Севой (Всеволодом). Зина, как и ее мать А. Л. Соколовская, удивлялась, что советские власти выпустили ее к отцу — злейшему сталинскому врагу. Но резоны властей нетрудно угадать — в Ленинграде с бабушкой оставалась старшая дочь Зинаиды от первого брака с Захаром Моглиным семилетняя Саша, ставшая заложницей. Разрешению на выезд к отцу предшествовал краткий арест Зинаиды,^[1154] но через несколько дней она была выпущена. Сталин, видимо, счел более выгодным отправить ее за рубеж.

Зина болела туберкулезом легких, и родные надеялись послать ее из Турции в одну из европейских стран для квалифицированного лечения. Пока же она, почитавшая отца, стремилась оказать ему помощь в делах. Подозревая, что из этой затеи ничего путного не выйдет, Троцкий все же дал дочери несколько заданий. Отнесись к ним как к скучной повинности,

Зинаида только мешала в работе, давая непрошенные советы. Будучи человеком с трудным характером и неуравновешенной психикой, она к тому же отличалась рассеянностью, и вскоре ей перестали давать поручения, что вызвало новые обиды. Отношения с дочерью быстро ухудшились.

В качестве временного решения Зинаиду устроили в туберкулезный санаторий под Стамбулом, но лечение не давало видимых результатов. В конце концов Зину забрали из санатория, и домашнее напряжение возобновилось.

Не соответствуют истине, однако, измышления российского автора А. Эткинда, будто «главная беда» Зины состояла в «инцестуозной любви» к отцу. Этот автор, познакомившийся в Хотонской библиотеке с письмами Зинаиды из Германии к отцу и Н. И. Седовой, сделал произвольные выводы. «Эта инцестуозная любовь, — заявляет Эткинд, — трагическое влечение к собственному родителю... живет в глубинах подсознательного, а выходит оттуда только у детей и психических больных. Даже на пике бреда Зине не просто признаться в своем влечении, тем не менее диагноз был очевиден, и в нем не сомневался даже Троцкий, потому и отправил дочь именно к психоаналитику».^[1155] Увы, невзыскательный автор книги (название которой не имеет никакого отношения к данному сюжету) не просто дал письмам Зинаиды необоснованное толкование. Его утверждение, что Троцкий якобы не сомневался в ее «инцестуозной любви», не подтверждается ни единым документом и остается на совести Эткинда.

На Принкипо Троцкий жил четыре с лишним года. Правда, с некоторыми перерывами. В ночь на 1 марта 1931 года на вилле произошел сильный пожар. Предполагали, что он возник из-за неаккуратности Зинаиды. Серьезно пострадала значительная часть виллы, сгорели некоторые подготовительные материалы к работам Троцкого, фрагменты текстов (в частности запланированной книги о Марксе и Энгельсе),^[1156] а также часть архива, однако не очень существенная.

Почти месяц семья Троцкого жила в крохотном отеле «Савой» на Принкипо, а в конце марта перебралась в азиатскую часть Стамбула, в небольшой пригород Кадикьой, где был временно снят дом — менее удобный, чем вилла на Принкипо, но с прочным забором и помещениями для охраны и секретарей, что Лев Давидович считал наиболее важным.

Вскоре пожар вспыхнул и в новом доме. Казалось, Троцкого буквально преследовал пожар, правда, не тот, о котором он мечтал, — пожар мировой

революции. Огонь разгорелся в подвальном этаже. В дневнике Троцкий записал: «Инициатором предприятия оказался мой внук 6 лет, который трудолюбиво собрал в кучу опилки, дрова, старую вату — и с успехом поджег этот хорошо воспламеняющийся материал. Не без труда и волнений удалось потушить пожар — к огорчению для его инициатора».^[1157] Только в октябре 1932 года, после трудоемких восстановительных работ, Троцкий возвратился на виллу Иззет-паши, которая ему понравилась.^[1158]

Хотя пребывание на острове имело свои прелести, Троцкий всеми силами тянулся в Западную Европу, обращался с просьбами о предоставлении виз в Германию, Великобританию, Чехословакию и другие страны. С ним вступали в вежливую переписку, но в конце концов неизменно отказывали. 22 апреля 1929 года Троцкий написал статью «Демократический урок, которого я не получил»,^[1159] где подробно рассказал, как с легкой руки германских социал-демократических деятелей ему было отказано во въезде в эту страну. Несколько месяцев тянулась переписка с посольством Чехословакии по поводу визы на краткосрочное лечение, но в итоге, несмотря на то, что Троцкий согласился со всеми ограничениями, которые собирались на него наложить, ему было отказано и в этой визе.^[1160]

Пятнадцатого июля 1933 года, за два дня до отъезда из Принкипо во Францию, куда он получил наконец право на въезд, Троцкий сделал дневниковую запись, свидетельствующую, что он, всегда рвавшийся в гущу событий, в людские толпы, на которые мог бы воздействовать ораторским талантом, за годы пребывания в Турции привык к островному одиночеству, к сравнительному уединению. Оставаясь человеком публичным, он теперь оказывал воздействие не устными выступлениями перед массой слушателей, которые жадно заглатывали каждое его слово, превращались в толпу, готовую выполнить любой его приказ, а более спокойными средствами — книгами, письмами, беседами с посетителями.

Возможно, сказывался уже немолодой возраст — Троцкому пошел шестой десяток. В еще большей степени на образ жизни влияло условие, при котором он был принят в Турции, — отказ от открытой политической деятельности. К подобному поведению Лев Давидович постепенно привыкал в годы ссылки, но тогда считал это делом непродолжительным. Теперь же, складывается впечатление, Троцкий стал воспринимать новые условия существования даже с некоторым удовлетворением.

«Принкипо — остров покоя и забвения, — писал он в дневнике. — Мировая жизнь доходит сюда с запозданием и в приглушенном виде... На

Принкипо хорошо работать с пером в руках, особенно осенью и зимой, когда остров совсем пустеет и в парке появляются вальдшнепы».^[1161]

Особенно радовало Троцкого то, что он имел возможность беспрепятственно выходить в море на рыбную ловлю, которую, как и охоту, считал неотъемлемой частью своей жизни много лет. Не удовлетворив охотничий и рыболовный азарт, он почти не в состоянии был выступать, садиться за рабочий стол или вести политические беседы. Это являлось средством и сосредоточиться, и добавить в кровь адреналина, что особенно было важно при сидячем образе жизни. Охотиться на крупную дичь на Принкипо было запрещено, да и просто негде. Разрешалась только охота на пернатых, и этим правом Троцкий пользовался. Но всю страсть, все то непродолжительное время, которое выкраивал, отрываясь от занятий, кои вполне серьезно считал важнейшими не только для себя, но для всего трудящегося человечества, он отдавал рыбной ловле. Троцкий писал своему американскому корреспонденту профессору Калифорнийского университета А. Кауну в октябре 1932 года: «Погода здесь стоит прекрасная. Стреляю перепелов и ловлю рыбу. Скоро пойдет в большом количестве скумбрия».^[1162]

Дневниковые записи, посвященные вылазкам в Мраморное море, поистине поэтичны. Троцкий с упоением рассказывал о своем «незаменимом наставнике» юном греке Хараламбосе, с которым сдружился, несмотря на то что мир этого юноши был «описан радиусом примерно в 4 километра вокруг Принкипо». Он не знал грамоты, но зато знал свой мир и «прекрасную книгу Мраморного моря читал артистически».^[1163] И далее подробно передавал в дневнике свои инструкции, точнее, инструкции Хараламбоса, будущим рыбакам, причем чувствовалось, что он с глубокой грустью расставался с Мраморным морем, в то время еще богатым рыбой.

За полтора месяца до отъезда во Францию Троцкий дал интервью Жоржу Сименону, молодому, но уже известному первыми романами о комиссаре Мегрэ французскому писателю и журналисту. Интервью сопровождалось яркими описаниями Принкипо, пейзажей острова, его быта. «Воздух, вода, листва, небо — все охвачено таким спокойствием, такой неподвижностью, что кажется, будто, проходя, я разрываю солнечные лучи». Сам Троцкий также произвел на Сименона впечатление спокойствия и безмятежности. Через несколько дней интервью, посвященное в основном вопросам диктатуры и демократии, войны и мира, было опубликовано в двух номерах газеты «Paris soir» («Вечерний Париж»)^[1164]

Пора относительного провинциального умиротворения для Троцкого завершалась. Предстояли нервные и динамичные перипетии во Франции, Норвегии и, наконец, в Мексике.

Литературная деятельность

Еще пребывая в консульстве, Троцкий сделал набросок своей издательской программы,^[1165] свидетельствовавший, что он намеревался активно использовать новейшую отечественную историю в предстоявшей борьбе. Он объявил об учреждении фонда для издания работ Ленина и важных документов партии, «опубликование которых в Советской республике запрещено сталинским аппаратом и карается как «контрреволюционное» преступление».

Он намечал опубликовать протоколы мартовского совещания руководящих деятелей партии большевиков 1917 года (они должны были дать представление о «соглашательской» позиции Сталина, Молотова и других нынешних руководителей партии накануне приезда в Россию Ленина), протокол заседания Петроградского комитета партии 1 ноября 1917 года, на котором Ленин назвал Троцкого «лучшим большевиком», протокол военной секции Восьмого съезда партии (здесь Ленин поддержал усилия Троцкого по строительству регулярной армии), последние письма Ленина и т. д.

Действительно, появившаяся через несколько лет книга Троцкого «Сталинская школа фальсификации»^[1166] содержала несколько важных документов, обозначенных в издательской программе, которые позволяли создать более сбалансированное представление о недавнем прошлом, в основном о политике большевистского руководства в 1917 году, о разногласиях Ленина с Каменевым, Сталиным и другими «внутренними» руководителями после возвращения большевистского вождя из эмиграции, о высокой оценке Лениным Троцкого и т. д. Но полностью издательская программа выполнена не была из-за недостатка средств, а также потому, что Троцкий занялся другими, более актуальными, с его точки зрения, делами.

По прибытии в Турцию Троцкий сразу же возобновил работу, начатую в Алма-Ате, которая должна была дать представление сторонникам, противникам, всей читающей публике о его жизненном пути от первых детских воспоминаний до последних месяцев.

После переселения на Принкипо свободного от политических занятий времени оказалось больше. ««Моя жизнь» была написана в один присест и завершена в течение нескольких месяцев», — писала Наталья Ивановна. Сам Троцкий был убежден, что затворничество в турецкой глуши — временный эпизод в его бурной жизни, и торопился воспользоваться им, чтобы довести до современников и потомков свою трактовку минувших этапов собственной деятельности. [\[1167\]](#)

Об интенсивной работе отца Лев Седов писал тем, кого считал еще своими единомышленниками в СССР. 9 июля он отправил письмо И. Я. Врачеву, который как раз перед этим заявил о своем примирении со сталинским режимом. «У нас без перемен, — говорилось в этом письме. — Старик много работает — подготавливает книги для печати. Со здоровьем так себе — малярия, переутомление и пр[очее]. Да и здесь очень неважно, а единый фронт от сэра Остина — до Сосо — не дает никуда продвинуться». [\[1168\]](#)

Рукописью заинтересовались американские и английские издатели. Уже в 1930 году книгу выпустили издательство «Скрибнер и Сыновья» в США и издательство Торнтон Баттерворса в Великобритании. В том же 1930 году мемуары Троцкого появились на парижских и мадридских книжных прилавках, а также в Праге — на чешском и в Варшаве — не только на польском, но и на языке идиш. Так началось сенсационное шествие этой книги по всему миру — от Китая до латиноамериканских и даже нескольких африканских стран. [\[1169\]](#)

На русском языке мемуары вышли в двух томах в издательстве «Гранит» в Берлине. Это издательство, принадлежавшее А. С. Кагану (он владел еще двумя берлинскими издательствами — «Обелиск» и «Парабола»), и позже публиковало книги Троцкого, интерес к которым проявляла эмигрантская публика разных взглядов. Книгоиздатель получал прибыль, хотя явно не мог чувствовать себя в безопасности при нагнетавшейся советскими властями кампании против Троцкого и бешеных выпадов со стороны национал-социалистов. Приход нацистов к власти в начале 1933 года положил конец существованию «Гранита», как и всех других издательских домов, принадлежавших не только евреям-иммигрантам, но и евреям — уроженцам самой Германии.

Мемуары Троцкого обладали достоинствами и недостатками, присущими этому жанру литературы. Они были субъективны и пристрастны, что автор не отрицал, заявляя, что эта книга — не фотография жизни, а ее составная часть, что на ее страницах он

продолжает борьбу. Правда, тут же Троцкий начинал со свойственным ему блеском играть словами, утверждая, что именно в этом субъективизме и состоит возможность «сделать биографию объективной в некотором более высоком смысле, т. е. сделать ее наиболее адекватным выражением лица, условий и эпохи».^[1170]

Мемуары Троцкого, увлекающие читателя с первых страниц, написанные живым, свободным языком с использованием всех возможных литературных приемов, были точны в фактологическом отношении. В то же время они были сугубо полемичными и как таковые нередко заостряли внимание на одних событиях, игнорируя или мельком упоминая другие. В целом же двухтомник представлял собой персонифицированную историю революционного движения в России.

Особенно ярко описана в них внутрипартийная борьба 1923–1927 годов, причем знакомство с позицией Троцкого, при всех предвзятостях (главной из них является не вполне искренняя идеализация Ленина и ленинского периода в развитии большевистской власти), исключительно важно для понимания того, как зародившаяся в 1917 году тоталитарная система постепенно оказалась способной перерасти в зрелый, всесторонне оформленный тоталитаризм, в сталинскую репрессивную машину, охватывавшую все сферы жизнедеятельности общества.

В субъективности и полемичности была одновременно и сила, и слабость этого труда. Но так или иначе на протяжении последовавших почти восьмидесяти лет ни один серьезный исследователь истории революционного движения в России, истории становления советского режима не проходил мимо этой работы. Одни читатели, разделявшие установки Троцкого, относились к книге восторженно. Другие стремились выискать в ней максимум противоречий и неверных оценок. Но с 1930 года мемуары Троцкого стали жить своей жизнью. Пропутешествовав по странам и континентам, они смогли прийти, наконец, в начале 1990-х годов до широких читательских кругов России.

На английский язык мемуары перевели его старые знакомые М. Истмен и его супруга Е. В. Истмен-Крыленко. Конечно, Макс Истмен затаил обиду на Троцкого за неджентльменское поведение в отношении него и его книги «После смерти Ленина», о чем шла речь выше. Но внешне он удовлетворился объяснениями Троцкого и возобновил с ним сотрудничество. Летом 1930 года Макс побывал на Принкипо, договорился о переводе работы на английский язык, был восхищен творческой атмосферой, в которой нежданно-негаданно оказался вечный возмутитель спокойствия. Он рассказывал жене о жизни Троцкого, о совместной рыбной

ловле в Мраморном море. В свою очередь, Истмен описывал Троцкому американскую жизнь в условиях начавшегося в 1929 году тяжелейшего экономического кризиса.

Правда, Макс не был вполне искренним, когда благодушно описывал свое пребывание на Принкипо и встречи с бывшим кумиром. Его теперь раздражала безапелляционная манера Троцкого гасить любое его возражение жесткой формулой «неопровержимо доказано». Через несколько дней после встречи с Троцким на Принкипо Истмен записал в дневник: «Я чувствую себя уязвленным его полным внутренним безразличием к моим оценкам, интересам, к самому моему существованию. Он не задавал мне вопросов... Поэтому люди... уходят от него, чувствуя себя приниженными». [\[1171\]](#)

Политические контакты с соотечественниками

Троцкий лишь постепенно начинал чувствовать себя фигурой международного масштаба. В первые месяцы пребывания в Турции он все еще считал себя российским деятелем, волею судеб оказавшимся в новой эмиграции, которая, как он оптимистически предполагал, не будет такой уж долгой. Разумеется, благодаря международным связям Троцкий был известен за рубежом и пользовался авторитетом у своих единомышленников, но все же оторванность от Запада в последние годы повлияла на его образ мыслей, и некоторое время в эмиграции Лев Давидович стремился прежде всего поддерживать контакты со своими сторонниками, оставшимися в СССР.

Разными путями оппозиционерам, находившимся пока на свободе, удавалось передавать за границу письма для Троцкого, пользуясь связями в Москве, где сохранялись его тайные симпатизанты. Таковые были и в советских полпредствах. Весной 1929 года с Троцким установил связь шифровальщик полпредства СССР в Норвегии Петр Сергеевич Куроедов, который посылал на Принкипо материалы из советской прессы, некоторые документы и фотографии, разными путями оказавшиеся в его руках. В переписке с Куроедовым Троцкий давал ему новые и новые задания. Не исключалось, что этот человек присоединится к Троцкому в Турции в качестве секретаря-стенографа. План не осуществился — в 1932 году Куроедов скончался от туберкулеза. [\[1172\]](#)

Еще более сложными путями передавали письма Троцкому ссыльные и

заклученные. Н. И. Седова вспоминала, что однажды он получил даже послание от узников Верхнеуральского политизолятора, написанное микроскопическими буквами на крохотных клочках бумаги размером с почтовую марку.^[1173]

В архивном фонде Троцкого сохранились письма, полученные в Турции от ссыльных Н. Муралова, Ф. Дингельштедта, К. Цинцадзе и др. Но особенно важным Троцкий считал продолжение спорадических контактов с Х. Г. Раковским, который за неуступчивость был переведен из Астрахани в Саратов, а затем в далекий Барнаул.

Из ссылки Раковскому удалось переправить Троцкому несколько статей и писем. Установить каналы связи теперь вряд ли возможно. Но тот факт, что примерно до конца 1932 года существовали двусторонние нелегальные контакты Троцкого с ссыльными оппозиционерами, подтверждается материалами архива.^[1174]

Вместе с тем группы сторонников Троцкого в СССР все более редели. Согласно данным ОГПУ, «массовый отход от троцкизма начался во второй половине 1929 г.». Для достижения этого применялись своеобразные психические атаки. Бывших сторонников Троцкого вызывали в ОГПУ, угрожали, запугивали, а иногда просто заставляли стоять в коридоре по много часов, после чего отправляли по домам без объяснений. Затем история повторялась. В конце концов многие запуганные люди давали подписки о сотрудничестве.^[1175] Некоторые же активные в прошлом участники оппозиции сочли необходимым выступить с новыми покаянными политическими заявлениями. Особенно усердствовал К. Б. Радек.

Тринадцатого июля 1929 года в «Правде» появилось совместное заявление Преображенского, Радека и Смилги от 10 июля. В нем они отказывались от своих подписей под оппозиционными документами и от оппозиционной деятельности, просили вновь принять их в партию, восхваляли политику руководства. Троцкий ответил статьей «Жалкий документ»,^[1176] в которой стремился по пунктам опровергнуть доводы «тройки».

Статьи Раковского и другие материалы оппозиционеров публиковались в зарубежном русскоязычном журнале «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)», который продержался дольше всех периодических изданий сторонников Троцкого.

«Бюллетень» начал выходить в Париже в июле 1929 года. В 1931 году издание было перенесено в Берлин, куда для руководства им приехал из

Турции сын Троцкого Лев Седов, поступивший в берлинский политехнический институт, но основное внимание уделявший журналу и сплочению последователей своего отца. Лев проявил великолепные организаторские качества. В начале 1933 года в связи с приходом нацистов к власти в Германии он смог почти безболезненно перенести издание журнала опять в Париж. После начала Второй мировой войны «Бюллетень» перевели в Нью-Йорк, где в августе 1941 года вышел его последний номер.

Лев Седов публиковал в «Бюллетене» свои сообщения (обычно под псевдонимом «Н. Маркин» в память о человеке, который покровительствовал ему и его брату в 1917 году), подчас предоставлял трибуну относительно случайным корреспондентам, печатал письма и статьи, поступающие из СССР. Но подавляющее большинство материалов журнала составляли статьи, тезисы, обращения, письма самого Троцкого. Фактически «Бюллетень оппозиции» был персональным органом Троцкого в силу его интеллектуальной продуктивности, блестящего слога, производительности и напора, чем почти не отличались российские или по крайней мере русскоязычные его последователи, кого можно было бы использовать за рубежом. Публикации Троцкого занимали обычно 80–90 процентов журнальной площади. Некоторые же номера «Бюллетеня» были, по существу дела, авторскими брошюрами главного международного оппозиционера. Например, восьмой номер за декабрь 1929-го — январь 1930 года содержал только работу Троцкого ««Третий период» ошибок Коминтерна». Печатался Троцкий под собственным именем, редакционные материалы помещал без подписи, авторство которых легко угадывалось по стилю, использовал различные псевдонимы («Г. Гуров», «Альфа», «Онкен» и др.).

Оказавшаяся в окружении Льва Седова Лола (Лилия Яковлевна) Эстрин занималась в основном техническими делами, хотя подчас выполняла и задания по подбору материала, его структурированию и т. д. Еще одно лицо, участвовавшее в подготовке журнала к выпуску, Марк Зборовский, имевший конспиративную кличку «Этьен», особенно прочно втерся в доверие к Седову, а через него и к обычно осторожному Троцкому. На самом деле Этьен был агентом советских спецслужб под кодовыми именами «Марс», «Мак», «Кант» и особенно часто «Тюльпан». Он передавал резидентам ОГПУ и позже НКВД (куда, с его образованием в 1934 году, вошло ОГПУ, переименованное в Главное управление государственной безопасности) детальную информацию о деятельности Седова, «Бюллетене оппозиции», контактах и всей деятельности «хорьков», как с оттенком презрения именовались сторонники Троцкого в агентурной

переписке ОГПУ, а затем НКВД. [\[1177\]](#)

Л. Л. Седов добился того, что «Бюллетень оппозиции» установил связь со многими странами всех континентов, библиотеками, книжными магазинами, книжными фирмами, политическими организациями различных направлений. Интерес к журналу и подписка на него были довольно значительными, что позволяло выпускать его регулярно, хотя и небольшим тиражом, на протяжении свыше двенадцати лет. [\[1178\]](#)

В СССР журнал сначала нелегально ввозили лица, возвращавшиеся из зарубежных командировок, а также иностранцы. Пытался передавать журнал упоминавшийся шифровальщик советского полпредства в Осло Куроедов. [\[1179\]](#) Но читать это издание в СССР удавалось лишь единицам. Зато высшие коммунистические чины имели возможность знакомиться с «Бюллетенем оппозиции» обстоятельно. Через подставных лиц журнал закупили для Сталина и его окружения, для библиотек ЦК ВКП(б).

Для Сталина и его приближенных «Бюллетень» не мог не представлять угрозы. Сам его лексикон по силе обличения и негодования не мог быть сопоставлен ни с одним изданием в мире, причем обличения с очень знакомых большевистским вождям «марксистско-ленинских» позиций. Просматривая «Бюллетень», Сталин, естественно, прежде всего обращал внимание на статьи о собственной персоне, которые публиковались почти в каждом номере. В своем журнале Троцкий вел непрерывную словесную дуэль с советским диктатором. Это было единственное в мире русскоязычное издание, где с глубоким знанием дела и к тому же на базе свойственной большевикам догматики разоблачалась диктатура «кремлевского горца».

К движению сторонников Троцкого вскоре примкнули новые лица — некоторые по заданию советских спецслужб, подобно Зборовскому, некоторые российские и советские граждане, находившиеся за рубежом, по своему почину, но почти все они вскоре оказались в руках агентов ОГПУ.

С французскими оппозиционерами установил связь проживавший в Брюсселе М. Милль, который руководил небольшой организацией русскоязычных евреев. Поскольку Милль владел немецким и французским языками, Троцкий заинтересовался этой личностью. Милль на несколько недель приехал на Принкипо. Оказалось, что он был родом из южной части Украины и в детстве жил недалеко от родной Троцкому Яновки. Оба они с удовольствием вспоминали родные места. На Троцкого Милль произвел вначале благоприятное впечатление. Ему было предложено переехать в Париж и начать там создание Интернационального секретариата

Международной левой оппозиции.

Возлагая надежды на организаторские способности Милля, Троцкий обращался к нему с многочисленными инструктивными письмами, поначалу дружескими, затем критическими и даже гневными. Их содержательной стороны я коснусь ниже, в связи с рассказом о формировании международного коммунистического оппозиционного движения. Пока же только упомяну, что в конце концов с Миллем произошел разрыв. В 1932 году он обратился в советское полпредство с просьбой разрешить ему возвратиться в СССР. Разрешение было получено, и Милль отбыл в Харьков. Существует предположение, что он, подобно Зборовскому, с самого начала был агентом ОГПУ.^[1180] Во время «большого террора» Милль исчез: возможно, был расстрелян.

Еще одним сторонником Троцкого из числа советских граждан, находившихся за границей, на этот раз тайным сторонником, считался какое-то время сотрудник полпредства СССР в Париже Харин. Опытный и обычно осторожный Троцкий вдруг поверил, что советский дипломат способен осмелиться оказать ему политическую поддержку. Харин передал Троцкому через посредников, что может действовать в качестве связного, в том числе между ним и его сторонниками в СССР. Через доверенных лиц Троцкий послал Харину машинописный текст первого номера «Бюллетеня оппозиции» и несколько подлинных документов, фотокопии которых предполагалось опубликовать в этом номере. Долгое время о Харине ничего не было слышно. В конце концов выяснилось, что он был сотрудником ОГПУ и передал этому ведомству все материалы, полученные от Троцкого. В числе пропавших документов был подлинник письма, полученного Троцким от Крупской после смерти Ленина.^[1181] Выпуск журнала задержался.^[1182] Что же касается письма Крупской, то, к счастью, Троцкий сохранил фотокопию. Оригинал же, по слухам, оказался не в советском архиве, а в кабинетном сейфе Сталина.

В отношении двух русскоязычных сотрудников Льва Седова в Берлине, участвовавших в издании «Бюллетеня оппозиции», — братьев Соболевичусов, Рувелиса и Абрахама, которые жили в германской столице под псевдонимами Роман Вель и Адольф Сенин, доверие Троцкого и Седова также оказалось неоправданным. Вель занимался распространением «Бюллетеня» в Германии, а затем и в других странах. Сенин стал помощником Седова по техническим делам. Вель и Сенин вступили в оживленную переписку с Троцким и делали вид, что исправно выполняют его задания.

Оказалось, однако, что оба они были внедрены в окружение Седова иностранными службами ОГПУ. Главное их задание заключалось не в шпионаже, а в дезорганизации сторонников Троцкого, которые и без того относились друг к другу подозрительно и легко поддавались на слухи и сплетни. Если поначалу германская группа была более или менее сплоченной, то в результате акций братьев Соболевичусов намечавшиеся разногласия раздувались «по принципиальным мотивам», происходили расколы. В конце концов еще до прихода нацистов к власти германские «троцкисты» потеряли влияние, которым вначале обладали.

Но все это обнаружится значительно позже. В 1933 году Соболевичусы эмигрировали во Францию, затем под новыми именами Роберт Соблен и Джек Собл перебрались в США.

Только после Второй мировой войны ФБР удалось выйти на их след и в 1947 году подослать к ним агента. Десять лет шло собирание доказательств с одновременной дезинформацией советских органов, а в 1957 году Соблен и Собл были арестованы в Америке. Соблену удалось добиться временного освобождения под денежный залог, после чего он сбежал в Израиль. Будучи выданным израильскими властями американцам, он покончил жизнь самоубийством в сентябре 1962 года в Лондонском аэропорту — по пути в Нью-Йорк, куда его доставляли под стражей.^[1183] Собл, арестованный тогда же, но не выпущенный под залог, «раскололся» и сообщил следователям, что перед приездом в США накануне Второй мировой войны побывал в Москве, где был принят Берией, который сказал ему: «Товарищ Сталин помнит ваше имя и ваши заслуги в борьбе против врага нашего государства Троцкого».^[1184] Собл признался, что получал копии писем Троцкого и документы руководимых им организаций, которые передавал советским секретным службам.^[1185]

Так вокруг Троцкого начинали плестись интриги советских тайных служб, которые становились все более разветвленными, хотя далеко не всегда эффективными.

Одним из эпизодов, связанных с этими службами, хотя эпизодом неординарным, была встреча Троцкого с давним его сотрудником, чекистом Я. Г. Блюмкиным. Этот человек — убийца германского посла в Москве Мирбаха — несколько лет служил в штабе наркомвоенмора, привязался к нему. В 1922 году Блюмкин перешел на работу в ВЧК, затем был первым руководителем отдела контрразведки ОГПУ, а в следующие годы являлся резидентом советской шпионской сети, в частности в Турции.

Однажды, еще до выезда в Европу, Лев Седов, проходя по улице Пера,

вдруг оказался в буквальных объятиях этого матерого авантюриста, который, безусловно, его выследил, воспользовавшись тем, что как раз здесь находилось Генконсульство СССР, куда, как установил Блюмкин, Седов часто заходил за адресованной отцу почтой в первые месяцы после переезда на Принкипо.

Н. И. Седова рассказывала: «...Кто-то забросил сзади на его шею рукоятку тросточки, а затем с хохотом стал его обнимать. Это был Яков Блюмкин, один из известнейших бойцов Красной армии^[1186] и один из самых заметных советских контрразведчиков на Востоке».^[1187]

Седов повез Блюмкина к отцу, которому Яков Григорьевич поведал, что, занимаясь секретной работой, он не мог присоединиться к оппозиции, но разделял ее взгляды. (В своих показаниях после ареста советскими органами Блюмкин писал: «16 апреля [1929 года], разумеется, с соблюдением строжайшей конспирации, чтобы не провалить себя, я имел продолжительное свидание с Троцким. Его личное обаяние, драматическая обстановка его жизни в Константинополе, информация, которую он мне дал при беседе, — все это подавило во мне дисциплинарные соображения, и я предоставил себя в его распоряжение».) Через несколько дней Блюмкин вновь посетил Троцкого, порекомендовал ему усилить охрану и согласился передать во время намечавшейся поездки в Москву письмо Троцкого его сторонникам.

Письмо было тут же написано. Троцкий сохранил его копию в своем архиве. Из текста ясно видно, что автор по-прежнему представлял себя в роли руководителя мощной политической силы, которая способна была даже посылать своих представителей за рубеж.^[1188] Вот важнейшие места этого письма: «По поводу ренегатства Радека и К° написана Т[роцкий] статья «Жалкий документ», которая выходит на трех языках». «Необходимо направить одного-двух человек для организационной работы в Берлине и Париже. Самое лучшее — кого-нибудь из ссыльных». «Работа в области иностранной оппозиции подвигается пока медленно». Письмо Троцкого грешило многими повторениями и перехлестами, сочетая необоснованный оптимизм с негодованием по поводу того, что его директивы не исполняются также беспрекословно, как это было во время Гражданской войны.

Троцкий надеялся, что верный Блюмкин тотчас передаст его указания неведомым сторонникам, которых ему удастся обнаружить (возможно, используя для этого каналы ОГПУ), а они, в свою очередь, распространят указания лидера «по городам и весям». Наделе произошло иначе. Вначале

Блюмкин колебался, следует ли вообще ехать в Москву, не целесообразнее ли стать невозвращенцем. Сомнения отпали, когда Яков получил нежное письмо от своей любовницы Елизаветы Юльевны Горской, являвшейся помощником уполномоченного по Закордонной части Иностранного отделения (ИНО) ОГПУ. Письмо Горской было маневром с целью завлечения Блюмкина в Москву, ибо за ним в Стамбуле следили, и ОГПУ стали известны его встречи с Троцким.^[1189] 14 августа 1929 года авантюрист приехал в Москву, привезя с собой письмо Троцкого. На службе он не появился, а первые сведения, что Блюмкин находится в столице, поступили в ОГПУ только в середине октября. В его деле в архиве ФСБ сохранилось заявление сотрудника журнала «Чудак» Б. Левина о том, что 14 октября Блюмкин пришел в квартиру художника Роберта Рафаиловича Фалька и умолял спасти его от ГПУ. Он твердил, что является «представителем оппозиции в ГПУ» и ему необходимо спрятаться.^[1190] В конце концов он связался с Горской, надеясь на ее помощь. Горская же посоветовала немедленно сообщить обо всем, что с ним произошло, начальству ОГПУ. Не удовлетворившись обещанием возлюбленного, Лиза просто донесла на него.

В результате Блюмкина арестовали и судили закрытым судом. Он был обвинен в недопустимом визите к Троцкому, в доставке в СССР подстрекательских писем Троцкого и т. д. Коллегия ОГПУ приговорила его к смертной казни.^[1191] Сталин утвердил приговор. 3 ноября 1929 года Блюмкина прикончили в подвале этого ведомства.^[1192]

В конце 1929 года весть о расстреле Блюмкина достигла Стамбула. Троцкому было передано письмо некоего тайного сторонника, которое затем было опубликовано в «Бюллетене оппозиции».^[1193] Действительных фактов автор письма не знал. Он повторял циркулировавшую в Москве версию, которую явно распространяли агенты ОГПУ, будто Блюмкин передал письмо Троцкого Радеку, получил от последнего совет «покаяться», что и сделал. Этот слух получил продолжение в многочисленных книгах и статьях, в которых упоминается «дело Блюмкина». На самом деле он не мог обращаться к Радеку, что очевидно уже по первым строкам письма, переданного Троцким через Блюмкина своим сторонникам. К этому времени Троцкий считал Радека предателем и общаться с ним просто не мог. Радек должен был послужить прикрытием Е. Горской. Троцкий делал вывод: «Расстрелом Блюмкина Сталин хочет сказать международной оппозиции большевиков-ленинцев, что внутри страны у него есть сотни и тысячи заложников, которые будут расплачиваться собственными головами

за успехи подлинного большевизма на мировой арене».

Сообщая, что во Франции и Германии выпущены листовки памяти Блюмкина, что подобные воззвания готовятся в других странах, Троцкий рассчитывал на развертывание международной кампании, надеялся использовать гибель Блюмкина для пропаганды. Существенного резонанса эта история не получила.

В течение ряда лет в международной организации сторонников Троцкого числилась русская секция. Но фактически в ней были всего два активных члена — сам Троцкий и его сын Лев Седов. По этой причине в объемистом справочнике, составленном американским историком Робертом Александером, не нашлось даже места для этой организации, которая в действительности так и не образовалась.^[1194] Разумеется, сохранялись тайные сторонники Троцкого, но никакой организационной структуры им создать не удалось. Во время «большого террора» тех, кто был известен в качестве бывших оппозиционеров, расстреляли или отправили в концлагеря, где почти все они погибли.

Глава 2

ТРОЦКИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОППОЗИЦИОННЫЕ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

На Европейском континенте

Ко времени высылки Троцкого из СССР процесс «большевизации» зарубежных компартий в целом завершился. Они научились вслушиваться в директивы Москвы и в основном послушно их исполнять. «Хозяином» был Сталин, а передаточными инстанциями — органы Коминтерна. В первом номере «Бюллетеня оппозиции» с полным основанием отмечалось, что ««братскими партиями» Сталин управляет, как старый турецкий паша управлял своей провинцией. Для Тельмана и Семара^[1195] даже окрика не нужно: достаточно движения пальцем».^[1196]

Такое положение нравилось не всем коммунистам. Многие из них полагали, что компартии должны соблюдать независимость, а Коминтерн призван быть союзом «братских партий». Возникавшие в компартиях небольшие оппозиционные группы склонялись к поддержке объединенной оппозиции в ВКП(б) и ее главы Троцкого. Склонность к «троцкизму», однако, рассматривалась как смертный грех, за который следовало

изгнание.

В конце 1920-х годов во многих странах возникли гетерогенные коммунистические группы, лидеры которых стремились установить контакты с Троцким, объявляли себя его сторонниками, подумывали об образовании своей международной организации.

Возникновение оппозиционных коммунистических групп стимулировалось изменениями в мировой экономике, которые, по мнению коммунистических деятелей, должны были привести к сокрушительным политическим последствиям. В октябре 1929 года тяжелейшим крахом на нью-йоркской бирже начался экономический кризис, который из США распространился на европейские страны, а затем на другие континенты. Капиталистический мир начал с трудом выходить из кризиса только в 1933 году.

Росла поляризация сил. Усиливалось влияние как компартий, так и правоэкстремистских организаций, которые часто без должных оснований называли на итальянский образец фашистскими, хотя наряду с чертами сходства с итальянскими фашистами они по многим параметрам сильно от них отличались. Особенно активно действовала и рвалась к власти Национал-социалистическая рабочая партия Германии во главе с Адольфом Гитлером.

Первые организации сторонников Троцкого возникли в ряде стран почти одновременно, непосредственно перед его изгнанием из СССР или сразу же после этого. Наиболее значительными среди них в Европе были группы во Франции и Германии.

Троцкий возлагал особые надежды на французских сторонников. С некоторыми деятелями этой страны он поддерживал связь, еще будучи одним из большевистских лидеров, встречался с ними на конгрессах Коминтерна, а после высылки именно с французами установил первые зарубежные контакты. Он пытался опереться на Анри Росмера, Мориса Пазу, Альберта Трена, исключенных из компартии за сочувствие объединенной оппозиции, пытавшихся создать свои организации и начать издание собственных газет и журналов.^[1197] После высылки Троцкого в Турцию Росмер и Паз с супругами посетили его на Принкипо. Однако вели они себя независимо, вступали в споры с гостеприимным хозяином. С Пазом Троцкий вскоре рассорился. С Росмерами вначале установилось деловое сотрудничество. Они выполняли задания Троцкого во Франции и других странах. Позже, однако, и с ними наметились разногласия, приведшие к политическому разрыву, хотя сохранились личные дружеские отношения. Это, кажется, был второй случай (первый — отношения с М.

Истменом), когда политическое отдаление не привело к взаимным грубым обвинениям.

Вместе с тем уже в первые дни жизни Троцкого в особняке Иззет-паши там появился еще один француз. Звали этого молодого, 25-летнего человека Раймон Молинье. Он также приехал на Принкипо не один, а с юной женой Жанной. Молинье произвел на Троцкого прекрасное впечатление, особенно своей практичностью, оказав большую помощь его семье в устройстве на Принкипо. [\[1198\]](#)

Уехал Молинье с Принкипо один. Его супруга осталась на вилле Иззет-паши, чтобы помочь семье Троцкого по хозяйству, а самому Льву Давидовичу исполнением секретарских обязанностей. [\[1199\]](#) Произошло, однако, то, что часто бывает, когда молодые жены остаются без мужей или наоборот. Лев Седов и Жанна Молинье понравились друг другу и провели одну из ночей вместе. Через некоторое время Жанна, воспринявшая это как случайный эпизод, возвратилась в Париж. Однако вскоре вновь вместе с мужем приехала на Принкипо, и на этот раз Раймон вернулся во Францию один навсегда, а Жанна осталась жить со Львом.

С тех пор она не расставалась со Львом вплоть до его смерти. Это не был простой адюльтер, ибо обо всем произошедшем Жанна сообщила Раймону, а Лев написал в Москву Анне. Последней оставалось только примириться с судьбой. Что касается Раймона, то он воспринял переход жены к сыну Троцкого чуть ли не как честь для себя, продолжая активные усилия по созданию оппозиционной коммунистической организации во Франции. Ж. Хейженоорт вспоминал, что Троцкий был очень зол на сына из-за его связи с Жанной. [\[1200\]](#) Но и ему ничего не оставалось, кроме как примириться.

Казалось, что в Париже есть группа людей, на которых Троцкий может опереться в создании коммунистической оппозиционной организации. В Молинье он видел «подрастающую смену», но вначале основные надежды возлагал на опытных политических деятелей, прежде всего на Бориса Суварина, являвшегося ранее членом Исполкома Коминтерна. Однако, к глубокому разочарованию Троцкого, который вел себя как неофициальный вождь международной оппозиции «большевиков-ленинцев», Суварин проявил «нетерпимость и претенциозность». Он послал на Принкипо огромный трактат, в котором, по мнению Троцкого, наряду с верными наблюдениями и анализом было немало противоречий. Но главное, здесь коса нашла на камень: тон письма французского деятеля был столь же самоуверенным, каковым подчас бывал тон самого Троцкого. Разрыв

оказался неизбежным. Вслед за этим Троцкий порвал с Пьером Монаттом и Морисом Пазом, который произвел неблагоприятное впечатление во время визита на Принкипо. В конце концов Троцкий взял курс на самое молодое поколение, во главе которого стояли Раймон Молинье и небесталанный писатель-сюрреалист Пьер Навилль. Правда, вначале вместе с ними шел значительно более старший и опытный Альфред Росмер.

Росмер и Молинье выступили с подачи Троцкого инициаторами создания еженедельника «La Verité» («Правда»), первый номер которого вышел 15 августа 1929 года. Это был второй печатный орган сторонников Троцкого на Западе — первым был американский журнал «The Militant» («Борец»), начавший выходить еще в 1928 году. В обращении к редакционному совету французского еженедельника, написанном 6 августа 1929 года, Троцкий подчеркивал, что влияние «левой оппозиции» в стране слабо, это движение расколото. Изгнанник обещал свое сотрудничество.

[1201] В первом номере «La Verité» была опубликована написанная Троцким «Декларация», [1202] в которой формулировались оценки мировой и внутрифранцузской ситуации и задачи его последователей, как они виделись Троцкому. Ситуация, благоприятная для решительного наступления и прихода к власти, может ускользнуть, считал он, если ею не воспользоваться правильно. Между тем «левая» оппозиция расколота, занята спорами, а не деятельностью в пролетарской среде. Установление единства и сосредоточение усилий на работе в массах он назвал главными проблемами, на которых должны были сконцентрировать внимание французские оппозиционные коммунисты.

С самого начала в среде французских сторонников Троцкого возникла конкуренция. Навилль решил, что именно ему должна принадлежать пальма первенства. После возвращения с Принкипо, где он побывал вместе со своим единомышленником адвокатом Жераром Розенталем летом 1929 года, Навилль начал издавать журнал «La lutte de classes» («Классовая борьба»). Лев Давидович 11 августа послал редакции (именно редакции, а не лично Навиллю) подробное письмо, в котором осторожно критиковал Навилля и Розенталя, убеждая, что французской оппозиции необходима еженедельная газета, и притом немедленно. [1203]

Поначалу Навилль и его сторонники, подчиняясь авторитету кумира, дали согласие на участие в еженедельнике, хотя не прекратили издания своего журнала, на чем, впрочем, Троцкий не настаивал. По указанию Троцкого Молинье, Навилль и другие менее известные фигуры в апреле 1930 года провозгласили создание Коммунистической лиги Франции.

Однако добиться существенного увеличения ее численности не удавалось, хотя организаторы прилагали для этого энергичные усилия. Ж. Хейженоорт писал, что даже через два года после провозглашения Лиги она не имела «кадров своих участников. Нас было так мало. Не более чем примерно двадцать действительных активистов». Сам Жан и другие члены этой группы пытались продавать газету на станциях метро по вечерам, когда рабочие возвращаются домой, и в рабочих кварталах по воскресным дням. По ночам они расклеивали листовки на афишных тумбах, но их часто задерживала полиция — не потому, что распространялись «подрывные издания», а по той причине, что на листовки не были приклеены соответствующие марки, без которых их не разрешалось распространять. На марки не было денег.^[1204]

Несмотря на незначительную численность, Коммунистическая лига стала ареной ожесточенных внутренних дрязг, которые, как выяснится позже, оказались характерной чертой всего «троцкистского движения» и были результатом малочисленности, замкнутости, неудовлетворенности результатами собственной деятельности и стремления обвинить в неудачах кого-нибудь другого. Троцкий был раздражен внутренними конфликтами в организации, которую считал своим первым детищем. Он пытался сохранить позицию посредника, заботливого отца, но эта роль ему не очень удавалась.

Главными соперничавшими фигурами были Молинье и Навиль. Принципиальных расхождений между ними не было, но оба вместе со своими друзьями и приверженцами стали распространять друг о друге всевозможные порочащие слухи. Учитывая то первое благоприятное впечатление, которое Молинье произвел на Троцкого на Принкипо, нежелание расставаться с собственными иллюзиями, политическое упрямство, да и, вероятно, в какой-то мере чувство вины перед Раймоном из-за того, что его сын увел у Молинье жену, нетрудно понять, почему симпатии Льва Давидовича оказались на стороне Молинье, хотя Троцкий пытался это скрыть, призывая соперников к примирению.

Между тем обнародовались факты, что Раймон Молинье вместе с братом Анри, также объявившим себя «троцкистом», наряду с политической деятельностью занимались неприглядными коммерческими делами. Они владели так называемым Французским институтом сборов — фиктивной организацией, на самом деле занимавшейся скупкой по дешевке просроченных счетов и вышибанием денег у должников путем угроз и клеветы.^[1205] Если добавить, что для Молинье были характерны

истерические вспышки (однажды во время дискуссии он опрокинул на Навилля стол, за которым сидели диспутанты^[1206]), то картина представится еще более живописной.

Молинье, однако, удивительным образом сочетал свои предпринимательско-преступные авантюры с личной преданностью Троцкому. Обладая недюжинными организаторскими способностями, имея широкие связи в Париже, знакомства в различных кругах, он нередко приходил на помощь Троцкому, когда это становилось необходимым.

Тем не менее, вопреки усилиям Молинье, в Национальном комитете Коммунистической лиги положением овладел Навилль, который еще в начале лета 1930 года попытался даже исключить Молинье из организации. Троцкий воспротивился этому, ссылаясь на принципы «внутрипартийной демократии». 26 июня 1930 года он писал Навиллю, что тот, мол, собирается устроить путем исключения Молинье некий переворот в Лиге.^[1207] В конце концов оба деятеля были приглашены в гости к Троцкому и заключили устное соглашение, шутливо названное «принкипским миром». Национальная конференция Лиги в октябре 1931 года одобрила мир, но сразу после конференции споры вспыхнули с новой силой.

Ситуация во французской Лиге была своего рода моделью для организаций, объединявших последователей Троцкого, в других странах.

Еще одной страной, в которой Троцкий рассчитывал на успешное развитие организации своих сторонников, была Германия.

Как и во Франции, в первые годы большевистской власти Троцкий пользовался у германских коммунистов большим авторитетом. После его поражения в 1923 году сторонники Троцкого были от руководства компартией Германии отстранены. Во главе партии встали Рут Фишер и Аркадий Маслов, которые вначале считались кратурой Зиновьева. Однако подобно герою анекдота, на вопрос анкеты: «Были ли колебания в проведении линии партии?» ответившему так: «Колебался вместе с линией», чаша весов этой группы колебалась вместе с чашей председателя Коминтерна. После поражения «новой оппозиции» в РКП(б) стала гаснуть звезда и ее германских ставленников. Маслов и Фишер были объявлены фракционерами, и к концу 1926 года почти всех их сторонников исключили из КПП.

В марте 1928 года германские коммунистические диссиденты провозгласили создание своей организации Ленинбунд (Ленинский союз). Его лидерами стали вначале Фишер, Маслов, а также Гуго Урбане, который в КПП занимал второстепенные позиции, но получил известность

благодаря исключению из партии. Именно Урбане выдвинулся на первый план в Ленинбунде, так как Фишер и Маслов в том же году порвали с этой организацией, надеясь, что будут вновь приняты в компартию, ибо получили на этот счет уклончивые обещания. Этого, однако, не произошло — в КПГ они восстановлены не были, но и возвратиться в Ленинбунд им воспрепятствовал Урбане.^[1208]

Под руководством Урбанса началось издание двух периодических органов — газеты «Volkswille» («Воля народа») и журнала «Die Fahne des Kommunismus» («Знамя коммунизма»). Оба издания ориентировались на Троцкого. Почти в каждом номере печатались его статьи.

Но в самом Ленинбунде, а также между Урбансом и Троцким возникли серьезные разногласия. Они касались оценки положения в СССР, статуса оппозиции и т. д. После устройства на Принкипо Троцкий приглашал Урбанса посетить его, но немецкий деятель, понимая, что такой визит, скорее всего, приведет к его капитуляции и подчинению сильной воле международного лидера, от визита уклонялся. В конечном итоге произошел разрыв. Личная корреспонденция сменилась сначала «открытыми письмами», полными полемики, а затем разоблачительными статьями в прессе. Именно в ходе дискуссий с Урбансом возник вопрос, который позже активнейшим образом дебатировался десятки лет в кругах сторонников Троцкого, — произошел ли уже советский «термидор» или только может иметь место. Если отбросить словесную шелуху, спор велся о том, осуществил ли Сталин контрреволюционный переворот или таковой только угрожает советскому строю. Вопреки сугубо критической позиции Урбанса, Троцкий придерживался твердого мнения, что государственная экономика СССР носит социалистический характер, а «термидор» представляет только потенциальную опасность.^[1209]

По мере нарастания расхождений с Урбансом Троцкий стал предпринимать усилия, чтобы найти в Ленинбунде подходящего руководителя и уговорить руководство заменить Урбанса «более достойной личностью». В «разведывательную» поездку в Германию отправился летом 1929 года Альфред Росмер, в то время еще горячий сторонник Троцкого. Впечатление на Альфреда Урбане произвел неблагоприятное. 4 августа Росмер писал Троцкому, что «долгая беседа... была болезненной и неприятной», Урбане вел себя как «подлинный автократ, решая все собственной волей».^[1210]

В этих условиях Троцкий обратил внимание на своего молодого австрийского сторонника Курта Ландау, который обращался к

принкипскому изгнаннику со страстными письмами, предлагая помощь. По предложению Троцкого Ландау отправился в Берлин, чтобы попытаться создать новую оппозиционную коммунистическую организацию, в центре внимания которой была бы борьба против национал-социалистов.^[1211]

В результате конфликт между Урбансом и Троцким достиг крайней остроты. На 23 февраля 1930 года была назначена конференция союза с целью «очищения его рядов», то есть исключения сторонников Троцкого. Уже перед этим два члена правления Ленинбунда, Антон Грилевич и Йокко, выступившие с критикой Урбанса с позиций Троцкого, были из союза исключены.

Не дожидаясь конференции, 6 февраля Троцкий написал «Открытое письмо» членам Ленинбунда.^[1212] Полагая, что раскол необходим, он пытался придать ему принципиальный характер. Урбане же, по его мнению, готовя раскол, делал это «в наиболее опасной и вредной форме», выдвигая на первый план склоку. Бичуя сепаратистские взгляды Урбанса, его курс на создание второй компартии в Германии, отказ от совместной работы с интернациональной оппозицией, Троцкий видел панацею от зол в создании международной организации. Именно в этом письме впервые возникла та противоречивая позиция Троцкого, которая затем фигурировала во многих его документах 1930–1932 годов — курс на создание интернационального сообщества, объединявшего бы не партии, а движения. Сообщества, которое само было бы и организацией, и вроде бы не организацией, ибо Троцкий продолжал выступать за сохранение Коминтерна, который бы избавился от своих ошибок, за сохранение компартий, которые бы перешли на его позиции.

На конференции Ленинбунда произошел раскол. Примерно половина его членов вышла из союза и провозгласила образование Германской объединенной левой оппозиции. Сам же Ленинбунд после этого стал терять влияние и вскоре превратился в незначительную организацию, прекратившую существование после прихода нацистов к власти в 1933 году.^[1213]

Объединенная оппозиция сформировалась из двух групп. Одну составляли исключенные из Ленинбунда и покинувшие его добровольно, второй была так называемая Веддингская оппозиция. Эта группа образовалась в 1927 году в рабочем районе Берлина Веддинге под руководством Александра Мюллера и Ганса Вебера, пытавшихся установить контакт с Троцким еще в то время, когда он находился в ссылке.^[1214]

Объединительной конференции части членов Ленинбунда и Ведцингской группы Троцкий придавал такое значение, что делегировал туда двух своих представителей — П. Навилля и американца Макса Шахтмана, который побывал в Берлине по возвращении с Принкипо. Их миссию Троцкий считал особенно важной в связи с тем, что он не возлагал особых надежд на прочность нового объединения.

Троцкий отлично понимал, что в его распоряжении нет подготовленных, опытных, закаленных в политических боях деятелей, и пока он вынужден был полагаться на всяческие «любительские приемы», чтобы распространять информацию о положении в германской оппозиции. «...Наиболее трудная задача сейчас, — писал он, — это отбор и подготовка руководящей группы. В нынешних обстоятельствах руководство еще менее, чем когда-либо, может быть индивидуальным. Оно должно быть коллективным».^[1215]

Конечно, рассуждения по поводу «коллективного руководства» были лишь фигуральными. Троцкий напряженно искал с помощью переписки, через доверенных лиц, тех немецких деятелей, на которых мог бы опереться. Особо доверенным он считал К. Ландау, избранного во временное руководство Объединенной оппозиции и взявшего на себя создание и редактирование ее печатного органа «Der Kommunist». Вскоре он был избран представителем Германии в Интернациональный секретариат Международной левой оппозиции, где также считался «человеком Троцкого».^[1216]

Однако через короткое время в германской оппозиционной группе разгорелась бурная свара, которую ныне, задним числом, можно считать результатом происков советского агента Р. Соболевичуса, развернувшего массированную атаку на Ландау, обвиняя его в переоценке нацистской опасности, паникерстве и других недостойных делах. Троцкий в очередной раз не смог верно оценить людей. В «Письме всем секциям Интернациональной левой» от 17 февраля 1931 года^[1217] он принял сторону Соболевичуса, что было особенно удивительно, просто необъяснимо в связи с тем, что это противоречило его политической позиции, ибо как раз в это время Троцкий стал бить тревогу в связи с наступательными действиями нацистов, предпринимавших первые шаги по направлению к захвату власти.

Несмотря на усилия по преодолению кризиса, в конце мая в германской левой оппозиции произошел раскол. Группа Ландау, насчитывавшая примерно 300 человек, продолжала издавать свой журнал,

пыталась завязать собственные международные связи, которые остались в зачаточном состоянии. Между Троцким и Ландау произошла ссора, в результате которой этот австро-германский деятель порвал с организациями, ориентировавшимися на Троцкого.

Троцкий же попытался опереться теперь на бывших известных коммунистов Антона Грилевича и Оскара Зайпольда. Совместно с Р. Соболевичусом они стали издавать газету «Die Permanente Revolution», распространение которой было сравнительно широким (вначале пять тысяч экземпляров, из которых три тысячи рассылались по подписке).^[1218]

В 1931 году, когда в Испании началась демократическая революция и была свергнута монархия, там развернулась ожесточенная политическая борьба, в ходе которой возникло множество партий самой широкой амплитуды — от праворадикальных до левоэкстремистских. Но еще до начала революции в парижской эмиграции под влиянием французских поклонников Троцкого стали появляться первые небольшие группы его испанских сторонников. Они были крайне слабы, пока их не поддержал известный коммунист Андрес Нин, имевший немалый опыт. С 1921 года Нин являлся членом Исполнительного бюро Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерна), а в 1926-м тайно присоединился к объединенной оппозиции. Во время алма-атинской ссылки он через посредников обменялся с Троцким несколькими письмами.^[1219] В том же 1928 году во время VI конгресса Коминтерна Нин открыто выступил в поддержку Троцкого, был исключен из партии, а в 1930 году депортирован из СССР.

Возвратившись в родную Каталонию, Нин возобновил почтовую связь с Троцким и без согласия последнего (он только проинформировал о своих действиях) установил связь с Каталонской коммунистической федерацией, руководимой Хоакином Маурином. Федерация незадолго до этого была скандально изгнана из официальной компартии за отказ осудить Троцкого. Тем не менее Троцкий был недоволен, что Нин стал членом руководства этой федерации, а также тем, что он критиковал Р. Молинье, к которому, как помним, Троцкий до поры до времени испытывал особо теплые чувства. И все же поначалу Лев Давидович считал Нина своим союзником.^[1220] В 1931 году возвратившиеся на родину испанские сторонники Троцкого вместе с Нином создали Коммунистическую оппозицию Испании.

Небольшие группы приверженцев Троцкого появились в конце 1920-х — начале 1930-х годов и в других странах Европы — в Бельгии, Австрии, Чехословакии, Болгарии. Болгарская группа первое время была особенно

активной, и Троцкий регулярно переписывался с ее руководителями Стефаном Мановым и Димитром Гачевым.^[1221]

За океаном

Тем временем происходили важные перемены в движении сторонников Троцкого в Соединенных Штатах. Движение начало формироваться еще тогда, когда Троцкий находился в ссылке в Алма-Ате. В мае 1929 года в Чикаго состоялась конференция, на которой было провозглашено создание организации под длинным наименованием — Коммунистическая лига Америки (КЛА), Левая оппозиция Коммунистической партии. Д. Кэннон с явным увлечением, но без должных оснований позже утверждал: «Мы покинули конференцию с твердой уверенностью, что все будущее развитие коммунистического движения в Америке, находившегося в состоянии регресса, вплоть до того времени, когда пролетариат возьмет власть и начнет организацию социалистического общества, будет видеть свои истоки в этой первой национальной конференции...»^[1222]

Подобные иллюзии вдохновлялись самим Троцким. Он приветствовал газету КЛА «The Militant»,^[1223] за которой внимательно следил, писал, что американской оппозиции предстоит работа «всемирно-исторического значения», ибо в конечном счете «все вопросы нашей планеты будут решаться на почве Америки». Троцкий хвалил своих американских сторонников в «циркулярном письме» к оппозиционерам, остававшимся в СССР. «Американская Лига издает прекрасную еженедельную газету и ставит брошюрное издательство», — говорилось в написанной Троцким для «Бюллетеня оппозиции» передовой статье.^[1224]

Такие одобрительные отзывы были неудивительны. В начале своего существования американская организация твердо следовала тактической линии Троцкого. Несмотря на то что власть в СССР находится в руках консервативной бюрократической касты, заявлял Кэннон, «мы стоим на позиции поддержки Советского Союза, а не переворота в нем, однако стремимся реформировать его при помощи партии и Коминтерна». Руководители КЛА полностью разделяли и другие установки Троцкого: не создавать параллельные профсоюзы, а продолжать работу в реформистских организациях, провозглашать верность компартиям и Коминтерну, несмотря на то, что реально КЛА, как и другие подобные объединения, с

самого начала представляла собой самостоятельную организацию.

Однако такое единство позиций продолжалось недолго. Вскоре, по словам Кэннона, в КЛА наступили «the dog days» («собачьи дни», как называют американцы периоды чрезвычайных трудностей).^[1225] «Собачьи дни» выражались не только в том, что имевшиеся вначале незначительные средства исчерпались, но и в начавшемся отливе членов из организации, прежде всего интеллигентов и студентов.

В 1933 году США начали постепенно выходить из кризисного положения, и это повлияло на настроения членов КЛА. О ситуации в ней один из ее руководителей, А. Глотцер, посетивший Троцкого на Принкипо осенью 1931 года, сообщил «отцу-основателю», что Лига насчитывает примерно 200 членов, из которых регулярно уплачивают членские взносы 165 человек, что газета союза перестала выходить еженедельно и распространяется примерно в трех тысячах экземпляров.^[1226] Для такой громадной и динамичной страны, как США, это были катастрофические сведения.

В американской организации возникла полуоппозиционная группа, которая концентрировалась вокруг 25-летнего (в 1929 году) Макса Шахтмана, блестящего полемиста, человека, обладавшего, подобно Троцкому, способностью к острому и едкому саркастическому критицизму. Будучи четырнадцатью годами младше Кэннона, он считал себя человеком следующего поколения и противопоставлял свое приличное нью-йоркское образование грубым манерам лидера. В начале 1930 года Шахтман посетил Троцкого на Принкипо, передал ему письмо Кэннона, продемонстрировав, по крайней мере внешне, единство с первым руководителем КЛА.^[1227]

Постепенно вызревавшие расхождения Шахтмана и Кэннона вырвались наружу позже, но привели к решительному расколу.

Параллельно с американским движением сторонников Троцкого и под его влиянием аналогичное движение развивалось в соседней Канаде.

Его родоначальником был один из основателей компартии, член Исполкома Коминтерна и делегат его VI конгресса Морис Спектор. Перейдя на этом конгрессе вместе с Кэнноном на позиции Троцкого после ознакомления с его обращениями из Алма-Аты к делегатам, Спектор привез на родину экземпляр критического документа и начал его пропагандировать. В ноябре 1928 года он был исключен из компартии за поддержку платформы Троцкого,^[1228] а вслед за этим образовал Канадскую левую оппозицию, объявившую себя ответвлением Коммунистической

лиги Америки. В таком качестве группа Спектора действовала до 1934 года, когда она объявила о своем отделении от американской организации и превращении в самостоятельную секцию «троцкистского Интернационала» под названием «Рабочая партия Канады», но активной деятельности не развернула.

Крохотные группы сторонников Троцкого образовались в начале 1930-х годов в Аргентине, Бразилии, Мексике и некоторых других странах Латинской Америки. С отдельными деятелями латиноамериканских организаций Троцкий позже установит личные контакты, но в это время его связи с американским континентом ограничивались перепиской с единомышленниками из США.

На Востоке

Как мы знаем, Л. Д. Троцкий придавал огромное значение революционному движению в Азии, прежде всего китайской революции. Он внимательно следил не только за самими военно-революционными событиями, но и за тем, как продвигались его идеи в среду активных китайских коммунистов.

А в этих кругах влияние объединенной оппозиции в ВКП(б) распространялось по двум направлениям.

Одно из них представляли собой китайские студенты, обучавшиеся в коммунистических и других учебных заведениях Москвы и иных городов, участвовавших в политических дискуссиях, в результате чего произошел поворот части из них к воинственному коммунистическому диссидентству. [\[1229\]](#)

Китайская коммунистическая молодежь приезжала в Москву, чтобы получить политическое образование в Коммунистическом университете трудящихся Востока, созданном в 1921 году, затем также в Университете трудящихся Китая, образованном в 1925-м, и, наконец, в Международной Ленинской школе и Центральной комсомольской школе (небольшие группы китайцев учились в периферийных комвузах, а также в военных учебных заведениях).

К обучению китайских студентов привлекались лучшие по тем временам кадры. С ними работали квалифицированные китаеведы, перед студентами выступали советские лидеры, в том числе Сталин и Троцкий. [\[1230\]](#) Студенты начали втягиваться во внутривнутрипартийную борьбу в ВКП(б) с конца 1926 года, но их интерес к троцкистским установкам резко вырос

после переворота Чан Кайши в апреле 1927 года. Сомнения стали перерастать в осуждение сталинского курса по отношению к китайской революции. В Университете трудящихся Китая образовалась небольшая группа студентов, сочувствовавших объединенной оппозиции, в которую среди прочих входил комсомолец «Елизаров» (под этой фамилией в Москве проживал Цзян Цзинго — сын Чан Кайши, который особенно нервно переживал трагические события на родине и измену своего отца делу революции). Оппозиционные группы китайцев появились и в других учебных заведениях.^[1231] Они переводили и распространяли документы объединенной оппозиции, письма Троцкого и Зиновьева в ЦК ВКП(б) и Исполком Коминтерна, их статьи о положении в Китае. Молодые активисты, «не имевшие реального опыта революционной борьбы внутри Китая»,^[1232] пытались переслать эти материалы в ЦК коммунистической партии Китая.

Для агитации использовались стенная печать, выступления на собраниях и митингах. Сын Чан Кайши Цзян Цзинго написал, например, статью «Я никогда не говорил «да»!», в которой призывал своих товарищей активно бороться против сталинистской линии. Вплоть до начала прямых преследований участников советской объединенной оппозиции последние приходили на собрания китайских студентов и встречались с ними в других местах. Студент Ци Шугун смог посетить Троцкого в здании Главконцесскома и обсуждал с ним перспективы китайской революции.^[1233]

Примерно десяток китайских студентов участвовали в параллельной демонстрации оппозиционеров 7 ноября 1927 года. Рассказывали, что группа китайцев пришла на Красную площадь с «ортодоксальными лозунгами», но, проходя мимо трибун, развернула плакат с лозунгом «Да здравствует Троцкий!».^[1234] Тотчас последовали репрессии: китайцев исключали из партии и комсомола, отчисляли из учебных заведений, отправляли на родину. Перед отъездом их группа встретила с Троцким, который заявил: «Революция потерпела поражение. Сейчас важна кропотливая работа. И если каждый из вас, — он указал на присутствовавших китайцев, — соберет вокруг себя пять-шесть рабочих и обучит их, это уже будет большим достижением». ^[1235]

Весной 1929 года в общежитии Московской артиллерийской школы, где обучалось несколько китайцев, прошло нелегальное собрание представителей оппозиционных групп (в них входило около тридцати человек), на котором обсуждался вопрос о их деятельности по возвращении

на родину, что было особенно актуально в связи с предстоявшим скоро очередным выпуском. Судя по воспоминаниям одного из участников, Ван Фаньси, решено было по возвращении не предпринимать шагов к созданию независимой политической партии, а действовать в рамках тайной фракции в КПК.

Несмотря на отъезд группы студентов в Китай в 1929 году, численность подпольной организации вскоре увеличилась до восьмидесяти человек.^[1236] Такое количество усиливало опасность провала в результате неосторожности и агентурной деятельности спецслужб. Администрациям учебных заведений поступил ряд доносов, которые особенно участились во время партийной чистки в конце 1929-го — начале 1930 года.

В феврале 1930 года ОГПУ произвело аресты. Схвачены были 25 человек, в том числе все руководители подпольной организации. В следующие месяцы в подвалы Лубянки были брошены еще 11 участников китайской оппозиции. Часть была затем осуждена на заключение и ссылку, троих послали на производство, остальных изгнали из страны.^[1237] Так завершилась история оппозиционной деятельности китайских коммунистов в СССР.

Второе направление, по которому развивалось влияние идей Л. Д. Троцкого в Китае, было связано с китайскими событиями и положением в КПК. Партии необходимо было найти козла отпущения за поражения, которые обрушились на нее в результате переворота Чан Кайши. На V партийном съезде (апрель 1927 года, г. Учань) в качестве такового некоторые делегаты, в том числе набиравший силу Мао Цзэдун, объявили основателя партии и ее руководителя Чэня Дуею, выступавшего за уступки левому Гоминьдану.^[1238] В августе 1927 года он был смещен с поста генерального секретаря.^[1239]

Осенью 1929 года Чэнь Дусю образовал в компартии свою фракцию, а затем был из партии исключен. Именно в это время он познакомился с несколькими работами Троцкого, привезенными из Москвы, в которых бичевался сталинский курс.^[1240] Чэня особенно порадовало то, что во время революции 1925–1927 годов Троцкий выступал за политическую и организационную независимость КПК. В начале следующего года Чэнь провозгласил образование Коммунистической левой оппозиции, которая в марте начала издавать журнал «Учаньчжэ» («Пролетарий»). Так основатель китайской компартии стал через десять лет основателем движения сторонников Троцкого в своей стране.

Пятнадцатого декабря 1929 года Чэнь Дусю вместе с несколькими

единомышленниками написал Троцкому письмо, где было представлено их видение перспектив китайской революции. Чэнь полагал, что «завершения и победы буржуазнодемократической революции в Китае можно достигнуть только по русскому пути, т. е. по пути китайского Октября», [\[1241\]](#) понимая под этим непрерывность революционного процесса, то есть идею перманентной революции.

В течение 1930 года китайская коммунистическая левая оппозиция и другие группы неоднократно обращались к Троцкому с письмами и тезисами, анализируя положение в стране и в мире. Большинство материалов были написаны на английском языке, но попадались и китайские тексты, которые никто из сотрудников Троцкого перевести не мог. Знатоков китайского языка среди них не было. Только в январе 1931 года Троцкий написал общий ответ всем этим группам. [\[1242\]](#) Он приветствовал отсутствие принципиальных разногласий между ними и разбирал «спорные и полуспорные» вопросы. Троцкий утверждал, что вступление компартии в Гомиьдан с самого начала было ошибкой, признав, что русская оппозиция «занимала по этому кардинальному вопросу двусмысленную позицию». Он не исключал получения коммунистами большинства в Национальном собрании и передачи им власти Советам.

Вскоре Троцкий получил от Чэня Дусю его труд о китайской экономике, изданный на китайском языке, однако на статистических таблицах автор сделал английские надписи, что дало возможность их изучить. В ответном письме [\[1243\]](#) от 7 апреля 1931 года Троцкий выразил удовлетворение тем, что «марксистская мысль живет и работает, несмотря на разгром китайской революции», и просил информировать его о состоянии китайской оппозиции.

В том же году 1–3 мая состоялась конференция китайских последователей Троцкого, объявившая о создании Коммунистической лиги Китая, которая включала 483 члена. Конференция утвердила в качестве своей программы статью Троцкого «Политическая ситуация в Китае и задачи большевистско-ленинской оппозиции» (под этим названием фигурировало январское письмо Троцкого, которое чуть выше упоминалось). Был избран ЦК из десяти членов (а в самой конференции участвовали 17 человек!), генеральным секретарем выбрали Чэня Дусю. В состав ЦК вошел и близкий к Чэню бывший студент московского Коммунистического университета трудящихся Востока Пэн Шучжи. [\[1244\]](#)

Через три недели две трети состава ЦК Коммунистической лиги были

арестованы, а Лига дезорганизована. Только после нападения Японии на Китай в сентябре 1931 года, в результате чего была фактически аннексирована северо-восточная часть страны Маньчжурия, остатки оппозиционных коммунистических групп попытались возобновить деятельность.

Им удалось создать несколько полулегальных периодических изданий, в которых публиковались призывы к СССР и международному коммунистическому движению оказать помощь Китаю в национально-освободительной борьбе.^[1245] Несмотря на это, правительство Чан Кайши жестоко преследовало крохотные организации Коммунистической лиги, считая их существование опасным прецедентом. В середине октября 1932 года был арестован Чэнь Дусю, а за ним в застенки попали почти все остававшиеся на воле деятели Лиги.

В других странах Востока также время от времени предпринимались попытки создания групп сторонников Троцкого.

Однако сколько-нибудь четкие формы в первой половине 1930-х годов это движение приняло только в Аннаме, Тонкине и особенно Кохинхине (они составляли Индокитай — нынешний Вьетнам), которые являлись колониями Франции. Особенностью движения было то, что возникло оно не в результате исключения отступников из компартии, а в рамках Национальной партии независимости, основанной индокитайскими студентами, учившимися во Франции. Два активиста этой партии, Та Тцу Тцай и Хуанг Ван Фуонг, установили связь с А. Росмером и при его поддержке организовали 22 мая 1930 года демонстрацию перед Елисейским дворцом, требуя независимости Индокитая. Организаторы демонстрации были арестованы, признаны нежелательными лицами и депортированы в Индокитай, где в январе — мае 1931 года они сформировали Ассоциацию революционной молодежи. Ассоциация познакомилась с документами Интернациональной левой оппозиции, одобрила их и объявила себя частью этого течения.^[1246]

В конце 1920-х — начале 1930-х годов мелкие и совсем крохотные организации, течения и группы сторонников Троцкого появлялись во многих других странах всех континентов. С рядом этих течений и групп Троцкий вступал в переписку, пытался учить их уму-разуму в духе революционного большевизма, окрашенного собственными идеями перманентной революции. Все эти группы были оторваны от массового рабочего движения, тяготели к расколам. Ни одна из них не смогла превратиться в полноценную партию, которая обладала бы определенными

социальными связями, могла бы участвовать в выборах с надеждой на достижение хотя бы минимального успеха.

Соперничавшие политики и политиканы стремились привлечь Троцкого в качестве своего защитника и арбитра, и он, как правило, охотно, но подчас осторожно ввязывался в конфликты и дразги, пытаясь держаться позиции отца-примирителя. Эта поза, однако, редко удавалась, хотя последователи смотрели на него снизу вверх, и он поощрял такую иерархию, драпируя ее внешним демократизмом, правда, только до тех пор, пока дело не доходило до вопросов, которые он считал сугубо принципиальными. В таких случаях демократизм тут же слетал и прилагались всевозможные усилия, чтобы только навязать свою волю. Да и демонстрация демократизма была призвана прежде всего проиллюстрировать величие его носителя.

Продолжая уделять внимание национальным организациям, Троцкий занялся подготовкой к созданию международного объединения своих сторонников. Но для образования такового, как и для укрепления групп своих приверженцев в отдельных странах, необходимо было, по его мнению, разносторонне разработать основные проблемы революции 1917 года, а также советской и международной действительности.

Глава 3

СОВЕТСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕАЛИИ

Исторические труды и Сталин как персонаж

Троцкий видел важнейшую свою задачу в том, чтобы на базе максимально доступного материала, собственных воспоминаний, своей теоретической концепции воссоздать предпосылки и ход революции 1917 года. Осуществление этой задачи он считал базой для разработки установок коммунистической оппозиции.

Отталкиваясь от своего мемуарного труда, Троцкий приступил к подготовке крупного историко-аналитического сочинения о революции 1917 года. Поразительно, что написанная примерно за два года работа объемом почти в полторы тысячи страниц создавалась одновременно с огромным количеством политических статей, тезисов, директивных писем, встреч со сторонниками, приезжавшими в Стамбул.

Разумеется, помощники и секретари оказывали ему немалую помощь.

Большую работу проводил вначале на Принкипо, а затем в Берлине сын Лев, посылавший отцу книги, статьи, выписки. Если других помощников Троцкий как-то берег, то Льва он эксплуатировал нещадно. Многочисленные письма в Берлин содержали новые и новые требования, упреки в недостаточно тщательной работе и даже в пренебрежении задачами. Такого рода посланиями изобилует архивный фонд Троцкого в Хотонской библиотеке Гарвардского университета.

Первый том «Истории русской революции» был опубликован на русском языке издательством «Гранит» в 1931-м, а второй — в 1933 году, буквально накануне разгрома «Гранита» гитлеровцами. Вслед за этим началась публикация двухтомника на многих языках мира.

На английский язык книгу переводил М. Истмен, который для совместной работы приезжал в 1932 году на Принкипо. Правда, уже в это время между Истменом и Троцким возникли разногласия — американец все дальше отходил от марксизма. Но, обладая способностью оценить английский текст, автор считал переводы Истмена блестящими. Троцкий писал Истмену 13 марта 1932 года: «Сейчас я вместе со своим французским переводчиком (Парижанин^[1247]) проверяю французский перевод. Во всех тех случаях, где Парижанин упирается, уверяя, что на иностранный язык «этого» нельзя перевести, я возражаю: «Посмотрим, что из этой фразы сделал Истмен», — и до сих пор каждый раз я находил максимальную точность в передаче всех оттенков оригинала. Насчет того, что вы не причиняете при этом обид английскому языку, нет сомнений и у Парижанина. Как хорошо, что дело попало в ваши руки». ^[1248]

«История русской революции» на английском языке появилась сначала в Лондоне. ^[1249] Почти сразу же вышло первое американское издание. ^[1250] Вслед за этим двухтомник (в некоторых случаях более объемный второй том выпускался двумя частями) «Истории русской революции» был издан на немецком, французском, испанском, польском и многих других языках. Позже эта работа Троцкого многократно переиздавалась. В США до 1980 года появилось девять ее изданий. ^[1251]

«История русской революции» оказалась самым весомым произведением Троцкого по исторической проблематике и не утратила своего историографического значения до наших дней, несмотря на сугубо политическую окрашенность. Только в 1997 году работа была опубликована в Москве, ^[1252] причем с явно недружелюбным, тенденциозным предисловием под соответствующим заголовком «Пророк, который ошибся на полвека», написанным Н. Васецким, в прошлом

автором массы книг и статей, где бичевался «троцкизм» как антиленинское и антисоветское течение.

Первый том «Истории русской революции» открывался анализом особенностей развития России, из которых автор выцелял прежде всего замедленность и вытекавшие отсюда экономическую отсталость, примитивность общественных форм, низкий уровень культуры. Этот анализ позволил утвердить установку на возможность неравномерного и комбинированного развития отсталых стран, которая являлась новой опорой для концепции перманентной революции.

Из закона неравномерности Троцкий выводил закон комбинированного развития, означающего возможность сближения различных исторических этапов, сочетания архаических форм с современными. Это абстрактное положение подкреплялось конкретными — фактическими и статистическими — иллюстрациями. Троцкий показывал, что по своей технике и промышленной структуре Россия начала XX века стояла на уровне передовых стран, а в некоторых отношениях даже их опережала.

Весь анализ вел к основному положению, что, будучи по «отправным своим задачам» демократической, русская революция неизбежно ставила проблему политической демократии по-новому и в конце концов привела к тому, что в течение нескольких месяцев у власти оказались Советы. Здесь начиналась, однако, игра в понятия, ибо власть Советов, в которых в конце концов возобладали большевики, приравнивалась к власти пролетариата, а не к власти над пролетариатом. Такой поворот событий Троцкий признавал только применительно к значительно более позднему этапу, когда после смерти Ленина во власти утвердится сталинская бюрократия.

Первый том автор несколько искусственно доводил до июньской демонстрации 1917 года, а второй открывал «июльскими днями» и завершал Вторым съездом Советов. Первая его часть была посвящена политическому противостоянию в июле — сентябре 1917 года. Ставя вопрос, могли ли большевики взять власть в июле, автор показывал нереальность этого, но придавал огромное значение июльскому кризису. Он полагал, что именно в эти дни большевики смогли обеспечить «будущее революции и свое собственное».^[1253] Во второй части речь шла о последних неделях перед Октябрьским переворотом, о самих октябрьских событиях в Петрограде, роли столичного Совета и личной роли автора в осуществлении государственного переворота.

Занимаясь организационной деятельностью, обращаясь к истории, Троцкий постоянно видел перед собой главного врага, которому удалось оттеснить его от власти, а затем отправить в ссылку и в конце концов в

изгнание. Видимо, в начале 1930-х годов книга о Сталине еще не задумывалась, но как бы невольно Троцкий начинал подготовку к ней в виде цикла статей, посвященных разным аспектам личности и деятельности Сталина.

Троцкий постепенно продвигался к собственному осознанию личности коммунистического диктатора, этапов, которые тот прошел по пути к созданию тоталитарной власти в СССР, особенностей этой власти и личности Сталина как «продукта бюрократической машины» и в то же время творца аппарата с его личностными характеристиками.

Статьи Троцкого о Сталине были, как правило, более заострены, более разоблачительны, нежели будущая книга. Связано это с тем, что они предназначались для русскоязычного читателя, в первую очередь для последователей Троцкого и тех, на чью поддержку он рассчитывал. Во многих случаях при подготовке работ о Сталине автор использовал не только текущую информацию в прессе, советские издания и другие доступные ему открытые источники, но и архивную документацию, которую ему удалось вывезти во время депортации.

Обобщающий характер носила статья «К политической биографии Сталина», [\[1254\]](#) где автор еще в 1930 году пытался подвести первые итоги возвышения Сталина и предположительно наметить ближайшие перспективы развития СССР и международного коммунистического движения с точки зрения «критического пункта» отката революционного движения, который, по мнению Троцкого, был характерен для данного момента. При этом наблюдения и прогнозы сочетались с категорическими ретроспективными оценками и собственными воспоминаниями.

Выделялись характерные для советских публикаций лакуны или фальшиво трактуемые в СССР события жизненного пути социал-демократа Иосифа Джугашвили, которым последний и его приближенные, как подчеркивал Троцкий, стремились придать героический смысл. Речь идет о поддержке меньшевиков до перехода к большевикам, об обстоятельствах ограбления Тифлисского банка в 1907 году, о стратегической неадекватности и неучастии в теоретических дискуссиях, об условной поддержке Временного правительства в 1917 году, до возвращения в Россию Ленина, об отсутствии инициативности непосредственно после Октябрьского переворота, о бюро-критических и шовинистических тенденциях, свойственных Сталину.

В других статьях Троцкий, прежде всего на основе личного общения, характеризовал психологические черты Сталина, как он их видел, — его замкнутость, недружелюбие, грубость, угрюмую сосредоточенность, сквозь

которые иногда неожиданно прорывались развязность и вульгарность. Через содержание всех этих работ проходит то, что в одной из статей Троцкий сформулировал, как «противоречие между крайней властностью природы и недостатком интеллектуальных ресурсов». Троцкий явно недооценивал «злой гений» своего противника.

Среди проблем международного революционного движения второй половины 1920-х годов, к которым имел отношение Сталин как фактический руководитель Коминтерна, Троцкий ставил на первое место развитие революции в Китае.^[1255] Автор отвергал сталинскую установку на блок коммунистов с Чан Кайши, на вхождение компартии в Гоминьдан. Этот курс противопоставлялся установкам Ленина на временный союз с буржуазно-демократическими движениями в колониях. Особое внимание Троцкий обращал на требование Ленина сохранить самостоятельность пролетарского движения и подчеркивал, что Сталин грубо нарушил это указание. Ни словом, однако, не упоминалось то, что сам Троцкий поначалу был за вхождение компартии в Гоминьдан.

Советский диктатор со все большим вниманием следил за печатной продукцией Троцкого, которая, как он понимал, при всех заслонах неизбежно окажется доступной хотя бы небольшому кругу его подданных. Достаточно было уже того, что с «Бюллетенем оппозиции» знакомились по «служебному списку» его приближенные, и некоторые не могли не осознавать обоснованности разоблачительного материала, хотя внешне все высказывали по его поводу высшую степень негодования.

Сталин стремился скомпрометировать Троцкого в глазах партийной верхушки, которая сохраняла остатки пиетета по отношению к последнему. Важным сигналом было появление в журнале «Пролетарская революция» письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма».^[1256] Смысл его состоял в том, что дискуссии в области истории партии должны быть прекращены, и это понималось так, что в этой области может существовать только мнение самого Сталина или, в крайнем случае, возможны выступления, получившие высочайшее одобрение и комментирование. Попутно Сталин отрезал возможность полемики с Троцким новым определением троцкизма: «На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР».

Именно в этих условиях Сталин предпринял новые действия, чтобы

еще прочнее «обезопасить» свою власть от внутренних врагов, подстрекаемых главным внешним врагом, которого он непредусмотрительно выпустил за пределы СССР, о чем, видимо, сильно сожалел.

Лишение гражданства и новая семейная трагедия

Двадцатого февраля 1932 года Президиум ЦИК СССР принял постановление о лишении гражданства большой группы эмигрантов (всего 37 человек), опубликованное в тот же день. Были среди этих людей меньшевики, которые составляли как бы фон для главного персонажа. Основным смыслом постановления заключался в лишении гражданства Л. Д. Троцкого и всех его родных, находившихся за границей.

Первого марта Троцкий направил ЦИК СССР открытое письмо в связи с этим актом. «Связать левую оппозицию с меньшевиками вы можете только в порядке полицейского алфавита», — говорилось в документе. Наступательный по форме жест Сталина рассматривался Троцким как «бессильная, даже жалкая» самооборона. Выдвигалось требование выполнить наконец завещание Ленина — убрать генсека.

Вместе с отцом и матерью возможности возвращения на родину лишились сын Лев и дочь Зинаида, проживавшие в это время в Берлине (Зину отправили на лечение в Германию в октябре 1931 года). 22 марта 1932 года у Льва Седова, ставшего лицом подозрительным как человек без гражданства, был произведен обыск. Полицейские забрали все, что можно будет использовать в случае решения о депортации. Особенно их интересовали адресные книги. Держали они себя грубо и издевательски.

[\[1257\]](#)

Для Льва лишение статуса советского гражданина не было серьезной личной потерей, хотя создавало неудобства пребывания в германской столице. К этому времени он расстался с женой и приобрел верную подругу и единомышленницу в лице Жанны. Нервная, ревнивая и весьма требовательная к людям сестра Зинаида признавала, что Жанна «в своем роде замечательный человек... А чем она для Левы является, этого никак невозможно переоценить».

[\[1258\]](#)

Для Зины же невозможность вернуться в Ленинград была подлинной трагедией. Там не только жила ее мать Александра Львовна Соколовская, там оставалась с бабушкой дочь Саша, от которой она теперь была отрезана. Постигший Зину удар обострил душевную болезнь, симптомы

которой то исчезали, то возвращались с новой силой. Письма Льву Давидовичу и Наталье Ивановне — свидетельство не только состояния ее здоровья, но и душевных терзаний — горючей смеси любви к отцу, стремления оказать ему помощь, беспокойства за сына Севу, остававшегося у деда в окрестностях Стамбула (в поселке Кадикьой, а затем на Принкипо), тоски по дочери, опасений в связи с положением в Германии, где к власти рвались нацисты.

Вначале Зина надеялась возвратиться в СССР, хотя ее ожидала перспектива вместе с детьми делить кров с пожилой и плохо устроенной матерью, необходимость содержать детей без гарантии получить работу из-за родственных связей. И все же она собиралась отправиться в СССР через Турцию, чтобы забрать Севу.^[1259]

Но более или менее трезвые письма сменялись огромными истерическими посланиями, причем сама Зина понимала, какой они носят характер. Достаточно привести начало письма отцу от 8 декабря 1931 года (цитируемая часть не сокращена, все отточия принадлежат Зине): «Милый, родненький, то есть самый что ни есть любименький мой крокодильченочек! Хотя я знаю, как ты сильно, как ты ужасно, как ты чудовищно, как ты непроходимо [занят] писанием своего проклятого тома (наверное, даже по ночам над ним корпишь!), но все же... снизойди к моему болезненному, а главное истерически-нервному состоянию: выслушай ты меня один раз за тридцать лет внимательно и терпеливо... до конца. Предупреждаю: стала страшно болтлива...» И тут же следовала масса политических вопросов: придут ли «фашисты» к власти, как ведут себя социал-демократы, что представляет собой Тельман? И наконец: «Караул! Что все это означает и откуда все это взялось?» Зина сознавала, что у нее были галлюцинации, и она их довольно подробно анализировала в письме.^[1260]

Зинаиду расстраивали встречи со сводным братом. Он относился к сестре терпеливо и тепло, стремился облегчить ей условия существования, но занят был до крайности, что отмечала сама Зинаида: «Лева много работает. Три ночи вовсе не ложился». Но тут же она давала выход своему чувству раздражения (видимо, подобное чувство развивалось и у Льва, так как Зина не понимала, что «крадет» у него драгоценное время). Она писала отцу, что какое-то время ей лучше Леву не видеть, что они очень разные люди, что после каждой встречи у нее припадок нервного расстройства, тут же высказывая предположение, что у самого Льва также нервное заболевание.^[1261]

В 1932 году в связи с лишением гражданства, но также под впечатлением развития событий в Германии состояние Зинаиды резко ухудшилось. Она выполняла указания отца по сбору материала из газет и других источников, но из писем чувствуется, что задания ей давали как своего рода «трудотерапию». Да она и сама это понимала. «Как ясно для меня из полученного мною письма, — говорилось в ответе от 26 июля 1932 года, — список глав книги [Бернарда] Шоу, посланный мною, не нужен. Ну и ладно». В другой раз Зина забыла («Опять проклятая рассеянность!»), какие материалы она послала отцу, и боялась, что будет делать повторные записи, потому просила прислать ей перечень полученных материалов.^[1262]

В первые дни после лишения гражданства Зинаида вела себя более или менее адекватно. 26 февраля 1932 года она писала Н. И. Седовой, которой пыталась продемонстрировать свое доброе отношение, полагая, что та относится к ней с подозрением: «Вчерашняя «Правда» принесла страшный удар: не впускают в СССР!» Зинаида, однако, полностью не осознавала еще своего нового положения и собиралась обратиться с каким-то ходатайством в советское консульство.^[1263] 11 апреля она действительно побывала в полпредстве СССР. У нее обманом отобрали советский паспорт: сначала попросили дать его для какой-то формальной операции, а затем вручили бумагу, что паспорт конфискован.^[1264]

Не лучше вели себя и германские власти, которые под бюрократическими предлогами затягивали решение вопроса о приезде в Берлин для воссоединения с матерью шестилетнего Севы. В конце концов чиновники убедились, что ребенок менее опасен для благополучия Германской республики, чем партия Гитлера, и в самом конце декабря Севу привезли в Берлин знакомые. Однако приехал он тогда, когда мать была уже совсем в плохом состоянии. Лев писал в Стамбул, что Зине значительно хуже, что она странно себя ведет, с нервным возбуждением утверждает, что Германия идет к революции. «Несомненны полицейские результаты, и не для нее одной», — не без основания утверждал Седов, полагая, что Зинаиду надо как можно скорее убрать из Германии.^[1265]

По-видимому, последнее письмо Зинаиды (адресованное Седовой) было датировано 3 января 1933 года. Это было в то время, когда нацистские штурмовики маршировали по германской столице под лозунгами передачи власти их партии. О состоянии Зины свидетельствует уже то, что письмо было ошибочно датировано годом ранее (под январской датой 1932 года оно поныне хранится в архиве). Зина отдавала себе отчет в том, что с ней происходило. Она писала, что Сева приехал в неблагоприятный момент ее

перехода от полубредового состояния к физическому и психическому бессилию. Тут же следовало горькое признание: «Жить в наше время психически ненормальному слишком большая роскошь».

Можно было бы принять эти слова за обычное, преходящее проявление депрессии, если бы за ними не последовало то, что прямым текстом было выражено в письме. Зине было даже трудно говорить со своим ребенком. Скрыть свое душевное состояние от Севы она была не в силах. Ребенок то и дело спрашивал, почему у нее такой голос, почему у нее такое лицо, почему она ничего не говорит, почему она ему не отвечает и даже: «Тебе кого-нибудь жалко?»^[1266]

Пятого января, почувствовав, что у нее начинается приступ умопомешательства, Зинаида отвела ребенка к соседям,^[1267] написала прощальную записку, заперлась в своей комнате, соорудив у двери настоящую баррикаду, и открыла газовые горелки (газовая плита находилась здесь же, в жилой комнате). Только через несколько часов соседи, почувствовав удушающий запах, позвонили в полицию. Когда вскрыли дверь, Зина была мертва. Вторая, старшая дочь Троцкого скончалась в возрасте тридцати лет.

Первым из родных о трагедии узнал Лев Седов, тут же позвонивший в Стамбул. Лев Давидович тяжело переживал смерть еще одного своего ребенка. Несколько дней он вместе с Натальей Ивановной сидел взаперти. Когда он наконец появился на людях, секретари обратили внимание, как сильно он поседел.

Именно Льву Давидовичу пришлось написать о смерти дочери ее матери — своей первой жене. Перед этим, правда, Льву Седову удалось дозвониться до брата Сергея в Москву и сообщить ему о произошедшем. Сергей тотчас послал брату телеграмму, в которой просил его написать подготовительное письмо Александре Львовне «о ухудш[ении] сост[ояния] Зинуши». 9 января 1933 года Сергей писал брату: «О дальнейшем сообщите мне: будет ли папа писать ей о случившемся или ты напишешь ей».^[1268]

Родные, остававшиеся в СССР, были первыми, кто сообщил Александре Львовне о постигшем горе. Но и Лев Давидович счел своим долгом, мучительным, хотя, кажется, не лишенным поэты, написать обо всем своей бывшей жене. И опять были в этом письме слова, что Зина была верной революционеркой-большевичкой, что она пала в результате своей принципиальной партийной позиции. Наверное, такие слова служили утешением вечному революционеру, хотя с обычной, общечеловеческой точки зрения они кажутся чудовищными. В этом же письме от 8 января

1933 года в то же время можно прочитать и слова, звучавшие просто отчаянием: «Я совсем одеревенел и с трудом пишу — тоже как в тумане... Милая, милая моя Шура, что сказать, что сказать тебе еще. Нечего больше сказать, увы, все сказано, все сказано, все сказано... Крепко, крепко обнимаю твою седую голову и смешиваю свои слезы с твоими».^[1269]

Александра Львовна ответила письмом, где сквозь боль и отчаяние впервые слышался жесткий упрек Троцкому, оставившему когда-то своих крохотных дочерей в сибирской ссылке, которые теперь скончались во многом в результате его политических битв. «Все же ты учитывал лишь ее физическое состояние, но ведь она была взрослым человеком и полностью развитым существом, нуждавшимся в интеллектуальном общении». «Ты, отец, мог бы спасти ее», — в устах А. Л. Соколовской эти слова были хуже самого сурового приговора.^[1270]

Только 11 января Троцкий смог по-настоящему взяться за перо (7 и 9 января он только подписал два кратких заявления^[1271]), чтобы обратиться с жестким обращением к членам ЦК и ЦКК ВКП(б) и Президиуму ЦИК СССР «По поводу смерти З. Л. Волковой».^[1272] Точно изложив обстоятельства, при которых покончила самоубийством его дочь, Зинаида Волкова, Троцкий возлагал основную ответственность за это на советские власти. Признавая, что травля его за рубежом носила политический характер и проводилась в угоду советскому властителю, Троцкий заявлял: «Преследование же дочери моей лишено было и тени политического смысла». Это были «бесцельные акты обнаженной мести — и только».

Здесь можно только помолчать. Но сам по себе акт лишения Троцкого и его родных, находившихся за границей, советского гражданства был объявлением последней, не на жизнь, а на смерть, войны, стремлением во что бы то ни стало выбить его из политической конфронтации. Этого, однако, добиться не удалось.

После гибели матери Севу отвезли в Вену, где о нем заботились знакомые семьи. Позже, в 1935 году, после долгих мытарств с визой, Севу перевезли в Париж, где он жил вместе с Львом-младшим и Жанной.^[1273]

Анализ современных проблем

В основном на страницах «Бюллетеня оппозиции», а также в печатных органах своих сторонников в разных странах, прежде всего в газетах французской и американской групп «большевиков-ленинцев», а подчас и в

большой западной прессе Троцкий стремился проанализировать развитие СССР, его внешнюю политику, крутые повороты Сталина в конце 1920-х — начале 1930-х годов.

Наибольшее внимание Троцкого привлекали меры по ускоренной индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства. Он писал в публикуемых статьях, что индустриализация «держится на административном кнуте», накапливается несоответствие между отраслями, прорехи заполняются бюджетными ассигнованиями, а это ведет к инфляции.

Стремясь прояснить характер зависимости советской экономики от мирового рынка, Троцкий полагал, что разразившийся мировой кризис приведет к сокращению зарубежного спроса на советские товары и ударит по импорту машин и технического сырья. Но, как он признавался, о последствиях кризиса речь идет пока гипотетически.

Именно в связи с этим Троцкий вступал на опасное для его рассуждений поле коллективизации сельского хозяйства. Он признавал, что ряд лет оппозиция требовала большего обложения верхних слоев деревни в интересах промышленного развития. К ней не прислушались. Кулак тем временем вырос в серьезную величину. Бюрократии пришлось менять политику, начав массовую коллективизацию и наступление на кулака. В течение ближайших года-двух крестьянство потеряет относительную хозяйственную самостоятельность и окажется в составе созданных по бюрократической инициативе колхозов. Высказывалась уверенность, что в таком развитии таится гигантская опасность, ибо коллективизация предполагает техническую основу, которой в СССР не существует.

Троцкий не предполагал в то же время, что коллективизация обернется тягчайшей экономической катастрофой, голодом и гибелью миллионов людей. Но некоторые предпосылки такого поворота были ему видны на основании материалов, которые публиковались даже в советской прессе. «Официальная пресса, — писал он, — полна тревожных сообщений относительно массового истребления рабочего скота и продажи его на убой. Руководство реагирует на это циркулярами, телеграммами и угрозами». Трудно упрекать Троцкого в том, что он останавливался на этом, не указывая, как жестоко власть претворяла свои угрозы в жизнь, ибо он стремился подкреплять свои суждения фактами, а таковых в его распоряжении еще не было. Тем не менее автор понимал и повторял неоднократно в статьях, что существует неизбежность для колхозов «исключительно острых затруднений уже на первых шагах их деятельности».

В рассмотренной статье, а также в массе последовавших за ней материалов было немало рассуждений на тему советского «термидора». Троцкий придерживался сравнительно осторожного мнения, что существует только «термидорианская опасность», которая превратится в реальность, если будет сохраняться власть Сталина. Только в этом случае рано или поздно начнется реставрация капитализма. Пока же при всех извращениях революционной идеи в СССР сохранялось, по его мнению, рабочее государство. Эта позиция была неотделима от сущности его взглядов, самой его судьбы. Если признать, что «термидор» уже произошел, значит, ему надо смириться и политически, и психологически с судьбой вечного эмигранта, оставить надежду на то, чтобы, фигурально выражаясь, въехать в Москву на белом коне после падения Сталина, войти в историю только в качестве бывшего политика, а затем острого критика советского режима. И только. В турецком изгнании Троцкий мечтал о значительно большем и поэтому оставлял себе полуоткрытую дверь для возможного, как он надеялся, триумфального возвращения. Правда, с годами он все более четко понимал иллюзорность таких расчетов.

Тем не менее, признавая, что в Советском Союзе существует антинародная диктатура (постепенно в его политический лексикон входила категория «тоталитарная власть» для обозначения сталинской политической системы), Троцкий продолжал утверждать, что в СССР сохраняется коллективная собственность и Советское государство продолжает в своей основе оставаться рабочим. Наибольшей его заслугой в анализе внутреннего положения страны было понимание места и роли чиновничьей номенклатуры, все более превращавшейся в правивший слой. Троцкий вел речь в статьях именно о привилегированном слое, а не о новом господствующем классе, ибо, признав превращение этого слоя в господствующий класс, он должен был бы сделать следующий шаг, на который идти не желал: признать превращение коллективной собственности в собственность этого класса, признать превращение социально-экономического устройства СССР в государственный капитализм. Восприятие номенклатуры как слоя, а не класса, верное само по себе, таким образом, носило служебный характер.

До «большого террора» оставалось еще несколько лет. Когда же он наступит, верность суждений Троцкого будет полностью подтверждена самим фактом беспощадной расправы, которую осуществит Сталин с различными группами той самой бюрократии, представителей которой произвольно расстреливали по суду и без суда или превращали в «лагерную пыль».

В анализе международной обстановки и ситуации в отдельных странах, военных конфликтов в первой половине 30-х годов в работах Троцкого было немало точных и тонких наблюдений. Особенно привлекают внимание его рассуждения в связи с положением в Германии в начале 1930-х годов, а затем приходом к власти нацистов и установлением их диктатуры.

Уже с первых месяцев пребывания в эмиграции Троцкий бил тревогу по поводу демагогии и роста влияния Национал-социалистической рабочей партии Германии.

В это время в документах Коминтерна, в заявлениях советских лидеров и покорно повторявших их «мудрые указания» германских коммунистических вожаков во главе с недалеким Эрнстом Тельманом нацистская опасность сводилась на нет, главным врагом называли социал-демократию. Когда успехи нацистов стали очевидными и их рывок к власти общепризнанным, коммунистические стратеги стали тешить себя иллюзией, что приход Гитлера к власти окажется прологом социалистической революции.

В противовес этому Троцкий в массе статей и писем предупреждал, что опасность нацизма в Германии налицо, что приход Гитлера к власти означал бы резкий откат назад в развитии всей Европы, что власть нацистов чревата опасностью новой мировой войны. В ноябре 1931 года Троцкий дал определение «фашизма» (понимаемого в расширительном смысле) как «особой специфической диктатуры финансового капитала, которая вовсе не тождественна с империалистической диктатурой как таковой».^[1274] Через два года такой подход лег в основу новой советско-коминтерновской дефиниции фашизма, хотя, разумеется, ее творцы отнюдь не ссылались на источник, пойдя на явный плагиат.

Троцкий бил все большую тревогу. Ноябрьско-декабрьский номер «Бюллетеня оппозиции» за 1931 год открывался его обширной передовой статьей «Ключ к международному положению — в Германии».^[1275] Многие суждения в этой статье звучали пророчествами. «От того, в каком направлении пойдет развитие германского кризиса, будет зависеть на много-много лет не только судьба самой Германии (что уже само по себе очень много), но и судьба Европы, судьба всего мира». Троцкий утверждал, что победа «фашизма» в Германии означала бы неизбежную войну против СССР. Автор призывал отказаться от недооценки мощи национал-социалистов, их массовой базы, подчеркивал, что их сила состоит в опоре на «человеческую пыль», на толпу. Отвергалась сталинская оценка социал-

демократии как «социал-фашизма», выдвигалась установка на союз с социал-демократическими рабочими.

Приход нацистов к власти в январе 1933 года, а затем быстрое установление тоталитарной системы в Германии являлись исключительно важным стимулом, заставившим Троцкого кардинальным образом изменить основные установки «международной левой оппозиции», пойдя на разрыв с официальными компартиями и Коминтерном, взяв курс на создание новых коммунистических партий и их международного объединения.

Рассмотрению этих новых проблем необходимо, однако, предпослать рассказ, как Троцкий вместе с небольшой группой своих сторонников начинал формировать зачаточное интернациональное объединение.

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

Первые организационные усилия

Вначале не только применительно к СССР и другим странам, но и в общемировом масштабе течения, враждебные официальному коминтерновскому курсу, рассматривались Троцким как «внутренняя» оппозиция, хотя и оказавшаяся вне международной коммунистической организации. По отношению к организациям своих сторонников вождь оппозиции проявлял двойственность. Он отказывался считать эти объединения параллельными компартиями и называл их оппозиционными группами, течениями, лигами, но в то же время добивался их внутренней структуризации, дисциплины, единой идеологии, то есть рассматривал их как зачатки будущих партий. Такая же схема применялась к международному объединению.

Навстречу друг другу двигались два потока. С одной стороны, сам Троцкий с первых дней пребывания за рубежом прилагал усилия по интернациональному объединению коммунистических диссидентов. С другой стороны, эти деятели и группы видели в Троцком своего естественного руководителя, тянулись к нему, просили совета, требовали указаний.

Вначале первостепенными помощниками Троцкого в интернациональном объединении его сторонников являлись Альфред и Маргарита Росмер. Альфред писал Троцкому вскоре после его приезда в

Турцию: «Ваше изгнание позволило всем оппозиционным группам выйти из состояния летаргии, которая была более или менее характерна для них всех, и все, или почти все видят себя в качестве подлинных сторонников Ваших идей».^[1276] Росмеры были первыми советчиками Троцкого не только в отношении деятельности различных французских групп, но также ситуаций в других европейских странах.

В июле 1929 года А. Росмер поехал по поручению Троцкого в Германию и Австрию. Он встречался с руководителями оппозиционных коммунистических организаций и сообщал Троцкому свои впечатления. Троцкого весьма заботила выработка единой позиции его последователей в разных странах по практическим вопросам текущей политики. Уже в первом номере «Бюллетеня оппозиции» был выделен раздел «Проблемы международной левой оппозиции», где помещались тексты самого Троцкого (правда, один из них, причем особенно важный, подписанный его псевдонимом «Г. Гуров», был обозначен как письмо из Москвы).^[1277]

Выдвигая идею создания интернационального печатного органа оппозиции, вначале ежемесячного или двухнедельного, Троцкий в первое время более или менее либерально рассматривал его задачи. Его предполагалось открыть для всех групп оппозиции, а также тех, кто стремился с ней сблизиться. Журнал должен был иметь и «свободную трибуну» для дискуссий. Правда, спохватившись, Гуров объявлял, что редакция должна иметь «ясную и отчетливую линию», осуществлять «интернациональный контроль над разногласиями отдельных национальных групп левой оппозиции». Идеологический контроль, политическое единomyслие оставались неизменными условиями функционирования коммунистической печати и всей структуры организации.

Во второй половине 1929 года стала выдвигаться идея образования своего рода предшественника нового Интернационала. Хотя речь шла вроде бы об информационно-координационном органе, сам дух статей, писем и других документов Троцкого свидетельствовал, что в качестве образца он видел Коминтерн первых лет его существования, то есть тогда, когда сам он, вместе с Лениным, фактически руководил международным объединением. Так все более вызревало принципиальное противоречие между провозглашением верности Коминтерну и курсом на практическое создание нового объединения.

Имея в виду, что многие западные оппозиционные коммунисты возражали Троцкому, указывая, что для создания международной

организации надо иметь национальные группы, Троцкий, особенно не утруждая себя аргументами, считал такую позицию ошибочной, утверждал, что ее сторонники становятся на путь «национального оппортунизма». Троцкий торопился, стремясь как можно скорее создать под своим руководством международное объединение.

Осенью 1929 года Троцкий обратился с письмом «Ко всем секциям Интернациональной левой оппозиции»,^[1278] само название которого констатировало, что таковая объединившаяся оппозиция уже существует. Действительно, формально можно было считать ее создание свершившимся фактом, ибо как раз летом того года в Париже явочным порядком был образован Интернациональный секретариат Международной левой оппозиции, которой на самом деле пока не существовало. Оптимистически оценивая положение дел, Троцкий от имени этого органа призывал к сплочению рядов оппозиции, к созыву конференции по континентам (Европа, обе Америки, Азия). Особенно настоятельным представлялся ему созыв европейской конференции.

Провести «подготовительную европейскую конференцию» предлагалось в начале 1930 года. Проекты резолюций намечалось написать заранее и разослать секциям. В качестве одного из документов будущей конференции рассматривались тезисы «Поворот Коминтерна и положение в Германии»,^[1279] разосланные редакцией «Бюллетеня оппозиции». В состав организационного комитета предлагались «Гуров» (то есть сам Троцкий), Росмер и бельгийский сторонник Оверстратен. «Гуров» торопил своих сторонников, считая, что «создание международного центра, каким бы скромным он ни был, — это дело большой срочности как для Франции, так и для других стран».^[1280]

Первая международная встреча и Интернациональный секретариат

В результате настойчивых усилий Троцкого 6 апреля 1930 года была созвана предварительная конференция Международной левой оппозиции. Хотя вначале намечался созыв европейской конференции, организаторы не удержались от соблазна превратить ее чуть ли не во всемирную путем участия в ней находившегося в это время в Европе американского сторонника. В конференции участвовали Макс Шахтман из США, Альфред Росмер и Пьер Навилье из Франции, Хулиан Горкин (Испания), Оскар Зайпольд (Германия), Леон Лезуаль и Адемар Энно (Бельгия), Ян Франкель

(Чехословакия), Шилвацци (Венгрия) и Павел Милль от Еврейской группы. [\[1281\]](#) Самостоятельное представительство этой группы не было логично, ибо остальные участники представляли страны, но оно было способом послать на международную встречу Милля, которого Троцкий намечал в качестве главного действующего лица в Париже после собрания.

Как говорилось в посвященной этой конференции передовой статье «Бюллетеня оппозиции», «левая оппозиция ВКП... не могла быть представлена по полицейским причинам», но она заявила письмом о присоединении к конференции. [\[1282\]](#) Разумеется, это было письмо не от левых оппозиционеров, находившихся в СССР, а от самого Троцкого, хотя в его архивном фонде копия письма отсутствует.

Конференция приняла решение о создании Международного секретариата, которому было поручено ведение текущих дел и издание «Международного бюллетеня». Технически секретариат, размещаясь в Париже, должен был опираться на Коммунистическую лигу Франции. Решение было формальным, ибо фактически Секретариат уже действовал в Париже несколько месяцев.

Конференция послала приветствие Троцкому, в котором передавался «горячий привет и свидетельство своей тесной солидарности товарищам большевикам, арестованным и ссыльным, и их изгнанному вождю Л. Д. Троцкому». [\[1283\]](#) Иначе говоря, видимо, по требованию самого Троцкого его рассматривали в качестве только вождя русской оппозиции, хотя по сути дела и он сам, и его сторонники видели в нем лидера международного масштаба.

Конференция приняла «Воззвание к пролетариям всего мира», которое можно рассматривать как первый официальный доктринарно-программный документ международного движения сторонников Троцкого. Констатируя глубокий кризис мировой экономики и политики, а также кризис мирового коммунистического движения, документ связывал последнее положение с ситуацией в СССР. В нем утверждалось, что любая попытка установить диктатуру пролетариата и ликвидировать класс капиталистов на базе теории социализма в одной стране обречена на поражение. «Все революционные борцы коммунизма должны присоединиться клевой оппозиции, чтобы поддержать флаг большевизма». [\[1284\]](#)

Троцкий полагал, что «ближайшее время обнаружит явные и бесспорные результаты большой подготовительной работы, совершенной за последний год». Казалось, что этот прогноз подтверждается. Вслед за конференцией еще девять групп объявили о своей поддержке

Международной левой оппозиции, как стала называться эта то ли организация, то ли течение, но если и течение, то во всяком случае все более тяготеющее к статусу международной организации.

Оптимистические надежды оказались, однако, тщетными. Не прошло и месяца после конференции, как возник первый серьезный конфликт в одной из наиболее значительных национальных организаций — в Объединенной оппозиции Германской компартии. В начале мая Троцкий получил сообщение о том, что пятеро членов правления этой организации (бывшие члены Ленинбунда) подали в отставку в результате возникших разногласий. 4 мая Троцкий писал Временному секретариату в Париж, что, по его мнению, правление должно сохранить свои полномочия и продолжать работу, а в том случае, если ушедшие не одумаются, в чем он их пытался убедить особым письмом,^[1285] в правление надо включить пять других членов из числа бывших участников Ленинбунда, чтобы сохранить хотя бы подобие равновесия.^[1286]

Двадцать первого июня 1930 года Троцкий, к этому времени уже обретший форму международного вождя, хотя продолжавший считать себя и лидером российской оппозиции, обратился с директивным письмом ко всем секциям «интернациональной коммунистической организации».^[1287] В нем высказывалось недовольство тем, что принятые на конференции в Париже решения не исполняются. Рушились надежды на появление «коллективного организатора» в лице «Интернационального бюллетеня». Начать его издание не удавалось. Не была образована редколлегия, национальные группы не выделили для работы в ней своих представителей. Сдерживая себя, Троцкий писал, что он не обвиняет никого лично, понимает крайний недостаток сил и средств. Но все же главной причиной бездеятельности он считал неправильное понимание взаимоотношений между национальными секциями и международным объединением. Он напоминал, с какой неохотой отнеслись к его предложению об организационном оформлении международной организации некоторые национальные «секции».

Троцкий сознательно или, может быть, невольно для себя пытался моделировать новое международное объединение по образцу Коминтерна, хотя продолжал упрекать и попросту поносить эту организацию как оппортунистическую, упускавшую возникавшие революционные ситуации. В таком поведении вновь и вновь проявлялась двойственность — продолжалась риторика по поводу интернациональной оппозиции не Коминтерну, а Коминтерна, на деле же предпринимались усилия по

структурированию новой международной организации.

Хотя на апрельской конференции было принято решение об организации Интернационального секретариата, этот орган как постоянно действующий сформировать не удалось. Тогда Троцкий попытался образовать Интернациональное бюро из наиболее доверенных политических фигур, которые взяли бы на себя основной груз практической работы. В него вошли А. Росмер, М. Шахтман, К. Ландау, А. Нин и Л. Седов (под псевдонимом «Маркин»), Трудно определить, какие соображения лежали в основе такого подбора, но с самого начала было ясно, что Интернациональное бюро не сможет стать работающим инструментом, так как состояло из людей, занятых другими делами. Действительно, Шахтман почти сразу возвратился в США, Седов находился в Стамбуле и целиком был занят делами своего отца (в феврале 1931 года он отправится в Берлин), Нин вскоре был арестован и находился в испанской тюрьме. Что же касается Росмера и Ландау, которые поначалу проявили активность, то скоро у них возникли сомнения в правильности политикостратегического курса Троцкого и они отошли от его движения. Интернациональное бюро не только не стало эффективным органом — оно попросту не приступило к деятельности.

В результате Милль, в декабре 1930 года переехавший из Брюсселя в Париж, оказался единственным постоянным членом Секретариата, с которым Троцкий установил регулярную связь. Вначале Троцкий рассматривал Милля как своего главного и надежного организационно-технического помощника. Между ними установилась постоянная корреспонденция, причем вначале Троцкий обращался к Миллю в качестве члена обоих органов — Интернационального бюро и Интернационального секретариата, но вскоре о первом органе позабыл, поняв, что он фактически не существует.

Троцкий закрывал глаза на то, что Милль действует в одиночку. Между тем из Стамбула ему шли директивы, как будто в его распоряжении был штаб квалифицированных сотрудников. Вот лишь один из примеров, а таких можно привести немало. В первом письме Миллю^[1288] Троцкий, касаясь множества вопросов, так формулировал только один из них: «Кто занимается бельгийскими делами? Сейчас, после совершившегося раскола, крайне важно не терять темпа, т. е. помочь товарищам из Шарлеруа и других мест создать центральную группу для руководства оппозицией во всей стране. В конце концов не обязательно, чтобы эта группа была на первых порах уже в Брюсселе. Пусть даже центр временно будет в Шарлеруа. Может быть, это даже будет иметь свои положительные

стороны. «Люди растут вместе со своими задачами». Товарищи из Шарлеруа чрезвычайно поднимутся в своем собственном сознании, если на них будет возложена забота об оппозиции во всей стране. Как обстоит дело с их изданием? Очень жаль, что в последнем номере «Веритэ» нет отдела, посвященного бельгийской оппозиции».

А вслед за этим шли уже совершенно маниловские рассуждения с уверенностью не только в их абстрактной правоте, но и с убеждением, что их будет выполнять обширная армия сотрудников, которых на самом деле у Милля не было: «...Серьезной гарантией может явиться только правильная организация на основах, с одной стороны, точного разделения труда, с другой, коллективного руководства. Я по-прежнему того мнения, что каждый из руководящих товарищей должен был бы взять на себя — помимо своей основной работы — какой-нибудь участочек в Париже (район, группу, завод и пр.). Разумеется, без нарушения общей схемы организации. Во-первых, мы будем иметь некоторое соревнование на практической арене, где это соревнование может дать только положительные результаты. Во-вторых, все предложения и методы будут непосредственно проверяться самими руководителями, большинству которых как раз и не хватает практического опыта». Так полководец с микроскопическим офицерским корпусом, но почти без солдат, тщетно рассчитывал на целую армию, для которой он серьезно разрабатывал конкретные оперативные планы, не понимая, что выполнять их некому.

Письма Троцкого вначале следовали каждые несколько дней, а иногда и ежедневно. Несчастный Милль на первых порах пытался соответствовать надеждам, планам и поручениям, которые на него возлагались. Однако в ответ появлялись все новые задания, выражались недовольство и раздражение тем, что не все выполняется немедленно, а за этим появлялись упреки и даже оскорбления по адресу Милля.

Поддерживая во Франции фракцию Молинье, Троцкий требовал от Милля, чтобы он активно включился во внутреннюю борьбу во французской Лиге против Навилля, причем не жалел для последнего самых жестких определений и сравнений. Вот выдержка из письма от 10 января 1931 года: «То, что Навилль сфабриковал критическую резолюцию, не имеет ровно никакой цены. Бухарин фабриковал такие резолюции десятками, чтобы под видом критики британских оппортунистов обеспечить дальнейшее подчинение британской компартии этим самым оппортунистам. Неужели же вы думаете, что можно рвать со Сталиным, Томским, Бухариным для того, чтобы делать уступки их маленьким подражателям?»^[1289]

Письмо от 2 июня 1931 года^[1290] предрекало разрыв. В нем говорилось: «Ваши два последних письма еще более укрепляют меня в мысли, что дело с Секретариатом в Париже не пойдет. Члены Секретариата, в том числе, к сожалению, и постоянный член его (речь шла о самом Милле. — **Г. Ч.**), заняты всем, чем угодно, только не своими прямыми обязанностями. Секретариат есть фикция, и нужно себе это прямо сказать».

Отношения с Миллем были безвозвратно испорчены. Вскоре Троцкий узнал, что Милль вступил в контакт с полпредством СССР и вслед за этим возвратился на родину.

Так Троцкий, измеряя собственным аршином людей с иными представлениями, предпочтениями, способностями, не понимая, что иных работников в его распоряжении нет, подрубал тот сук, за который держались течения его сторонников и полусторонников.

Однако его авторитет оставался высоким, его обаяние в оппозиционных коммунистических кругах сохранялось. На смену одним сторонникам, которые уходили либо в официальные компартии, либо в социал-демократию или к либералам, то ли вообще отказывались от политической деятельности, приходили новые энтузиасты.

Копенгаген и вторая предварительная конференция

Каждый раз, когда Троцкий обращался в посольства европейских стран с просьбой о предоставлении ему въездной визы на постоянное жительство или хотя бы на время — для лечения, дружеских встреч, — он получал отказ. Он не имел возможности принять участие в предварительной конференции в Париже — даже не обращался по этому поводу с просьбой о визе, зная, что его не впустят, и не желая создавать затруднений для организаторов конференции в виде повышенного полицейского внимания.

Единственным случаем, когда власти западноевропейского государства положительно откликнулись на ходатайство Троцкого, было разрешение социал-демократического правительства Дании на посещение им и его супругой Копенгагена для выступления с лекцией по приглашению студенческой организации. Лекция посвящалась 15-летию Октябрьского переворота в России. Узнав о ходатайстве, полпред СССР в Дании М. В. Кобецкий предупредил датские власти, что допуск Троцкого в Копенгаген

приведет к ухудшению взаимоотношений с СССР.^[1291] Своего решения правительство не изменило, хотя обусловило предоставление визы тем, что лекция будет носить «строго научный характер, и лектор не будет вмешиваться во внутренние дела Дании».^[1292] Франция выдала транзитную визу без права остановки.

Так осенью 1932 года Лев Давидович и Наталья Ивановна впервые после высылки покинули окрестности Стамбула, чтобы побывать в Западной Европе. Помимо самого выступления и предполагаемых встреч с коммунистическими оппонентами, знакомств и контактов, они радовались возможности посмотреть новые места и вспомнить города, в которых бывали уже за два десятилетия до этого.

Троцкий выступил 27 ноября на стадионе Копенгагена в присутствии примерно 2500 человек. Значительная часть пришла из любопытства, чтобы взглянуть на знаменитую скандальную фигуру и послушать речь человека, осмеливавшегося выступить против советского властителя. Но немало было и страстных друзей и врагов. Сторонники, которых было значительно меньше, неоднократно прерывали его возгласами одобрения. Вначале слышались обвинительные выкрики и даже свист, но ораторское искусство Троцкого, которое, как оказалось, ничуть не угасло за пять лет, когда он был лишен возможности выступать на публике, привлекло к нему симпатии почти всей аудитории. Так что вскоре противники замолчали, а наиболее удачные места выступления все чаще прерывались аплодисментами.

На одном дыхании была произнесена большая речь, содержащая попытку доказать закономерность и неизбежность Октябрьской революции и перспективы развития всего человечества по ее образцу. Организаторы попросили власти разрешить трансляцию выступления по национальному радио под нейтральным названием «Что такое Октябрьская революция», но получили отказ, мотивированный отрицательным решением короля.^[1293]

Троцкий говорил по-немецки, которым владел в достаточной степени, чтобы произносить на нем политические речи. Он, правда, начал выступление извинениями по поводу незнания датского языка, что лишало его «возможности следить непосредственно, по первоисточникам и в оригинале, за скандинавской жизнью и скандинавской литературой. А это большая потеря!». Сразу понравившись этими словами аудитории, оратор выразил теплые чувства к Дании и ее столице, а от высказанных симпатий плавно перешел к истории и политике.

Последовал рассказ, который Троцкий представлял как

беспристрастный анатомический срез, но по существу являвшийся апологией того дела, за которое главную политическую ответственность несли Ленин и он сам. При этом он продемонстрировал хорошее знание политической и художественной литературы, в том числе новейших изданий, чем буквально щеголял, вплоть до содержания книги итальянского фашистского теоретика Курцио Малапарте, который в этой книге об Октябрьском перевороте «заставлял» Ленина и Троцкого вступать в диалоги (первый у него стоял на национальной, второй — на интернациональной почве).

Лектор ни словом не упоминал ни Сталина, ни верхушку ВКП(б) в целом, как будто страна жила и развивалась в каком-то пространстве, где действуют объективные законы, но нет руководителей. Причины были ясны: вступление в дискуссию по поводу сталинизма вызвало бы недовольство датских властей и негодование полпредства СССР. Полпреду Кобецкому можно было посочувствовать: в результате недовольства Сталина его голова могла скатиться с плеч на несколько лет раньше, чем это произошло в действительности. [\[1294\]](#)

Что касается «жертв революции», то вопрос о них Троцкий объявил бесплодным, риторическим и даже своеобразным «бухгалтерским балансом». «Меланхолические размышления не мешали до сих пор людям ни рожать, ни рождаться», — заявлял он во всеуслышание в датской столице. Поразительно, что такого рода рассуждения, которые, казалось бы, должны вызвать возмущение своей аморальностью, были встречены аплодисментами.

В выступлении встречались и просто анекдотические пассажи. «Недалек уже час, — говорил Троцкий, — когда наука, играя, разрешит задачу алхимии и станет превращать навоз в золото, а золото в навоз. Там, где неистовствовали демоны и фурии природы, ныне все смелее повелевает индустриальная воля человека». Разумеется, это произойдет при коммунизме, предвещал лектор. (В иных выступлениях Троцкий был недалек от другого, более реалистического анекдота по поводу великого химика Сталина, который одинаково легко превращал людей в дерьмо, а дерьмо в людей!)

Между прочим, как раз вслед за этим анекдотическим местом лекции Троцкий неожиданно сорвал аплодисменты той части аудитории, на одобрение которой отнюдь не рассчитывал. Когда он заявил, что «реформация явилась первым успехом критического разума в той области, где царил мертвая тишина», вдруг раздались крики «браво!» со стороны студентов-теологов, которые, видимо, не очень хорошо знали о

преследовании Церкви в Советской России и об активном участии Троцкого в этих преследованиях.

В Копенгагене ему удалось провести совещание с группой своих политических сторонников (примерно 30 человек, приехавших из соседних стран). Судя по письму «О состоянии левой оппозиции», с которым Троцкий обратился к секциям по возвращении в Турцию,^[1295] на совещании шли споры, выдвигались взаимные обвинения, подвергались особой критике испанские оппозиционеры. Троцкий, оставаясь верным себе, остро упрекал последних, что они выдвинули в состав Административного секретариата (так теперь стали обычно называть координационный международный орган) того самого Милля, которого теперь Троцкий считал «политическим ничтожеством».

В Копенгагене и на обратном пути Троцкий дал ряд интервью представителям газет Дании, Франции, Великобритании, США и других стран.^[1296] Своего рода «коктейль» из всех ответов на вопросы журналистов был подготовлен для «Бюллетеня оппозиции».^[1297] Главным содержанием ответов была тематика лекции и усилия московских властей по «вытеснению его из Европы». Троцкий, как он говорил, в результате поездки не увозил «новых представлений о природе буржуазной демократии», но возвращался в Турцию «с самыми лучшими воспоминаниями о любезности и гостеприимстве датского народа».

На обратном пути Лев и Наталья столкнулись с неприятностями, носившими бытовой характер, но имевшими политическую окраску. Сначала ему и его спутникам было запрещено сойти на берег в Антверпене, при этом произошло бурное объяснение с полицейским офицером, проверявшим документы, который потребовал у Троцкого разъяснений, почему он, лицо, известное под одной фамилией, в паспорте значится под другой (напомню, что у Троцкого были официальные документы на имя Льва Седова).

Сходным, хотя затянувшимся и более унижительным, был случай на заключительном этапе путешествия — из Франции в Турцию. В Дюнкерке пассажирам сообщили, что ближайший пароход из Марселя на Стамбул отходит только через неделю. На этот срок, по соглашению с властями, для Троцкого и Натальи приготовили жилье в окрестностях Марселя. Но на марсельском вокзале им неожиданно заявили, что имеется пароход на Стамбул, отходящий на следующий день, и Троцкий с супругой (секретари оставались во Франции для выполнения заданий по приобретению книг, работы в Национальной библиотеке, деловых встреч и т. п.) должны

немедленно погрузиться на этот пароход.

Только прибыв в гавань, Троцкие узнали, что их помещают на грузовое судно без единого пассажира, что корабль будет останавливаться во многих промежуточных портах на несколько дней, что на нем нет элементарных удобств и плавание будет продолжаться 15 дней вместо шести. Супруги тут же покинули пароход и заявили, что вновь погрузить их можно будет только с применением физической силы.

Ситуация, правда, разрешилась благодаря быстрому согласию правительства Италии предоставить Троцкому транзитную визу. Хитрый Муссолини сыграл роль «добротного покровителя», не прося ничего взамен, но явно удостоившись ответного благосклонного отношения. Об этом инциденте Троцкий тотчас телеграфировал премьер-министру Франции Эдуару Эррио.^[1298] Так завершилось краткое, но несколько драматическое путешествие, которое явилось предвестием новых передраг, которые вскоре предстояли Троцкому на Европейском континенте.

Вскоре после копенгагенского визита в Париже состоялась вторая предварительная конференция Международной левой оппозиции (большевиков-ленинцев), как стали теперь официально именовать себя последователи Троцкого. Выехать во Францию Лев Давидович не пытался. Он был убежден, что визы не получит, тем более на официальную международную встречу его сторонников. А конференция была тем более важной, что происходила она через несколько дней после прихода Гитлера к власти в Германии. Согласно официальному докладу, в конференции участвовали делегаты из одиннадцати стран,^[1299] что было явным преувеличением, ибо по крайней мере две страны из названных представлены не были: русской секции не существовало вообще, а болгарская группа находилась в состоянии тяжелейшего кризиса и во встрече не участвовала.^[1300]

Конференция в соответствии с инструкциями Троцкого утвердила «Обращение ко всем членам Коммунистической партии Германии, к социал-демократическим рабочим, к германскому пролетариату», призывающее к созданию единого фронта коммунистических и социал-демократических рабочих, который противостоял бы установлению национал-социалистической диктатуры.

Но главным циркуляром были «Одиннадцать пунктов» — подготовительный документ для выработки программы, которую предполагалось утвердить на конференции Международной левой оппозиции в июле 1933 года.^[1301] Основными положениями «Одиннадцати

пунктов», разработанными на базе указаний Троцкого, являлись: независимость пролетарской партии; признание интернационального и перманентного характера революции и осуждение теории социализма в одной стране; признание СССР рабочим государством, несмотря на «дегенерацию бюрократического режима», и его защита от империализма; необходимость для коммунистов работать в массовых организациях; осуждение теории социал-фашизма и признание, что таковая служит самому фашизму, с одной стороны, и социал-демократии — с другой; признание необходимости внутрипартийной демократии не на словах, а на деле. [\[1302\]](#)

Важной особенностью документа явилось отсутствие в нем указания на то, что коммунистическая оппозиция продолжает считать себя фракцией компартий и Коминтерна. На этот счет просто ничего не было сказано. Тем самым оставались открытыми двери для принципиального поворота, который пока не провозглашался, но явно уже обдумывался Троцким.

Все названные пункты непосредственно вытекали из той аналитической работы, которая проводилась Троцким как в годы пребывания в коммунистической оппозиции в СССР, так и в турецком изгнании. Но это отнюдь не был «левый» документ, как утверждало его течение, провозглашавшее себя левым. Если употреблять очень неточные, дающие широкий простор для произвола понятия «левые» и «правые», то можно утверждать, что по многим вопросам сталинская группа стояла значительно «левее» тех, кто шел за Троцким. Будем поэтому стараться использовать эти определения как можно осторожнее, ибо, по словам Александра Галича, «движение направо начинается с левой ноги».

Всемирная конференция, намеченная на июль, так и не состоялась. К этому времени четко выявились те условия, которые предопределили крутой поворот Троцкого и его сторонников, взявших в 1933 году курс на создание нового, IV Интернационала.

Глава 5 **ФРАНЦУЗСКАЯ И НОРВЕЖСКАЯ ИНТЕРМЕДИИ**

Новый стратегический курс

В условиях, когда в мире происходили события исключительной важности, Лев Давидович Троцкий все тяжелее переживал свое пребывание

на обочине, в турецкой глуши, невозможность оказывать влияние на политическую жизнь кроме как путем переписки. Она не могла удовлетворить амбиций Троцкого, его желания прямо воздействовать на ход истории, в возможности чего он не переставал сомневаться. В 1932–1933 годах Троцкий и его сторонники в разных странах усилили напор на власти европейских государств, пытаясь добиться получения для него визы на постоянное жительство. Тем временем Лев Давидович усилил внимание к текущим проблемам, прежде всего в связи с событиями в Германии.

Еще до того, как Гитлер стал канцлером, Троцкий бил тревогу. Она резко усилилась, когда, придя к власти, нацисты воспользовались поджогом рейхстага в конце февраля 1933 года, чтобы приступить к ликвидации других политических партий, кроме собственной, распустили профсоюзы и создали вместо них свой Трудовой фронт, приступили к разнообразным мерам «унификации» государства, а затем и ремилитаризации.

Анализ этих событий находился в центре внимания Троцкого. Его оценка внутреннего положения в Германии была сравнительно объективной. Через неделю после образования правительства Гитлера, 6 февраля 1933 года, Троцкий в письме правлению Левой оппозиции в Германии высказал предположение, что под прикрытием подготовки к выборам (они были назначены на 5 марта) нацисты произведут переворот. [\[1303\]](#) Именно так и произошло: 27 февраля Гитлер через послушного президента Гинденбурга ввел чрезвычайное положение и начал громить демократию.

Трезво оценивая ситуацию как тягчайшее поражение германского рабочего класса, Троцкий был далек от тех коммунистических крикунов, которые, сбежав из страны, продолжали повторять за кремлевскими опекунами, что Германия находится накануне революционного взрыва. В статье «Немецкие перспективы» (лето 1933 года) [\[1304\]](#) Троцкий писал по поводу германского рабочего класса: «Если несколько месяцев тому назад он оказался по вине своего руководства неспособен к обороне своих могущественных легальных позиций от наступления контрреволюции, то теперь, на другой день после разгрома, он неизмеримо менее подготовлен к наступлению на могущественные легальные позиции национал-социализма». Иначе говоря, Троцкий констатировал в свойственном коммунистам лексиконе, что в Германии сейчас происходит «углубление фашистской контрреволюции». Лидер альтернативного коммунистического движения признал политический индифферентизм значительной части населения Германии, их «озлобленную пассивность», добровольное

вступление в нацистские организации. Троцкому нельзя отказать в мужестве: вопреки коммунистическим догмам по поводу революционной роли пролетариата, он пришел к выводу, что факт «массового перехода под знамя со свастикой является непререкаемым свидетельством чувства безысходности, охватившего пролетариат... — Это не на один день».

В марте 1933 года Троцкий выдвинул задачу создания новой компартии в Германии. В статье, датированной 14 марта 1933 года,^[1305] он писал о «развалинах Коминтерна» и прежде всего о распаде компартии Германии. «Они (коммунисты. — Г. Ч.) растеряны, распылены, деморализованы. Они отучены от самостоятельности гнетом аппарата». Автор еще несколько отделял судьбу компартии Германии от судьбы коммунистического движения в целом. Он полагал, что лишь будущее покажет, в какой мере трагический опыт Германии послужит уроком для компартий других стран. Что же касается Германии, то там официальная компартия была обречена.

Поставив в порядок дня принципиально новую задачу в Германии, Троцкий еще несколько месяцев оттягивал открытый разрыв с ВКП(б) и Коминтерном.

Трудно согласиться с мнением американского исследователя Дж. Арча Гетти, полагающего, что за медлительностью Троцкого в эти месяцы скрывалась его попытка возвратиться в кремлевское руководство. В доказательство этого Арч Гетти обращает внимание на то, что после призыва к созданию новой германской компартии, но до заявления о разрыве с Коминтерном Троцкий направил в Политбюро ЦК ВКП(б) секретное письмо, в котором обращался к «чувству ответственности» советских высших руководителей, призывая их использовать поддержку оппозиции и свое личное возвращение в партию с обязательством воздерживаться от критики.^[1306] По мнению Арча Гетти, предложение Троцкого о возвращении в СССР для конструктивной работы носило серьезный характер.^[1307]

Однако считать это письмо Троцкого свидетельством искреннего стремления к примирению нет оснований. Оно было написано отнюдь не в надежде, что Сталин примет лидера оппозиции в свои распростертые объятия, не говоря уже о явной нереальности обещания Троцкого отказаться от критики. Посылая письмо, он, разумеется, не знал о резолюции, которую начертал Сталин на его обращении в Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 февраля 1931 года по поводу судебной тяжбы с германским издателем Шуманом.^[1308] Резолюция Сталина гласила: «Думаю, что

господина Троцкого, этого пахана и меньшевистского шарлатана, следовало бы огреть по голове через ИККИ (Исполком Коминтерна. — Г. Ч.). Пусть знает свое место». ^[1309] Повторяю, Троцкий не имел представления об этой резолюции, которая стала известна только недавно. Но мог ли он ждать чего-либо иного от кремлевского владыки? Думать так означало бы считать Троцкого не опытным политическим деятелем, а подмастерьем в ремесле политика.

Зачем же в таком случае было послано злосчастное письмо? Цель его состояла в стремлении продемонстрировать свою добрую волю, свою готовность к единству, но не советским лидерам, как полагает Арч Гетти, а своим сторонникам и беспристрастным наблюдателям на Западе, убедить, что действительным виновником окончательного разрыва являлось не оппозиционное течение, а официальное руководство ВКП(б).

Иначе говоря, письмо было тактическим ходом, рассчитанным на безусловный отказ советского руководства и последующую публикацию этого «секретного» документа. Об этом свидетельствует сопроводительное письмо от 3 мая 1933 года, «рассекречивающее» обращение Троцкого к большевистским властям. В нем говорилось: «При сем препровождается несколько копий секретного письма в Политбюро. Так как законный срок прошел, то письмо перестает быть секретным, хотя и не предназначено для опубликования». ^[1310] Думается, что смысл отправления «секретного» письма в Москву раскрывается здесь достаточно очевидно.

Именно в этих условиях Троцкий, наконец, принял решение о полном разрыве с Коминтерном и его партиями, о создании новых компартий во всех странах и нового, IV Интернационала.

Пятнадцатым июля 1933 года была датирована статья с хорошо известной в своих кругах подписью «Г. Гуров», разосланная по всем возможным адресам, а вслед за этим под заголовком «Нужно строить заново коммунистические партии и Интернационал» она появилась в номере «Бюллетеня оппозиции», ^[1311] почти полностью посвященном этой принципиально новой задаче.

Скитания по Франции и новая семейная трагедия

Все эти события происходили в то время, когда Троцкий летом 1933 года неожиданно получил визу на въезд во Францию. Увенчались успехом многократные ходатайства его французского переводчика Мориса

Парижанина, который поддерживал неофициальные отношения с радикал-социалистическими политиками, в том числе с Эдуаром Даладье, ставшим теперь премьер-министром. Разумеется, дело было не только в том, что Троцкий получил французскую визу «по знакомству», хотя таковой факт наличествовал. Взаимоотношения между Францией и СССР были напряженными, советское внешнеполитическое ведомство стремилось к их смятению. Сталин брал курс на коллективную безопасность и общий отпор «фашистской» агрессии.

Правительства Франции и Великобритании не приняли еще окончательного решения касательно советских демаршей. Сталину давали понять, что ни Великобритания, ни Франция не пойдут на поводу СССР. Так что прием во Франции заклятого врага советского диктатора должен был послужить своеобразным сигналом, предостережением.

Троцкого, правда, принимали как частное лицо, полусекретно. Согласно взятым им обязательствам, он должен был проживать в глубинке, не вмешиваться во внутренние дела страны. Но конечно же никто не сомневался, что советская разведка быстро узнает о его местонахождении, на что, видимо, и рассчитывало правительство Даладье, из кругов которого происходила запланированная утечка информации.

Троцкий с женой, американскими единомышленниками Сарой Вебер и Максом Шахтманом, находившимися в то время на Принкипо, а также секретарями — французским голландцем Жаном Хейженоортом и немцем Рудольфом Клементом, незадолго до того прибывшим к Троцкому в качестве помощника, совершили безостановочное путешествие по Средиземному морю на итальянском пароходе «Болгария».^[1312]

Об обстоятельствах прибытия во Францию сохранились записи самого Троцкого и Л. Седова, который в связи с приходом нацистов к власти переехал из Берлина в Париж и перенес туда издание «Бюллетеня оппозиции».

По договоренности с французскими властями было решено, что пароход остановится при подходе к Марселю, и Троцкого со спутниками заберет с борта моторная лодка, которая была нанята Седовым и его друзьями.^[1313] Правда, сам этот замысел привел к полуанекдотическим осложнениям. Владелец моторной лодки заподозрил неладное. Выяснив, что молодые люди собираются выйти в открытое море ранним утром, да еще без дам, к тому же задавая странные вопросы, вроде того, как далеко от берега может удалиться лодка, он решил, что его собираются ограбить, и затягивал подготовку к отправлению. Только прибытие сотрудников *Surte*

generale (Службы безопасности), которые должны были вручить Троцкому постановление об отмене приказа о высылке, относившегося еще к 1916 году, спасло положение. Поначалу владелец лодки, правда, решил, что был прав и работники безопасности появились, чтобы арестовать бандитов, но вместо этого произошла миролюбивая встреча, и через несколько минут хозяин, покаявшись, предоставил лодку в их распоряжение. В результате Лев-младший, Р. Молинье и сотрудник Службы безопасности приняли путешественников на борт моторки, доставили их на берег без общественного резонанса, а оттуда в местечко Сан-Пале недалеко от прибрежного города Ройан.

В местечке Сан-Пале Молинье нанял для Троцкого небольшую виллу на берегу моря в устье реки Жиронда. Дом понравился двум «пожилым иностранцам», которые «не знали французского языка» и поэтому не общались с соседями, пытавшимися познакомиться с ними сразу после прибытия. В Сан-Пале Троцкие жили до октября 1933 года, затем две недели провели в деревушке в Пиренеях, а с 1 ноября находились в небольшом городке Барбизоне вблизи Парижа, на окраине лесного массива Фонтенбло. Все перемещения проходили с ведома министерства внутренних дел, и только изредка Троцкий имел возможность инкогнито ездить в Париж для встреч с руководителями Коммунистической лиги. Проживание в провинции создавало затруднения для общественной деятельности, но было не хуже, чем на Принкипо. Как показало близкое будущее, это был единственно возможный вариант с точки зрения безопасности и перспектив пребывания в стране.

В сентябре — начале октября 1933 года Наталья Ивановна более месяца жила в основном в Париже, где лечилась (у нее мучительно болели руки; диагноз врачи не могли установить и назначали симптоматическое лечение). Она бродила по городу, вспоминая прошлое. Ведь в Париже она познакомилась с будущим мужем, здесь они жили в начале Первой мировой войны. Теперь, в нежных письмах, называя мужа «Львеночек», Наталья рассказывала о своих впечатлениях от Парижа, самочувствии, размышляла о прошлом. В первом же письме, отправленном в Барбизон, она признавалась: «Огромная разница в себе, в том, что было и есть — молодость и старость. Печально и жутко немножко, и тихо-радостно, что оказалась возможность все снова увидеть, но как все воспринимается иначе с болью невозможности прежних переживаний». [\[1314\]](#)

Наталью утешало, что теперь она может чаще видаться с сыном, хотя и складывалось впечатление, что он «какой-то задерганный, нервный». Ей и в голову не приходила мысль, что в основном виноват в этом отец, всегда

дававший Льву непосильные задания, которые тот стремился во что бы то ни стало выполнить.

И Наталья, и сын относились к Льву Давидовичу с обожанием. В письме от 25 сентября 1933 года она рассказывала мужу, как возвратившийся от него Лева говорил ей: «Папа такой хороший», «Папу надо беречь». Да и сама Наталья очень волновалась о здоровье мужа, пожалуй, даже преувеличенно. Она писала ему: «Отсутствие вкуса даже к охоте и воспоминание о Принкипо говорят о крайней степени твоего переутомления». «Милый мой, ты предъявляешь к себе сверхчеловеческие требования и считаешь старостью то, чему в действительности надо поражаться, что ты можешь выносить на своих плечах столько!»^[1315] Из писем видно, что Наталья заботилась о супруге, как о малом ребенке.

Хотя Троцкий, как мы знаем, не считал супружескую верность коммунистической добродетелью, не упуская случайных и кратковременных связей, нежное чувство к Наталье он пронес через всю жизнь. В дневнике этого периода, где политические впечатления перемежались с интимными заметками, как-то появилась мемуарная запись о первых месяцах их знакомства: «Однажды мы целой группой гуляли где-то на окраине Парижа, подошли к мосту. Крутой цементный бык спускался с большой высоты. Два небольших мальчика перелезли на быка через парапет моста и смотрели сверху на прохожих. Н[аташа] неожиданно подошла к ним по крутому и гладкому скату быка. Я обомлел. Мне казалось, что подняться невозможно. Но она шла на высоких каблуках своей гармоничной походкой, с улыбкой на лице, обращенной к мальчикам. Те с интересом вдали ее. Мы все остановились в волнении. Не глядя на нас, Н[аташа] поднялась вверх, поговорила с детьми и также спустилась, не сделав на вид ни одного лишнего усилия и ни одного неверного движения...»^[1316] Удивительно, как точно Троцкий сохранил в памяти юную Наталью через 30 с лишним лет, когда она уже явно не могла подняться, как альпинистка, по крутому подъему моста.

В середине апреля 1934 года случайное происшествие сделало пребывание Троцкого в Барбизоне общеизвестным, хотя для конфиденциальности он даже сбрил свою знаменитую бородку. Местная администрация не была поставлена в известность, кто этот иностранец, зарегистрировавшийся под фамилией Седов.

Связь с Парижем поддерживалась через Рудольфа Клемента, который на мотоцикле отвозил письма Троцкого, забирал поступавшую корреспонденцию и привозил газеты. Однажды Клемента остановил

полицейский, заметивший, что фонарик на мотоцикле вышел из строя. Клемент, растерявшись, отказался назвать свой адрес и был препровожден в полицейский участок, где продолжал упорствовать. Его задержали для идентификации, продержав в полиции 36 часов. Мотоцикл тем временем украли прямо возле полицейского участка.^[1317]

Троцкие были взволнованы исчезновением сотрудника и помощника. Но на следующее утро исчез еще один секретарь, который отправился в магазин. Оказалось, что жандармерия, заподозрив, что в Барбизоне скрывается банда, установила в подозрительном районе блокаду, которая тотчас увенчалась новой добычей. Оба задержанных вынуждены были назвать место жительства и сообщить, что там с ведома министерства внутренних дел инкогнито проживает важный иммигрант. Сочтя сообщение уловкой и не связавшись с министерством, ретивые жандармы с рычащими собаками вторглись в дом в сопровождении жаждущих сенсаций журналистов. Троцкий был вынужден раскрыть инкогнито, и на следующий день пресса распространила сенсационную новость, что Барбизон оказался колыбелью мировой революции. Приехал даже прокурор республики, который прежде всего удостоверился, что Седов — на самом деле Троцкий.^[1318] В марте 1935 года Троцкий записал в дневник: «Вот уже скоро год, как мы подверглись атаке власти в Барбизоне. Это было самое комичное *qui pro quo*,^[1319] какое только можно себе представить».^[1320] Но на самом деле комичного в этом приключении было немного. Власти были крайне раздражены раскрытием места пребывания Троцкого. Справа и слева на правительство начался мощный натиск. С требованием изгнания сталинского врага выступило полпредство СССР.

Несколько дней с ведома высших властей Троцкие провели в подлинном подполье в Париже, затем братья Молинье организовали переезд в крохотный отель на швейцарской границе, но и здесь Троцких узнали, и они спасались бегством. В конце концов при помощи предприимчивых братьев Молинье они перебрались в окрестности Гренобля, где, наконец, были устроены в доме учителя начальной школы М. Бо, который был поставлен в известность, кого он будет укрывать, но тем не менее предложил свое гостеприимство.^[1321]

Тем временем политическое положение во Франции обострялось. В начале февраля 1934 года в Париже произошла воинственная демонстрация крайне правых организаций, за ней последовали выступления левых сил. Коммунистические и социалистические лидеры прощупывали почву для установления единого фронта. К контактам присоединились радикал-

социалисты. Во Франции стало зарождаться движение народного фронта. В мае 1935 года был подписан союзный договор между Францией и СССР о совместных действиях в борьбе против агрессии, причем под агрессором подразумевалась Германия.

Троцкий был весьма нежелательной фигурой как для сторонников, так и для противников народного фронта. Давление на правительство все более усиливалось. В результате министр внутренних дел М. Сарро отдал распоряжение о высылке его из Франции. Но отдать приказ было легче, чем выполнить, так как ни одно из правительств не желало принимать Троцкого на своей территории. В ожидании, когда какая-нибудь страна предоставит визу, Троцкий с женой вынуждены были провести еще несколько месяцев в альпийской деревне Домен, а затем в заброшенном домике недалеко от Парижа, куда переехали в глубокой тайне. Они не имели права покидать дом и двор. Ежедневно в доме появлялись контролеры из *Surte generate*, надзиравшие за поведением фактических узников.

Об этом времени Троцкий писал в своем дневнике 17 февраля 1935 года: «Жизнь наша здесь очень немногим отличается от тюремного заключения: заперты в доме и во дворе и встречаем людей не чаще, чем на тюремных свиданиях. За последние месяцы завели, правда, [радио]аппарат TSF, но это теперь имеется, кажись, и в некоторых тюрьмах, по крайней мере, в Америке (во Франции, конечно, нет)». [\[1322\]](#)

Писалось это в то время, когда на семью Троцких обрушился новый удар. В ночь с 3 на 4 марта 1935 года в Москве был арестован младший сын Сергей.

Произошло это в условиях истерии, начавшейся после убийства 1 декабря 1934 года секретаря Ленинградского обкома партии С. М. Кирова. Обстоятельства этого убийства так до конца и не выяснены. Скорее всего, убийца Л. В. Николаев не был прямым агентом НКВД, как стало называться советское карательное ведомство с 1934 года (политическим сыском занималось Главное управление государственной безопасности НКВД). Видимо, убийство было результатом истерической ревности Николаева, жена которого, Мильда Драуле, работавшая в обкоме, была одной из любовниц Кирова, падкого на прекрасный пол. Но убийство стало отправной точкой, от которой оттолкнулся Сталин в развязывании «большого террора» и создании в СССР атмосферы всеобщего страха.

Сергей Львович Седов почти не интересовался политикой. Он стал ученым-теплотехником. Совместно с коллегами опубликовал монографию, [\[1323\]](#) получившую высокую оценку в научных кругах, работал

преподавателем в Московском авиационном институте.^[1324]

Сергей чувствовал, что над его головой сгущаются тучи, и писал матери в конце 1934-го или в самом начале 1935 года: «На службе у меня... начались какие-то неприятности, пока еще в виде слухов, чем кончится — не знаю».^[1325]

Обыск, произведенный в комнате, где проживали совместно Сергей, его первая жена Ольга Гребнер и вторая жена Генриетта Рубинштейн (таковы были жилищные условия в Москве, не позволявшие поменять жилплощадь), показал, что Сергей сохранял не только глубокую любовь к отцу, но и уважение к его политической деятельности. В Главное управление госбезопасности был доставлен следующий отчет: «1) Большое количество рукописей, рукописных материалов и печатных материалов Льва Давыдовича Троцкого, являющихся по заявлению арестованного Седова архивом Троцкого, охватывающим период 1918–1927 год (даты приблизительные). 2) Личная переписка Седова с Троцким в том числе и телеграммы, во время пребывания Троцкого в Алма-Ате и за границей. 3) Большое количество разных фотоснимков Троцкого. 4) Записные книжки и адреса, записанные Седовым. 5) Гнусный контрреволюционный пасквиль, обнаруженный в красной папке, в которой хранились разные вышивальные рисунки. Папка лежала в чемодане. 6) Клинок, грамота ЦИК СССР о награждении Троцкого орденом Кр[асного] Знамени, штыки именной нож Троцкого».^[1326]

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 14 июля 1935 года Сергей Седов получил сравнительно мягкий приговор — пять лет исправительных работ, но вслед за этим наказание было еще более смягчено: Сергей был сослан в Красноярск на тот же срок.^[1327] В сибирском городе он устроился на машиностроительный завод, где была разыграна провокация, которая, возможно, планировалась изначально, при смягчении приговора. В мае или июне 1936 года Сергей вместе с группой работников завода был арестован и отправлен в Воркуту. А в печати было объявлено, что на Красмаше действовала группа вредителей-троцкистов, в которой главным являлся сын Троцкого.

В феврале 1937 года Сергей был доставлен в Красноярск, в июле ему были предъявлены обвинения в шпионаже, измене родине и контрреволюционной организованной диверсии. Фамилия Сергея была включена в «красноярский список» лиц, по делам которых требовалось на высшем уровне утвердить карательное решение. В список были включены 68 человек, из них 61 был отнесен к первой категории, то есть к ним

предлагалось применить «высшую меру» — расстрел. 3 октября 1937 года Сталин, Молотов и Каганович завизировали этот список.^[1328]

Двадцать девятого октября на закрытом судебном заседании выездной сессии Верховного суда СССР в Красноярске в течение 15 минут было рассмотрено дело Сергея Львовича Седова. На вопрос председателя, признает ли он себя виновным, прозвучал ответ: «Виновным себя не признаю». Вслед за этим был зачитан смертный приговор, который привели в исполнение этой же полночью.^[1329] Так в большевистском застенке окончилась жизнь третьего ребенка Троцкого. В живых оставался только старший сын, который продолжал в Париже самоотверженную работу, но дни его также были сочтены.

Лев Давидович и Наталья Ивановна не имели никаких сведений о том, что происходит с младшим сыном после последнего адресованного матери письма, полученного в начале 1935 года. Но они понимали, что происходит недоброе. Записи в дневнике Троцкого в феврале — сентябре 1935 года свидетельствуют, как обеспокоены были родители. 2 апреля 1935 года сделана запись: «Если его действительно выслали, то исключительно по мотивам личной мести: политических оснований не могло быть!» На следующий день запись была еще более тревожной — Троцкий внес в дневник слова жены: «Они его (Сергея) ни в коем случае не выпустят, они будут пытаться его, чтоб добиться чего-нибудь, а затем уничтожат». Судя по дальнейшим записям, тревога родителей не утихала.^[1330]

В июльском номере «Бюллетеня оппозиции» появилось проникнутое болью письмо Н. И. Седовой, связанное с судьбой Сергея.^[1331] Она рассказывала о его жизненном пути, выражая убежденность, что Сергей арестован, что Сталин в качестве орудия мести избрал на этот раз их младшего сына. Наталья Ивановна расширяла проблему, придавая ей общественное звучание, ибо «при молчании и безнаказанности мстительные действия Сталина могут скоро принять непоправимый характер». Каким глубоким было это предчувствие материнского сердца и отцовской прозорливости! Вскоре появилось еще одно письмо Натальи Ивановны, в котором она сообщала, что на протяжении последних месяцев посылала небольшие денежные суммы жене Сергея, чтобы облегчить ей, если возможно, помощь своему мужу. Однако 6 ноября Норвежский кредитный банк, через который направлялись переводы, известил, что «получатель не мог быть найден по указанному адресу», а это означает также арест жены Сергея.^[1332]

Норвежское затворничество

В конце весны 1935 года у Троцкого возникли перспективы переезда в другую страну. Пришедшее к власти правительство Рабочей партии Норвегии объявило о верности принципу доброжелательного принятия на своей территории политических беженцев.

Троцкий согласился на переговоры французских единомышленников с норвежскими представителями. Правительство Норвегии пожелало на примере Троцкого продемонстрировать, что сохраняет верность своим декларациям, тем более что в стране не было организаций его сторонников — такая группа появится только в 1937 году.^[1333] 25 мая Лев Седов известил отца письмом, что «Крукс» может готовиться к отъезду. Имя «Крукс» Троцкий иногда использовал в качестве псевдонима, и в дневнике появилась запись: ««Праздник вечного новоселья», как говорил старик-рабочий в Алма-Ате».^[1334]

Восьмого июня к Троцкому приехал Жан Хейженоорт, привезший, наконец, весть, что документы на право въезда в Норвегию Троцкий может получить в любой момент в Париже. Отъезд был назначен на следующий день. Правда, еще не было транзитной бельгийской визы (Троцкие должны были следовать пароходом из Антверпена), но на этот раз неожиданностей не предвиделось: правительство Бельгии понимало, как настоятельно французские власти стремятся избавиться от Троцкого, и не могло ставить палки в колеса.

«Наташа готовит обед и укладывает вещи, помогает мне собирать книги и рукописи, ухаживает за мной, — записал Троцкий 9 июня. — По крайней мере это отвлекает ее несколько от мыслей о Сереже и о будущем. Надо еще прибавить ко всему прочему, что мы остались без денег: я слишком много времени отдавал партийным делам, а последние два месяца болел и вообще плохо работал. В Норвегию мы приедем совершенно без средств... Но это все же наименьшая из забот».^[1335]

В последний момент возникли новые опасения. Троцкому разрешили остановиться в Париже для получения документов только на день, но оказалось, что в консульстве Норвегии ничего не знают по этому поводу. Когда же А. Молинье связался со знакомым в Осло, тот сообщил, что документы еще не заверены. Вслед за этим возникли бурные объяснения с чиновниками Службы безопасности Франции. После торга Троцкому дали отсрочку, разрешив остаться в Париже на 48 часов.

Отсрочка была использована и в политических, и в личных целях.

«Квартира почтенного доктора (Троцкий остановился в квартире доктора Розенталя, отца одного из своих французских сторонников, Жерара, юриста, который вел его французские дела.^[1336] — Г. Ч.) неожиданно превратилась в штаб фракции большевиков-ленинцев: во всех комнатах шли совещания, приходили новые и новые друзья».^[1337]

Троцкие встретились с внуком Севой, которого не видели два с половиной года. К этому времени ребенок, которого судьба бросала из одной страны в другую, окончательно позабыл русский язык. Живущий в настоящее время в столице Мексики, городе Мехико, в прошлом Всеволод, Сева, а ныне Эстебан Волков в разговоре с автором этой книги утверждал, что он не знал русского языка вообще, а общался с дедом по-французски.^[1338] Видимо, Эстебан не читал дневник деда, в котором тот 20 июня 1935 года записал о нем: «К рус[ской] книге о трех толстяках,^[1339] которую он прекрасно, запоем читал на Принкипо, он прикасался теперь с неприязнью (книга у него сохранилась), как к чему-то чужому и тревожному. Он посещает франц[узскую] школу, где мальчики называют его hoch'em^[1340]».

В конце концов братья Молинье получили сообщение, что виза готова. В сопровождении французского полицейского Троцкий, Наталья и секретари отправились в Антверпен. На норвежском пароходе они двое с половиной суток добирались до Осло. Лев Давидович сошел на норвежский берег 16 июня 1935 года.

По требованию властей Троцкий поселился в двух часах пути от Осло. Следующие 18 месяцев он жил в доме публициста и члена парламента от Рабочей партии Конрада Кнудсена. И хотя здесь Троцкий написал книгу «Преданная революция» — одну из наиболее значительных работ, посвященных текущему положению в СССР (она будет рассмотрена в следующей главе), его влияние на европейское рабочее движение, которое и без того не было значительным, стало еще слабее.

Политические неудачи сопровождались новым ухудшением состояния здоровья. Последние четыре месяца 1935 года Троцкий провел в основном в постели, причем с 19 сентября по 10 октября находился в муниципальной больнице Осло. Лев Давидович все чаще задумывался о своем сложном жизненном пути, который нередко как бы стихийно вел его за собой, хотя Троцкий предпочел бы, чтобы он сам твердо и решительно владел своей судьбой и всеми ее поворотами. Свое плохое состояние здоровья Троцкий напрямую связывал с политическими неудачами. 27 декабря 1935 года он писал сыну Льву слова, обычно для него несвойственные: «Абсолютно необходимо, чтобы меня не тревожили по крайней мере четыре недели...

Эта отвратительная ерунда не только лишает меня возможности справиться с более серьезными делами, но приводит меня к бессоннице, повышенной температуре и т. д.» [\[1341\]](#)

Иногда Троцкий, установивший со своим хозяином непринужденные отношения, выходил в море вместе с Кнудсенем на рыбную ловлю. Во время одного из таких походов в августе 1936 года по маленькому радиоприемнику донеслась весть о суде в Москве над Зиновьевым и Каменевым. [\[1342\]](#)

Лев Давидович моментально уловил, куда дует ветер. Осознав, что, готовя расстрел своих бывших сподвижников по «тройке», Сталин видит основным объектом атаки не столько самих обвиняемых, сколько его самого, он сразу же развернул кампанию в прессе.

Норвежское правительство оказалось под мощным давлением СССР. От него требовали изгнания «главного террориста». Министерство юстиции Норвегии пришло к выводу, что кампания Троцкого в международной печати нарушает условия, на которых он был принят. В сентябре 1936 года Троцкий был помещен под домашний арест, где находился до 20 декабря 1936 года, когда вместе с Натальей был посажен на пароход, взявший курс на Западное полушарие.

Глава 6

ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТОРОННИКОВ ТРОЦКОГО

Новые черты в анализе советской действительности

Во французской провинции, а затем в норвежской глуши, оторванный от руководства своими сторонниками, но поддерживавший с ними связь в основном по почте и иногда принимая посланцев из различных стран, Троцкий продолжал анализ текущей политики сталинского руководства и того, что лежало в ее основе.

На базе своей методологии (то есть концепции перманентной революции и закона неравномерного и комбинированного развития), используя новые факты, он стремился определить, по каким причинам революция, во главе которой стояли Ленин и он сам, не смогла породить революции на Западе и Востоке, почему сложилось бюрократическое сталинское единовластие, какой курс должны проводить организации

коммунистов-оппозиционеров по отношению к СССР.

Различные стороны советско-большевистской действительности Троцкий рассматривал в массе статей, писем, заметок и других материалов, публиковавшихся в «Бюллетене оппозиции» и других журналах (главным образом во Франции и в США).

Среди них были обращения к своим последователям, которые, как надеялся Троцкий, еще сохранялись в СССР либо в заключении и ссылке, либо в подполье. Серьезным ударом по надеждам Троцкого на то, что в Советском Союзе есть еще некапитулировавшие его приверженцы, было покаяние наиболее стойкого «большевика-ленинца» Х. Г. Раковского в начале 1934 года. Троцкий, правда, преуменьшал значение этой акции, даже назвал ее «холостым выстрелом», но тот факт, что этому было посвящено специальное обращение, да еще помещенное на месте передовой статьи в «Бюллетене оппозиции»,^[1343] говорил о многом.

Главное внимание в «Бюллетене» уделялось нараставшей волне террора после убийства Кирова. Смысл этого зловещего события Троцкий уловил сразу же. Ему был полностью посвящен январский номер «Бюллетеня оппозиции» за 1935 год, в котором опубликованы всего две статьи — обе принадлежали Троцкому.^[1344] Автор еще не предвидел размаха, который вскоре примет сталинский террор, но отдавал себе отчет в том, что готовится грандиозная «амальгама», то есть «заведомо ложное пристегивание» к убийству Кирова людей, которые не могли иметь ничего общего с этим преступлением.

«Террором бюрократического самосохранения» назвал Троцкий происходившие в СССР события в заголовке одной из статей.^[1345] Поднимавшуюся в СССР волну арестов и судебных процессов он включал в общую схему господства бюрократии, которая выделяла только из своей среды вожаков типа Сталина. В этом лидер оппозиционного коммунизма вступал в противоречие с собственными оценками, многократными указаниями, что бюрократия в СССР не является социальным классом, что в стране формируется сталинская тоталитарная система.

Троцкий оценивал внешнеполитические акции, предпринимаемые Сталиным по сближению с западноевропейскими державами, как капитуляцию перед мировым империализмом. VII конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1935 году, был им охарактеризован как «ликвидационный конгресс»,^[1346] что приближалось к объективной оценке, ибо на этом конгрессе под сталинскую диктовку было принято не только решение о создании народного фронта, но и о предоставлении компартиям большей

самостоятельности. Такая ситуация, являвшаяся всего лишь формальной, ибо не был затронут аппарат контроля за компартиями со стороны московского руководства, сохранялась разведывательная сеть, курируемая советскими спецслужбами, рассматривалась как дополнительное обоснование курса на создание IV Интернационала.

Вместе с тем созревала крупная работа Троцкого, которая была завершена и опубликована в 1936 году. Выпущенная в ряде стран под названием «Преданная революция»,^[1347] она была издана в том же 1936 году в Париже на русском языке под более спокойным наименованием «Что такое СССР и куда он идет?». ^[1348] Троцкий подписал предисловие к книге 4 августа 1936 года, находясь в Норвегии, еще до того, как стало известно о первом открытом московском судебном фарсе — суде над Каменевым, Зиновьевым и другими участниками объединенной оппозиции 1920-х годов, к которым в порядке «амальгамы» были пристегнуты мелкие фигуры, обвиненные в осуществлении шпионско-диверсионных заданий троцкистского центра.

В книге Троцкий доказывал, что в СССР существует рабочее государство, хотя для этого был привлечен только один аргумент — отсутствие частной собственности на средства производства. Однако, как подчеркивал автор, сложилось принципиальное противоречие между большевистской программой и советской действительностью: сохранение «буржуазного права», сохранение «буржуазного органа» в лице все более деспотичного государства, выделяющего и поддерживающего привилегированное меньшинство, правящий слой.

Специальная глава называлась «Советский термидор». Термидор, то есть, в понимании Троцкого, перерождение революции, превращение ее в собственную противоположность, рассматривался как победа бюрократии. Произошло политическое вырождение партии, которая стала средоточием бюрократии. Вывод, что сама большевистская партия превратилась в бюрократический инструмент, был для Троцкого нелегким и исключительно важным.

Троцкому особенно трудно было найти социальные корни «термидора», без чего он не мог обойтись. Он не был здесь последователен. Наряду с экономическими факторами он признавал чисто политические в лице самой бюрократии, «насадительницы и охранительницы неравенства». ^[1349] Но главным источником советской трагедии он считал бедность, культурную отсталость масс, которые привели к власти «повелителя с большой палкой в руках. Разжалованная и поруганная

бюрократия снова стала из слуги общества господином его».^[1350]

Весьма смелым было сравнение советского режима с национал-социалистическим режимом в Германии. Высмеивая «тайное голосование», намеченное в проекте новой конституции СССР (конституция будет принята вскоре, 5 декабря 1936 года, в промежутке между двумя крупнейшими судебными процессами в Москве), он отмечал, что «на тайное голосование не посягнул и Гитлер».^[1351] В заключительной же части работы сопоставление проводилось более развернуто: «Мы приходим к неожиданному, на первый взгляд, но на самом деле непреложному выводу: подавление советской демократии всесильной бюрократией, как и разгром буржуазной демократии фашизмом (термин «фашизм» понимался расширительно; имелась в виду прежде всего нацистская власть в Германии. — Г. Ч), вызваны одной и той же причиной: промедлением мирового пролетариата в разрешении поставленной перед ним историей задачи. Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собою симметрические явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга».^[1352]

Отказываясь от прежних предположений, что возможно относительно мирное восстановление демократических порядков в СССР, автор становился на позицию необходимости новой революции. Существовавшая в СССР власть привела к такой деформации рабочего государства, которая может быть ликвидирована только силой. Троцкий призывал к политической, но не к социальной революции.

Он писал, что считает эту книгу «главным делом своей жизни».^[1353] Действительно, по аналитическому уровню, по силе обобщений она намного выше, нежели публицистические произведения о Сталине, которые при всей своей яркости уступают в глубине анализа. В книге он пытался проанализировать ход советского исторического процесса, а не только интриги и «предательство» Сталина.^[1354]

«Преданная революция», являясь работой программного характера, легла в основу многочисленных документов организаций сторонников Троцкого. Дискуссии по поводу термидора, господствующего слоя или класса, политической или социальной революции заполнили всевозможные съезды, конференции, совещания этих организаций со второй половины 1930-х годов по настоящее время, привели и приводят к всевозможным расколам, слияниям и новым расколам в среде крохотных объединений «троцкистов». Каждая из групп упорно утверждает, что именно ее толкование «Преданной революции» является единственно правильным.

«Преданная революция» продолжает жить, оторвавшись от своего автора, но оставаясь его наиболее убедительным критико-аналитическим произведением, превосходящим по своему уровню остальную литературу об СССР, появившуюся в 1930-е годы.

Международные контакты, «французский поворот» и его неудача

Анализ советской действительности был важен Троцкому не сам по себе, а как политическая база, от которой следовало отталкиваться организациям его последователей. Поставив задачу создания новых компартий и IV Интернационала, Лев Давидович предпринял максимум усилий для преодоления сектантской замкнутости, объединения с другими левыми силами, заявлявшими, что они опираются на рабочий класс.

Вначале казалось, что диссидентские социалистические группировки представляют немаловажную силу. Наиболее известной из них являлась британская Независимая рабочая партия (НРП), вышедшая из лейбористской партии, в которой пребывала в качестве коллективного члена. Надежды возлагались и на Социалистическую рабочую партию Германии (СРПГ), которая отпочковалась от Социал-демократической партии незадолго до прихода к власти Гитлера. Правда, эта партия сильно пострадала в результате нацистских насилий и опиралась лишь на часть эмигрантов из Германии, проживавших главным образом во Франции.

К независимым социалистическим силам относились Коммунистическая партия Швеции, входившая ранее в Коминтерн, но порвавшая с ним, испанский Блок рабочих и крестьян и, наконец, две голландские организации — Революционносоциалистическая партия (РСПГ) во главе с Г. Снефлитом и Независимая социалистическая партия (НСПГ), отколовшаяся от социал-демократии. Часть из этих групп входила в образцовое в 1932 году Международное рабочее сообщество, или Лондонское бюро, как называли это объединение по местонахождению его центрального органа.

Все эти организации считали необходимым создание нового Интернационала, так как ни Коминтерн, ни Социалистический рабочий интернационал, объединявший основную часть социал-демократических партий, их не устраивали. Но между партиями Лондонского бюро были разногласия по многим вопросам, прежде всего об отношении к СССР — от требования поддержки соцстроительства до решительного осуждения сталинского единовластия. [\[1355\]](#)

Троцкий надеялся, что ему удастся объединить значительную часть этих разношерстных организаций под своим руководством и повести их к созданию IV Интернационала. В связи с конференцией, которую проводило Лондонское бюро в Париже в августе 1933 года, Троцкому удалось договориться со Снефлитом и Якобом Вальхером (одним из руководителей СРПГ), что они совместно представят проект резолюции с призывом к созданию нового Интернационала и изложением его принципов.

Конференция отвергла внесенный проект, и он был опубликован как «резолюция четырех» (Международная коммунистическая лига, СРПГ, РСПГ и НСПГ) «О необходимости и основах нового интернационала». Проект резолюции был основательно доработан Троцким и по сути дела стал его авторским документом.^[1356]

В нем осуждался сталинский «социализм в одной стране», проводились тезисы о разложении советского режима и рабской зависимости Коминтерна от Москвы, указывалось, что приход нацистов к власти в Германии явился свидетельством неспособности коммунистов и социал-демократов противостоять угрозе крайней реакции. Отсюда вытекало требование создания IV Интернационала. Было решено образовать Постоянную комиссию и приступить к выработке программы.

Неудачная попытка слияния четырех организаций была предпринята Троцким на совещании в Париже 30 декабря 1933 года. Это была вторая после копенгагенской встречи и последняя международная встреча со времени эмиграции Троцкого, в котором он принял личное участие. Троцкий приехал нелегально в сопровождении сына Льва, который тщательно оберегал его инкогнито. Совещание проходило в квартире доктора Вейля, отца Симоны Вейль, французского социолога, сочувствовавшей в это время Троцкому.^[1357] Здесь вспыхнули острые споры между Троцким, с одной стороны, Я. Вальхером (СРПГ) и Якобом де Кадтом (НСПГ) — с другой. Троцкий обвинял партнеров в отсталости и примиренчестве, последние же выразили разочарование, что Троцкий остается на «сектантско-стерильных позициях, которые и так хорошо известны».^[1358]

Блок четырех оказался недолговечным. Немцы вскоре объявили, что не имеют ничего общего с Троцким и его последователями. Их пример подвиг к тому же организацию де Кадта. Только партия Снефлита присоединилась к Международной коммунистической лиге, но и она в IV Интернационал не вошла.

Один за другим рушились планы найти серьезную базу для создания

IV Интернационала, который действительно объединил бы организации, стоявшие вне Коминтерна и Социалистического рабочего интернационала. Причины неудач были очевидны: за Троцким не шли рабочие массы, ему, как и ранее, удавалось найти приверженцев почти исключительно в группках интеллигентов, вкладывавших свое понимание и амбиции в следование инструкциям «вождя», вступая друг с другом в споры по поводу трактовки указаний.

В этих условиях летом 1934 года Троцкий попытался предпринять эксперимент, который считал вначале стратегическим поворотом и который станет предметом новых острых дебатов в следующие десятилетия. Первой страной, в которой этот опыт, по его мнению, следовало провести, являлась Франция. Весь этот комплекс событий получил название «французский поворот».

Ситуация во Франции в это время была крайне противоречивой. После февральских событий в стране усилилось влияние левых сил, особенно Социалистической партии (СФИО). Между социалистами и коммунистами шли переговоры о едином фронте, в июле был подписан пакт о совместных действиях. Соотношение сил обеих партий было не в пользу коммунистов. Численность СФИО составляла около 120 тысяч человек, компартии (по различным подсчетам) — 20–30 тысяч. Со СФИО поддерживала связь Всеобщая федерация труда — массовое профсоюзное объединение, охватывавшее около миллиона рабочих и служащих. Коммунистическая Унитарная всеобщая конфедерация труда насчитывала примерно 70 тысяч членов. Если компартия базировалась на принципах Коминтерна и не допускала в своей среде фракций, то Социалистическая партия была либеральнее и мирилась с деятельностью оппозиционных групп.

В этих условиях Троцкий счел целесообразным призвать своих французских сторонников вступить в состав СФИО. В июне 1934 года он обратился к Коммунистической лиге Франции с несколькими документами по этому поводу. Первым из них была «Программа действий для Франции», [\[1359\]](#) которая должна была создать идейный базис предстоявшего поворота. «Программа» включала требования отмены деловых секретов, введения рабочего контроля над промышленностью, торговлей и банками и на следующем этапе национализацию важнейших предприятий и введение монополии внешней торговли, создание рабочей милиции, самоопределение национальностей. Но на промежуточных, даже далекоидущих требованиях Троцкий не останавливался. Завершалась программа обычными лозунгами создания социалистических Соединенных Штатов Европы, защиты СССР, введения рабоче-крестьянской власти.

Казалось, эта программа является обычным агитационным документом, каковых было множество. Однако сразу за ней последовали обращения к Французской коммунистической лиге, в которых критиковалась ее изолированность от массового движения, выдвигалась задача найти свое место в формирувавшемся едином фронте. Это можно было осуществить только в составе СФИО, утверждал Троцкий в закрытом письме за подписью «Видаль», в котором даже ссылаясь на самого себя в третьем лице.^[1360] «Нам не от чего отказываться, — говорилось в письме. — Мы только честно признаем, что наша организация слишком слаба, чтобы сыграть практически независимую роль в борьбе, которая нам предстоит».

Это было откровенное признание, и Троцкому пришлось вслед за ним приложить немало сил, чтобы убедить в своей правоте французских сторонников, причем далеко не все руководители Коммунистической лиги с ним согласились. Он вынужден был обращаться к Лиге вновь и вновь, убеждая, что необходимо совершить «решающий» поворот.^[1361] Незначительным большинством голосов руководство Лиги одобрило «французский поворот», вслед за чем началось вступление членов Лиги в СФИО.

Троцкий считал, что примеру французов должны последовать деятели других стран. В октябре 1934 года состоялся расширенный пленум Международной коммунистической лиги, на котором предложение Троцкого не получило полного одобрения. Резолюция о «повороте» прошла незначительным большинством.^[1362]

От английского слова «to enter» (вступать) возник неологизм последователей Троцкого, который воспринял и он сам, — «энтризм», то есть политика вступления в партии социалистического направления с целью постепенно создать в них свое большинство и повести их в IV Интернационал. Первоначально «энтризм» принес некоторые незначительные плоды в отдельных странах, в частности в Бельгии, Великобритании, США.

Разумеется, до овладения теми организациями, куда вступали члены Международной коммунистической лиги группами и порознь, было очень далеко. Но все же «троцкисты» образовали в этих организациях свои относительно влиятельные фракции.

Что касается Франции, здесь, несмотря на то что «поворот» получил наименование «французский», он существенных результатов не дал: сторонники Троцкого оставались в СФИО в незначительном меньшинстве

и вскоре были исключены или сами покинули партию.

В Париже 26–31 июля 1936 года состоялась конференция, проведенная, как было объявлено, Движением за IV Интернационал (по конспиративным соображениям сообщили, что встреча состоялась в Женеве). Международная коммунистическая лига, таким образом, перестала существовать, превратившись в Движение за IV Интернационал.

Эта конференция была наиболее представительным международным форумом сторонников Троцкого при его жизни. Сам он, находившийся в Норвегии, не имел возможности участвовать в ней. Хотя было объявлено, что по финансовым соображениям не прибыли представители Австрии, Чехословакии, Греции, Польши, Румынии и Швейцарии (организаторы на какой-то момент забыли, видно, что объявили местом конференции Женеву!), в конференции участвовал 21 делегат (включая двух «наблюдателей» из США, что было связано с недавним вступлением американских «троцкистов» в Социалистическую партию и невозможностью поэтому официально участвовать в конференции). Среди делегатов были представители Франции, Германии, Великобритании, Голландии, Италии. Объявлено было о представительстве советских «большевиков-ленинцев», но единственным из них был Лев Седов.^[1363]

Главным Документом явилась резолюция о создании Движения за IV Интернационал в качестве международной организации, высшим органом которого объявлялась международная конференция, а в промежутках между конференциями Генеральный совет.

Основные политические документы конференции — резолюции «Новый революционный подъем и задачи Четвертого Интернационала» и «Четвертый Интернационал и Советский Союз» — были написаны Троцким.^[1364] Обе они были до предела оптимистичны. Современное положение оценивалось как «предреволюционная ситуация», причем автор полагал, что движение его сторонников прочно выходит из изоляции и лозунги большевизма в его понимании «становятся лозунгами масс».

При всех обвинениях сталинского режима, даже в том, что он начинает восстанавливать «буржуазную семью», но главное — что компартия полностью превратилась в политическую машину правящей касты, Троцкий продолжал считать СССР рабочим государством с глубокими извращениями. Он, как и ранее, придерживался мнения, что бюрократия представляет собой «новый паразитический слой», связанный общими интересами со сталинской диктатурой (бюрократия, как он считал, поддерживает Сталина, потому что он надежно защищает ее

привилегированное положение), но не новый эксплуататорский класс. В СССР на очередь дня становится, утверждал он, не социальная, а политическая революция, то есть свержение власти дегенерирующей бюрократии при сохранении общественной собственности и социальных отношений, к которым привела Октябрьская революция. Троцкий объявлял необходимой поддержку СССР со стороны «пролетарского авангарда всего мира» в возможной войне.

Начиная с 1936 года основное внимание Троцкого было обращено на новые зловещие сведения, поступавшие из СССР. Видимо, по этой причине столь важные решения июльской конференции 1936 года не были опубликованы в «Бюллетене оппозиции» — для них просто не нашлось места. Журнал почти полностью сосредоточился на новом кровопролитии, которое развязывал советский диктатор под видом ликвидации в СССР «пятой колонны», то есть внутренней агентуры внешнего врага. При этом главным организатором «пятой колонны» объявлялся Троцкий, установивший якобы связь с германскими разведывательными и террористическими службами и направляющий деятельность своей агентуры в СССР.

Начало разоблачения «большого террора»

На протяжении примерно полутора лет после убийства Кирова политический террор в СССР нарастал. Он превратился во всесоюзную кровавую вакханалию, начиная с судебного фарса по делу так называемого «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» 19–24 августа 1936 года. На скамье подсудимых находились 16 человек, в том числе бывшие ближайшие соратники Ленина, соправители Сталина по «тройке» во время болезни и непосредственно после смерти Ленина, а позже лидеры объединенной оппозиции (вместе с Троцким) Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, как и другие участники объединенной оппозиции Г. Е. Евдокимов, С. В. Мрачковский, И. Н. Смирнов (главным образом лица, близкие к Зиновьеву).

В дни суда центральная советская печать публиковала вперемежку статьи о Троцком, написанные представителями власти и бывшими оппозиционерами. В числе последних были Г. Л. Пятаков, Е. А. Преображенский, Х. Г. Раковский, то есть как раз те, кто в прошлом являлись приближенными Троцкого.^[1365] «Жалкую и гнусную» статью, по

словам «Бюллетеня оппозиции», опубликовала Н. К. Крупская.^[1366] Очередная зловещая игра состояла в том, чтобы заставить бывших «троцкистов» униженно вымаливать себе сохранение жизни, что продлило ее лишь на недолгий срок.

На суде все обвиняемые «чистосердечно признались» в фантастических преступлениях, сохраняя зыбкую надежду, что их оставят в живых ценой политического самоубийства. Надежда осталась тщетной. Все подсудимые были приговорены к высшей мере наказания и 24 августа расстреляны.

Обвинения по адресу Троцкого в ходе суда и после него превратились в бессмысленную и безграничную в своей кровожадности кампанию. Троцкого обвиняли в организации убийства Кирова, саботаже, подрывной деятельности, шпионаже. Советское полпредство в Норвегии разъяснило министру иностранных дел, что пребывание Троцкого на норвежской территории повлечет за собой карательные действия СССР. Норвегии, в частности, угрожали прекратить закупки сельди, и этот демарш был весомее соображений о праве политического убежища.^[1367]

Пятого августа того же 1936 года, то есть еще до московского процесса, но во время его подготовки, банда правых экстремистов напала на дом, в котором проживал Троцкий, надеясь, как они потом сообщили прессе, найти доказательства нарушения условий его пребывания в Норвегии. Налетчики проследили, чтобы дом был пуст, но ничего интересного для себя не обнаружили.

Не имея возможности, согласно условиям приема в Норвегии, давать интервью, публиковать под своим именем политические статьи, Троцкий воспользовался налетом, чтобы подать жалобу в суд и публично высказаться по поводу московского судебного фарса. Дело рассматривалось 11 декабря при закрытых дверях. Суд неохотно, но терпеливо четыре часа выслушивал Троцкого. Он говорил о процессе шестнадцати как наглой клевете, в частности по поводу «выдвинутого против меня лично чудовищного обвинения в организации террористических актов в союзе с гестапо».^[1368] Налетчиков приговорили к незначительным штрафам, то есть фактически правые экстремисты были оправданы.

Вслед за этим последовали две ноты советского Наркоминдела Норвегии, в которых выражался протест против пребывания Троцкого на территории этой страны и заявлялось, что норвежское правительство несет за это «полную ответственность». Правительство Рабочей партии оказалось в еще более неудобном положении. Оно объявило, что Троцкий будет

немедленно интернирован вплоть до того времени, когда какая-либо страна согласится дать ему въездную визу (по существу дела, повторялась французская история).^[1369]

Второго сентября в дом К. Кнудсена в поселке Вексхал, где проживал Троцкий, явились представители министерства юстиции и от имени министра Трюгве Ли предъявили ультиматум: полное прекращение публичной деятельности или интернирование. Троцкий отказался выполнить требование и вместе с женой был препровожден под полицейским конвоем в местечко Харум, в 50 километрах к югу от Осло, где был поселен в домике, арендованном министерством внутренних дел для этой цели.

Троцкий пытался публично объявить, что в том случае, если советские власти предъявят требование о его выдаче вкупе с доказательствами вины, а норвежский суд сочтет эти доказательства имеющими правовую основу, он обязуется подчиниться решению о депортации в СССР, чтобы предстать перед сталинским судом. Но довести свои соображения до общественности он почти не имел возможности, так как фактически находился в условиях блокады.

Троцкий поручил своему сыну взять на себя нелегкую ношу разоблачения московского фарса. Он оказывал ему помощь письмами, подсказывал источники информации, истолковывал скудную информацию и настойчиво требовал ускорения работы.^[1370] Н. И. Седова вспоминала, что Лев Давидович буквально лихорадочно изучал доступные материалы, связанные с процессом. «Вооруженный красным, синим и черным карандашами, он делал выписки из отчетов суда и набрасывал свои заметки на клочках бумаги. Его кабинет был заполнен гранками и рукописями, исчерпывающе разоблачавшими [сталинские] преступления... Однажды он сказал мне: «Я устал от всего этого — от всего этого — понимаешь?»».^[1371]

В результате вначале очередной номер «Бюллетеня оппозиции» был посвящен судебному фарсу в советской столице, а затем на свет появилась «Красная книга о Московском процессе», подготовленная Л. Седовым.^[1372]

В разгар подготовки «Красной книги» Лев Седов, понимая, что его жизнь находится в опасности, счел необходимым передать находившиеся у него исторические документы в более надежные места. Наиболее ценную часть он отдал М. Зборовскому, которому полностью доверял, не подозревая, что тот является агентом НКВД. Менее важная, по его мнению, коллекция (газетные вырезки и сопроводительные бумаги, переписка «Бюллетеня оппозиции», а также некоторые письма турецкого периода)

была передана в начале ноября на хранение в Парижский филиал Амстердамского Международного института социальной истории, за что Лев получил незначительную по тому времени сумму 15 тысяч франков. Документы принял руководитель филиала известный историк Борис Иванович Николаевский.

В ночь на 7 ноября 1936 года произошло ограбление филиала, значительная часть бумаг Троцкого была похищена. Операцией советских агентов руководил Яков Исаакович Серебрянский, возглавлявший специальную разведывательно-диверсионную группу НКВД СССР («группу Яши»), который нанял квартиру на улице Мишле неподалеку от архива, расположенного на той же улице. Несколько ящиков похищенных бумаг были переданы резиденту НКВД в Париже Г. Н. Косенко, переправившему их в Москву. То, что грабеж был совершен агентурой НКВД, полиция заподозрила сразу, так как ни деньги, ни ценности не были взяты. На допросе Лев Седов предположил, что советская агентура узнала об архиве из-за «разговорчивости Николаевского».^[1373] О причастности к преступлению его ближайшего помощника он не мог даже помыслить. Имея в виду многочисленные «проколы», допущенные бездарными следователями из НКВД при подготовке процесса шестнадцати в «доказательстве» связей обвиняемых с Троцким и Седовым, Лев в переписке с отцом с полным основанием предположил, что целью похищения являлись достоверные материалы для новых процессов — местонахождение Троцкого в то или иное время, его конкретные занятия и т. п.

В любом случае ноябрьский грабеж был предупреждением и Льву, и его отцу, что они находятся под колпаком советских спецслужб. Лев сообщал родителям, что он буквально чувствует, как все плотнее сжимается вокруг него кольцо враждебного наблюдения.^[1374]

И все же интенсивная работа и на норвежском берегу, и в Париже продолжалась. «Бюллетень оппозиции» и «Красная книга» содержали обильные материалы, разоблачавшие фальшь московского процесса, который был назван «процессом над Октябрем». Материалы предваряло переведенное с французского языка письмо Троцкого, который был лишен норвежскими властями возможности писать по-русски: «Простите, что я не могу прислать вам обещанную к будущему номеру «Бюллетеня» статью о процессе: в желании у меня, разумеется, недостатка нет... Но вы сами скажете, я в этом уверен, все необходимое об этой гнусной амальгаме».^[1375]

Обширная подборка материалов открывалась оценкой того, зачем Сталину понадобился процесс шестнадцати. Констатировалось, что советский диктатор становится на путь физического истребления «активно-недовольных», прежде всего сторонников Троцкого. Выдвигались и внешнеполитические причины. «Трупы Зиновьева и Каменева должны в глазах мировой буржуазии доказать разрыв Сталина с революцией, послужить ему свидетельством о благонадежности и национально-государственной зрелости». Помимо политических причин отмечалась и сугубо личная: «сталинская ненасытная жажда мести».

Рассказывалось, что именно в связи с процессом Л. Д. Троцкий вспомнил в одном из писем перед интернированием эпизод, услышанный от Каменева: «В 1924 году, летним вечером, Сталин, Дзержинский и Каменев сидели за бутылкой вина (не знаю, была ли это первая бутылка), болтая о разных пустяках, пока не коснулись вопроса о том, что каждый из них больше всего любит в жизни. Не помню, что сказали Дзержинский и Каменев, от которого я знаю эту историю, Сталин же сказал: «Самое сладкое в жизни — это наметить жертву, хорошо подготовить удар, беспощадно отомстить, а потом пойти спать»». ^[1376] Вспоминались и высказывания Ленина о Сталине, в том числе: «Сей повар будет готовить только острые блюда» или: «Сталин заключит гнилой компромисс и обманет». Делался вывод, соответствовавший формировавшейся оценке Троцким Сталина как современного Цезаря Борджиа. ^[1377] Эта оценка вскоре ляжет в основу книги о Сталине и статей, написанных Троцким в последние годы жизни, в том числе уже в начале Второй мировой войны.

Восстанавливалась картина того, как бывшие высшие партийные деятели под прямой угрозой для своей жизни и жизни родных шли на новые унижительные капитуляции, признавая свое фиктивное участие в террористических актах, подготовке покушений на Сталина и его подпевал.

Из всех фактических ляпсусов, которыми воспользовался «Бюллетень», чтобы экстраполировать грубую ложь на характер всех обвинений, особое внимание уделялось пребыванию Троцкого в Копенгагене осенью 1932 года, откуда лидер оппозиции якобы давал инструкции о терроре. Восстанавливалась истинная картина восьмидневного пребывания Троцкого в датской столице, о котором я уже рассказал и которое было расписано очевидцами буквально по часам.

Между тем обвиняемые, которые якобы получали инструкции от Троцкого, утверждали, что сделано это было именно в Копенгагене. Этот город был избран следователями по соображениям собственного удобства:

близко от Берлина, туда легко проехать. Свидания же в Стамбуле или в никому не известных французских деревушках, где проживал Троцкий, были «слишком опасным экспериментом. Недостаток «материала» увеличивал риск провала».

Но и копенгагенские эпизоды были «провальными». Подсудимый Э. С. Гольцман, советский хозяйственный работник, находившийся в командировке в Германии, заявил на суде, что он встретился в Копенгагене с Л. Седовым в вестибюле гостиницы «Бристоль». В связи с этим ставилось несколько сокрушительных вопросов: как Гольцман «проник» в Данию, если он не имел виз, как мог встречаться в гостинице «Бристоль», если таковая была снесена еще в 1917 году (видимо, ленивые следователи пользовались старыми путеводителями по Копенгагену), наконец, как мог Гольцман встретиться с Седовым в датской столице, если Седов там в это время не был и находиться никак не мог?! Приводились неопровержимые доказательства, что в течение всех дней пребывания его родителей в Копенгагене Лев находился в Берлине. Об этом свидетельствовали, в частности, телефонные счета ежедневных разговоров с родителями. Приводились и многие другие «проколы» обвинения, доказывающие его лживость с первого до последнего слова. Делался главный вывод, что Сталину нужна голова Троцкого, и в этом состоит его основная цель. «Для достижения ее он пойдет на самые крайние, еще более гнусные дела».

После появления материалов о процессе в «Бюллетене оппозиции», к которым, как были уверены норвежские власти, руку приложил Троцкий, его режим еще более ужесточили.

18 ноября ему передали сообщение министерства юстиции, запрещающее участвовать в зарубежных изданиях и поддерживать связь с заграничными адвокатами. 19 ноября Троцкий сообщил сыну, что его письма, касающиеся личной защиты в связи с обвинениями на московских процессах, конфискуются. Каким-то чудом это письмо проскочило. [\[1378\]](#)

Именно тогда, когда положение казалось уже безнадежным, когда Троцкий фактически находился под строгим арестом, ситуация неожиданно изменилась. Генеральный консул Мексиканской республики в Осло получил инструкцию своего правительства передать господину Троцкому или его адвокату, что Троцкий может, если пожелает, немедленно получить визу на въезд в Мексику. Так начинался новый, последний этап жизни и деятельности вечного революционера, теперь уже за океаном.

МЕКСИКА. ДИЕГО РИВЕРА. ФРИДА КАЛО

К заокеанскому берегу

Предложение мексиканских властей возникло не внезапно. Несколько месяцев сторонники Троцкого в разных странах предпринимали усилия, чтобы добиться для него права на въезд. Успешными оказались только действия мексиканцев. В этой стране особенно настойчив был выдающийся художник-монументалист Диего Ривера. Являвшийся ранее коммунистом, Ривера как раз в это время объявил о своей приверженности взглядам Троцкого и разрыве с компартией.^[1379] 21 ноября 1936 года он получил письмо от своей знакомой, американской журналистки Аниты Бреннер, которая в это время стала членом только что образованного Комитета защиты Льва Троцкого. Бреннер просила Диего добиться разрешения на въезд Троцкого в его страну.^[1380]

Имея огромный авторитет и будучи знакомым с президентом республики генералом Ласаро Карденасом, видным деятелем национально-демократической революции 1910–1917 годов, Ривера обратился к президенту. Карденас дал согласие принять Троцкого при условии, что он не будет вмешиваться во внутренние дела страны, и в то же время гарантировал, что в других отношениях власти не будут препятствовать его общественной деятельности.^[1381] Троцкий с благодарностью принял «готовность мексиканского правительства предоставить нам право убежища».^[1382]

Танкер «Рут», которому предстояло пересечь Атлантический океан, отправился в путь с двумя пассажирами и сопровождавшим норвежским офицером в ночь на 20 декабря. Путешествие продолжалось почти 20 дней. На второй день нового, 1937 года Троцкий возобновил ведение дневника, прерванное в сентябре 1935 года. Первая запись свидетельствовала, что он находился чуть ли не в шоковом состоянии в связи с бурными событиями последних недель. Отсюда вытекала даже элементарная путаница в датах. «Сегодня четвертый день пути, — говорилось в записи от 2 января. — Греет южное солнце. Моряки переоделись в белое. Мы по-прежнему отдыхаем от политических новостей. Еще 23 декабря, на 4-ый день пути, пароходная радиостанция приняла для меня телеграмму из Лондона от американского агентства с просьбой об интервью».^[1383] Дважды, таким образом, говорилось о «четвертом дне пути». Вначале это было 2 января, а

через две строки — 23 декабря, что соответствовало истине.

Троцкий постепенно приходил в себя. Его успокаивали благополучное путешествие, хорошая погода, доброжелательное отношение капитана, которому впервые пришлось вместо нефти везти двух пожилых пассажиров, с которыми он охотно общался за обеденным столом. Троцкий с интересом наблюдал за морской живностью — дельфинами, акулами и даже небольшим китом. [\[1384\]](#)

На корабле Троцкий возобновил литературную работу. Он приступил к подготовке книги, разоблачавшей сталинский террор, фальсификации и подделки, которыми пользовались слуги «сволочи из Гори», как писал ему в это время сын. [\[1385\]](#)

Девятого января корабль пришвартовался к пирсу в порту Тампико, к северо-западу от столицы страны Мехико. Перед входом в порт Троцкий предупредил норвежского офицера, что не спустится на берег, если не увидит среди встречающих знакомых лиц. Сохранялись опасения, что в Мексике ему готовится какая-то провокация, хотя зачем было забираться для этого так далеко? Вероятно, Лев Давидович надеялся, что его встретит Диего Ривера, с которым он не был знаком, но выразительная внешность которого была хорошо известна.

Вначале Троцкий заподозрил недоброе, когда с палубы увидел лица незнакомых людей в официальных костюмах, а также пограничников. Риверы среди встречающих не было. Но опасения рассеялись, когда в группе людей на пристани он узнал близкого человека — одного из лидеров Социалистической рабочей партии США Макса Шахтмана, приветственно махавшего ему рукой.

После того как быстро и дружелюбно прошли пограничные формальности, встречавшие поднялись на борт, и Лев Давидович оказался в дружеских объятиях. Кроме Шахтмана его приветствовал Джордж Новак, который представился как секретарь Комитета в защиту Троцкого, образованного в Соединенных Штатах (только с его слов Троцкий узнал о существовании такового). Вслед за этим к Троцкому подошла молодая женщина в странном на первый взгляд костюме, который оказался традиционной одеждой ацтеков. Она представилась: Фрида Кало, жена Диего Риверы, который находится в больнице из-за заболевания почек, но кого она от всей души замещает. Так Троцкий познакомился с 29-летней мексиканской художницей Фридой Кало, женщиной сложной судьбы, нелегкого характера и необычных нравов, которая сыграет определенную роль в его жизни в ближайшие месяцы.

Из Тампико Троцкие в сопровождении Кало, Шахмана и Новака специальным президентским поездом «El Hidalgo» («Благородный») отправились в Мехико. По дороге к ним присоединялись новые почитатели. Затем на автомобиле в сопровождении полицейских на мотоциклах вся компания отправилась чуть ли не в качестве почетной делегации в зеленый южный пригород Мехико Койоакан, где проживали Диего Ривера и Фрида Кало.

Троцких поселили в имении Фриды «Азуль» («Голубой дом») на аванида Лондрес (то есть Лондонской улице). Дом был назван «голубым», потому что окружал его высокий голубой забор. Это был наследственный особняк, где в 1907 году родилась Магдалена Кармен Фрида Кало Кальдерон, ставшая известной под сокращенным именем Фриды Кало. Полуторазэтажный дом выходил во внутренний двор с садом тропических растений (такие дворы называют патио), с бассейном и узкими дорожками, которые пересекались и расходились под совершенно случайными углами.

Посетивший в феврале 2008 года «Голубой дом» — ныне дом-музей Фриды Кало — автор этой книги может засвидетельствовать, какое умиротворение и спокойствие приносят уставшему человеку прогулки по этому патио.

И встреча на мексиканской земле, и прием, и спокойствие «Голубого дома», и знакомство с Диего Риверой, появившимся через несколько дней, с которым установились поначалу теплые отношения,^[1386] и очарование хозяйки дома, познавшей уже немало мужчин и отлично понимавшей, как привлечь к себе внимание, — все это расслабило Троцкого, пробудив давние чувства и нравы не только политика, но и мужчины, способного вызывать интерес у прекрасного пола и проявлять подлинную страсть, несмотря на то, что он уже приближался к 58-летнему возрасту.

Объект взаимной любовной вспышки был налицо — им являлась Фрида — супруга гостеприимного Диего Риверы.

В кругу друзей и соперников

На Троцкого сразу обрушилась буря новостей. Ему стало известно, что в Москве намечается новый судебный процесс против группы старых большевиков, в числе которых были близкие к нему Г. Л. Пятаков и К. Б. Радек. Лев Давидович начал готовиться к тому, чтобы встретить этот, как он считал, судебный фарс во всеоружии. Он установил связь со своими сторонниками в США, обратившись к ним с письмами. Чуть ли не

ежедневно он давал теперь интервью журналистам.

В начале апреля он принял, например, представителя американского журнала «New Statesman» («Новый государственный деятель») Кингсли Мартина, который оставил подробное описание Троцкого, их встречи и беседы, перепечатанное журналом через 60 лет.^[1387] «Он выглядел, — писал Мартин, — как будто только что принял горячую ванну. Его волосы были подстрижены, борода аккуратно убрана, а костюм выглажен. Его шевелюра и борода седоваты, а лицо — свежее и розовое». Троцкий был настроен дружелюбно. Главной темой разговора стали московские процессы и причины признания подсудимых. В ответ на недоуменные вопросы, почему они не отказываются от вынужденных показаний на открытом суде, Троцкий объяснил это боязнью за свою жизнь и жизнь близких. «Но ведь большинство из них знает, что они все равно умрут», — возразил Мартин. Троцкий не согласился. «Существует огромная разница, — пояснил он, — между неизбежностью смерти и малейшей надеждой выжить». Жестом он показал журналисту этот самый «миллиметр надежды».

Немало времени Троцкого занимала подготовка к намечавшемуся контрпроцессу. Ему помогали вскоре приехавшие в Мехико давние верные помощники Жан Хейженоорт и Ян Франкель.^[1388]

Создается, однако, впечатление, что вначале все эти нелегкие дела выполнялись как бы механически, ибо в значительно большей степени его теперь интересовали отношения с очаровательной хозяйкой дома. В какой-то мере его внимание к Фриде было проникнуто восторгом перед женщиной, которая смогла преодолеть тягчайшие недуги.

В возрасте шести лет Фрида заболела полиомиелитом, многие месяцы провела в постели, испытывая невероятную боль. Каким-то чудом она преодолела болезнь, хотя правая нога была деформирована, и с детских лет она носила длинные платья.

В школьные годы Фрида вступила в кружок свободомыслящих студентов, интересовавшихся идеями Карла Маркса, проводила с ними много времени, испытала не только наслаждение творческого поиска, но и все радости и страхи легкого отношения к сексу. В 18 лет у нее появился постоянный любовник, член кружка Алехандро Ареас. Вместе с ним 17 декабря 1925 года Фрида села в автобус, поездка в котором оказалась для нее роковой. Автобус врезался в трамвай. Фрида получила тяжелейшее ранение: металлический прут пронзил ее тело насквозь, прошел сквозь бедро и вышел наружу через влагалище. В больнице обнаружили

множественные переломы правой ноги, несколько вывихов, повреждения позвоночника и таза.

Проведя более месяца в больнице, Фрида вернулась домой, но полностью вылечить ее не смогли, ряд лет она страдала от мучительных болей, а затем всю жизнь ее терзали новые приступы. Преодолевая боль с помощью лекарств и силой воли, Фрида Кало оказалась способной возвратиться к активной и плодотворной творческой жизни. Именно на больничной койке она начала рисовать, а затем почувствовала, что только работа над художественными сюжетами, подчас диковинными и фантастическими, возвращает ее к жизни. [\[1389\]](#)

Между тем в Мехико из длительной поездки в Европу вернулся Диего Ривера, с которым Фрида ранее была немного знакома, а теперь, вновь с ним встретившись, стала его возлюбленной. [\[1390\]](#)

Диего родился в 1886 году и воспитывался няней в индейских обычаях. Он рано проявил талант живописца, посещал курсы Художественной академии, получал в качестве наград возможность поездок в Европу на художественные выставки, вел свободный образ жизни, легко сходясь и расходясь с разными женщинами. К началу 1920-х годов Ривера стяжал себе имя выдающегося художника-кубиста, а затем автора многочисленных настенных росписей, связанных с древними мексиканскими сюжетами и современностью. Особо привлекала его тематика революционной истории. Через живопись Ривера пришел к коммунизму, вступив в 1922 году в компартию Мексики. [\[1391\]](#)

В 1927–1928 годах Ривера посетил СССР. Он присутствовал на праздновании 10-й годовщины Октября, наблюдал контрдемонстрацию объединенной оппозиции и решил запечатлеть увиденное в монументальной росписи, предложив сотрудничество хозяевам и представив проект картин для Дома Красной армии. Советские художественные руководители были шокированы тем, как восторженно представил мексиканец в своих работах лидера оппозиции. Проект не был принят, а самому Ривере разъяснили, что его присутствие в СССР нежелательно. В августе 1928 года Диего возвратился в Мексику. [\[1392\]](#)

В 1929 году Ривера и Кало поженились. Их брак был неровным и странным. Оба они имели любовников и любовниц, причем Диего какое-то время даже изменял супруге с ее младшей сестрой Кристиной. Фрида отвечала многочисленными похождениями, в которых фигурировали особы обоего пола. Почти постоянную боль она заглушала не только художественным творчеством и общественной деятельностью (как и Диего,

она сначала вступила в компартию, а потом порвала с ней), но и спиртными напитками.^[1393]

Когда в середине 1936 года между несколькими мексиканскими группами сторонников Троцкого было достигнуто согласие о создании единой организации и была воссоздана существовавшая ранее Лига коммунистов-интернационалистов, Диего Ривера вошел в состав ее Политического бюро.^[1394]

Первые два года пребывания Льва Давидовича в Мексике Ривера оставался его покровителем во всех делах, кроме тех, которые были прямо связаны с политикой. Человек буйного темперамента, со странностями, присущими подчас высокоталантливым людям (он, например, появлялся на людях, в том числе на президентских приемах, с попугаем на голове), Ривера был бунтарем в искусстве и переносил это настроение на политику, о которой мог судить только понаслышке. Он был эмоциональным, чувственным «троцкистом», ибо работ Троцкого не читал и в его идеях не разбирался. Троцкий был для Риверы героической фигурой, достойной художественного воплощения, и он действительно теперь многократно создавал его образ на своих фресках.

С первых дней Троцкий полюбил Койоакан — излюбленное художниками место. В письмах сыну в Париж Троцкий в обычно не свойственных ему тонах восхищался всем, с чем сталкивался, — климатом, фруктами, людьми.^[1395] Такое настроение стало фоном последней его любовной интриги.

Несмотря на занятость и Льва Давидовича, и Фриды (Троцкий готовился к контрпроцессу, Кало в это время создала несколько своих лучших полотен), они стали проводить какое-то время наедине.^[1396] Как-то получилось, что они одновременно устраивали перерывы в работе, чтобы подышать свежим воздухом, и встречались в патио. Постепенно перерывы все более затягивались, и результат был именно таков, какого можно было ожидать.^[1397]

Фрида вряд ли испытывала серьезные чувства к Льву (в разговорах с подругами и сестрой Кристиной она называла его «маленьким козлом»^[1398]), но увлеклась им как человеком знаменитым. Кроме того, она стремилась при помощи адюльтера с «учителем» своего мужа как-то унижить Диего, отомстить ему за многочисленные измены. Как юноша, Троцкий бегал за ней по патио (понятно, это был скорее шуточный бег, ибо быстро Фрида не могла передвигаться). Позволив себя поймать, она уводила его в собственную спальню с огромной ортопедической кроватью,

[\[1399\]](#) поначалу вроде бы для того, чтобы полюбоваться висевшими там ее произведениями. Когда свидания в «Голубом доме» оказывались невозможными, Фрида принимала Льва в соседнем доме своей сестры Кристины. [\[1400\]](#)

Любовные игры продолжались за обеденным столом, в присутствии Натальи. Их замечали секретари и охранники, что делало положение супруги Троцкого унизительным. Наталья страдала молча, понимая, что застольные беседы ее мужа и Фриды на непонятном ей английском языке выходят за пределы политики и бытовых тем. Во всяком случае, слово «love», которое нередко звучало, Наталья Ивановна понять могла. [\[1401\]](#)

В конце июня или в первых числах июля 1937 года напряжение во взаимоотношениях Льва Давидовича и Натальи Ивановны настолько возросло, что между ними произошло объяснение. Они решили временно расстаться, чтобы обдумать создавшееся положение и принять решение на будущее. Лев Давидович уехал на гасиенду правительственного чиновника Ландеро, друга Риверы, примерно в 150 километрах от Мехико. Наталья Ивановна осталась в Койоакане. Находясь три недели вдали от возлюбленной (Фрида приезжала один раз с большой компанией, и они даже не поговорили наедине), Троцкий попытался взвесить сложившееся положение. Сознавая, что дальнейшая связь с Кало осложнит политическую деятельность, остававшуюся главным смыслом его жизни, будет крайне отвлекать его внимание, время и силы, сможет скомпрометировать его как «большевика-ленинца», он решил положить конец адюльтеру.

Из сельского уединения Лев Давидович начал ежедневно писать письма жене, заполняя их нежными выражениями, воспоминаниями прошлого, красноречивыми описаниями своих чувств и даже сексуальными обещаниями с использованием ненормативной лексики. [\[1402\]](#) В письме от 19 июля 1937 года Лев фактически просил прощения у жены, которая тяжело переживала происходившее.

Перед этим Наталья с горечью напоминала ему, что «все люди ужасно одиноки по существу», что его «рецидив (то есть новое увлечение дамой. — Г. Ч.) обескуражил. О, если бы можно было изжить его, как изживается рецидив физической болезни. Как я сегодня ночью, просыпаясь, чувствовала твоё сдержанное волнение, твои сомнения, твоё мученичество и боязнь мучительства, борьбу с самим собой и необходимость для спасения нашей жизни продолжать и то, и другое». Из другого письма видно прямо депрессивное состояние: «Не хочется видеть людей, жизнь

кругом, суету... Не хочется есть... Мне хочется упасть на пол и не вставать больше». [\[1403\]](#)

Лев Давидович, в свою очередь, писал, что он «отошел от того эпизода, который занимал нас все последнее время». «Хочется вырваться из одиночества, слиться с тобой до конца, растворить всю тебя в себе, вместе с самыми затаенными твоими мыслями и чувствами», — писал красноречивый супруг, чувствуя вину за боль, которую доставил женщине, делившей с ним тяготы многолетней эмиграции, напряженной работы, потери близких. «Она для меня — никто. Ты для меня — все. Не надо, Ната, не надо, умоляю тебя», — говорилось в другом письме. [\[1404\]](#)

Троцкий буквально превзошел самого себя в письме от 19 июля, в котором просто щеголял, как он выразился в следующем послании, своим «юнкерством». [\[1405\]](#) Рискну это письмо процитировать: «Как только приехал сюда, ни разу не вставал мой бедный х... Как будто нет его. Он тоже отдыхает от напряжения тех дней. Но сам я весь, помимо него, — с нежностью думаю о старой, милой п... Хочется пососать ее, всунуть язык в нее, в самую глубину. Наталочка, милая, буду еще крепко-крепко е... тебя и языком, их... Простите, Наталочка, эти строчки, — кажется первый раз в жизни так пишу Вам». [\[1406\]](#) Представляется, что это интимное страстное письмо стало началом примирения. Наталья ответила на него: «А кончается это письмо, действительно, так, как никогда не изволили писать, мой родной, старый возлюбленный». Это были явные слова прощения.

Ко времени возвращения Троцкого из «отпуска» в конце июля непостоянная Фрида также полностью охладела к своему пожилому любовнику. Вряд ли в ином случае она воздержалась бы от интимных встреч с ним на лоне природы. В июле 1937 года Фрида писала своей подруге Элле Волф (жене американского публициста и одно время сторонника Троцкого): «Я очень устала от старика». [\[1407\]](#)

Возвратившись в Койоакан, Троцкий объяснился с Фридой. Любовные отношения были прерваны. По просьбе Льва Фрида возвратила ему его письма. Лев мотивировал свое требование тем, что письма могут оказаться в руках «ГПУ», о чем вскоре Фрида рассказала Жану Хейженоорту, с которым поддерживала дружеские отношения. Хорошо информированный многолетний секретарь Троцкого Хейженоорт писал: «Оба они (Троцкий и Кало. — **Г. Ч.**) решили отойти друг от друга. Фрида чувствовала, что она привязана к Диего, а Троцкий испытывал те же чувства по отношению к Наталье. В то же время последствия скандала могли быть очень серьезными и зайти слишком далеко». [\[1408\]](#) К словам Хейженоорта можно

добавить, что сам он стал любовником Фриды через непродолжительное время после ее разрыва с Троцким.^[1409]

Прекратив интимную связь, бывшие любовники сохранили формальные дружеские отношения. В честь 7 ноября 1937 года Фрида подарила Льву автопортрет (известный под названием «Между портьерами») с надписью «Льву Троцкому с глубокой любовью я посвящаю эту работу». Увы, Лев Давидович к этому времени настолько охладел к Фриде и настолько безразличным было ему и это произведение, и ее искусство, что при переселении из «Голубого дома» он даже не взял его с собой. Позже портрет оказался в одном из музеев Вашингтона.^[1410]

Последний раз Троцкий встретился с Фридой Кало в начале января 1939 года перед ее отплытием во Францию с гуманитарной миссией по оказанию помощи беженцам из Испании, где победой генерала Франко завершалась гражданская война.^[1411]

Вскоре после Фриды у Троцкого было еще одно недолгое любовное приключение, о котором вскользь упоминает Ж. Хейженоорт, — даже имени секретарь Троцкого не назвал, сказав лишь, что это была также молодая женщина, но адюльтер носил «другой характер».^[1412] Видимо, на этот раз речь шла о мимолетном чисто физическом увлечении.

Тем временем, едва высадившись на французский берег, Фрида Кало получила известие, что между ее мужем и Троцким произошел разрыв. Это ее не очень удивило, поскольку еще в предыдущие месяцы между художником и политиком наметилось охлаждение, связанное не с бывшими амурными делами, а с соображениями политического престижа. Дело в том, что Троцкий, взявший на себя обязательство перед президентом Карденасом не вмешиваться во внутренние дела Мексики, в 1937–1938 годах публиковал некоторые статьи с оценкой мексиканских событий за подписью Д. Риверы. Троцкий даже написал текст приветствия, которое Ривера от своего имени направил учредительной конференции IV Интернационала.^[1413]

Своего рода подготовкой к этому документу были дискуссии Троцкого, Риверы и приехавшего в апреле 1938 года в Мексику видного французского писателя-сюрреалиста Андре Бретона, который недолгое время поддерживал Троцкого. Собеседники решили написать совместный манифест о задачах революционного искусства. Договорились, что черновик напишет Бретон, но вскоре выяснилось, что талантливый прозаик и поэт в публицистике был не силен. Сначала Троцкий испестрил его текст исправлениями, а затем отбросил его и написал новый документ.^[1414] Текст

был назван «За свободное революционное искусство!». ^[1415] В нем содержался призыв к созданию независимой федерации революционных деятелей искусства. Обращают на себя внимание некоторые пассажи, которые звучали неординарно для Троцкого. Он провозглашал: «Если для развития материальных производительных сил революция вынуждена учредить *социалистический* режим централизованного плана, то для умственного творчества она должна с самого начала установить и обеспечить *анархический* режим индивидуальной свободы». Были ли эти и подобные высказывания выражением искреннего поворота Троцкого к свободе взглядов в области художественной культуры или же являлись тактическим ходом, продиктованным общением с выдающимися творцами? Весь строй мышления Троцкого свидетельствует в пользу второго предположения. Манифест был опубликован за подписями Бретона и Риверы (имя Троцкого не упоминалось) во многих печатных органах. ^[1416]

Постепенно ничего не смысливший в политике Диего начал считать себя экспертом в этой области и, возможно, даже поверил в собственное авторство текстов, которые были написаны действительно опытным политиком. Во всяком случае, Фрида явно уверовала в публицистические способности своего супруга. В одном из ее писем 1938 года говорилось: «Он (Диего. — Г. Ч.) пишет статьи для газет, которые вызывают большой шум, он защищает Четвертый Интернационал изо всех сил и он в восторге, потому что здесь Троцкий». ^[1417]

В результате всего этого Ривера стал делать скандальные заявления, которые под крупными заголовками появлялись в мексиканской печати, компрометируя и самого автора заявлений, и Троцкого, давая пищу для злобной кампании престоалинской мексиканской компартии. Особенно неприемлемым для Троцкого было изменение позиции Риверы в отношении Карденаса, которого Диего стал резко критиковать, обещая поддержать на следующих выборах другого кандидата. Требования Троцкого прекратить эти выступления успеха не имели. Диего стал чувствовать себя политическим вождем.

В начале ноября 1938 года он преподнес Троцкому свое очередное произведение, заявив, что оно лучше отражает действительность, нежели все творения Льва. Это был вырезанный из куска сахара череп, на котором значилась надпись «Сталин». Троцкий счел эту работу безвкусицей, потребовал, чтобы художник забрал назад подарок. Взаимное раздражение усиливалось. После одного из требований Троцкого прекратить безответственные выступления Диего устроил истерику, и между друзьями

произошел разрыв.

Чувство ревности к разрыву никакого отношения не имело: Ривера, похоже, хладнокровно отнесся к недолгой любовной связи своей супруги с Троцким, которая прервалась почти за полтора года до этого, а дружеские отношения обоих деятелей тем не менее продолжались. К чести обоих — и Троцкого, и Риверы, — ни один из них после разрыва отношений не упрекнул другого публично ни единым словом.^[1418] Весьма корректно вела себя и Наталья Ивановна, которая внешне сохранила дружелюбное отношение к Фриде Кало, да и в воспоминаниях упоминала о ней вполне позитивно.^[1419]

В сложившихся условиях Троцкий с супругой, секретарями и охранниками в конце апреля или начале мая 1939 года покинул «Голубой дом» и переехал в находившееся неподалеку, на авенида Виена, мрачноватое здание, где провел отпущенный ему судьбой последний год с четвертью жизни.^[1420]

Создание IV Интернационала

Состоявшийся в 1935 году VII конгресс Коминтерна взял курс на создание антифашистского народного фронта. Предусматривалось, что в него будут входить не только коммунистические, социал-демократические партии и другие рабочие организации, но и «буржуазные» партии, выступающие против «фашизма». Еще до конгресса народный фронт образовался во Франции, а затем это движение возникло в ряде других стран.

Новые проблемы привлекали напряженное внимание Троцкого, все Движение за IV Интернационал. В многочисленных статьях «Бюллетеня оппозиции» Троцкий выступал против курса Народного фронта. Он писал, что Народный фронт — краткий эпизод, и будет хорошо, если под своими обломками он не похоронит остатки демократии.^[1421]

Все большее внимание перманентный революционер сосредоточивал на испанских делах.

В феврале 1936 года Народный фронт победил на выборах в кортесы (парламент) Испании. В объединение входили разнородные силы — центристские республиканцы, умеренные социалисты (они преобладали), верные Москве коммунисты, Рабочая партия марксистского объединения (ПОУМ), возникшая на базе нескольких мелких групп, считавших себя

ранее сторонниками Троцкого и призывавших к немедленному установлению «диктатуры пролетариата». Правда, ПОУМ после выборов от участия в Народном фронте отказалась.

Преобладавшие же умеренные силы стремились к демократическим преобразованиям по западному образцу. Эти цели не устраивали крайних консерваторов, которые летом 1936 года подняли военный мятеж против Народного фронта во главе с генералом Франсиско Франко. Последнего поддержали фашистская Италия и нацистская Германия, послав ему военную помощь. Во многих странах развернулась кампания поддержки законного правительства Испании, включая посылку добровольцев. Началась гражданская война между Испанской республикой, возглавляемой правительством Народного фронта, и так называемой национальной зоной, где власть сосредоточилась в руках Франко. Испания превратилась в плацдарм, на котором столкнулись международные интересы, в том числе Сталина и Троцкого.

Сложившейся ситуацией пытался воспользоваться Сталин, который поддержал Испанскую республику в борьбе против мятежников и интервентов. В страну прибыли советские летчики и танкисты, несколько старших офицеров с консультативными функциями, вскоре были созданы «мобильные группы» для спецзаданий.

Испания оказалась полем разведывательных операций, вербовки и перевербовки агентов и диверсантов.

Троцкий анализировал события в Испании в многочисленных статьях, высказывая мнение, что цепь капитализма грозит разорваться на слабейшем, испанском звене. В этом смысле он рассчитывал на Андреса Нина как на своего надежного представителя на Пиренейском полуострове, но этой проверки своенравный каталонец не выдержал, быстро выйдя из-под влияния Троцкого. Возвратившись из СССР в Испанию и приехав в родную Каталонию, Нин связался с Каталонской коммунистической федерацией во главе с Хоакином Маурином, считая эту организацию базой будущей подлинной компартии и в Каталонии, и в целом в Испании. [\[1422\]](#)

Троцкий подверг Нина критике. Он считал, что группа Маурина ненадежна, занимается в основном риторикой. Уже в феврале 1932 года Троцкий писал в Испанию, что «между испанскими товарищами и большинством Интернациональной левой оппозиции накапливаются недоразумения», причем особенно резко упрекал Нина и других испанцев в том, что они продолжают поддерживать связь с П. Миллем, которого Троцкий резко критиковал. Нин не внял предупреждению, и критические высказывания, а затем и обвинения стали нагнетаться.

Во время политических волнений и крупного забастовочного движения в Каталонии и Астурии в 1934 году Нин и другие последователи Троцкого, которые, несмотря на разногласия, оставались в целом еще верными своему учителю, играли видную роль в организации уличных волнений и вооруженных боев в Астурии в октябре этого года. Считая, что они следуют указаниям Троцкого о «французском повороте», Нин и его товарищи в сентябре 1935 года сформировали вместе с несколькими мелкими группами Рабочую партию марксистского объединения (ПОУМ).

С подачи Троцкого Интернациональный секретариат, а затем сам Троцкий подвергли образование ПОУМ резкой критике. Нина упрекали, что он согласился на объединение без формирования собственной фракции, без собственного флага и идей.^[1423] В январе 1936 года Троцкий написал статью «Измена Испанской рабочей партии марксистского единства», опубликованную в газетах национальных организаций Движения за IV Интернационал.

Хотя ПОУМ подвергалась ожесточенным атакам со стороны просталинской компартии Испании, нападки на нее со стороны Троцкого все более усиливались. При этом раздражение по отношению к непокорному бывшему стороннику и его партии было настолько резким, что Троцкий использовал даже «буржуазные» печатные издания. 19 февраля 1937 года он дал интервью корреспонденту французского агентства Гавас, в котором обрушился на «блокистскую тактику» этой партии (интервью было опубликовано во многих газетах).^[1424]

Только после того как Андрес Нин, которого он до этого обзывал «испанским Мартовым», в результате спровоцированных властями уличных столкновений в Барселоне в мае 1937 года был арестован, а затем похищен из тюрьмы сталинистской «мобильной группой» и убит, у Троцкого нашлись более теплые слова об этом деятеле и ПОУМ в целом. Лев Давидович согласился, что члены ПОУМ героически сражались на фронтах революции. Прямую ответственность за убийство Нина он возлагал на своего бывшего сторонника В. А. Антонова-Овсеенко, который в качестве советского генерального консула в Барселоне послушно исполнял сталинские приказы.^[1425]

Испанская гражданская война являлась в представлении Троцкого той точкой опоры, при помощи которой можно было развернуть общеевропейскую революцию. Троцкий собирался отправиться в Испанию, чтобы непосредственно ее возглавить. Испанские деятели из его сторонников обратились с ходатайством о разрешении Троцкому прибыть в

Каталонию. Региональное правительство, однако, просьбу единодушно отвергло. Сделано это было, в частности, после того, как Антонов-Овсеенко пригрозил премьеру Каталонии Луису Компанией что в случае принятия Троцкого СССР прекратит оказание помощи Испании.^[1426]

Резкое усиление националистических настроений в сталинской политике, курс Народного фронта, испанская гражданская война, в которой преимущество во все большей степени оказывалось на стороне мятежников и интервентов, постепенное охлаждение советского руководства к делам испанских республиканцев, усиление агрессивного курса Германии и развертывание агрессии Японии на Дальнем Востоке — все эти проблемы рассматривались Троцким сквозь призму необходимости превратить Движение за IV Интернационал в Интернационал в полном смысле слова.

Он деятельно включился в подготовку его учредительного конгресса, хотя такой страсти в организационных делах, какая была ему свойственна ранее, у него уже не было. Тем более он отлично сознавал, что принять участие в учредительном съезде, который намечалось провести в Европе, он не сможет, ибо его туда просто не пустят.

Основное внимание было сосредоточено на программном документе, который автор назвал «Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала. (Мобилизация масс вокруг переходных требований как подготовка к завоеванию власти)»,^[1427] но получил впоследствии условное наименование «Переходная программа». Написана она была в апреле 1938 года.^[1428] Ее считают своим основополагающим документом все организации сторонников Троцкого вплоть до настоящего времени, хотя между ними самими подчас существует непреодолимая вражда.

«Переходная программа» являлась итоговым документом, суммировавшим взгляды Троцкого на главные проблемы мирового развития и служившим откликом на грандиозные события, происходившие у него на глазах.

Исходным положением было утверждение о неизбежности мировой революции и о том, что во главе нее будет стоять новый Интернационал. Революция, по словам Троцкого, «перезрела», и в том случае, если не произойдет в исторически обозримый период (какова будет его продолжительность, осторожно не определялось), это будет означать катастрофу для всего человечества. «Революционная эпоха» включала «предреволюционный период», на протяжении которого необходимо было преодолеть противоречие между созревшими объективными условиями и незрелостью пролетариата и его авангарда. Надо было «соорудить мост»

между текущими требованиями и социалистической программой.

Этот «мост» не должен был представлять собой минимальную программу, подобную тем, которые выдвигала социал-демократия, отказываясь от выполнения «максимальной» программы взятия власти рабочим классом. «Переходные требования» должны были включать положения, которые «были бы направлены против самих основ буржуазного режима», то есть непосредственно вести к революции. Иначе говоря, Троцкий строил свою «переходную программу» именно на базе концепции перманентной революции.

Следовавшие затем конкретные «переходные требования» излагались именно так, чтобы они воспринимались в качестве этого самого «моста» к революции. Так, требование полной занятости и достойных жизненных условий для всех трудящихся трактовалось таким образом, что, независимо от результатов борьбы за сокращение рабочего дня и повышение зарплаты, за ликвидацию безработицы и пр., в ходе этих кампаний рабочие должны были осознать необходимость «ликвидации капиталистического рабства».

Особая часть программы посвящалась тому, почему следует защищать СССР. Он определялся как «дегенерировавшее рабочее государство». Прогноз его будущего носил двойственный характер: либо бюрократия сможет ликвидировать коллективные формы собственности и вернуть страну к капитализму, либо рабочий класс окажется в состоянии сокрушить бюрократию и вновь повернуть страну на социалистический путь.

Из этих оценок проистекала задача «политической революции», которая должна была начаться во имя восстановления социального равенства и «советской демократии», за ликвидацию власти бюрократии и новой советской аристократии.

Учредительная конференция состоялась в пригороде Парижа 3 сентября 1938 года, хотя по соображениям безопасности было объявлено, что проводилась она в Швейцарии.^[1429] Свой дом для проведения конференции предоставили супруги Росмеры. Политически давно отошедшие от Троцкого, они поступили так из личных чувств уважения и симпатии, следуя сохранившимся дружеским отношениям.

Сведения об организациях, представленных на конференции, фигурировавшие во вступительном докладе П. Навилля, а затем в газетных публикациях, были преувеличенными. Сообщалось, например, что в конференции участвовали 30 человек из 12 стран, представлявшие 32 организации.^[1430] Однако при персональном учете оказалось, что мандатами располагали 4 человека из США, 4 — из Франции и по одному

из Греции, Бельгии, Великобритании и Бразилии, то есть всего 12 человек. [\[1431\]](#)

Во время конференции в доме Росмеров присутствовала дама по имени Сильвия Агелофф — американка русского происхождения, сестра другой американки, Рут Агелофф, исполнявшей некоторое время обязанности секретаря Троцкого в Мехико (иногда Сильвия помогала сестре). Сильвия приехала в Париж на деньги своей подруги Руби Вейл, которая была связана с советской резидентурой в Нью-Йорке, причем Сильвия не подозревала об этом. Сильвия заявляла, что послана Троцким как переводчик, но в этом качестве ничего на конференции не делала. Зато ее, старую деву непривлекательной внешности, Руби Вейл познакомила здесь с интересным молодым человеком, который представился богатым бизнесменом и сделал вид, что влюбился в нее. Этим человеком был Рамон Меркадер, который при помощи Сильвии проникнет в дом на авенида Виена в Мехико и менее чем через два года станет убийцей Троцкого. [\[1432\]](#) Именно кулуары учредительной конференции IV Интернационала стали одним из отправных моментов в подготовке его убийства.

Конференция провозгласила создание IV Интернационала (Мировой партии социалистической революции) и утвердила его устав. Решено было, что в каждой стране будет существовать только одна национальная организация (секция), а Интернационал будет строиться на основе принципа «демократического централизма», причем, в соответствии с большевистской традицией, акцент делался именно на централизме, а не на демократическом характере организации.

Ряд резолюций, принятых конференцией, представляли собой конкретизацию «Переходной программы», которая была единогласно одобрена.

Был избран Исполнительный комитет в составе пятнадцати членов, то есть примерно столько, сколько участвовало в конференции официальных делегатов. Имя одного из членов Исполкома открыто названо не было. Им был Л. Д. Троцкий, избранный, по его просьбе, в качестве «секретного члена», исходя из условий пребывания лидера всего движения в Мексике. [\[1433\]](#)

Так, после почти пятилетних усилий, было наконец создано оформленное международное объединение сторонников Троцкого, разделявшее его стратегические установки, из которых главными были курс на мировую перманентную революцию, защита СССР как «дегенерировавшего рабочего государства», призыв к политической революции в СССР.

Глава 8

СУД НАД СОВЕТСКИМ ТЕРРОРОМ И ТЕРРОР ПРОТИВ ОТСТУПНИКОВ

Контрпроцесс в Койоакане

Как раз в то время, когда Троцкий с женой только прибыли в Мексику, в Москве состоялся второй «открытый» судебный процесс над семнадцатью обвиняемыми (23–30 января 1937 года). На скамье подсудимых находились в свое время близкие к Троцкому деятели К. Б. Радек, Г. Л. Пятаков, Г. Я. Сокольников, Л. П. Серебряков, Н. И. Муралов и др. В порядке «амальгамы» к ним пристегнули неизвестных лиц. Обвиняемым было приписаны создание «параллельного антисоветского троцкистского центра», организация шпионажа, диверсий, подготовка убийств высших советских деятелей — полный набор обычных для «большого террора» измышлений. Все эти «преступления» они выполняли, судя по обвинительному заключению, по указаниям Троцкого, который, в свою очередь, давал их по согласованию с тайными службами «фашистской» Германии.

Все обвиняемые признались в преступлениях, причем особенно энергично с прокурором А. Я. Вышинским и судьей В. В. Ульрихом сотрудничали Пятаков и Радек. Радек подчас даже опережал прокурора в очернении себя самого. Обвиняемые называли фамилии и многих других бывших деятелей оппозиции в качестве связанных с ними «изменников родины». В числе прочих было произнесено имя ближайшего в прошлом соратника и друга Троцкого Х. Г. Раковского.^[1434] Было ясно, что последуют новые кровавые спектакли.

Уже первый судебный процесс над Каменевым, Зиновьевым и другими деятелями убедил Троцкого в необходимости развертывания масштабной кампании разоблачения сталинского террора. Она была тем более необходимой, что некоторые популярные западные интеллектуалы выражали уверенность, что судебные процессы в Москве эффективно способствовали ликвидации «пятой колонны» и укреплению безопасности СССР в связи с угрозой агрессии со стороны гитлеровской Германии. Из всех уважаемых европейских симпатизантов писатель Лион Фейхтвангер высказал самые одиозные суждения по поводу того, что происходило в СССР в 1937 году. Он посетил судебный фарс в январе 1937 года и выразил

убеждение в правдивости показаний обвиняемых. Вскоре в книге под названием «Москва, 1937» он рассуждал, как прост в обхождении и демократичен советский лидер, какие муки доставляет ему восхваление его личности народом. [\[1435\]](#)

Едва прибыв в Мексику, Троцкий вплотную занялся разоблачением судебных фальшивок, их причин и вероятных последствий. 20 января он написал статью «Семнадцать новых жертв ГПУ», которая под различными заголовками была опубликована в нескольких странах. [\[1436\]](#) Статья предшествовала процессу, была написана под впечатлением только что появившегося советского сообщения о раскрытии «нового заговора». Будущие подсудимые характеризовались как старые революционеры, являвшиеся одно время единомышленниками Троцкого, которые позже отrekliсь от оппозиции. За этим последовала череда статей, заявлений, писем, обращений, в которых разоблачался «большой террор». 30 января Троцкий записал на пленку речь для американского киножурнала, в которой приводились факты лжи и фальшивок на московских процессах.

Особое значение он придавал выступлению на массовом митинге в Нью-Йорке, созванном Американским комитетом защиты Троцкого. На митинге, состоявшемся 9 февраля на нью-йоркском ипподроме, присутствовало около шести с половиной тысяч человек — цифра весьма значительная для такого рода инициативы. Речь Троцкого вызвала бурю эмоций. [\[1437\]](#) Объяснив истинный смысл того, что происходит в Москве, Троцкий особое внимание уделил своему предложению о создании открытой и беспристрастной следственной комиссии. «Я заявляю: если эта комиссия признает, что я виновен хотя бы в небольшой части тех преступлений, которые взваливает на меня Сталин, я *заранее обязуюсь добровольно отдаться в руки палачей из ГПУ.* Надеюсь, это ясно. Я делаю это заявление перед лицом всего мира. Прошу печать разнести мои слова до самых глухих уголков нашей планеты. Но если комиссия установит, что московские процессы — сознательный и преднамеренный подлог, построенный из человеческих нервов и костей, я не потребую от своих обвинителей, чтоб они добровольно становились под пулю. Нет, достаточно будет для них вечного позора в памяти человеческих поколений! Слышат ли меня обвинители в Кремле? Я им бросаю свой вызов в лицо. И я жду от них ответа!»

Обвинители в Кремле, безусловно, читали эту страстную речь, но готовились они не к ответу по существу, а к ответу кровавому — к физической расправе с Троцким, Львом Седовым и другими

разоблачителями тоталитарного режима.

В то время как Американский комитет защиты Троцкого готовил контрпроцесс, сам главный обвиняемый, ставший обвинителем, публиковал новые материалы, разоблачавшие сталинскую клевету. Сдвоенный мартовский номер «Бюллетеня оппозиции» за 1937 год был почти полностью посвящен московским фарсам.

В этих материалах особое внимание обращалось на очевидные ляпсусы в обвинениях на январском процессе. Наиболее показательными были два скандальных момента. Связь Радека с Троцким обосновывалась на процессе тем, что парижский корреспондент газеты «Известия» В. Ромм, представлявший Радека, встречался с Троцким в Булонском лесу в конце июля 1933 года. По этому поводу в «Бюллетене оппозиции» не только ставились вопросы, которые могли бы «конкретизировать» обвинение, например, прибыл ли Троцкий пешком или на автомобиле, появился один или в сопровождении, как выглядели сопровождавшие лица, если таковые были, почему было избрано такое неудобное место для свидания. Но главное, на основании документов и свидетельств было показано, что с Роммом Троцкий никак не мог встретиться, так как находился в 500 километрах от столицы — в Ройане, где в день прибытия его видели многочисленные полицейские чиновники.

Второй эпизод, связанный с Пятаковым, был бы еще более пикантным, если бы за ним, как и за первым, не прослеживались потоки крови. Троцкий придал разоблачению этой истории особое значение. Речь шла о показаниях Пятакова, будто он летал на свидание к Троцкому в Норвегию из Берлина, где находился в командировке по линии Наркомата тяжелой промышленности (он был заместителем наркома), в декабре 1935 года.

Тот факт, что Пятаков действительно пребывал в Берлине в это время, подтверждался источниками.^[1438] Но вот полет в Норвегию опровергался многочисленными документами. И дело не только в том, что в показаниях была масса нестыковок: путь от аэропорта до Вексаля, где проживал Троцкий, занимал два часа, тогда как Пятаков говорил, что он ехал на свидание 30 минут. Где же происходило свидание? Вылететь в тот же день назад Пятаков не мог. Где он ночевал? Главное, однако, состояло в том, что, согласно справке аэропорта Хеллер, — единственного места в Норвегии, где мог совершить посадку самолет из Германии, там в промежутке между сентябрем 1935-го и маем 1936 года ни один иностранный аэроплан не появлялся.^[1439]

Троцкий полагал, не имея к тому оснований, что фальшивые

обвинения, особенно те, лживость которых элементарно доказывалась, смогут привести к ликвидации сталинского господства. Он говорил об этом Хейженоорту сразу после январского судебного процесса именно в связи с показаниями Пятакова: «Подобно ворону, который может обрушить лавину, история с самолетом Пятакова может стать началом падения Сталина». И через два дня — тот же мотив: «Это будет дорого стоить Сталину».^[1440]

Можно ли оценить эти и подобные им высказывания иначе, нежели как своего рода маниловщину? Вряд ли. Что могло вызвать падение Сталина? Вмешательство извне? Но оно было нереальным, особенно в условиях, когда руководители западных держав играли с советским диктатором в политику коллективной безопасности. Внутренний взрыв? Но к 1937 году недовольство населения было уже запятано так глубоко, что необходимы были десятилетия, чтобы пробудить хотя бы минимальную социальную активность. Подобно утопавшему, хватавшемуся за соломинку, Троцкий уходил все дальше в дебри утопии о возможности свержения советского диктатора.

К концу марта 1937 года в сотрудничестве с европейскими комитетами Американский комитет сформировал комиссию по расследованию обвинений, предъявленных Льву Троцкому на московских процессах. Председателем комиссии стал Джон Дьюи, почтенный ученый всемирной известности.

Выдающийся американец, приближавшийся к 80-летию, согласившись стать во главе такого утомительного и опасного предприятия, каковым была комиссия по расследованию советского «большого террора», проявил незаурядное мужество.

Профессор Дьюи, в свое время окончивший университет им. Джонса Гопкинса в Балтиморе, затем преподавал в ряде американских университетов, а с 1904 года в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Он получил заслуженную популярность своей философско-педагогической теорией прагматизма, разработкой прогрессивных методов обучения, был автором многих монографий. Сухощавый и подтянутый, известный повсеместно как человек неподкупный и мудрый, Дьюи был идеальной фигурой для руководства контрпроцессом.

Известными людьми являлись и остальные участники комиссии. Среди них были Бенджамин Столберг — специалист по социальным и трудовым проблемам, художественный критик Сьюзен Лафоллет, социологи Карлтон Билс и Эдвард Росс, литературный критик Джон Чемберлен и, наконец, пятеро иностранцев — француз Альфред Росмер, бывший член Исполкома Коминтерна, а затем некоторое время сторонник

Троцкого, итальянский анархист Карло Треска, бывший германский коммунист и депутат рейхстага Венделин Томас, биограф К. Маркса Отто Руле, мексиканский журналист Франсиско Замора. Подавляющее большинство участников комиссии являлись либералами, и все ее члены стояли на иных, нежели Троцкий, социально-политических позициях.

Ряд общественных деятелей отказался войти в следственную комиссию, чтобы не создавать себе лишних неприятностей, тем более что, как только было объявлено о создании комиссии, на нее посыпались нападки не только советской агентуры в лице компартий, но и со стороны симпатизантов большевизма по обе стороны океана.

Вначале Дьюи пытались подкупить: он был приглашен посетить СССР, а это означало возможность издания в Москве его трудов с получением огромных гонораров.^[1441] Когда ученый отказался от приглашения и от следования «совету» не участвовать в «реабилитации врага народа», милости сменились гневом. Посыпались обвинения в получении взятки и даже в том, что он стал глубоким старцем, потерявшим остатки разума. Особенно изощрялись писатель Теодор Драйзер и драматург Лиллиан Хелман, проявившие себя закоренелыми сталинистами.

Иначе повели себя некоторые другие деятели. Когда американскому историку Чарлзу Бёрду предложили войти в комиссию, он отказался от этой чести потому, что фиктивность обвинений была для него совершенно ясна. Бёрд полагал, что Троцкий не обязан доказывать свою невиновность. «Это — обязанность обвинителей, — писал он в Американский комитет защиты Троцкого, — предъявить нечто большее, чем признания (обвиняемых. — Г. Ч.), а именно: подкрепляющие их доказательства специфических и явных акций».^[1442]

Еще более красноречивым оказался Дж. Бернارد Шоу, который, отказываясь присоединиться к следственной комиссии, обосновал это так: «Я надеюсь, что Троцкий не позволит заставить себя предстать перед судом, более ограниченным, нежели его читающая публика, где он сам творит суд над своими обвинителями. Эта его позиция дает ему все преимущества; если ему удобно в Мексике (довольно приятное место), я ничего не буду предпринимать, чтобы изменить это положение. Его перо — это великолепное оружие».^[1443] Выдающийся писатель, таким образом, отмахнулся от предложения, в то же время признав публицистический талант и остроту пера Троцкого, что в его устах стоило многого.

Заседания следственной комиссии проходили в «Голубом доме» в Койоакане 10–17 апреля 1937 года. Сюда приехала подкомиссия в составе

пяти человек во главе с Джоном Дьюи. Знаменитый адвокат Джон Финерти был правовым советником комиссии, юрист Алберт Голдман из Чикаго — адвокатом Троцкого. Единственным свидетелем, кроме самого Троцкого, был его секретарь Ян Франкель. Алберт Глотцер играл роль судебного репортера.

Окна большой комнаты, где собрались участники подкомиссии и другие присутствовавшие, были заложены кирпичом для защиты от возможной атаки членов просталинской компартии или других хулиганов. С их стороны не исключено было применение огнестрельного оружия — членов шаек, которых можно было нанять, называли *пистолерос*.^[1444]

Заседания подкомиссии проходили по правилам американской судебной процедуры. Методично и терпеливо, чтобы никто не мог придаться к формальной стороне дела и тем более к расследованию по существу, Дьюи, члены подкомиссии и юристы вели допросы.

А. Глотцер вспоминал: «Троцкий, одетый в скромный костюм, с галстуком на рубашке — его обычное аккуратное и формальное одеяние — был вдохновлен предоставленной возможностью. Это собрание стало кульминацией его долгой борьбы».^[1445] Троцкий давал показания на английском языке. Он прилично им овладел, но необходимость постоянно следить за точностью высказываний во время официальных слушаний, продолжавшихся ежедневно по 7–8 часов, изнуряла до предела.

Подкомиссия провела 13 заседаний. Первые три были посвящены революционной деятельности Троцкого, переходу в оппозицию, политическим взглядам. На четвертом заседании начались слушания, связанные с московскими процессами. Троцкий представил доказательства тех ляпсусов, которые допустили ленивые московские следователи (история с несуществовавшим отелем «Бристоль», фиктивная встреча с Роммом в лесу под Парижем, невозможность полета Пятакова в Норвегию и т. п.).

На всех заседаниях в той или иной связи речь шла о Сталине, его месте в советском режиме, его социальной опоре. Троцкий стремился убедить Дьюи и его помощников, что в СССР правит привилегированная каста бюрократов. На одном из заседаний, когда впервые была применена эта формула, Дьюи ее не вполне понял. Попросив определить, что собой представляет диктатура пролетариата и кто правит страной в настоящее время, Дьюи затем переспросил Троцкого: «Можно мне задать вопрос? Из того, что вы сказали, я понял, что вы придерживаетесь мнения о том, что эти привилегии достигли той точки, при которой они означают

существование классовых различий в Советском Союзе». Троцкий ответил: «Трудно дать строгую формулу для данного этапа развития, потому что впервые в истории мы имеем такую социальную структуру. Нам необходимо развить свою собственную терминологию... Но я склонен полагать, что это — не действительное социальное деление». Дьюи возразил: «Но это настоящий класс. Вот почему я задал этот вопрос». И вновь Троцкий ответил: «Я говорю каста». Не желая продолжать теоретический спор, Дьюи попросил прощения.^[1446]

Последнее заседание, продолжавшееся почти пять часов, полностью было посвящено заслушиванию заявления Троцкого с итоговым анализом московских процессов. «Когда он закончил, аудитория, исключительно разнообразная, разразилась аплодисментами, которые были, по моему убеждению, совершенно стихийными. Этот момент я никогда не забуду», — пишет А. Глотцер в воспоминаниях, хотя к тому времени, когда они создавались, стал политическим противником Троцкого.

В целом подкомиссия собрала огромный фактический материал.

По завершении слушаний состоялась прощальная встреча на «нейтральной территории» — в доме тещи одного из журналистов, которая жила неподалеку от «Голубого дома». Во время ужина Дьюи и Троцкий, отойдя в сторону, обменивались мнениями. Вдруг окружавшие их люди расхохотались. Глотцер спросил у Франкеля, что там произошло. Как оказалось, Дьюи сказал Троцкому: «Если бы все коммунисты были похожи на вас, я стал бы коммунистом». Троцкий ответил: «Если бы все либералы были похожи на вас, я стал бы либералом».^[1447]

Полгода понадобилось подкомиссии, а затем комиссии по расследованию обвинений, чтобы прийти к единодушным выводам и сформулировать их в кратком заявлении, а затем и в подробном заключении. 21 сентября 1938 года комиссия опубликовала декларацию, в которой, в частности, говорилось: «На основе всех [имеющихся] доказательств мы находим, что Троцкий никогда не рекомендовал, не вступал в заговор и не пытался реставрировать капитализм в СССР. Наоборот, он всегда бескомпромиссно выступал против восстановления капитализма в Советском Союзе и его существования в других странах... Поэтому мы считаем, что московские суды были сфабрикованными. Поэтому мы считаем Троцкого и Седова невиновными».^[1448]

На базе материалов, которые Троцкий представил подкомиссии Дьюи, и статей, которые он публиковал в это время, в сентябре 1937 года он выпустил на английском, немецком и французском языках книгу

«Преступления Сталина», которая затем многократно переиздавалась. [\[1449\]](#)

Троцкий и отступники из НКВД

Начавшийся в СССР «большой террор» постепенно охватывал и тех, кто обеспечивал его проведение за границей. Последние, казалось, имели важное преимущество — могли попросить политическое убежище. Но воспитанные в большевистском духе, советские резиденты и рядовые шпионы, за незначительными исключениями, не могли даже подумать о спасении своей жизни путем саморазоблачения. Подавляющему большинству требовалось найти идеологическое прикрытие. В этом им на выручку приходили идейные установки Троцкого. Правда, Троцкий находился за океаном, но в столице Франции можно было прибегнуть к помощи его сына Льва Седова, являвшегося ближайшим сотрудником отца.

Первый же крупный советский разведчик, почувствовавший, что над его жизнью нависла опасность, попытался представить дело так, что не он изменяет «социалистической родине», а предательство совершили Сталин и его клика. Этим человеком был резидент в Великобритании и Нидерландах Игнатий Рейсс. После первого московского судебного процесса в августе 1936 года, а также расправ без суда, о которых ему рассказывали прибывавшие из СССР агенты (разумеется, информация маскировалась сообщениями о ликвидации «врагов народа»), Рейсс установил тайную связь с Л. Седовым и предупредил его, что в Москве принято решение любыми средствами ликвидировать «троцкистов».

Летом 1937 года Рейсс скрылся вместе с женой и ребенком в Швейцарии. [\[1450\]](#) 17 июля под псевдонимом «Людвиг» он послал письмо в ЦК ВКП(б), в котором объявлял о разрыве со Сталиным. Опубликованное в «Бюллетене оппозиции» [\[1451\]](#) (это означало, что копия письма была передана Седову), письмо провозглашало: «Я хочу предоставить свои скромные силы делу Ленина: я хочу бороться, и только наша победа... освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма». Рейсс объявил о своей приверженности созданию IV Интернационала.

Между тем в среде русской белоэмиграции во Франции происходили процессы расслоения, чем воспользовалась советская агентура. Образованный в Париже Союз возвращения на родину был использован для вербовки агентов. Желающим вернуться заявляли, что они должны «заслужить» это право самоотверженной работой на социалистическую

родину. Именно так советскими шпионами стали В. А. Гучкова-Трейл — дочь видного российского государственного деятеля, а затем эмигранта А. И. Гучкова, муж Марины Цветаевой — С. Я. Эфрон, генерал Н. В. Скоблин и его жена, известная певица Н. В. Плевицкая.

Вся эта группа участвовала в приведении в исполнение негласного смертного приговора, вынесенного Рейссу, тем более что он объявил себя активным «троцкистом». Операция была проведена посланной из Москвы группой под руководством заместителя начальника Иностранного управления НКВД С. М. Шпигельгласа при участии членов Союза возвращения на родину. 4 сентября некая Гертруда Шильдбах, знакомая Рейсса, связанная с советской разведкой, назначила ему свидание в окрестностях Лозанны. К месту встречи на машине подъехала группа агентов. Рейсс был оглушен ударом. Затем его втащили в автомобиль и убили. Бросив машину с трупом, исполнители убийства поездом выехали в Париж, где их следы затерялись.

Сообщая об этом в некрологе памяти Рейсса,^[1452] Л. Седов призывал к широкой огласке преступлений такого рода и необоснованно оптимистично завершал статью заявлением: «Маузером нельзя остановить хода исторического развития. Сталинизм обречен, он гниет и разлагается на наших глазах. Близок день, когда смердящий труп его будет выброшен в помойную яму истории».

Имя И. Рейсса долго не сходило со страниц «Бюллетеня оппозиции». Супруга покойного, Елизавета Порецкая, передала в редакцию записки Рейсса, которые не предназначались к публикации, они были составлены для памяти. В записках содержалось много сведений о «кухне» НКВД и ЦК, в том числе разного рода сведения, которые передавались из уст в уста сотрудниками этих ведомств.

Московские власти рассчитывали, что зловещий урок расправы с Рейссом послужит предостережением тем, кто мог бы последовать его примеру. Но перед предполагаемыми «дефекторами» (так называли на чекистском лексиконе перебежчиков, воспроизведя в русском языке английское слово, означающее человека, перешедшего в противоположный лагерь), которых отзывали в СССР, представала альтернатива: безусловная расправа после возвращения или небольшой шанс выжить, отказавшись возвратиться. Тем более опыт показал, что «мобильным группам» НКВД не всегда удавалось немедленно, а иногда и вообще расправиться с «дефекторами».

Примеру Рейсса почти сразу последовали дипломат и разведчик Александр Бармин (кодовое имя «Графф») и разведчик-нелегал Вальтер

Кривицкий.

Первого декабря 1937 года временный поверенный в делах в Греции А. Бармин опубликовал заявление о разрыве со сталинским режимом. 5 декабря с аналогичным заявлением выступил советский резидент в Гааге В. Кривицкий. Оба они воспользовались тем, что с осени 1937 года французская полиция буквально «стояла на ушах»: 22 сентября среди бела дня «мобильная группа» похитила генерала Е. К. Миллера, руководителя Русского общевойскового союза (РОВС) — ветеранской эмигрантской организации офицеров. После этого по всей Франции были предприняты интенсивные розыскные операции, которые не дали существенного результата. Серьезную роль сыграло предупреждение, что если на французской земле будет совершено еще одно убийство, в котором окажется замешана советская агентура, Франция порвет дипломатические отношения с СССР.^[1453] В Москве решили на время прекратить террористические операции.

Всех этих подробностей Бармин и Кривицкий не знали, но они, опытные в тайных делах, ощущали, что обстановка им благоприятствует. Правда, Кривицкий был убит позже, в Вашингтоне в 1941 году, Бармину же удалось сохранить свою жизнь. Он выехал в США, служил в Управлении стратегических служб (предшественник ЦРУ), на радиостанции «Голос Америки» и даже ухитрился жениться на внучке президента Теодора Рузвельта.^[1454]

Пути, которые избирали «дефекторы», были различными, но действия их всех шли в русле той антисталинской кампании, которую проводил лидер российского оппозиционного большевизма. В «Бюллетене оппозиции» публиковались разоблачительные материалы, написанные Барминым и Кривицким.

Бармин обратился в «Комитет по расследованию московских процессов» (так не вполне точно им был назван Американский комитет защиты Троцкого), в котором распинался в преданности рабочему классу и советскому народу, но «был лишен последних иллюзий». Он перечислял многочисленных дипломатов и военных, которые в последние месяцы один за другим исчезли и, возможно, были убиты.

Отвечая на вопросы редакции «Бюллетеня оппозиции», почему он порвал со сталинским режимом и каковы его намерения, Бармин, приукрашивая свою храбрость и дальновидность, заявлял, что не скрывал своих настроений, и в то же время выражал решимость участвовать в разоблачении «лжи и преступлений» советских властей.^[1455] Эта его

твердость оказалась кратковременной. Вскоре он очутился за океаном и стал служить в американской разведке.

Иначе вел себя Вальтер Кривицкий. Он энергично выступал не только в «Бюллетене оппозиции», но и в западных печатных органах, вел себя сдержаннее, но его материалы содержали значительную фактическую информацию. В интервью, данном Л. Седову, [\[1456\]](#) он утверждал, что сохраняет верность позициям Октябрьской революции, не считает себя «троцкистом», но «Троцкий в моем сознании и убеждении неразрывно связан с Октябрьской революцией».

Через некоторое время, однако, взаимоотношения представителей Троцкого во Франции с Кривицким ухудшились, так как Вальтер стал сотрудничать в меньшевистском «Социалистическом вестнике». «Поведение Вальтера свидетельствует, что мундир ГПУ носят многие меньшевики, кадеты и пр. Когда они порывают со Сталиным, обнаруживается их подлинная политическая физиономия, без мундира», — негодуяще писал Троцкий в Париж.

Сам Троцкий активно включился в пропагандистские мероприятия, связанные с разрывом ответственных сотрудников разведывательных служб с СССР. Он опубликовал статью «Трагический урок», посвященную гибели И. Рейсса, [\[1457\]](#) в которой подчеркивал, что Рейсс руководствовался не личными эгоистическими интересами. «Карьеристы не идут в ряды Четвертого Интернационала, который представляет сейчас наиболее гонимое течение в мировой истории. Интернационалистов ждут новые преследования. Рейсс не мог этого не понимать». В статье звучало требование: «Широкие круги рабочих на Западе с содроганием относятся к работе Каина Джугашвили. Симпатии к нам растут. Нужно лишь уметь их использовать».

Кривицкий попытался помочь Троцкому в разоблачении втершегося в близкий к нему круг агента НКВД. Вальтер не имел о нем точных сведений, но и того, что он сообщил, было достаточно, чтобы «вычислить» названное лицо: его звали Марк, и он был близок к Л. Седову. Очевидно, по своей предыдущей работе Кривицкий каким-то образом натолкнулся на дело Марка Зборовского.

Уже находясь в США, Вальтер в 1939 году послал Троцкому письмо под псевдонимом «Штейн», называя себя «доброжелателем». Это письмо, напечатанное на пишущей машинке латинским шрифтом на русском языке, вызвало у Троцкого подозрение в отношении анонима, которого он заподозрил в провокации, тогда как Кривицкий лишь заботился о своей

безопасности. В ответ на предложение «Штейна» вступить с ним в контакт, поместив соответствующее объявление в одном из номеров газеты его американских сторонников «Socialist Appeal» («Социалистический призыв»), Троцкий порекомендовал «Штейну» вступить в контакт с американцем Мартином из редакции этой газеты. Кривицкий посетил Мартина, но тот произвел на него отрицательное впечатление.^[1458] Зборовский так и остался неразоблаченным.

Между тем все более грозовые тучи собирались над головами Льва Седова и его сотрудников, продолжавших вскрывать сущность «большого террора» и начавших подготовку к учредительной конференции IV Интернационала.

Гибель Льва Седова

К тому времени, когда был провозглашен вердикт международной следственной комиссии о его невиновности, как и о невиновности его отца, Льву Львовичу Седову оставалось жить менее полугода.

Лев был надежнейшей опорой Льва Давидовича во всех делах. Лишь изредка Троцкий сдержанно хвалил работу сына, например, когда он выпустил «Красную книгу» о московских процессах, но обычно предъявлял Льву все новые требования и буквально пылал гневом, когда задание выполнялось не в срок или не в полном соответствии с тем, как он считал правильным.

Лев Седов жил с Жанной и племянником Севой, которого после нескольких лет пребывания в Австрии он забрал к себе и фактически усыновил, на шестом этаже дешевого многоквартирного дома без лифта в крохотной квартирке, забитой книгами и ящиками с документальным материалом, необходимым прежде всего для «Бюллетеня».^[1459]

При всей любви и уважении к отцу Лев постепенно испытывал все большее чувство раздражения по поводу мелочных упреков. Самому Троцкому он не решался высказывать свои чувства и лишь изредка изливал душу в письмах матери. 16 апреля 1936 года он писал: «Мне кажется, что все папины недостатки с возрастом не смягчаются, а, видимо, в связи с изоляцией, болезнью, трудными условиями — трудными беспримерно, — углубляются. Его нетерпимость, горячность, дергание, даже грубость и желание оскорбить, задеть, уничтожить — усиливаются. Причем, это не только «личное», но прямо какой-то метод, и вряд ли хороший метод».^[1460]

В 1937-м — начале 1938 года Лев буквально изнемогал от переутомления и сильных приступов болей в животе, которые врачи квалифицировали как проявления хронического аппендицита. Вначале Лев подавлял боли медикаментами. Как обычно бывает в таких случаях, запущенная болезнь нанесла внезапный удар. В первой половине февраля 1938 года произошел тяжелый приступ, заставивший Жанну отвезти своего друга в больницу.

К этому времени Седов находился под прочным «колпаком». Зборовский поддерживал связь с резидентом НКВД в Париже Косенко, которому передавал копии писем Троцкого и Седова, а также статьи, подготовленные для «Бюллетеня оппозиции» еще до их публикации. [\[1461\]](#)

В конце 1937 года Лев Седов все чаще стал замечать, что за ним, почти не скрываясь, следят. Когда летом 1936 года он с Жанной и Севой поехал на краткий отдых в Антиб, советские агенты Эфрон, Смиренский и Рената Штейнер отправились туда же, причем Штейнер поселилась в том же пансионате, что и Седов. Слежка велась открыто с явной целью деморализовать Льва. Седов был убежден, что готовится его убийство. В декабрьском номере «Бюллетеня оппозиции» он поместил статью под заголовком «ГПУ готовится убийство Л. Седова». [\[1462\]](#)

Вначале, надо сказать, в планы НКВД входило похищение. Была разработана операция «Сынок», одобренная Сталиным (можно предполагать, что и название принадлежало ему). Но болезнь Льва заставила срочно изменить планы. По рекомендации Зборовского, которому Лев и Жанна полностью доверяли, для лечения была избрана частная больница русских эмигрантов. Зборовский мотивировал свой совет знакомствами и высокой квалификацией хирурга Тальгеймера. Льву сделали успешную операцию. Через несколько дней после этого, когда он шел на поправку и даже договорился с «Этьеном» о встрече для решения текущих дел, его состояние резко ухудшилось. В ночь на 13 февраля 1938 года его обнаружили в коридоре больницы в почти бессознательном состоянии. Вскоре он впал в беспамятство. Переливания крови не дали результата. Несмотря на экстренные меры, Лев скончался.

Зборовский, видимо, не был прямым убийцей, иначе его легче было бы разоблачить. Но тот факт, что он приложил руку к ликвидации Седова, наиболее вероятен. Это подтверждает бывший ответственный сотрудник советских спецслужб Петр Дерябин, бежавший на Запад, которому говорили в КГБ, что Седов действительно был ликвидирован московскими агентами. [\[1463\]](#)

Убийство Льва рассматривалось высшим советским руководством не только как устранение важного политического противника, но и как средство давления на его отца. В те дни, когда Лев находился в больнице, сам Троцкий временно пребывал вне Койоакана. Этот спокойный пригород столицы был не очень удобным местом для слежки за ним, которую все более усиливала московская агентура, и в начале 1938 года подозрительная суэта стала ощутимой. Она усиливалась тем, что в мексиканской печати появились провокационные сведения, будто Троцкий участвует в подготовке государственного переворота против президента Карденаса. Слухи были разоблачены на пресс-конференции Троцкого и Риверы, но тем не менее продолжали циркулировать. [\[1464\]](#)

Диего убедил Льва Давидовича провести некоторое время «в подполье» — в доме друга его семьи Антонио Гидальго, ставшего и близким знакомым самого Троцкого. В феврале Троцкий тайком переехал в другой фешенебельный район — Чапультепеке-парк. Время пребывания там заранее не оговаривалось. Ривера и сам Троцкий с женой (она осталась в Койоакане) решили подождать, пока станет спокойнее. В доме Гидальго Троцкий работал главным образом над книгой о Сталине. Он почти не выходил из дому (а выходя, маскировал внешность с помощью длинного шарфа), писал жене теплые письма, просил прислать ему всякие мелочи через доверенных лиц. [\[1465\]](#) Гостеприимные хозяева его не беспокоили: Антонио утром отправлялся по делам, его жена была занята хозяйственными заботами, и, главное, они видели в Троцком великого деятеля, который оказал им честь самим фактом пребывания в их обители. [\[1466\]](#)

Но внезапно все изменилось. Едва Лев Давидович отправил жене очередное письмо, где планировал покинуть дом Гидальго через два-три дня и совершить путешествие по стране, [\[1467\]](#) в его комнату ворвался Диего. Экспансивный мексиканец, не умея сдерживать чувств, бросился к Троцкому с возгласом: «Лев Седов мертв!» И протянул телеграмму из Парижа. Как рассказал позже Троцкий жене, он решил, что с ним разыгрывают какой-то жуткий фарс. «Пошел вон!» — закричал он. Диего вышел. Осознав, что его сын действительно умер, Троцкий впал в состояние отчаяния. Вскоре, однако, Ривера смог вывести его на улицу, посадить в машину и привезти в «Голубой дом».

Наталья Ивановна через десять лет вспоминала: «Я была в Койоакане, сортируя старые фотографии наших детей. Раздался [дверной] звонок, и я удивилась, увидев Льва Давидовича. Я пошла ему навстречу. Он вошел,

еще более сгорбленный, чем обычно (по многим воспоминаниям, Троцкий обычно ходил гордо, с очень прямой спиной. — Г. Ч.), его лицо было пепельно-серым; казалось, что внезапно он превратился в глубокого старика. «Что случилось? — спросила я его тревожно. — Ты заболел?» Он ответил тихим голосом: «Лева заболел, наш маленький Лева...» Только теперь я поняла. Я так боялась за Льва Давидовича, что мысль о том, что что-либо может случиться с Левой, никогда не приходила мне в голову...»^[1468]

Состояние внутренней опустошенности у Троцкого продолжалось, однако, недолго. Это была бы совершенно другая личность, если бы даже гибель сына он не использовал в политических целях. Разумеется, Лев Давидович тяжело переносил потерю, он с ужасом думал о том, что пережил всех своих четверых детей (к этому времени Лев и Наталья были убеждены, что и с Сергеем расправились), периодически к нему возвращалась нервная истощенность, граничившая с душевным расстройством, но он брал себя в руки и с упорством фанатика возвращался к привычному делу политического борца.

Еще задолго до этого, в 1935 году, он записал в дневник:

«По поводу ударов, которые выпали на нашу долю, я как-то на днях напоминал Наташе жизнеописание протопопа Аввакума.^[1469] Брели они вместе по Сибири, мятежный протопоп и его верная протопопица, увязали в снегу, падала бедная измаявшаяся женщина в сугробы. Аввакум рассказывает: «Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: — Долго ли муки сия, протопоп, будет? И я говорю: — Марковна, до самой смерти. Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, еще побредем».

Одно могу сказать: никогда Наташа не «пеняла» на меня, никогда, в самые трудные часы: не пеняет и теперь, в тягчайшие дни нашей жизни, когда все сговорилось против нас...»^[1470]

Троцкий тогда не думал, что настанут еще более трудные часы. Видимо, выходя из приступов отчаяния, он не раз вспоминал то, что прочитал в «Житии» Аввакума и что записал в дневник. Сравнение себя самого с упорным религиозным фанатиком не было случайным: Троцкий все более чувствовал себя, в отличие от прагматика Сталина, подлинным пророком коммунистической веры.

Восемнадцатого февраля 1938 года он послал от своего имени и имени

Натальи телеграмму соболезнования Жанне,^[1471] а через два дня написал статью-некролог «Лев Седов — сын, друг, борец», опубликованную в номере «Бюллетеня оппозиции», значительная часть которого была посвящена памяти Льва.^[1472] Статья была проникнута глубокой болью, но в то же время носила сугубо политический характер, начиная с посвящения «пролетарской молодежи». Отец вспоминал юные годы Льва, его скромность, нежелание жить с родителями в Кремле и уход в «пролетарское общежитие», участие в субботниках и работу в оппозиции, помощь в ссылке, усилия в эмиграции по изданию «Бюллетеня».

Расследование гибели Седова, проведенное французскими службами, ничего не дало. Экспертиза пришла к выводу, что смерть наступила в результате естественных причин. Хотя адвокат Розенталь предоставил следователям материалы о слежке агентуры НКВД за каждым шагом Седова, пойти по этому пути прокуратура не решилась. И это несмотря на непонимание причин резкого ухудшения состояния, а затем его кончины, которое выразили врачи больницы.^[1473] Вряд ли, как полагал Троцкий, следствие не дало результатов из-за давления французских властей, не желавших осложнять отношения с СССР. Скорее возобладало стремление идти по наиболее безопасному пути. Но, разумеется, заключение экспертизы было на руку советской верхушке.

Так или иначе, советские спецслужбы по высшему указанию все теснее сжимали кольцо интриг и преследований сторонников Троцкого, ставя своей главной задачей его физическое уничтожение.

Глава 9 «СТАЛИН»

На пути к книге о Сталине

Последние годы жизни Троцкого были в значительной степени заняты подготовкой крупной работы о советском вожде. Он ставил цель представить миру последовательную картину того, как провинциальный большевистский функционер, плохо знавший русский язык, не обладавший красноречием, смог стать диктатором в огромной стране и оказывать не только решающее воздействие на ее судьбы, но и существенно влиять на развитие всего мира.

К созданию сталинской биографии Троцкий шел примерно пятнадцать

лет, с того времени, как между ним и Сталиным развернулась борьба за лидерство в правящей партии, то есть за потенциальное господство в стране, которую большевики избрали для грандиозного социального эксперимента.^[1474] Вначале, правда, Троцкий не планировал создание сталинской биографии как специального труда. Он задумывал написать обширную работу о Ленине, к созданию которой несколько раз возвращался, но прерывал это занятие.

В декабре 1933 года с американским издательством «Дабблдей, Доран и К°» на книгу о Ленине даже был заключен договор и Троцкому начислен гонорар в сумме десяти тысяч долларов.^[1475] М. Истмен ожидал рукопись для перевода на английский язык. В декабре 1934 года он писал Троцкому, что хотел бы видеть «Жизнь Ленина» в одном томе, даже если это будет объемистая книга, ибо американские читатели не покупают многотомных биографий.

Но Троцкий, обычно быстрый и плодовитый, с этой книгой не спешил. Он откладывал наброски, возвращался к ним, исправлял, писал новые фрагменты, но в завершенном виде написал только главы, посвященные раннему Ленину. Причины медлительности состояли не только в необходимости возвращаться к текущим делам — Троцкий умел сочетать публицистику и переписку с занятиями историей, о чем свидетельствует его объемная «История русской революции». Видимо, автора разъедали сомнения.

С одной стороны, он хотел осветить путь Ленина всесторонне (разумеется, в пределах марксистской парадигмы), а с другой — понимал, что далеко не все факты можно будет вписать в схему прямой преемственности: Ленин — Троцкий. Над «Историей русской революции» работать было проще, ибо описываемый период был временем его наиболее тесного единения с Лениным, он мог избирать сюжеты и повороты, в наибольшей степени соответствовавшие его интересам, и, наконец, 1917 год был началом его недолгого «звездного времени», и возвращение к нему на бумаге Троцкого особенно привлекало.

Сам он, вписавший немало страниц в книгу культа Ленина, испытывал к последнему противоречивые чувства, включавшие не только уважение, но и ревность, и раздражение. Нельзя было забыть неоднократных обменов злобными репликами в дооктябрьский период, полемику по профсоюзному вопросу в конце 1920-го — начале 1921 года, когда Ильичу ценой тайных сделок удалось одолеть Троцкого.

Из всего этого вытекали стремление «приземлить» Ленина в

публицистике, сомнения по поводу мировоззрения юного Ленина (высказывалось мнение, что он примыкал к народникам), отвержение понятия «ленинизм» как теоретического учения — соображения вполне обоснованные, но не соответствовавшие идее сплочения «большевиков-ленинцев», которую он теперь исповедовал.

Троцкий понимал, что в действительности реальным преемником Ленина был не он сам, гордившийся своей начитанностью, прекрасным журналистским слогом, изяществом и внешней аргументированностью устных выступлений, которые, разумеется, вполне сочетались с приверженностью большевистскому догматизму и политиканству. Действительным продолжателем Ленина был низколобый грузин со злобными глазами, побитым оспой лицом, не умевший связно произнести несколько фраз по-русски и в то же время умело рассчитывавший предстоявшие ходы, готовый жертвовать всем во имя упрочения личной власти и почти всегда добивавшийся успеха.

На протяжении 1930-х годов внимание Троцкого все более сосредоточивалось на личности Сталина, и оно стало ведущим, когда в СССР разразился «большой террор». Выдвинув вначале мнение, что сталинская диктатура носит «бонапартистский» характер, Троцкий постепенно отодвинул «бонапартизм» на второй план, выдвинув на авансцену концепцию власти бюрократии. Автор во все большей степени видел в Сталине представителя административного слоя (не класса!), которому удалось захватить контроль над ходом революции и отвлечь ее от благородных целей.

Такой подход был Троцкому необходим по ряду соображений. Он позволял объяснить, почему серая личность Сталина смогла одолеть плеяду блестящих руководителей, прежде всего его самого. При помощи концепции бюрократизма можно было попытаться объяснить процессы, происходившие в СССР, не выходя за пределы марксистской догматики. Этот подход вписывался в схему перманентной революции и позволял утверждать, что революция в России не была поддержана на Западе, не превратилась в непрерывную из-за усталости пролетариата, что привело к бюрократическому перерождению, воплотившемуся в сталинскую власть. Представление о Сталине как «продукте машины» позволяло высказать надежду, что при благоприятных условиях, причем каких именно — война, революция на Западе и пр. — он не предрекал, СССР сможет вновь стать «социалистической» страной в полном смысле слова. Троцкий рисовал Сталина лишь как представителя анонимных бюрократических сил, недооценивал относительно независимую его роль и поддержку власти

диктатора из небюрократических социальных источников. Такая постановка вопроса не давала возможности понять всю совокупность сталинского террора, ибо он был направлен против разнообразных сил и групп, включая саму бюрократию. Правда, Троцкий, оценивая Сталина как «продукт машины», был внутренне противоречив. Он часто вырывался за пределы зашоренности и политической целесообразности. Ненависть к «кремлевскому горцу» вступала в конфликт с «социологическим» объяснением сталинизма, делала более острой оценку фактов, связанных с формированием и функционированием личной власти.

Троцкий был первым автором, который во всеоружии фактов, целеустремленно и последовательно приступил к разоблачению политики советского диктатора, не пренебрегая его личными качествами и этапами личного развития, а учитывая и даже порой заостряя их. Полагая, что Сталин был «продуктом машины», Троцкий в то же время считал саму эту машину порождением сталинской воли.

Сильной стороной его критики было отличное персональное знакомство с коридорами, тупиками и лабиринтами кремлевской власти и ее носителями, в числе которых некогда находился он сам, прежде всего хорошее личное знакомство и знание особенностей характера, поведения, привычек, быта того лица, которое теперь становилось главным героем его произведений.

Фиксация личных черт Сталина, в частности его жестокой мстительности, причем фиксация многократная, свидетельствовала, что эта личность являлась для Льва Давидовича не просто «продуктом машины», но таким продуктом, который был наделен специфическими личными чертами и особенностями. И все же, отлично понимая сущность качеств Сталина, которые особенно четко проявились в конфликте генсека с больным Лениным (Троцкий был первым автором, публично рассказавшим об этом конфликте на базе сохраненных им документов^[1476]), Лев Давидович вновь и вновь характеризовал Сталина преимущественно как посредственность (правда, иногда как «гениальную посредственность»), своеобразное статистическое среднее, фигуру, порожденную бюрократией.

В такой оценке, помимо приверженности теоретическим схемам, сохранялось, в какой-то мере подавляемое, но все же просвечивавшее через ткань каждого опуса, посвященного Сталину, стремление унижить главного противника, внушить себе чувство утешения, что, мол, не Сталин персонально, а объективно сложившийся исторический процесс в России, анонимно действовавшие социальные силы обыграли его курс на мировую революцию, отрешили от власти, а затем отправили в изгнание. Впрочем,

унизить Сталина Троцкий, казалось бы, мог только перед горсткой своих единомышленников, находившихся, как и он, в эмиграции или же постоянно проживавших вне пределов СССР.

С весны 1938 года Троцкий почти полностью сосредоточился на подготовке книги о Сталине. По его просьбе единомышленники в разных странах (или те, кто представлялся таковыми) помогали в сборе фактических данных. Особенно часто он прибегал к содействию сотрудников «Бюллетеня оппозиции», продолжавшего выходить в Париже после гибели Льва, — Лилии Эстрин и провокатора Марка Зборовского. Последний охотно выполнял задания Троцкого, стремясь приблизиться к нему, заслужить благодарность, столь необходимую для закрепления своих позиций во враждебной среде.

Переписка Троцкого с Парижем и Нью-Йорком дает представление, насколько скрупулезно работал он над своим трудом в отличие от предшествовавших авторов. Первая информация, что Троцкий занялся новой работой, появилась 15 апреля 1938 года. Он писал в редакцию «Бюллетеня оппозиции»: «В ближайшие два-три месяца вы не должны ждать от меня новых больших статей. Я обязался в течение ближайших 18 месяцев написать книгу о Сталине... Все мое время, по крайней мере, в течение ближайших месяцев, будет посвящено этой работе... Книга будет носить исторический, биографический и психологический характер, а не теоретико-полемиический».^[1477] Насчет последнего Троцкий пытался ввести в заблуждение прежде всего себя самого, ибо он должен был стать совершенно другим человеком, чтобы не писать «теоретико-полемиической» работы.

И в этом, и в следующих письмах, адресованных как Л. Эстрин и М. Зборовскому, так и американскому стороннику Аби Кагану, проживавшему в Нью-Йорке, Троцкий бомбардировал адресатов просьбами о литературе, о комплектах советских газет и журналов и т. д.^[1478] В США материалы для Троцкого подбирала также Рая Дунаевская, являвшаяся в 1937–1938 годах его секретарем, а позже под именем Раэ Спигел ставшая одним из руководителей Социалистической рабочей партии.^[1479]

Новые письма свидетельствовали, что работа плодотворно продвигалась. 4 июля Троцкий, делаясь результатами изысканий, с удовлетворением и с оттенком волнения сообщал Л. Эстрин: «Я нашел юридическое подтверждение того, что Сталин в молодости был тесно связан с Иремашвили».^[1480] Это обстоятельство имеет огромное значение для первых глав моей работы.

Я начинаю с беспокойством спрашивать себя, все ли выписано из книги Иремашвили, что представляет интерес». [\[1481\]](#)

Следовали новые и новые его задания, хотя Троцкий испытывал чувство неловкости перед людьми, беззаветно отдававшими массу сил работе, которая должна была выйти только под его именем. Настроения и чувства Троцкого были рельефно переданы в его письме в Париж от 21 ноября 1938 года: «Дорогие друзья! Вы прислали мне, в числе многих других ценных материалов, библиографию по вопросам гражданской войны. В сущности, это единственный вопрос, в области которого я остаюсь плохо вооружен. В «Истории Коммунистической партии», [\[1482\]](#) которую вы мне прислали (большое спасибо), есть по поводу гражданской войны целый ряд новых, совершенно фантастических легенд и вымыслов. Мне придется посвятить гражданской войне большую главу, если не две. Было бы крайне желательно, чтобы вы сами прочитали те главы «Истории», которые относятся к гражданской войне, отметили наиболее выдающиеся вымыслы и подобрали опровергающие их материалы. Я понимаю большие размеры этой работы... В вашем библиографическом справочнике есть такие указания по поводу книг и статей, посвященных гражданской войне: «ничего о Сталине», «очень много о Троцком». Желательно было бы из этого «очень многого» дать хотя бы кое-что. Крепко жму руку. Ваш Л. Д.». [\[1483\]](#)

В начале 1939 года энергичный напор на французских помощников продолжался. Троцкий просил просмотреть стенограммы съездов ВКП(б), выделив выступления Сталина, полемику с ним и вообще все, что касалось его деятельности. Автора будущего труда волновал вопрос о документальном подтверждении советского «термидора» и роли Сталина в нем. Троцкий просил собирать «отдельные данные, штрихи, намеки, факты, эпизоды», рассеянные в разного рода статьях и книгах, добавляя, что «даже отдельные мелочи могут послужить в высшей степени важной опорой» для верной характеристики всего периода. [\[1484\]](#)

Н. И. Седова позже вспоминала, что ее супруг первоначально рассчитывал быстро написать ходовую книгу и получить за нее приличный гонорар. Но, начав работу, он настолько увлекся биографией главного противника, что несколько раз пропускал сроки сдачи рукописи. Троцкий не раз говорил в кругу близких, что предпочел бы писать о ком-либо совершенно другом, например о дружбе Маркса и Энгельса, [\[1485\]](#) но реальные действия автора явно не соответствовали этим заявлениям, если они действительно имели место и Седова не напутала.

Основной текст первого тома был завершен к началу августа 1939 года. Но со второй половины года Троцкий работал над биографией Сталина медленнее и неохотнее, а затем почти прекратил это занятие. 30 декабря 1939 года он отправил американскому переводчику Чарлзу Маламуту «окончание главы о 1917 годе», завершив подготовку дооктябрьской части, и обещал выслать главу о Гражданской войне через две недели.^[1486]

Однако эта глава так и не была отправлена. Больше никакого готового материала Маламут не получил. Время от времени Троцкий возвращался к работе, корректировал написанное, писал новые фрагменты, пытался состыковать их. Куски текста он склеивал. В результате возникали многометровые бумажные ленты, над которыми предстояло работать. Такая манера возникала у Троцкого постепенно, но при подготовке «Сталина» стала доминирующей. Длинные склеенные полосы, состоявшие из цитат и заметок, были первым вариантом рукописи, куда затем вносились исправления и дополнения. В результате возникал второй вариант. И только затем создавался окончательный текст, который автор то ли диктовал машинистке, то ли писал от руки.

В начале 1940 года работа была прервана. Правда, Троцкий продолжал внимательно следить за сталинской политикой, но его отклики на курс советского диктатора не были в полном смысле слова материалом для биографии, хотя в том случае, если бы он имел возможность в будущем возобновить работу над ней, могли бы послужить базой для соответствующих глав.^[1487]

Уже после гибели Троцкого переводчик и редактор книги Ч. Маламут закончил работу над имевшимися у него материалами. В их числе были семь завершенных глав, охватывающих период до октября 1917 года (из них Троцкий успел проверить английский перевод шести глав), огромная масса черновых, частично повторяющихся бумаг, некоторые из них содержали пометки, что тот или иной сюжет следует развить. Весь материал, начиная с Октябрьского переворота 1917 года, Маламут скомпоновал из черновиков и других текстов, которые были ему переданы Н. И. Седовой. Точно так же из отдельных фрагментов было составлено предисловие. В таком виде первое издание «Сталина» было подготовлено к выпуску на английском языке в 1941 году.

Работа была готова к сдаче в производство, когда в декабре 1941 года Япония напала на Перл-Харбор, и США вступили во Вторую мировую войну. В этих условиях издательство «Харпер и Братья» сочло

целесообразным «не дразнить гусей» и отложило на неопределенный срок издание книги о личности, становившейся главным союзником лидеров западных держав во всемирной мясорубке. Только в марте 1946 года, когда стала зарождаться холодная война, издательство сочло, что «эта биография, содержащая материал исторической важности, должна быть опубликована в соответствии с предыдущими обязательствами». [\[1488\]](#)

Это малозаметное сообщение было датировано 15 марта, то есть почти сразу после того, как отставной британский премьер Уинстон Черчилль произнес в присутствии президента США Гарри Трумена знаменитую речь в Фултоне 5 марта 1946 года, в которой возвестил, что над Восточной Европой опустился «железный занавес». [\[1489\]](#) Теперь можно было выпускать книгу о бывшем союзнике, не оглядываясь на дипломатический этикет. Более того, книга сулила издательству немалые дивиденды, становясь сенсационной.

Неоконченный двухтомник

Я не считаю целесообразным передавать содержание труда Троцкого, с которым настоятельно рекомендовал бы ознакомиться читателю. Тем не менее полагаю необходимым обратить внимание на основные задачи и концепции книги.

Создавая труд о своем главном политическом противнике и личном враге, Троцкий стремился соблюсти максимум объективности в подборе фактов и, как он утверждал и скорее всего верил этому утверждению, также в их оценке. Но если с первым следует согласиться — в книге можно встретить лишь незначительные мелкие неточности, то о втором говорить не приходится. Работа являлась ярким политическим документом, до предела заостренным публицистическим произведением.

Автор упоминал материалы, в которых шла речь о Сталине как о провокаторе, выдававшем полиции и тюремным властям отдельных революционеров, вставших на его пути. В принципе отвергая факт секретного сотрудничества будущего диктатора с властными структурами царской России, Троцкий показывал, что такого рода слухи имели определенную психологическую подоплеку. Предопределялась она характером Сталина, его замкнутостью, стремлением оказаться на заднем плане во время наиболее значительных партийных акций, чреватых возможными пагубными последствиями, например в случае ограбления

транспорта с крупными денежными суммами в Тифлисе летом 1907 года.

Автор показал второстепенную роль своего героя в 1917 году, его быстрый поворот от союза с умеренными большевиками, в частности с Каменевым, к экстремизму, как только Сталин ощутил, что курс Ленина на «перерастание» революции в «социалистическую» одерживает верх в партии. Оставаясь на втором плане, показывал автор, Сталин становился одним из соратников Ленина, а после ухода последнего в подполье в связи с угрозой ареста оказался временно на первом плане, в частности во время Шестого партсъезда в конце июля — начале августа 1917 года. Впрочем, он вновь отходил на второй план в октябрьские дни, когда слишком «высовываться» стало крайне опасно, а решающую роль в проведении большевистского переворота сыграл петроградский Военно-революционный комитет во главе с самим Троцким.

В 1917 году Коба, по оценке Троцкого, в значительной степени освободился «от провинциализма, если не в привычках и нравах, то в масштабах политического мышления». «Он стал признанным членом штаба партии, которую массы несли к власти. Он перестал быть Кобой, став окончательно Сталиным». Этими итоговыми и в то же время вводными к дальнейшему изложению словами завершался первый том.

Весь анализ послеоктябрьского развития Сталина — это стремление показать, как властью в России постепенно овладевала чиновничья номенклатура, все более превращавшаяся в правящий слой.

Во втором томе обращают на себя внимание обширные экскурсы в дооктябрьский период. Троцкий пытается объяснить это «оптико-психологическим феноменом» — человек «начинает отбрасывать от себя тень в свое собственное прошлое». Вряд ли в такой констатации можно найти серьезное обоснование, чтобы вновь обращаться к сюжетам, уже подробно освещенным в первом томе. Представляется, что причины были намного проще — Троцкий торопился с подготовкой первого тома, а теперь обнаруживал важные пробелы, которые стремился восполнить.

Материалы второго тома имеют значительно больший мемуарный компонент, нежели первый, где личные впечатления незначительны хотя бы в силу того, что автор и его герой не были знакомы до поздней весны 1917 года (такой социал-демократический авторитет, каковым был Троцкий уже в начале века, не обратил внимания на Пятом съезде на мелкого кавказского «комитетчика»). В томе же, посвященном послеоктябрьскому периоду, конфликт Троцкого и Сталина является одной из главных тем уже в силу того, что внутренняя борьба в партийно-государственной элите с 1923 по 1927 год велась именно вокруг этих фигур.

Большое внимание в этом томе он уделил периоду Гражданской войны. Троцкий вначале даже разделил этот период на две главы, рубежом между которыми стала весна 1919 года — первое наступление генерала Юденича на Петроград. Именно так построено изложение в американском издании, подготовленном Ч. Маламутом.^[1490] Но позже автор решил сконцентрировать изложение в одной главе.

Ввиду того, что Троцкий был в то время наркомвоенмором, что именно на протяжении всех лет Гражданской войны возник и развивался серьезный личный конфликт между ним и Сталиным, из которого в значительной степени выросли дальнейшие столкновения, в этой главе (она в наибольшей степени была подготовлена к печати из всех разделов послеоктябрьского периода) особенно большой удельный вес занимают воспоминания, подкрепленные упоминанием, цитированием документов и иногда полным текстом вплоть до номеров писем или приказов.

К Троцкому не относится известное ироническое высказывание «врет, как очевидец». Он прилагал силы, чтобы по возможности объективно осветить путь Сталина в Гражданской войне. Разумеется, полностью отказаться от субъективизма было невозможно. Местами автор сгущал краски, например, относя Сталина к категории «великих князей», которым позволительно было нарушать порядок, декреты и пр. Но в действительности все дело заключалось в том, что большой беспорядок, нежели царивший в стране в те годы, придумать было трудно, и в этом отношении Сталин мало чем отличался от других боссов, включая Ленина и самого Троцкого.

Следующая важная тема тома — вхождение Сталина в высший эшелон власти. Здесь Троцкий обращался к многочисленным личностным параллелям. Он полагал, что официальное приравнение Сталина к Ленину — «просто непристойность». Более того, при сопоставлении Сталина как личности с Гитлером или Муссолини преимущество оказывалось на стороне последних. Разумеется, речь идет не о содержании идей, которые лежали в основе коммунистического, фашистского и национал-социалистического режимов. Троцкий полностью остается на стороне коммунизма. Но в отношении поведения — инициативности, способности мобилизовать массы, нахождения путей влияния на различные слои — преимущество, по его мнению, не на стороне Сталина. Троцкий был первым автором, который, включив сталинский период в сферу тоталитаризма (напомним, что он отвергал характеристику ленинского этапа как тоталитарного), пошел даже далее этого, позволив себе совершенно неслыханную для коммуниста крамолу — сопоставление

личностей наиболее видных в то время тоталитарных диктаторов Сталина, Гитлера и Муссолини.

Кратко остановившись на обстоятельствах назначения Сталина генеральным секретарем партии после Одиннадцатого съезда (1922), Троцкий дает представление о тех организационных формациях, которые генсек использовал, чтобы сосредоточить в своих руках личную власть («необъятную власть», по словам Ленина) и отстранить от власти главного соперника, каковым был сам автор.

Речь идет о «тройке» (Сталин, Зиновьев, Каменев), в которой Сталин по сути дела диктовал решения. Упоминается о «семерке» (шесть членов Политбюро, то есть все члены этого органа, кроме Троцкого, плюс председатель ЦКК РКП(б) В. В. Куйбышев), проводившей тайные от Троцкого заседания и координировавшей кампанию по его оттеснению. Так «тройка» и «семерка» породили в лице Сталина «туза». Образы пушкинской «Пиковой дамы» получили, таким образом, потрясающее и зловещее политическое воплощение в советско-большевистских реалиях середины 1920-х годов.

Так Троцкий приходил к главному выводу о причинах и характере установления единоличной власти Сталина. Сталин был в известном смысле «серой посредственностью» (впрочем, автор тут же оговаривается — его герой, возможно, только казался таковой, ибо обладал «исключительными чертами характера»), Для выражения этих черт были необходимы «исключительные условия». Таковые сложились при становлении «политической реакции», возникшей после величайшего напряжения в годы Гражданской войны. Именно теперь сталинские черты: упрямство, хитрость, беспощадность вместе с узостью кругозора — превратили его в вождя новой аристократии.

Этот вывод автор стремился проиллюстрировать социологическими и конкретно-историческими соображениями. Он пытался дать весьма сомнительную интерпретацию борьбы Сталина и возглавляемой им бюрократии против «правых» — группы Бухарина, Рыкова и Томского, выступавших за умеренную политику в деревне и предостерегавших против «сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса». Эту борьбу Троцкий трактует как конкуренцию между бюрократией и мелкой буржуазией «за прибавочный продукт народного труда», оставляя в стороне существо дела — сталинскую «революцию сверху», завершившую после уничтожения миллионов крестьян становление тоталитарной системы, того насильственного режима, который превратил в фактических крепостных не только крестьянство, но и все население огромной страны.

Лишь отдельные зарисовки Троцкий успел сделать касательно кровавой расправы с подлинными и мнимыми врагами режима, с бывшими конкурентами и идейными противниками, с сотнями тысяч аполитичных людей, в отношении которых проводилась своеобразная «децимация» (то есть расстрел каждого десятого). Причины «большого террора», сущность кровавого замысла Сталина автор рассмотреть не успел.

В то же время в связи с третьим московским «открытым» судебным фарсом (март 1938 года), на котором в числе обвиняемых фигурировал бывший всесильный нарком внутренних дел Г. Г. Ягода, Троцкий останавливается на вопросе, который беспокоил его много лет. Дело в том, что Ягodu обвиняли, в частности, в организации убийства Максима Горького и других лиц при помощи ядов. Это приводило автора к рассуждениям об использовании ядов советскими спецслужбами еще в 1920-е годы. Следуют мемуарные фрагменты по поводу просьбы больного Ленина к Сталину снабдить его ядом. Последний сам поведал об этом на встрече членов Политбюро, которые решили вопрос отрицательно. Не обвиняя Сталина в отравлении Ленина, биограф рассуждает о зловещих качествах Сталина, которые побудили узника в Горках обратиться с подобной просьбой именно к нему...

В лексикон Троцкого к концу 1930-х годов, в том числе в книгу «Сталин», вошла категория «тоталитарная власть» для обозначения характера сталинского политического правления. В то же время Лев Давидович был решительно против распространения концепции тоталитаризма на период до ухода Ленина из политической жизни (то есть до конца 1922 года), хотя объективный анализ должен был убедить его, что тоталитарная система (именно система, а не только власть) начала формироваться со времени Октябрьского переворота 1917 года, что первыми ее носителями были Ленин и сам Троцкий вкупе с другими большевистскими лидерами, включая Сталина, но что тоталитаризм не был застывшим феноменом, а получил свое наиболее полное воплощение, стал развитой системой действительно со времени, когда сложилось сталинское единовластие.

Троцкий не был последователен и в том отношении, что считал тоталитаризм формой власти, то есть ставил знак равенства между тоталитаризмом и авторитаризмом, тогда как на деле тоталитаризм являлся не только характеристикой власти, но определял все сферы общественной жизни, включая экономику, политику, идеологию, духовную сферу и даже в определенной степени личную жизнь людей.

Согласиться с таким пониманием тоталитаризма Троцкий не мог

никак, ибо в этом случае он должен был бы призвать не только к политической, но и к социальной революции в СССР, которая призвана была бы смести с лица земли проявления тоталитаризма во всех сферах жизнедеятельности общества. Именно на этой почве в последние годы жизни Троцкого у него возникли серьезные расхождения с рядом бывших сторонников, которые пришли к выводу о перерождении СССР в буржуазное государство, существовании там государственного капитализма, необходимости полного разрыва с СССР.

Такой подход для Троцкого был недопустим, ибо он не просто ставил под сомнение, но отвергал всю его деятельность в СССР и в эмиграции, превращал его в «ренегата». Более отвратительного образа коммунистическая мифология, кажется, не смогла создать, хотя с точки зрения нормальной логики переход из одной партии в другую, связанный с совершенствованием или изменением позиций, — вполне естественный этап биографии политического деятеля, не упорствующего в повторении азов.

Призывая возвратиться к истинному ленинизму, Троцкий видел себя единственным высшим законным носителем этого учения, прямым последователем Ленина. Другими словами, как и Сталин, он видел себя «Лениным сегодня». Сам же Сталин, герой последней книги Троцкого, представляя своего основного оппонента как некоего дьявола, исчадие ада, виновника всех трудностей, переживаемых СССР, как зловещую тень, маячившую за спиной всех врагов, почти исключительно вымышленных, прилагая усилия к организации убийства Троцкого в начале Второй мировой войны, по сути дела, поднимал его на собственный уровень. Оба они как бы уподобляли себя древним богам, казнившим и миловавшим человеческие массы по собственной прихоти.

В противовес Сталину и в то же время в симметрии с пропагандистской мишурой последнего, Троцкий оправдывал в своей книге почти все, что делалось при Ленине. Я употребил выражение «почти все», ибо были моменты, по которым выражалось мягкое несогласие с действиями Ленина. Троцкий, например, осторожно критиковал резолюцию «О единстве партии», навязанную Лениным Десятому съезду РКП(б) (1921), которая положила конец внешнему подобию демократии в большевистской среде.

При всей своей субъективности труд Л. Д. Троцкого занимал выдающееся место в историографической оценке Сталина и сталинизма.

Сталин в последних статьях Троцкого

Работая над книгой о Сталине, Троцкий продолжал писать политико-публицистические статьи, посвященные текущим событиям, международной ситуации, задачам своих сторонников.

Сложилось так, что теперь и в публицистике наибольшее место занял его главный политический противник. Связано это было, во-первых, с тем, что исключительно важный не только политически, но и лично для Троцкого третий и последний «открытый» судебный процесс в Москве состоялся в марте 1938 года, когда контрпроцесс был уже позади. Во-вторых, в условиях назревавшей, а затем начавшейся Второй мировой войны позиция СССР привлекала всеобщее внимание, и оно сосредоточивалось на фигуре, определявшей курс огромной страны. В-третьих, работая над биографической книгой, Троцкий невольно переносил направленность этого труда на материалы, которые готовил для газет и журналов. Наконец, в мексиканском изгнании у Троцкого вновь пробудился интерес к мемуаристике, что было связано с приближавшейся старостью, а в воспоминаниях он вновь обращался к драматическим сюжетам, в которых особенно часто на первый план выходило лицо, обыгравшее его в политических баталиях.

Первым из публицистических откликов на московские процессы и роль в них Сталина, на итоги контрпроцесса, на повторявшиеся упреки в аморальности коммунистов явилась обширная статья, которую Троцкий посвятил памяти своего старшего сына, назвав ее «Их мораль и наша».^[1491] В ней шла речь о традиционном коммунистическом тезисе — о классовой обусловленности нравственности, кризисе демократической морали в принципе. Но на деле это была работа о другом — об аморальности высшего советского руководства и тех проповедниках общечеловеческой морали на Западе, которые поддерживали Сталина и его клику. «Раболепство, лицемерие, официальный культ лжи, подкуп и все другие виды коррупции начали пышно расцветать в Москве уже в 1924–1925 гг. Будущие судебные подлоги открыто готовились на глазах всего мира. В предупреждениях недостатка не было. Однако «друзья» не хотели ничего замечать». И далее шла панорама этих сталинских «друзей» — начиная с продажного журналиста Дюранта и кончая действительно большим писателем Ролланом.

Троцкий внимательно следил за «процессом 21-го», который был обозначен Сталиным как суд над «право-троцкистским блоком». Спектакль

разыгрывался 2–13 марта 1938 года. По мнению наблюдателей, это была наиболее важная судебная трагикомедия, ибо главными обвиняемыми являлись крупнейший большевистский теоретик и идеолог Н. И. Бухарин, бывший председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков, когда-то секретарь ЦК партии, а в последние годы заместитель наркома иностранных дел Н. Н. Крестинский и «легендарный большевик»^[1492] Х. Г. Раковской, в течение многих лет друг Троцкого.

Тотчас после начала суда, 3 марта, Троцкий написал статью о нем для газеты «Нью-Йорк таймс», которая была опубликована на следующий день.^[1493] 4 марта он дал интервью представителю агентства «Гавас», в котором показал фальшь главных обвинений и по адресу подсудимых, и в отношении себя самого.^[1494] В следующие дни одна за другой писались статьи об общих задачах этого процесса и его деталях, о людях, которых Троцкий хорошо знал и которые теперь были обречены на гибель от рук кремлевского убийцы.

Апрельский номер «Бюллетеня» открывался передовой статьей «Каин Джугашвили идет до конца», написанной Троцким 17 марта.^[1495] Столь резких, исполненных ненавистью публикаций о Сталине Троцкий ранее себе не позволял. «Из-за спины «великого» Сталина глядит на человечество тифлисский мещанин Джугашвили, ограниченный и невежественный пройдоха. Механика мировой реакции вооружила его неограниченной властью. Никто не смеет критиковать его и даже подавать ему советы... Подсудимые, из которых большинство выше обвинителей несколькими головами, приписывают себе планы и идеи, порожденные гением современного Кречинского и разработанные кликой гангстеров... А за стеной Каин Джугашвили потирает руки и зловеще хихикает: какой трюк он придумал для обмана солнечной системы!»

Троцкий был чрезмерно оптимистичен, полагая, что вокруг «Каина» накапливается народная ненависть. В статье отвергался террористический акт как средство расправы с диктатором. «Поскольку вообще нас может занимать личная судьба Сталина, мы можем лишь желать, чтоб он пережил крушение своей системы. Ждать ему придется не так уж долго. Победоносные рабочие извлекут его и его сотрудников-гангстеров из-под обломков тоталитарной мерзости и заставят их сдать на действительном суде отчет о совершенных им злодеяниях».

Как и в других случаях, Троцкий оставался романтиком и утопистом. Души миллионов людей в СССР наполняла не сознательная ненависть к диктатору, а смертельный страх, смешанный с преклонением толпы перед

божеством во плоти, вершителем их судеб. Но и в судьбе Троцкого эта его работа не могла не сыграть зловещей роли. Сталин ее, безусловно, прочитал, подчеркивая, видимо, как он привык, цветными карандашами наиболее яркие моменты. Статья, написанная тогда, когда «большой террор» подходил к концу, и «дьявол во плоти», стоявший за спиной всех злодеев, переставал быть ему необходим, явно ускорила решение о переходе от общего замысла убийства Троцкого к реализации этого проекта.

Особое место в публицистике Троцкого последнего года жизни, посвященной внешнеполитическим поворотам Сталина, отводилось советско-германским отношениям. В этом вопросе автор был беспощаден и разоблачителен, проявляя в то же время высокую степень проникновения в глубинную сущность дипломатической активности обоих «заклятых друзей». Отмечалось, что Сталину было присуще восторженное отношение к Гитлеру еще со времени «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда фюрер расправился с внутренней оппозицией в нацистской партии. Лидер альтернативного коммунистического течения был в числе тех немногих наблюдателей, которые отметили поворот Сталина к сближению с Гитлером с момента произнесения отчетного доклада на Восемнадцатом съезде ВКП(б) в марте 1939 года.

Анализу международного раздела этого доклада Троцкий посвятил емкую статью «Капитуляция Сталина», опубликованную во многих странах.^[1496] «Отказ от политики «союза демократий», — говорилось в ней, — дополняется немедленно униженным пресмыкательством перед Гитлером и усердной чисткой его сапог. Таков Сталин!» Троцкий, правда, был осторожен. Он не делал окончательного вывода, опирается ли доклад Сталина на достигнутое соглашение с Гитлером или это пробный шар. Склонялся он ко второму варианту, и, как свидетельствуют опубликованные через много лет документы,^[1497] был в этом вопросе полностью прав.

В следующих статьях автор показывал, как Сталин стал «адъютантом Гитлера» после заключения договора о ненападении 23 августа 1939 года.^[1498] Хотя Троцкий не знал о дополнительном секретном протоколе, разделившем сферы господства в Восточной Европе, он понимал, что такое соглашение существует. Для этого не нужно было быть особо тонким наблюдателем. На глазах у всего мира происходила совместная агрессия Германии и СССР против Польши, а затем аннексия Советским Союзом балтийских государств, а также Бессарабии, Северной Буковины и части территории Финляндии. Все эти события никак не могли произойти без

какой-то дипломатической договоренности на весьма высоком уровне, тем более что раздел Польши был постфактум зафиксирован советско-германским договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года, ставшим достоянием мировой печати.

Троцкий показывал, что роль Сталина в союзе с Гитлером была вспомогательной, что Гитлер по собственной воле предоставил Сталину свободу действий в отношении балтийских стран и Финляндии. Причины же вступления Сталина в союз с фюрером Троцкий видел в том, что СССР не может вести большую войну, что таковая война неизбежно вызовет глубокую реакцию со стороны народа и поэтому Сталин стремился уклониться от большой войны. Тем не менее в публикуемых статьях он высказывал убеждение, что война Германии против СССР была неизбежной, что, все более ощущая это, Сталин в 1940 году стал давать понять западным деятелям, что при известных условиях он «может пересесть на другого коня».

Троцкий стремился не быть вульгарным догматиком. Изучение суровых мировых реальностей порой заставляло его поставить под сомнение утопические схемы. В статье «СССР в войне» он делал поразительное допущение: «Если бы международный пролетариат, в результате опыта всей нашей эпохи и нынешней новой войны, оказался неспособен стать хозяином общества, то это означало бы крушение всяких надежд на социалистическую революцию, ибо никаких других более благоприятных условий для нее нельзя ждать». «Как ни тяжела эта вторая перспектива, но, если бы мировой пролетариат действительно оказался неспособен выполнить миссию, которую возлагает на него ход развития, не осталось бы ничего другого, как открыто признать, что социалистическая программа, построенная на внутренних противоречиях капиталистического общества, оказалась утопией».^[1499]

И тем не менее такого рода допущения он отбрасывал, буквально стряхивал с себя эту непосильную ношу, вновь возвращался к утопической перспективе низвержения советской бюрократии и международной пролетарской революции. «У нас нет в настоящий момент, — писал он в этой же статье, — никаких оснований менять нашу принципиальную позицию по отношению к СССР».^[1500]

Шли годы, коренным образом менялась обстановка в мире, одни судьбоносные события сменялись другими, но Троцкий продолжал внушать своим последователям все те же ультрареволюционные утопические задачи, которые проповедовал в русской революции почти за

четверть века до этого.

Глава 10 СИКЕЙРОС. ГРИГУЛЕВИЧ. МЕРКАДЕР

«Утка» и «Конь»

Видимо, с начала 1930-х годов у Сталина все более росло сожаление, что он допустил грубейшую ошибку, выпустив Троцкого за пределы страны. Советский вождь отлично знал, насколько маловлиятельными были организации сторонников Троцкого. Но он крайне опасался, что какие-то зарубежные компартии или группы из этих партий могут присоединиться к движению, идущему за Троцким, а затем и к IV Интернационалу. Сталин боялся утраты контроля над компартиями, возможности появления значительных антисталинистских марксистских партий. Отсюда проистекало все более усиливавшееся стремление к физической ликвидации Троцкого.

Тот факт, что к практической организации убийства диктатор приступил как раз в то время, когда в разгаре была подготовка Троцким его биографии, можно считать почти случайным совпадением. Впрочем, разумеется, эта работа усиливала чувства ненависти и мстительности, как и решимость нанести удар в ближайшее время.

Важным стимулом к решению об убийстве было вступление Сталина в союз с Гитлером, который Троцкий разоблачил в ряде публикаций, назвав Сталина «интендантом Гитлера». В то же время до той поры, когда «большой террор» превратился в «меньший террор» со второй половины 1938-го — начала 1939 года, ибо Сталин счел, что страна уже достаточно запугана и готова подчиниться любой его воле, живой Троцкий был необходим как символ единого руководства заговорщиками. Когда же кампания расправы внутри страны была в основном завершена, а «большой террор» Сталин свалил на Ежова и других «козлов отпущения» (масштаб их вины нельзя преуменьшать, но надо учитывать, что эти звери в человеческом обличье являлись лишь кровавыми палачами — исполнителями сталинской воли), с Троцким можно было покончить.

Именно совокупность этих факторов предопределила время, когда операция по осуществлению убийства основного оппонента Сталина должна была вступить в практическую фазу.

Правда, известный руководитель советской разведывательно-террористической сети П. А. Судоплатов утверждал, что устранение Троцкого было намечено еще в 1937 году и что эта операция была поручена заместителю начальника Иностранного отдела (ИНО) НКВД С. М. Шпигельгласу, который «провалил это важное правительственное задание».^[1501] Но скорее всего, Судоплатов лгал, стремясь приукрасить собственную роль в организации убийства. Тот факт, что высшее руководство не обвиняло Шпигельгласа в провале операции, ибо таковая просто не находилась в 1937 году в сталинских планах, подтверждается тем, что этот террорист был назначен исполняющим обязанности начальника ИНО в феврале 1938 года.^[1502]

Тот же Судоплатов и его биограф В. Стечкин ближе к истине, когда свидетельствуют, что задание об устранении Троцкого было дано Сталиным то ли в сентябре 1938-го, то ли в марте 1939 года. По сведениям Стечкина, в марте 1939 года Берия назначил Судоплатова ответственным за нанесение удара «по центру троцкистского движения», заявив, что устранение Троцкого должно стать главной задачей ИНО.^[1503]

Сам же Судоплатов вспоминает, что Берия вместе с ним был вызван к Сталину в сентябре 1938 года, причем вождь изрек: «Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем развяжется неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены в случае нападения империалистов на Советский Союз в поддержке наших соратников по международному коммунистическому движению».^[1504]

Непосредственное руководство операцией было поручено Н. И. Эйтингону, профессиональному организатору политических убийств, стяжавшему себе имя в НКВД руководством террористическими «мобильными группами» в Испании, где он подвизался под именем «генерала Котова».

Операция по убийству Троцкого получила кодовое наименование «Утка». Совместно с Эйтингоном Судоплатов наметил план агентурно-оперативных мероприятий. В нем, в частности, говорилось:

«Цель: ликвидация «Утки».

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и руководитель на месте «Том» (имелся в виду

Эйтингон. — Г. Ч.).

Вместе с «Томом» в страну выезжают «Мать» (завербованная испанская коммунистка Мария Каридад Меркадер. — Г. Ч.) и «Раймонд» (сын Каридад Рамон, который намечался исполнителем одного из вариантов террористического акта. — Г. Ч.). Смета расходов составила 31 тысячу американских долларов на шесть месяцев. [\[1505\]](#)

В соответствии со слегка модифицированным планом в начале осени 1938 года Рамон Меркадер в сопровождении Эйтингона и собственной матери отправился в Париж, где созывалась учредительная конференция IV Интернационала. Рассчитывали, что Меркадеру, общительному и умевшему произвести очаровательное впечатление, удастся установить полезные контакты. В Париже, как уже говорилось, Меркадер познакомился с Сильвией Агелофф, старшая сестра которой Рут являлась техническим сотрудником Троцкого, а Сильвия нередко оказывала ей помощь и была вхожа в новый дом-крепость Троцкого. Представившись как Жак Морнар, сын бельгийского дипломата, занимавшийся бизнесом, обладавший, как было видно по его поведению, немалыми средствами, Раймон легко прельстил Сильвию, а она должна была открыть своему возлюбленному доступ в дом Троцкого.

Был разработан и второй вариант убийства, который позже по кличке одного из главных исполнителей — художника Давида Альфаро Сикейроса «Кабайо» («Конь») получил кодовое наименование «Конь». Эйтингон непосредственно руководил операцией «Утка», а заместителем по второму варианту назначил другое лицо.

Им был Иосиф Григулевич, родившийся в 1913 году на окраине Вильно, ставший комсомольцем и поехавший в Испанию в 1936 году для участия в защите республики. Вскоре, однако, способного молодого человека заметил резидент НКВД Орлов, убедивший, что он принесет большую пользу, если будет выполнять специальные задания.

Фигурировавший теперь под кличками «Макс» и «Фелипе» Григулевич стал одним из основных помощников «генерала Котова» в организации «мобильных групп» убийц. В личном досье Григулевича в архиве КГБ содержится высокая оценка его «руководящей роли в ликвидации троцкистов во время гражданской войны в Испании». Можно представить себе, сколько крови было за этой оценкой!

В Испании Григулевич познакомился с мексиканским художником-монументалистом Давидом Альфаро Сикейросом. Будучи членом компартии, Сикейрос приехал для защиты республики. Но в отличие от «Макса» он действительно воевал, командовал дивизией, получил звание

полковника. Григулевич и другие советские агенты смогли убедить политически наивного художника, что в СССР раскрыта «пятая колонна», главным организатором провокаций является «агент гестапо» Троцкий, которого во имя высшей справедливости необходимо уничтожить. Сикейрос тем более негодовал, что в родной Мексике его бывший друг Ривера дал Троцкому приют.

В начале 1938 года Григулевича вызвали в Москву. Молодой киллер понравился начальству. В его пользу говорило знание испанского языка, знакомство с латиноамериканскими добровольцами испанской войны, прежде всего с Сикейросом, владение навыками провокаторства, опыт «мокрых дел». Все эти свойства сомкнулись в равнодействующей — Григулевича стали готовить к отправке в Мексику для участия в убийстве Троцкого. После приема у наркома Берии он двинулся за океан.^[1506]

Как и Меркадера, его рассматривали именно в качестве убийцы, хотя поначалу держали «про запас». Позже, став советским ученым-историком и тщательно скрывая свое прошлое,^[1507] Григулевич все же проговаривался наиболее близким людям: «Меня готовили для проведения ликвидаций. Солидными знаниями о ведении резидентуры я не обладал».^[1508]

В мае 1938 года Григулевич (под кодовым именем «Фелипе») и его помощник испанский политэмигрант Эмилио Санчес («Марко») прибыли в Мексику. Троцкий жил еще в «Голубом доме», в нескольких кварталах от которого агенты арендовали особняк и организовали наблюдение за передвижениями «соседей», а затем изучили систему охраны и порядок допуска визитеров.^[1509]

Тем временем Троцкий, понимая, что он неизбежно в конце концов станет объектом сталинской расправы или, по крайней мере, попытки таковой, стремился вести обычный образ жизни. Правда, в конце 1939-го — начале 1940 года произошли два важных изменения.

Во-первых, пополнился состав семьи. Супруги Росмеры привезли в Койоакан внука Севу. После смерти Льва Седова Сева некоторое время оставался с Жанной. Когда Троцкий обратился к ней с требованием, чтобы внук был отправлен к нему, привязавшаяся к ребенку Жанна заупрямилась. Возникла раздраженная переписка, обе стороны прибегли к помощи адвокатов и даже судебному разбирательству.^[1510] Так или иначе, Сева, которому шел четырнадцатый год, стал полноправным третьим членом семьи.

Троцкий оберегал внука от политики. Он запретил сотрудникам вступать с Севой в разговоры, связанные с политическими делами. В

глубине души понимая, что Севе вряд ли придется возвратиться на родину, дед даже не стремился сохранить у него знание русского языка. Он, как и Наталья Ивановна (вспомним, что она не была родной бабушкой, но относилась к Севе с нежностью и вниманием), общался с подростком на французском языке.^[1511]

Всеволод прочно врос в мексиканскую среду, испанский язык стал для него фактически родным. Он рано увлекся естественными науками, стал химиком и ныне сохраняет энергию и жизнерадостность. Он помнит деда как родного человека, он многое сделал для создания дома-музея Троцкого в Мехико и долгие годы был его куратором. Однако Эстебан Волков (он даже принял мексиканское имя) никогда не интересовался политическими взглядами Троцкого.

Другим важным изменением было общее ухудшение состояния здоровья Льва Давидовича, которое все более давало о себе знать. Возникло сердечно-сосудистое заболевание, резко повысилось кровяное давление. Троцкий пытался вести прежний образ жизни, много писал, принимал посетителей, но вынужден был чаще отдыхать. Верный привычке не сидеть без дела, он начал коллекционировать кактусы и завел кроликов, за которыми исправно ухаживал.

Двадцать седьмого февраля он начал писать завещание, которое прервал на полуслове, а 3 марта дописал к нему еще два абзаца, не возобновляя предыдущего текста.^[1512] Этот документ свидетельствовал, что Троцкий оставался верным своим утопическим идеям и сохранял романтические человеческие черты, которые причудливо уживались с коммунистическими догмами.

Завещание начиналось словами: «Высокое (и все повышающееся) давление крови обманывает окружающих насчет моего действительного состояния. Я активен и работоспособен, но развязка, видимо, близка. Эти строки будут опубликованы после моей смерти». Лев Давидович благодарил друзей, которые остались верны. Из них он называл по имени только жену. «Рядом со счастьем быть борцом за дело социализма судьба дала мне счастье быть ее мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности». Все имущество и литературные права Лев Давидович оставлял Наталье Ивановне. Он завершал завещание словами: «Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее. Эта вера в человека и его будущее дает мне сейчас такую силу сопротивления, какого не может

дать никакая религия».

Развязка, однако, приближалась. В ноябре 1939 года Берия утвердил в качестве приоритетного план «Конь», предусматривавший нападение террористов на дом Троцкого и его убийство. Руководство было возложено на Эйтингона, прямым организатором должен был выступить Григулевич, а формальным командиром боевой группы Сикейрос, на которого предполагалось свалить вину в случае провала. Эйтингон вместе с Каридад Меркадер, ставшей его любовницей, отправился из Парижа в Мексику.

Нападение и его последствия

Казалось бы, операция «Конь» была продумана до мелочей. Григулевичу удалось познакомиться с одним из секретарей и охранников Троцкого Робертом Шелдоном Хартом, установить с ним дружеские отношения. Как было задумано, на рассвете 24 мая 1940 года боевая группа на нескольких автомашинах подъехала к дому Троцкого, а затем подобралась к воротам. Атака была назначена как раз на ту ночь, когда дежурил Харт. «Фелипе» окликнул его и попросил впустить под вымышленным предлогом. Харт открыл калитку, через которую ворвались боевики.

В группу входили Григулевич, Сикейрос, члены компартии Мексики братья Ареналь (их сестрой являлась жена Сикейроса), любовница Григулевича Лаура Агидар (позже она станет его женой) и еще примерно полтора десятка убийц, которые получили оплату по 250 песо. Вооружены они были револьверами и двумя автоматами.

Наделе оказалось, что операция была подготовлена не полностью, сработала поговорка «Гладко было на бумаге». Зная, где находится спальня Льва Давидовича и Натальи Ивановны, убийцы не представляли себе плана этой комнаты. Распахнув двери, всполошив дом шумом, они стали беспорядочно стрелять, произведя также случайные выстрелы в соседнюю комнату, где спал Сева. Наталья Ивановна, услышав шум во дворе и моментально сориентировавшись, столкнула мужа под кровать и заслонила своим телом. Сделав несколько десятков выстрелов, не услышав каких-либо движений, будучи убеждены, что с Троцким покончено, бандиты удалились, захватив с собой Харта. Единственным пострадавшим оказался Сева: пуля попала в спинку стула, от нее отлетел деревянный осколок, задевший палец ноги. Испуганный ребенок закричал: «Дедушка!» Троцкий попытался вскочить и броситься на помощь, но Наталья Ивановна не дала

это сделать: убийцы удалялись, крик ребенка свидетельствовал, что с ним ничего страшного не произошло.

Действительно, услышав движение явно не пострадавших людей, Сева вновь закричал, но теперь это был крик торжества, обращенный к Росмерам, все еще остававшимся в Койоакане: «Альфред! Маргарита! Он жив! Они все живы!»^[1513] Через несколько секунд Лев и Наталья, вбежав в соседнюю комнату, обняли подростка и оказали ему помощь.^[1514]

Когда появилась полиция, бандиты Григулевича и Сикейроса были далеко. Исчезновение с ними Харта вызвало спекуляции о роли этого человека в нападении. Возникла версия, что он сознательно впустил террористов. Хорошо знавший американца Троцкий не верил в предательство, считал, что юноша оказался жертвой своей неопытности (Троцкий не знал подробностей, но представлял себе, что произошло в эту ночь).^[1515]

Это предположение подтвердилось, когда через месяц, 25 июня, труп юноши был найден в окрестностях Мехико. Позже было установлено, что Харта прикончил брат жены Сикейроса Луис Ареналь.^[1516] В письме соболезнования отцу Роберта^[1517] говорилось: «Единственное утешение в эти горькие часы, что разоблачена подлая клевета на Боба, клевета при помощи которой убийцы пытались скрыть свое убийство. Как герой Боб погиб за те идеи, в которые верил». По указанию Троцкого на стене дома, в котором жили секретари и охранники, была водружена мемориальная доска: «Роберт Шелдон Харт, 1915–1940, убитый Сталиным».

Когда утром 24 мая в дом на авенида Виена прибыли высшие чины полиции и задали Троцкому традиционный вопрос, кого он подозревает в организации покушения, он ответил: «Иосифа Сталина». Не очень сведущие в политических делах, да и не желавшие встречать в высокие сферы чиновники не включили эти слова в протокол допроса.

Двадцать седьмого мая Троцкий направил прокурору республики, начальнику полиции и министру внутренних дел обширное письмо,^[1518] в котором убедительно обосновывал свой тезис, что покушение было организовано по личному приказу советского диктатора. «Покушение могло исходить только из Кремля, только от Сталина». Троцкий высказывал казавшуюся в первый момент нелепой, но совершенно точную догадку о причастности к покушению художника Сикейроса. Хотя она была высказана осторожно, смысл был однозначным: «Я позволю себе также высказать предположение, что Давид Сикейрос, который участвовал в гражданской войне в Испании в качестве крайне активного сталинца, не

может не быть осведомлен о наиболее видных деятелях ГПУ испанской, мексиканской и других национальностей, которые прибыли в разное время в Мексику через Париж». Когда в коммунистические круги просочились эти подозрения, их попробовали высмеять. Появилась даже карикатура, изображавшая Троцкого, пытавшегося нанести удар топором по сидящему к нему спиной Сикейросу.^[1519] Поразительно, но коммунистические пропагандисты как бы предчувствовали то, что произойдет через пару месяцев, но в прямо противоположном смысле — убийство своего ненавистного оппонента подобием топора.

Скоро в руках полиции оказались свидетельства участия Сикейроса в покушении. Он вынужден был скрыться. В конце концов художник-террорист был арестован, признался в преступлении, хотя отрицал намерение убить Троцкого, заявив на следствии: «Мы хотели высылки этого профессионального заговорщика из страны. Наша атака была не более чем акцией устрашения».^[1520] Мексиканский художник, таким образом, отрабатывал будущую Международную премию «За укрепление мира между народами», которой его наградит уже Л. И. Брежнев в 1967 году. Следователи смеялись, выслушивая нелепости и вспоминая, что полицейские насчитали только в спальне Троцких 73 повреждения от пуль. Но до суда дело не дошло. Новый президент М. Авила Камачо распорядился выпустить Сикейроса на поруки, а он тотчас сбежал в Чили. Позже Сикейрос был помилован и, таким образом, полностью избежал наказания.

Понимая, что за первой попыткой покушения последуют новые, команда Троцкого при содействии мексиканских властей превратила дом на авенида Виена в подлинную крепость. На окнах были установлены стальные ставни, наружные стены укреплены дополнительной каменной кладкой и обложены мешками с песком, проведена разветвленная сигнализация. Вокруг дома дежурили пять полицейских патрулей. Троцкий стал называть этот дом своей маленькой крепостью.

Узнав, что покушение провалилось, Берия, по воспоминаниям Судоплатова, был взбешен.^[1521] Через несколько дней поступило донесение Эйтингона от 30 мая, в котором, в частности, говорилось:

- «а) О нашем несчастье Вы узнаете из газет подробно...
- б) Пока все люди целы, и часть уехала из страны.
- в) Если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки...
- г) Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов

по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания». [\[1522\]](#)

Нарком не без содрогания отправился на доклад к «хозяину» на Ближнюю дачу. Понимая, однако, что Эйтингон остается единственным возможным рычагом в осуществлении убийства Троцкого, Сталин милостиво распорядился послать ему шифровку с выражением доверия. [\[1523\]](#)

В действие вступал новый план расправы — операция «Утка», которая по случаю ее трансформации была переименована в операцию «Мать». Руководителем оставался Эйтингон, его главной помощницей К. Меркадер, исполнителем ее сын. Главным средством осуществления задачи, учитывая повышенные меры безопасности, было избрано внедрение в среду, имевшую доступ в особняк, и последующее убийство.

Расправа

Не прошло трех месяцев после первого налета, как Рамон Меркадер завершил реализацию заговора против жизни Троцкого. Теперь убийство готовилось более тщательно, чем налет 24 мая. Правда, был допущен «прокол». НКВД снабдил Меркадера подложными документами на имя канадца Фрэнка Джексона, не позаботившись выяснить, как пишется эта фамилия. Проявилась неразбериха, царившая в этом ведомстве в связи с арестами и расстрелами его опытных сотрудников и заменой их новичками-карьеристами. В паспорте и прочих бумагах Меркадер был назван «Jacson», тогда как на самом деле фамилия должна была выглядеть «Jackson». Спыхватятся только тогда, когда Троцкий будет убит.

Новоявленный «Джексон» появился в Нью-Йорке в сентябре 1939 года. Он встретился со своей любовницей Сильвией и объяснил, что путешествует по поддельному паспорту, так как дезертировал из бельгийской армии и нашел работу в импортно-экспортном агентстве в Мехико. Туда им следует отправиться, там они заживут счастливо неподалеку от любимой сестры Сильвии, работавшей в штабе Троцкого.

В январе 1940 года парочка появилась в Мехико, где сняла квартиру. Оказалось, что секретарской работы в доме Троцкого стало особенно много. Сильвию, знакомую с этой работой, привлекли к делу. Меркадер каждое утро отвозил ее на авенида Виена и вечером приезжал за ней.

Его поведение было точно рассчитано Эйтингоном. Вначале Рамон не предпринимал попыток проникнуть в дом. Заявив, что стоит вне политики,

он попросил Сильвию не вести с ним разговоров на эту тему. Если кто-то из обитателей дома мог заподозрить в чем-то любовника Сильвии, то его поведение разрушало опасения. Между собой секретари и охранники говорили, как повезло этой совсем не интересной женщине.

Постепенно Меркадер стал в окружении Троцкого знакомой фигурой. Обитатели дома вначале сухо здоровались с ним, затем стали более приветливыми, вступали в разговоры. Однажды он предложил супругам Росмер покатать их по городу. Они приняли предложение и были в восторге от услужливого молодого человека. Перед отъездом во Францию Росмеры пригласили Меркадера в дом, где он пробыл недолго, — выпив стакан чаю, почти сразу удалился. Вскоре Меркадер отвез Росмеров в порт, откуда они отбыли за океан.

После этого Рамона стали иногда приглашать в дом, как знакомого человека. Когда через некоторое время Сильвия отправилась в Нью-Йорк, его визиты продолжались и изменилось поведение. Он стал проявлять интерес к идеям Троцкого, а затем заявил, что желал бы разобраться в «троцкизме», к которому почувствовал влечение. До майского покушения, однако, Меркадер оставался в резерве.

Именно после 24 мая, когда был выработан новый план убийства и Меркадеру была в нем отведена главная роль, его визиты в «крепость» Троцкого стали регулярными. Рамона представили Троцкому, которому он выразил восхищение его неутомимой деятельностью. Будущий убийца завоевал симпатии Севы, подарив ему модель планера и научив, как ее запускать. [\[1524\]](#)

Убийство было спланировано так, чтобы одновременно скомпрометировать Троцкого и его движение. На случай, если бы Меркадера схватили во время или после убийства, ему следовало заявить, что троцкисты намеревались использовать пожертвованные им средства в личных целях, а не на нужды движения, и сообщить, что Троцкий пытался уговорить его войти в террористическую организацию, ставившую целью убийство Сталина. Под диктовку Эйтингона Меркадер весь этот бред записал на бумагу, вложил в конверт, который должен был положить в карман своей одежды, отправляясь на выполнение задания. [\[1525\]](#) Кроме того, на всякий случай была придумана версия личной мести: Троцкий якобы запрещал Сильвии Агелофф выходить замуж за Меркадера, так как это могло отвлечь ее от выполнения заданий. [\[1526\]](#)

В середине августа Меркадер принес Троцкому некий текст, заявив, что это — первая проба его пера в поддержку IV Интернационала,

попросил прочитать его и дать оценку. Лев Давидович неохотно согласился, полагая, что ничего путного молодой человек написать не способен, но, стремясь поощрить усилия нового сторонника, предложил напечатать статью на пишущей машинке и принести 20 августа.

Именно этот день был назначен для убийства. Он запомнился Наталье Ивановне поминутно. Она вспоминала, что Лев Давидович поднялся утром в хорошем настроении, позволив себе, впрочем, мрачноватую шутку: «Мы смогли проспать всю ночь и никто нас не убил. И ты еще не чувствуешь радости!» Троцкий покормил кроликов, привел в порядок кактусы, а затем работал над статьей. На рабочем столе после покушения остались наброски текста под заголовком «Бонапартизм, фашизм и война». [\[1527\]](#)

Меркадер явился около пяти часов основательно экипированным. Главным орудием убийства был избран малый альпинистский ледоруб с укороченной рукояткой, спрятанный в полы плаща. Обитателей дома удивило, что он пришел в плаще жарким днем, но подозрений это не вызвало. Рамон стал «своим», и заявление, что его морозит, сочли достаточным. Кроме ледоруба, у него были револьвер и кинжал, которые могли ему понадобиться, если придется пробиваться после совершения убийства. Эйтингон и Каридад Меркадер поджидали в условленном месте. [\[1528\]](#)

После приветственных слов он вдвоем с Троцким удалился в кабинет. «Прошли три или четыре минуты. Я находилась в соседней комнате. Внезапно раздался ужасный крик... В дверном проеме появился Лев Давидович и прислонился к нему. Его лицо было покрыто кровью, он моргал своими голубыми глазами без очков, его руки бессильно висели... «Что случилось? — закричала я. — Что случилось?» Совершенно растерянная, я обняла его. Он сказал спокойно: «Джексон», как будто хотел сказать мне: «Ну, вот, они это сделали». Я помогла ему опуститься на ковер столовой. «Наташа, — сказал он, — я люблю тебя...» С большим трудом он затем произнес: «Удалите Севу» и, уже теряя сознание, но с чувством удовлетворения добавил: «Он хотел... еще раз... Я не дал ему... Не убивайте его... он должен... говорить». [\[1529\]](#)

Эстебан Волков вспоминает: «Мне до сих пор кажется, что кровавый и трагический день 20 августа был вчера. Я возвращался в веселом настроении из школы. Внезапно я заметил нечто необычное. Возле дома стояли полицейские в своих синих мундирах. Мучительная боль перехватила мое дыхание, я почувствовал, что в доме произошло что-то ужасное. Я ускорил шаг, быстро подошел к открытым воротам и в саду

столкнулся с американцем Гаролдом Робинсоном, одним из секретарей деда. Он был очень возбужден, держал в руках револьвер и смог только крикнуть мне: «Джексон!» Когда я вошел в дом и заглянул в столовую, я увидел деда, лежащего на полу в луже крови. Наталья стояла возле него, прикладывая лед к ране». [\[1530\]](#) Именно в этот момент Троцкий заметил Севу и сказал, чтобы его увели...

О том, как произошло убийство, сохранились свидетельства и самого Меркадера. В показаниях после ареста он рассказывал следователю:

«Я положил свой плащ на стол таким образом, чтобы иметь возможность вынуть оттуда ледоруб, который находился в кармане. Я решил не упускать замечательный случай, который представился мне. В тот момент, когда Троцкий начал читать статью, послужившую мне предлогом, я вытащил ледоруб из плаща, сжал его в руке и, закрыв глаза, нанес им страшный удар по голове...

Троцкий издал такой крик, который я никогда не забуду в жизни. Это было очень долгое «А-а-а», бесконечно долгое, и мне кажется, что этот крик до сих пор пронзает мой мозг. Троцкий порывисто вскочил, бросился на меня и укусил мне руку. Посмотрите: еще можно увидеть следы его зубов. Я его оттолкнул, он упал на пол. Затем поднялся и, спотыкаясь, выбежал из комнаты». [\[1531\]](#)

Ворвавшиеся в кабинет секретари и охранники набросились на убийцу, начали его избивать и убили бы, если бы не были остановлены самим Троцким, уже терявшим сознание. В кармане плаща Меркадера прибывшие полицейские обнаружили то самое письмо с обвинениями по адресу Троцкого, которое продиктовал Эйтингон. [\[1532\]](#)

Троцкого отвезли в больницу, где сделали трепанацию черепа. Хотя в мозговой ткани оказалась рана глубиной в несколько сантиметров, врачи заявили Льву Давидовичу, пришедшему в сознание, что рана не очень серьезна. Он этому не поверил. «На этот раз... им... удалось», — произнес он, запинаясь. Чтобы как-то успокоить жену, он попытался пошутить, сказав, что в больнице ему постригли волосы, и теперь нет необходимости вызывать парикмахера. Вновь теряя сознание, он подозвал секретаря Д. Хансена и сказал, что хочет кое-что продиктовать. [\[1533\]](#) Хансен позже передал В. Сержу, что последними словами Троцкого были: «Пожалуйста, скажите моим друзьям, что я уверен в победе Четвертого Интернационала... Идите вперед». [\[1534\]](#)

Врачи пытались привести пациента в сознание, продлить ему жизнь. Но все было тщетно. В 7 часов 25 минут вечера 21 августа 1940 года Лев

Давидович Троцкий скончался.

Организаторы убийства Эйтингон и Каридад Меркадер бежали на Кубу, откуда через некоторое время перебрались в СССР.^[1535]

Узнав из обзоров прессы о произошедшем, Сталин вызвал Берию и заявил: «Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается лица, которое привело приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности пролетарский революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время». После прибытия Эйтингона, Каридад Меркадер и Григулевича в Москву Берия представил Сталину докладную с просьбой наградить «за выполнение важного специального задания» первых двух орденами Ленина, а Григулевича — орденом Красной Звезды. Сталин начертал резолюцию «За (без публикации)».

Следствие по делу Рамона Меркадера продолжалось почти четыре года! Единственным свидетелем, показавшим, что убийство носило политический характер, явилась Сильвия Агелофф. Вызванная на очную ставку, она устроила истерику и кричала: «Ты агент ГПУ! Они тебя заставили! По приказу Сталина заставили убить Троцкого! Начиная с Парижа, ты обманывал меня. Думал только о том, как покончить с Троцким. Тебе нужно было использовать меня».^[1536]

Только в мае 1944 года суд федерального округа Мексики вынес приговор — 20 лет заключения. В отвлеченные материи суд не вдавался, показания С. Агелофф проигнорировал, тем более что Меркадер упорно повторял версию о личной мести. В заключении Меркадер провел 19 лет и 8 месяцев. Он был освобожден в начале мая 1960 года, в тот же день вылетел в Гавану, а оттуда в Москву. 25 июня 1960 года руководство КГБ СССР представило первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву докладную записку, в которой говорилось: «В силу своей безграничной преданности делу коммунизма и Советскому Союзу в период следствия и судебного разбирательства, а также на протяжении почти 20-летнего пребывания в тюрьме в условиях не прекращавшейся против него кампании угроз и провокаций [Р. Меркадер] проявил смелость, стойкость и высокую идейность, присущие настоящему коммунисту, и сохранил в тайне свою связь с органами государственной безопасности Советского Союза». Ни словом не упоминая, по поводу чего Меркадер отбыл срок, в чем состояли его «заслуги», предлагалось присвоить ему звание Героя Советского Союза.

Полностью выполняя указание умершего Сталина, 30 июня 1960 года советские власти присвоили Меркадеру звание Героя. На всякий случай был использован псевдоним — Рамон Иванович Лопес, под именем которого Меркадер жил в СССР.^[1537] В Москве он стал пенсионером КГБ, получил четырехкомнатную квартиру и дачу.^[1538] Знакомым он говорил, что работает в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, и действительно появлялся там, ведя себя самоуверенно, постоянно нося звезду героя на распахнутом пиджаке. Но на самом деле в институте он не работал, а занимал странное положение, будучи прикомандированным к группе, изучавшей историю испанской гражданской войны 1936–1939 годов. Меркадер подал заявление о вступлении в КПСС, поначалу ему было отказано, так как он не собрал рекомендации. Вскоре, однако, его приняли в партию непосредственно в ЦК КПСС, минуя промежуточные инстанции.^[1539] В СССР «Лопес» жил до 1974 года, после чего выехал на Кубу, где умер в 1978 году. Жена привезла его прах в СССР, и он был захоронен на Кунцевском кладбище в Москве. На памятнике над его могилой значится надпись «Герой Советского Союза Рамон Иванович Лопес».

Тогда же, за три с половиной десятилетия до смерти Меркадера, в 1940 году, Сталин торжествовал. 24 августа в «Правде» появилось тщательно отредактированное сообщение: «В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения». Через несколько дней была опубликована редакционная статья, похоже, полностью или фрагментарно написанная Сталиным, во всяком случае, соответствовавшая его стилю. Называлась она «Смерть международного шпиона».^[1540] Небольшая по объему, она свела воедино все клеветнические утверждения и проклятия, которые накапливал Сталин почти два десятилетия.

Правительство Мексики приняло на свой счет организацию похорон Троцкого. Пять дней открытый гроб находился в зале Такуба.^[1541] Мимо него прошли десятки тысяч людей, из которых лишь горстка относилась к его сторонникам. Остальные были просто любопытствующими, пришедшими посмотреть на тело человека, имя и действия которого почти два десятилетия будоражили мир. 27 августа состоялись похороны.

Основанный Троцким IV Интернационал существует по настоящее время, оставаясь незначительной организацией, претерпевающей новые расколы, слияния и перегруппировки. После войны наряду с Интернациональным секретариатом образовался оппозиционный ему орган — Интернациональный комитет, позже они объединились, затем

происходили новые реорганизации. В настоящее время (данные 2001–2003 годов, которые значительно не изменились) существуют девять международных организаций, провозглашающих приверженность «троцкизму», понимаемому ими по-разному.^[1542] Кроме того, о своем существовании объявили еще около тридцати мелких организаций и движений. Общая численность всех этих объединений составляет около тридцати тысяч человек.^[1543]

Наталья Ивановна Седова оставалась членом IV Интернационала до 1951 года, постепенно отдаляясь от традиционалистов, придерживавшихся мнения, что СССР остается «рабочим государством». 9 мая 1951 года она послала Исполкому Интернационала письмо, сообщив, что разногласия с руководством не оставляют ей иного выхода, кроме как прекратить в нем участие. «Сталинизм и сталинское государство не имеют ничего общего ни с рабочим государством, ни с социализмом, — говорилось в письме. — Они являются самыми страшными и самыми опасными врагами социализма и рабочего класса». Письмо завершалось сожалением, что идеи Троцкого больше не являются руководством к деятельности Интернационала.^[1544] Последние годы жизни Наталья Ивановна провела в Париже, где скончалась в 1962 году. Похоронили ее вместе с супругом во дворе дома в Койоакане, где был убит Лев Давидович.

Прямыми потомками Троцкого, оставшимися в живых после трагических событий, являются его внук, сын дочери Зинаиды — Эстебан Волков, живущий в Мехико, и внучка, дочь Сергея Седова — Юлия Аксельрод, живущая в Иерусалиме. Внуки, правнуки и праправнуки Троцкого разбросаны ныне по разным городам России, Мексики, США, Израиля. К своему знаменитому родственнику относятся они по-разному — от преклонения до полного отвержения.

НЕСКОЛЬКО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Для понимания Троцкого как общественного деятеля важно уяснить

различие между политиком и политиканом. Политик, по представлению автора этой книги, — это деятель, подчиняющий собственную практическую работу своей идеологии. Политикан, напротив, подчиняет идеологию собственным практическим целям, которым придает идеологизированный вид, оставаясь прагматиком.

На протяжении всей своей общественной деятельности Троцкий являлся именно политиком. Он оставался верен тем основополагающим догмам К. Маркса и Ф. Энгельса, которые усвоил в молодом возрасте, а затем пытался развить в концепцию перманентной революции.

Троцкий был смелым человеком и вместе с тем фанфароном, мастером позы, любителем эффекта в ущерб систематической работе по упрочению своего положения, как и своих идей. Политическую деятельность он рассматривал как огромную сцену, а себя как великолепного актера, который играет выдающуюся роль — роль в обоих смыслах: и в качестве практического деятеля и теоретика, и в прямом смысле как исполняющего определенную сценическую партию в написанной им марксистско-коммунистической драме.

Ленину ненавистны были эти артистические черты в характере, во всем облике Троцкого, которого он до 1917 года не раз наделял различными нелюбезными кличками вплоть до «Иудушки», а после прихода к власти признавался Максиму Горькому, что Троцкий «с нами, но не наш».

Лев Троцкий находился в эпицентре всех важнейших событий, связанных с Октябрьским переворотом 1917 года, приходом большевиков к единоличной власти, заключением Брестского мирного договора и Гражданской войной. Во время этих узловых моментов, обеспечивших сохранение власти большевистской партии, началось утверждение тоталитарной системы в России. Троцкий был при этом ключевой фигурой, подчас оттесняя Ленина с решающей позиции, по крайней мере в прикладном смысле.

Не испытывая друг к другу симпатий, Ленин и Троцкий в первое время после прихода к власти сознавали, что они необходимы друг другу, что в случае исчезновения по какой-либо причине одного из них другому крайне трудно будет сохранить властное положение. Троцкий учитывал это вплоть до прекращения активной политической деятельности Ленина в конце 1922 года, Ленин же крайне тяготился этой ситуацией и стремился от нее избавиться.

Именно эти обстоятельства и привели к тому, что Ленин все больше приближал к себе Сталина, в котором видел не только жесткого организатора, но в то же время яростного соперника и ненавистника

Троцкого на фронтах Гражданской войны.

В результате в период Гражданской войны и непосредственно после нее возник своеобразный треугольник, в вершине которого находился Ленин, а два остальных угла занимали Троцкий и Сталин. «Угол Троцкого» в то время был значительно более мощным. Но и «угол Сталина» был весомым и подчас грозил стать решающим.

Положение резко изменилось во время болезни Ленина, когда последний оказался в прямой зависимости от генсека и его помощников, а Троцкий стал терять властные позиции. Попытка Ленина опереться на влияние и авторитет наркомвоенмора оказалась бесплодной.

Ни один из большевистских лидеров не отличался, при прочих качествах, во многом способствовавших их личному и коллективному успеху, таким безудержным популизмом, таким демагогическим талантом, которые умело и плодотворно использовал Троцкий, сохранив эти свои способности и в последней эмиграции. В то же время Троцкий был прежде всего революционером, тогда как Ленин и тем более Сталин думали в первую очередь о сохранении власти. Во многих случаях Троцкий не в состоянии был правильно оценить соотношение сил, реальное положение дел, не был приспособлен к решению текущих вопросов в выгодном для себя смысле.

Все эти его качества сохранились не только во времена оппозиционных выступлений против усиливавшегося сталинского единовластия, но и в годы эмиграции, в упорных попытках создания крупной и действенной международной организации своих сторонников. Эта организация так и не смогла выйти за пределы крайне узкого круга догматиков, продолжавших на протяжении десятилетий острые споры по вопросам мировой революции, идеи которой становились все более чужды сколько-нибудь широким слоям населения.

На памятнике, который сооружен над могилой Троцкого в Койоакане (автор памятника мексиканский архитектор Хуан О'Горман), выгравированы серп и молот. Когда смотришь на этот памятник, невольно думаешь, что это могила не только Троцкого, но самих серпа и молота как символов социальной инженерии, которая задумывалась в форме всемирного братства свободных людей, но на практике обернулась кровавой тоталитарной системой, несовместимой с естественной тягой людей к прогрессу, личному и коллективному благополучию.

Лев Давидович Троцкий оказался не в состоянии отказаться от того комплекса идей, которые не выдержали проверки временем. Он остался в истории как последний великий коммунист-утопист.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. Д. ТРОЦКОГО

1879, 26 октября — в деревне Яновка Херсонской губернии в семье Давида и Анны Бронштейн родился сын Лейба, которого обычно называли Лев.

1886 — Лев поступил в частную еврейскую религиозную школу в колонии Громокляя неподалеку от Яновки.

1887 — поступил в реальное училище Святого Павла в Одессе.

1896 — перешел в седьмой (выпускной) класс реального училища в городе Николаеве.

Осень — начал посещать «сад Швиговского», где собиралась радикально настроенная молодежь.

1897, весна — участвовал в формировании рабочих кружков в Николаеве, которые затем объединились в Южно-русский рабочий союз, объявивший о своей приверженности марксизму.

1898, январь — арестован вместе с другими руководящими участниками союза.

1899, декабрь — суд в Одессе приговорил Льва Бронштейна к ссылке в Восточную Сибирь на четыре года.

1900, начало — в московской пересыльной тюрьме Лев вступил в брак с Александрой Львовной Соколовской.

Октябрь — Лев и Александра прибыли на место ссылки — в село Усть-Кут на реке Лене; в газете «Восточное обозрение» (Иркутск) появилась первая статья Льва Бронштейна под псевдонимом «Антид Ото».

1901, март — родилась дочь Александры и Льва Зинаида.

Лето — Лев и Александра переведены на новое место ссылки — в город Верхолениск.

1902, июль — родилась дочь Александры и Льва Нина.

Август — Лев бежал из ссылки, используя паспорт на фамилию Троцкий, и через Вену перебрался в Лондон, где встретился с Лениным.

Ноябрь — начал сотрудничать в газете «Искра» и других марксистских зарубежных изданиях под фамилией Троцкий, которая стала его основным псевдонимом.

Конец года — Лев познакомился с Натальей Ивановной Седовой и вступил с ней в фактический брак.

1903, июль — август — Троцкий участвовал во Втором съезде РСДРП, на котором присоединился к меньшевикам.

Сентябрь — избран в состав меньшевистского центра.

1904, август — вышла работа Троцкого «Наши политические задачи», со державшая острую полемику против большевиков и особенно против Ленина.

Сентябрь — Троцкий заявил о прекращении своего участия в меньшевистской фракции и стал нефракционным социал-демократом. Лев и Наталья переехали в Мюнхен и поселились в квартире социал-демократа Парвуса, совместно с которым Троцкий начал разработку стратегии социал-демократов в предстоявшей революции в России.

1905, февраль — Троцкий приехал в Киев для непосредственного участия в революции, начавшейся в России.

Конец февраля или начало марта — переехал в Петербург, где принял активное участие в деятельности социал-демократических организаций.

Октябрь — под псевдонимом «Яновский» начал участвовать в работе Петербургского совета рабочих депутатов.

Ноябрь — после ареста председателя Совета Хрусталева-Носаря фактически возглавил Совет.

Декабрь — арестован вместе с другими руководителями и членами Совета.

1906 — опубликовал брошюру «Наша революция» и цикл статей, в которых сформулировал концепцию перманентной революции. Февраль — родился сын Натальи и Льва Лев.

Ноябрь — Петербургская судебная палата приговорила Троцкого к бессрочной ссылке в Восточную Сибирь.

1907, февраль — Троцкий совершил побег после остановки этапа ссыльных в городе Березове.

Март выехал в Финляндию, а затем в Германию.

Апрель — май — участвовал в Пятом съезде РСДРП.

Август — участвовал в Штутгартском конгрессе II Интернационала.

Октябрь — переселился в Вену, где начал вести агитацию за объединение социал-демократических фракций.

1908, март — родился сын Натальи и Льва Сергей.

Август — Троцкий начал сотрудничать в газете «Киевская мысль».

Октябрь — начал издание в Вене газеты «Правда».

1910, август — сентябрь — участвовал в Копенгагенском конгрессе II Интернационала.

1911, август — участник совещания Заграничного бюро ЦК РСДРП, призвавшего к проведению единой партийной конференции.

1912, август — участвовал и фактически руководил конференцией

социал-демократических групп в Вене, на которой было создано объединение, получившее название «Августовский блок».

Сентябрь — выехал на Балканы в качестве военного корреспондента газеты «Киевская мысль».

1913, апрель — написал письмо руководителю социал-демократической фракции в IV Государственной думе Н. С. Чхеидзе, в котором назвал Ленина «эксплуататором всякой отсталости в русском рабочем движении».

1914, июль — участвовал в совещании фракций РСДРП в Брюсселе.

Август — в связи с началом мировой войны выехал из Вены в Цюрих (Швейцария).

Октябрь — написал брошюру «Война и Интернационал».

Ноябрь — переехал в Париж, где приступил к работе в газете «Слово», вскоре переименованной в «Наш голос».

1915, сентябрь — участвовал в международной конференции социал-демократов, выступавших против войны (поселок Циммервальд, Швейцария).

1916, сентябрь — выслан из Франции в Испанию.

Декабрь — выслан из Испании в США.

1917, январь — прибыл в Нью-Йорк и приступил к сотрудничеству в социал-демократической газете «Новый мир».

Март — в связи с началом революции в России отправился на пароходе на родину.

Апрель — задержан британскими властями в порту Галифакс (Канада) и отправлен в лагерь для военнопленных и интернированных, откуда вскоре был освобожден.

Май — прибыл в Петроград; приступил к работе в Петроградском совете и в межрайонной группе социал-демократов, которую фактически возглавил.

Июнь — участвовал в Первом Всероссийском съезде Советов.

Июль — арестован по обвинению в сотрудничестве с германскими секретными службами.

Август — в составе межрайонной группы вступил в большевистскую партию и на Шестом съезде был избран в состав ее ЦК. Сентябрь — освобожден из заключения и избран председателем Петроградского совета; участвовал в Демократическом совещании. Октябрь — объявил на Демократическом совещании о разрыве большевиков с совещанием и образованным им Предпарламентом; выступил инициатором образования Военно-революционного комитета при Петроградском совете и фактически

возглавил его деятельность; руководил государственным переворотом в Петрограде и участвовал во Втором Всероссийском съезде Советов, на котором был включен в состав правительства — Совета народных комиссаров — в качестве наркома по иностранным делам.

Декабрь — возглавил советскую делегацию на переговорах с центральными державами в городе Брест-Литовске.

1918, январь — объявил на переговорах, что Россия отказывается подписать мир, но войну прекращает и демобилизует армию.

Февраль — покинул пост наркома по иностранным делам.

Март — назначен наркомом по военным делам (вслед за этим стал наркомом по военным и морским делам) и председателем Высшего военного совета (в сентябре этот орган был преобразован в Революционный военный совет Республики).

Август — совершил первый выезд на фронт в район города Свияжска в специально сформированном поезде наркомвоенмора. Август — декабрь — произошел конфликт Троцкого со Сталиным по вопросам, связанным с характером Красной армии, использованием военных специалистов и др.

1919, март — Троцкий участвовал в I конгрессе Коммунистического интернационала, написал «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира»; выступил перед началом Восьмого съезда РКП(б) против военной оппозиции, за строительство регулярной и дисциплинированной армии (в съезде не участвовал в связи с выездом на фронт); после съезда был избран в состав образованного этим съездом Политбюро ЦК РКП(б).

Июль — август — выступил против «периферийной стратегии» борьбы с армией Деникина, за наступление по направлению Харьков — Донбасс.

Октябрь — ноябрь — возглавил оборону Петрограда от армии генерала Юденича.

Ноябрь — награжден орденом Красного Знамени.

Декабрь — написал тезисы о введении всеобщей трудовой повинности.

1920, январь — внес проект постановления о 1-й Армии труда, принятый с изменениями Советом труда и обороны.

Февраль — обратился в ЦК РКП(б) с предложением о частичной замене продовольственной разверстки натуральным налогом, которое было отвергнуто.

Март — назначен по совместительству наркомом путей сообщения. 1 Конецмарта — началоапреля — участвовал в Девятом съезде РКП(б), j на

котором выступил с докладом о хозяйственном строительстве.

Май — издал приказ по Наркомату путей сообщения, содержащий первые наброски перспективного хозяйственного планирования.

Июль — участвовал во II конгрессе Коминтерна, написал текст манифеста конгресса.

Декабрь — 1921, март — участвовал в профсоюзной дискуссии, выступив за «огосударствление» профсоюзов.

1921, март — руководил подавлением антибольшевистского восстания в Кронштадте; участвовал в Десятом съезде РКП(б), на котором поддержал замену продовольственной разверстки натуральным налогом, что явилось началом введения новой экономической политики. Июнь — июль — участвовал в III конгрессе Коминтерна, на котором выступил с докладом о новом хозяйственном кризисе и задачах Коммунистического интернационала.

1922, март — написал письмо членам Политбюро с предложением о разграничении функций партийных и государственных органов.

Ноябрь — декабрь — участвовал в IV конгрессе Коминтерна, на котором выступил с докладом о новой экономической политике Советского государства и перспективах мировой революции.

Декабрь — поддержал требование Ленина о полном сохранении государственной монополии внешней торговли.

Конец декабря — 1923, начало января — Ленин продиктовал «Письмо к съезду», в котором дал оценки качеств руководящих партийных деятелей, прежде всего Троцкого и Сталина.

1923, апрель — Троцкий принял участие в Двенадцатом съезде РКП(б), на котором выступил с докладом о промышленности.

Лето — написал книгу «Литература и революция».

Август — сентябрь — участвовал в выработке курса Коминтерна и руководства РКП(б) на развязывание революции в Германии.

Октябрь — обратился с письмом к членам ЦК и ЦКК РКП(б) с критикой внутрипартийного режима; появилось «заявление 46-ти» (на деле подписанное 47 партийными деятелями) с теми же основными положениями, что и письмо Троцкого; Троцкий простудился на охоте и длительное время находился в постели.

Декабрь — участвовал в выработке резолюции «О партстроительстве», утвержденной Политбюро и Президиумом ЦКК РКП(б), с требованиями расширения внутрипартийной демократии; опубликовал ряд статей в «Правде» в поддержку курса на внутрипартийную демократию, которые затем были включены в брошюру «Новый курс».

1924, январь — принял решение не возвращаться из отпуска в Москву для участия в похоронах В. И. Ленина.

Май — участвовал в Тринадцатом съезде РКП(б), на котором по делегациям было оглашено «Письмо к съезду» Ленина.

Сентябрь — завершил подготовку статьи «Уроки Октября» с критикой позиции Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и И. В. Сталина в октябре 1917 года.

Ноябрь — 1925, январь — «литературная дискуссия», в ходе которой Троцкий обвинен в попытке подменить ленинизм троцкизмом.

1925, январь — Троцкий снят с должности наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета.

Апрель — написал книгу «Куда идет Англия?».

Май — назначен на должности председателя Главного концессионного комитета, начальника электротехнического управления и председателя научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства.

Август — написал заявление «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина»», в котором по требованию Политбюро пытался опровергнуть достоверные данные, содержащиеся в этой книге.

1926, март — вступил в острую перепалку со Сталиным по вопросу об отношении к так называемой «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым и Каменевым.

Апрель — внес предложение о строительстве Днепровской гидроэлектростанции; уезжает лечиться в Берлин.

Май — выступил против позиции большинства Политбюро по отношению к массовой забастовке в Великобритании и Англо-русскому профсоюзному комитету.

Июль — участвовал в работе пленума ЦК ВКП(б), на котором завершилось формирование объединенной антисталинской оппозиции. Лето и осень — выступил с рядом статей, тезисов и заявлений, подвергавших критике внутреннюю и внешнюю политику сталинского руководства.

Октябрь — на пленуме ЦК исключен из состава Политбюро.

1927, май — руководил подготовкой и подписал заявление оппозиционных деятелей в числе 83 человек.

Конец июля — начало августа — участвовал в работе пленума ЦК ВКП(б), на котором предпринял безуспешную попытку смягчить разногласия между оппозицией и группой Сталина.

Руководил подготовкой «Проекта платформы большевиков-ленинцев (оппозиции) к Пятнадцатому съезду ВКП(б)».

Октябрь — на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) исключен из состава ЦК.

Ноябрь — руководил подготовкой и организацией параллельных демонстраций оппозиционеров в Москве и Ленинграде в честь 10-летия Октябрьской революции; исключен из ВКП(б).

1928, январь — сослан в Алма-Ату.

Весна — начал работу над книгой воспоминаний.

Июнь — в Москве от туберкулеза умерла дочь Нина; Троцкий направил VI конгрессу Коминтерна документ «Критика программы Коммунистического Интернационала» и несколько других критических документов.

Ноябрь — власти установили почтовую блокаду Троцкого.

1929, февраль — Троцкий выслан из СССР в Турцию.

Март — устройство на острове Принкипо в Мраморном море. Июль — начал выпускать журнал «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)».

1930 — работал над книгой воспоминаний «Моя жизнь» (опубликована в конце 1930 года).

Весна — на Принкипо приехала дочь Троцкого Зинаида с сыном Всеволодом (Сева).

Апрель — в Париже состоялась первая конференция Интернациональной левой оппозиции.

1931 — опубликован первый том «Истории русской революции» Троцкого.

Март — в доме Троцкого произошел пожар, в результате которого он с семьей и сотрудниками временно переехал в пригород Стамбула Кадикьой.

1932 — опубликована книга Троцкого «Сталинская школа фальсификации».

Февраль — Троцкий лишен советского гражданства.

Ноябрь — совершил поездку в Копенгаген, где прочитал доклад о 15-летию Октябрьской революции и провел совещание своих сторонников.

1933 — опубликован второй том «Истории русской революции» Троцкого.

Январь — покончила жизнь самоубийством дочь Зинаида.

Март — Троцкий призвал к созданию новой коммунистической партии в Германии.

Июль — получил французскую визу и переехал во Францию, поселился в окрестностях города Ройана; Троцкий пришел к выводу о невозможности реформировать компартии и Коминтерн, о необходимости создания новой международной марксистско-ленинской организации и о

том, что бюрократический режим в СССР может быть свергнут только силой.

Август — состоялась конференция Интернациональной левой оппозиции в Париже, принявшая принципиальное решение о необходимости создания нового Интернационала.

Сентябрь — Интернациональная левая оппозиция была переименована в Международную коммунистическую лигу (большевиков-ленинцев).

Октябрь — Троцкий провозгласил необходимость политической революции для восстановления рабочей демократии в СССР. Ноябрь — переехал в город Барбизон.

Декабрь — участвовал в совещании Международной коммунистической лиги в Париже.

1934, апрель — май — переехал в Париж, затем в Гран-Шартрез и, наконец, в окрестности Гренобля.

Июнь — внес предложение о вступлении своих французских сторонников в Социалистическую партию («французский поворот»).

1935, февраль — переехал в местечко Домен в Альпах.

Март — июнь — арестован и сослан в Красноярск сын Троцкого Сергей.

Июнь — Троцкий получил визу на въезд в Норвегию и переехал в эту страну.

1936, май или июнь — сын Сергей вновь арестован и отправлен в концлагерь в Воркуту.

Июль — в Париже состоялась конференция Движения за IV Интернационал.

Август — Троцкий завершил работу над книгой «Что такое СССР и куда он идет?»; произошел налет правых экстремистов на дом Кнудсена, в котором проживал Троцкий.

Сентябрь — норвежские власти перевели Троцкого под домашний арест.

Декабрь — Троцкий получил визу мексиканского правительства и отплыл в Мексику на норвежском танкере.

1937, апрель — заседания подкомиссии Д. Дьюи (части Международной комиссии по расследованию обвинений, предъявленных Л. Троцкому на московских судебных процессах) в Койоакане.

Сентябрь — решение международной комиссии о невинности Троцкого; вышла книга Троцкого «Преступления Сталина». Октябрь — расстрелян сын Троцкого Сергей.

1938, февраль — Троцкий начал работу над книгой «Сталин»; в

парижской больнице при странных обстоятельствах скончался сын Троцкого Лев Седов.

Апрель — Троцкий написал «Переходную программу» IV Интернационала.

Сентябрь — состоялась учредительная конференция IV Интернационала.

1939, декабрь — Троцкий завершил работу над первым томом книги «Сталин».

1940, февраль — март — написал завещание.

Май — написал манифест «Империалистическая война и пролетарская революция».

24 мая — произошло неудачное покушение на жизнь Троцкого, организованное советской агентурой и осуществленное группой Григулевича-Сикейроса.

20 августа — агент НКВД Р. Меркадер ранил Троцкого ударом ледоруба по голове.

21 августа — Троцкий скончался в больнице города Мехико от тяжелого ранения.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ИЗДАНИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Архив Троцкого. Харьков: Око, 1999, 2001. Т. 1–2.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Инфодизайн, 1990.

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). Репринт. New York: Monad Press, 1973. Т. 1–4.

Ватлин А. Ю. Коминтерн: Первые десять лет. Исторический очерк. М.: Россия молодая, 1993.

Волкогонов Д. Троцкий: Политический портрет. М.: Новости, 1992. Т. 1–2.

Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. М.: Партиздат, 1932. Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968.

Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года: Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963.

Дойчер И. Троцкий: Вооруженный пророк. 1879–1921. М.: Центрполиграф, 2006.

Дойчер И. Троцкий: Безоружный пророк. 1921–1929. М.: Центрполиграф, 2006.

Дойчер И. Троцкий: Изгнанный пророк. 1929–1940. М.: Центрполиграф, 2006.

Зив Г. А. Троцкий: Характеристика. (По личным воспоминаниям). Нью-Йорк: Народопрравство, 1921.

Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927 / Ред. — сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson: Vermont, Chalidze Publications, 1988. Т. 1–4.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий: Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-Пресс, 2000.

Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1–2.

Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. Лент В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1958–1965. Т. 1–55.

Мартов Ю. О., Потресов А. Н. Письма 1898–1913. М.: Собрание, 2007. «Милая моя Ресничка!...». Сергей Седов: Письма из ссылки. СПб.: Мемориал, 2006.

Никандров Н. Григулевич. М.: Молодая гвардия, 2005.

Никулин Н. М. Л. Д. Троцкий: Отступление в историю. М.: Вега, 1993. Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961.

Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М.: Автор, 1991. Панцов А. В. Брестский мир // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 60–79. Панцов А. В. «Демон революции» или пролетарский революционер // Полис. 1991. № 1. С. 188–194.

Панцов А. В. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65–87.

Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и Китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.

Панцов А. В., Чечевишников А. Л. Исследователь и источник: О книге Д. А. Волкогонова «Троцкий» // Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 100–114.

Письма Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М.: Издание Р. М. Плехановой, 1925. Т. 1–2.

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. The Hague: Europe Printing,

1967.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1923: Документы. М.: РОССПЭН, 2004.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1–2.

Протоколы Центрального Комитета РКП(б). Август 1917 — февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958.

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1928.

Рабинович А. Досье Щасного: Троцкий и дело героя Балтики // Отечественная история. 2001. № 1. С. 61–82.

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004.

Роговин В. Власть и оппозиции. М.: Театр, 1993.

Советское руководство: Переписка 1928–1941. М.: РОССПЭН, 1991.

Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.-Л.: Госиздат, 1928.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 1–13.

Станчев М., Чернявский Г. Л. Д. Троцкий, Болгария и болгары. София: Академическое изд-во им. проф. Марина Дринова, 2008.

Станчев М., Чернявский Г. Фарс на крови. Харьков: Око, 1997.

Старцев В. А. Л. Д. Троцкий: Страницы политической биографии. М.: Знание, 1989.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938 гг. В 3 т. М.: РОССПЭН, 2007.

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. М.: Яуза, 2005.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гей», 1996.

XIII съезд Российской коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963.

Троцкий Л. Дневники и письма. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994.

Троцкий Л. История русской революции. М.: Терра, 1997. Т. 1–2 (т. 2 в двух частях).

Троцкий Л. Из истории русской революции. М.: Политиздат, 1990.

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. М.: Принтима, 1993.

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991.

Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1931.

- Троцкий Л. Д. О Ленине: Материалы для биографа. М.: Госиздат, 1924.
- Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995.
- Троцкий Л. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991.
- Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. Вып. 1–2.
- Троцкий Л. Преступления Сталина. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994.
- Троцкий Л. Сочинения. М.: Госиздат, 1926–1927. Т. 2, 3,4, 6, 8,9,13,15, 17, 20,21.
- Троцкий Л. Сталин. М.: Терра, 1996. Т. 1–2.
- Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932.
- Троцкий Л. Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). Л.: Лениздат, 1991.
- Тютюкин С. В. Л. Д. Троцкий в годы первой российской революции // История СССР. 1991. № 3. С. 83–99.
- Тютюкин С. В. Меншевиизм: Страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002.
- Фельштинский Ю. Крушение мировой революции: Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М.: Терра, 1992.
- Фельштинский Ю. Троцкий о Сталине // Новый журнал. 1984. № 155. С. 219–234.
- Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2003.
- Чернявский Г. Новые притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2005.

Примечания

Broué P. Trotsky. Paris: Fayard, 1988. П. Бруэ в течение многих лет руководил Институтом Льва Троцкого в Гренобле. Под его редакцией в 1979–2003 годах вышли 80 выпусков журнала «Cahiers Leon Trotsky» («Тетради Льва Троцкого»).

Трехтомник Дойчера появился впервые на английском языке в 1950–1960-х годах. См.: Дойчер И. Троцкий: Вооруженный пророк. 1879–1921. М.: Центрполиграф, 2006; Его же. Троцкий: Безоружный пророк. 1921–1929. М.: Центрполиграф, 2006; Его же. Троцкий: Изгнанный пророк. 1929–1940. М.: Центрполиграф, 2006. Близко к истине впечатление Жана вана Хейженоорта, являвшегося в свое время секретарем Троцкого, а через много лет, уже в качестве ученого, приводившего в порядок его архивный фонд в Хотонской библиотеке Гарвардского университета, что этот автор «работал в архивах торопливо, подобно репортеру, хватаясь за любую информацию, а не как историк, отбирающий документы». Хейженоорт прав, что «ни один серьезный исследователь не должен пользоваться цитатой или информацией в его (Дойчера. — Г. Ч.) рассказе, предварительно не проверив их» (Heijenoort J. van. *The History of Trotsky's Papers* // *Harvard Library Bulletin*. 1980. July. P. 153–154).

Волкогонов Д. Троцкий: Политический портрет. М.: Новости, 1992. Т. 1–2.

Ланцов А. В., Чечевишников А. Л. Исследователь и источник: О книге Д. А. Волкогонова «Троцкий» //В кн.: Исторические исследования в России: Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 100–114.

Ланцов А. В. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65–87. Этому же автору принадлежит серьезное исследование, значительная часть которого посвящена влиянию Троцкого и его идей на революционное движение в Китае (Ланцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и Китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001).

Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923–1927. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1988. Т. 1–4.

Pomper Ph. Lenin, Trotsky and Stalin: The Intelligentsia and Power. New York: Columbia University Press, 1990.

Американский автор высказывает мнение, что ребенка назвали в честь деда по отцовской линии (*Pomper Ph. Op. cit. P. 80*). Однако русифицированное имя деда этого не подтверждает.

Фельдман Д. З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв.: Опыт архивного исследования. М.: Древлехранилище, 2005. С. 108–110.

Никитин В. Н. Еврей-земледельцы. СПб., 1887. С. 107.

Сам Троцкий часто неточно называл эту колонию Громоклей.

Еврейская энциклопедия. СПб.: Общество для научных еврейских изданий, без года. Т. 6. Стб. 800.

Слово (Николаев). 1998. 20 ноября.

Эта деревня многократно изменяла название. В настоящее время она называется Береславкой и входит в Бобринецкий район Кировоградской области Республики Украина.

Слово (Николаев). 1998. 20 ноября.

Serge V, Sedova Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. New York: Basic Books, Inc. Publishers, 1975. P. 8.

Bronstein V. Stalin and Trotsky's Relatives in Russia. — In: The Trotsky Reappraisal. Edinburgh University Press, 1992. P. 8.

Материалы Дома-музея Л. Д. Троцкого в Койоакане (г. Мехико) (далее: Материалы Музея Троцкого); Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 1. С. 35–37.

Недава Й. Вечный комиссар. Книгоиздательство «Москва — Иерусалим», 1989. С. 43.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 17.

В предисловии к работе Истмен писал о своем восхищении большевистскими лидерами. «Я решил создать портрет одной из этих личностей. Я избрал Троцкого, потому что он показался мне наиболее универсально одаренным человеком в мире сегодня. Нет никого более живого, более интересующегося во всем интересами человечества. Если мы хотим понять, как Троцкий стал большевиком, мы должны иметь какое-то человеческое понимание, в чем заключается большевизм» (Eastman M. Leon Trotsky: The Portrait of a Youth. New York: Greenberg Publishers, Inc., 1926. P. V). В Архиве (Библиотека Лилли) Университета штата Индиана (США) хранится фонд М. Истмена, в котором имеется ряд записанных им и присланных ему подлинников мемуарных свидетельств о детстве и юности Троцкого (Indiana University, Lilly Library, Max Eastman Archive).

Eastman M. Op. cit. P. 1.

Слово. 1998. 20 ноября.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 59.

Босько В. Юш лгга Левка Бронштейна (Тродького) // Народне слово (Юровоград). 2001. 17 липня.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 57.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 65.

Eastman M. Op. cit. P. 19–20.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 65–66.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 9.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 86–87.

Там же. С. 76.

Eastman M. Op. cit. P. 9–10.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 120.

PomperPh. Op. cit. P. 101.

Eastman M. Op. cit. P. 34.

Зив Г. А. Троцкий: Характеристика. (По личным воспоминаниям.)
Нью-Йорк: Народноправство, 1921. С. 7–8.

Там же. С. 9.

Eastman M. Op. cit. P. 38.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 16.

Воспоминания А. Л. Соколовской // Архив Университета штата Индиана (США).

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 124.

Eastman M. Op. cit. P. 47.

Ibid. P. 66–67.

Зив Г. Указ. соч. С. 18.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 133.

Eastman M. Op. cit. P. 61.

Зив Г. Указ. соч. С. 31–33.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 133.

Зив Г. Указ. соч. С. 23–24.

Eastman M. Op. cit. P. 87.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 134.

Там же. С. 135–136.

Там же. С. 137–138.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 139.

Eastman M. Op. cit. P. 105–106.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 29.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 140.

Eastman M. Op. cit. P. 110.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 141.

Eastman M. Op. cit. P. 113.

Ibid. P. 142.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 33.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P 123–124.

Любопытно, что рад своих работ мой персонаж в недалеком будущем будет подписывать тем же инициалом — Н. Троцкий.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 148.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 35.

Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 2–9. Это письмо было обнаружено в архивах жандармского управления. В 1922 году редакция журнала «Пролетарская революция» обратилась к Троцкому с просьбой разрешить публикацию письма. Троцкий ответил отказом. «Я еще не покойник, люди, с которыми я переписывался, тоже еще здравствуют, и не трудитесь превращать нас в исторический материал для Истпарта» (Там же. Л. 1). Все же главная причина отказа, видимо, состояла в том, что к этому времени Троцкий уже давно был женат вторым браком, и публикация любовного письма, адресованного первой жене, была бы неприятна всем троим.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 148.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 40.

Там же. С. 39–40.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 148.

Там же. С. 148–149.

Там же. С. 149–150.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 150.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 41.

Подробнее см.: Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки революционера. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989; Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск: Изд-во Иркутск, ун-та, 1997.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 151.

Восточное обозрение. 1900.15 октября; Троцкий Л. Сочинения. М.-Л.: Госиздат, 1926. Т. 4. Перед историческим рубежом: Политическая хроника. С. 3–7.

Антид Ото. Кое-что о земстве // Восточное обозрение. 1900. 23 декабря; Троцкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 7–12.

Восточное обозрение. 1901. 29 марта, 30 мая, 4–9 августа, 26 сентября;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 17–42.

Антид Ото. Н. В. Гоголь// Троцкий Л. Сочинения. М.: Госиздат, 1926.
Т. 20. Культура старого мира. С. 9–20.

Антид Ото. Н. В. Гоголь// Троцкий Л. Сочинения. М.: Госиздат, 1926.
Т. 20. Культура старого мира. С. 9–20.

Там же. С. 14.

Антид Ото. Две писательские души во власти метафизического беса // Восточное обозрение. 1901. 25 августа; Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 195–199.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 198.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 151.

Там же. С. 156.

Воспоминания А. Л. Соколовской в фонде М. Истмена // Архив
Индианского университета (США).

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 158–159.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 27.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 158. u

Гарви П. А. Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк: Фонд по изданию литературного наследства П. А. Гарви, 1946. С. 326–327.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 163–165.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М.: Молодая гвардия, 1932.
С. 79–80.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 170.

Луначарский А. Лев Давидович Троцкий // Силуэты: Политические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 343.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 177.

Как-то Троцкий попытался найти чисто психологическое объяснение того, как возникло у Плеханова раздраженное отношение к нему. Лев рассказал, что во время первой встречи с Плехановым, в которой участвовали и другие лица, Георгий Валентинович предложил ему сесть на его кровать, так как другого места не осталось. Но Плеханову это было неприятно. Кроме того, когда остальные ушли, Троцкий остался, чтобы что-то еще выяснить у социалистического мэтра. Недовольный этим, Плеханов предложил пойти выпить с ним пива, надеясь, что молодой человек не окажется настолько наглым, чтобы согласиться. Но Троцкий воспринял предложение как нечто естественное, и Плеханову ничего не оставалось, как отправиться вместе с ним в ближайший кабаk (см.: Троцкий Л. Ленин и старая «Искра». М.: Госиздат, 1924. С. 13–14).

Троцкий Л. Д. К 200-летию присоединения Шлиссельбурга // Искра. 1902. 1 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 44–45.

С 1902 года за границей России выходил либеральный журнал «Освобождение», который редактировал бывший марксист П. Б. Струве.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 48–50.

Искра. 1902. 15 ноября, 1 декабря; 1903. 1, 15 февраля и др.

Крупская Н. К. Указ. соч. С. 80.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 170–171.

Ленин В. И. «Полное собрание сочинений». М.: Политиздат (далее: «ПСС»), 1964. Т. 46. С. 277–278. Я взял официальное наименование пятого издания собрания сочинений Ленина в кавычки, так как на самом деле оно не являлось полным собранием сочинений. Как признавал бывший директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. И. Смирнов в письме в ЦК КПСС, в «Полное собрание сочинений» не были включены более чем три с половиной тысячи известных документов, а масса других документов была сокращена или «отредактирована» (Исторический архив. 1992. № 1. С. 216).

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. The Hague: Europe Printing, 1967. С. 79–80.

Мартов Ю. О. и Потресов А. Н. Письма 1898–1913. М.: Собрание, 2007. С. 81.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 12.

Мартов Ю. О. и Потресов А. Н. Письма 1898–1913. С. 171–172; Serge K, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 12.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 12.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 172–173.

Крупская Н. К. Указ. соч. С. 85.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 183.

Болгарскими паспортами российских революционеров снабжал социалистический деятель Болгарии Георгий Бакалов, который также активно способствовал транспортировке в Россию газеты «Искра» (см. подробнее: Чернявский Г., Станчев М. Георгий Бакалов. Политическая биография (С культурологическим компонентом). София: Изд-во Болгарской академии наук им. проф. М. Дринова, 2006. С. 73–82).

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 183–185.

Тютюкин С. В. Лев Давидович Троцкий // Исторические силуэты. М.: Наука, 1991. С. 205.

В дальнейшем все даты, связанные с этим съездом, даны по новому стилю.

Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. М.: Партиздат, 1932. С. 20.

Там же. С. 28.

Крупская Н. К. Указ. соч. С. 93.

Крупская Н. К. Указ. соч. С. 136–137.

Там же. С. 212.

Там же. С. 212–214; Ленин В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1959. Т. 7. С. 279–286.

Второй съезд РСДРП. С. 276–278.

Крупская Н. К. Указ. соч. С. 93. Крупская полагала, что никто всерьез не ожидал раскола, тем более по инициативе Ленина, хотя таковую возможность полностью не исключали. Скорее, как полагали делегаты, ситуацию могли обострить грубые и высокомерные шутки Плеханова. Однажды, когда Плеханов заявил, что лошади не умеют говорить, а ослы, к сожалению, этим занимаются, Троцкий сказал Надежде Константиновне: «Уговорите Владимира Ильича взять председательствование, ведь Плеханов доведет дело до раскола» (Там же. С. 96).

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 185.

Второй съезд РСДРП. С. 266.

Второй съезд РСДРП. С. 278; Ленин В. И. «ПСС». Т. 7. С. 288, 307.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 185–186.

Там же. С. 186.

Второй съезд РСДРП. С. 297.

Второй съезд РСДРП. С. 297.

Там же. С. 361–364, 371.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 187.

Там же. С. 188.

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 58.

См.: Политические партии России: История и современность. М.: РОССПЭН, 2000. С. 227–259.

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 94.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1959. Т. 8. С. 259.

Троцкий Н. Наши политические задачи. (Тактические и организационные вопросы). Женева. 1904.

Троцкий Н. Наши политические задачи. С. VII.

Там же. С. VIII–IX.

Троцкий Н. Наши политические задачи. С. X.

Там же. С. 79.

Там же. С. 69, 75, 79.

Там же. С. 54.

Гарви П. А. Указ. соч. С. 380.

Искра. 1903. 25 ноября, 15 декабря; 1904. 10 февраля, 5 марта, 5, 20 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 77–119.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 81.

Искра. 1904. 10 февраля; Троцкий Л. Сочинения. Т. 4. С. 92–94.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 191.

Zeman Z. A. B., Scharlau W. B. *The Merchant of Revolution: The Life of Alexander Israel Helphand (Parvus)*. London: Oxford University Press, 1965.

Социал-демократическое движение в России: Материалы. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 137.

Симплициссимус — вымышленный зверь, похожий на дракона, но с огромными ногами и хвостом в форме петли. «Simplicissimus» — литературно-художественный и общественный еженедельный журнал сатирического жанра. Выходил в Мюнхене до 1944 года.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 193.

Там же. С. 192.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 15.

Луначарский А. Указ. соч. // Силуэты: Политические портреты. С. 344.

Троцкий Н. До Девятого января. Женева: Типография Социал-демократической партии, 1905.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 194–195.

Гарви П. А. Указ. соч. С. 466–467.

РГАСПИ. Ф. 278. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 23.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1960. Т. 10. С. 145.

Третий съезд РСДРП. М.: Госполитиздат, 1955. С. 11–12.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 200.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 15.

Сверчков Д. На заре революции. М.: Госиздат, 1921. С. 6.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 197.

Сверчков Д. На заре революции. С. 203.

Позже Аксельрод спрашивал его, за что он так не любит Троцкого, ведь тот — идейный человек и предан рабочему движению. Гарви отвечал: «Не спорю. Только холодом от него за три версты веет» (Гарви П. А. Указ. соч. С. 386).

Гарви П. А. Указ. соч. С. 591.

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 145–146.

Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. С. 239.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 204.

Троцкий Л. Сочинения. М.-Л.: Госиздат, 1927. Т. 2. Ч. 2. Наша первая революция. С. 58–62.

См.: Политические партии России. С. 135–150.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Наша первая революция. М.-П.: Госиздат, 1927. Ч. 1. С. 94–152, 196–209.

Сверчков Д. Указ. соч. С. 6–7.

Луначарский А. Указ. соч. // Силуэты: Политические портреты. С. 344.

Woytinsky W. S. Stormy Passage: A Personal Story through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom. 1905–1960. New York: The Vanguard Press, 1961. P. 44.

Троцкий Л. 18-е октября // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 25.

Резолюция Исполнительного Комитета Совета рабочих депутатов о всеобщей забастовке // Известия СРД. 1905. 3 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 286–287.

Это известие было подтверждено на следующий день официально Петербургским телеграфным агентством (Правительственный вестник. 1905. 6 ноября).

Речь докладчика Исполнительного Комитета Совета рабочих депутатов // Известия СРД. 1905. 7 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 290–293.

Резолюция Совета рабочих депутатов // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 293–294.

Резолюция Совета рабочих депутатов о приостановлении введения 8-часового рабочего дня//Новая жизнь. 1905. 8 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 295.

Резолюция Совета рабочих депутатов об аресте Хрусталева-Носаря // Новая жизнь. 1905. 30 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 303.

Во многих изданиях ошибочно утверждается, что после ареста Хрусталева-Носаря Троцкий был избран председателем Петербургского совета (см., например: Zeman Z.A.B., Scharlau W.B. *Op. cit.* P. 89).

Помпер ошибается, приписывая авторство манифеста Парвусу (PomperPh. Op. cit. P. 142). Хотя в одной из своих статей Троцкий сам писал, что проект манифеста был написан Парвусом (Троцкий Н. Последние дни Совета// Троцкий Л. Сочинения. М.-Л: Госиздат, 1927. Т. 2. Ч. 2. С. 114), из всех других источников вытекает, что окончательная редакция документа принадлежала именно Троцкому. Можно предположить, что, осознавая бессмысленность этого документа, Троцкий в какой-то степени стыдился своего авторства.

См.: Троцкий Н. Последние дни Совета // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 115–117.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 50.

Троцкий Н. Последние дни Совета // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2.
С. 120–121.

Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. Высший подъем революции. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 440–442.

Троцкий Н. Последние дни Совета// Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2.
С. 121–122.

Политические партии России. С. 233.

См.: Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции: Якобинская республика и ее крушение. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1983.

Наше слово. 1915. 14 февраля.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 192–193.

Так, например, воспринимаются взгляды обоих социалистов в книге: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. С. 69 и др.

Троцкий Н. Демократия и революция // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 37.

Там же. С. 43.

Там же. С. 45–46.

Троцкий Л. Из истории одного года. СПб.: Новый мир, [1906]. С. 17–40; Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 94–153.

Троцкий Н. Первое мая // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 242.

Троцкий Н. Революция и ее силы // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 440–441.

Троцкий Н. Наша революция. С. 231.

²⁰⁷ Троцкий Н. Наша революция. С. 245.

²⁰⁸ Там же. С. 63.

Троцкий Н. Наша революция. С. 245.

Там же. С. 63.

Троцкий Н. Наша тактика в борьбе за Учредительное Собрание // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 434.

Троцкий Н. Наша тактика в борьбе за Учредительное Собрание. СПб.: Новая волна, 1906.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 10. С. 18.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 10. С. 16. В черновике Ленина было сказано: «Он выступил прямо (к сожалению, вместе с пустозвоном Троцким в предисловии к его пустозвонной брошюре «До 9 января»)».

Там же. С. 19.

Там же. С. 369.

Троцкий Н. Наша революция. С. 251.

Там же. С. 253.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 10. С. 18–31.

Политические партии России. С. 80.

Pomper Ph. Op. cit. P. 85.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 214.

Гольденберг А. Д. Адвокат-борец. — <http://ldn-knigi.bib.ru/Grusenb.htm>.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 17. О. О. Грузенберг (1866–1940) был основным защитником по знаменитому делу Бейлиса в Киеве в 1913 году и убедил присяжных оправдать подсудимого. После 1917 года он эмигрировал. Работал в Латвии, затем в Италии. Опубликовал несколько книг.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 216–217.

История Совета рабочих депутатов г. Санкт-Петербурга. СПб.:
Книгоиздательство Н. Глаголева, 1906.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 205–206.

Там же. С. 42–48.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. С. 122–133.

Троцкий Н. Процесс Совета рабочих депутатов // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 137–149.

Троцкий Н. Процесс Совета рабочих депутатов // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 149–163.

Там же. С. 384.

Там же. С. 639.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 139–140.

Там же. С. 140–141.

Троцкий Л. Моя речь перед судом // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 163–177.

Троцкий Л. Моя речь перед судом // Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. С. 177.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 219.

Там же. С. 218–219.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. Приложение № 7. С. 330–345.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 220.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 221; Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit.
P. 18.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 19–20.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 222.

Сверчков Д. Указ. соч. С. 217.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 222.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 2.

Сверчков Д. Указ. соч. С. 216–219; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 222–223.

250

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 3.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 228–229.

252

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 5.

Там же. Л. 7.

Там же. Ед. хр. 1. Л. 4.

Там же. Ед. хр. 1. Л. 4.

Там же. Ед. хр. 14. Л. 8.

Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907 года:
Протоколы. М.: Госполитиздат, 1963. С. 48.

Там же. С. 50–51.

Там же. С. 258.

Там же. С. 257–266.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 233.

262

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 6.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 231–232.

Горький М. Письма. М.: Наука, 2000. Т. 6. С. 66.

Троцкий Л. Сталин. М.: Терра, 1996. Т. 1. С. 133.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 2. С. 51.

Там же. С. 50.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 233.

Trotsky N. Russland in der Revolution. Dresden: Verlag Kaden & Comp.
[19 101.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 265.

271

Письмо Л. Д. Троцкого П. Б. Аксельроду от 20 июля 1912 года. Hoover Institution. Nicolaevsky Collection (далее HI.NC). Series 16, box 3.

Broue P. Rakovsky ou la revolution dans tous les pays. Paris: Fayard, 1996.
P. 30.

Racovski Ch. Serien social-politice (1900–1916). București: Editură politica, 1977.

Недава Й. Указ. соч. С. 40.

Serge K, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 21.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1964. Т. 47. С. 203–204.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 236.

Там же. С. 251.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 2.

Там же. Л. 20.

281

Там же. Л. 33.

Там же. Л. 40.

Там же. Л. 95.

Там же. Л. 133–134.

Последняя официально именовалась Болгарской рабочей социал-демократической партией (объединенной) — БРСДП(о).

Работнически вестник. 1910. 12 юли.

287

Там же. 14,16 юли.

Там же. 14 юли.

Народ. 1910.12 июля. Газета «Народ» являлась центральным печатным органом БРСДП(о).

Работнически вестник. 1910. 12 июля.

Социал-демократ. 1910.12 сентября. Газета «Социал-демократ» формально являлась центральным органом РСДРП, но фактически издавалась большевиками. Выходила нерегулярно в 1908-м — январе 1917 года.

Социал-демократ. 1911. 13 январа; Благоев Д. Съчинения. София: Изд-во на БКП, 1960. Т. XIV. С. 140–142, 170–171.

Действительно, его статья «Русская социал-демократия» была опубликована как раз в день открытия конгресса: Vorwärts. 1910. 28. August.

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 205. В письме имелась в виду статья Троцкого «Развитие российской социал-демократии» в названном журнале, опубликованная 3 сентября 1910 года за подписью «От нашего русского корреспондента». «Послужит ли эта история хоть наглядным уроком для Троцкого <?>. Или он даже до политической мудрости князя Голицина даже под осязательным влиянием наносимых ему пощечин не может подняться?» — вопрошал автор письма.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 251.

Горький М. Письма. М.: Наука, 2001. Т. 7. С. 427.

Там же. С. 146.

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 46.

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 258. Семковский (настоящая фамилия Бронштейн) Семен Юльевич (1882–1937) был социал-демократом с 1898 года. С 1904 по 1921 год меньшевик. В 1912–1914 годах заграничный секретарь Организационного комитета РСДРП. После запрещения меньшевистских организаций в Советской России примкнул к большевикам, вступил в РКП(б). Преподавал в Харькове как профессор в ряде вузов диалектический материализм. Попытка истолковать теорию относительности Эйнштейна с марксистских позиций в книге «Марксистская хрестоматия» (Екатеринослав, 1923). Являлся членом Академии наук Украины. Был арестован и расстрелян во время «большого террора» как «руководитель троцкистского подполья» (База данных о жертвах репрессий Харьковской области. Украина. — <http://www.ihst.ru>).

Троцкий Н. Внешняя политика контрреволюции // На партийную дорогу. Правда. 1910. 25 февраля.

Ленин В. И. *Неизвестные документы. 1891–1922.* М.: РОССПЭН, 1999. С. 71. Чуть позже, в сентябре 1911 года, Ленин вместе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым писал Каутскому, Мерингу и Цеткин, что Троцкий «имеет наглость» требовать деньги для оплаты редакторов (Там же. С. 93).

Горький М. Письма. Т. 7. С. 139.

Там же. С. 146, 434.

304

Правда. 1912. 23 апреля (6 мая).

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 230.

Там же. С. 252.

Там же. С. 255.

Там же. С. 255–256.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 14.

Там же. Л. 15–26.

Там же. Л. 30–35.

Там же. Л. 113–114.

Там же. Л. 62.

Там же. Ед. хр. 27. Л. 7–9.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1961. Т. 25. С. 83.

Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 258.

317

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 1.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1961. Т. 17. С. 381–384.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 358–359, 363, 370; М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20. С. 31.

Там же. С. 52–58, 69.

Правда. 1932. 21 января; Ленин В. И. «ПСС». Т. 20. С. 44–45. 14 января 1932 года директор Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) В. В. Адоратский обратился к Сталину с письмом, в котором предлагал опубликовать ряд документов Ленина. Сталин наложил резолюцию с разрешением опубликовать всего три из названных документов, но среди них специально выделялось требование публикации «о краске стыда у иудушки». Эти материалы и появились в «Правде» 21 января 1932 года (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Ед. хр. 2998. Л. 1).

Ленин В. И. «ПСС». Т. 20. С. 96.

«Наша заря» — ежемесячный легальный журнал, издававшийся меньшевиками в Петербурге с января 1910-го по сентябрь 1914 года. Сотрудниками были Аксельрод, Дан, Мартов и др. Журнал выступал за создание легальной рабочей партии, почему был определен Лениным как «ликвидаторский». В начале Первой мировой войны журнал «Наша заря» занял оборонческую позицию.

Имелась в виду школа в Болонье.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 20. С. 105–106.

Там же. С. 285.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 20. С. 335.

Там же. С. 348.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 29–33.

Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год / Под общ. ред. С. П. Мельгунова и М. А. Цявловского. М.: Задруга, 1918. С. 96–97.

331

Vorwärts. 1912. 26. März.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 21. С. 206–214.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 21. С. 79.

Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 104–105, 635.

Там же. С. 170.

Там же. С. 175.

337

HI.NC. Series 17C. Box 940.

Для компрометации Троцкого это письмо было полностью опубликовано Л. Б. Каменевым в 1925 году (Каменев Л. Был ли Ленин вождем пролетарской революции. К переписке т. Троцкого с Чхеидзе и т. Ольминским. Юзовка: Рабочий Донбасса, 1925. С. 26–32).

339

HI.NC. Series 16. Box 3.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 257.

В то же время на июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1926 года в ответ на спекуляции Сталина по поводу этого злосчастного письма Троцкий признал, что таковое существовало, но было написано в момент ожесточенной межфракционной борьбы, что Ленин был на сто процентов прав в этой борьбе, что эта борьба — дело прошлого, и поднимать спор по названному поводу можно только для устройства скандала и организации интриг (РГАСП И. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 246. Т. 4. Л. 103–104).

Библиография периодических изданий России. 1901–1916. Л.:
Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, без года. Т. 2. С. 149.

Троцкий имел в виду ряд изданий, но прежде всего свои «Сочинения», в частности том 4, который я уже неоднократно цитировал; Том 6. Перед историческим рубежом: Балканы и Балканская война. М.-Л.: Госиздат, 1926; Том 9. Европа в войне (1914–1918 гг.). М.: Госиздат, 1927; Том 20. Проблемы культуры старого мира. М.: Госиздат, 1926. Троцкий был неточен: он имел в виду не то, что его статьи из «Киевской мысли» заняли несколько томов, а факт включения их в несколько томов, наряду с другими материалами.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 262–263.

Антид Ото. Аристотель и Часослов // Киевская мысль. 1908. 6 ноября;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 287–293.

М. Горький уместно писал Н. Б. Малиновской и А. А. Богданову в мае 1909 года, что он «с тоской бросил ее к чорту». «Что за нахальство», — продолжал Горький, сравнивая «философические экскурсии» Ленина с самыми худшими образцами и особенно отмечая «хулиганский тон» этой книги (Горький М. Письма. Т. 7. С. 137–138).

Киевская мысль. 1911. 19, 22 мая; Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 314–327.

Антид Ото. Взалкали «культуры» // Киевская мысль. 1908. 23 ноября;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 20. С. 293–300.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 258–262.

Одрин — болгарское наименование города Адрианополя, центра той части Фракии, которая оставалась в составе Турции. Турецкое название города Эдирне.

Доклад на парламентарната изпитателна комисия. София: Държавна печатница, 1918. Т. 1. С. 11–20, 35–36, 40–41.

Тошев А. Балканските войни. София: Факел, 1929. Т. 1. С. 76.

Централен държавен архив на Република България, ф. Александър Протогеров. Б. Материали и документа на ВМОРО. Фонд необработан.

Киевская мысль. 1912.4 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 57–63.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 46–54. Статья «В запоздалой стране» была опубликована в «Киевской мысли» 18 ноября, а статьи «Болгарский парламентаризм» и «Демократия и абсолютизм» — 29 ноября 1912 года.

Киевская мысль. 1912. 18 ноября.

День. 1912. 13 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 134–139.

Такова была, например, роль англичан Джеймса Ваучера, корреспондента «The London Times», и Викхема Стида, представлявшего несколько британских газет (Steed H.W. *Through Thirty Years. 1892–1922.* New York: Doubleday Page & Co, 1924. V. 1. P. 360 а. о.).

Такое мнение разнообразных общественных слоев подтверждается современными исследованиями (Марков Г. България в Балканския съюз срещу Османската империя. 1912–1913. София: Наука и изкуство, 1989. С. 17–18; Hall R. Bulgaria's Road to the First World War. New York: Columbia University Press, 1996. P. 101–130).

Антид Ото. Война объявлена... // Киевская мысль. 1912. 14 октября;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 140–144.

Троцкий Н. Наблюдения и обобщения // Одесские новости. 1912. 19 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 144–153.

Троцкий Л. Около Киркилиссе // В кн.: Троцкий Л., Кабакчиев Х. Очерки политической Болгарии. М.-Пг.: Госиздат, 1923. С. 64–67; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 165–174.

Антид Ото. Болгария и русская дипломатия//Киевская мысль. 1912. 19 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 174–179.

Луч. 1913. 29 января; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 194–199.

Троцкий Л., КабакчиевХ. Очерки политической Болгарии. С. 78–80;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 205–206.

'День. 1912. 9ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 211–217.

Киевская мысль. 1912. 22 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 218–225.

Троцкий Л. Болгарская военная цензура // День. 1912. 19 октября;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 244–248.

Антид Ото. Бухарестский мир //Киевская мысль. 1913.8июля; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 350–355. Статья была написана накануне подписания договора, но с его содержанием наблюдатели были уже знакомы.

Антид Ото. Рабочая партия // Киевская мысль. 1913. 12 сентября;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 386–394.

Киевская мысль. 1913. 3, 5,6,13 сентября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 6. С. 411–432.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 266.

Там же. С. 269–270.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Вып. 2. С. 129.

Trotsky L. Der Krieg und die Internationale. Zürich: Kommissionverlag der Buchhandlung des Schweizer Grütlivereins, 1914.

Письма А. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 307.

Работнически вестник. 1915. 15, 16 юли.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1961. Т. 26. С. 324, 349.

Die Zimmerwalder Bewegung: Protokolle und Korrespondenz.
Herausgegeben von Horst Landemacher. The Hague — Paris: International
Institute of Social History, 1967. T. 1. S. 48, 53, 115.

Манифест Интернациональной социалистической конференции в Циммервальде // Троцкий Л. Война и революция. Пг.: Госиздат, 1922. Т. 2. С. 52–55.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 26. С. 126.

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 431. Л. 1,4-5.

Луначарский А. Указ. соч. // Силуэты: Политические портреты. С. 346.

Там же. С. 347.

385

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 42.

Serge V, Sedova-Trotsky N. Op. cit. P. 28.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 288.

Там же. С. 289–290.

Наше слово. 1915. 3, 9 июля; Троцкий Л. Сочинения. М.-Л., Госиздат, 1927. Т. 9. Европа в войне (1914–1918 гг.). С. 209–216.

Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. «ПСС». Т. 26. С. 351–355. По поводу лозунга Соединенных Штатов Европы Ленин ожесточенно полемизировал с Троцким в статье «Поражение своего правительства в империалистической войне», в которой с оттенком презрения утверждал, что Троцкий «заблудился в трех соснах», обвинял его в пустом фразерстве и даже в лицемерии (Там же. С. 286–291).

Наше слово. 1916.25 января; Троцкий Л. Сочинения. Т. 9. С. 221–224.

Троцкий Л. Д. Европа и Америка. М.: Госиздат, 1926.

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 424. Л. 9–10.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 297.

395

Jewish Daily Forward. 1917. Jan. 16.

Дойчер И. Указ. соч. С. 252.

397

New York Herald Tribune. 1932. Febr. 14.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 308–309.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 73.

Новый мир. 1917. 16 января.

Троцкий Л. Война и революция. М.: Госиздат, 1922. Т. 2. С. 370–377.

Зив Г. А. Указ. соч. С. 67–73.

Там же. С. 74.

Там же. С. 76.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 314.

Там же. С. 314–315.

Там же. С. 315.

Там же. С. 316–317.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 318.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 318.

Троцкий Л. Война и революция. Т. 2. С. 478; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 319.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 321.

Очевидно, с кем-то из пассажиров была об этом договоренность, так как телеграмму протеста самого Троцкого британские власти не пропустили (Троцкий Л. Война и революция. Т. 2. С. 476).

Петроградский Совет рабочих депутатов: Протоколы заседаний. М.: Госиздат, 1925. С. 92.

Известия. 1917. 9 апреля; Петроградский Совет рабочих депутатов.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 321.

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М.: Центрполиграф, 2006. С. 290.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 326.

Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). М.-Пг.: Госиздат, 1923. Т. 2. С. 108.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. Берлин: Гранит, 1930. С. 6.

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 17.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 6–10.

Троцкий Л. Сочинения. М.-Л: Госиздат, 1924. Т. 3. Ч. 1. Историческое
подготовление Октября: От Февраля к Октябрю. С. 44–45.

Юренив И. «Межрайонка» // Пролетарская революция. 1924. № 1. С. 116. По всей видимости, в написание имени автора воспоминаний вкралась опечатка: инициал «И.» ошибочен.

Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 199.

Ленинский сборник. М.: Госиздат, 1925. Т. 4. С. 301–303.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1962. Т. 32. С. 225–226. Имелась в виду газета, выходившая в 1905 году.

Троцкий Л. Программа мира. Пг.: Книга, 1917; Троцкий Л. Война и революция. Т. 2. С. 485–597.

Луначарский А. Указ. соч. // Силуэты: Политические портреты. С. 348.

Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. С. 375.

Первый Всероссийский Съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. М.-Д.: Госиздат, 1930. Т. 1. С. 144–149.

Там же. С. 171.

Интервью с дочерью Иоффе Надеждой Адольфовной Иоффе в Москве 5 июня 1991 года, взятое А. В. Панцовым (Ланцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и Китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 40).

Политические деятели России 1917 г. С. 376.

Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Берлин: Издательство Гржебина, 1922. С. 262.

РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 66–67.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 34.

Там же. С. 15.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 39.

Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1826.
Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 8. См. подробнее: Чернявский Г. Немецкие деньги
Ленина // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 26–28.

Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. С. 233–411.

Троцкий Л. В плену у англичан // Троцкий Л. Война и революция. Т. 2.
С. 472–473, 480–481.

Троцкий Л. Необходимые пояснения господину министру иностранных дел Российской республики// Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 151–158; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 19.

Троцкий Л. 10 000 долларов, «Foreign» и клеветники // Новая жизнь.
1917. 27 июня.

Троцкий Л. Что случилось? // Новая жизнь. 1917. 13 июля.

446

ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 6.

Протокол предварительного следствия по делу 3–5 июля // Троцкий Л.
Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 193–200; День. 1917. 25 июля.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 198–199.

Троцкий Л. Письмо Временному правительству // ГАРФ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 10–16; Новая жизнь. 1917. 30 июля; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 201–202.

Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. М.: Партиздат, 1934. С. 253.

Там же. С. 235.

Там же. С. 234.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 11.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 387.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 12.

Троцкий Л. Речь на заседании Петроградского Совета о событиях 3–5 июля // Известия. 1917.12 сентября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 276–277.

Резолюция Петроградского Совета после выборов о событиях 3–5 июля // Рабочий путь. 1917.12 сентября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 277–279.

Троцкий Л. Речь на пленарном заседании Петроградского Совета после выборов нового президиума//Новая жизнь. 1917. 26 сентября.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958. С. 4.

Там же. С. 46.

461

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 46.

Троцкий Л. Речь на заседании Демократического совещания // Рабочий путь. 1917. 20 сентября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 285–293.

Резолюция Петроградского Совета о Демократическом совещании // Рабочий путь. 1917.24 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 305–307.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1962. Т. 34. С. 262.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 57.

Декларация фракции большевиков на заседании Демократического совещания // Рабочий путь. 1917. 8 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 321–323.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 86.

Там же. С. 104.

Троцкий Л. Беседа с Джоном Ридом // Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 21–23.

Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир // Рид Дж. Избранное. М.: Политиздат, 1987. Т. 1. С. 163.

Троцкий Л. Гарнизону города Петрограда и его окрестностей // Рабочий путь. 1917. 24 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 37–38.

472

Новая жизнь. 1917. 25 октября.

Рабочий путь. 1917.25 октября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 51.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 46.

Троцкий Л. Доклад на экстренном заседании Петроградского Совета о свержении Временного правительства // Рабочий путь. 1917. 8 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 55–57.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 48–49.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.): Сборник документов. М.: Археографический центр, 1997. С. 41–42.

Там же. С. 62–63.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1952. Т. 35. С. 29.

480

Правда. 1918. 6 ноября.

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции: Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М.: Terra, 1992. С. 45.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 64–65.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 122–123.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 125.

Там же. С. 124–130.

Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 394.

Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии: (Мемуары участника Брестлитовских мирных переговоров) //Архив русской революции. Берлин: Слово, 1930. Т. XX. С. 62.

Смирнов Д. Она спасала «буржуйское добро» // Уральский курьер.
2002. 2 апреля.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 73.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 67.

491

Правда. 1917. 10 ноября.

Канторович Б. Организационное развитие НКВД // Международная жизнь. 1922. № 15. С. 52.

Известия. 1917. 14 ноября.

Документы великой пролетарской революции. М.: Издательство истории гражданской войны, 1938. Т. 1. С. 50.

495

Правда. 1917. 27 ноября.

Документы внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. С.21.

Правда. 1917.13 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 110–111.

498

Правда. 1917. 25 ноября.

После подписания Брестского мира Чичерин фактически сменил Троцкого на посту наркома, а 9 апреля 1918 года был назначен исполняющим обязанности наркома.

Десять лет советской дипломатии (Сборник документов). М.: Литиздат НКВД, 1927. С. 6.

Троцкий Л. Беседа с начальником американской военной миссии // Известия. 1917. 19 ноября.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 69.

Там же. С. 69–71.

В ответ на запрос редакции третьего тома сочинений Троцкого по поводу авторства документа Троцкий ответил, что первая, констатирующая часть была написана главным образом Лениным, а вторая, содержащая оценку действий Рады в последнее время и требования Петрограда, принадлежала Троцкому (Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 142).

Совет народных комиссаров — Раде // Известия. 1917. 6 декабря;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 142–144.

Троцкий Л. К конфликту с Радой // Известия. 1917. 7 декабря.

Известия. 1917. 7 декабря; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. Мб-147. Атаман Донского казачьего войска генерал А. М. Каледин в конце октября 1917 года организовал вооруженное выступление на Дону против большевистской власти. В январе 1918 года после подавления восстания Каледин застрелился.

См.: Панцов А. В. Брестский мир // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 61–62.

Правительственная нота послам союзных стран // Известия. 1917. 9 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 157.

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918. С. 43–44; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 162–163.

Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 25–28.

Известия. 1917.30 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 194–195.

Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 47–51.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 199.

Там же. С. 215.

Известия. 1917. 14 декабря.

Народам и правительствам союзных стран//Известия. 1917.17декабря;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 3. Ч. 2. С. 231–235.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1962. Т. 35. С. 181.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 87.

520

Harvard University. Houghton Library (далее HU.HL), bMS Russ 13.
T3742.

Самойло А. Две жизни. М.: Воениздат, 1962. С. 193.

Брест-Литовск. (Из мемуаров Оттокара Чернина) // Архив русской революции. Берлин: Слово, 1921. Т. 2. С. 121.

Там же. С. 122.

Там же. С. 124.

Там же. С. 130.

Самойло А. Указ. соч. С. 191.

Брест-Литовск. (Из мемуаров Оттокара Чернина) // Архив русской революции. Т. 2. С. 123.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 93.

Сравнение облика Троцкого с традиционным образом Мефистофеля встречается во многих воспоминаниях.

Фокке Д. Г. Указ. соч. // Архив русской революции. Т. XX. С. 143.

Фокке Д. Г. Указ. соч. // Архив русской революции. Т. XX. С. 147.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. Примеч. 38. С. 631–632; Ленин В. И. «ПСС». Т. 35. С. 225; The Trotsky Papers. Edited and annotated by Jan M.Meijer. The Hague: Mounton & Co. 1964. V. 1. P. 6.

Фокке Д. Г. Указ. соч. // Архив русской революции. Т. XX. С. 172.

Троцкий Л. О Ленине: Материалы для биографа. М.: Госиздат, 1924. С. 80.

Там же. С. 81.

Там же. С. 168–173. Троцкий в воспоминаниях формулировал свое предложение иначе: «Затягивать переговоры; в случае немецкого ультиматума объявить войну прекращенной, но мира не подписывать; в дальнейшем действовать в зависимости от обстоятельств» (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 111).

Троцкий Л. О Ленине. С. 80.

Договоренность, правда, не вступила тогда в силу, ибо в этот же день в Киев вошли части Красной армии и Центральная рада потеряла власть в центральной части Украины. Несколько преждевременное сообщение об этом было распространено Совнаркомом 22 января 1918 года, и 25 января передано Троцким партнерам по переговорам (The Trotsky Papers. V. 1. P. 24, 26).

Заявление делегации РСФСР о прекращении войны // Троцкий Л.
Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 102–104.

Фокке Д. Г. Указ. соч. // Архив русской революции. Т. XX. С. 206.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 105.

Седьмой экстренный съезд РКП(б): Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1962. С. 134–135.

Ланцов А. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 75–76.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 194–195.

Там же. С. 197–198.

Там же. С. 200–201, 204–205.

«Мы сделали ложный шаг» Публ. Ю. Мурина / Источник. 1993. № 5–6.
С. 80.

Там же. С. 81.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 223–224.

Там же. С. 224–225.

Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 229.

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции: Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М.: Terra, 1992.

Тайный переезд правительства в Москву состоялся 12 марта 1918 года, а постановление о переносе столицы было принято IV Всероссийским съездом Советов 17 марта 1918 года.

Троцкий Л. Перенесение столицы в Москву//Известия. 1918. Смарт;
Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 130–131.

Кольцов М. Красный Китяж. Троцкий // Куранты искусства, литературы, театра и общественной жизни (Киев). 1918. № 8. Сентябрь. С. 8–9.

Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 229.

Войтиков С. С. Развитие взглядов высшего руководства Советской России на военное строительство в ноябре 1917 — марте 1918 г. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 3–8.

Правда. 1918.21 марта; Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 227–231.

559

Отточие оригинала.

Троцкий Л. О Ленине. С. 106.

Троцкий Л. Доклад // Известия. 1918. 27 июня; Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 289–291, 700.

Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 432–458.

Троцкий Л. Создание Рабочей и Крестьянской Красной Армии // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 294–312.

Там же. С. 329.

Подробнее см.: Рабинович А. Досье Щасного: Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отечественная история. 2001. № 1. С. 61–82.

Об этом нарком писал в заметках «Военные специалисты и Красная Армия» на железнодорожной станции Лиски новогодним вечером 31 декабря 1918 года, которые в то время не были опубликованы (Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 363).

После снятия с поста главнокомандующего Вацетис некоторое время служил в Реввоенсовете, а затем был переведен на преподавательскую работу в Военную академию. Он был арестован и расстрелян во время «большого террора».

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий: Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 28.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 127.

Ransome A. Russia in 1919. New York: B. W. Huebson. 1919. P. 162–163.

Поезду Троцкого посвящена интересная статья Г. С. Тарховой:
Tatkova N. S. Trotsky's Train. — In: The Trotsky Reappraisal. Edinburgh:
Edinburgh University Press. 1992. P. 27–40.

572

РГВА. Ф. 63. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 147.

Там же. С. 140–141.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 150.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 60–64.

Там же. С. 138–140.

Устинов Г. Трибун революции. М.: Денница, 1920. Это была первая биографическая работа о Троцком, написанная на основе автобиографических заметок, которые Троцкий предоставил автору. Книга была полна восторженных оценок, вплоть до смехотворных, подобных такой: «У него особая сила. Исключительная. Нездешняя» (с. 29). Герой книги оценивался как вождь, великий трибун и организатор пролетарской революции. Судя по всему, такого рода дифирамбы Троцкому нравились.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 125.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. Примеч. 319. С. 727.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 44.

Троцкий Л. О Ленине. С. 121.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 45–46.

The Trotsky lepers. V. 1. P. 70.

The Trotsky Papers. V. 1; Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 53.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 53–54.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 100.

Троцкий Л. Значение взятия Казани в ходе гражданской войны // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 524–532. Незастенографированной осталась первая часть речи.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 126, 128.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 125.

Шапошник В. Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году.
Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1980. С. 173.

Троцкий Л. Сталин. М.: Терра, 1996. Т. 2. С. 87.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 4. С. 118.

Там же. С. 120–121.

«Тушинским вором» прозвали Лжедмитрия II, который в начале XVII века выдавал себя за сына Ивана Грозного и наследника русского престола. Объявившись в 1607 году, он смог быстро привлечь на свою сторону отряды польских авантюристов, а также недовольные группы русского дворянства и казачества. Разбив свой лагерь в Тушине под Москвой, Лжедмитрий несколько раз неудачно пытался штурмовать столицу. В связи с переменным успехом примкнувшие к нему отряды нередко отходили от Лжедмитрия, а затем опять к нему присоединялись, то есть «совершали перелеты». Лжедмитрий был разбит в 1608 году и убит соперниками.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 94.

596

РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 30. Л. 11.

С. К. Минин, являвшийся председателем Царицынского городского совета и местного штаба обороны, оказался под полным влиянием Сталина и Ворошилова.

598

РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Ед. хр. 30. Л. 7, 14.

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 97.

Документы по истории гражданской войны в СССР. М.: Госиздат, 1940.
Т. 1. С. 389–390.

601

Краснов В. Г., Дайнес В. О. Указ. соч. С. 102.

602

Там же. С. 103.

603

Там же. С. 104.

The Trotsky Papers. V. I.P. 156, 158. На этом документе из фонда Троцкого в Архиве Международного института социальной истории (Амстердам) имеется помета: «Имя Ленина прочеркнуто. Синим карандашом написано: Свердлов, а не Ленин. Л[ев] Т[роцкий]». Красным карандашом в скобках поставлен вопросительный знак.

605

Об этой статье см. выше. С. 200.

606

Правда. 1918. 25 декабря.

Через много лет Троцкий писал: «Можно не сомневаться, что именно Сталин обеспечил за кулисами напечатание статьи» (Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 73).

The Trotsky Papers. V. 1. P. 204, 206, 208.

КПСС о Вооруженных силах Советского Союза. М.: Воениздат, 1969.
С. 35–36.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 204.

Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 74.

Лашевич Михаил Михайлович (1884–1928) участвовал в социал-демократическом движении с 1901 года. Военной подготовки и образования не имел, но с 1918 года находился на руководящих постах в Красной армии, проявив военные способности. В 1925–1926 годах был заместителем наркома по военным и морским делам, затем заместителем начальника Китайско-Восточной железной дороги. Участник объединенной оппозиции 1926–1927 годов. Был исключен из партии в декабре 1927 года. Попал в автомобильную катастрофу и после неудачной операции умер в Харбине.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 180.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1963. Т. 38. С. 55.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 298.

Его тезисы «Наша политика в деле создания армии» были опубликованы в «Правде» и «Известиях» 25 февраля 1919 года.

Отъезд Троцкого был оформлен постановлением ЦК от 16 марта 1919 года. (The Trotsky Papers. V. 1. P. 296; Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 184.)

Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 92.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1963. Т. 38. С. 142.

Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М.: Госполитиздат, 1950. С. 143.

Там же. С. 144–152.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 135–190; № 10. С. 171–189. Из этих материалов ранее были опубликованы только речь Ленина, фрагменты речи Сталина, а также тезисы Л. Д. Троцкого «Наша политика в деле создания армии», которые появились еще до съезда (Правда. 1919.25 февраля).

Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 156.

Ленинский сборник XXXVII. М.: Политиздат, 1970. С. 136–139.
Любопытно, что эта речь была впервые опубликована только после смерти
Ворошилова, скончавшегося в 1969 году.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 4. С. 249.

Восьмой съезд РКП(б). С. 339–340.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 324, 326.

Ibid. P. 326.

О том, что это была именно его резолюция, свидетельствует текстуальное сравнение окончательного текста (Восьмой съезд РКП(б). С. 412–423) с проектом. Между ними были только отдельные стилистические различия.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1919–1929. С. 31–32.

631

Там же. С. 37.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 184.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 578, 580.

Кузьмин Н. Ф. К истории разгрома белогвардейских войск Деникина//
Вопросы истории. 1956. № 7. С. 19.

635

Снятому с этой должности Вацетису предусматривалось «дать почетное военное назначение с приличным окладом».

Когда в начале 1920-х годов был снят запрет на производство и продажу крепких спиртных напитков и в торговле появился дешевый сорт водки, его в народе стали называть «рыковкой».

Судя по доступным источникам, ни тот ни другой документ так и не был написан, скорее всего, в силу «саботажа» со стороны Троцкого. Его привело в крайнее раздражение и то, что по предложению Зиновьева как раз в это время Сталин был назначен наркомом вновь образованного органа — Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, которому давалось право контролировать остальные государственные органы, то есть этот наркомат (Рабкрин, как его стали называть) становился своего рода особым комиссариатом, стоявшим выше остальных, а Сталин оказывался в чрезвычайно выигрышном положении в правительстве.

Эти слова, взятые в кавычки, видимо, были записаны Лениным, возможно, в ходе телефонного разговора с кем-то из его сотрудников.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 588, 590.

Так и произошло: документ сохранился в личном архиве Троцкого.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 592.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 56–57; Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Сост. Ю. Фельштинский. Wenson, Vermont: Chalidze Publications, 1988. Т. 4. С. 175.

Серебрякова З. Л. Письмо Льва Троцкого и некоторые вехи истории // Мировой социалистический веб-сайт. File://A:/ Выступл. Серебряковой, htm.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 596.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 187.

Там же. С. 188. Более того, в зашифрованной телеграмме в ЦК от 10 октября 1919 года Троцкий поставил вопрос об изменении политики по отношению к казачеству. Он предлагал дать его районам полную автономию при условии, что казаки порвут с Деникиным. Поддержки это предложение не получило (The Trotsky Papers. V. 1. P. 684).

The Trotsky Papers. V. 1. P. 610.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 158.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 706.

Троцкий Л. Перелом // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 287.

Троцкий Л. Оборона Петрограда// Правда. 1919.9 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 297–310.

652

Известия. 1919. 21 ноября.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 151.

654

Там же. С. 165.

Декрет ВЦИКа об учреждении ордена Красного Знамени, предложенный Троцким, был опубликован в газете «Известия» 20 сентября 1918 года. В конце того же года в войска стали поступать первые ордена. Увидев их, Троцкий был возмущен. 10 января 1919 года он телеграфировал Свердлову: «Орден Красного Знамени слишком велик, груб и снабжен таким механизмом для прикрепления на одежду, что носить его практически невозможно... Знак должен быть в три-четыре раза меньше и сделан из лучшего материала» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Ед. хр. 21. Л. 27). Дизайн ордена был переделан в соответствии с требованиями Троцкого.

Правда. 1920.30апреля; Троцкий Л. Сочинения. Т 17. Ч. 2. С. 376–380.

Ibid. P. 254.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 1. С. 75.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 192.

660

Там же. С. 193.

«Линией Керзона» называли линию от Гродно через Брест-Литовск до Карпат, которую в 1919 году Верховный совет Антанты установил в качестве восточной границы Польши. Линия в основном соответствовала этническому принципу. 11 июля 1920 года Керзон направил правительству России ноту с требованием, чтобы наступавшая Красная армия остановилась на этой линии, а затем отошла от нее на 50 километров и заключила перемирие с Польшей. В противном случае Керзон заявлял, что страны Антанты окажут военную помощь Польскому государству. Советское правительство отвергло тогда «ультиматум Керзона».

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 194.

Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР: Ноябрь 1917 — март 1918 г. М.: РОССПЭН, 2006. С. 61–62.

664

Там же. С. 24, 44.

665

Там же. С. 75.

Троцкий Л. Труд, дисциплина, порядок спасут социалистическую советскую республику // Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 1. С. 155–172.

Троцкий имел в виду, что нарком путей сообщения Красин получил задание выехать за границу для установления торговых связей со странами Антанты в качестве представителя кооперативного объединения — Центросоюза в связи с тем, что западные державы отказывались вести прямые переговоры с правительством РСФСР. Красин выехал за рубеж в конце марта 1920 года.

The Trotsky Papers. V. 2. P. 114.

669

Известия. 1920. 24 марта.

Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года: Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 91–115.

671

Там же. С. 188–201.

672

Там же. С. 245, 247 и др.

Там же. С. 381–383, 533–538.

Там же. С. 384–396.

Девятый съезд РКП(б). Март — апрель 1920 года: Протоколы. С. 396, 428–430. Правда. 1917. 13 декабря.

Fischer R. Stalin and German Communism: A Study in the Origins of the State Party. Cambridge: Harvard University Press. 1948. P. 53.

Ватлин А. Ю. Коминтерн: Первые десять лет. Исторический очерк. М.: Россия молодая, 1993. С. 37–38.

Правда. 1919. 7 марта; Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 38–49.

Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. М.: Госиздат, [1924]. С. 14–17.

Ransome A. Op. cit. P. 217, 220.

The Trotsky Papers. V. 1. P. 366, 368.

Ibid. P. 620, 622, 624, 626.

Троцкий Л. Речь на II конгрессе Коминтерна. Троцкий, видимо, существенно изменил стенограмму речи, ибо она была опубликована только через две недели (Правда. 1920. 5 августа; Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 49–53).

Троцкий Л. Сочинения. Т. 13. С. 53–83.

Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1923. М.: РОССПЭН, 1997. С. 21.

Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. С. 107–120.

Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Пг.: Госиздат, 1920.

Kautsky K. Terrorismus und Kommunismus: Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. Berlin: Verlag Neues Vaterland. 1919.

Kautsky K. Von der Demokratie zur Staat-Sklaverei: Eine Auseinandersetzung mit Trotzski. Berlin: Verlagsgenossenschaft «Freiheit». 1921.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 92.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 82.

Ransome A. Op. cit. P. 52.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 82.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 83.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 139.

Небезынтересно, что и другие жены занимали ответственные посты в Наркомате просвещения. Хитроумный Луначарский таким путем создавал себе более прочное положение. До июля 1919 года театральным отделом наркомата руководила Ольга Давидовна Каменева — сестра Троцкого и жена Л. Б. Каменева. Что же касается Н. К. Крупской, то она с 1918 года заведовала особенно важным по тогдашним представлениям органом — внешкольным отделом Наркомпроса, который в 1920 году был преобразован в Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет).

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 1. С. 185.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 139.

699

<http://Sugneddin.livejournal.com/158039.html>

Морозова Т. В. Валькирия революции. — <http://morosova.jino-net.ru>. Валькириями в германской и скандинавской мифологии называли воинственных дев, решавших исход сражений, а затем отбиривших храбрейших из павших воинов и уносивших их в загробное царство.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 139–140.

Рейснер Л. Собрание сочинений. М.-Л.: Госиздат, 1928. Т. 1. С. 38.

О жизни и творчестве К. Шеридан см.: Leslie A. Clare Sheridan. Garden City: Doubleday, 1977.

К. Шеридан отмечает, что доступ в кабинет Ленина был проще, чем в кабинет Троцкого (Sheridan C. Naked Truth. New York and London: Harper & Brothers Publishers, 1928. P. 192).

Ibid. P. 191.

Ibid. P, 192.

Ibid. P. 192–193.

Ibid. P. 193.

709

Смешливым (фр.).

Ibid. P. 196.

Ibid. P. 198.

712

Вы обманете меня (фр.).

Sheridan C. Op. cit. P. 199. Отточия оригинала.

Ibid. P. 199–201.

Ibid. P. 202.

Fischer L. *Russia's Road from Peace to War: Soviet Foreign Relations, 1917–1941*. New York: Harper& Row, 1969. P. 605.

717

Имелся в виду однофамилец Клер английский драматург Ричард Шеридан.

718

Clare Sheridan to Shane Leslie. — Sir Shane Leslie Papers, ALS
10/23/1920, Special Collections Division, Lauinger Library, Georgetown
University, Washington, DC.

Sheridan C. Op. cit. P. 202, 361–362, 366.

НУ.НЛ, вMS Russ 13. Т 10 619; Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи.
С. 199.

Троцкий Л. Переход ко всеобщей трудовой повинности в связи с милиционной системой//Правда. 1919. 17 декабря; Троцкий Л. Сочинения. М.-Л.: Госиздат, 1927. Т. 15. На пути к социализму: Хозяйственное развитие Советской республики. С. 10–14.

722

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Дц. хр. 13 359. Л. 2–3.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 641. Прим. 178.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 198. Вслед за полным текстом документа в томе первом Сочинений Троцкого стоит ремарка: «По пути с Урала» (Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 54).

725

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 13 359. Л. 1.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 258–259.

727

Правда. 1920. 16 января.

Вскоре, 5 февраля 1920 года, постановлением Совнаркома был образован Главный комитет по трудовой повинности, в который входили представители ряда наркоматов, в том числе и Наркомата по военным и морским делам (Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. 10, 26 февраля).

Троцкий Л. Приказ-памятка по 3-й Красной Армии // Правда. 1920. 16января; Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 269–272.

Троцкий Л. Речь//Уральский рабочий. 1920. 19 февраля; Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 275–282.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 316–318.

В ценном труде, подготовленном Российским государственным гуманитарным университетом, говорится, например, о плане всеобщей милитаризированной трудовой повинности таким образом, что «душой всего дела стал Троцкий. Под его руководством специальная комиссия начинает разрабатывать стратегию военного штурма мирного строительства» (Наше отечество: Опыт политической истории. Т. 2. С. 80).

Троцкий Л. Сочинения. Т. 15. С. 178–206.

Там же. С. 388–405.

Там же. С. 409–442.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1953. Т. 42. С. 202, 205.

Там же. С. 203, 206–207.

Там же. С. 221.

Там же. С. 226.

740

Правда. 1921. 18 января.

The Trotsky Papers. V. 2. P. 370, 372.

742

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Ед. хр. 177. Л. 17.

Кронштадтская трагедия 1921 года: Документы. М.: РОССПЭН, 1999.
Т. 1. С. 106, 110.

744

РГАСПИ. Ф. 17. Он. 109. Ед. хр. 89. Л. 11.

Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 112.

746

РГАСПИ. Ф. 17. Он. 109. Ед. хр. 27. Л. 22.

Там же. Л. 20; Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 133, 158, 225, 275–276, 288, 351, 565–571, 645–648. После начала артиллерийских обстрелов Кронштадта, которые в самой крепости рассматривались как преступление, ее партийная организация стала буквально распадаться, причем кронштадтские коммунисты считали главным виновником обстрела Троцкого в качестве наркомвоенмора (Там же. С. 281).

ЦГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 17 498. Л. 1; Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 130–131.

ЦГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 17 498. Л. 1; Кронштадтская трагедия 1921 года. Т. 1. С. 349.

Троцкий Л. Речь// Известия. 1921. 5 апреля; Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Ч. 2. С. 523.

Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917–1918:
Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 364.

The Trotsky Papers. V. 2. P. 480, 482.

Ibid. P. 484.

Ibid. P. 470–562.

Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Советская Россия, 1992. С. 50–51.

Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 3.

757

Там же. С. 11.

758

Там же. С. 134.

759

Там же. С. 188, 216.

Там же. С. 379; Ленин В. И. «ПСС». М.: Политиздат, 1963. Т. 43. С. 53.

Десятый съезд РКП(б). С. 399.

Gorky M. Days with Lenin. New York: International Publishers. 1932. P. 56–57.

Русская православная церковь в советское время (1917–1991). М.: Пропилеи, 1995. Т. 1. С. 160.

Алексеев В. Был ли Патриарх Никон «вождем церковной контрреволюции»? //Диалог. 1990. № 10. С. 96.

765

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 285. Л. 13.

Ленин В. И. Неизвестные документы. С. 516–519.

Яковлев А. Н. По мощам и елей. М.: Евразия, 1995. С. 89.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 202.

Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года:
Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961. С. 10.

Там же. С. 283–294.

Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 416–417.

The Trotsky Papers. V. 2. P. 596, 598.

The Trotsky Papers. V. 2. P. 440, 442.

Шаламов В. Четвертая Вологда. Вологда: Грифон, 1994. С. 128.

Лент В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1965. Т. 54. С. 148.

Ленин В. И. «ПСС». М.: Госполитиздат, 1965. Т. 54. С. 57.

Там же. С. 180–181.

Там же. С. 295.

Там же. С. 324–325.

Там же. Т. 45. С. 338–339.

781

Там же. Т. 54. С. 327 (примечание).

Там же. Т. 45. С. 343.

Ю. Буранов установил, что, несмотря на надпись «Строго секретно», продиктованную Лениным, эта запись была в тот же день показана Сталину. На следующий день Сталин, Каменев и Бухарин посетили Горки, после чего секретарь Ленина Володичева перепечатала этот текст, дополнив его после фрагмента «навстречу тов. Троцкого» словами «до известной степени и на известных условиях» и исключив из заголовка текст «Строго секретно». В книге Буранова приведены фотокопии рукописного и печатного текстов, неопровержимо доказывающие, что текст Ленина был фальсифицирован по требованию Сталина (Buranov Iu. *Lenin's Will: Falsified and Forbidden: From the Secret Archives of the Former Soviet Union*. Amherst, NY: Prometheus Books, 1994. P. 26–27, 205–206, 211–213).

Ленин В. И. «ПСС». Т. 45. С. 346.

Предельно наивным, если не сказать больше, выглядит высказывание А. И. Зевелева о том, что Ленин, возможно, не называл кандидатуры преемника «в силу своей глубокой интеллигентности» (!), в силу того, что он не желал навязывать «своего единоличного мнения» (!) (Зевелев А. И. Истоки сталинизма. М.: Высшая школа, 1990. С. 33). Выше было приведено немало свидетельств того, что такими «отвратительными», по его мнению, качествами, как «глубокая интеллигентность» или же нежелание навязывать свою волю, большевистский вождь отнюдь не обладал.

Во время дискуссии на одном из заседаний в Тифлисе 20 октября 1922 года член ЦК грузинской компартии Г. А. Кабахидзе обозвал секретаря Закавказского крайкома РКП(б) Орджоникидзе, грубо защищавшего идею Сталина об «автономизации» советских республик, сталинским ишаком, а Орджоникидзе в ответ на это подскочил к Кабахидзе и ударил его по лицу. Реакцией был уход с заседания большой группы руководящих работников и их отставка. Посланный для расследования «грузинского инцидента» Дзержинский, а за ним Сталин полностью взяли Орджоникидзе под защиту, обвинив грузинских коммунистов в национализме.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 45. С. 327.

Ленин В. И. «ПСС». Т. 45. С. 329.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927: Из архива Льва Троцкого. В 4 т. Сост. Ю. Фельштинский. Wenson, Vermont: Chalidze Publications, 1988. Т. 1. С. 35.

Именно ко времени болезни Ленина Троцкий относил возникновение «тройки» (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 212). Вначале она была очень нестабильным образованием. Зиновьев и Каменев подчас расходились с мнением Сталина. Более того, находясь на отдыхе в Кисловодске, Зиновьев 30 июля 1923 года послал письмо Каменеву, в котором высказывал недовольство поведением Сталина по ряду вопросов и жаловался, что партии, видимо, придется некоторое время находиться под «авторитарным управлением» Сталина. Далее Зиновьев писал: «В действительности нет никакой тройки, есть только диктатура Сталина» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 197–198). В следующие месяцы, однако, Сталину удалось вновь «приручить» Зиновьева, убедив его, что именно он действительно играет в «тройке» ведущую роль. «Тройка» под фактическим руководством Сталина, но отнюдь не Зиновьева, сохранялась как более или менее прочное образование на протяжении двух лет с осени 1923-го по осень 1925 года.

791

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 57–59, 74–78 и др.

Правда. 1923.14 марта; Радек К. Портреты и памфлеты. М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 29–34.

Валентинов Н. В. Наследники Ленина. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1990. С. 11.

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 56. В архивной коллекции Троцкого этот документ содержится под ошибочным заголовком «Сводка замечаний членов Политбюро и Президиума ЦКК к предложению тов. Зиновьева о публикации «Завещания Ленина»». Под этим заголовком документ опубликован в цитируемом издании. Ошибка установлена Ю. Бурановым на основании архивного подлинника (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 790. Л. 113; Buranov lu. Op. cit. P. 75–79).

Об этой истории подробно рассказывал Сталин в заключительном слове доклада об организационной деятельности ЦК на Двенадцатом съезде партии, явно стараясь унизить Троцкого (Двенадцатый съезд РКП(б). С. 198).

В связи с созывом съезда в высших кругах разыгралась поистине фарсовая сцена. Вначале по инициативе Сталина Троцкому предложили выступить с отчетным докладом от имени ЦК, однако он отказался, чтобы не создалось впечатление, будто он претендует на роль ленинского наследника. Троцкий предлагал отменить отчетный доклад, но его предложение отвергли. Тогда он предложил, чтобы с докладом выступил Сталин, который также отклонил эту инициативу. В результате доклад был поручен Зиновьеву ввиду того, что тот явно не мог возложить на себя лавры наследника «престола» (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 227–228).

Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 1. С. 9–15, 23–25.

Там же. С. 19–20.

Там же. С. 26, 48–49.

Двенадцатый съезд РКП(б). С. 816–819.

801

Там же. С. 812.

Там же. С. 814–815.

Там же. С. 816–817.

804

Там же. С. 6.

Там же. С. 19, 25.

Там же. С. 309–352.

И. Т. Смилга говорил, например, что Троцкий «с обычным для него блеском поставил перед съездом все основные вопросы, волнующие в настоящее время промышленность» (Там же. С. 353).

Там же. С. 398–417.

Там же. С. 447.

Двенадцатый съезд РКП(б). С. 418.

Там же. С. 634–635.

812

Там же. С. 662.

Eastman M. *Great Companions: Critical Memoirs of Some Famous Friends*. New York: Straus and Cudahy, 1959. P. 151–152.

Eastman M. Since Lenin Died. London: Labour Publishing Company, LTD, 1925. P. 142–143.

Троцкий Л. В ЦК РКП, в ЦКК // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 79–85.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: Инфодизайн, 1990. С. 74.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 63.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. С. 71–72.

Полный текст письма был впервые опубликован в издании: Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 165–173.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 176–177.

Троцкий Л. В Политбюро ЦК РКП // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 83–88; Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 189–193. Документ не датирован. Публикаторы из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС датировали его по содержанию постановления Политбюро от 18 октября, но чем они руководствовались, не ясно, так как в названном постановлении «Заявление 46-ти» не упоминается (Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 189, 194). Рядом с несколькими подписями стоит одна и та же дата — 11 октября, возле одной подписи — 12 октября.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 174–175.

Там же. С. 176–189.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 167–181.

Там же. С. 183–185. Обычно не свойственные Троцкому неряшливость речи, обрывочность фраз и т. п. можно было бы отнести на счет плохой конспективной записи, сделанной помощником генерального секретаря Б. Баженовым (до 1924 года стенографические записи пленумов ЦК не велись), но сравнение с записью выступления Сталина свидетельствует, что речь Троцкого была записана в основном верно и, следовательно, отражала его беспокойное состояние (Там же. С. 187). Сталин же, видимо основательно подготовившись, выступил кратко, спокойно, без эмоционального напряжения, в свойственной ему упрощенно-дидактической манере.

Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 185–187.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 121.

Представляются абсурдными странные намеки или психоаналитические аллюзии в работе Ф. Помпера, который пишет (непонятно, всерьез или в качестве некой игры): «Кажется, существовала какая-то внутренняя основа во всех этих историях и символах: фальшивая позиция Троцкого в партии и его органическая неспособность играть роль Ленина вела к несчастным случаям и болезням. Инциденты на охоте и рыбной ловле свидетельствуют о маневрах с целью самозащиты (он оступился), трусости (замерзшие ноги) и вовлечении в политическую сутолоку (болото)» (PomperPh. Op. cit. P. 384). Серьезно относиться к этим словесным упражнениям, тем более в работе профессионального историка, невозможно.

Эта запись была приведена в мемуарах Троцкого (Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 240). Она не включена Н. И. Седовой в книгу ее мемуаров, возможно, именно потому, что была уже опубликована покойным супругом.

830

Правда. 1923. 7 декабря.

Сталин И. О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях гг. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого // Правда. 1923. 15 декабря; Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 5. С. 371–387.

Крупская и Ульянова писали в ЦК 21 декабря 1923 года: «Ввиду того, что дискуссия в газете волнует В[ладимира] И[льича], что может ухудшить его состояние, а не давать газет ему нельзя, — просим о перенесении дискуссионных статей в Дискуссионный Листок» (Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 294).

Каждая В. Тело и дело // Огонек. 2008. № 4. С. 57–58.

Троцкий Л. Новый курс. М.: Красная новь, 1924.

Троцкий Л. Новый курс. М.: Красная новь, 1924. С. 260.

Правда. 1923. 24 ноября; Троцкий Л. Сочинения. Т. 21. С. 261–268.

Съезд проходил в Москве 23–27 ноября 1923 года и носил подчеркнуто беспартийный характер.

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Красная новь, 1923; Он же. Литература и революция. М.: Госиздат, 1924.

Sinclair L. Trotsky: A Bibliography. Brookfield: Gover Publishing, 1989. V. 2. P. 1245–1246.

Троцкий Л. Литература и революция. С. 78.

841

РГВА. Ф. 33 987. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 81, 175, 341, 343.

Айхенвальд Ю. И. Поэты и поэтессы. М.: Северные дни, 1922.

843

Правда. 1922. 2 июня.

844

Известия. 1922. 30 августа.

Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. М.: Искусство, 1991. Т. 1. С. 260–285.

Index (USA). 1999. № 6. P. 75.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М.: Наука, 1998.
С. 262–263.

848

Там же. С. 264.

The Trotsky Papers. V. 2. P. 462. Росмер упоминал этот эпизод в своих воспоминаниях и рассказывал, что после вмешательства Троцкого бытовые проблемы были быстро решены (Rosmer A. Moscou sous Lénine: Les origines du communisme. Paris: Horay, 1953. P. 172–173).

Троцкий Л. Пять лет Коминтерна. С. 138–196.....

Комиссия была образована II пленумом Исполкома Коминтерна в июне 1922 года и должна была представить свой проект IV конгрессу, но программа не была утверждена ни IV, ни V конгрессами, и только VI конгресс принял ее в виде, угодном Сталину и тогдашнему проводнику его курса Бухарину.

Коминтерн и идея мировой революции. С. 539–549.

IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября — 3 декабря 1922 г.: Избранные доклады, речи и резолюции. М.-Пг.: Госиздат, 1923. С. 74–111; Троцкий Л. Сочинения. Т. 12. Проблемы международной пролетарской революции. Основные вопросы пролетарской революции. М.-Л.: Госиздат, 1925. С. 302–345. Тезисы доклада, которые были одобрены конгрессом, см.: Там же. С. 346–356.

Это было естественно, так как в январе 1923 года Президиум ИККИ утвердил Троцкого референтом по Франции, Бельгии и Люксембургу впредь до прибытия французского представителя (Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Указ. соч. С. 83).

The Trotsky Papers. V. 2. P. 760, 762, 764.

Троцкий Л. ФКП на IV конгрессе Коминтерна. IV Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. С. 317–354.

Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. М.: Партиздат, 1933. С. 350–353.

Brochdorf-Rantzau U. Dokumente und Gedenken um Versailles. Berlin:
Verlag für Kulturpolitik, 1925. Z. 208.

«Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5. С. 115.

Это была уже вторая встреча с ведущими немецкими коммунистами в Москве. Первая состоялась в мае, и в ней участвовали с германской стороны Г. Брандлер, Э. Тельман, А. Маслов, П. Бетчер и Р. Фишер, а с русской — Троцкий, Радек, Бухарин и Зиновьев. На этой встрече были осуждены «правые» и от германской компартии потребовали решительной борьбы за власть (Fischer R. Op. cit. P. 260).

«Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5. С. 117–118.

Там же. С. 122–124..

«Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5. С. 130.

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы 1923 года. М.: РОССПЭН, 2004. С. 205.

«Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Вестник Архива Президента Российской Федерации. 1995. № 5. С. 138.

Fischer R. Op. cit. P. 321–323.

867

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 169.

РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы. С. 237.

869

Огонек. 1989. № 51. С. 17.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 6. С. 27–45.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 249. Троцкий в своих воспоминаниях приводил выдержки из мемуаров Н. И. Седовой.

872

Воспоминания И. Я. Врачева, записанные в личной беседе в Москве 20 февраля 1990 года.

873

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. Л. 77.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 250.

875

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. Л. 75.

Fischer R. Op. cit. P. 360.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 109.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 253.

Правда. 1924. 30 января; Сталин И. Сочинения. Т. 6. С. 46–51.

Письмо Н. Крупской Троцкому // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 89.

881

См. с. 143–144 настоящей книги.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 259.

883

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 116. Л. 17.

В дополнение Ворошилов решением Политбюро был также назначен членом Президиума Реввоенсовета Республики (Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 1. С. 328).

Buranov lu. Op. cit. P. 81–82.

Троцкий Л. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991. С. 268–269.

Бажанов Б. Указ. соч. С. 106.

Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1963. С. 146–159.

Тринадцатый съезд РКП(б). С. 229–237.

Там же. С. 224–225.

Об этом рассказали Троцкому, и он пересказал полемику между Зиновьевым и Сталиным в письме А. В. Луначарскому, написанном в марте 1926 года в ответ на письмо последнего. Зиновьев, по словам Троцкого, заявил тогда, что «после того, что сказано обо мне стране, нельзя было оставлять меня в Центральном Комитете» (Центральний державний архів громадських об'єднань України. Ф. 1. Оп. 1. Од. зб. 242. Арк. 5).

Тринадцатый съезд РКП(б). С. 591.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 244–245.

894

Троцкий Л. Д. О Ленине: Материалы для биографа. М.: Госиздат, 1924.

895

Первый среди равных (лат.).

Печать и революция. 1924. № 4. С. 162.

Коммунистический Интернационал в документах. С. 471–472.

Решение об отпуске Троцкого было принято Политбюро 24 июля 1924 года (Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 314).

Старцев В. И. Второй раунд смертельной схватки//В кн.: Троцкий Л. Д. Уроки Октября (С приложением критических материалов 1924 года). Лениздат, 1991. С. 38.

Сталин И. Троцкизм или ленинизм? //Там же. С. 190–212; Сталин И.

901

Сочинения. Т. 6. С. 324–357.

902

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 122.

Троцкий Л. Портреты революционеров. М.: Московский рабочий, 1991. С. 268–269.

Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. С. 298–299.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 7. С. 379–380.

Андреев А. А. Воспоминания. Письма. М.: Политиздат, 1985. С. 155.

Залесский К. А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. С. 144–145.

Рассказывали, что однажды, увидев входивших в зал заседаний Троцкого и Радека, Ворошилов воскликнул: «Смотрите, вон идут Лев и его хвост!» Радек мгновенно прореагировал эпиграммой:

«У Ворошилова пустая голова,
Все мысли в кучу свалены.
Уж лучше быть хвостом у Льва,
Чем задницей у Сталина».

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 152–157.

910

Там же. С. 154.

Там же. С. 163–166.

Троцкий Л. К социализму или к капитализму? М.-Л.: Плановое хозяйство, 1926. С. 9.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 262.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 263.

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 170.

916

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. П. Е д. хр. 1110. Л. 131.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 21. С. 423–446.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 21. С. 423–446.

Безыменский А. Как пахнет жизнь. М., 1924; Его же. Комсомолия. М., 1924.

Хрущев Н. С. Воспоминания: Время, люди, власть. М.: Московские новости, 1999. Т. 1. С. 57.

Троцкий Л. Сочинения. Т. 21. С. 345–346.

Шумов А. Смеясь, он дожил до 103 лет // Российская газета. 2003. 27 сентября.

923

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1–19; Печать и революция. 1924.
№ 3. С. 1–14.

Журнал «На посту» (1923–1925) являлся критико-теоретическим органом Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). Сгруппировавшиеся вокруг него писатели проявляли нигилистическое отношение к классическому наследию, к непролетарским писателям, которые с легкой руки Троцкого получили наименование попутчиков.

Троцкий Л. Мой побег из Сибири. М.-Л.: Молодая гвардия, 1926. С. 3–4.

Чуковский К. Дневник 1901–1929. М.: Современный писатель, 1996. С. 238.

Там же. С. 501.

Там же. С. 292. Преследование Троцкого большевистскими властями, а затем его изгнание из СССР сопровождалось у Чуковского чувством ненависти к бывшему коммунистическому вождю. В январе 1933 года в его дневнике появилась запись: «Троцкисты для меня были всегда ненавистны не как политические деятели, а раньше всего как характеры. Я ненавижу их фразерство, их позерство, их жестикуляцию, их патетику. Самый их вождь был для меня всегда эстетически невыносим: шевелюра, узкая бородка, дешевый провинциальный демонизм. Смесь Мефистофеля и помощника присяжного поверенного. Что-то есть в нем от Керенского. У меня к нему отвращение физиологическое. Замечательно, что и у него ко мне — то же самое: в своих статейках «Революция и литература» он ругает меня с тем же самым презрением, какое я испытывал к нему» (Чуковский К. Дневник 1930–1969. М.: Современный писатель, 1997. С. 76).

929

Правда. 1925. 28 мая; 3, 4, 11, 17 июня.

Троцкий Л. Куда идет Англия? М.-Л.: Госиздат, 1925; Sinclair L. Op. cit. V. 1. P. 386.

931

Троцкий Л. Куда идет Англия? С. 5.

Троцкий Л. Куда идет Англия? Госиздат, 1926. Вып. 2.

Brailsford H. N. Introduction. — In: Trotsky L. Where is Britain going? London: George Allen & Unwin Ltd, [1925]; Russel B. Trotsky on Our Sins // The New Leader. 1926. February 26.

The Nation. 1926. March 10.

Manchester Guardian. 1925. September 15; The New York Times. 1925. September 26, a. o.

Троцкий Л. Куда идет Англия? Вып. 2. С. 51.

Там же. С. 73.

Там же. С. 173–174.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 174–181.

Коммунистический Интернационал в документах. С. 520.

Eastman M. Since Lenin died. London: Labour Publishing Company, Ltd, [1925]. P. 51.

Ibid. P. 8, 10, 12–14, 18, 37,40,407.

943

New Leader. 1925. May 1.

944

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. I.

945

Там же. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 130. Л. 176.

Швецов В. В. Лев Троцкий и Макс Истмен: История одной политической дружбы // Новая и новейшая история. 1990. № 6. С. 149.

Buranov Iu. Op. cit. P. 112.

17 июня Сталин послал членам и кандидатам в члены Политбюро, а также членам Президиума ЦКК письмо, в котором выражал недовольство в связи с «уклончивым» поведением Троцкого после появления книги Истмена, а также попыткой Троцкого подменить прямой ответ ссылкой на то, что действительный ответ дан в его только что вышедшей книге «Куда идет Англия?». Используя некоторые неточности книги, Сталин требовал поставить перед Троцким ультиматум — отмежеваться от журналиста и выступить в печати с категорическими опровержениями (Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг.: Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 14–15).

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 39; Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 322.

Buranov Iu. Op. cit. P. 124.

951

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 33–41; Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 417.
Л. 927.

Там же. Л. 137–138.

Большевик. 1925. № 16. С. 66.

Там же. С. 67–70.

Там же. С. 71–73.

Речь не может идти о близком к Троцкому оппозиционере Николае Ивановиче Муралове; тот не был настолько наивен, чтобы запрашивать Троцкого о его позиции по отношению к М. Истмену. Кто был на этот раз адресатом Троцкого, установить не удалось.

957

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 148–149.

Письмо Троцкого Серебрякову // Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927. С. 324–325; Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 188.

Троцкий Л. Европа и Америка. М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 45–46, 54.

Троцкий Л. Европа и Америка. М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 45–46, 54.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 1923–1938
гг. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 1. С. 580.

Там же. С. 682.

Заметки Троцкого для выступления на Апрельском пленуме ЦК (1926)
// Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 207.

Поправки Троцкого к проекту резолюции Рыкова о хозяйственном положении СССР // Там же. С. 214–222.

Там же. С. 214.

Еще 5 марта 1926 года Троцкий обратился с письмом в Политбюро по вопросу о стачке английских горняков (Коминтерн и идея мировой революции. С. 589–592). Он писал, что на заседании Политбюро накануне вопрос рассматривался в конце заседания, когда все устали, поэтому считает необходимым сформулировать свое видение проблемы. Троцкий считал, что в Англии сознание рабочих масс особенно отставало от объективной экономической обстановки. Полагая, что страна входила в полосу величайших потрясений, он считал необходимой ориентацию компартии Великобритании на организацию целой серии битв. Нельзя прозевать революционную ситуацию, как это произошло в Германии в 1923 году, уверял Троцкий членов большевистского ареопага.

«Особой папкой» условно называли специальный фонд наиболее тайных документов высшего партийного руководства, позже известный как «Кремлевский архив», в настоящее время составляющий основную часть Архива Президента Российской Федерации.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 448; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 266.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 267.

970

Там же. С. 268.

Стенограммы заседаний Политбюро... Т. 1. С. 882–886.

Там же. С. 743.

Там же. С. 753.

Там же. С. 906.

Там же. С. 762–763.

Там же. С. 767–769.

Там же. С. 780.

978

Там же. С. 811, 816.

Троцкий Л. Вопросы Коминтерна в делегацию ВКП(б) // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 240–247.

Зиновьев Г., Троцкий Л. Заявление // НУ.НЛ, bMS Russ 13. Т 884;
Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 1. С. 248–253.

Июльский пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Членам ЦК и ЦКК. Заявление// Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Benson, Vermont: Chalidze Publications, 1988. Т. 2. С. 11–24.

Сталин И. В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сб. документов и материалов. Ч. 1. СПб., 2006. С. 23–24.

Троцкий Л., Зиновьев Г. Обращение в ЦК//Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 2. С. 34–35.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 2. С. 55.

Там же. С. 60–63.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). 1923–1938
гг. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 2. С. 420–423.

Там же. С. 423–424.

Там же. С. 425–427.

Там же. С. 430–434.

990

Правда. 1926. 7 октября.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Т. 2. С. 442–443.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 2. С. 111–114.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1948. Т. 8. С. 214–233.

Там же. С. 234–297.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 72.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 149.

Троцкий Л. Теория социализма в одной стране // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 2. С. 141–147.

999

HU.HL. bMS Russ 13. T 3007a; T 3007b.

1000

Радек К. О Китае. Документы и материалы / Ред. и сост. А. В. Панцов.
М.: ООО «Соверопринт», 2005. С. 20–184.

Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений: Большевики и Китайская революция (1918–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001. С. 75–76.

Генрикус Снефлит (псевдоним Маринг) (1883–1940) — деятель коммунистического движения на Яве, а затем в Голландии. В 1920 году участвовал во II конгрессе Коминтерна и являлся секретарем его комиссии по национальному и колониальному вопросам. В 1920–1921 годах — член ИККИ. В 1921–1923 годах — представитель Коминтерна в Китае. В 1924 году выехал из Москвы в Западную Европу. Участвовал в коммунистическом движении ряда стран. В 1928 году был исключен из Коминтерна за поддержку Троцкого. Инициатор создания оппозиционных коммунистических групп, сотрудничавших с Троцким. Убит нацистами.

Pantsov A., Benton G. Did Trotsky Oppose Entering the Guomindang «From the First»? — Republican China, 1994. Vol. XIX. № 2. P. 61–63; Панцов А. В. Карл Радек — китаевед // Радек К. О Китае. С. 11.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943:
Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 222–224.

1005

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 2. С. 103–108.

1006

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 816. Л. 85.

1007

Там же. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 49.

1008

Там же. Л. 6–12.

1009

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Benson, Vermont, Chalidze Publications, 1988. Т. 3. С. 60.

1010

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 21–24.

Троцкий Л. Письмо Н. К. Крупской к вопросу о «самокритике» // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 3. С. 57–59.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 3. С. 72–73.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 3. С. 212.

1014

Там же. С. 222.

В одном из писем (16 июня 1927 года) Троцкий сообщал, что в ответ на просьбу собравшихся на Ярославском вокзале сказать несколько слов он произнес примерно следующее: «Опасности для нашей страны сейчас велики, времена трудные и каждый из нас должен быть вдвойне верным сыном революционной ленинской партии!» (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Benson, Vermont, Chalidze Publications, 1988. Т. 4. С. 13).

1017

Троцкий Л. Две речи на заседании ЦК // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 3. С. 87–127.

1018

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 363. Л. 1.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 3. С. 88.

1020

Там же. С. 96.

1021

Правда. 1927. 26 июня.

1022

Правда. 1927. 10, 11 августа.

1023

Известия. 1927. 13 августа.

1024

http://lib.ru/TROCKIJ/Arhiv_Trotskogo_tl.txt.

Примером могут служить многочисленные статьи Н. А. Васецкого, например статья «Возвращающийся пророк» в книге: Дойчер И. Троцкий в изгнании. М.: Политиздат, 1991. С. 545–573.

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 563.

Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКЩб) — ВКП(б). Т. 2. С. 592.

Там же. С. 593–594.

1029

Там же. С. 595.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 277.

Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 129–130.

Речь Троцкого по вопросу об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП(б) // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 4. С. 218–219.

1033

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 153.

Большевистское руководство: Переписка. 1912–1927. С. 349–350.

Речь Троцкого по вопросу об исключении Зиновьева и Троцкого из ЦК ВКП(б) // Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 4. С. 218–224.

Сталин И. Сочинения. Т. 10. С. 205. В подготовленной для пленума речи, которую ему так и не дали произнести, Х. Г. Раковский высмеял это заявление Сталина. «Я не знаю, — говорилось в тексте речи, — забыл ли Сталин или он не знает, что Ленин несколько раньше тов. Троцкого также назвал Аксельрода «дорогим учителем»» (Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 4. С. 243).

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 280–281; Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 4. С. 250–264.

Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. Т. 4. С. 252–254. Правда. 1927. 15 ноября.

1039

Правда. 1927. 15 ноября.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 282.

1041

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 2.

1042

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б):
Стенографический отчет. М.-Л.: Госиздат, 1928. С. 1395, 1412.

Trotsky L. Writings 1936–37. New York: Pathfinder Press, 1978. P. 65.

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1333–1335.

1045

Там же. С. 1338.

Там же. С. 1248–1250.

1047

Правда. 1927. 20 декабря.

XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 1247, 1266–1267.

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 209.

1050

Правда. 1927. 27 декабря.

1051

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 25.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 285.

См. подробнее: Чернявский Г. Тень люциферова крыла. Большевизм и национал-социализм: Сравнительно-исторический анализ двух форм тоталитаризма. Харьков: Око, 2003. С. 49–52.

1054

ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Ед. хр. 176. Л. 2.

Andrew C., Mitrokhin V. *The Mitrokhin Arkhive: The KGB in Europe and the West*. London: Penguin Group, 1999. P. 52. Эта книга представляет собой краткую выжимку из документов так называемого «архива Митрохина». Василий Никитич Митрохин, руководитель Архива внешней разведки КГБ СССР, долгие годы тайком переписывал секретные документы архива, выносил их из здания на Лубянке в карманах и даже в носках, а потом прятал в потайных местах за городом. Ему удалось в 1992 году переправить эти материалы на Запад, а затем самому перебраться в Великобританию. Там он вместе с историком Кристофером Эндрю издал названную книгу.

1056

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 581.

1057

Материалы Федеральной службы безопасности Российской Федерации, предоставленные автору без выходных данных.

1058

Социалистический вестник. 1928. № 1. С. 3.

Этот момент и следующий далее рассказ основаны на записях Н. И. Седовой, которые Троцкий включил в свои воспоминания в виде значительного фрагмента главы (Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 285–297).

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 289; Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 157.

Видимо, это была книга: *Окраины России: Сибирь, Туркестан, Кавказ и Полярная часть Европейской России* / Под ред. П. П. Семенова. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900.

1062

НУ.НЛ, вMS Russ 13. Т 1108; Троцкий Л. Дневники и письма. С. 19.

Andrew C., Mitrokhin V. Op. cit. P. 51–52.

1064

HU.HL, bMS Russ 13. T. 1419.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 20.

1066

HU.HL, bMS Russ 13. T 1434.

1067

HU.HL, bMS Russ 13. T 1402.

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1918 г. / Ред. — сост. Ю. Г. Фельштинский. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. С. 73.

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 51–52.

1070

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 24.

1071

HU.HL, bMS Russ 13. T 1533.

1072

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 29.

1073

HU.HL, bMS Russ 13. T 1227.

HU.NL, bMS Russ 13. T 1444, T 1492, T 1566, T 1778, T 2764. Льву Седову Гетье писал 18 февраля 1928 года (его почтовая открытка дошла только через месяц — 19 марта): «Здоровы ли вы все? Ужасно скучаю по вас, не имея почти никаких сведений. Пишу открытку — думаю, что вернее дойдет. Крепко обнимаю всех и желаю доброго здоровья» (HU.NL, bMS Russ 13. T 1132).

1075

HU.HL, bMS Russ 13. T 1694.

1076

HU.HL, bMS Russ 13. T 1115.

1077

HU.HL, bMS Russ 13. T 1128.

1078

HU.HL, bMS Russ 13. T 1611. См. также другие письма А. Г. Раковской семье Троцких и отдельно Н. И. Седовой на французском языке (HU.HL, bMS Russ 13. T 1126, T 1210, T 1480, T 1798).

1079

HU.HL,bMS Russ 13. T 1128.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 299.

1081

HU.HL, bMS Russ 13. T 1123.

Архив Троцкого. Харьков: Око, 2001. Т. 2. С. 70–72.

1083

Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 344.

1084

HU.HL, bMS Russ 13. T 1943, T 2873; Троцкий Л. Дневники и письма.
С. 36–37.

1085

НУ.НЛ, бMS Russ 13. Т 1112, Т 1121, Т 1161; *Троцкий Л.* Дневники и письма. С. 20–27.

Архив Троцкого. Т. 2. С. 17–21.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 26.

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 10–13, 26–36.

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 44–45.

1090

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 44.

1091

Правда. 1928. 4 мая.

Разгром левой оппозиции в СССР: Письма ссыльных большевиков (1928) Публ. Ю. Фельштинского / Минувшее: Исторический альманах. М.: Феникс, 1992. Т. 7. С. 284.

1093

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 77.

Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным: Комментарий к воспоминаниям А. М. Лариной (Бухариной) «Незабываемое» с приложениями. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1993. С. 30–37.

1095

HU.HL, bMS Russ 13. T 1943.

См. научную публикацию, осуществленную В. П. Даниловым: Вопросы истории. 1989. № 12. С. 68–83, а также анализ документов: Чернявский Г. И., Станчев М. Г. В борьбе против самовластия: Х. Г. Раковский в 1927–1941 гг. С. 172–183.

1097

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 6. С. 14–20.
Заверенный Раковским экземпляр письма хранится в архивном фонде
Троцкого (HU.NL. bMS Russ 13. T 2206).

1098

НУ.НЛ, вMS Russ 13. Т 1613а; Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г.
С. 78–80.

1099

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 84.

1100

Там же. С. 85–86.

Залесский К. А. Империя Сталина. С. 415.

1102

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 107.

1103

HU.HL, bMS Russ 13. T 21 447.

HU.HL, bMS Russ 13. T 3117, T 3118, T 3121; Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. М.: Принтима, [1993]. С. 19–63, 64–233; Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 90–105.

1105

HU.HL, bMS Russ 13. T 1943.

Glotzer A. Trotsky: Memoir & Critique. Buffalo, New]brk: Prometheus Books, 1989. P. 21.

Glotzer A. Trotsky: Memoir & Critique. P. 97.

Там же. С. 123–124.

Glotzer A. Trotsky: Memoir & Critique. P. 149.

1110

Там же. С. 183.

1111

Там же. С. 233.

Glotzer A. Op. cit. P. 22.

Ibid. P. 21–22.

Ibid. P. 22.

Коммунистический Интернационал в резолюциях. С. 873–874.

1116

http://www.kulichki.com/moshkow/TROCKIJ/Arhiv_t4.txt

1117

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 159.

1118

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 305.

1119

HU.HL, bMS Russ 13. T 3127.

1120

РГАСПИ. Ф. 328. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 7; НУ.НЛ, bMS Russ 13. Т 1753.

1121

HU.HL, bMS Russ 13. T 1753.

1122

РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 12; НУ.НЛ.bMS Russ 13. Т 1643.

1123

HU.HL, bMS Russ 13. T 3177.

1124

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 364. Л. 1–17; НУ.НЛ, bMS Russ 13. Т
3143 Т3144

1125

HU. HL. bMS Russ 13. T 3147.

Троцкий Л. Коммунистический Интернационал после Ленина. С. 302.

1127

HU.HL, bMS Russ 13. T 1232.

http://www.lib.ru/TROTSKIJ/Arhiv_Trotskogo_t3.txt. С. 113–154.

Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 197–204.

1130

HU.HL, bMS Russ 13. T 2943.

1131

НУ.НЛ, бMS Russ 13. Т 2912; Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 233.

НУ.НЛ, бMS Russ 13. Т 3152; Троцкий Л. Письма из ссылки. 1928 г. С. 233–235.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 308.

1134

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 714. Л. 5.

1135

Там же. Оп. 162. Ед. хр. 7. Л. 5.

1136

Там же. Оп. 166. Ед. хр. 283. Л. 17.

1137

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 721. Л. 26.

*

НУ.НЛ, bMS Russ 13. Т 2944; *Троцкий Л.* Моя жизнь. Т. 2. С. 313.

НУ.НЛ, вMS Russ 13. Т 2944; Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 313.

1139

HU.HL, bMS Russ 13. T 2945. Л. 1–3.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 314.

1141

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 13 046.

1142

Речь вдет о президенте Турецкой республики Мустафе Кемале Ататюрке.

Оскорбительное определение «фашистский» в отношении турецких властей Троцкий, очевидно, употребил в связи с тем, что компартия в этой стране была запрещена, а ее нелегальные деятели приговаривались к смертной казни.

1144

HU.HL, bMS Russ 13. T 2950.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 317. Советским агентам в Стамбуле удалось раздобыть заявление Троцкого президенту Турции на турецком языке. Текст был переведен на русский, отправлен в Москву и включен Иностраннным отделом ОГПУ в сводку, представленную председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому. Одновременно сообщалось, что состоялась беседа Троцкого с начальником полиции Стамбула. Троцкий заявил, что слова о насилии относятся не к турецким, а к советским властям, что он никаких претензий к туркам не имеет (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 491. Л. 6; Лев Троцкий, Константинополь, 1929 год Публ. М. М. Пантелеева / Исторический архив. 1993. № 1. С. 218–219).

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 163.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 2. С. 318.

1148

HU.HL,bMS Russ 13. Т. 3177; Троцкий Л. Дневники и письма. С. 46–48.

1149

HU.HL, bMS Russ 13. T 9478.

1150

НУ.НЛ, бMS Russ 13. Т 3178; Троцкий Л. Дневники и письма. С. 48.

HeijenoortJ. With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coyoacan.
Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 20.

1152

HU.HL, bMS Russ 13. T 586.

Ниже будет рассказано, как позже Троцкому дважды придется воспользоваться любезностью итальянцев в своих путешествиях сначала из Франции в Турцию после выступления с лекцией в Копенгагене, а затем из Турции во Францию после получения визы на въезд в эту страну.

1154

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 9. С. 10.

О пребывании Зинаиды в Берлине и ее письмах речь пойдет ниже. Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 251. Для привлечения внимания к своей скандальной сенсации автор даже дал соответствующей главе претенциозное, хотя и запутанное название «Инцест левой идеи: Дочь Троцкого на фоне Франкфуртской школы».

1156

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 84.

1157

Там же. С. 75.

HeijenoortJ. Op. cit. P. 6–7.

1159

Бюллетень оппозиции. 1929. № 1. С. 5–8.

1160

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7650, T 7655.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 68.

1162

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 8629.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 69–70.

1164

Paris soir. 1933.16,17 juin.

1165

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3165.

1166

Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 5.

РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 481. Л. 129; Лев Троцкий, Константинополь, 1929 год *Публ. М. М. Пантелеева / Исторический архив.* 1993. № 1. С. 219. Сэр Остин — министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен; Сосо — И. В. Сталин.

Sinclair L. Op. cit. V. 2. P. 1250–1255.

Троцкий Л. Моя жизнь. Т. 1. С. 7.

Eastman M. Einstein, Hemingway, Freud and Others. *Great Companions: Critical Memoirs of Some Famous Friends*. New York: Farrar, Straus and Cudahy, 1959. P. 112, 115.

Л. Д. Троцкий: После высылки из СССР. Начало третьей эмиграции. Турция. Принцессы острова. 1929–1932 гг. Публ. А. М. Плеханова / Исторический архив. 1992. № 1. С. 34–35.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 166.

1174

См., например: НУ.НЛ, bMS Russ 13.1. Т 15 821.

Andrew C., Mitrokhin V. Op. cit. P. 52.

1176

Бюллетень оппозиции. 1929. № 3–4. С. 5–11.

1177

Andrew C., Mitrokhin V. The Mitrokhin Arkhive. P. 52.

1178

Об этом свидетельствуют переписка, адресные книги, финансовые документы и другие материалы (HI.NC, box 372).

1179

Л. Д. Троцкий: После высылки из СССР // Исторический архив. 1992.
№ 1. С. 36.

HeijenoortJ. Op. cit. P. 96.

1181

См. выше. С. 322–323.

1182

Бюллетень оппозиции. 1929. № 6. С. 20.

Costello J., Tsarev O. *Deadly Illusions*. New York: Crown Publishers, Inc., 1993. P. 361.

Levine I. D. *The Mind of an Assassin*. New York: Farrer, Straus and Cudohy, 1959. P. 41.

1185

New York Times. 1958. April 22.

Седова, видимо, передала в искаженном виде суждение своего супруга о Блюмкине, сложившееся после того, как он узнал, что с этим человеком вскоре произошло.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 166–167.

1188

HU.NC, bMS Russ 13.1. T 3164.

Andrew C., Mitrokhin V. Op. cit. P. 53.

Муратов И. А. Яков Григорьевич Блюмкин (1900–1929). — [Http://
bibliotekar.ru/100avant/79.htm](http://bibliotekar.ru/100avant/79.htm).

Старков Б. «Не ради временной славы и честолюбия...» // Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М.: Автор, 1991. С. 348.

Подробнее обо всей этой истории см.: Велидов А. Похождения террориста: Одиссея Якова Блюмкина. М.: Современник, 1998.

1193

Как и за что Сталин расстрелял Блюмкина // Бюллетень оппозиции.
1930. № 9. С. 9–11.

Alexander R. J. *International Trotskyism, 1929–1985: A Documented Analysis of the Movement*. Durham and London: Duke University Press, 1991.

Пьер Семар (1887–1942) — секретарь ЦК французской компартии в 1924–1930 годах. С 1924 года член Политбюро ЦК этой партии. В 1940 году был арестован французскими властями, а во время оккупации Франции выдан нацистам и казнен.

1196

Г. Г. Внутри правоцентристского блока // Бюллетень оппозиции. 1929.
№ 1–2. С. 17.

Naville P. L'Entre-Deux Guerres: La Lutte des Classes en France 1926–1939. Paris: Etudes de Documentacion Internationales, 1975. P. 62.

1198

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 9480.

HeijenoortJ. Op. cit. P. 21.

HeijenoortJ. Op. cit. P. 24.

1201

Троцкий Л. Открытое письмо редакции еженедельника французской коммунистической оппозиции «Правда» //HU.NL, bMS Russ 13.1. T 3219; Бюллетень оппозиции. 1929. № 3–4. С. 29–30.

1202

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3235.

1203

Троцкий Л. Редакции «Борьба классов» // НУ.НЛ, bMS Russ 13.1. Т 3220; Бюллетень оппозиции. 1929. № 3–4. С. 30–33.

HeijenoortJ. Op. cit. P. 1.

Heijenoort J. Op. cit. P. 56.

Glotzer A. Op. cit. P. 29.

Alexander R. J. Op. cit. P. 346.

Ibid. P. 20.

Trotsky L Writings (1929). New York: Pathfinfer Press, Inc., 1975. P. 247–249, 271–303 a. o.

1210

Leon Trotsky — Alfred et Marguerite Rosmer: Correspondence 1929–1939. Ed. by P. В гонё. Paris: Gallimard, 1982. P. 40–43.

1211

Schafranek H. Kurt Landau // Cahers Leon Trotsky, 1980. № 5. P. 74.

Троцкий Л. Открытое письмо всем членам Ленинбунда // Бюллетень оппозиции. 1930. № 9. С. 22–26; *The Militant*. 1930. March 29; Trotsky L. *Writings* (1930). New York: Pathfinder Press Inc., 1975. P. 87–95.

Гуго Урбане после раскола продолжал руководить «остаточным» Ленинбундом, в 1933 году эмигрировал в Швейцарию и скончался после войны в полной неизвестности.

Leon Trotsky — Alfred et Margueritte Rosmer. P. 42.

Trotsky L. Writings (1930). P. 214.

Stobnicer M. Op. cit. P. 115.

1217

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3364.

Stobnicer M. Op. cit. P. 117.

1219

Cartes et lettres d'Andrös Nin a Trotsky (1928) // Cahiers Leon Trotsky.
1982. № 10. P. 35–45.

Bonamusa F. Andreu Nin y el movimiento comunista en España (1930–1937). Barcelona: Editorial Anagrama, 1977. P. 100–101.

О деятельности болгарской группы и ее связях с Троцким см.: Станчев М., Чернявский Г. Троцкий, Болгария и болгары. София: Академическое издательство им. проф. М. Дринова, 2008. С. 258–331.

Cannon J. P. *The History of American Trotskyism from Its Origins (1928) to the Founding of the Socialist Workers Party (1938)*. New York: Pathfinder Press, 1979. P. 79.

Троцкий Л. Американским большевикам-ленинцам (оппозиции) j I
Бюллетень оппозиции. 1929. № 1–2. С. 27–28.

Крупный шаг вперед // НУ.НЛ, бMS Russ 13.1. Т 3279; Trotsky L. Writings (1930). P. 133; Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. С. 2.

Cannon J. P. Op. cit. P. 90.

Glotzer A. Op. cit. P. 69.

Cannon J. P. Op. cit. P. 78.

Trotsky L. Ouevres. Janvier — Juin 1935. Paris: Etudes de Documentacion Internationales, 1979. V. 5. P. 358.

Эту проблему серьезно проанализировал А. В. Панцов в книге «Тайная история советско-китайских отношений». С. 227–292.

1230

Там же. С. 240–241.

1231

Там же. С. 252–255.

Miller J. T. *The Politics of Chinese Trotskyism: The Role of Permanent Opposition in Communism*. Urbana: University of Illinois, 1979. P. 124.

Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений. С. 255–257.

1234

Там же. С. 259.

1235

Там же. С. 263–264.

1236

Там же. С. 278–279, 283.

1237

Там же. С. 289–291.

Ланцов А. В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 257.

Isaaks H. R. *The Tragedy of the Chinese Revolution*. Stanford: Stanford University Press, 1981. P. 328.

Dowson R. Chinese Revolutionists in Exile // International Socialist Review. New York. Summer 1963. P. 79.

1241

Троцкий Л. Китайской левой оппозиции // Бюллетень оппозиции. 1931.
№ 19. С. 27.

1242

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7578.

1243

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7578.

Miller J. T. Op. cit. P. 172.

Ibid. P. 175–177.

1246

Sacksl. M. Marxism in Viet Nam //In: Marxism in SouthEast Asia: A Study of Four Countries. Standord: Stanford University Press, 1959. P. 128.

Парижанин Морис (псевдоним Мориса Донзеля) (1885–1937) — французский писатель и общественный деятель. Он переводил на французский язык не только «Историю русской революции», но и другие работы Троцкого, а позже оказал содействие в получении разрешения на въезд Троцкого во Францию в 1933 году.

1248

Indiana University, Lilly Library, L.Trotsky — M. Eastman Collection.

Trotsky L. The History of the Russian Revolution. London: Golancz, 1932.

Trotsky L. The History of the Russian Revolution. New York: Simon & Schuster, 1932–1933.

Sinclair L. Op. cit. V. 2. P. 1229.

Троцкий Л. История русской революции. М.: Терра, Республика. 1997.
Т. 1–2 (т. 2 в двух частях).

Троцкий Л. История русской революции. Т. 2. Ч. 1. С. 84.

1254

Бюллетень оппозиции. 1930. № 14. С. 6–12.

1255

Троцкий Л. Открытое письмо Президиуму ЦИКа Союза ССР // Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. С. 1–6.

Сталин И. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т. 13. С. 84–102.

1257

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5762.

1258

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 13 593.

1259

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5757.

1260

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5756.

1261

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5758.

1262

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5765, T 5768.

1263

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 13 558.

1264

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 13 568.

1265

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 13 233.

1266

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 13 552.

1267

По другой версии, Сева находился в школе, точнее, в детском саду (Троцкий Л. Дневники и письма. С. 109).

НУ.НЛ, bMS Russ 13.1. Т 13 040; «Милая моя Ресничка!..» Сергей Седов: Письма из ссылки. СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», 2006. С. 95.

1269

Л. Д. Троцкий: После высылки из СССР... // Исторический архив.
1992. № 1. С. 36.

Цит. по кн.: Дойчер И. Изгнанный пророк. 1929–1940. М.: Центрполиграф, 2006. С. 208.

1271

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 8891, T 9790.

1272

НУ.НЛ, бMS Russ 13.1. Т 3499; Бюллетень оппозиции. 1933. № 33. С. 29–30.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 108–109.

1274

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3412.

1275

Бюллетень оппозиции. 1931. № 25–26. С. 1–9.

Leon Trotsky — Alfred et Marguerite Rosmer. P. 17–18.

1277

Бюллетень оппозиции. 1929. № 1–2. С. 19–20.

1278

HU.HL, bMS 13.1. T 3201.

Имелся в виду написанный Троцким в виде тезисов текст, который позже был опубликован в виде статьи «Поворот Коминтерна и положение в Германии» (Бюллетень оппозиции. 1930. № 17–18. С. 45–54). В этой статье поворот Коминтерна к «третьему периоду» в свете германских событий рассматривался как авантюризм, был сделан вывод, что «фашизм» (национал-социализм) стал в Германии реальной опасностью. Определялись задачи компартии, как их себе представлял автор.

1280

Leon Trotsky — Alfred et Marguerite Rosmer. P. 96.

1281

Les Congres de la Quatrieme Internationale. Paris: Editions La Breche, 1978. V. 1. P. 34–36.

1282

Крупный шаг вперед // Бюллетень оппозиции. 1930. № 11. С. 1.

1283

Там же. С. 3.

Les Congres de la Quatrieme Internationale. V. 1. P. 47.

1285

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 8399–8400.

1286

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7954.

1287

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3322.

1288

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 9703.

1289

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 9092.

1290

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 9118.

Trotsky L. Writings (1932). New York: Pathfinder Press Inc., 1973. P. 335–336; Бюллетень оппозиции. 1932. № 32. С. 39.

1292

Бюллетень оппозиции. 1932. № 32. С. 36.

1293

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3469–3472.

Михаил Вениаминович Кобецкий (1881–1937) был секретарем Исполкома Коминтерна в 1920–1921 годах, затем в 1921–1923 годах являлся заместителем председателя Исполкома Коминтерна. С 1924 года на дипломатической работе: полпред СССР в Эстонии, а вслед за этим в Дании. В 1933–1937 годах служил представителем Совнаркома СССР в Закавказской Федерации. Арестован и расстрелян без суда во время «большого террора».

1295

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3481.

1296

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3464–3466, T 3468, T 3476.

Ответы Л. Д. Троцкого на вопросы журналистов // Бюллетень оппозиции. 1932. № 32. С. 39–40.

1298

HI.NC, box 349.

Les Congres de la Quatrième Internationale. V. 1. P. 52.

Стаичев М., Чернявский Г. Л. Д. Троцкий, Болгария и болгары. С.312–325.

1301

Les Congres de la Quatrième Internationale. V. 1. P. 50.

Documents of the Fourth International: The Formative Years (1933–40).
Ed. by Will Reisner. New York: Pathfinder Press Inc., 1973. P. 23–25.

1303

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3508.

1304

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3563.

1305

Троцкий Л. Трагедия немецкого пролетариата // Бюллетень оппозиции.
1933. № 34. С. 7–11.

1306

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3522.

Arch Getty J. Trotsky in Exile: Founding of the Fourth International // Soviet Studies. 1986. № 1. R 24–35.

Дело было связано с отказом Троцкого сотрудничать с издателем и выполнить подписанный с ним договор на издание книги «Моя жизнь», ибо Шуман, как оказалось, напечатал книгу А. Ф. Керенского с утверждениями, что Ленин и Троцкий были платными агентами Германии во время Первой мировой войны. В связи с рассмотрением издательской тяжбы Троцкого в суде изгнанник считал, что московские лидеры должны представить в суд материалы, защищающие честь партии большевиков и ее руководителя (HU.NL, bMS Russ 13.1. T. 3362).

Подлинник письма с резолюцией Сталина был обнаружен Д. А. Волкогоновым (Волкогонов Д. Троцкий: Политический портрет. М.: Новости, Т. 2. С. 297).

1310

HU.HL, bMS Russ 13.1. N 350.2.

1311

Бюллетень оппозиции. 1933. № 36–37. С. 19–22.

Serge K, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 191–192.

1313

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 73.

1314

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5560.

1315

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5562, T 5563, T 5565, T 5566, T 5569.

Троцкий Л, Дневники и письма. С. 104–105.

1317

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 99.

1318

Там же.

1319

Латинское выражение, означающее одно вместо другого, путаницу, неразбериху.

1320

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 98.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 193.

1322

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 90.

1323

Мезин И. С., Седов С. Л., Черномордик Б. М. Легкие газогенераторы автотракторного типа. М.: Госмашметиздат, 1934.

1324

«Милая моя Ресничка!..». С. 44 (Анкета арестованного С. Седова, заполненная 3 марта 1935 года).

НУ.НЛ, вMS Russ 13.1. Т 13 039; «Милая моя Ресничка!..». С. 106–107.

1326

«Милая моя Ресничка!..». С. 12. Сохранены стиль и пунктуация этого документа.

1327

Там же. С. 19.

1328

АПРФ. Оп. 24. Ёд. хр. 411. Л. 188 (Публикация в Интернете).

«Милая моя Ресничка!..». С. 27.

1330

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 109, 111, 115, 119 и др.

1331

Письмо Н. И. Троцкой о сыне // Бюллетень оппозиции. 1935. № 44. С. 11–12.

Бюллетень оппозиции. 1935. № 46. С. 6. Жена Сергея Генриетта была арестована позже, 23 декабря 1937 года. («Милая моя Ресничка!..». С. 59). В данном случае НКВД блокировал все почтовые контакты семьи Сергея с зарубежными странами.

Alexander R. J. Op. cit. P. 633.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 138.

1335

Там же. С. 141.

Через много лет Ж. Розенталь выпустил книгу воспоминаний о своих связях с Троцким (Rosenthal G. Avocat de Trotsky. Paris: R. Laffont, 1975).

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 143.

1338

Беседа с Эстебаном Волковым, записанная 16 февраля 2008 года.

1339

Речь идет о революционном романе-сказке Ю. Олеши «Три толстяка» (1924), очень популярном в 1930-е годы, причем не только в детской среде.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 143. Бош — презрительная кличка, которой французы называли немцев.

1341

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 10 135; Trotsky L. Writings 1935–36. New York: Parhfmder Press Inc., 1977. P. 220.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 201.

1343

Бюллетень оппозиции. 1934. № 40. С. 1–3.

Троцкий Л. Сталинская бюрократия и убийство Кирова: Ответ американским друзьям // Бюллетень оппозиции. 1935. № 41. С. 1–10; Его же. Обвинительный акт // Там же. С. 10–12.

1345

Бюллетень оппозиции. 1935. № 45. С. 2–5.

Л. Г. Ликвидационный конгресс III-го Интернационала // Бюллетень оппозиции. 1935. № 46. С. 7–12.

Sinclair L. Op. cit. V. 2. P. 1280–1283.

Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Paris: IV InternationaleRouge, 1971. См. современное издание: Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. Вып. 1–2.

Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. Вып. 1. С. 96.

Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ культуры, 1991. Вып. 1. С. 96–97.

1351

Там же. С. 223.

Там же. С. 230. Во многих статьях этого периода Троцкий использовал и термин «тоталитаризм» применительно к сталинскому режиму в СССР и гитлеровскому режиму в Германии. Он не вкладывал какой-либо научно-социологический смысл в этот термин, который был для него всего лишь хлестким определением жестокого, диктаторского, репрессивного режима, а не научной категорией.

Троцкий Л. Преданная революция. Вып. 2. С. 4.

Там же. Вып. 1. С. 76–77.

См. подробнее: Alexander R. J. Op. cit. P. 260–261.

Documents of the Fourth International: The Formative Years 1933–40. P. 56–59.

Симона Вейль (1909–1943), окончившая парижскую Высшую нормальную школу, уже в юности стала известным публицистом и обществоведом. Во второй половине 1920-х годов примыкала к компартии, затем сочувствовала идеям Троцкого. В 1934–1935 годах работала чернорабочей на автомобильных заводах и публиковала статьи в левой прессе об условиях труда в промышленности. Участвовала в гражданской войне в Испании 1936–1939 годов на стороне республиканцев. Вмешательство СССР в ход гражданской войны и затем победа Франко привели Вейль к духовному кризису. В 1938 году она объявила о переходе в христианство. Во время германской оккупации Франции находилась в монастыре в Марселе, оказывала помощь движению Сопротивления, ограничила прием пищи размером рациона в гитлеровском концлагере. Скончалась от туберкулеза и истощения.

Trotsky L. Oeuvre Novembre 1933 / Avril 1934. Paris: Etudes et Documentation Internationales, 1978. V. 3. P. 140–141.

1359

HU.HL, bMS Russ 13.1. N 352.29; TmtskyL. Writings (1934–35). P. 21–32.

1360

HU.HL,bMS Russ 13.1. V 111; TrotskyL. Writings(1934–35). P. 33–38.

1361

HU.HL, bMS Russ 13.1. V112b; Trotsky L. Writings (1934–35). P. 39–44.

Les Congres de la Quatrieme Internationale. \bl. 1. P. 87.

1363

Documents of the Fourth International: The Formative Years 1933–40. p
gj_g2

IbidP. 89–91, 102–106.

1365

Правда. 1936. 21, 24 августа.

1366

Московский процесс — процесс над Октябрем // Бюллетень оппозиции. 1936. № 52–53. С. 5.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 208.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 163.

1369

Там же. С. 159.

1370

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 10 160, T 10 165, T 10 167, T 10 170, T 10 173,
T 10 178, T 10 180, T 10 185, T 10 189.

1371

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 206.

Бюллетень оппозиции. 1936. № 52–53; Sedov L. Livre rouge sur le proces de Moscou: Documents recueillis et r digs par L. Sedov. Paris: Editions populaires, 1937.

1373

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4870.

1374

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. R 209.

1375

Письмо Л. Д. Троцкого // Бюллетень оппозиции. 1936. № 52–53. С. 2.

1376

Там же. С. 5.

Цезарь (Чезаре) Борджиа (1476–1507) — итальянский религиозный и политический деятель испанского происхождения. Совершил головокружительную карьеру в Ватикане и в юном возрасте получил сан епископа. Являлся кардиналом Валенсии и ушел в отставку с этого поста после убийства его брата, в котором, видимо, участвовал сам. Являлся затем правителем ряда итальянских провинций и городов. В литературе (ему посвящено множество художественных и исторических произведений) Борджиа представлен как личность коварная, жестокая и вероломная, не останавливавшаяся ни перед какими препятствиями на пути к достижению личных целей. Известен многочисленными хладнокровными убийствами своих врагов. Существует версия, что на основе его образа Н. Макиавелли создал свое произведение «Государь».

1378

Hoover Institution. Secretariat International K.-Leniniste Collection.

1379

Mamham P. *Dreaming with His Eyes Open: A Life of Diego Rivera*. New York: Alfred A. Knopf, 1999. P. 276.

Craven D. Diego Rivera as Epic Modernist. New York: Simon & Schuster Macmillan, 1997. P. 147.

Mamham P. Op. cit. P. 277.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 161–162.

1383

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 151.

1384

Там же. С. 152.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 211.

Herrera H. *Frida: A Biography of Frida Kahlo*. New York: Harper & Row, Publishers, 1983. P. 205.

Martin K. Trotsky in Mexico // *New Statesman*. 2007. V. 136. Jan. 29.

1388

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4870.

Herrera H. Op. cit. P. 47–61.

Ibid. P. 16–40; Alcantara I., Egnoff S. Frida Kahlo and Diego Rivera. New York: Prestel, 2005. P. 7–20.

1391

Rivera D. *My Art, My Life: An Autobiography with Gladis March*. New York: Dover Publications, 1991. P. 25–57; Alcantara /., Egnoff S. *Op. cit.* P. 20–26.

См. подробнее: Чернявский Г. Треугольник: Любовный, политический или... никакой? Заметки о личной жизни Льва Троцкого в Мексике // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 220–222.

Rivera D. Op. cit. P. 60; Mamham P. Op. cit. P. 200–201.

Craven D. Op. cit. P. 126.

1395

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 10 198, T 10 205, T 10 207, T 10 208, T 10 216,
T 10 220.

HeijenoortJ. Op. cit. P. 105.

См. подробнее: Чернявский Г. Треугольник: Любовный, политический или... никакой? // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 222–225.

Mamham P. Op. cit. P. 281.

1399

Эта кровать до сих пор остается экспонатом дома-музея Фриды Кало.

1400

Alcantara / EgnoffS. P. 54.

Heijenoort J. Op. cit. P. 111–112.

См. документальную публикацию: Фельштинский Ю., Чернявский Г. Письма Л. Д. Троцкого жене Н. И. Седовой (Мексика, 1937–1938) // В кн.: Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 190–214.

1403

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 5574, T 5575.

1404

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 10 623, T 10 625.

1405

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 10 623.

1406

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 10 622.

1407

Herrera H. Op. c it. R 212.

Heijenoort J. Op. cit. P. 112, 114.

Mamham P. Op. cit. P. 281.

Alcantara I., EgnoffS., Op. cit. P. 56–57.

Herrera H. Op. cit. P. 212–213.

Heijenoort J. Op. cit. P. 114.

1413

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4356.

Mamham P. Op. cit. P. 282–283.

1415

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4394.

Sinclair L. Op. cit.V. 2. P. 974.

1417

The Letters of Frida Cahlo. San Francisco: Chronide Books, 1995. P. 83.

В интервью, данном корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс» 14 апреля 1939 года, Ривера высказывал глубокое уважение по отношению к Троцкому, но в то же время считал именно его виновником разрыва. Он приписывал разрыв случайным разногласиям по частным вопросам текста совместного документа о революционном искусстве, который готовили он сам, Троцкий и А. Бретон, но, главным образом, депрессивному состоянию Троцкого в связи со смертью сына и положением изгнанника (The New York Times. 1939. April 15; Rivera D. *Ma rapture avec Trotsky* // Cahiers Leon Trotsky. 1986. № 26. P. 86–87).

1419

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 211.

Mamham P. Op. cit. P. 287.

Л. Т. Ликвидационный конгресс III-го Интернационала // Бюллетень оппозиции. 1935. № 46. С. 10–11.

Alexander T. J. Op. cit. P. 683.

Alexander R. J. Op. cit. P. 693.

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4103; Sinclair L. Op. cit. V. 2. P. 874.

Trotsky L. Writings (1936–37). New York; Pathfinder Press, 1978. P. 327.
Хотя Антонов-Овсеенко был не только в курсе этого преступления, но участвовал в его подготовке, действительными его организаторами были резидент НКВД А. Орлов и начинающий террорист Иосиф Ромуальдович Григулевич, о котором еще пойдет речь.

Alba V. El Marxismo en Espana (1919–1939). Mexico: B.Costa-Amic Editor, 1973. V. 1. P. 390–391.

Бюллетень оппозиции. 1938. № 66–67. С. 1–18; Documents of the Fourth International: The Formative years (1933–40). P. 180–220; The Transitional Program for Socialist Revolution. New York: Pathfinder Press, 1974. В утвержденном конференцией варианте к слову «агония» было добавлено «смертельная».

Trotsky L. Writings (1937–38). P. 16–17.

Опасения были обоснованными, так как вслед за весьма подозрительной кончиной Л. Л. Седова в феврале 1938 года последовали убийства ряда сторонников Троцкого, а также его бывших приверженцев, с которыми он давно прервал связи. Сама же конференция происходила в крайне нервной и напряженной обстановке — именно в эти дни продолжался судетский кризис, который завершится менее чем через месяц передачей этой области Чехословакии гитлеровской Германии, что резко ускорит созревание условий для начала Второй мировой войны.

1430

Documents of the Fourth International: The Formative years (1933–40). P. 284.

1431

Documents of the Fourth International: The Formative years (1933–40). P. 284–302.

Очерки истории российской внешней разведки. М.: Международные отношения, 1997. Т. 3. С. 94.

См.: Чернявский Г. Высокоинтеллектуальные слуги Сталина. — В кн.: Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 302–304.

1434

Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1937. С. 91.

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 3976; Sinclair L. *Op. cit.* V. 2. P. 859; Trotsky L. *Writings* (1936–37). P. 110–113.

См.: Чернявский Г. Высокоинтеллектуальные слуги Сталина. — В кн.: Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 302–304.

1437

Троцкий о процессе // Бюллетень оппозиции. 1937. № 54–55. С. 128.

1438

Об этом сообщала германская пресса. См., напр.: Berliner Tageblatt.
1935. 21. Dezember.

1439

Бюллетень оппозиции. 1937. № 54–55. С. 27.

Heijenoort J. Op. cit. P. 105.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что книги тех, кто выражал симпатии к сталинской власти, издавались миллионными тиражами, причем гонорары в полтора-два раза превышали вознаграждение советских авторов и выплачивались не из расчета реализованной части, а от всего тиража, немедленно по выходе книги из печати (Чернявский Г. Высокоинтеллектуальные слуги Сталина // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 294).

1442

HI.NC, box 354.

1443

HI.NC, box 370.

Не случайно сын Лев в первом письме, отправленном отцу в Мексику, предупреждал о необходимости усилить охрану дома — приобрести собак, установить электрическую сигнализацию и пр. «Не зная мексиканских условий, я, разумеется, высказаться конкретно [не могу], опасаясь, что эти условия самые что ни есть худшие. Традиции прибегать к револьверу, когда в Европе еще прибегают к кулаку, наличие гангстеризма, в том числе и политического, — все это повелительно требует строжайшей, научной организации дела охраны» (HU.NL, bMS Russ 13.1. T 4870). Как видим, Лев достаточно хорошо представлял себе мексиканские условия.

Glotzer A. Op. cit. P. 259.

The Case of Leon Trotsky: Report of Hearing on the Charges Made Against Him in the Moscow Trials. New York, 1937. P 358–359.

Glotzer A. Op. cit. P. 271.

Not Guilty! Report of the Dewey Commission of Inquiry into the Charges Made Against Leon Trotsky in the Moscow Trials. New York: Harper & Brothers, 1938. P. 14–15.

Sinclair L. Op. cit. V. 2. P. 921.

Costello J., Tsarev O. *Deadly Musions*. New York: Crown Publishers, Inc, 1993. P. 297.

1451

Бюллетень оппозиции. 1937. № 58–59. С. 23.

Маркин Н. Игнатий Рейсс // Бюллетень оппозиции. 1937. № 58–59. С. 21–22.

Costello J., Tsarev O. Op. cit. P. 297–298.

Бармин А. Соколы Троцкого. М.: Современник, 1997. С. 6. Нельзя не отметить, что изданные впервые на английском языке еще в 1938 году воспоминания Бармина (Barmin A. Memoirs of a Soviet Diplomat: Twenty Years in the Service of the USSR. London: L. Dickson, LTD, 1938) выпущены московским издательством под совершенно произвольным названием, ни в малейшей степени не соответствующим их содержанию, ибо ни о каких «соколах Троцкого» в них не говорится.

1455

Ответ тов. Бармина на два вопроса // Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 10–11.

1456

Из беседы с тов. Кривицким (Вальтером) //Там же. С. 9–10.

1457

Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 4–5.

Costello J., Tsarev O. *Op. cit.* P. 319–320.

1459

Бармин А. Указ. соч. С. 31.

1460

HI. NC, box 366.

Антонов В. Казнен и оправдан: Одна из жертв «большого террора» — резидент внешней разведки // Курьер (Нью-Йорк). 2008. 4 января.

1462

Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 18–20.

1463

Deriabin P., Bagley T. H. KGB: Masters of the Soviet Union. New York: Hippocrene Books, 1990. P. 262.

1464

Новая провокация ГПУ против Л. Д. Троцкого // Бюллетень оппозиции. 1938. № 62–63. С. 24.

1465

HU.HL, bMS Russ 13.1, T 10 630, T 10 631, T 10 628, T 10 629.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 228.

1467

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 10 529; см. публикацию всех четырех писем жене из дома Гидальго: Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 211–214.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 228.

1469

Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) — протопоп, глава старообрядчества, идеолог раскола в Русской православной церкви. Выступал против реформ патриарха Никона. Несколько раз подвергался ссылке. В 1667 году осужден на Церковном соборе и сослан в Пустозерск, где 15 лет провел в земляной тюрьме. Там написал «Житие» и другие сочинения. Сожжен по царскому указу.

Троцкий Л. Дневники и письма. С. 141.

1471

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 9018.

1472

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4260; Бюллетень оппозиции. 1938. № 64. С. 2–8.

1473

Бюллетень оппозиции. 1938. № 68–69. С. 28–30.

Уже в 1920-е годы в СССР получил распространение анекдот, в котором ставился вопрос, был ли Ленин ученым, и давался ответ, что таковым он никак не мог являться, ибо не поставил предварительно свой эксперимент на крысах.

1475

HI.NC, box 354.

Опубликованные в томе 55 пятого издания сочинений Ленина, эти документы оказались вполне достоверными, несмотря на длившуюся почти 30 лет кампанию по их дискредитации советскими властями и пропагандистами, объявлявшими их фальшивками, искажениями и т. д. Дополнением к ним явились материалы тома неизвестных ранее документов Ленина, изданного в 1999 году.

1477

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7712.

1478

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7715.

1479

Alexander R. J. International Trotskyism. P. 933.

1480

И. Иремашвили был школьным товарищем Сталина, выпустившим в Германии свои воспоминания.

1481

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7717.

1482

Речь идет о сталинском кратком курсе «Истории ВКП(б)», изданном в 1938 году.

1483

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7727.

1484

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7732, T 7734.

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 252.

1486

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 7740, T 8982.

Подробнее о собирании материалов для книги о Сталине, о работе над рукописью, о встречавшихся проблемах и попытках их решения см.: Фельштинский Ю. Троцкий о Сталине // Новый журнал. 1984. № 155. С. 219–234.

Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. Edited and translated from the Russian by Charles Malamuth. New York and London: Harper & Brothers Publishers, 1941. P. IX. Читатель, вероятно, обратил внимание, что в выходных данных книги в качестве даты выпуска сохранился 1941 год, тогда как крохотная заметка от издателей, на которую почти никто не обращал внимания, была датирована 15 марта 1946 года. Из даты выпуска, фигурировавшей в выходных сведениях, проистекала распространенная путаница — в качестве года издания книги вплоть до наших дней продолжают называть 1941 год.

14 марта 1946 года, то есть накануне сообщения американского издательства, в «Правде» появилось интервью Сталина, метавшего на Черчилля громы и молнии и обозвавшего его «поджигателем войны».

Trotsky L. Stalin. P. 269, 306. Надо отметить, что Ч. Маламут внес некоторые структурные изменения, выделив самостоятельную главу «Из забвения к триумvirату», которая в плане Троцкого отсутствует (соответствующий материал он предполагал включить в более крупную главу «Дорога к власти»).

1491

Бюллетень оппозиции. 1938. № 68–69. С. 6–19.

1492

Белади Л., Краус Т. Сталин. М.: Политиздат, 1989. С. 198.

1493

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4293; The New York Times. 1938, March 4.

1494

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4299.

1495

HU.HL, bMS Russ 13.1.T4328; Бюллетень оппозиции. 1938. № 65. С. 1–2.

1496

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4552a; Бюллетень оппозиции. 1939. № 75–76.
С. 3–4; Sinclair L. Op. cit. V. 2. P. 1014.

См., например: Оглашению не подлежит: СССР — Германия 1939–1941. Документы и материалы / Сост., пер. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991.

Троцкий Л. Сталин — интendant Гитлера // Бюллетень оппозиции. 1939. № 79–80. С. 14–16; Его же. Германно-советский союз // Там же. С. 17–18; Его же. Двойная звезда: Гитлер — Сталин // Бюллетень оппозиции. 1940. № 81. С. 1–7.

1499

Бюллетень оппозиции. 1939. № 79–80. С. 4.

1500

Там же. С. 9.

1501

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996. С. 77.

Через некоторое время, правда, Шпигельглас был арестован и в 1941 году расстрелян, но с устранением Троцкого это никак не было связано.

1503

Стечкин В. Павел Судоплатов — терминатор Сталина. М.: Яуза, 2005.
С. 133.

1504

Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 77–78.

1505

Стечкин В. Указ. соч. С. 137–138.

Чернявский Г. Иосиф Григулевич: Ученый и убийца // Чернявский Г.
Притчи о Правде и Лжи. С. 232.

На научных конференциях 1970-х — первой половины 1980-х годов автор этой книги неоднократно встречался с Иосифом Ромуальдовичем Григулевичем, когда он стал известным специалистом по истории стран Латинской Америки и Католической церкви, членом-корреспондентом АН СССР. У него была репутация «свободомыслящего» — не отказываясь от марксистско-ленинских догматов, он порой позволял себе неортодоксальные суждения, причем не только во время «кухонных разговоров», но и при стечении публики. Отмечали, правда, его странности. Никто не знал его биографии до 40-летнего возраста. Известно было, правда, что Григулевич женат на мексиканке (его супруга иногда приезжала с ним на конференции), но это только давало поводы для новых кривотолков. Участники конференций обращали внимание на то, что Григулевич решительно отказывался фотографироваться: отходил в сторону при групповом фотографировании и отворачивался, когда пытались сфотографировать его самого. В 1974 году его коллега Е. К. Андреевская сделала его карандашный портретный набросок. Григулевич страшно рассердился, отобрал рисунок, который вскоре оказался в архиве КГБ. Копию этого портрета перебежчик В. Н. Митрохин вывез на Запад (Чернявский Г. Иосиф Григулевич: Ученый и убийца // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 228–230).

Никандров Н. Григулевич. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 76.

1509

Там же. С. 76–78.

1510

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 9019, T 9021, T 9022, T 9817, T 9824, T 9825,
T 9892,T 9896,T 9897,T 9898,T 9900,T 10 739

1511

Воспоминания Э. Волкова, записанные в личной беседе в Мехико 16 февраля 2008 года.

1512

НУ.НЛ, бMS Russ 13.1. Т4828а, Т4828б, Т4828с; Троцкий Л. Дневники и письма. С. 193–194.

1513

Serge V, Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 256.

1514

Воспоминания Эстебана Волкова, записанные в личной беседе 16 февраля 2008 года.

1515

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4878b.

1516

Стечкин В. Указ. соч. С. 146.

1517

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 8451.

1518

HU.HL, bMS Russ 13.1. T 4876.

1519

Карикатура сохранена в экспозиции Общественной художественной галереи жизни и творчества Д. А. Сикейроса в Мехико.

1520

Никандров Н. Указ. соч. С. 117.

1521

Судоплатов П. Указ. соч. С. 87.

1522

Стечкин В. Указ. соч. С. 147.

1523

Судоплатов П. Указ. соч. С. 87.

Andrew Ch., Gordievsky O. Op. cit. P. 170.

Стечкин В. Указ. соч. С. 152–153.

1526

Судоплатов П. Указ. соч. С. 90.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 271.

Andrew Ch., Gordievsky O. Op. cit. P. 170; Судоплатов П. Указ. соч. С. 90. Ibid. P. 266–267.

Ibid. P. 266–267.

1530

Воспоминания Эстебана Волкова, записанные в личной беседе в Мехико 16 февраля 2008 года.

1531

Стечкин В. Указ. соч. С. 154.

1532

Там же. С. 153.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 268.

Ibid. P. 271.

Судоплатов П. Указ. соч. С. 91. Стечкин В. Указ. соч. С. 157–158.

Об этом Меркадер рассказывал в минуты откровенности через много лет в Москве (Зенькович Н. Покушения и инсценировки: От Ленина до Ельцина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 175).

Стечкин В. Указ. соч. С. 161–164.

1538

Судоплатов П. Указ. соч. С. 93; Стечкин В. Указ. соч. С. 164.

Воспоминания Ф. И. Фирсова, записанные в личной беседе 5 марта 2008 года. К. Эндрю и О. Гордиевский ошибаются, утверждая, что ему было отказано в приеме в КПСС (Andrew Ch., Gordlevsky O. Op. cit. P. 172).

1540

Правда. 1940. 28 августа.

Serge V., Sedova Trotsky N. Op. cit. P. 271.

1542

<http://www.geocities.com/marxparty/anpub/2001/september/4nt.html>

Бивер Н., Красноперое П. Сколько в мире троцкистов? — http://www.rpk.len.ru:8103/docs/2003/mar67_001.html

Alexander T. J. International Trotskyism. P. 315–316.